

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

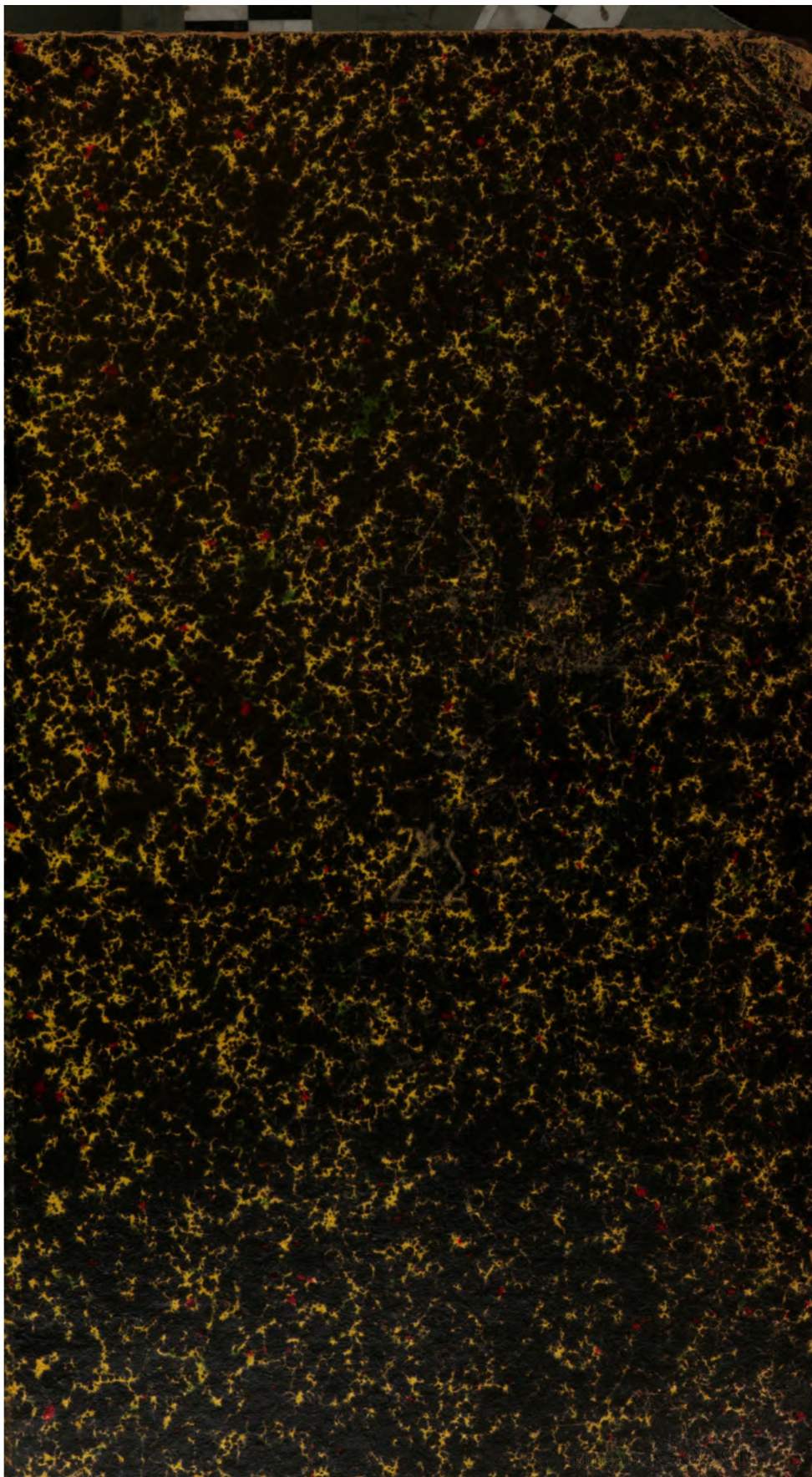
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Psia-236.7 (1872)

ПРОБЛЕМО
1910

ПРОБЕЛЕНО
1955 г.

ИЮН 1947

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

Р.Сла. - 2.36.7 (1872)

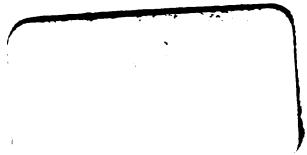
ПРОБЛЕМО
1910.

ПРОВЕРЕНО
1955 г.

ИЮН 1941

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

СЕНТЯБРЬ.

1872.

ДѢЛО

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

6
1872

СОДЕРЖАНІЕ.

9

- I. НА ДАЛЕКИХЪ ОКРАИНАХЪ. Романъ.
Часть первая. (Гл. I—XII) Н. Н. НАРАЗИНА.
- II. ОЧЕРКИ АНГЛІЙСКОЙ КОЛОНИЗАЦІИ.
(Окончаніе) Н. М. ЯДРИНЦЕВА.
- III. ПѢСНЯ ГРЕВЦА. Стихотвореніе В. И. СЛАВЯНСКАГО.
- IV. ХРОНИКА ЖЕНСКАГО ДѢЛА С. С. ШАШКОВА.
- V. ЗАБЫВЧИВЫ ЛЮДИ... Стихотвореніе. (Съ венгерскаго) ОМУЛЕВСКАГО.
- VI. ВЪ ТИХОМЪ ОМУТѢ — БУРЯ. (Очерки англійской провинціальной жизни). Романъ.
Книга четвертая ДЖОРНА ЭЛЛИОТА.
- VII. СТИХОТВОРЕНІЯ АЛЕКСАНДРА ПЕТЕФИ.
(Съ чужбины. — Моему младшему брату Стефану. — Пршдое. — Призывъ. — Смерть. — Янкеръ Пинти. — Шуть.) А. МИХАЙЛОВА.
- VIII. О ЧЕМЪ ПѢЛА ЛАСТОЧКА? Романъ. (Гл. IV—X) ФР. ШПИЛЬГАГЕНА.
- IX. ДРУЗЬЯМЪ. Стихотвореніе ОМУЛЕВСКАГО.
- X. ПИСАТЕЛЬ. Разсказъ И. А. КУЩЕВСКАГО

См. на оборотѣ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

XI. ЖЕРТВЫ ИДЕАЛИЗМА П. Б.

(«Babolain», par Gustave Droz. Paris, J. Hetzel et Co, 1872.)

XII. НОВЫЯ КНИГИ.

Объ умѣ и познаніи. Соч. Ипполита Тэна. Перев. съ французск. подъ редакц. Н. Н. Страхова. 2 тома. Спб. 1872.—**Исторія франк-масонства** отъ возникновенія его до нашего времени. I. Г. Финделя. Перев. со 2-го нѣмецк. изд. подъ редакц. В. И. Ильина. Т. I. Изд. Гіероглифова. Спб. 1872.—**Очерки верхней Татаріи, Ярканда и Башгара.** Соч. Роберта Ша, великобританскаго комиссара въ Ладакѣ. Спб. 1872.—**Исторія Турціи** отъ побѣды реформы въ 1826 г. до парижскаго трактата въ 1856 г. Д. Г. Розена. 2 части. Перев. съ нѣмецк. Спб. 1872.

XIII. НЕИЗВѢСТНАЯ СТРАНА Н. Ч.

(«Народы Россіи», этнографическіе рассказы для дѣтей. В. А. Александрова. Спб. 1872.)

XIV. ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА

Интересъ восточнаго вопроса.—Географическое положеніе Румыніи.—Пространство и населенность.—Иностранцы, проживающіе въ Румыніи.—Армяне.—Симпатія румынъ къ болгарамъ.—Рабство цыганъ въ Румыніи.—Конкуренція между греками и евреями.—Ненависть румынскаго крестьянства къ евреямъ.—Измаильскіе безпорядки.—Рѣшеніе ассизнаго суда въ Бузео.—Протестъ генеральныхъ консуловъ.—Причины ненависти румынъ къ евреямъ.—Легчайшее средство измѣнить такое положеніе.—Вопросъ о консульской юрисдикціи въ Румыніи.—Крупные и мелкіе бойяре.—Отличительныя черты сельскаго и городскаго бойяра.—Легкость правовъ въ высшемъ румынскомъ обществѣ.—Красота румынскихъ женщинъ.—Злоупотребленіе разводомъ.—Къ чему привела затруднительность развода во Франціи?—Положеніе крестьянъ въ Румыніи.—Законъ 1856 года.—Резеши.—Полное освобожденіе крестьянъ.—Надѣлъ землю.—Улучшеніе быта крестьянъ.—Неразвитость сельскаго духовенства въ Румыніи.—Значеніе монастырей.—Хорошія черты въ характерѣ румынскаго народа.—Его грустная, меланхолическая поэзія.—Происхожденіе Румыніи.—Раззореніе страны.—Очеркъ событій въ княжествахъ.—Князь Куза.—Румынія выступаетъ на политическую арену.

XV. ПРОЕКТЪ ПОЛОЖЕНІЯ ОБЪ АКЦІОНЕРНЫХЪ ОБЩЕСТВАХЪ

А. ШАРДИНА.

XVI. МОСКОВСКАЯ УЧИТЕЛЬСКАЯ ШКОЛА въ селѣ Поливановѣ

ЗАВАДСКАГО-КРАСНОПОЛЬСКАГО.

XVII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

Шайка грабителей.—Русскій Тропманъ.—Статистика уменьшающихся и увеличивающихся видовъ преступленій.—Попытки къ улучшенію народной

ОБЪЯВЛЕНИЕ ОБЪ ИЗДАНИИ
ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

„Д Ъ Л О“

въ 1873 году.

Журналъ «ДЪЛО» будетъ выходить въ 1873 г. на прежнихъ основаніяхъ, по прежней программѣ и въ томъ-же направленіи, какъ и въ прежнія шесть лѣтъ.

Подписная цѣна журналу на годъ:

безъ пересылки и доставки . . . 14 р.
съ пересылкой 15 р. 50 к.
съ доставкой въ Петербургъ . . 15 р.

Подписку просятъ адресовать исключительно въ С.-Петербургъ, въ Контору Редакціи журнала „ДЪЛО“, по Надеждинской ул. д. № 39.

Подписавшихся на журналъ «Дѣло» по третямъ контора редакціи просить не замедлить своевременной высылкой денегъ за послѣднюю треть, чтобы не задерживать своевременной доставки книжекъ «Дѣла».

Такъ-какъ въ конторѣ редакціи осталось въ запасѣ нѣсколько полныхъ экземпляровъ „Дѣла“ за 1872 годъ, то желающимъ подписаться на нынѣшній 1872 годъ книжки выдаются съ 1-го (январскаго) номера.

СОДЕРЖАНІЕ ДЕВЯТОЙ КНИГИ.

На далекихъ окраинахъ. Романъ. Часть первая. (Гл. I — XII).	<i>Н. Н. Каразина.</i>
Очерки англійской колонизаціи (Окончаніе).	<i>Н. М. Ядринцева.</i>
Пѣсня гребца. Стихотвореніе.	<i>В. И. Славянскаго.</i>
Хроника женскаго дѣла.	<i>С. С. Шашкова.</i>
Забывчивы люди. Стихотвореніе. (Съ вен- герскаго)	<i>Омулевскаго.</i>
Въ тихомъ омутѣ—буря. (Очерки англій- ской провинціальной жизни). Романъ. (Книга четвертая).	<i>Джорджа Эллиота.</i>
Стихотворенія Александра Петефи. (Съ чуж- бны.—Моему младшему брату Стефа- ну.—Прошлое.—Призывъ.—Смерть. —Юнкеръ Пинти.—Шуть	<i>А. Михайлова.</i>
О чемъ пѣла ласточка? Романъ. (Гл. IV—X).	<i>Фр. Шиллагена.</i>
Друзьямъ. Стихотвореніе	<i>Омулевскаго.</i>
Писатель. Разсказъ	<i>И. А. Куцескаго.</i>

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Жертвы идеализма.	<i>П. Б.</i>
Новыя книги	
Неизвѣстная страна	<i>Н. Ч.</i>
Политическая и общественная хроника. .	
Проектъ положенія объ акціонерныхъ об- ществахъ	<i>А. Шардина.</i>
Московская учительская школа въ селѣ Поливановѣ	<i>Завадскаго-Красно- польскаго.</i>
Внутреннее обозрѣніе.	
Фарисействующая неумѣлость. (Нѣсколько словъ о „новыхъ“ критическихъ прие- махъ „Вѣстника Европы“).	<i>И. П.</i>
Автору „Механической теоріи теплоты“ .	<i>В. Г. Дехтерева.</i>

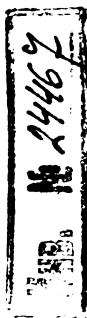
ДѢЛО

ЖУРНАЛЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

№ 9.

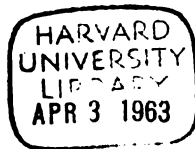

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 1872.

ТИПОГРАФИЯ А. МОРГЕРОВСКАГО, ПО НАДЕЖДИНСКОЙ УЛИЦѢ, ДОМЪ № 39.

Δ
P8m 236.4 1872

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 13 октября, 1872 года.

НА ДАЛЕКИХЪ ОКРАИНАХЪ.

РОМАНЪ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

«Иная сторона—иные нравы».

I.

«Кара-кумы.»

Четыре волка, гуськомъ другъ за другомъ, боязливо оглядываясь, спускались съ песчаного бугра.

Если-бы имъ представленъ былъ свободный выборъ, то они спустились-бы совсѣмъ не съ этой стороны. Ихъ зоркое зрѣніе, несмотря на темноту ночи, упорно останавливалось на одномъ и томъ-же предметѣ. Ихъ раздутыя ноздри жадно втягивали въ себя струю воздуха, несуюся отъ этого предмета. Голодъ ворочалъ внутренности степныхъ хищниковъ, зубы скрипѣли и щелкали, налитые кровью глаза искрились во мракѣ.

Бандиты остановились въ лоцинѣ, куда не проникали лучи луннаго свѣта, и сѣли. Они не рѣшились отступить совсѣмъ и выжидали. Они хорошо устроились: надо было прилечь къ самой землѣ, а хотѣлъ связать—на песокъ, потому что земли давно уже не видно было въ этомъ песчаномъ, волнистомъ морѣ, чтобы замѣтить четыре рядомъ торчащія силуэта, съ острыми, настороженными ушами. А, между тѣмъ, сами волки хорошо видѣли кругомъ. Луна усердно помогала имъ

въ этомъ обзорѣ, освѣщая своимъ мертвымъ свѣтомъ мертвую окрестность.

Лощина, гдѣ они засѣли, замѣняла темную литерную ложу, пустыня—ярко-освѣщенную сцену.

Голодные бродяги видѣли все, а ихъ не видѣлъ никто.

Они видѣли верблюда, который стоялъ на вершинѣ противуположнаго берега; они видѣли, какъ безобразно, неловко привѣшаны были къ бокамъ животнаго—толстый тюкъ, обмотанный веревками, русскій чемоданъ, желѣзная складная кровать въ чехлѣ и мѣдный, закопченный чайникъ. Все это висѣло кое-какъ, и, должно быть, сильно беспокоило верблюда; замѣтно было, что его выючили неопытныя и неискусныя руки.

На самомъ берегу, неловко растопыривъ ноги, сидѣла человѣческая фигура. Голова у этой фигуры была обвязана бѣлымъ платкомъ, одѣта она была въ бѣлую-же, русскую рубаху, на длинныхъ смазныхъ ботфортахъ виднѣлись ржавыя шпоры, изъ-за плечъ торчала двухстволка. Фигура эта какъ-то странно колыхалась на вершинѣ выюка: то она откидывалась назадъ, то, вдругъ, нагибалась впередъ; головной уборъ сбился на самое лицо. Не трудно было догадаться, что всадникъ спалъ, — и спалъ весьма крѣпко, несмотря на неловкость своего положенія.

У верблюда въ разорванныя ноздри продѣта была волосаная веревка; конецъ этой веревки находился въ рукахъ другого путешественника, который шелъ пѣшкомъ.

Взобравшись на берегъ вся группа остановилась. И верблюдъ, и шедшій пѣшкомъ—разомъ увидѣли то, надъ чѣмъ, давно уже, наблюдали волки. Первый смотрѣлъ равнодушными, полузакрытыми глазами, пережевывая вонючую, зеленую пѣну,—второй винулся будить своего товарища.

Внизу, гдѣ сыпучая, песчаная гряда переваливалась черезъ едва замѣтный слѣдъ караванной дороги, стоялъ безобразный ящикъ на трехъ колесахъ. Четвертое лежало около.

Какъ у трупa, около котораго повозились уже крылатые и четвероногіе хищники, изъ-подъ ключевъ изорваннаго мяса и кожи, торчатъ оголенные ребра, такъ изъ-подъ ключевъ холстины виднѣлись деревянные ребра верхней части кузова.

Немного въ сторонѣ лежала куча стараго, изодраннаго платья. У этой кучи виднѣлось что-то похожее на человѣческую ногу; у этой кучи были даже руки, судорожно искрив-

ленные пальцы которыхъ глубоко врылись въ окровавленный песокъ, и отъ этой кучи несло запахомъ разлагавшагося трупа.

Кругомъ было тихо, какъ въ могилѣ: ни звука, ни движенія.

— Падалью воняетъ, произнесъ проснувшійся всадникъ.

— А, вѣдь, дѣло скверное, замѣтилъ другой. — Не вернуться-ли намъ назадъ, въ Аль-Кудукъ?

— Падалью воняетъ. Это сдѣлано давно: или сегодня, рано утромъ, или еще вчера. *Они* теперь далеко. Ну! тяни эту лѣнливую гадину и ѣдемъ дальше.

— Да, чортъ возьми, ѣдемъ... Я, вотъ уже цѣлую ночь, иду пѣшкомъ.

— Если-бы верблюды могъ идти безъ твоего содѣйствія, мы ѣхали-бы оба; а я развѣ виноватъ, что у меня осталась въ распоряженіи только одна нога... Проклятое колѣно! какъ оно опять расхотелось.

— А что, если съ нами *то-же* будетъ? Если барантаци теперь на той станціи, куда мы ѣдемъ?

— А если они тамъ, откуда мы уже уѣхали? Шансы совершенно одинаковы. Продвигь еще немного впередъ этого подлеца... А! вотъ оно что... Вѣдь я узналъ, кто это.

— Я тоже догадываюсь.

— Это жидъ, помнишь, въ уральскомъ укрѣпленіи, съ женою и нѣмцемъ механикомъ... Ты это ихъ ищешь? Загляни въ фургонъ: тамъ, должно быть, и жена и нѣмецъ.

— Въ фургонѣ никого нѣтъ, процѣдилъ сквозь зубы тотъ, который шелъ пѣшкомъ. Онъ бросилъ верблюда и, взобравшись на колесо экипажа, рылся внутри его, погрузившись въ фургонъ всѣмъ корпусомъ.

— Ну, значитъ, у него украли и жену и нѣмца, да, кажется, сколько я могу разглядѣть, и его собственную голову.

Морозъ подралъ по кожѣ обоихъ наблюдателей. Скверныя мысли заворочались въ мозгу. Одни, въ самомъ глухомъ мѣстѣ песчаной пустыни. Ждать помощи не откуда. Кто поручится, что и съ ними не будетъ, можетъ быть, даже очень скоро, того, что случилось съ этимъ жидомъ... Можетъ быть, за этимъ барханомъ сидятъ *они*... Сейчасъ вылетятъ на нихъ съ своими, длинными пиками...

— Ты слышалъ!?

— Ничего не слышалъ.

— Гдѣ-то гикають.

— Это у тебя въ воображеніи гикають, или... постой-ка... нѣтъ это въ желудкѣ у нашей скотины, бравировалъ тотъ, который сидѣлъ на верблюдѣ. Но голосъ его слегка дрожалъ, словно въ его горлѣ что-то задерживало звуки. — А *этотъ* собирался водку гнать въ Ташкентѣ... Заводы строить хотѣлъ, барыши наживать... Что это ты прячешь за пазуху?.. Покажи-во...

— Что прячу... Кто прячетъ?!.. Ничего не прячу; это такъ... проклятыя вши развозились... Я, только, почесался...

— Въ синей бумагѣ. Я видѣлъ.

— Да что ты видѣлъ... что!?

— Подожди, я сейчасъ слезу. Моей ногѣ, какъ будто, лучше... Посмотри; *онъ* упалъ около колеса: у тебя поясъ развязался, ты сунуль, а *онъ* провалился...

Оба путешественника стояли на землѣ: одинъ сползъ съ верблюда, другой соскочилъ съ колеса.

Большой пакетъ, въ чемъ-то синемъ, не то въ бумагѣ, не то въ платкѣ, лежалъ на пескѣ. Этотъ темный четверугольникъ, на свѣтломъ фонѣ, такъ и лезъ въ глаза. Четыре руки разомъ потянулись по одному направленію...

— Это деньги. И даже очень много денегъ... Боже мой! какъ у меня затекли ноги... Я едва стою... Киргизы плохо знаютъ толкъ въ русскихъ бумагахъ... Мы, братъ, съ тобою знаемъ его лучше...

— Попроламъ, я думаю.

— Да, ужъ на три части дѣлить не станемъ. Теперь *ему* ничего не нужно... Куда!.. держи!.. держи!.. провлятам скотина.

Освободившись отъ всадника, верблюдъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по дорогѣ. Вдругъ онъ фыркнулъ и вытянулъ шею. Въ темнотѣ сверкнули красноватыя точки. Испуганное животное поняло опасность и, со всѣхъ ногъ, пустилось бѣжать своею неуклюжей, по виду медленной, но на дѣлѣ чрезвычайно-быстрой иноходью.

Раздался жалобный, хриплый вой и четыре тѣни, скользнувъ по желтоватой поверхности бугра, понеслись за убѣгающимъ животнымъ.

Нѣсколько минутъ длилось молчаніе.

— Что-же мы теперь будемъ дѣлать? мрачно сказалъ одинъ изъ спутниковъ.

— И зачѣмъ ты его выпустилъ?..

— И кой чортъ тебя заставилъ слезть съ него!

— Что-жь, надо идти пѣшкомъ, цѣлую ночь шли... Станція не должна быть далеко.

— Идти, такъ идти.

— Не знаю, добреду-ли я?.. Попробуемъ.

— Идемъ! авось живы будемъ. Вотъ они, дешевые тарантасы...

— Ну, что ужь тутъ, и дорогіе—ломаются... У Келлера, двѣсти-пятьдесятъ заплоченъ въ Казани, а такъ-же, какъ и нашъ, брошенъ на дорогѣ.

Съ бархана на барханъ, взрывая сухой песокъ съ отчаяннымъ, полнымъ смертельнаго ужаса ревомъ, несло горбатое чудовище. Преслѣдователи не отставали: съ бововъ, спереди заскакивали голодные звѣри.

Растрепался вьюкъ и безобразно хлопалъ по взмыленнымъ бокамъ, стѣнная бѣгъ верблюда. Войлочный тюкъ свалился и тащился по землѣ, путаясь между длинными ногами. Спотынулся бѣглець и, со всего размаха, брякнулся на песокъ, взбороздивъ его своєю мордою. Отчаяніе придало силы несчастному животному и оно, снова, вскочило на ноги, но уже страшный всадникъ сидѣлъ у него на шеѣ, вцѣпившись зубами въ загривокъ. Другой волкъ высоко взлетѣлъ на воздухъ и, какъ мѣшокъ, брякнулся на дорогу: онъ попалъ подъ ударъ могучей ноги и поплатился за свою неловкость.

Вдругъ раздался выстрѣлъ.

Немного въ сторонѣ чернѣлась закопченная труба маленькой землянки. Только эту, искривленную колѣномъ, желѣзной трубою—отличалась землянка отъ окружающихъ ее песчаныхъ наносовъ. Кругомъ нея песокъ былъ сильно утопанъ и покрытъ навозомъ. Неподалеку лежалъ разбитый ящикъ повозки, кое-гдѣ валялись остатки колесъ. Въ дверяхъ, болѣе похожихъ на отверстіе норы, виднѣлось испуганное лицо; бѣловатое облачко дыма медленно расплзалось, исчезая въ лунномъ свѣтѣ.

Тяжело дыша, плашмя на боку, вытянувъ длинныя, мускулистыя ноги, лежалъ верблюдъ, почти около самаго входа. Волковъ какъ ни бывало.

Это была почтовая станція, на большомъ Орско-Казабинскомъ трактѣ въ самой срединѣ „Кара-Кумы“.

Станція эта называлась „Джунгурлюкъ-Сорь“.

II.

Перловичъ у себя на дачѣ.

Просторная, довольно высокая комната. Открытые, потолочные брусья расписаны яркими, цвѣтными узорами и украшены позолотою, стѣны, съ безчисленными, хитро вырѣзанными углубленіями, покрыты мелкою рѣзной работою по алебастру. Въ одной изъ длинныхъ стѣнъ, такъ какъ комната не квадратная, продѣланы, рядомъ одна съ другою, четыре двери изъ темно-коричневаго карагача; двери эти также сплошь покрыты затѣйливою рѣзбою. Надъ каждою дверью—полукруглое окно съ частымъ гипсовымъ переплетомъ, затянутымъ красною кисеею. Всѣ эти двери выходятъ на обширную террасу; надъ нею—тяжелый навѣсъ, составляющій продолженіе плоской крыши дома. Навѣсъ этотъ поддерживается рядомъ деревянныхъ, кувшинообразныхъ столбовъ. Справа и слѣва виднѣются узкія двери въ прочія помѣщенія дома.

Несмотря на сорока-градусный жаръ, несмотря на солнце, стоящее надъ самою головою,—въ домѣ прохладно, и отрадный зеленоватый полусвѣтъ пріятно ласкаетъ глаза, утомленные яркимъ солнечнымъ свѣтомъ. Громадные, столѣтніе карагачи раскинули свои густыя вѣтви надъ крышею дома: никакіе солнечные лучи не найдутъ себѣ дороги сквозь эту массу темной зелени. Передъ террасою — прудъ, обсаженный такими-же гигантами-карагачами. Высокіе пирамидальные тополи, упираясь своими вершинами въ сѣроватое, раскаленное небо, двойными рядами окружали все пространство сада. Тщательно вычищенные дорожки, всѣ сходились къ пруду; по бокамъ этихъ дорожекъ тянулись неглубокія канавки (арыки) съ свѣжею проточной водою: одни канавки проводили воду къ центральному пруду—резервуару, другія—выводили ея вопъ, за предѣлы сада.

Всюду, куда только могло проникать солнце, видѣлись деревянные рѣшотки, которыя гнулись подъ тяжестью виноградныхъ лозъ: красивая, вырѣзная листва мѣшалась съ наливающимися гроздьями синяго винограда.

Подъ однимъ изъ карагачей, тѣхъ, что у пруда, навзничь, закинувъ мускулистыя руки за голову, лежала почти голая, темно-бронзовая фигура; бѣлая, старческая борода торчала кверху, шапочка (тюбетейка) сползла съ головы, обнаживъ гладко-выбритый, лоснящийся отъ пота черепъ. Къ дереву прислоненъ былъ садовый заступъ, указывающій на должность спящаго.

Садовникъ спалъ крѣпко. Его ничто не беспокоило. Большой шмель мелодично базилъ, предполагая, вѣроятно, спуститься на кончикъ горбатаго, чисто-библейскаго носа.

За стѣною послышался топотъ лошадиныхъ ногъ: звуки двигались вдоль стѣны, приближаясь къ калиткѣ. Красивый, желтый сетерь шарахнулся съ террасы, гдѣ онъ спалъ и, прыгая черезъ арку, понесся ко входу.

— Возьми лошадей, эй!.. Поводи ее здѣсь хорошенько... Ишь, какъ замылилась... отдавалъ отрывистыя приказанія пріятный, нѣсколько охриплый баритонъ.

— Прекрасный „карабаиръ“ у васъ, полковникъ, замѣтилъ довольно вкрадчиво другой голосъ. — Сюда, сюда пожалуйста, въ мои новыя владѣнія.

— Да, ничего, не дурень... Сюда?

Перешагнувъ черезъ высокій порогъ, вошли въ садъ два человѣка: Одинъ, впереди, средняго роста, нѣсколько худощавый, съ подвижной и умной физиономіей, въ круглой соломенной шляпѣ, въ широкомъ парусинномъ пальто, въ кожаныхъ черныхъ щиблетахъ поверхъ лѣтнихъ панталонъ, въ перчаткахъ и съ хлыстомъ въ рукѣ. Другой, высокаго роста, въ форменномъ кителѣ, съ щеголеватыми, нѣсколько изысканными манерами.

— Давно-бы пора, полковникъ, давно...

— Да я, знаете-ли, все собирался, но какъ-то все не могъ собраться, то то помѣшаетъ, то другое... А у васъ великолѣпно!

— Ну, полноте...

— Нѣтъ, право... Тѣнь, прохлада, виноградъ... Все это въ восточномъ вкусѣ... Превосходно...

— Что могъ, полковникъ, что могъ... Конечно, тутъ еще многого недостаетъ...

— Ну, чего-же недостаетъ? полковникъ какъ-то растягивалъ слова и произносилъ ихъ нѣсколько въ носъ: онъ находилъ, что эта манера говорить весьма изящна. — Вы уже слишкомъ требовательны, добрыйшій Станиславъ Матвѣвичъ; конечно, человѣческой фантазіи нѣтъ границъ: она безбрежна, но, принимая въ расчетъ...

— Извините, полковникъ, много, очень много обяжете, тутъ Станиславъ Матвѣвичъ пріятно улыбнулся и согнулся всѣмъ корпусомъ, приложивъ къ сердцу правую руку. — Чаю, вина, зельтерской воды, льду... все, что прикажете... безъ церемоніи.

— Если такъ, то я попрошу зельтерской воды и краснаго вина... Эта несносная жара...

— Извините... я сейчасъ распорядюсь.

Хозяинъ усадилъ гостя на ступенькахъ террасы, покрытыхъ пестрымъ ковромъ и скрылся куда-то направо.

— Шарипъ! эй, Шарипъ!.. слышался хозяйскій голосъ.

Спящій у пруда сартъ приподнялся, посмотрѣлъ вокругъ себя мутными заспанными глазами, поправилъ шапочку, зѣвнулъ на весь садъ и поднялся на ноги. Лѣнливо шагая, онъ пошелъ на зовъ хозяина.

Гость сперва посидѣлъ немного, потомъ его сманила чистая дорожка и густая тѣнь у пруда. Онъ всталъ и пошелъ, заложивъ за спину руки и волоча по песку свою саблю. Красивая собака лежала въ травѣ и, поднявъ свою умную морду, казалось, заигрывала.

— Ну, иси! иси! какъ тебя тамъ звать: Збогаръ, Мильтонъ, Трезоръ... все равно, ну, пойди, дуракъ, ну, иди-же...

Собака встала и подошла, виляя пушистымъ, мягкимъ, какъ шелкъ, хвостомъ.

— А ну, тебѣ должно быть жарко; надо покупаться, а, надо?...

Полковникъ поднялъ какую-то щепочку, поплевалъ на нее и бросилъ на самую середину пруда. Собака все время слѣдила глазами за щепкой, потомъ съ размаха бросилась въ воду, выловила брошенное и поплыла къ берегу; здѣсь она съ трудомъ, раза два обрываясь, выкарабкалась на сухое мѣсто, выпустила изо рта поноску и отряхнулась.

— Молодецъ, молодецъ... Ай, да водолазъ... Ну-ка еще...

— Вы, вѣрно, охотникъ, полковникъ, раздался сзади голосъ хозяина. — Милости просимъ: все готово. У меня это дѣлается довольно скоро, потому-что все подъ руками.

— Да это манификъ! нѣчто въ родѣ „Шахеразеды“; знаете, эти восточныя сказки... Разъ, два...

— Усаживайтесь покойнѣй... Ледъ изрубленъ недостаточно мелко, но это лучше: не такъ скоро таятъ... Возьмите эту подушку, вамъ будетъ удобнѣе...

На террасѣ поставленъ былъ низенькій столъ, не выше полуаршина, такъ что, лежа на коврѣ, можно было удобно доставать съ него все, что нужно. Столъ этотъ былъ покрытъ бѣлой скатертью; посрединѣ стояла туземная чашка изъ зеленой глины съ нарубленнымъ, свержающимъ льдомъ, вокругъ нея лежали бутылочки съ зельтерской водою съ подрѣзанными проволоками, по бокамъ подымали свои чеканенныя носики два высокихъ металлическихъ „кунгана“ (кувшина) съ краснымъ виномъ и стояли стаканы съ чайными ложечками, тутъ-же распространяло аромать блюдо съ виноградомъ, персиками и гранатами, послѣднія были разрѣзаны и свергали своею кроваво-красною внутренностью въ массахъ блѣдно-восковой зелени винограда.

Въ углу, на послѣдней ступенькѣ, кипѣлъ ярко вычищенный самоваръ, и тотъ-же старикъ садовникъ перетиралъ полотенцемъ плоскія, зеленыя чашечки съ китайскими буквами на доньшкахъ.

— Ну что, полковникъ, слышно въ вашихъ, такъ сказать, высшихъ административныхъ сферахъ!..

— Особеннаго ничего, но предполагають — (тутъ голосъ былъ значительно пониженъ), — предполагають, что походъ неизбѣженъ.

— И, думаете, скоро?

— То-есть, какъ-бы вамъ это сказать... Пока все еще одни предположенія... Весьма недурное вино, *Первушинъ*, положительно совершенствуется.

— Я, знаете-ли, предполагаю, на случай похода, тоже пристроиться къ войскамъ.

— Въ качествѣ воина?.. Полковникъ улыбнулся и скосилъ глаза на говорящаго.

— Нѣтъ, зачѣмъ, это не въ моемъ характерѣ. Я даже

совѣмъ оставилъ службу: съ часу на часъ жду приказа объ отставкѣ.

— Такъ въ качествѣ волонтера, — любителя сильныхъ ощущеній?..

— Вы шутите... Конечно, безъ сильныхъ ощущеній не обойдется, но для этого только не стоитъ беспокоиться; это все я предоставляю натурамъ болѣе героическимъ, чѣмъ моя... Чаю, Шарипъ!.. Не прикажете-ли?..

Собесѣдники потянулись къ зеленымъ чашечкамъ.

— Нѣтъ, мой уважаемый полковникъ, продолжалъ хозяинъ, — цѣль моя не та. Въ походахъ вамъ придется испытывать и голодъ, и холодъ, и жажду и, тамъ, разныя лишения... И на бивачномъ отдыхѣ вамъ весьма полезно будетъ выпить стаканчикъ глинтвейну, съѣсть кусочекъ настоящаго швейцарскаго сыру... А тамъ, знаете, побѣда; ожиданіе различныхъ благъ свыше... Вы понимаете; не лишнее будетъ выпить бутылку-другую шампанскаго... да мало-ли чего захочется, а взять не откуда. Свои запасы истощатся скоро (я имѣю основаніе предполагать это)... Не красиво, неправда-ли?.. Вотъ тутъ-то и явится съ своими услугами Станиславъ Матвѣевичъ Перловичъ, которому только и будетъ заботы, чтобъ его арбы не отставали, чтобъ его верблюдъ не запаздывали, чтобъ его запасы не истощались... И въ палаткахъ Станислава Матвѣевича господинъ полковникъ и всѣ его товарищи по оружію найдутъ все то, что имъ будетъ угодно...

— Позвольте, я буду продолжать вашу картину, перебилъ гость.

— А денегъ въ то время будетъ много, полковникъ подлаживался подъ тонъ Перловича. — Поднимется игра, увеличится содержаніе: лишніе рубль-два на бутылку никому не покажутся обременительны... и мой уважаемый собесѣдникъ, и хозяинъ, заботясь о нашемъ походномъ благосостояніи...

— О нѣтъ, полковникъ, я вовсе не такъ корыстолюбивъ, какъ вы думаете. Конечно, безъ барыша нельзя-же...

— Ну, само собою разумѣется...

— Да, Перловичъ вздохнулъ, — съ помощью Божьей, имѣя въ принципѣ честность и умѣренность, — онъ вздохнулъ еще продолжительнѣй, — можно легко соединить общую поль...

Не прикажете-ли еще чашку; полковникъ, съ гранатнымъ сокомъ и виномъ... Эй, Шарипъ!..

— Благодарю васъ. Ай-ай-ай! полковникъ посмотрѣлъ на свои массивные, золотые часы. — Скоро три, а въ пять я долженъ обѣдать у губернатора.

— Не смѣю задерживать. Благодарю васъ, полковникъ, за ваше любезное посѣщеніе... Шарипъ! лошадь полковнику.

Они пошли вдоль сада къ выходной калиткѣ.

— А вѣдь я къ вамъ, собственно, за дѣломъ, началъ полковникъ, едва они сдѣлали нѣсколько шаговъ. — Мнѣ очень нужно, конечно, на самый короткій срокъ (полковникъ съ ожесточеніемъ терзалъ кисть темляка на эфесѣ сабли)...

Перловичъ со вниманіемъ подвязывалъ виноградную лозу, свѣсившуюся почти до самой земли.

— Тысячу? спросилъ онъ и скорѣе не спросилъ, а прямо опредѣлил сумму, словно ему заранѣе извѣстны были требованія гостя.

— Да, почти около того, но для округлости...

— На тѣхъ-же условіяхъ, какъ и въ тотъ разъ?

— Послушайте, Перловичъ, вѣдь это почти что двадцать процентовъ въ мѣсяцъ...

— Ну вотъ, такъ оно и вышло, началъ Перловичъ.—Экая досада!.. Посмотрите, вотъ эта превосходная лоза положительно погибла; даже зелень начинаетъ блекнуть... Экая досада! Такой рѣдкій сортъ...

— Ну-съ... такъ какъ-же?.. перебилъ полковникъ.

— Вы не можете себѣ представить, какъ мнѣ досадно, что въ настоящую минуту я рѣшительно не могу быть вамъ полезнымъ; вѣдь надо-же было только вчера...

— Я сегодня вечеромъ буду у Хмурова. Я согласенъ. Привозите документъ и деньги... Пожалуйста, не опоздайте.

— Не беспокойтесь, полковникъ, вы знаете мою акуратность—ровно въ десять...

— До свиданія пока.

Черезъ минуту полковникъ, подпрыгивая по англійски, на англійскомъ-же сѣдлѣ, мелькалъ своимъ бѣлымъ, какъ свѣтъ, кителемъ въ густомъ облакѣ пыли; за нимъ суетливо трепался оренбургскій казакъ на своемъ приземистомъ влере-перѣ.

Перловичъ распоряжался уборкою завтрака, тщательно провѣривъ число оставшихся бутылокъ.

По дорожкѣ шагала богъ-вѣсть откуда появившаяся фигура. Грязная, когда-то бѣлая фуражка была сдвинута на гладко остриженный затылокъ; китель съ металлическими пуговицами обтягивалъ тощій, сутуловатый станъ; красныя, кожанныя шаровары спущены были поверхъ сапоговъ, поружелыхъ отъ пыли и времени; онѣ неуязво болтались на тонкихъ, длинныхъ ногахъ и, казалось, мѣшали имъ двигаться. Подъ китемъ вовсе не было никакого бѣлья, по крайней мѣрѣ, смуглая, морщинистая шея и почти на четверть выдающіяся изъ-подъ короткихъ рукавовъ мохнатя руки—были совершенно голы.

— Ба! Господинъ Перловичъ, если я не ошибаюсь, занимается хозяйствомъ...

Остзейское происхожденіе ясно слышалось въ говорѣ новаго гостя.

— Какимъ образомъ вы изволили пожаловать? спросилъ, не оставляя своего дѣла хозяинъ. Въ голосъ его слышалась досада: замѣтно было, что визитъ этотъ не доставляетъ ему никакого удовольствія.

— Странное привѣтствіе, господинъ Перловичъ! Несмотря на наше недавнее знакомство, вы, кажется, предубѣждены противъ меня?

— Нисколько, но...

— Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста! Я все понимаю... (гость уставился на Перловича своими большими, оловянными глазами). — Это видно по всему. Вотъ, напримѣръ, даже по тому, что вы убираете это вино, не спросивъ меня: приятно-ли это моему пересохшему отъ этой дьявольской жары горлу.

Въ головѣ Перловича въ эту минуту перебирались способы отдѣлаться отъ этого гостя: онъ никакъ не могъ остановиться на удобнѣйшемъ.

— Если вамъ угодно, господинъ Блюменштантъ, началъ хозяинъ,—то...

— Не думаете-ли вы, что я нуждаюсь въ вашемъ винѣ?! Горбатый носъ гостя побагровѣлъ, изъ-подъ сѣдыхъ усовъ пахнуло спиртомъ.—Вы ошибаетесь!

— Но, позвольте-же, однако...

— Дайте мнѣ высказаться.

Блюменштантъ тяжело опустился на ступени террасы.

— Я къ вамъ пришелъ, началъ онъ, роясь во фруктахъ, — съ тѣмъ, чтобы предложить вамъ весьма выгодную, для васъ, конечно, сдѣлку.

Перловичъ началъ заинтересовываться.

— Я долго обдумывалъ это, прежде чѣмъ рѣшился, продолжалъ Блюменштантъ, — и вотъ результаты моихъ размышленій. Къ чорту служба!.. Тамъ меня оцѣнить не умѣли. Надо подумать о себѣ, о своей, такъ сказать, личной выгодѣ и, понятно, о выгодѣ общества; ибо, я въ этомъ убѣжденъ, изъ совокупности индивидуальныхъ выгодъ составляетъ выгода коллективная... Вы меня понимаете?..

Онъ положилъ въ стаканъ кусокъ льду и долилъ его до краевъ краснымъ виномъ.

— Но это все общія мѣста; мы теперь перейдемъ къ частнымъ явленіямъ... Я, лично я, капитанъ Блюменштантъ, желаю заняться частнымъ, полезнымъ для себя и для другихъ, дѣломъ.

— Это все прекрасно, перебилъ Перловичъ, — но что-же тутъ можетъ касаться до меня?

— До васъ?! Все, т. е. не то, чтобы все, но, по моему разумѣнію, какъ разъ половина.

Перловичъ недоумѣвалъ.

— Я поясню мою мысль... Соединимъ наши усилія. У васъ—капиталъ, у меня—голова, руки (онъ сжалъ кулаки и поднесъ ихъ къ самому лицу хозяина, тотъ невольно отшатнулся) и необъятный запасъ житейской опытности.

Багровое лицо капитана разгорѣлось еще болѣе; онъ торжественно выпилъ свой стаканъ и снова долилъ его до краевъ.

Перловичъ не ожидалъ этого предложенія.

— Позвольте васъ просить, почтенный капитанъ, подождать меня нѣсколько минутъ.

— Пожалуйста, не стѣсняйтесь; велите только подать еще немного льду.

Перловичъ исчезъ.

Прошло минутъ пять—его еще не было; прошло четверть часа — Блюменштантъ все еще сидѣлъ одинъ надъ своимъ стаканомъ.

Наконецъ, ему надоѣло ждать; онъ порывисто всталъ, шаг-

нуль раза два и пошатнулся. Вершины тополей заколыхались у него въ глазахъ, песчаная дорожка повказалась ему ковромъ, который кто-то изъ шалости хотѣлъ вырвать у него изъ-подъ ногъ. Старикъ садовникъ подходилъ къ нему, прыгая, куврыкаясь и ухмыляясь своимъ беззубымъ ртомъ. „Экъ нарѣзался, подумалъ про него Блюменштантъ, — вѣдь вотъ мусульманинъ, а не устоялъ отъ искушенія, выпилъ... да, выпилъ...“

Капитанъ сѣлъ на прежнее мѣсто и опустилъ усатое лицо на грудь. Долго онъ сидѣлъ въ такомъ положеніи; потомъ началъ шарить вокругъ себя руками, шарилъ долго, пока не ухватился за кисти вышитой подушки; съ усиліемъ, словно въ ней было десять пудовъ, подтянулъ онъ ее къ себѣ, запроеинулся назадъ всѣмъ корпусомъ и вытянулъ ноги.

Старикъ сартъ робко подошелъ къ нему и заглянулъ въ лицо. Глаза капитана были закрыты; изъ-подъ сѣдыхъ усовъ вырывалось тяжелое, порывистое дыханіе. Онъ спалъ.

— Хозяинъ уѣхалъ, началъ садовникъ;—хозяинъ совсѣмъ уѣхалъ въ городъ, произнесъ онъ громче, наклонившись къ самому уху спящаго.

— Карамболь по красному!.. Хлопъ!...

Сартъ въ испугѣ отскочилъ и сплюнулъ въ сторону.

— Заснулъ пьяный кабанъ, произнесъ онъ по-татарски, сплюнулъ еще разъ и выругался.

Въ воздухѣ стало прохладно. Тѣни въ саду стали синеватѣе и гуще; въ углахъ и внутри комнатъ совсѣмъ стемнѣло. Вершины тополей и карагачей ярко зарумянились; надъ прудомъ и арыками подымался бѣловатый паръ. Тучи комаровъ съ тихимъ звономъ заносились въ вечернемъ воздухѣ. Два длинноногихъ аиста, мелькнувъ красными пятнами на небѣ, пронеслись надъ садомъ. До слуха доносился жалобный, зазывающій крикъ: это муллы, стоя на крышахъ своихъ мечетей, зажавъ уши и обративъ свои лица къ востоку, призывали правовѣрныхъ творить вечерній намазъ (молитвы).

Садовникъ оставилъ надежду разбудить пьянаго гостя. Онъ убралъ все, что было на столѣ, тщательно подмелъ окурки папирозъ и гранатныя корки и побрелъ опять къ пруду. Здѣсь онъ зачерпнулъ въ кувшинчикъ воды, отвернулся въ сторону и сдѣлалъ омовеніе; потомъ разостлалъ на землѣ какую-то ветошь и сталъ на нее на колѣни.

Неподвижно, словно бронзовая статуя, находился онъ въ такомъ положеніи почти полчаса времени; только сухія, старческія губы медленно шевелились, творя обычныя молитвы. Онъ все забылъ въ эти минуты; онъ ничего не чувствовалъ. Большой комаръ сѣлъ какъ-разъ на конецъ его носа: все болѣе и болѣе наливалось жадное насѣкомое, и безнаказанно улетѣло прочь, оставивъ на носу крупную каплю алой крови.

III.

На Минъ-урюкѣ.

Перловичъ избавился отъ своего гостя, употребивъ уловку, хотя и слишкомъ незатѣйливую, но уже нѣсколько разъ удававшуюся ему прежде.

Онъ очень хорошо зналъ, что Блюменштантъ не долго будетъ его дожидаться: винныя пары, съ помощью усыпляющей тишины и наступающаго мрака, возьмутъ свое; о дальнѣйшемъ Перловичъ не заботился: онъ также зналъ, что капитанъ проспитъ у него на терасѣ до утра, потомъ выкупается въ прудѣ и, освѣжившись, забудетъ—о чемъ шла рѣчь наканунѣ.

Подтянувъ подпруги у сѣдла, — онъ сѣлъ на своего смирнаго коня и поѣхалъ въ *русскій городъ*.

Дорога шла, извиваясь по берегу крутого оврага, скалистые берега котораго почти отвѣсно спускались на зеленѣющее. густо заросшее кустарниками дно. Внизу шумѣлъ и пѣнился ручей Бо-су, перехваченный безчисленными мельницами самыхъ миниатюрныхъ размѣровъ; кое-гдѣ слышались звуки рожковъ, дающихъ знать, что та или другая мельница свободна и желающіе могутъ приносить свое зерно для перемола. По чуть замѣтнымъ тропинкамъ спускались и поднимались сѣренькіе *шаки* съ тяжелыми мѣшками на своихъ костлявыхъ спинахъ. Вереницы закутанныхъ сартянокъ, слѣпившія куда-то съ узелочками въ рукахъ, стремительно кидались въ сторону и прижимались лицомъ къ стѣнкамъ, при приближеніи чуждаго всадника. Откуда-то изъ чащи со свистомъ вылетѣлъ маленькій камешекъ, щельнулся о дорогу передъ самыми ногами чалаго и поскакалъ дальше, рикшетирую по пыльной дорогѣ.

Перловичъ погналъ шибче.

— Экіе скоты, подумаль онъ. — Вотъ этакъ попадись къ нимъ въ руки: живой не выскочишь.

Когда Перловичъ поравнялся съ развалинами *коканской башни* и стѣнъ *старого* города, онъ увидѣлъ правильные кварталы *европейской части*. Красивые, одноэтажные, бѣлые домики окаймлялись аллеями молодыхъ, недавно насаженныхъ тополей. Почти всюду, куда только хватало зрѣніе, видны были безобразно перепутанные лѣса вновь созидающихся построекъ; на просторныхъ площадяхъ сложены были запасы строевыхъ матеріаловъ. Почти въ самомъ центрѣ, изъ за громадной палатки съ крестомъ на верху, замѣняющей временно церковь, виднѣлись ярко освѣщенные окна магазиновъ. На шоссированныхъ, прямыхъ и широкихъ улицахъ кипѣла жизнь: сновали экипажи, всадники и пѣшеходы. Днемъ, все живое пряталось отъ невыносимой жары, за то вечеромъ, когда зной смѣнялся оживительной, полной аромата прохладой, — все, что только могло двигаться, выходило на улицы.

Просторно и широко раскинулся новый, словно изъ земли выросшій городъ, но все въ немъ, на что только вы не обращали вниманія, поражало своею недоконченностью. Каза-лось: — каждая встрѣтившаяся личность, каждый предметъ: деревцо, вновь посаженное, узорный заборчикъ, камни заново отѣсанные — короче все говорило, „что съ насъ взяты; мы еще пока на бивакахъ. Вотъ, погодите, послѣ что будетъ“...

Это городъ-лагерь; и долго еще на немъ будетъ лежать эта своеобразная печать, несмотря на то, что уже много семействъ прочно основалось въ своемъ новомъ отечествѣ и ввели въ обиденную колею свою семейную и общественную жизнь.

Задумался Перловичъ, глядя на картину, раскинувшуюся у него передъ глазами. Онъ стоялъ на высокой горѣ, на поворотѣ большой чимбентской дороги и могъ разсмотрѣть весь городъ, что называется, съ птичьяго полета.

— Съ каждымъ днемъ, думаль онъ, — прибываетъ и прибываетъ населеніе новаго города; не по днямъ, а по часамъ увеличиваются новыя потребности... Слѣди за ними, Станиславъ Матвѣевичъ, изучай эти самыя потребности, изыскивай всѣ способы къ ихъ удовлетворенію, предупреждай ихъ, если сможешь... Въ этомъ-то и кроется вся сила, вся тайна науки

обогащаться... Съ пустыми руками прїѣзжаютъ сюда люди, и, смотряшь, черезъ годъ уже ворочаютъ изрядными рычагами,— дѣйствуютъ; а, вѣдь, люди эти изъ той-же глины сдѣланы, — не изъ золота... Разщедрилась судьба, послала тебѣ средства, и средства изрядныя; мозгами тоже не обидѣла, — ну — и орудуй...

Лошадь храпнула и шарахнулась въ сторону; всадникъ чуть не вылетѣлъ изъ сѣдла.

Длинная, худая, какъ скелетъ, почти черная фигура, вся обнаженная, за исключеніемъ только нижней части туловища, гдѣ болталась грязная рваная тряпка, въ двухъ шагахъ отъ Перловича, протягивала къ нему дрожащую руку.

Красные, воспаленные глаза гноились и усиленно моргали; вмѣсто носа зіяло отвратительное отверстіе; сѣдые влочья окоймляли беззубый ротъ.

— Амакъ, урусъ! силлау!.. ¹⁾ гнусило несчастное существо и потянулось къ поводьямъ уздечки.

— Прочь! крикнулъ Перловичъ и замахнулся нагайкой.

— Авча, тюра; азракъ... авча... ²⁾ Ой! ой-ой!..

Старикъ нищій схватился за голову руками и упалъ, опрокинутый лошадыю.

Перловичъ поскакалъ дальше.

Тяжело приподнялось бронзовое тѣло съ пыльной дороги. Сѣвось дряблыя, поблекшія десны глухо прорывались невнятные проклятія вслѣдъ удаляющемуся всаднику

Съ горы, подтормозивъ заднее колесо, медленно сползала дорожный тарантасъ съ фордекомъ. Густой слой пыли покрывалъ все: и растреснувшуюся кожу экипажа, невыдержавшую сорокоградусной жары, и сбрую, и лошадей съ потертыми плечами и спинами, и ямщика-татарина въ остроконечной войлочной шапкѣ, и дѣлую пирамиду сундуковъ и чемодановъ, хитро пристроенныхъ сзади на фальшивыхъ дрогахъ...

Много тысячъ верстъ, катилось это произведеніе казанскихъ кузницъ: и на волахъ, и на лошадяхъ, и на верблюдахъ; разшаталось оно, словно расплюснулось, дребезжитъ своими винтами и гайками и, глухо прогремѣвъ по мосту, скрывается въ остаткахъ триумфальной арки, построенной для въѣзда

¹⁾ Здравствуй, русскій, — силлау — непереводимая однимъ словомъ просьба о подачѣ. ²⁾ Денегъ, начальникъ, хоть немного денегъ...

губернатора, услужливымъ въ подобныхъ случаяхъ, купечествомъ.

Изъ окна тарантаса выглядывалъ красивый, почти античный, женскій профиль, изъ за него виднѣлись полосатый чепецъ и зеленыя очки-наглазники, принадлежащія другой спутницѣ.

Какой-то всадникъ, въ красныхъ панталонахъ и бѣлой, полковой рубахѣ съ офицерскими погонами, задержалъ свою лошадь у самаго экипажа, съ любопытствомъ посмотрѣлъ на прїѣзжихъ, потянулъ носомъ тонкій запахъ пачули, распространившійся отъ античнаго профиля и поспекалъ дальше.

По дорогѣ, ведущей къ „минъ-урюку“¹⁾, подымались облака пыли: быстро неслась оживленная кавальеада...

Впереди всѣхъ бойко сѣменилъ ногами бѣлый иноходецъ; длинный шлейфъ черной амазонки развѣвался по вѣтру, открывъ стройныя ножки въ отороченныхъ кружевомъ панталончикахъ.

— Послушайте, барыня, не гоните такъ моего Бѣльчика, говорилъ купецъ Хмуровъ, съ трудомъ догоняя бѣлаго иноходца.—Да дайте-жь ему духъ перевести... фу, ты право!..

— Кажется, вы въ этомъ больше нуждаетесь, чѣмъ вашь Бѣльчикъ, замѣтила красивая наѣздница, сверкнувъ изъ подъ густого вуаля своими глазами.

— Это почему-съ...?

— Да вольно-жь вамъ наряжаться въ этотъ дурацкій кафтанъ. Вонъ тѣмъ, я думаю, и въ кителяхъ жарко, она указала назадъ своимъ хлыстикомъ.

Хмуровъ былъ въ суонномъ кафтанѣ русскаго покроя, перетянутомъ золотымъ поясомъ съ цвѣтными, эмалевыми бляхами.

— Ну, хоть и не потому, возразилъ Хмуровъ...—Вонъ, поглядите-ко, видите—сюда спускается...

— Кто это?

— А это нашъ новый негоціантъ...

— Перловичъ?

— Онъ самый... Я, знаете, хочу его къ намъ пристроить: мы его придержимъ съ нами, а тамъ—ко мнѣ.—Сведу его съ Спѣлохватовымъ: — пускай потягается...

¹⁾ Минъ—тысяча,—урюкъ—абрикосовое дерево — составное собственное имя роши—въ одной верстѣ отъ Гашкента.

Они поѣхали шагомъ. Остальные члены кавалькады стали понемногу догонять переднихъ.

— Станиславъ Матвѣичъ! кричалъ рыжій артиллеристъ,— Вы тамъ не переѣдите; возьмите немного по правѣе;—тамъ уже.

— Это онъ недавно купилъ чалаго, замѣтилъ одинъ офицеръ другому, и приподнял фуражку, отвѣчая на поклонъ издали Перловича.

— Недавно, должно быть, у него прежде былъ вороной съ лысиной.

— Васъ нигдѣ не видно, Станиславъ Матвѣичъ, сказала амазонка, когда Перловичъ неловко перескочилъ канаву, при чемъ чуть не вылетѣлъ изъ сѣдла, и подѣхалъ къ обществу.— Вы, совсѣмъ, пропадаете на вашей дачѣ.

— Въ оборотахъ погрязъ, вставилъ Хмуровъ;—такія дѣла заводитъ, что скоро всѣхъ насъ подорветъ.

— Ну, васъ-то не скоро подорвешь, огрызнулся Перловичъ.— Вы не повѣрите, Марфа Васильевна, времени свободнаго тамъ мало, такъ мало... Мое почтеніе, капитанъ!.. Здравствуйте, господа... Да въ тому-же,—я живу такъ далеко...

— Мы всѣ къ вамъ, какъ-нибудь, награнемъ гуртомъ, перебилъ рыжій артиллеристъ.

— А ты, — Хмуровъ имѣлъ привычку скоро сходится на ты. — Къ тому времени кое-что въ ледъ заруби, понимаешь... Ты куда это ѣхалъ-то?

— Поѣзжайте съ нами, приглашала его амазонка.—Конечно, если вы не имѣете чего-нибудь болѣе интереснаго...

— Извините... Я, собственно, ѣхалъ къ вамъ... къ тебѣ, поправился Перловичъ, обращаясь къ Хмурову;—а пова—въ городъ,—по одному дѣлу, онъ наклонился къ Хмурову и понизилъ голосъ...—Ну, такъ вотъ видишь-ли, надо повидать кое-кого...

— Кого, кого?! наступалъ Хмуровъ.

— Захо, да еще, вотъ, Федорова.

— Стой! этихъ жидовъ ты сегодня у меня увидишь... такой ансамбль соберется...

— И такъ... протянула Марфа Васильевна.

— Да что съ нимъ говорить. Не пускать его, да и только, рѣшилъ Хмуровъ и заворотилъ коня Перловича.

Кавалькада тронулась.

— Вы, говорятъ, устроились не хуже бухарскаго эмира, начала Марфа Васильевна, поровнявшись съ новымъ членомъ кавалькады.

— Ну, ужъ это слишкомъ.

— Помните—въ Самарѣ... Мы встрѣтились, если не ошибаюсь на самолетской пристани.

Перловичъ передернулъ поводья своей лошади, отчего та задрала морду къ верху и засѣменила ногами.

— Вы, кажется, служить собирались здѣсь, допрашивала наѣздница.

— А теперъ нашелъ выгодиѣ бросить службу...

— Отчего выгодиѣ?..

— У васъ, вонъ, шлейфъ разорвался, круто повернулъ Перловичъ, и ни за что ни про что огрѣлъ чалаго хлыстомъ по боку.

Ихъ обогнала коляска парюю, сопровождаемая неизбежными конвойными казаками. Въ экипажѣ сидѣлъ красивый, полный генералъ съ дамою суроваго вида.

Рыжий артиллеристъ и остальные офицеры приняли солидный видъ и приложили руки къ козырькамъ фуражекъ. Хмуровъ почтительно раскланялся и даже произнесъ съ гостинодворской вѣжливостью „Мое почтеніе-съ, Ваше Превосходительство-съ“... хотя генералъ никакъ ни могъ его слышать; Марфа Васильевна скромно опустила глазки; Перловичъ нагнулся къ стремяни и что-то очень долго поправлялъ гайбу на ремнѣ.

Коляска скрылась за поворотомъ...

Довольно большое пространство, усаженное правильными рядами старыхъ, раскидистыхъ абрикосовыхъ деревьевъ кишало гуляющими. Разноцвѣтные фонари яркими точками искрились во мракѣ, въ глубинѣ роци, и блѣднѣли по окраинамъ, гдѣ имъ приходилось еще побороться съ слабыми лучами погасающаго дневнаго свѣта. Сѣвозъ деревья виднѣлись какіе-то постройки, флюгера, полосатые навѣсы; въ этихъ пунктахъ освѣщеніе было ярче и гремѣла военная музыка.

Часть этого гульбища была огорожена рѣшеткою: — она предназначалась для привеллигированной публики... Вдоль этой рѣшетки, по наружной сторонѣ, стояли десятка два длинныхъ приземистыхъ дрожекъ въ одну лошадь, такъ называемыхъ долгушъ, двѣ коляски и множество верховыхъ лошадей, осѣд-

ланныхъ русскими и азіятскими сѣдлами. Группы сборванныхъ сартовъ, евреевъ, индѣйцевъ, преимущественно дѣтей, жались къ самой рѣшеткѣ, пытаясь разглядѣть какъ забавляются „уруссы“.

— Эй, пошли прочь... гайда! гайда!.. помахивая нагайкой, разгонялъ Хмуровъ толпу у воротъ, когда кавалькада прибыла на мѣсто.

Рыжій артиллеристъ почти свалился съ своей лошади, и уже стоялъ у шлейфа Марфы Васильевны, готовый принять ее, хотя на одно мгновеніе, въ свои объятія.

— Позвольте, сказала она, отстраняя эту услугу, и соскочила на землю безъ помощи протянутыхъ къ ней рукъ.

— Такіе прыжки не совсѣмъ безопасны, произнесъ рыжій артиллеристъ, стараясь улыбнуться, какъ только возможно язвительнѣй.

— Не беспокойтесь, — я не беременна, отвѣтила Марфа Васильевна, прикалывая свой шлейфъ къ поясу.

Хмуровъ усердно обчищалъ пыль съ чернаго платья амазонки, пустивъ въ ходъ свою мѣховую шапочку, что оказалось очень удобнымъ.

Все общество вошло въ садъ.

Впереди — Марфа Васильевна подъ руку съ Хмуровымъ; она сообщала что-то Перловичу, который шелъ рядомъ, съ другой стороны; за ними — рыжій артиллеристъ, все еще продолжая язвительно улыбаться. Далѣе — остальные члены кавалькады, которые и разбрелись тотчасъ-же по сторонамъ.

Ближе къ освѣщеннымъ ярче другихъ палаткамъ буфета разставлены были крашеные столики и деревянные стулья; — между ними, по разнымъ направленіямъ, сновала прислуга; слышались громкія требованія, звонъ посуды, хлопанье пробокъ; и если-бы ни чалмы и яркіе халаты, тамъ и сямъ виднѣвшіеся въ толпѣ, да этотъ теплый, мягкій, охватывающій васъ, словно бархатомъ, — воздухъ, то можно было-бы подумать, что находимся на одномъ изъ нашихъ загородныхъ гульбищъ.

Въ павильонѣ, задрапированномъ полосатымъ тивомъ, съ досчатымъ не крашеннымъ поломъ — два офицера-линейца степного происхожденія и статный-адъютантъ съ ярко краснымъ, орденскимъ бантомъ на бѣломъ вителѣ, — отхватывали разухабистую полъку.

У одного изъ столовъ, поближе къ проходной дорожкѣ си-

дѣли двѣ личности въ неопредѣленныхъ костюмахъ; онѣ пили красное вино мѣстнаго первущинскаго приготовленія. Ставаны были почти допиты, бутылка, неубранная еще со стола, была совершенно пуста.

— Что, въ бутылкѣ ничего нѣтъ? спросилъ одинъ.

— Пусто... отвѣчалъ другой, приподнявъ и тряхнувъ бутылку.

— Ну, доливай свой стаканъ, да и мой кстати...

— Пусто, тебѣ говорятъ.

— Ничего, наливай...

— Я, братъ, ни Боско...

— Нѣтъ, я это къ тому говорю, что если-бы ты изъ пустой бутылки началъ наливать и вино полилось-бы.

— Это было-бы странно.

— За то выгодно.

— Выгодно?

— Ну вотъ, намъ странно, а ему выгодно... Онъ указалъ глазами на Перловича, который въ эту минуту подошелъ къ ближайшему фонарю закурить сигару.

Оба помолчали и стали насвистывать персидскій маршъ.

— Батоговъ съ передовой линіи пріѣхалъ.

— Ты его видѣлъ?

— Да, сегодня у Спѣлохватова. Пріѣхалъ, говоритъ, поправляться, а то совсѣмъ продулся.

— Еще-бы, дуракомъ игралъ: закладываетъ чистыя, а ему понтируютъ на мѣлокъ.

— Цѣны деньгамъ не знаетъ. Легко пришло, легко и ушло.

— У того не уходитъ.

— Тотъ, братъ, помѣсь жида съ ляхомъ, на нѣмецкой подкладкѣ,—порода, на сей предметъ приспособленная.

— Это точно, что приспособленная.

— А что, если-бы намъ, какая-нибудь—благодать съ небеси—брякъ... Экъ ее заливается—а вѣдь барынька хоть куда... просто духъ захватываетъ.

Послѣднее было произнесено по поводу звонкаго смѣха Марфы Васильевны, пронесшагося изъ уютнаго угла сада, гдѣ Хмуровъ угощалъ все общество замороженнымъ шампанскимъ.

— Кто это? спросила Марфа Васильевна, пристально всма-

триваясь въ глубину аллеи. Тамъ шелъ человекъ средняго роста съ большою, темною бородою; на немъ были высокіе походные сапоги и вмѣсто кителя — бѣлая шелковая рубаха съ погонами; черезъ плечо, на тонкомъ ремнѣ висѣла кавказская пашка.

— Кто это? повторила свой вопросъ Марфа Васильевна. — Я его никогда здѣсь не видѣла.

Перловичъ взглянулъ, поблѣднѣлъ и сдѣлалъ видъ, что не слышитъ вопроса, Хмуровъ занятъ былъ откручиваніемъ проволки у новой бутылки, прочіе тоже никто не замѣтили новоприбывшаго, да и самъ онъ словно сквозь землю провалился, свернувъ въ боковую аллею.

— Какъ было-бы прекрасно — если-бы не эти проклятые комары, произнесъ Перловичъ съ замѣтнымъ смущеніемъ, давъ разговоръ новое направленіе.

— Это еще что, началъ одинъ изъ собесѣдниковъ; — это еще очень сносно; а то, вы представить себѣ не можете, разъ въ Кармакчахъ мнѣ пришлось ночевать на открытомъ воздухѣ:—тутъ, знаете, сейчасъ камыши—это ужасно! Пробовалъ курить не помогаетъ, завернулся съ головою подъ простыню—дышать невозможно...

— Пью за ваше здоровье, Марфа Васильевна! отчеванилъ рыжій артиллеристъ и приподнял ставанъ кверху.

— Пейте, произнесла она, слегка повернувъ свою голову.

— Чокнемтесь...

Марфа Васильевна протянула ставанъ. Рыжій артиллеристъ быстро наклонился черезъ столъ и чмокнулъ протянутую руку.

— Это еще что за глуп... нѣжности, поправилась Марфа Васильевна и быстро отдернула руку. Стаканъ выскользнулъ изъ облитыхъ виномъ пальцевъ и покатился по столу.

Рыжій артиллеристъ вскочилъ, хотѣлъ что-то сказать, заикнулся и, повернувшись, быстро вышелъ изъ павильончика.

— Ну, за что вы его обидѣли, началъ Хмуровъ.

— Кто его обижалъ... Такъ комары въ Кармакчахъ сильно кусаются, обратилась она къ тому, чей рассказъ былъ прерванъ тостомъ рыжаго артиллериста...

Неловко шагая въ своихъ широкихъ кожаныхъ шароварахъ, вовсе не приспособленныхъ къ пѣшей ходьбѣ, въ красномъ расшитомъ халатѣ, въ тюрбанѣ изъ краснаго-же куска

шерстяной ткани, подходилъ къ столу молодой туземецъ, по типу — узбекъ, оставляя на пескѣ дорожки глубокіе слѣды острыхъ металлическихъ каблуковъ. Это былъ очень красивый паренъ съ яркими бѣлыми зубами, способными жевать свинцовыя пули, съ едва пробивающимися усами, съ веселой хотя нѣсколько глуповатой улыбкою.

— А, здравствуй, пріятель! произнесъ Хмуровъ, повидимому, узнавъ джигита.

— Амакъ, отвѣчалъ тотъ и обратился къ Перловичу.

— Эй, тюра!—Мой тюра зоветъ;—вонъ тамъ, джигитъ указалъ рукою къ воротамъ сада.—„Поди, Юсупъ, скажи Перловичъ-тюра, чтобъ сейчасъ пришелъ“, говорилъ онъ ломанымъ русскимъ языкомъ.

— Это Батогова джигитъ, объяснилъ Хмуровъ въ отвѣтъ на вопросительный взглядъ Марфы Васильевны.

Джигитъ пристально смотрѣлъ на русскую женщину; улыбка его росла все шире и шире.

— Эхъ! хорошъ марджа ¹⁾... яшши ой! ой! бормоталъ наивный узбекъ.

— Вотъ и этотъ тоже, произнесла Марфа Васильевна и расхохоталась.

Перловичъ всталъ и отвелъ джигита въ сторону. Онъ нѣсколько минутъ говорилъ съ нимъ вполголоса и закончилъ словами:

— Завтра утромъ... такъ и скажи... завтра. Послѣ чего джигитъ пошелъ къ воротамъ, оглянувшись раза два на Марфу Васильевну.

Вѣсь запыхавшись бѣжалъ съ салфеткой въ рукавъ одинъ изъ буфетныхъ прислужниковъ. Изъ боковой аллеи высочилъ другой, тоже въ взволнованномъ видѣ, съ разорванной полою фрака!

— Поймалъ?!

— Пойди, поймай... Я къ воротамъ, а они — черезъ заборъ.

— Также чиновники прозываются... эхъ!..

— Много напили?

— На три съ четвертью... Ахъ Господи! Народу много, — прислуги мало: нѣшто за всѣми углядишь.

¹⁾ Марджа — женщина.

— Гдѣ углядѣть.—Слышь! Федоръ Ивановичъ кличетъ.

— Однако мнѣ пора и домой, сказалъ Хмуровъ, поднимаясь со стула. — Тоже вѣдь хозяйственныя распоряженія надо сдѣлать.

— Ну, что-же, поѣзжайте; мы еще посидимъ. Перловичъ, вы не откажитесь быть моимъ кавалеромъ?

— О, конечно, мнѣ будетъ это очень пріятно... Я вполне... я... бормоталъ Перловичъ. Онъ совершенно растерялся. Съ той минуты, когда онъ поговорилъ съ джигитомъ Батогова, даже раньше, когда Марфа Васильевна замѣтила кого-то въ концѣ аллеи,—онъ былъ совершенно не въ своей тарелкѣ.

— Что съ вами? спросила она своего новаго кавалера. Хмуровъ уже уѣхалъ и они остались вдвоемъ.

— Мнѣ что-то нездоровится...

— Вздоръ, вы просто смущены.

— Вотъ еще.

— Вы получили нехорошія вѣсти... этотъ джигитъ...

— Марфа Васильевна, что васъ такъ занимаютъ мои дѣла? Ну, пожаръ, разоренье, караваны мои ограбили, дачу сожгли—Господи Боже мой! Да вамъ-то что до этого?

Видно было, что Перловичъ былъ очень раздраженъ когда произносилъ эту тираду;

— Ну, довольно, довольно; положимъ, что ничего подобного не случилось, но, во всякомъ случаѣ, волноваться нечего. Пойдемте; въ этой бесѣдѣ страшно накурено и виномъ пахнетъ. Пройдемтесь по дорожкамъ. Э, да никакъ, всѣ почти разѣхались.

Они встали и пошли къ павильону для танцевъ, гдѣ уже никого не было и музыканты убирали пропитры.

Нѣсколько разъ они прошли по саду.

— Вонъ мой Бѣльчикъ, указала Марфа Васильевна на бѣлую голову лошади, виднѣвшуюся сквозь рѣшетку.

Она начала откалывать шлейфъ и нечаянно уронила хлысть; когда Перловичъ поднялъ его и подавалъ Марфѣ Васильевнѣ, то замѣтилъ, что она пристально всматривается въ кого-то. Ему показалось сначала, что на него, но потомъ онъ увидѣлъ, что взглядъ этотъ устремленъ на того, кто находился сзади Перловича, по одному съ нимъ направленію. Перловичъ невольно задрожалъ и обернулся.

Не болѣе, какъ въ трехъ шагахъ отъ нихъ стоялъ тотъ самый бородачъ, который такъ смутилъ его своимъ появленіемъ, часъ тому назадъ.

— Тебя, никакъ, въ генералы произвели? спросилъ онъ Перловича.

— Я, можетъ быть, стѣсняю васъ, сказала Марфа Васильевна и отошла.

— О нѣтъ, сударыня, извините, я не имѣю чести знать ваше имя. Да, въ генералы произвели, продолжалъ онъ, обратившись къ Перловичу. — Какъ-же, посылаю джигита, говорить:—завтра, совсѣмъ по-генеральски...

Бородастый незнакомецъ пошелъ въ глубину сада; Перловичъ машинально шагнулъ за нимъ.

Марфа Васильевна осталась одна. Несмотря на свою бойкость, она нѣсколько струсила, потому-что, по мѣстнымъ нравамъ, это было не совсѣмъ безопасно и она могла рассчитывать на всякую непріятность со стороны запоздавшихъ посѣтителей минъ-урюка. Уже раза два какія-то подозрительныя личности проходили близко отъ Марфы Васильевны, искоса поглядывая на красивую женщину.

Вдругъ, словно изъ подъ земли, передъ нею очутился рыжій артиллеристъ. Марфа Васильевна вздрогнула, даже слегка вскрикнула.

— Чего-же вы испугались... началъ рыжій артиллеристъ. Онъ стоялъ передъ нею въ самой скромной, почтительной позѣ, даже шапки не было у него на головѣ; онъ ее снялъ и мѣлъ въ рукахъ, какъ провинившійся школьникъ передъ учителемъ.

— Я не могъ уѣхать изъ сада, не видавшись съ вами. Я сдѣлалъ глупость. Простите... Будьте увѣрены, Марфа Васильевна, что подобной выходки не повторится...—Онъ говорилъ, даже съ нѣкоторымъ жаромъ.

— Простите-же, продолжалъ онъ,—я до тѣхъ поръ не успокоюсь, пока не увѣрюсь, что вы на меня не сердитесь.

Марфа Васильевна улыбнулась. Къ ней вернулась уже ея смѣлость; она успокоилась.

— Хоть вы и раскаиваетесь, начала она, смѣясь,—но все-таки получите достойное наказаніе.

— Я на все согласенъ!

— Вы должны меня проводить въ городъ. Перловичъ исчезъ и, кажется, не скоро явится. Ёдемте.

Рыжій артиллеристъ бинулся отвязывать Бѣльчика.

Когда они отѣхали отъ воротъ сада, то изъ-за другой стороны выѣхали еще два всадника, держа наискось, на перѣѣзъ ихъ дороги. Потомъ они приѣстновились, дали проѣхать Марфѣ Васильевнѣ съ своимъ кавалеромъ и тронулись вслѣдъ за ними въ почтительномъ отдаленіи.

Несмотря на темноту, можно было разсмотрѣть, что рыжій артиллеристъ размѣнялся съ однимъ изъ всадниковъ какимъ-то страннымъ сигналомъ.

Марфа Васильевна ничего не замѣчала и заигрывала съ своимъ Бѣльчикомъ, слегка щелкая хлыстикомъ по кончикамъ его ушей, отчего конь трясъ головой, мелодично гремя мелкими металлическими украшениями кашгарской уздечки.

Перловичъ и человѣкъ съ большой бородой забрались въ самую глушь опустѣлаго минъ-урюка. Перловичъ горячился.

— Батоговъ, я вамъ говорю: — это эксплуатація! скажу болѣе: это не совсѣмъ честная эксплуатація!

— Ну, честь тутъ ни причемъ, вставилъ человѣкъ съ бородою, котораго Перловичъ назвалъ Батоговымъ.

— Мы съ вами, Перловичъ все время говорилъ Батогову вы, несмотря на то, что послѣдній относительно его употреблялъ другое мѣстоимѣніе, — разошлись при совершенно равныхъ условіяхъ; я не виноватъ, что вы не умѣли воспользоваться тѣмъ, что вамъ попало прямо въ руки.

— Оставимъ и это... проговорилъ Батоговъ.

— Нѣтъ не оставимъ... Сотня по сотнѣ вы перебрали у меня болѣе пяти тысячъ.

— Да а развѣ, чортъ возьми, не возвращалъ я тебѣ, когда выигрывалъ—я даже возвращалъ болѣе: я надбавлялъ также жидовскіе проценты, которые ты берешь съ другихъ...

— Когда выигрывалъ, когда выигрывалъ, повторялъ Перловичъ. — Ну, а когда проигрывалъ... что было чаще, что было почти постоянно.

— Тогда, понятно, я не могъ заплатить...

— Да, не могъ; но согласитесь-же, Батоговъ, если подобный порядокъ вещей будетъ продолжаться, что-же оста-

нется у меня! Вы высасываете у меня капля по каплѣ все, что я приобретаю трудомъ...

— Давая въ займы по двадцати процентовъ, опять вставилъ Батоговъ...

— Это не ваше дѣло. Я веду торговые обороты,—рискую; я отказываю себѣ почти во всемъ, имѣя одну цѣль впереди, я иду къ этой цѣли и на дорогѣ постоянно натываюсь на васъ; вы мнѣ отравляете все мое существованіе... Для чего я хлопочу, если все это идетъ въ бездонную яму... Я развѣ знаю границы вашихъ требованій, развѣ вы ихъ знаете сами...

— Постой-ка; вотъ ты тутъ рѣчи произносишь, а время идетъ: ты, во-первыхъ, меня задерживаешь, а, во-вторыхъ, тебя дожидается барыня у воротъ, и очень красивая барыня!..

— Я не могу вамъ болѣе ничего дать.

— Ну, и не давай...

— Да не дамъ. Помните, что мнѣ нечего васъ бояться.

— Конечно, что-же во мнѣ страшнаго?

— Выдавая меня, вы и сами лезете въ петлю.

— Ну, понятно.

— Прощайте!

Перловичъ всталъ со скамьи, на которой они оба сидѣли и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ.

— Прощай, братъ, спокойно произнесъ Батоговъ и не трогался съ мѣста.

Перловичъ быстро вернулся.

— Батоговъ, я вамъ завтра дамъ эти деньги... въ тонѣ Перловича зазвучали просительныя ноты.—Завтра, приѣзжайте ко мнѣ на дачу...

— Завтра мнѣ не нужно будетъ. Ступай-же скорѣе! вѣдь говорятъ-же тебѣ, что тебя ждуть.

— Сегодня со мною нѣтъ денегъ... я-бы радъ, но..:

— Не ври, пожалуйста, они всегда при тебѣ... Ахъ, да идите.

Перловичъ сѣлъ на скамью и черкнулъ спичкой: загорѣлся синеватый огонекъ. Неловко придерживая спичку и въ то-же время доставъ изъ бокового кармана бумажникъ, онъ началъ отсчитывать деньги.

— Ну вотъ, давно-бы такъ, произнесъ Батоговъ, принимая маленькую пачку бумажекъ. — Юсупъ! лошадей!..

Тутъ только Перловичъ замѣтилъ, что оволо нихъ, на травѣ сидѣлъ на корточкахъ, туземецъ-джигитъ Батогова.

Непроницаемая темнота охватила всадника, когда Перловичъ, довѣрившись зоркости своего чалаго коня, рысиль къ городу. Вдали почти на горизонтѣ мелькали красноватые огоньки. Густая пыль не успѣла еще улечься и почти неподвижно стояла въ воздухѣ.

IV.

Оргія у Хмурова.

Въ первой комнатѣ было пусто; у окна стояла только высокая конторка, на ней лежала большая, счетная книга въ изношенномъ до нельзя переплетѣ, на книгѣ—казачья уздечка. Подъ конторкою стояла корзина съ посудой, въ углу валялся шелковый халатъ и камеръ-обскура съ выбитыми стеклами. Все это освѣщалось висячею лампою—подъ круглымъ, металлическимъ абажуромъ.

Во второй комнатѣ—пили, въ третьей—играли, въ четвертой—опять пили, въ слѣдующей—опять играли.

Всѣмъ, должно быть, было весело.

Громкій говоръ и смѣхъ, вмѣстѣ съ клубами табачнаго дыма носились изъ комнаты въ комнату. Словно маяки по берегу въ туманную погоду—мелькали нагорѣвшія свѣчи, кое-гдѣ мигали и теплились голубоватые огоньки на пуншевыхъ стаканахъ играющихъ.

Всѣ двери и окна большого дома Хмурова были разтворены настежь, и въ нихъ заглядывали характерныя, узкоглазья—скуластыя, то черныя, почти оливковыя, то мѣдно-красныя лица любопытныхъ туземцевъ.

Несмотря на позднее время ночи,—всѣ хмуровскіе прикащики бойко шныряли по двору по разнымъ дѣламъ, ругаясь мимоходомъ съ киргизами, только что прибывшими съ большимъ оренбургскимъ караваномъ. Длинные ряды развьюченныхъ верблюдовъ, неподвижно, словно груды камня,—лежали вдоль стѣнъ двора, пережевывая саманъ (рубленую мелко солому). Ручной тигръ „Маша“ метался въ своей просторной клѣткѣ, сверкая разгорѣвшимися, изумрудными глазами.

Шумъ и гулъ веселья—далеко разносился по городу.

— У Хмурова нынче вечеръ, говорилъ одинъ офицеръ линейца другому.

Оба они мѣрно, нога въ ногу, шагали по „большому“ шоссе.

— Да, что-то гудятъ.

— А что, зайдешь, братъ.

— Неловко: я совсѣмъ не знакомъ.

— Ничего, я представлю.

— А ты когда-же познакомился?..

— Не помню, какъ-то на прошедшей недѣлѣ; гдѣ-то видѣлись, чуть-ли, не подрались даже, а, впрочемъ,—мы съ нимъ уже на ты.

— Ну, ладно, идемъ.

— Ты, братъ, кажется, въ однихъ под....

— Нѣтъ, это—такъ: бѣлые панталоны въ сапоги,—по походному.

Оба свернули съ шоссе, перескочили черезъ арыкъ и направились цѣликомъ, куда предполагали.

Спѣловатовъ металъ, нѣсколько военныхъ, и два господина въ штатскихъ костюмахъ понтировали. Банкомету, что называется, везло и около него лежала порядочная куча небрежно скомканныхъ ассигнацій.

Перловичъ только что поговорилъ съ полковникомъ, бывшимъ у него сегодня утромъ на дачѣ, и ощущалъ въ своемъ боковомъ карманѣ аккуратно сложенный документъ. Полковникъ походилъ еще по комнатамъ, больше для вида, перекинулся кое съ кѣмъ незначущими фразами и раскланялся съ хозяиномъ.

Хмуровъ, полулежа на турецкомъ диванѣ, рассказывалъ многочисленнымъ слушателямъ, какъ они, въ бытность свою въ Бухарѣ, вдвоемъ съ прикащикомъ Громовымъ, вооруженные одною только бутылкою шампанскаго, тѣфу—бишь,—револьверомъ въ триста шестьдесятъ пять выстрѣловъ (особенно американской системы) защищались отъ сорока-тысячной арміи бухарскаго эмира.

— Я—баць! баць! баць!.. говорилъ Хмуровъ — Передніе повалились,—задніе—тягу, потѣха, право! Громовъ въ догонку—хлопъ! я опять—баць!.. Посылаютъ за артиллеріей и вовобновляютъ атаку.

— Эка вретъ, эка вретъ, ворчитъ сквозь зубы Спѣлохватовъ, до ушей котораго доносятся отдѣльныя фразы любопытнаго разсказа.

— Наконецъ, вступили въ переговоры... Что-же это Марфа Васильевна не ѣдетъ? обратился разсказчикъ къ Перловичу, который пробирался между игорными столами.

— Не знаю, право. Она уѣхала, не дожидаясь меня.

Кубббокъ яитарный
Половъ давно...

Хватили хоромъ нѣсколько голосовъ.

— Семь верблюдовъ съ сахаромъ и четыре съ разною галантереею и того одинадцать; а остальные девять—всѣ подъ вино... говорилъ рябоватый господинъ съ сильнымъ еврейскимъ акцентомъ... Ну, хорошо;—я такъ и распорядился... Что-зе?.. Проходитъ недѣля—нѣту,.. другая—нѣту... Пису къ коменданту...

— Придется зимовать въ фортахъ;—это случается.

— Да, но вѣдъ теряется время, согласитесь сами... А все отчего?.. Эмбинскіе киргизы взялись доставить—только до форта „перваго“, а тамъ передать казалинскому караванъ-башу, а тѣ цѣну подняли вдвое и верблюдовъ не даютъ. Какіе-зе тутъ контракты...

— Стакнулись косоглазые мошейники и остановилось дѣло...

— Послушайте, Захо, сказалъ Перловичъ, подойдя къ говорившему. — Не вы одни жалуетесь на эти неудобства. Вонъ и тотъ и этотъ... (Перловичъ ткнулъ пальцемъ по разнымъ направленіямъ) все одна и та-же пѣсня; а между-тѣмъ, совершенно отъ насъ зависитъ перемѣнить обстоятельства къ лучшему...

— Позвольте, какъ-же это отъ насъ?..

— У меня есть проектъ; если мы—негоціанты обсудимъ его всѣ сообща, то, можетъ быть, и придемъ къ какимъ-либо результатамъ.

— Мы слушаемъ...

— Теперь не время распространяться, а вотъ вы зайжайте на дняхъ ко мнѣ на дачу,—мы и потолкуемъ.

Хмуровъ, пошатываясь, подошелъ къ Перловичу:

— Пойти развѣ наказать его, мигнулъ онъ глазами въ ту сторону, гдѣ Спѣлохватовъ обиралъ своихъ понтеровъ.— Идемъ въ долю... Да, пойдёмъ-же... Хмуровъ взялъ Перловича подъ руку и почти силою потащилъ къ столу.

— Сейчасъ банкъ затрещить, провозгласилъ онъ, проталкиваясь къ столу — Настоящіе игроки идутъ... Э быкъ—алле...

— Я сказалъ, что не стану играть.

— Не мѣшайте, господа, коротко обрѣзалъ Спѣлохватовъ, задержавъ талию и отмѣчая что-то мѣломъ.

— Алле,—чортъ побери, и жуэ, говорятъ тебѣ.

Хмуровъ не то, что-бы былъ пьянъ, а просто ломался.

— Михайло Иванычъ, а Михайло Иванычъ... говорилъ почти шопотомъ высокой, плотный прикащикъ, почтительно дотрогиваясь до плеча своего хозяина.

— Что тамъ еще?!

— Пожалуйте-съ на крыльце...

— Зачѣмъ?

— Пожалуйте—дѣло есть...

Хмуровъ пошелъ къ выходу, бормоча: что тамъ еще такое?.. пойти посмотрѣть... Перловичъ тѣмъ временемъ ступевался въ толпѣ; онъ усѣлся въ скромномъ уголкѣ, заслоненный широкою спиною пѣвца, который, уткнувшись въ одну точку, тянулъ густымъ басомъ:

«Выпьемъ за славу
Славу, друзья...
Брранной забавы
Лю...бить нельзя».

Когда хоръ стихалъ, чтобы разразиться новымъ куплетомъ, слышны были иные, плачевные звуки: то продолговатая шкатулочка съ музыкою, чуть не въ сотый разъ наигрывала арію изъ „Трубадура“.

Тотъ самый адъютантъ, который такъ ловко полькировалъ на подмосткахъ минурювской танцевальной бесѣдки, томно глядя въ открытое окно на чуть освѣщенные, запыленные листки, росшаго у самой стѣны тополя, говорилъ какому-то интендантскому чиновнику.

— О, какъ я способенъ любить... и любить не тою пошлюю, чувственною любовью.

— Ну, конечно, соглашался собесѣдникъ.

— Когда судьба столкнетъ съ настоящею женщиною, близкою къ тому почти неуловимому идеалу, то тутъ уже вся жизнь сливается, такъ связать, въ одинъ фокусъ... этотъ фокусъ...

Громадная, датская собака Хмурова, спавшая на коврѣ, по близости, не обращая вниманія на разнообразный шумъ и движеніе, звонко зѣвнула и потянулась...

— Этотъ фокусъ... продолжалъ адъютантъ — Гекторъ, свинья, пошелъ вонъ!.. Просто дышать невозможно.

— Хотятъ къ ужину накрывать, сказалъ интендантскій чиновникъ. — Мы тутъ, пожалуй, мѣшать будемъ. Пойдемте туда: посмотримъ, какъ Спѣлохватовъ капиталы огребаешь... Ну, смотри, „фокусъ“, не укуси меня, отнесся онъ къ собакѣ, шагая черезъ животное.

А между тѣмъ, Хмуровъ вышелъ на крыльцо и прежде всего увидѣлъ своего Бѣльчича, котораго такъ и лѣзъ въ глаза, громаднымъ, бѣлымъ пятномъ рисуясь во мракѣ. Отъ него валилъ паръ, и конюхъ-киргизъ усердно обтиралъ шею лошади полою своего полосатаго халата.

— Я къ вамъ сегодня не найду, сказала Марфа Васильевна, стоя у столба крыльца (Хмуровъ съ перваго раза не замѣтилъ ея)... Уже поздно, да къ тому-же... Я вотъ вамъ привезла вашего Бѣльчича, а отсюда пѣшкомъ дойду...

— Марфа Васильевна, а мы васъ ждали... Да къ чему-же пѣшкомъ; я велю запречь коляску...

— Это еще зачѣмъ?—тутъ близко. А вотъ вы лучше дайте мнѣ кого-нибудь проводить меня до дому, а то тутъ есть своего рода бандиты.

— Бѣдный Бѣльчичъ! вздохнулъ комически Хмуровъ.

— Это почему? удивилась наѣздница.

— А я вонъ гляжу на вашъ хлыстъ, и ни за что не захотѣлъ бы быть въ ту минуту въ шкурѣ моего иноходца...

— Ха-ха-ха!.. расхохоталась Марфа Васильевна, поднявъ обломокъ своего хлыста и рассматривая его при свѣтѣ китайскаго бумажнаго фонаря, висѣвшаго на перекладинѣ крыльца.—Это досталось совсѣмъ не Бѣльчичовой шкурѣ, а другою...

— Другой?! озадачился Хмуровъ—Кто-же это—кто? Скажите, ради Бога, Марфа Васильевна!

— Теперь не время;—послѣ какъ-нибудь узнаете, уклонилась Марфа Васильевна.—Малайка, пойдемъ со мною, сказала она конюху-киргизу.—Вы позволите?..

Хмуровъ засуетился.

— Малайка, Юсупъ, Асланъ-бай! Всѣ сюда! Фонарей побольше, да клынци (шашки) надѣньте, болваны!..

— Это еще что такое? изумилась Марфа Васильевна.

— Почетный конвой. У меня нѣтъ въ распоряженіи казачьихъ сотенъ, какъ у губернатора, такъ я вамъ своихъ чумазыхъ джигитовъ. Ты что, скотина, нагншемъ пришелъ, обратился онъ въ варявому Асланъ-баю;—красный халатъ надѣнь, чупка (свинья)!

— Ну, съ вами не сообразишь; прощайте, сказала Марфа Васильевна, шмыгнувъ за ворота.

Нѣсколько туземцевъ, сопровождаемые подзатыльниками Хмурова, кинулись за ней слѣдомъ. Самъ хозяинъ вышелъ на улицу и слышенъ былъ его сильный голосъ, вричавшій:—Да смотрите, собаки, если только барыня пожалуется... закатаю!..

— Ты, братецъ, пожалуйста извини, что я къ тебѣ не съ параднаго подъѣзда, произнесъ Батоговъ, влѣзая въ окно той комнаты, гдѣ Спѣлохватовъ металъ банкъ.—Смотрю—освѣщеніе... Да гдѣ-же Хмуровъ? Здравствуйте, господа!..

Батоговъ успѣлъ уже гдѣ-то, что называется, хватить и, неснимая своего бѣлаго кепи съ назатыльника, смотрѣлъ на все сборище своими, въ полъ-пьяна веселыми, сѣрыми глазами.

Это неожиданное появленіе сразу всѣхъ нѣсколько озадачило; потомъ раздались оглушающія привѣтствія, направленные къ новопривышему.

— А, Батоговъ; вотъ неожиданность!

— Откуда?

— Когда пріѣхалъ?

— На долго-ли?

— Ура! крикнулъ интендантскій чиновникъ, наливъ себѣ рюмку и никакъ не попадая пробкой въ горлышко графина.

Одинъ Перловичъ замѣтно смутился и потому только не ушелъ, что видѣлъ прямо на него устремленный добродушный взглядъ бородатаго гостя. Онъ машинально подошелъ къ Батогову и протянулъ ему руку.

— Здравствуй, голубчикъ, здравствуй, говорилъ Батоговъ;— давно не видались, а, впрочемъ, не очень давно... Да гдѣ же Хмуровъ?

— Вотъ распотѣшилъ! Благодарю—не ожидалъ. Мерси боку, мерси, произнесъ Хмуровъ, входя съ распростертыми объятіями.

И хозяинъ, и гость обнялись и громко чмокнулись.

— А мы думали, что ты уже сдохъ, право... Засѣлъ тамъ на передовой линіи...

Батоговъ подошелъ къ столу и повосился на деньги, лежащія подъ рукой Спѣлохватава. Перловичъ порывисто всталъ и вышелъ въ другую комнату.

— Идетъ? спросилъ онъ Спѣлохватава, вынимая изъ кармана пачку и наврывъ ее картою.

— Сколько? спросилъ банкومترъ.

— Не знаю.

— Да ну, не дури; ставь, какъ слѣдуетъ.

— Считай, мечи, и будь здоровъ, а я пойду туда къ столу и „того“. Аловъ... Онъ взялъ Хмурова подъ руку и отошелъ отъ стола, оставивъ тамъ деньги. Спѣлохватавъ тщательно пересчиталъ пачку Батогова; приложилъ столько-же своихъ и протянулъ колоду, говоря: — Срѣжьте кто-нибудь...

Щеголеватый адъютантъ ловко вынулъ карту и подрѣзалъ. Спѣлохватавъ вскрылъ талію и открылъ карту Батогова.

— А, дама... произнесъ онъ.

Онъ началъ метать медленно, съ выдержкою, тщательно просматривая каждый абцугъ.

Игра была интересна, не потому, что шелъ большой кушъ, превышавшій половину всего банка, но потому, что единственный въ данную минуту понтеръ закусывалъ съ Хмуровымъ въ другой комнатѣ, совершенно равнодушно относясь къ тому, что происходило на игорномъ столѣ.

Нѣсколько десятковъ глазъ жадно слѣдили за пальцами Спѣлохватава, унизанными свергавшими перстнями.

— Смотрю, говорилъ Батоговъ Хмурову, чобаясь съ нимъ стаканами, — факелы впереди, факелы сзади, болваны въ красныхъ халатахъ, твои, кажется; у одного такъ даже ружье никакъ было — только-бы еще флейту съ барабаномъ — совсѣмъ принцеса сіамская. Кто такая?

— Это, гмъ... это, братецъ ты мой, сама...

— Дана, громко и совершенно покойно провозгласилъ Спѣлохватавъ.

— Вы имѣете вашу даму-съ, подскочилъ къ Батогову совершенно ему незнакомый господинъ, сообщая эту пріятную новость.

— Я ее, кажется, сегодня въ Минъ-урюеѣ видѣлъ, говорилъ Батоговъ. — Много-ли тамъ у тебя въ банкѣ? крикнулъ онъ Спѣлохватаву.

— Позвольте, я сейчасъ сосчитаю, предложилъ свои услуги все тотъ-же незнакомый господинъ.

— Убирайся къ чорту! обрѣзалъ Батоговъ.

— Милостивый государь, вы... вы... вы...

— Хмуровъ, убери его, голубчикъ, отнесся Батоговъ къ хозяину и пошелъ къ Спѣлохватаву.

— Вотъ дикость нравовъ... бормоталъ господинъ, посланный къ чорту, которому Хмуровъ говорилъ что-то вполголоаса. — Да я, собственно, ничего, но къ чему-же такія рѣзкости...

— Да ну, ладно, ладно, говорилъ Хмуровъ. — Этакъ на всякую бездѣлицу обижаться... помилуй...

— Да я и не обижаюсь... но все-таки, посуди самъ...

Батоговъ стоялъ передъ Спѣлохватавымъ и перебиралъ понтерки; Спѣлохватавъ распечатывалъ новую колоду. Оба были болѣе, нежели покойны. Послѣдній даже слегка улыбался. Со стороны можно было подумать, что они заняты простымъ пасьянсомъ. А между тѣмъ игра была громадная, такая, что у всѣхъ окружающихъ затаило дыханіе и въ комнатѣ совершенно затихло, только и слышно было громкое сопѣніе Гектора и шелковистый шелестъ новой колоды.

— Ну, голубчикъ, ва-банкъ со входящими и со всѣмъ прочимъ; готово?

— Готово.

Батоговъ вскрыль опять даму.

— Это кто-же? ткнуль Хмуровъ пальцемъ въ открытую карту.

— А вонъ та, съ факелами...

— Дана! вскричали разомъ нѣсколько голосовъ.

— Ишь, вѣдь, какъ повезло, произнесъ Батоговъ и придвинуль къ себѣ все, что было на столѣ.

Спѣлохватовъ отошелъ отъ стола.

— Заглядывай теперь ты, сказалъ онъ Батогову.—Ты сегодня въ ударѣ.

— Ладно, сказалъ Батоговъ:—послѣ ужина.

Трудно было опредѣлить, когда именно начался ужинъ. Уже давно ароматическія, дымящіяся мясныя блюда стояли на столѣ, и публика давно уже подходила и брала себѣ на тарелки, что кому по вкусу. Только игра Батогова отвлекла общее вниманіе отъ сервированнаго стола, и теперь снова всѣ хлынули въ большой залъ и загремѣли оставленными тарелками.

Приѣздъ Батогова внесъ новый элементъ въ разнообразную болтовню пирующихъ. Было шумно, ѣли много, пили еще больше и уже большинство, что называется, не вязало лыка.

Игра послѣ ужина возобновилась. Металь теперь Батоговъ, понтировать ему нашлось много охотниковъ.

Босоногая, туземная прислуга Хмурова живо разобрала складной столъ, вынесла вонъ все лишнее и въ залѣ стало просторно.

А между тѣмъ Перловичъ ходилъ въ темнотѣ подь окнами хмуровскаго дома, скрытый совершенно густою стѣнкою молодыхъ тополей.

— Вотъ онъ мечеть... смотрѣль онъ, какъ въ свѣтломъ четырехугольномъ раскрытаго окна, въ синеватой мглѣ табачнаго дыма рисовалась темная окладистая борода Батогова. Чья-то спина заслонила его на минуту отъ глазъ невидимаго наблюдателя.

— Да, конечно, не можеть-же везти цѣлый вечеръ... сказалъ это-то, стряхивая за окно пепель своей сигары.

— Сорвутъ... это непременно... добавилъ это-то другой.

Перловичъ быстро отошелъ отъ окна и пошелъ отыскивать свою лошадь.

Вдоль стѣны двора, у врытыхъ въ землю точеныхъ стол-

бибовъ съ кольцами, стояли разнокалиберныя лошади хмуровскихъ гостей, подъ самыми разнообразными сѣдлами. Человѣка три туземцевъ ходили около нихъ съ своими нагайками, присматривая за животными и недопуская драться со сѣднимъ жеребцамъ.

Перловичъ отыскалъ своего коня, вывелъ его, разобралъ поводья и занесъ ногу въ стремя. Занесъ и задумался.

— И связала-же судьба съ такимъ... Эй, Тамыръ, привяжи-ка ее опять, сѣзала онъ туземцу, передавая ему поводья. Онъ снялъ шапку, обтеръ платкомъ потъ и подошелъ опять къ окнамъ.

— Ну, что? говорилъ кто-то.

— Прикончили, отвѣчалъ другой,—акуратно обработали.

— А Батоговъ, что?

— Да что Батоговъ: рассказываетъ, какъ докторъ въ Чиназѣ тифозныхъ больныхъ въ Дарѣ мочить вельѣль, а тѣ и отправились всѣ къ ночи...

— А молодецъ играть, право: нужно отдать справедливость.

— Играетъ хорошо.

— Другой какую-нибудь сотню проиграетъ—изъ себя выходитъ: зеленѣетъ, краснѣетъ, бѣсится, ну такъ и лѣзетъ на неприятность, а этотъ и выигрывать мастеръ, за то и проигрываетъ тысячи—бровью не моргнетъ...

— Да, легко проигрывать, что легко досталось.

— Ну, мало-ли, что врутъ.

— Да, оно положимъ, что врутъ, а все-таки подозрительно: знали, что ни у того, ни у другого ни гроша, а тутъ приѣзжаютъ—Ротшильдъ со Штиглицемъ.

— Я слышалъ, будто хотѣли слѣдствіе произвести, да прицѣпиться не къ чему.

— Ну, ужъ ѣ слѣдствіе.

— Да отчего не произвести: откуда, что и какъ... все досконально...

Перловичъ слышалъ все, что говорили въ комнатѣ у окна; онъ прикусилъ губу и судорожно сжалъ кулаки: ему вдругъ захотѣлось кинуться и исколотить обоихъ говорившихъ.

А Батоговъ искалъ кого-то глазами между хмуровскими гостями, и какъ-будто удивлялся: куда-же это онъ провалился.

Перловичъ инстинктивно чувствовалъ, кого ищетъ Батовъ и даже зналъ зачѣмъ. Онъ плотно прижался въ своемъ темномъ углѣ и съ лихорадочнымъ, жгучимъ вниманіемъ наблюдалъ за всѣмъ происходившимъ.

Хмуровъ вышелъ и распоряжался чѣмъ-то на дворѣ. Слышенъ былъ сдержанный, тревожный говоръ и бряцанье желѣзной цѣпи.

— Эхъ, Михайло Иванычъ, напрасно-съ, говорилъ кто-то въ темнотѣ.

— Убирайся, слышенъ былъ голосъ Хмурова. — Асланку позови; отодвигай засовъ. Постой, не сразу... Эхъ, Михайло Иванычъ... Асланку, лѣшаго, сюда... Смотри, какъ-бы къ лошадямъ не рванулся. Эй, пошли прочь съ крыльца. Смотри, цѣпь изъ рукъ не пускать — ни, Боже мой... Ну, Господи благослови!

Послышался лязгъ желѣзной дверцы клѣтки, гдѣ сидѣла насторожившая уши полосатая „Маша“.

— Гектора уберите, ради Бога, скорѣй, а-то такая бѣда будетъ!.. стремительно вбѣжалъ блѣдный, растерянный прикащикъ, тотъ самый, что вызывалъ Хмурова къ Марфѣ Васильевнѣ. Онъ кинулся къ дверямъ спальни, растворилъ ихъ и сталъ манить туда собаку.

— Что случилось? Зачѣмъ? послышались вопросы. Встрешенный видъ прикащика смутилъ нѣсколько всѣхъ присутствующихъ, и даже Спѣлохватовъ, ничѣмъ никогда не смущавшійся, спросилъ:

— Да что-же тамъ такое, въ самомъ дѣлѣ?

— Михайло Иванычъ „Машку“ ведутъ сюда, отвѣчалъ прикащикъ. — Гекторъ, иси, сюда! ну, сюда, дурачье... И онъ, стоя на порогѣ спальни, перебиралъ всевозможныя междометія самаго мѣнящаго свойства. — Да иди-же, иди, говорилъ онъ чуть не со слезами, — иди, Гекторъ... Экой ты упрямый... Да подгоните его кто-нибудь...

— Ладно. Какъ его подгонишь, сказалъ кто-то изъ гостей, глядя на внушительныя формы лѣниваго животнаго.

Собака встала, наконецъ, оглянулась во всѣ стороны, зѣвнула, потянулась и шагнула на зовъ. Собака эта была съ добраго телянка ростомъ; красно-коричневое туловище, разрисованное черными, поперечными полосами и гигантскій ростъ дѣлали ее чрезвычайно похожей, съ перваго взгляда,

на тигра. Это животное одарено было, при колоссальномъ ростѣ, могучею силою, одна ходила на медвѣдя и нивогда не знала пораженія. Когда Гектору приходилось проходить по двору мимо вѣтки тигра, онъ всегда подходилъ къ самой вѣткѣ, пристально осматривалъ хищника и, не обращая никакого вниманія на бѣснованія „Машки“, покойно проходилъ дальше. Иногда только, когда Машка просовывала свою лапу между желѣзныхъ прутьевъ, пытаясь задѣть собаку, Гекторъ внушительно рычалъ, какъ-бы говоря: постой, пріятельница, доберусь и до тебя при случаѣ.

Половицы дрогнули и зазвенѣла на столахъ неубранная посуда, когда собака однимъ прыжкомъ очутилась у дверей спальни.

— Ну, молодецъ, молодецъ; ну ложись здѣсь... Кушъ!..

Приващикъ выскочилъ, захлопнулъ дверь, повернулъ ключъ, прислушался одно мгновеніе и махнулъ за окно. Это было словно сигналомъ: разомъ нѣсколько спинъ мелькнуло въ отворенныхъ окнахъ и затрещали молодые тополевыя сучья. Однако, большинство осталось на мѣстѣ, все еще не успѣвъ сообразить: что-же такое дѣлается?..

Послышались шаги нѣсколькихъ человѣкъ, дрогнула натянутаѣ цѣпь, послышались и другіе шаги: мягкіе, эластичныя, сопровождаемыя сухимъ стукомъ когтей по плитному полу сосѣдней комнаты.

Въ отворенныхъ настежь дверяхъ показалась круглая голова съ торчащими, короткими ушами. Желтоватыя, мигавшіе фосфорическимъ блескомъ глаза прищурились отъ потока непривычнаго свѣта.

Первое мгновеніе всѣмъ показалось, что тигрица проскользнула въ комнату одна, совершенно свободная, и холодный потъ заигралъ подъ рубашками у полупьяныхъ храбрцевъ; но потомъ, всѣ ясно разсмотрѣли, какъ толстая цѣпь, продѣтая въ кольцо сырматнаго ошейника, была намотана на сжатой въ кулакъ рукѣ Хмурова; кромѣ этой цѣпи, — веревка, пропущенная сквозь тоже кольцо, была въ рукахъ здороваго Асланъ-бая. У послѣдняго за поясомъ засунуть былъ слегка искривленный туземный ножъ въ оправѣ изъ змѣиной кожи, а высокій прикащикъ, обойдя вокругъ дома, высунулъ изъ двери, робко протягивая Хмурову пару револьверовъ на всякій случай.

— Положи на столъ, отрывисто произнесъ Хмуровъ. — Господа, позвольте васъ познакомить: сія дама прислана мнѣ отъ кашгарскаго бея... бравировалъ онъ, скользнувъ рукою по цѣпи и глядя животное за пушистою щекою, какъ глядятъ кошекъ, если хотятъ заставить ихъ мурлыкать.

Тигрица, озадаченная такимъ большимъ обществомъ, выдрессированная съ молодую и неуспѣвшая еще окончательно одичать въ хмуровскихъ рукахъ, недовѣрчиво косилась по сторонамъ и вздергивала красными, словно раскаленные уголья, ноздрями. Полная дивой граціи, она припала на переднія лапы, и легла на коверъ, какъ-разъ посрединѣ залы.

Широкоплечій Асланъ сталъ у притоки, прислонившись къ дверному косяку, и сложивъ на груди мохнатая, мускулистая руки, онъ выпустилъ веревку по приказанію Хмурова, который одинъ сѣлъ на полъ, рядомъ съ своею тигрицею.

Началось совершенно неожиданное, оригинальное представленіе. Замоскворѣцкое „нашему здраву не препятствуй“ на этихъ далекихъ окраинахъ нашло себѣ новое примѣненіе.

Всѣ сидѣли и стояли совершенно неподвижно, какъ кого застало появленіе звѣря. И жутко, и пріятно было ощущать близость этой дивой, враждебной человѣку силы... Густой румянецъ совершенно исчезъ со щекъ щеголеватого адъютанта, замѣненный цвѣтомъ, близко подходящимъ къ цвѣту его кителя, осовѣлые глаза жалобно моргали, нижняя губа отвисла и съ нея что-то капало.

Подъ вліяніемъ нервнаго напряженія, хмѣль испарялся изъ опьянѣлыхъ головъ; многіе уже протрезвѣли окончательно.

— Асланъа, мяса принеси, сказалъ Хмуровъ, и легъ рядомъ съ тигрицею и положилъ на нее свою голову. Пушистая твань ковра, цѣпляясь за острые когти звѣря, видимо безпокоила его, и эти крючковатые, верхковые когти, раздражительно ерзая, то вывазывались во всемъ своемъ грозномъ величіи, то прятались въ мягкихъ, бархатистыхъ лапахъ. Хвостъ животнаго былъ вытянутъ совершенно прямо и только грязно-бѣлый кончикъ его дрожалъ словно наэлектризованный.

Но тутъ случилось то, чего никто не могъ ожидать, чего не предвидѣлъ даже, всегда на все готовый, Хмуровъ.

Высокій офицеръ въ казачьемъ мундирѣ, въ широчайшихъ штанахъ съ синими лампасами, всталъ, пошатнулся, улыб-

нулся во весь ротъ, сдѣлалъ какую-то многозначительную гримасу: погоди, молъ, я удеру штуку и направился къ тигру.

— Брандманъ, ты куда? спросилъ его Спѣлохватовъ.

Казакъ глупо улыбнулся и вдругъ кинулся къ звѣрю и со всей силы дернулъ его за кольчатый хвостъ.

Въ первую минуту никто не могъ сообразить: что такое произошло.

Ошеломленный Хмуровъ кубаремъ пролетѣлъ по комнатѣ и съ размаха ударился объ ломберный столъ. Тигрица вскочила съ страшнымъ ревомъ и, прижавъ уши, дико озиралась по сторонамъ, какъ-бы раздумывая: на кого ей броситься. Цѣпь свободно волочилась по полу. Асланъ появился на порогѣ съ кускомъ мяса въ рукахъ.

Всѣ оцѣпенѣли. Всѣ боялись сдѣлать хотя какое-нибудь малѣйшее движеніе; казалось каждому, что налитые кровью глаза раздраженнаго, свободнаго звѣря устремлены именно на него и что если онъ пошевелитъ хотя бровью, то въ то же мгновеніе въ него вопьется эта темная пасть съ страшно бѣлѣвшими клыками, эти кривые, какъ ланцеты, острые когти.

Батоговъ сидѣлъ какъ-разъ противъ тигра: ихъ отдѣляло не болѣе двухъ шаговъ; ни на немъ, ни около не было никакого оружія. Вѣроятно, густая борода Батогова на бѣломъ фонѣ его рубашки привлекла вниманіе звѣря.

Тигрица припала, вытянулась и приготовилась къ прыжку.

Въ окнѣ, словно прилипшее къ стеклу, показалось чье-то блѣдное лицо; два глаза горѣли ожиданіемъ и томительною радостью; узкія губы складывались въ отвратительную, конвульсивную улыбку.

Дверь въ спальню затряслась подъ напоромъ могучаго тѣла; глухое рычаніе Гектора слышалось за этою дверью; со звономъ отлетѣлъ плохо привинченный замокъ и затрепавъ распахнулись настежь обѣ половинки, повиснувъ на полуоторванныхъ косякахъ.

Двѣ полосатя, живыя массы поднялись на дыбы, сцѣпились и съ какимъ-то страннымъ звукомъ (не то визгъ, не то ревъ, не то задавленное хрипѣніе) покатались по полу, опрокидывая все встрѣчное своимъ стремленіемъ...

Въ углу, между каминомъ и столомъ разыгрывалась въ эту минуту траги-комическая сцена:

Спѣлховатовъ схватилъ съзади за руки щеголеватого адъютанта, поставилъ его передъ собою, и, какъ въ желѣзныхъ тискахъ, держалъ его въ этомъ положеніи. Онъ, на всякій случай, живымъ щитомъ закрылся отъ предстоящей опасности.

— Спѣлховатовъ, что за пошлости, что за неумѣстныя шутки, захлебывался адъютантъ, силясь освободиться.

— Какія тутъ шутки, спокойно, въ полголоса утѣшалъ его Спѣлховатовъ: — это простое чувство самосохраненія... это, вотъ видите-ли... Да не барахтайтесь-же; это, наконецъ, глупо: во первыхъ, бесполезно,—потому что изъ моихъ рукъ трудно вырваться, а во вторыхъ,—вы этимъ скорѣе привлечете вниманіе тигра...

— Это подло... пустите... лепетала жертва коснѣющимъ отъ ужаса языкомъ...

— Не пуцу — хотя это съ моей стороны нѣсколько эгоистично, за то благоразумно: по крайней мѣрѣ, — если тигру вздумается броситься на насъ, то я предоставлю ему въ распоряженіе вашу особу, а самъ, тѣмъ временемъ, прийму надлежащія мѣры... Да ну-же, стойте-же смирно!

— Собаку... спасайте... Гектора! кричалъ Хмуровъ, весь разбитый, подымаясь съ полу...

Асланъ, съ ножемъ въ рукахъ, согнувшись и стиснувъ зубы, стоялъ надъ борцами, выжидая мгновенія... еще секунда—и онъ согнулся еще ниже, почти легъ и погрузилъ куда-то свою вооруженную руку

Закативъ потухающіе глаза, конвульсивно сгребая лапами изорванный коверъ издыхала „Машка“, брызгая во всѣ стороны своею горячею кровью... Гекторъ съ раздробленнымъ плечомъ, съ страшною ранюю на боку зарылся мордою въ горло тигра.

Соединенныя силы человѣка и собаки одержали побѣду надъ дикою мощью могучаго хищника.

— И за что, подумаешь, загубили звѣря, произнесъ Батовъ и направился въ выходу.

— Ну, баталія!.. протянулъ интендантскій чиновникъ и глядѣлъ: гдѣ-же это водка дѣлась — для подкрѣпленія силъ весьма не мѣшало-бы, думалъ онъ.—Вѣроятно, въ той комнатѣ...

Шеголеватый адъютантъ нервно рыдалъ и пилъ холодную воду.

Спѣлохватовъ, держа въ рукахъ колоду, говорилъ: — Что-же, господа, напрасно терять золотое время... Но онъ, очевидно, рисовался...

Хмуровъ у себя въ спальнѣ усердно клалъ земные поклоны и считалъ: двадцать восьмой, двадцать девятый... Онъ непременно хотѣлъ досчитать до сорока.

По большой чимкентской дорогѣ скакалъ всадникъ, машинально колота несчастную лошадь нагайкою. Если-бы не было такъ темно, если-бы луна, по какимъ-либо экстреннымъ причинамъ, появилась-бы такъ несвоевременно, то она освѣтила-бы то самое блѣдное лицо, которое смотрѣло въ окно на тигра; только теперь глаза эти не искрились, какъ въ то время; теперь они были, какъ у помѣшаннаго, безсознательно устремлены въ даль и, казалось, ничего не видѣли. Всадникъ скакалъ и его пересохшія губы шептали: и связала-же судьба съ...

V.

Серенада.

Тихая, лѣтняя ночь стояла надъ спящимъ городомъ.

На темномъ небѣ ярко искрились звѣзды. Прохладный воздухъ врывался въ отворенное окно, внося съ собою смолистый запахъ тутовыхъ деревьевъ. Въ кустахъ, въ непроницаемомъ мракѣ сверкали свѣтляки—изумруды. Тамъ и сямъ, въ своемъ беззвучномъ полетѣ, проносились летучія мыши. Гдѣ-то—далеко-далеко—звенѣли подковы скачущаго коня.

Утомленная продолжительною прогулкою верхомъ, Марфа Васильевна жадно, всю грудь впивала ароматическій воздухъ.

Она стояла у окна. Волосы ея были распущены и длинными, темными прядями падали въ низъ, скользили по плечамъ, прикрывая бѣлыя, словно точенныя руки. Воротъ у рубахи растегнулся и спустился: на тонкой, черной бархатѣ колыхался вмѣстѣ съ упругою грудью не то медальонъ — не то крестикъ.

Давно она стояла въ такомъ положеніи. Полузакрытые гла-

за ея ничего не видѣли; она, казалось, забыла обо всемъ окружающемъ...

Она мечтала.

Маленькая тѣнь чернула въ воздухѣ передъ самымъ окномъ и, испуганная встрѣченною тамъ бѣлою фігурою, отшатнулась назадъ, задѣвъ за кисейную занавѣску своими мягкими крыльями.

Марфа Васильевна вздрогнула и сѣла на подоконникъ, прислонясь спиной къ косяку и сложивъ на колѣняхъ свои обнаженные, тонкія руки.

Изъ за тонкой перегородки доносилось всхрапываніе мужа и мѣрное чиканье лежащихъ на столикѣ, карманныхъ часовъ.

Быль уже второй часъ по полуночи. Созвѣздіе Большой Медвѣдицы запрокинулось почти къ самому горизонту; усилившаяся темнота ночи напоминала о скоромъ разсвѣтѣ.

Три человѣка, держась подъ руки, волоча за собою распущенныя сабли, шли самую середину улицы.

Если-бы кому-нибудь вздумалось наблюдать слѣды, оставленные ими на тонкомъ слоѣ уличной пыли, то наблюдатель замѣтилъ-бы, что эти шесть ногъ, вооруженныхъ шпорами, лавировали, какъ парусное судно лавируетъ противъ вѣтра: то они направлялись къ одной сторонѣ улицы, то, вдругъ, поворачивали въ другую.

— Слушай, говорилъ одинъ изъ нихъ;—позволь мнѣ, какъ другу, какъ самому искреннему другу, сказать тебѣ: оставь, понимаешь, оставь.

— О нѣтъ, это невозможно, говорилъ другой. — У него слишкомъ пылкій характеръ, у него...

— Да, чортъ возьми, я горячь; и я докажу это!

— Оставь, ну—оставь. Я не говорю: совсѣмъ оставь;—это было-бы невозможно, но теперь, въ настоящую минуту...

— Ни за что! Идемъ и я докажу!—Я докажу!..

— О Боже! онъ сейчасъ упадетъ.

— Я пьянь, да я пьянь, но я еще довольно твердъ на ногахъ, чтобъ идти туда, прямо къ ней, и сказать...

Онъ сильно пошатнулся; а такъ-какъ, въ эту минуту, всѣ трое прилаживали къ сложеннымъ въ кучи кирпичамъ, приготовленнымъ для какой-то постройки, то тутъ-же и опустились на отдыхъ, подобравъ свое оружіе.

— Меня хлыстомъ по рукамъ нѣтъ, это уже черезчуръ.

— Но, вѣдь, она женщина, пойми ты, существо слабое; ну, опять тамъ,—нервы...

— Хлыстомъ публично...

— Да нѣтъ-же, тебѣ говорить; видѣли это только мы двое. Значить, вовсе не публично.

— Другъ мой, это было, такъ сказать, на единѣ.

— Эхъ! какъ только вспомню, — все переворачиваетъ. Идемъ!..

— Ну, пожалуй, идемъ. Мнѣ что, мнѣ все равно.

— Идемъ, такъ идемъ.

Все трое сидѣли. Тотъ, котораго уговаривали ожесточенно чиркалъ спичкою о свое колѣно. Въ зубахъ онъ догрызала окурокъ потухшей сигары. Вспыхнулъ синеватый огонекъ и ярко освѣтилъ нижнюю часть лица, рыжіе усы, угреватая щеки...

— Да поднимите-же меня, наконецъ.

Общество усиленно завозилось; при этомъ имъ сильно мѣшали ихъ сабли, путавшіяся между ногъ, когда ноги и безъ того путались между собою. Наконецъ, они справились, снова стояли на ногахъ и могли продолжать свое путешествіе.

Ночные путешественники прошли еще шаговъ полтора, повернули въ короткій и довольно узкій переулокъ и, вдругъ, остановились, какъ вкопанные.

Ихъ слухъ былъ пораженъ стройными, музыкальными звуками, ихъ ошьянѣлые глаза остановились на одной точкѣ.

Эта точка была—отворенное настежь окно; въ окнѣ, едва очерченное во мракѣ, легкое, полувоздушное видѣніе.

Марфа Васильевна пѣла. Она пѣла безъ словъ, безъ опредѣленнаго мотива. Она не могла-бы повторить того, что уже разъ вылилось въ звукахъ. И эта чудная, чарующая пѣсня—импровизація, вырывааясь прямо изъ переполненной души красавицы, росла и росла, расходилась въ ширь и въ высь, замирая далеко въ почномъ, прохладномъ воздухѣ.

Рыжій артиллеристъ и его товарищи, неподвижные, окаменѣлые, стояли, не спуская глазъ съ пѣвицы. Что-то хорошее, вовсе имъ незнакомое закопошилось у нихъ въ груди; въ ошьянѣлыхъ мозгахъ заворочалась свѣжая мысль.

Марфа Васильевна увлеклась: ея прекрасные, влажные глаза,

изъ подъ густыхъ, длинныхъ рѣсницъ, смотрѣли куда-то въ даль, ничего не видя. Она не замѣчала, что на плоской крышѣ противоположнаго дома проснулся сторожъ татаринъ и слушала, оперши свою голову на жилистыя руки. Она не замѣчала—какъ статный сѣрый конь, стоя на приколѣ, подъ навѣсомъ, поднялъ свою умную голову и наострилъ чуткія уши; какъ ея любимица-косматая кудлашка, до сихъ поръ спавшая спокойно на заваленкѣ, зарычала, пристально взглядываясь въ темноту... Она не замѣчала, что въ десяти шагахъ отъ нея, словно столбы, врытые поперегъ дороги, неподвижно стояли три человѣческія фигуры.

— Царица, богиня... бормоталъ рыжій артиллеристъ.— Ангелъ, съ неба слетѣвшій...

Бѣлыя занавѣски у окна показались ему распущенными крыльями. Кровь пролила у него къ головѣ; онъ пошатнулся. Онъ вспомнилъ и закрылъ лицо руками.

— Хлыстомъ по рождѣ... по рождѣ, меня! всхлипывалъ онъ и, вдругъ, неистово вскрикнулъ: Bravo! bravo!—бисъ!!.. и кинулся къ окну, протянувъ впередъ свои руки.

— Ура!!!.. заоралъ, уже Богъ вѣсть по какому вдохновенію, одинъ изъ спутниковъ.

— Ату его! подхватилъ другой. И оба, не понимая, что дѣлаютъ, безсознательно ринулись впередъ и вскочили на приступку у окна.

Марфа Васильевна провзительно вскрикнула и закрыла окно.

— Назадъ, не выгорѣло! командовалъ рыжій артиллеристъ.

Кудлашка бросилась на него, но съ визгомъ отлетѣла, подвернувшись подъ ударъ сабельныхъ ноженъ. Сторожъ татаринъ сплюнулъ свою табачную жвачку и, не перемѣняя положенія, смотрѣлъ—чѣмъ это все кончится.

Глухой топотъ конскихъ копытъ, свернувъ съ шоссеванной дороги, приближался къ мѣсту дѣйствія. За калиткою слышались торопливые шаги и брякнула щеколда.

— Господа, не отставать! Скандаль, такъ скандаль!.. бѣсновался рыжій артиллеристъ.—Начинай за мною...

— Марта, Марта, гдѣ ты скрылась... взвылъ онъ, повода распаленными зрачками. Товарищи подхватили...

— О, 'явись къ намъ, ангель мой.

— А... ахъ куда-жъ ты провалилась...

Вопилъ импровизированный хоръ.

На сосѣднимъ дворикѣ, двѣ или три собаки, поднявъ къ верху морды, затаили въ тонъ неожиданной серенады.

Калитка отворилась и черезъ порогъ переступилъ худощавый человѣкъ въ одномъ бѣльѣ, блѣдный отъ внутренняго волненія, едва сдерживающій подступающее къ горлу бѣшенство.

— Господа, началъ онъ прерывающимъ голосомъ,—вы не совсѣмъ удачно выбрали мѣсто для вашихъ музыкальныхъ упражненій. Я-бы вамъ совѣтывалъ, капитанъ...

— А я вамъ совѣтую, оборвалъ капитанъ,—отправляться опять въ свою постель и не мѣшать намъ пѣть... Короче—убирайтесь къ чорту!

— Вѣдь мы не лѣземъ-же въ спальню къ вашей супругѣ, нахально смѣясь вставилъ тотъ изъ пѣвцовъ, на которомъ были докторскіе погоны.

Этой фразы было достаточно, чтобы терпѣніе худощаваго человѣка лопнуло. Онъ звѣремъ винулся на доктора, тотъ увернулся; ударъ пришелся на долю рыжаго артиллериста. Они сцѣпились.

Не долго продолжалась борьба: силы были слишкомъ не равны. Худощавый человѣкъ застоналъ подъ силою шести рукъ нападавшихъ... но тутъ подоспѣла неожиданная помощь.

Рыжий артиллеристъ вскрикнулъ и схватился за голову отъ страшнаго удара, сбившаго у него фуражку. Докторъ не устоялъ на ногахъ и растянулся: онъ не выдержалъ удара сильной конской груди; товарищъ его бросился бѣжать, хотѣлъ перескочить канаву, отдѣлявшую улицу отъ незастроеннаго пустыря, но запутался въ своей саблѣ и упалъ головою внизъ, на покрытое жидкою грязью дно. Между поверженными стоялъ всадникъ, спокойно глядя на дѣло рукъ своихъ. Онъ находился съ своимъ гнѣдымъ конемъ у самаго окна дома, такъ что правая рука его, вооруженная массивной киргизскою плетью, опиралась на подоконникъ.

— Идите домой и запирайте за собою калитку, говорилъ всадникъ худощавому человѣку.—Объ этой сволочи не заботьтесь: они не повторятъ своей атаки. Покойной ночи, хотя правильнѣе сказать: добраго утра. Онъ показалъ рукою на

золотистую полоску утренней зари, на которой вырѣзывалась тонкая, зубчатая линія хребта Акъ-тау.

— Вотъ такъ; заприте-же калитку... Ну, мой Орликъ, съ богомъ!

Онъ хотѣлъ тронуть своего коня, но почувствовалъ какъ чья-то нѣжная, горячая рука, просунутая въ щель слегка отвореннаго окна, сжала его грязную, замшевую перчатку.

Марфа Васильевна наблюдала всю сцену съвозъ кисейную занавѣску. Она узнала всадника, узнала его густую, окладистую бороду, его, слегка охрипый отъ бессонныхъ ночей и покоекъ, — голосъ.

Оглушенные, озираясь мутными, бессмысленными глазами, поднялись на ноги несчастные, потерпѣвшіе такое полнѣйшее пораженіе.

Снова все было тихо.

Сторожъ на крышѣ, удовольствовавшись результатомъ схватки и рассчитывая, что, вѣроятно, ничего интереснаго дальше не будетъ, крикнулъ, переложилъ жвачку изъ-за одной щеки за другую и заснулъ, пожимаясь подъ своей кошмою отъ утренняго холодка. Окна, ворота, калитка были на глухо заперты; кудлашка куда-то исчезла, и не было даже слышно ея рычанья. Въ канавѣ, неподалеку кто-то возился, сился выбраться.

Разсвѣтало.

— Северное дѣло, задумчиво произнесъ рыжій артиллеристъ.

— Я говорилъ оставь... говорилъ...

Оба они протрезвѣли и могли сообразить, мало-по-малу, всѣ обстоятельства дѣла.

— Скорѣе домой, говорилъ докторъ. — Скорѣй, пока еще никого нѣтъ на улицахъ.

— Помогите мнѣ выбраться... О, Боже мой! въ какомъ я положеніи!.. слышался голосъ изъ канавы.

Черезъ минуту, они скрылись за поворотомъ длиннаго, кирпичнаго забора.

На крѣпостномъ бастіонѣ зарокоталъ барабанъ. Гдѣ-то, далеко въ садахъ прозвенѣла казачья труба. На базарахъ задымилась огни и зашевелился народъ рабочій.

VI.

Сонъ Перловича.

— Эге, никакъ тюра пьянь, подозрительно посмотрѣлъ Шарипъ, принимая лошадь Перловича. — Что-бы это такое значило? Прежде этого съ нимъ никогда не бывало... Да, а лошадь какъ отдѣлалъ, думалъ онъ, глядя на уныло повѣсившаго уши, почти загнаннаго, чалаго.

Перловичъ, противъ обыкновенія, не обратилъ вниманія на ласки своего сетера, который выражалъ свою радость веселымъ лаемъ и усиленными прыжками. Поднимаясь на ступени террасы, онъ чуть не упалъ, споткнувшись на спящаго поперекъ дороги Блюменшандта; расходившаяся рука хотѣла и тутъ пустить въ ходъ ногойку, но почему-то остановилась на взмахѣ.

Перловичъ швырнулъ въ уголь шляпу, почти посрывалъ съ себя платье и сапоги и бросился на складную кровать...

Въ саклѣ было душно и сильно пахло какими-то пряностями. Воспаленные мозги словно ворочались въ головѣ Перловича, въ ухахъ стоялъ непрерывный звонъ. Узорные гипсовые переплеты оконъ, свозъ которые искрились звѣзды, дрожали у него передъ глазами.

— Фу, какая мерзость! произнесъ онъ и сѣлъ на постели, спустивъ на полъ босыя ноги. — Этакъ, пожалуй, и сума сойдти не долго...

Длинная сорованожка показала изъ-за рѣзного карниза и быстро поползла по стѣнѣ, надъ самую постелью. Разстроенное воображеніе Перловича представило ему это насѣкомое въ громадныхъ размѣрахъ: мохнатая нога страшно топорились въ разныя стороны. Онъ слышалъ даже шелестъ ея движенія. Порывисто схватилъ онъ ближайшій сапогъ, размахнулся, какъ-будто хотѣлъ убить вола однимъ ударомъ, расплюснулъ ядовитую гадину и размазалъ ее по стѣнѣ. Онъ началъ пристально разсматривать эту отвратительную кляксу, въ которой еще дрожали и шевелились размозженные части. „Эхъ, если-бы также...“ прошепталъ онъ и вздрогнулъ. Сонный Блюменшандтъ заворочался во снѣ и глухо замычалъ; высокая тѣнь Шарипа на одно мгновеніе показалась въ две-

ряхъ и скрылась. Собака, поджавъ хвостъ, прошипнула въ саклю и осторожно кралась, съ намѣреніемъ занять свое обычное мѣсто подъ кроватью.

— Вотъ пытка, думалъ Перловичъ. — И изъ-за чего я бьюсь?.. На кой чортъ мнѣ все это, когда я и минуты не имѣю покоя... На, на, бери все! играй, проигрывай, бросай, жги, проклятый! только оставь меня, дай мнѣ хоть дышать-то свободно... Перловичъ сжалъ кулаки, вскочилъ на ноги и обращался въ темный уголъ, словно онъ видѣлъ тамъ кого-то, словно на этой, едва бѣлѣвшей стѣнѣ, чернѣла окладистая борода и спокойно, въ упоръ смотрѣли на него два сѣрыхъ глаза...

— А потомъ опять ницета, опять лямка, и всѣ эти мечты, все, что уже достигнуто... Да вѣдь это-же все мое *по праву*... Мое!.. Онъ получилъ свою долю, даже больше... вѣдь это значитъ наступить на горло: подай, да и только, вѣдь это хуже разбоя; тамъ потеряешь разъ, другой разъ примешь мѣры, а здѣсь и мѣръ никакихъ принять невозможно... Вдругъ почему-то вспомнились Перловичу фразы: „Все какъ-то подозрительно... Отчего не произвести: откуда, что и какъ; все досконально“. Ну пускай производятъ! Гдѣ доказательства? Да и что я сдѣлалъ? развѣ *это* преступленіе... *это* случайность, простая только случайность: не я, не онъ, другой, третій, всякій, да, да всякій, безъ исключенія, люди не ангелы. У кого мы взяли, гдѣ? развѣ *тому* что-нибудь нужно?!.. Руки врозь, ноги врозь, головы нѣтъ, пададю воняеть... вспомнилось Перловичу. Ему вдругъ стало невыносимо душно въ этой саклѣ, ему показалось даже, что отъ стѣнъ пахнуло и шибаетъ въ носъ тѣмъ самымъ запахомъ *падали*. Босой, въ одномъ бѣлѣ, онъ вышелъ въ садъ и началъ быстро ходить взадъ и впередъ по средней аллеѣ.

Долго онъ ходилъ, такимъ образомъ; ночной воздухъ, сырость отъ пруда и отъ этой массы зелени, одолѣли горячечный жаръ Перловича и пульсъ его сталъ биться ровнѣе. Вершины тополей и нарѣзанный зубцами гребень стѣны стали опредѣленнѣе; небо свѣтлѣло. Въ туземномъ городѣ перекалились пѣтухи; утренній вѣтеръ колыхнулъ слегка вѣтви фруктовыхъ деревьевъ и на дорожку со стукомъ упало нѣсколько персиковъ. Перловичъ вошелъ опять въ саклю, легъ

навзничъ на кровать и закурилъ сигару. Всѣ контуры окружающихъ предметовъ начали сливаться у него передъ глазами; сетерь завозился подъ кроватью и сталъ усиленно чесать заднею лапою за ухомъ. Стулъ этотъ показался Перловичу гдѣ-то далеко, и едва доходилъ до его слуха.

Онъ задремалъ; дремота перешла въ тяжелый, болѣзненный сонъ...

Народу сколько на площади!.. Кругомъ, куда только ни достанетъ глазъ, все головы, головы, и конца нѣтъ этому морю головъ человѣческихъ. Волнуются, гудятъ и ревуть эти живыя волны и глухой гулъ, словно отдаленные раскаты грома, стоитъ въ воздухѣ. Да это громъ и есть: что-то красное, яркое блеснуло въ очи и зубчатою стрѣлою прорѣзало темную тучу; загрохотало потемнѣвшее небо и въ этомъ грозномъ звукѣ слились миллионы голосовъ человѣческихъ. Все чернѣе и чернѣе, ниже и ниже, со всѣхъ сторонъ свѣта надвигаются тяжелыя тучи, словно хотятъ раздавить все живое своимъ натискомъ... Мало воздуху, дышать тяжело и уйти некуда отъ страшной смерти...

А тамъ высоко, высоко виднѣется маленькій влочекъ голубого неба. Яркая звѣзда горитъ какъ-разъ по срединѣ и прямой свѣтлый лучъ съ недосыгаемой высоты спускается на мрачную землю... Туда, скорѣе къ этому лучу... это дорога къ спасенію!.. Массы народа рванулись и хлынули. Онъ бросился туда-же. Черезъ головы упавшихъ, расталкивая все встрѣчное, пустивъ въ ходъ кулаки, лобъ и зубы, прокладываетъ онъ себѣ дорогу. За нимъ слѣдомъ несется хрипая, пьяная ругань... дивія проклятія, стоны и вой раздавленныхъ... Онъ уже опередилъ всѣхъ... Онъ уже много отдѣлился отъ толпы... уже близко... Онъ добѣжалъ...

— Пойдите, братцы, пойдите, голубчики, ни сразу... суетится полицейскій чиновникъ въ мундирѣ при всѣхъ регаліяхъ и шпоры съ малиновымъ звономъ... — Городовые, чего смотрите?.. Ты куда? обратился онъ къ Перловичу, да потомъ спохватился, замѣтивъ на немъ тоже свѣтлыя пуговицы и поправился: Пожалуйте-съ... пожалуйста-съ... Здѣсь не приказано...

— Да отчего-же! чуть не плачетъ Перловичъ... Всякому дышать хочется...

— Для народу, только для народу, внушаетъ чиновникъ и стремительно бросается въ сторону.

— Ахъ ты, Господи, ахъ ты олухи царя небеснаго! Стоять, свиньи, и не видятъ, что пьянаго хлещетъ...

Нѣсколько городовыхъ, одинъ пожарный и два синихъ мундира пробѣгаютъ запыхавшись мимо Перловича; на него такъ и пахнуло махрою, лукомъ и ржавою селедкою. Онъ воспользовался минутою замѣшательства, ухватился и полѣзъ вверхъ... Усиленно работаетъ онъ и ногами, и руками... „И зачѣмъ это *его* мыломъ намазали“, думаетъ онъ и вѣрвче прижимается къ *нему* своею наболѣвшею грудью...

— То-есть прямо на красное сукно, каналья, разсуждаетъ возвращающійся съ *распоряженія* чиновникъ.—Мѣры ни въ чемъ соблюдать не привыкли: трескаютъ, пока съ души не поперетить... — Да-съ, господинъ, только для народа, а для дворянства и прочихъ сословій есть совсѣмъ особенное устройство... Да гдѣ-же онъ?!.. Чиновникъ обернулся, — нѣтъ, посмотрѣлъ вправо, влѣво,—нѣтъ, взглянулъ наверхъ и увидѣлъ высоко надъ собою усиленно дрыгающія ноги Перловича.

— Назадъ, назадъ!.. Вотъ народъ-то; да назадъ-же, говорятъ вамъ, назадъ слѣзайте...

Но Перловичъ не слушалъ и все лѣзъ, и лѣзъ. Уже высоко поднялся онъ надъ землею. Взглянулъ внизъ: словно муравейникъ кипалъ у него подъ ногами и не разберешь тамъ ни свѣтлыхъ, ни темныхъ пуговицъ, ни синихъ мундировъ, ни сѣрыхъ, заплатанныхъ чуекъ: все слилось тамъ въ одинъ неопредѣленный тонъ, въ одну грязную, ворочающуюся массу. Взглянулъ наверхъ: мягкимъ, манящимъ свѣтомъ серебрится свѣтлая точка и мечетъ во всѣ стороны радужные лучи; но далеко еще до нея, много дальше того, что осталось сзади, а силы слабѣютъ, порывистѣй становится горячее дыханіе и медленнѣе работаютъ усталыя руки... Доползу-ли, Господи!.. Онъ зажмурилъ глаза, чтобы не видать ни этого блеска отраднаго, ни этой ужасной тьмы подъ ногами, и все лѣзъ и лѣзъ... Долго онъ лѣзъ и снова открылъ глаза: внизу уже ничего не видно и не слышно, а сверху, прямо на него, такъ и стремится свѣтлая точка... Руки нѣмѣютъ, ноги готовы разжаться и повиснуть обезсиленные... Еще-бы немного, еще-бы одно мгновеніе... Онъ протянулъ

руку... Вотъ виситъ какая-то веревочка: только-бы за нее ухватиться... Вдругъ свѣтлая точка погасла: ее словно загорела какая-то массивная тѣнь — Батоговъ сидитъ верхомъ на перекладинѣ, въ рукахъ у него дама съ надогнутымъ угломъ.

— Эхъ, братецъ, говорить тебѣ: назадъ... сообщаетъ онъ Перловичу.

Стремглавъ, съ быстротою молніи, летитъ внизъ несчастный прямо въ эту темноту, вѣющую могильнымъ холодомъ... Полицейскій чиновникъ улыбается и потираетъ руки, глядя наверхъ; синіе мундиры усиленно забѣгали; какая-то коварда вынимаетъ изъ портфеля листъ гербовой бумаги, надѣваетъ золотыя очки на свой ястребинный носъ и прокашливается. Тысячи голосовъ свистать, хохочутъ и гикаютъ, гдѣ-то реветъ тигръ и глухо рычитъ собака... и все это покрываетъ фраза: „отчего не произвести: все допросить: откуда, какъ и что,—все досконально...“

Перловичъ очнулся.

Лежитъ онъ уже не на кровати, а на коврѣ, на открытомъ воздухѣ. Шарипъ мочить ему голову холодною водою. Блюменштандтъ уже выкупался, сидитъ около него съ стаканомъ въ рукахъ и смотритъ.

— Ну, вы вчера должно быть хватили, говорить онъ и хохочетъ.

Солнце высоко стоитъ, почти надъ головою, и стрѣлка солнечныхъ часовъ показываетъ полдень.

VII.

Марфа Васильевна хочетъ начать знакомство съ Батоговымъ.

Проводивъ, сквозь занавѣску окна, глазами удаляющагося всадника, Марфа Васильевна юрнула къ себѣ на постель. Она внутренно смѣялась, припоминая себѣ комическое положеніе трехъ несчастныхъ пѣвцовъ; и этотъ внутренній смѣхъ по временамъ вырывался наружу неудержимымъ фырканьемъ, которое она старалась заглушить, прижимаясь лицомъ къ подушкѣ.

— Однако, интересно, чѣмъ это все кончится, подумала она.

— Удивительно смѣшно, произнесъ мужъ и, добавивъ:— нечего сказать, пріятныя событія.

— Вы, вѣжется, сердитесь?.. Марфа Васильевна немного приподнялась и посмотрѣла на мужа, который, стоя у комода, крутилъ себѣ папиросу. Насколько можно было разсмотрѣть при блѣдномъ, чуть пробивающемся свѣтѣ утренней зари, онъ былъ сильно взволнованъ; руки его дрожали и неловко ворочали клочекъ тонкой бумажки. Марфѣ Васильевнѣ показалось даже, что онъ слегка дрожалъ и неподвижно уставился въ небольшое туалетное зеркало, какъ-бы разсматривая тамъ свою тощую фигуру.

— Развѣ нельзя было постараться избѣгать повода къ подобнымъ дикимъ сценамъ?.. развѣ...

— Ты, наконецъ, просто невыносимъ! или ты не хотѣлъ внимательно прослушать то, что я тебѣ рассказывала.

— Да, но подъ вліяніемъ пристрастія (невольна, конечно, совершенно невольна) къ своей особѣ многіе отгѣнки, повидимому, незначущіе, могли ускользнуть изъ твоего разсказа, а если-бы взглянуть на дѣло съ третьей, безпристрастной стороны...

— Въ такомъ случаѣ потрудитесь произвести строжайшее дознаніе, составьте протоколъ или — какъ тамъ оно называется? — постановленіе, что-ли, а пока ложитесь спать.

— Марта (мужъ иногда поэтизировалъ имя своей жены), я очень хотѣлъ-бы серьезно поговорить съ тобою.

— Поговоримъ завтра.

Марфа Васильевна притворно зѣвнула.

— Нѣтъ, не завтра, а теперь, когда у меня слишкомъ уже много накипѣло въ груди...

— Чего? какъ-бы вскользь спросила она. Тотъ не нашелся, что отвѣтить.

— Когда что-нибудь кипить, продолжала Марфа Васильевна, — то на поверхности обыкновенно накипаетъ пѣна, — весьма грязная пѣна, которую надо снять ложкою и выплеснуть въ лахань. Такъ и теперь. Что въ васъ говорить? Что васъ бѣситъ? — чувство фальшиво-оскорбленнаго самолюбія: васъ взяли за воротъ, васъ тряхнули и даже чуть не побили... Полноте! Вы забыли, гдѣ мы: развѣ можно считать

оскорбленіемъ, если дикарь на какихъ-либо забытыхъ островкахъ ударить случайно заѣзжаго европейца, если осель лягнетъ своего жоака, если, наконецъ, васъ изъ-за рѣшетки обругаютъ въ домѣ сумасшедшихъ?.. Или, можетъ быть, васъ волнуетъ то, что вамъ приходится краснѣть за свою жену?.. — Марфа Васильевна приподнялась и пристально смотрѣла на мужа. — Вы-бы прекрасно сдѣлали, избавивъ меня отъ этого непрошеннаго попечительства... Кстати (она вдругъ совершенно перемѣнила тонъ): статья четырнадцатая нашего добровольнаго взаимнаго договора гласитъ, что если жена хочетъ спать, то мужъ ничѣмъ не долженъ ей въ этомъ препятствовать. Итакъ, въ силу этой четырнадцатой статьи, — до свиданія.

Она протяжно зѣвнула и повернулась лицомъ къ стѣнѣ.

— Марта, мнѣ-бы хотѣлось въ данную минуту нарушить эту статью... началъ опять мужъ.

Марфа Васильевна не отвѣчала и, казалось, рѣшительно заснула, а вѣрнѣе — притворилась спящею...

Спокойный голосъ красавицы, когда она, отчеканивая каждую фразу, произносила свой монологъ, какъ-то успокоительно подѣйствовалъ на взволнованные нервы мужа. Отъ этого голоса вѣяло неотразимою силою; эта рѣчь пробудила въ немъ цѣлый рядъ воспоминаній. Этому успокоенію способствовали также и утренній холодокъ, и сильныя затяжки табачнаго дыма...

Онъ задумался.

Они сошлись подъ вліяніемъ сильнаго и, главное, взаимнаго чувства. Сошлись уже года три, еще въ Петербургѣ.

Ему нравилось это красивое личико съ строго-очерченнымъ профилемъ, съ веселыми, темными глазками, эта стройная, словно выточенная, фигурка... и много еще чего нравилось ему такого, что неудержимо влекло его къ этой прелестной дѣвушкѣ, склонившейся надъ швейною машинкою, и вскидывающей своими глазами только для того, чтобы развеселить всю работающую братію. Когда ея нѣтъ, все тихо и скучно въ этой большой комнатѣ съ приземистыми сводами: монотонно жужжать машины, во весь ротъ зѣваютъ молчаливыя работницы; но она пришла и сѣла на свое мѣсто—все ожило, словно подъ вліяніемъ волшебной палочки, и не слышно стукотни машинъ, не слышно даже брюзгливаго ворчанія ма-

дамы въ чепцѣ за этимъ серебристымъ смѣхомъ и бойкою болтовнею развеселившихся труженицъ.

Ей правилось въ немъ... Онъ положительно не могъ дать себѣ отчета, что могло ей нравиться въ немъ.

Рядъ самыхъ розовыхъ дней потянулся за этою встрѣчею... Ну и прекрасно... „Завтра непременно надо всю постель обсыпать персидскою ромашкою: эти проклятые земляные поли удивительно способствуютъ размноженію паразитовъ.“

Гдѣ-то далеко на Востокѣ открылась какая-то страна. Туда нужны люди, туда ихъ ищутъ и зовутъ, льготы разныя обѣщаютъ: ужь не махнуть-ли?..

— А что, тебѣ не страшно будетъ въ такую даль?

— Чего-же мнѣ бояться: вѣдь ѣдутъ-же люди.

— Но все-таки, вѣдь это такъ далеко: необозримыя степи, верблюды, тигры, скорпионы, возвратныя горячки... тамъ голы рѣжутъ и выставляютъ на копыя, тамъ...

— Вѣдь я буду съ тобою!

— Ну, такъ я подамъ завтра-же куда слѣдуетъ бумаги и — ѣдемъ.

Рядъ розовыхъ дней смѣняется рядомъ не менѣе интересныхъ приготовленій. Сборы, разспросы, закупки, прощанія, тысячи предположеній, одно другого грандіознѣе... Вранья-то сколько!.. Наконецъ, готовы къ отъѣзду.

— А что, не перевѣнчаться-ли намъ? говоритъ онъ, вернувшись только-что изъ какой-то канцеляріи.

— А что? спросила Марфа Васильевна и даже струхнула немного отъ такой непредвидѣнной неожиданности.

— Да тутъ есть одно обстоятельство, чисто матеріальное, впрочемъ, но все-таки...

— Видишь-ли, если мы обвѣнчаемся, то мнѣ, какъ чловѣку семейному, выдадутъ годовое жалованье не въ зачетъ, двойные прогоны и тамъ есть еще другія льготы... всего составитъ тысячи полторы, если не больше, а это, по-правдѣ, кушъ порядочный...

— Ну, пожалуй... сказала она и задумалась.

Черезъ недѣлю они обвѣнчались.

За нѣсколько дней передъ отъѣздомъ оба они очень много хохотали, а еще больше писали чего-то на листахъ гербовой бумаги того достоинства, на которой обыкновенно пишутся контракты. Отъ души хохотали и двое господъ пріятелей,

приглашенныхъ въ качествѣ свидѣтелей. Результатомъ этого веселаго вечера были два экземпляра брачнаго договора обѣихъ сторонъ .. Вопросъ былъ до такой степени подробно разработанъ, что явились чуть не триста параграфовъ, да еще съ различными дополненіями. Основнымъ-же мотивомъ этого договора была полнѣйшая гарантія независимости той и другой стороны, главною и единственною связью которыхъ становилось ихъ взаимное чувство.

Онъ очень хорошо понималъ всю юридическую несостоятельность этого договора; она-же была глубоко увѣрена въ важности своего документа. И онъ скорѣе согласился-бы отрубить себѣ руку, чѣмъ хотя однимъ неосторожнымъ шагомъ разрушить или-же поколебать эту увѣренность.

Но случилось такъ, что чувство, связывающее ихъ, мало-помалу, испарялось да испарялось, и, наконецъ, приняло уже такіе микроскопическіе размѣры, что ни та, ни другая сторона порою не замѣчали его вовсе.

Если-бы Марфѣ Васильевнѣ пришлось столкнуться съ новою личностью, способною зажечь новую божественную искру, то она навѣрное оставила-бы своего мужа; но подобной личности не находилось, и наши супруги жили совмѣстно, покойно и даже, по ихъ взглядамъ на вещи, довольно счастливо.

У него всегда своевременно готово было безукоризненно чистое бѣлье и даже со всѣми прочно-пришитыми пуговицами; у ней, также своевременно, являлись нужные по сезону костюмы. У него аккуратно ставился на столъ завтракъ, обѣдъ и все прочее; даже чай ему собственноручно наливала Марфа Васильевна. У ней всегда являлась возможность (конечно, въ предѣлахъ возможнаго) пользоваться всякими удовольствіями и исполнялись (конечно, въ тѣхъ-же предѣлахъ) всѣ ея прихоти.

Все у нихъ было мирно, тихо и покойно; случалось, положимъ, иногда перебраниваться, но до потасовокъ никогда не доходило.

Чего-же еще нужно?

Какъ Перловичу, такъ и Марфѣ Васильевнѣ не удалось покойно провести остатокъ этой ночи. Причина у обоихъ была одна и та-же.

Едва-только Марфа Васильевна закрыла глаза и приготовилась заснуть, прислушиваясь, что бормочетъ ей мужъ, —

какъ передъ нею, въ миріадахъ радужныхъ точекъ, показалась окладистая борода и она почувствовала въ крови какой-то безпокойный жаръ, совершенно разогнавшій всякую наклонность ко сну. Она повернулась на другой бокъ, подвинулась къ краю постели, гдѣ простыня не была еще такъ нагрѣта и давала пріятную свѣжесть, и снова попыталась заснуть. Опять та-же окладистая борода, но теперь еще съ прибавленіемъ руки въ замшевой перчаткѣ и ременной нагайки. „Что-же это такое?“ подумала она. „Надо посыпать персидской ромашкою“, словно во снѣ, но довольно явственно бредить мужъ... „А, вотъ это отчего!“ думаетъ Марфа Васильевна, но тутъ-же чувствуетъ, что это совсѣмъ не то, и никакою персидскою ромашкою тутъ не поможешь. „Ужъ не порывы-ли это любви платонической?“ подумала она и чуть-чуть не расхохоталась.

Такъ вплоть до самаго поздняго утра и провалялась она на постели, не успѣвъ отогнать отъ себя этого упорнаго призрака съ окладистой бородою и нагайкою въ замшевой перчаткѣ.

Сунувъ ноги въ туземныя туфли, она, въ одномъ бѣдѣ, подошла къ письменному столу и приготовилась писать.

— Ты куда это пишешь? спросилъ ее мужъ.

— Сама еще не знаю, куда... тамъ разыщутъ, отвѣчала она.

— Къ кому, по крайней мѣрѣ?

— Къ Батогову.

— Да ты развѣ съ нимъ знакома?

— Нѣтъ; вотъ собираюсь начать знакомство.

— Ты, вѣжета, совсѣмъ съума сходишь...

— Послушай, въ статьѣ шестой сказано...

— Ну, хорошо, хорошо, пиши хоть къ самому бухарскому эмиру, хоть къ самому чорту!..

Онъ сильно хлопнулъ дверью. Марфа Васильевна удивленно посмотрѣла ему вслѣдъ.

— Ты, Марта, извини, пожалуйста: это я съ просонковъ, произнесъ ей мужъ, пріотворивъ дверь наполовину и начиная умываться.

— Ну то-то! — И она принялась писать.

„Милостивый государь“, написала Марфа Васильевна, —

написала и зачеркнула. Подумала немного и написала прямо, безъ всякаго заголовка:

„Мнѣ очень-бы хотѣлось поблагодарить васъ лично за ту рыцарскую помощь, которую вы оказали намъ прошедшею ночью, во время штурма моего окна тремя пьяными болванами. Я послѣзавтра рано утромъ, приблизительно часовъ въ шесть, поѣду кататься одна, и нисколько не поразились-бы неожиданностью, встрѣтивъ васъ у „Бешь-агача“ *).

„Подписи моей вамъ совершенно не нужно. До свиданья.“

Марфа Васильевна запечатала письмо въ конвертъ и написала: „Батогову“. „Куда-же?“ подумала она и рѣшила послать письмо къ Перловичу, рассчитывая, что послѣдній долженъ знать мѣстопробываніе человѣка съ окладистой бородою.

— Ну, дѣло сдѣлано, произнесла она вслухъ и принялась на спиртовой кострюлькѣ варить мужу кофе.

VIII.

Вызовъ и отказъ.

Пріѣзжая въ Ташкентъ, Батоговъ не любилъ никогда останавливаться въ русской части города и предпочиталъ туземный городъ, гдѣ онъ почему-то чувствовалъ себя гораздо свободнѣе. Такъ и теперь: пріѣхавъ съ передовой линіи, онъ расположился у сарга Саидъ-Азима — одного изъ вліятельнѣйшихъ и богатыхъ туземцевъ города и его стараго пріятеля.

Саидъ-Азимъ предназначилъ въ распоряженіе своего гостя одну изъ просторныхъ, чистыхъ и даже весьма роскошно отдѣланныхъ въ мѣстномъ вкусѣ сакель перваго двора, прося убѣдительно Батогова быть совсѣмъ, какъ у себя дома и не заглядывать только *туда* — при этомъ онъ кивалъ головою въ ту сторону, гдѣ были расположены внутреннія, сокровенныя помѣщенія его семейства и откуда, несмотря на массы навоза отъ десятка лошадей, стоявшихъ подъ навѣсомъ передняго двора, все-таки сильно несло запахомъ мускуса и розоваго масла.

Пригнувшись на высокоомъ, казачьемъ сѣдлѣ, чтобы не раз-

*) Буквальный переводъ—пять деревьевъ—пунякъ въ дальнихъ окрестностяхъ туземнаго города.

бить себѣ головы объ низкія ворота, во дворъ вѣхалъ всадникъ, остановился, посмотрѣлъ на право, посмотрѣлъ на лѣво и громко крикнулъ по татарски:

— Эй! кто тамъ есть!..

Всѣ лошади, жевавшія подъ навѣсомъ сушеную люцерну, повернули свои головы, посмотрѣли на рыжаго, запаленаго коня пріѣзжаго всадника, на его бѣлый китель съ докторскими погонами, вздрогнули, когда онъ еще разъ закричалъ: да что, ни одного дьявола нѣтъ, что-ли?.. и громко заржали... Вороной аргамакъ самого хозяина загремѣлъ своими цѣпями, зажалъ уши, лягнулъ раза два въ воздухъ и завизжалъ отъ злости: ужъ очень ему хотѣлось вцѣпиться рыжему зубами въ загривокъ. Краснощекій джигитъ, босой, въ красномъ полиняломъ халатѣ, съ бараньимъ ребромъ въ рукахъ, которое онъ обгладывалъ своими волчьими зубами, высунулся изъ за навозной кучи, посмотрѣлъ на пріѣзжаго и спрятался...

— Ну, никакъ всѣ передохли, заворчалъ всадникъ, слѣзъ съ лошади, выбралъ мѣсто подъ навѣсомъ по свободнѣе и сталъ привязывать своего коня...

— Саидъ-Азимъ-бая ¹⁾ дома нѣтъ, сказалъ тотъ-же самый джигитъ, выльзая изъ-за кучи. Онъ думалъ, что всадникъ тагъ себѣ заѣхалъ, а увидитъ, что никого нѣтъ, и назадъ поѣдетъ, но увидавъ, что русскій привязываетъ коня и, повидимому, намѣренъ остаться, рѣшился вступить въ переговоры.

— Да, нѣту дома: поѣхалъ въ караванъ-сарай и раньше вечера не будетъ.

— Да, мнѣ его и нужно! отвѣчалъ пріѣзжій—огня подай, дурацкая морда.

Онъ вынулъ изъ кармана сигару откусилъ кончикъ и сплюнулъ.

— Что Батоговъ дома? офицеръ русскій, что здѣсь живетъ, пояснилъ онъ джигиту.

— Тюра-Батоговъ...? Тюра-Батоговъ тоже нѣтъ дома.

— Гдѣ-же онъ?

— Я почему знаю... Юсупъ знаетъ... Эй! Юсупъ-бай, Гей!..

Заспанный джигитъ Батогова показался на порогѣ одной изъ сакель.

¹⁾ Слово: Бай—добавляется изъ вѣжливости. Бай, бей или бій—господинъ.

— Вонъ твоего тюра спрашиваетъ, сказалъ ему джигитъ съ бараньей костью.

Юсупъ пристально посмотрѣлъ на доктора, улыбнулся чему-то и сказалъ:

— Вонъ видишь солнце: оно теперь на ту стѣну свѣтитъ, а тѣнь отъ него сюда падаетъ, а когда оно будетъ на эту стѣну свѣтить, а тѣнь туда пойдетъ и Батоговъ-тюра придетъ.

— Тѣнь туда, тѣнь сюда... Пойми эту обезьяну, ворчалъ докторъ,—а все-таки сообразить не трудно: тѣнь сюда... это значить къ закату, часовъ въ восемь, а теперь (онъ вынулъ свои часы). Да, часа три подождать придется...

На самой срединѣ двора росъ развѣсистый карагачъ, покрывавшій своею тѣнью почти весь дворъ и даже сосѣднія крыши. Вокругъ этого дерева сдѣлана была глинобитная насыпь въ видѣ завалинки, на которой могло лежать и сидѣть человекъ десять одновременно. Докторъ потребовалъ себѣ коверъ и сидѣльную подушку: ему принесли и то и другое. Онъ легъ подъ карагачемъ и началъ пускать къ верху кольца, сжигая одну сигару за другою.

Старикъ съ сѣдою, подстриженною бородою принесъ ему дыню, нѣсколько пшеничныхъ лепешекъ и миску съ виноградомъ. Такимъ образомъ, приѣзшему предоставлялась полнѣйшая возможность съ комфортомъ прождать эти три часа.

Старикъ и краснощекий джигитъ съ бараньей костью скрылись: остался только Юсупъ, который, сидя на порогѣ сакли, занимаемой Батоговымъ, не спускалъ глазъ съ человека, лежавшаго подъ карагачемъ.

За воротами, на улицѣ пронзительно заоралъ ишагъ, слышались тяжелые шаги навьюченныхъ верблюдовъ, арба завизжала немазанною осью, мелко, словно горохъ, просыпанный на натянутую кожу, протопали многочисленныя ноги бараньяго стада, которое мѣстный мясникъ, въ окровавленномъ закорузломъ халатѣ, скупилъ на базарѣ и гналъ къ себѣ, на зарѣкъ къ завтрашнему дню.

Тѣни стали сгущаться и принимать синеватый тонъ. Мелкія куры туземной породы, хлопая своими мягкими крыльями взбирались съ вѣтки на вѣтку, все выше и выше, собираясь провести ночь на вершинѣ карагача.

Въ ворота вбѣжалъ Орликъ безъ всадника, за нимъ слѣ-

домъ вошелъ Батоговъ, крикнувъ кому-то заворотами: ну прощай, тамыръ, иди себѣ домой!..

Юсупъ всталъ и пошелъ принимать лошадь.

— Милостивый государь! началъ прїѣзжій, съ достоинствомъ поднявшись съ своего мѣста и идя на встрѣчу Батогову.

— Что такое?! Слегка удивился Батоговъ.— Тамъ задняя подкова на лѣвой ногѣ переломилась, говорилъ онъ своему джигиту; — сегодня-же своди его къ Каримѣ... Ну-съ... Такъ вы бо мнѣ, а я думалъ къ Саидъ-Азиму.

— Вчерашнее происшествіе...

— Это какое? Вчерашній день довольно богатъ всякими приключеніями.

— Я говорю о случаѣ въ переулкѣ, на разсвѣтѣ

— А! произнесъ Батоговъ, посмотрѣлъ со вниманіемъ на доктора и вдругъ захохоталъ.

— Не знаю, прїдется-ли вамъ, милостивый государь, смѣяться въ послѣдствіи, а теперь намъ терять времени нечего.

— Э, да говорите короче, въ чемъ дѣло?

— Я прїѣхалъ къ вамъ въ качествѣ секунданта отъ капитана Брилло, котораго вы пропешую ночью, на разсвѣтѣ, такъ жестоко и совершенно неумѣстно оскорбили.

— Это нагайкой-то?..

Докторъ кивнулъ головой въ знакъ согласія.

— Вы что пьете? спросилъ его Батоговъ.

— Что за странный вопросъ?

— Чѣмъ-же странный; вѣдь я не спросилъ васъ просто: пьете-ли вы? А дѣло въ томъ, что у меня есть красное ходженское и есть еще бутылки двѣ коньяку, изъ того, что, помните недавно, привезли Хмурову... а принимая въ расчетъ вечернюю прохладу, не распорядится-ли соорудить глинтвейчикъ... а, неправда-ли?..

— Гм... промычалъ докторъ, который вполнѣ раздѣлялъ мнѣніе Батогова на счетъ глинтвейна, и который очень-бы былъ не прочь принять любезное предложеніе хозяина, но эта проклятая важность порученіе, которое ему приходилось исполнять, мѣшала ему прямо отвѣчать Батогову,

— Мнѣ кажется, что не совсѣмъ умѣстно... началъ онъ.

— Ну, что за предрасудки... напротивъ, чрезвычайно умѣстно: вѣдь намъ прїдется поговорить поподробнѣе обо многомъ. Условія, напимѣръ, разныя, мѣсто, ну-опять, оружие,

тамъ-то-се... разболтаемся и не замѣтимъ, какъ уйдетъ время; а мы это все съ комфортомъ. Юсупка у меня эту штуку отлично варить и какъ онъ, каналья, научился шашлыкъ-парить; ну, это я вамъ скажу просто... Да вотъ вы сейчасъ увидите... Эй, Юсупъ!

— Эге! отозвался Юсупъ изъ подъ навѣса.

— Погоди лошадь ковать, а сейчасъ вари намъ ту штуку, за которую я тебѣ вчера далъ по-уху.

— Ой! ой! ухмыльнулся джигитъ, и оскаливъ зубы потеръ рукою лѣвую щеку, какъ-бы припоминая вчерашнее ощущеніе.

— Ну-съ, почтеннѣйшій секундантъ, началъ Батоговъ,— пойдемте-ка ко мнѣ въ саклю; или я лучше велю сюда вынести большой коверъ. Тутъ хоть и навозомъ пахнетъ, а все таки будетъ удобнѣе...

— Запахъ навоза весьма полезенъ, замѣтилъ докторъ;—особенно при страданіяхъ грудью... И, знаете-ли, до чего можно привыкнуть къ этому запаху...

— Ну-ка, берите за этотъ конецъ, тащите сюда... Батоговъ принялъ отъ Юсупа большой хивинскій коверъ, и они, вдвоемъ съ докторомъ, принялись разворачивать его подъ карагачемъ.

Черезъ нѣсколько минутъ они оба, лежа покойно на мягкомъ коврѣ, спинами къверху, наблюдали, какъ Юсупъ варилъ въ кострюлѣ какую-то красную жидкость, распространяющую вокругъ себя самые пряные ароматы.

Джигитъ усѣлся неподалеку на корточкахъ и, вытянувъ свою черномазую физиономію, внимательно наблюдалъ за поверхностью начинавшей уже закипать жидкости... Тонкіе, красноватые язычки пламени, облизывая закоптѣлое дно кострюли, оригинально освѣщали съ низу лицо Юсупа и искрились на шитомъ галунѣ его халата, на рукояткѣ кривого ножа, на металлическихъ побрякушкахъ, украшавшихъ поясъ джигита и на большой, серебрянной ложкѣ, которою онъ тщательно снималъ накипавшую пѣну. Повременамъ, онъ, не смотря на то, что ложка была у него въ рукахъ, совалъ палецъ въ кострюлю, облизывалъ его, бормоталъ при этомъ: „Ой-ой“ при чемъ кривилъ свою рожу и обтиралъ палецъ объ полы халата.

— Тюра—булды? (готово?) спросилъ онъ Батогова.

— Кипяти еще, отвѣчалъ Батоговъ, — да вылей туда все вонь изъ той бутылки... Ну, ладно;—бѣги за чашками.

Черезъ нѣсколько минутъ они дружелюбно чокались плоскими, туземными чашками, осторожно прихлебывая ароматическій, бьющій въ носъ напитокъ.

— Ну-съ, докторъ, такъ вызываетъ?.. говорилъ Батоговъ.

— Вызываетъ... говорилъ докторъ и при этомъ пожималъ плечами, какъ-бы думая: „вотъ есть изъ-за чего“.

— Ну, и какъ-же это? стрѣляться, или, можетъ быть, на ножахъ?.. а?

— Собственно эти подробности зависятъ отъ дальнѣйшихъ соображеній, но я полагаю—на револьверахъ.

— Не на Хмуровскихъ-ли, въ тристо-шестьдесятъ пять выстрѣловъ... пойдетъ такая, я вамъ доложу, стрѣльба: хлопъ, да хлопъ, часа, я думаю, четыре стрѣлять будемъ—это скучно. Нельзя-ли, что нибудь покороче.

— Ну, эти револьверы существуютъ, положимъ, только въ воображеніи Хмурова,—а мы на обыкновенныхъ... Докторъ еще налилъ себѣ изъ кастрюли.

— Ну, хорошо. Теперь еще одинъ вопросъ: Когда я покончу съ Брилло, положимъ, что я буду такъ счастливъ, тогда мнѣ придется съ вами начинать—да?..

— Со мной!—удивился докторъ,—это съ какой стати?..

— Да вѣдь, сколько я припоминаю, я и васъ тоже...

— Меня?—нѣтъ...

— Что-же это мнѣ показалось, будто вы тоже повалились.

— О да, я упалъ, но упалъ совершенно отъ другихъ причинъ; меня сбила съ ногъ ваша лошадь.

— Ну, вотъ видите-ли...

— Да, но развѣ это оскорбленіе... Я на это смотрю совершенно съ другой точки зрѣнія... Вотъ если-бы вы меня нагайкой такъ, какъ его... Ахъ, какъ вы его царапнули. Я цѣлый день прикладывалъ ему холодные компрессы: вотъ какъ вздулось, и докторъ показалъ рукою, по крайней мѣрѣ, на поларшина отъ головы...

— Ахъ, бѣдняга... пожалѣлъ Батоговъ.—Ну, такъ значитъ, мнѣ придется имѣть дѣло только съ однимъ Брилло...

— Да, только съ нимъ...

— Ну, и что-же онъ очень сердится?

— Онъ рветъ и мѣчетъ, онъ впалъ въ положительное бѣшенство, и если принимать въ расчетъ страшный приливъ крови къ мозгамъ...

— Это отъ этого-то?.. Батоговъ показаль рукою.

— Ну—да,—то можно рассчитывать на весьма печальный исходъ.

— Скажите...

— Конечно, тутъ были еще событія, подѣйствовавшія нѣсколько раньше на его организмъ... докторъ еще налилъ чашку.— Но, Боже мой, какъ онъ взбѣшенъ... Боже мой!.. Онъ говоритъ мнѣ: поѣзжай къ этому мерз.... докторъ спохватился на полусловѣ, Батоговъ улыбнулся.— Это онъ говоритъ, и если только Батоговъ откажется, то я его, все равно, изъ за угла пришибу, какъ собаку, я ему горло перегрызу, я ему!..

Докторъ вошелъ въ азартъ и сильно жестикулировалъ; онъ даже чуть не схватилъ руками Батогова за горло...

Нѣсколько чашекъ глинтвейна, сильно разбавленнаго воньякомъ, начинали дѣйствовать на голову доктора.

— Эвъ его раскачиваетъ, подумаль Батоговъ, глядя на секунданта.

— Такъ значитъ,—на револьверахъ, произнесъ онъ вслухъ.

— На револьверахъ...

— Ну, а гдѣ?

— Объ этомъ еще не рѣшено, но вамъ дадутъ знать своевременно.

— Вы куда отсюда? намекнулъ Батоговъ гостю: не пора ли, моль, убираться.

— Прямо къ Брилло; онъ просилъ сообщить ему тотчасъ-же.

— Ну, поѣзжайте! Только что-же вы ему сообщите?

— Какъ что? удивился докторъ.— То, что вы приняли вызовъ и ждете только подробностей въ условіяхъ.

— Напрасно вы ему это сообщите.

— Это почему?

— А потому, что я вызова не принимаю и стрѣляться съ капитаномъ не буду.

— Вотъ какъ!.. протянулъ секунданта. Какъ онъ ни былъ пьянъ, а все-таки этотъ отказъ, такъ спокойно прознесенный Батоговымъ, треснулъ его, какъ обухомъ въ голову.

— Но почему-же, вы боитесь, что-ли? вѣдь это, наконецъ, не совсѣмъ чест...

— Тс... не говорите глупостей, пожалуйста... а то онѣ до добра рѣдко доводятъ. — О причинахъ отказа я не стану распространяться; допустите хоть то, напримѣръ, что я, положимъ, считаю дуэли глупостью—ну, на этомъ предположеніи и остановитесь... — Да наливайте себѣ еще чашку; пожалуйста, безъ церемоніи. Ну-съ, а Брилло скажите, что если онъ хочетъ, чтобы я еще разъ его поколотилъ, то это я могу, ибо физически я много его сильнѣе. — При этихъ словахъ докторъ невольно повосился на говорившаго, который, освещенный съ ногъ до головы свѣтомъ отъ костра, такъ покойно лежалъ на коврѣ, заложивъ за голову свои мускулистыя руки. — Насчетъ атакъ изъ за угла я принялъ давно уже приличные мѣры, и атаки подобнаго свойства не всегда удаются... Вѣдь вы вотъ не считаете оскорбленіемъ толчокъ моей лошади. Посовѣтуйте-ка ему также точно отнестись къ удару ногойкой—тѣмъ болѣе, что, дѣйствительно, не было оскорбленія, а была только, весьма неприятная для него случайность и въ добавокъ вполне имъ заслуженная. Когда трое нападаютъ на одного—тогда они не имѣютъ никакого права оскорбляться, если одинъ побьетъ ихъ троихъ... Сообразили, почтеннѣйшій докторъ...?

— Мнѣ что... мнѣ все равно—я такъ и передамъ, бормоталъ докторъ; смущенный заключительною фразою, онъ невольно поддался заговорившему въ немъ чувству справедливости.

— Итакъ, покойной ночи. Юсупъ! лошадь господину. Прощайте.

Темный четырехугольникъ растворенныхъ настежь воротъ освѣтился пожарнымъ, краснымъ свѣтомъ: два всадника-туземца пригнувшись къ шеямъ лошадей, проскочили во дворъ съ смоляными факелами въ рукахъ. Длинные палки, обмотанные тряпками, пропитанными смолою и кунжутнымъ масломъ трещали, страшно чадили и разбрасывали вокругъ себя яркій, мигающій свѣтъ.

Вслѣдъ за факельщиками вѣхалъ самъ сановитый хозяинъ, въ необъятной кашемировой чалмѣ, въ опушенномъ соболемъ халатѣ и зеленыхъ ичегахъ (родъ обуви) съ длинными, совершенно остроконечными каблуками. Аргамакъ его былъ

покрыть роскошною бархатною попоною, вышитою золотомъ и бахромою.

Нѣсколько пѣшихъ джигитовъ поспѣшно бросились къ Саидъ-Азиму, чтобы помочь ему сойти съ лошади.

Батоговъ пошелъ на встрѣчу своему пріятелю, а докторъ прошмыгнулъ за спиною прибывшаго и поѣхалъ рысцею по узкой улицѣ туземнаго города, осторожно пробираясь черезъ никогда не просыхающія лужи съ густою, вонючею грязью.

— Правъ Батоговъ, правъ; съ которой стороны не заходи,—правъ, бормоталъ докторъ, разсуждая самъ съ собою.— Только опять тоже, если войти въ положеніе Брилло, такъ сказать, подысвать ему какой-либо исходъ... да, трудновато... То-есть оно собственно не трудно-бы: тамъ выпилъ, здѣсь закусилъ, разъ-два, долго-ли помириться, только горячка эта подлѣйшая; поиди вотъ, уломай... Да, что ни говори, а безъ скандала, и даже очень не маловажнаго скандала не обойдется...

Нѣсколько разношерстныхъ собакъ, прыгая по плоскимъ крышамъ сакель, съ лаемъ и визгомъ, провозжали русскаго всадника, голова котораго приходилась на одномъ уровнѣ съ ихъ мордами.

— Ишь! пристали, проклятыя... Крикнулъ докторъ, махнувъ нагайкою, и погналъ свою лошадь.

Проѣзжая мимо, такъ называемыхъ еоканскихъ воротъ, гдѣ нѣсколько линейныхъ солдатъ въ бѣлыхъ рубахахъ, прямо руками, по мѣстному обычаю, обработывали большую деревянную чашку съ какимъ-то мяснымъ варевомъ, докторъ еще разъ задумчиво произнесъ:—да, безъ скандала не обойдется... и даже почесалъ у себя за ухомъ.

IX.

Что видѣлъ Таджикиъ Уллу-гай на разсвѣтѣ, когда отыскивалъ свою сѣрую ослицу.

Утренняя заря едва занималась и густой туманъ покрывалъ окрестности. Свѣтлымъ серпомъ стояла высоко на небѣ послѣдняя четверть луны, и ея слабый свѣтъ боролся еще съ наступающимъ утромъ.

На низовьяхъ было прохладно и сквозь камышь тянуль сырой, пронизывающій вѣтеръ.

У Таджики Уллу-гай еще вчера вечеромъ пропала его сѣрая ослица, а ему непременно надо было сегодня утромъ везти на русскій базаръ дыни съ свой бакши. Никакъ не могъ сообразить бѣдный Уллу-гай:—куда это могла дѣваться его сѣрая ослица? Еще послѣ обѣда возилъ онъ на ней ячмень въ Ногай-курганъ на мельницу; потомъ домой приѣхаль, по дорогѣ еще арканъ новый купилъ у бабая въ лавкѣ, выпустилъ на траву и даже ноги спуталь, чего прежде никогда не дѣлалъ. Вечеромъ хватился:— нѣтъ. Искаль, искаль, версть двадцать, можетъ быть, обѣгалъ, нѣтъ. Спрашиваль у всѣхъ, кого только ни встрѣчалъ: не видаль-ли кто его ослицы:—сѣрая такая, толстая, одно ухо до половины отрѣзано..? Много сѣрыхъ ословъ видѣли, говорятъ,—можетъ, который изъ нихъ и твой. Просто бѣда, да и только!

Сегодня опять пошоль искать; еще за долго до свѣта выползъ изъ своей землянки, что на самомъ краю бакши, около чиназской дороги и побрель. Бродилъ, бродилъ и все ворчалъ про себя:—эка досада, что забылъ звонокъ подвзывать, все, можетъ, услышалъ-бы; а то, ты вотъ тутъ идешь, а она вонъ тамъ въ канавѣ бурьянъ гложеть, а тебѣ и не видно, и не слышно.

Осторожно раздвигая камыши, выбрался онъ на берегъ большого ручья, когда-то бывшаго арыка, но временемъ размывшаго себѣ болѣе просторное, привольное русло и прибрѣтшаго себѣ видъ природнаго ручья, густо-заросшаго камышомъ и осокою.

Утиный выводокъ съ шумомъ ринулся съ берега въ воду и поплылъ въ надводную чащу, оставляя за собою мелкія, серебрястыя струйки. Лупоглазая лягушка, тяжело шлепая пухомъ, попрыгали прочь съ тропинки; кольчатая, сѣрватая змѣйка съ ранжевымъ брюшкомъ, тоже шипя, выпрямилась и поползла подъ мокрые корни красной, кустарной ивы. Все это испугалось приближенія Таджики Уллу-гай, который, пристально осматриваясь по сторонамъ, владучись, словно кошка, чуть слышно ступаль своими босыми ногами.

Выбрался Таджики на берегъ и присѣлъ на корточки. — Дай, думаетъ, отдохну здѣсь немного. Досталь онъ изъ за пазухи маленькую тыву-горлянку, ототкнулъ пробочку, на-

сыпалъ себѣ на ладонь изрядную горстку темно-зеленаго, тертаго табаку, понюхалъ, потомъ все въ ротъ высыпалъ, поправилъ языкомъ и задумался.

Такъ присидѣлъ онъ съ полчаса времени и вдругъ ему показалось, что вправо словно кто-то верхомъ ѣдетъ, да и не одинъ, будто-бы ихъ много. Открылъ глаза испуганный Уллу-гай:—никого, прислушался:—ничего не слышно...

— Однако, нечего сидѣть, думаетъ, пора и въ дорогу. Засучилъ онъ свои холщовыя шаровары выше колѣнъ и поплѣзъ въ воду.—Ухъ! какая холодная вода подь утро бываетъ; словно ножемъ рѣзнула... Двѣ большія рыбы плеснули около самаго Уллу-гая, и по водѣ пошли въ разныя стороны широкіе круги.—Да и много-же рыбы водится въ этомъ ручьѣ, подумалъ Уллу-гай,—то-есть, если цѣлый годъ сидѣть на берегу, не сходя съ мѣста, и все ловить ея сѣткою съ крючьями, такъ, я думаю, и половины не выловишь. Да здѣсь что; здѣсь еще малая вода, а вотъ въ большой „Дарьѣ“ сколько ея... И вспомнилъ Уллу-гай, какъ ему рассказывали на дняхъ въ Дзингатахъ пріѣзжіе киргизы-курома, что у нихъ въ „Дарьѣ“ большая рыба утащила барана и дѣвочку. Дѣвочка-то еще ничего:—такая дрянненькая была, вся въ лишаяхъ, а баранъ былъ отличный: одного сала цуда два съ половиною было... Вспомнилъ все это Уллу-гай и взглянулъ въ ту сторону, гдѣ далеко, верстъ за сорокъ, протекаетъ большая „Дарья“...

Не побоялся Уллу-гай, что вода холодна подь утро бываетъ; присѣлъ по самое горло и смотритъ сквозь частые, камышевые стебли испуганными глазами, что за люди такіе ѣдутъ, почти-что по самому берегу, и того и гляди, что замѣтятъ надъ водою Уллу-гаеву красную тубетейку.

Гуськомъ другъ за другомъ, тихонько, съ оглядкою, словно не за хорошимъ дѣломъ, ѣдутъ все чужіе, незнакомые всадники. За остро-лукими, тюременскими сѣдлами перемѣтныя сумки привязаны (видно изъ далека), за плечами ружья съ раструбами; заря искрится на мелькихъ кольчугахъ и сверкаютъ круглыя бляхи на поясахъ и кожаныхъ щитахъ всадниковъ. Халаты все старше, порванные и въ широкіе, кожаные чамбары засучены. А сколько ихъ! Аллахъ, Аллахъ!.. Бѣдному Уллу-гаю казалось, что и конца не будетъ этому страшному шествію.

Вотъ, наконецъ, ѣдетъ и послѣдній джигитъ. Онъ поотсталъ немного отъ своихъ товарищей: лошадь у него сильно припадаетъ на заднюю ногу, накололась, должно быть, въ камышахъ.

Слѣзъ онъ съ коня, поправилъ сѣдло, штаны себѣ подтянулъ покрѣпче и пристально посмотрѣлъ прямо въ глаза Уллу-гаю, такъ, по крайней мѣрѣ, ему показалось.—Ну, думаетъ Таджикъ,—пропалъ теперь совсѣмъ; однако, Аллахъ не безъ милости: всадникъ опять сѣлъ на свою хромую лошадь и поковылялъ дальше.

Долго сидѣлъ еще въ водѣ Уллу-гай; все ждалъ:—не поѣдутъ-ли еще... Просто уже и терпѣть стало не подъ силу, хоть умирай. Зубы такъ колотятся другъ о друга, что, должно быть, шаговъ за десять слышно... Ну, думаетъ, теперь можно.

Осторожно выползъ Уллу-гай изъ воды и бѣгомъ пустился на прямикъ, не разбирая дороги, въ ту сторону, гдѣ еле виднѣлись сквозь дымку утренняго тумана высокіе тополи, что растутъ на выѣздѣ изъ Дзингаты. Бѣжитъ Таджикъ и думаетъ дорогою: какъ это онъ будетъ рассказывать тамошнимъ абъ-саваламъ, что каракчи ¹⁾ изъ за Дарьи перебрались. Пожалуй, не повѣрятъ еще, да вздуютъ нагайками.—Не ври, молъ, вздору, не мути народъ. Это прежде бывало.

Х.

Слухомъ земля полнится.

Ничто такъ быстро не разносится народною молвою, какъ различные скандальные случаи, которые предоставляютъ такое обширное поле для болѣе или менѣе остроумной изобрѣтательности, что скоро принимаютъ такіе размѣры и такую свазочную обстановку, что даже сами герои скандала не узнаютъ начальнаго эпизода.

Такъ случилось и въ настоящемъ случаѣ: о смерти „Машки“ и о траги-комической серенадѣ подъ окномъ у Марфы Васильевны, со всѣми своими плачевными послѣдствіями, все населеніе русскаго города узнало еще за долго до обѣда; и когда въ единственномъ ресторанѣ города, у жида Тюльпаненфельда, собрались его завсегдатаи, какъ они сами

¹⁾ Каракчи—разбойники.

себя называли, то только и было разговоръ, что о происшествіи въ узкомъ переулкѣ.

Да и сама Марфа Васильевна вовсе не находила нужнымъ хранить все это въ тайнѣ. Она всякаго, кто только ни спрашивалъ у нея о случившемся, посвящала во всѣ подробности ночного событія.

По мѣстнымъ обычаямъ, здѣсь очень немногіе ѣздятъ въ экипажахъ, — большинство-же довольствуется верховыми лошадьми, и потому множество самыхъ разнообразныхъ всадниковъ проѣзжало мимо оконъ Марфы Васильевны: кто на службу, кто со службы, кто на проѣзду, а большинство — такъ только, для того, чтобы прогарцовать мимо этого уютнаго окна, въ тѣни шелковичнаго дерева, въ которомъ, словно въ рамкѣ, сидѣла улыбающаяся красавица съ чудными, влажными глазами и въ легкомъ, бѣломъ утреннемъ костюмѣ.

Свернувъ съ шоссе, цѣликомъ мимо мусорныхъ ямъ, черезъ задварокъ стараго полицейскаго двора, на красивомъ конѣ ѣдетъ тоже красивый офицеръ; оба горячатся и волнуются: одинъ—оттого, что завидѣлъ тонкій профиль Марфы Васильевны, другой—оттого, что, вслѣдствіе того-же самаго, получилъ подъ бока жестокій ударъ шпоръ съ репейками.

— Вы куда это, Набрюшниковъ? спрашиваетъ Марфа Васильевна офицера, который десятый разъ дѣлаетъ видъ, что совершенно нечаянно увидѣлъ красивую барыню.

— Ахъ, это вы! удивляется Набрюшниковъ, ловко осаживая коня и монументомъ останавливаясь передъ окномъ. — Ваше здоровье-съ?..

— Благодарю? Что это у васъ за лошадь?

— А что-съ?.. Всадникъ чувствуетъ, что его конь какъ-то подозрительно начинаетъ поднимать хвостъ и даетъ ему предупредительный ударъ шпорами: дескать, веди себя прилично, когда разговариваешь съ дамами.

— Да, прекрасная.

— Это я недавно купилъ въ Ходжентѣ.

Незначительная пауза.

— Марфа Васильевна, правда-ли, я слышалъ, что...

— Правда, правда, хохочетъ Марфа Васильевна.

— И какъ это онъ, почти въ упоръ, и промахнулся?.. удивляется всадникъ.

— Какъ промахнулся? удивляется въ свою очередь Марфа Васильевна.

— Да изъ револьвера...

— Изъ какого револьвера... просто нагайкою...

— Съ побѣдою имѣемъ честь поздравить! басытъ толстый генералъ и хохочетъ, хохочетъ всѣмъ своимъ ожирѣвшимъ существомъ, хохочетъ чуть не до апоплексическаго удара. Два конвойные казака уральца, которые трепались за генераломъ, не ожидая, что тотъ такъ внезапно остановится, натыкаются на крупъ его лошади.

— Чего рты разинули, скоты!.. А мы хотимъ Батогова въ слѣдующему чину представить за его рыцарскую отвагу... У меня въ канцеляріи уже реляцію пишутъ о ночномъ дѣлѣ, острить генералъ и плотноядно смотреть на округлые локотки Марфы Васильевны.

И съ генераломъ поболтала немного Марфа Васильевна.

Вся, словно развинченная, дребезжитъ оренбургская линейка въ одну лошадь, на возлахъ — солдатъ въ кумачной рубахѣ и ермолеѣ съ вистью. Въ линейкѣ сидятъ четыре дамы въ канаусовыхъ блузахъ и въ круглыхъ соломенныхъ шляпкахъ, на которыхъ раскинулись цѣлые цвѣтники и огороды.

— Марфа Васильевна, пищать дамы, мы къ вамъ...

— Заходите, нехотя произносить Марфа Васильевна, которая вообще не долюбивала общества мѣстныхъ барынь.

— Да нѣтъ-же, я вамъ говорю, это совершенно не такъ было, говорить интендантскій чиновникъ, тотъ самый, что былъ у Хмурова.—Кому-же и знать, какъ не мнѣ.

— Да вы-то откуда знаете? спрашиваетъ его другой, тоже должно быть чиновникъ.

Оба они выпили у буфета по большой рюмкѣ полынной и тыкали вилками въ тарелку съ молодымъ редисомъ.

— Я откуда знаю, гм...

— Да, вы-то?..

— Мало-ли откуда: тотъ говорилъ, другой говорилъ, третій. Да вотъ даже, не больше какъ за четверть часа передъ этимъ, встрѣчаюсь я съ...

— Ну, вотъ то-то-же... другой, третій, а мнѣ самъ Батоговъ подробно разсказываль.

— Что-же это онъ вамъ говорилъ-то? язвительно улыбаясь, спрашиваетъ интендантскій чиновникъ.

— Брилло схватилъ ее за талію, а докторъ за ноги и маршъ-маршъ въ кусты; знаете, тутъ сейчасъ кусты, такіе густые, ну вотъ, гдѣ новая стройка, большая яма тутъ еще такая...

Нѣсколько человѣкъ окружили разсказчика; какой-то высокій, лысый господинъ бросилъ обглаживать крыло поданнаго ему фазана, всталъ и подошелъ къ прилавку, обтирая усы салфеткою.

— Въ эту-то минуту является Батоговъ, а сидѣлъ онъ до той поры въ экипажномъ сараѣ. Баць въ одного, баць въ другого: натурально, оба наповаль. Марфа Васильевна, говорить, вы свободны...

— Да тигра кто-же выпустилъ?..

— Какого тигра; это совсѣмъ другая исторія...

— Да, да, ну виноватъ, продолжайте.

— Вы говорите, оба наповаль! прерываетъ разсказчика лысый господинъ.

— Наповаль; въ високъ на вылетъ.

— Да они оба живы...

— Какъ живы!.. ну, вѣроятно, скоро умрутъ, по крайней мѣрѣ, ранены смертельно... Разсказчикъ нѣсколько смущень и сосредоточенно ловить вилкою новую редиску.

— Полноте, съ Батоговымъ даже и револьверовъ не было ..

— Ну, батенька, это нѣтъ... это вздоръ! Я, положимъ, не слыхалъ, но моя жена ясно слышала два выстрѣла.

— Ну, можетъ, то были совсѣмъ другіе выстрѣлы, улыбается за прилавкомъ самъ Тюльпаненфельдъ, отсчитывая кому-то сдачу.

Публика хохочетъ.

— Сегодня вечеромъ дуэль! объявляетъ новый посѣтитель, появляясь на порогѣ ресторана.—Кто смотрѣть хочетъ.

— Гдѣ, гдѣ? слышатся вопросы со всѣхъ сторонъ. Никто уже не спрашиваетъ: кто, съ кѣмъ; дѣло всѣмъ хорошо извѣстно. Изъ бильярдной выбѣгаютъ личности безъ скуртуговъ съ кіями въ рукахъ.

— А вотъ еще куда не рѣшено. Докторъ поѣхалъ въ Батогову съ вызовомъ. Что-то привезетъ.

— Навѣрно черезъ платокъ.

— Помирятся.

— Нѣтъ, тутъ не помиришься; тутъ, братъ, кровью пахнетъ.

— Да, дѣло скверное, хоть изъ области уѣзжай. Какъ теперь ему глаза показать въ общество.

— Ничего обтерпится.

— Охъ, трудновато.

— А на холодномъ оружїи, знаете-ли, много посущественнѣй будетъ; какъ-то въ дѣлу ближе...

— Ну, а Марфа Васильевна что?

— Да ей-то что-же?..

— Ну какъ-же, все-таки.

— Она-то тутъ совсѣмъ уже не причемъ, говорить какъ будто при себѣ стрѣлокъ, уткнувшись лицомъ въ обрывокъ газеты.— Всякій негодяй полѣзетъ безчинствовать, а женщина виновата, гм... странно.

— Ну, вы уже слишкомъ: „негодяй“... Эдакъ много негодяевъ скоро будетъ, вступается сосѣдь съ правой стороны.— Ежели человѣкъ пьянъ и самъ себя не помнитъ...

— Такъ это вы пьянствомъ всякую гадость оправдывать станете. Ну, не пей, коли знаешь, что скотская натура въ наружу полѣзетъ.

— Ну, заспорили! протянулъ интендантскій чиновникъ. — А вѣдь если разсудить по чести, по справедливости: ну что такого особеннаго сдѣлалъ Брилло, то-есть ровнехонько ничего.

— Ну, какъ же ничего...

— Да, конечно. Пѣли подъ окномъ, что за бѣда. Ну, въ овно полѣзли; Господи Боже, ты мой! да что-же тутъ такого. Положимъ, бить не слѣдовало, но согласитесь-же сами, видѣть, что трое пьяныхъ, ну, чего лѣзть, ну, оставь его въ покоѣ. Не трудно было предвидѣть, что бить будутъ... Со стороны Батогова тоже несовсѣмъ честно. Къ чему это такія крайнія мѣры: ногайками по головѣ! Не по-товарищецки нѣтъ, не по-товарищецки. Не слѣдовало-бы...

— Дайте еще бутылку блага!

— А это ты швырни въ рыло самому Тюльпаненфельду, при-

казываетъ лысый господинъ слугѣ-туземцу, во фракѣ поверхъ полосатаго халата и безъ сапогъ.

— Тс!.. предостерегаетъ его сосѣдъ и косится въ ту сторону, гдѣ самъ Тюльпаненфельдъ дѣлаетъ видъ, что ничего не слышитъ.

Мимо терассы передъ рестораномъ, по шоссе, слышится стукъ легкаго рессорнаго экипажа и топотъ многочисленныхъ конскихъ ногъ. Всѣ стремительно бѣдутъ къ окнамъ и на терассу. Интендантскій чиновникъ пользуется случаемъ и перекладываетъ поспѣшно куски съ чужихъ тарелокъ на свою.

Впереди ѣдетъ конный патруль, человекъ изъ десяти уральскихъ казаковъ, за ними—коляска парю сѣрыхъ, въ коляскѣ сидитъ старичокъ съ сѣдыми усами, въ бѣлой фуражкѣ съ длиннымъ, далеко выдающимся впередъ козырькомъ.

За коляскою ѣдетъ цѣлая сотня въ разнообразныхъ мундирахъ, съ голубымъ, распущеннымъ штандартомъ. По бокамъ коляски нѣсколько туземцевъ въ разнообразныхъ, нестрыхъ костюмахъ джигитуютъ на своихъ рьяныхъ аргамакахъ.

Густая облака шоссейной пыли несутся слѣдомъ за блестящимъ кортежемъ.

XI.

Записка.

Рыжій артиллеристъ сидѣлъ у себя въ комнатѣ и ждалъ, что привезетъ ему докторъ.

Онъ былъ страшень.

Кто-то въ полу-туземномъ, полу-русскомъ костюмѣ позавался на мгновение въ дверяхъ, увидѣлъ широкую спину Брилло, его голову, коротко остриженную, перевязанную полотенцами; мелькомъ замѣтилъ въ зеркалѣ два желтыхъ глаза, прямо въ упоръ на него смотрящіе, вздрогнулъ отъ испуга и скрылся. Идя поспѣшно черезъ дворъ къ своей лошади, которую оставилъ за воротами, посѣтитель ворчалъ про себя: „Ну его. Пожалуй, еще такихъ непріятностей наживешь. Ишь какою гienною смотреть...“

Даже деньщикъ рыжаго артиллериста ходилъ на цыпочкахъ, осторожно обходя складное кресло, въ которомъ си-

дѣлъ больной; онъ даже говорилъ сдержаннымъ шопотомъ. Онъ по личному опыту зналъ уже, что баринъ его весьма опасенъ въ данную минуту.

Съ самой той минуты, какъ уѣхалъ докторъ, Брилло усѣлся въ креслѣ передъ столомъ и полу-безсознательно устался въ зеркало. Онъ видѣлъ тамъ желтое, вытянутое лицо, словно у мертваго, заострившійся носъ, безобразно торчащія усы и массу чего-то бѣлаго, намотаннаго вокругъ этого некрасиваго лица. Отъ разлившейся жолчи у него было горько и сухо во рту и въ глазахъ прыгали зеленныя точки. Голова его болѣла, и эта несносная, тупая боль, словно тисками, охватывала его мозгъ, парализуя всякую другую мысль, кромѣ той, на которой сосредоточилась вся нервная система рыжаго артиллериста.

— Ну, такъ когда-же?.. Ему показалось, что вошелъ докторъ. Онъ обернулся, въ комнатѣ никого не было, и вокругъ не слышно было ни малѣйшаго звука.

— Что-же это, бредъ начинается, что-ли? подумалъ Брилло.

Циновки, завѣшивающія окно отъ солнечнаго свѣта и жары, были сняты какою-то невидимою рукою, и въ комнату ворвался потокъ вечерняго свѣта. Крыша противоположнаго дома была ярко красная; трубочистъ на этой крышѣ, съ метлою въ рукахъ, заглядывающій въ отверстіе трубы, былъ тоже красенъ, словно онъ не сажею былъ замазанъ съ ногъ до головы, а кровью; головы всадниковъ, проѣзжавшихъ мимо окна, мельгнули тоже словно раскаленные, и густой дымъ, поднимавшійся изъ высокой трубы кирпичнаго завода багровыми клубами, расплывался по вечернему небу.

— Солнце заходитъ, подумалъ больной.—Что-же это онъ, провалился, что-ли?.. Ящикъ подай, ей! произнесъ онъ вслухъ и даже самъ озадачился, услышавъ этотъ дикій, совершенно ему незнакомый голосъ.

Испуганный деньщикъ въ то-же мгновеніе показался въ дверяхъ и торопливо заметался по комнатѣ.

— Ящикъ, мерзавецъ; вонъ, красный, около кровати... завылъ рыжій артиллеристъ.

Деньщикъ осторожно подаль ящикъ и поставилъ его на столъ.

— Отвори.

Въ ящикѣ лежалъ револьверъ и всё принадлежности къ нему.

— Пошелъ вонъ.

Послѣднее приказаніе было лишнее: деньщикъ давно уже выскочилъ изъ комнаты, притворилъ дверь и внимательно наблюдалъ въ щель за всѣмъ происходившемъ.

Рыжій артиллеристъ вынулъ револьверъ и чуть не уронилъ оружіе. Его пальцы не хотѣли слушаться своего хозяина и нервно дрожали, прикасаясь къ холодному металлу...

— Что-же это такое? эдакъ я промахнусь, почти просто-наль Брилло и, съ тоскливымъ выраженіемъ, поспѣшно приложился въ какую-то точку на противоположной стѣнѣ комнаты. Дуло револьвера, съ граненою, острою мушкою, прыгало, описывало круги и упорно не останавливалось на этой точкѣ.

Брилло прихватилъ пистолетъ лѣвою рукою — еще хуже. Онъ опустилъ оружіе и швырнулъ его черезъ всю комнату; вскочилъ, прошелся раза два, ломая руки; потомъ остановился какъ разъ передъ печкою, прислонился лбомъ къ ея облупившейся штукатуркѣ и глухо зарыдалъ... если можно назвать рыданіями это дивное вытье, прерываемое какимъ-то хриплымъ, собачьимъ лаемъ.

Нѣсколько испуганныхъ, солдатскихъ лицъ показались въ полуотворенныхъ дверяхъ

И вотъ эта печка стала словно уходить изъ-подъ его воспаленнаго, горячаго лба; какая-то длинная темная галерея открылась передъ его глазами; изъ этой мрачной трубы несетъ холодомъ, какъ изъ погребѣ... Въ самой глубинѣ, далеко-далеко мерцаетъ какой-то неопредѣленный свѣтъ; это — бѣловатое облачко принимаетъ формы, оно складывается въ какой-то знакомый, смѣющийся образъ. Чудная нота дрогнула въ воздухѣ: голосъ, глубоко проникающій въ возмущенную душу, поетъ свою неземную пѣсню...

Другой образъ темнымъ пятномъ заслоняетъ свѣтлое видѣніе... Надменно смотрятъ сѣрые глаза и ротъ складывается въ холодную, презрительную улыбку... „А не хочешь-ли вотъ этого?“ и призракъ взмахиваетъ своею татарскою ногойкою.

— Онъ, онъ! проклятый! пронзительно вскрикнулъ рыжій артиллеристъ и безъ жизни, безъ движенія грянулся навзничь, широко раскинувъ свои руки.

На дворѣ слышался топотъ коня. Кто-то спрашивалъ: ну, что?.. другой кто-то отвѣчалъ: да вонъ поглядите, ваше благородіе...

Взошелъ докторъ, остановился на одно мгновеніе и кинулся поднимать упавшаго.

— Воды, скорѣе, льду... приказалъ онъ деньщику. — Пошли вѣстового верхомъ въ крѣпость, чтобы сейчасъ фельдшера Мандельберга тащилъ... надо кровь бросить... Постой, скажи, чтобы инструменты перевязочные захватилъ... Да никакъ они со мною...

Докторъ поспѣшно сунулъ руку въ боковой карманъ, выдернулъ... въ разныя стороны посыпались карты съ надогнутыми углами; между ними мелькнули двѣ стереоскопныя карточки съ голыми барынями, въ самыхъ утрированныхъ ракурсахъ.

А докторъ на возвратномъ пути отъ Батогова успѣлъ уже рассказать кое-кому, изъ встрѣтившихся ему на пути, о своемъ разговорѣ съ Батовымъ... и даже сообщилъ мнѣніе свое, что Батовъ „правъ, то-есть, съ каковой стороны не заходи: правъ“, и „что онъ не знаетъ, удастся-ли ему уломать этого пылгаго Брилло“.

Всѣ выслушивали доктора, соглашались съ нимъ, что Батовъ правъ, соглашались, что пылгаго Брилло уломать довольно трудно... и спѣшили подѣлиться съ другими свѣжими новостями.

Такимъ образомъ, слухи объ отказѣ Батогова отъ дуэли, принявъ опять фантастическіе размѣры, разнеслись по всему городу, прежде чѣмъ на крѣпостной стѣнѣ, — дежурный артиллеристъ, раздавивъ у себя на шеѣ здоровеннаго клопа, приложилъ фитиль къ затравкѣ заревой пушки.

— Такъ онъ отказался, говорилъ рыжій артиллеристъ, который пришелъ уже въ чувство и давно сидѣлъ опять въ своемъ креслѣ, а докторъ въ четвертый разъ передавалъ ему свою исторію.

— Онъ говоритъ, убѣждалъ докторъ,—пускай его посмотрятъ на дѣло совершенно съ другой стороны, и тогда онъ увидитъ ясно, что тутъ не было никакого оскорбленія.

— Слушай, ты!—Брилло отдѣлился отъ спинки кресель.— Кто изъ насъ съума сошелъ? ты или я? или онъ, наконецъ, или оба вы вмѣстѣ?

— Обыкновенная случайность... бормоталъ докторъ.— Конечно, случайность не совсѣмъ пріятная...

— Лошадь сѣдлатъ! крикнулъ Брилло, и крикнулъ такъ, что спавшій на кучѣ клевера вѣстовой, кубаремъ скатился внизъ и бросился въ конюшню.

— Что ты дѣлаешь, помилуй? засуетился докторъ. — Да это совершенное безуміе. Ты хочешь ѣхать къ нему... Да ты на сѣдлѣ не усидишь... Вѣдь вотъ...

— А вотъ я ему покажу...

— Брилло, да не дури, ну, голубчикъ, ну выслушай ты меня внимательно...

— Лошадь, проворнѣй! — Брилло стукнулъ кулакомъ по столу, такъ-что на немъ зазвенѣли разныя бездѣлушки и полетѣла на полъ стоявшая у самаго края пепельница.

Докторъ поспѣшно и убѣдительнымъ тономъ началъ излагать рыжему артиллеристу свои доводы.

— Ну, говорилъ онъ и даже всѣмъ корпусомъ впередъ наклонился,—положимъ, ты доѣдешь. Ну, что ты сдѣлаешь?.. Во-первыхъ, тебя во дворъ не пустятъ: тамъ этихъ косоглазыхъ чертей сколько; опять этотъ Юсупка, такая преданная сволочь... Да, опять, развѣ ты съ нимъ сладись?.. ну онъ тебя того... (докторъ сдѣлалъ выразительный жестъ) и концы въ воду. Будетъ совершенно правъ: ночное нападеніе, — онъ защищался. Развѣ тебѣ этого нужно? Пойми ты, я тебѣ добра желаю. Погоди, выжди случая подходящаго; мы его еще заставимъ драться...

Докторъ за спиною у Брилло замахалъ рукою вѣстовому, явившемуся на порогѣ доложить, что лошадь готова.

— А тѣмъ временемъ ты нѣсколько поправишься, продолжалъ убѣждать докторъ.— Общественное мнѣніе все на твоей сторонѣ (докторъ готовъ былъ приврать немного). Даже на что—Марфа Васильевна (Брилло застоналъ), даже она говорила, что Батоговъ уже слишкомъ...

Докторъ, увлеченный краснорѣчіемъ начиналъ портить дѣло.

— Эдакъ умрешь прежде, чѣмъ дождешься случая, почти шепотомъ произнесъ Брилло и задумался.

Вспышка прошла; докторъ торжествовалъ.

Въ отворенное окно полѣзъ какой-то мальчишка сартенокъ, въ рукахъ у него была бумажка.

— Ты чего, дьяволь? крикнулъ ему докторъ.

— Эй, тамыръ, началъ сартенокъ, сидя на подоконникѣ. — Здѣсь живетъ тюра, котораго нагайками били?

Докторъ вырвалъ у него бумажку и сартенокъ, получивъ звонкую затрещину, сбившую красную шапочку съ его гладко обритой головки, — полетѣлъ кубаремъ за оено.

— Что тамъ? спросилъ рыжій артиллеристъ и взялъ у доктора записку.

Если-бы только докторъ зналъ содержаніе этой записки, онъ навѣрное поспѣшилъ-бы ее уничтожить прежде, чѣмъ она попала въ руки Брилло.

„Батововъ, вдвоемъ съ Марфою Васильевною, будутъ завтра въ шесть часовъ утра у „Бешъ-агача“. Затѣмъ онъ уѣзжаетъ на передовую линію, а, можетъ быть, и совсѣмъ изъ области.

„Случай представляется болѣе, нежели удобный.“

Доброжелатель.

Вотъ все, что было сказано въ этой запискѣ.

Рыжій артиллеристъ внимательно прочелъ это анонимное посланіе, посмотрѣлъ на доктора и захохоталъ. Онъ хохоталъ такимъ смѣхомъ, отъ звука котораго что-то холодное пробѣжало по жиламъ доктора. Все лицо его конвульсивно передергивалось и становилось все блѣднѣе и блѣднѣе.

— Кто-бы это писалъ? подумалъ докторъ, тщательно разсматривая записку.

Это былъ небрежно отодранный уголь отъ цѣлаго листа бумаги. Фразы были написаны четко, умыленнымъ курсивомъ; видно было, что писавшій тщательно позаботился скрыть свой почеркъ.

Брилло посмотрѣлъ на часы. Стрѣлки показывали половину второго и время близилось къ разсвѣту.

XII.

Катастрофа.

Верстахъ въ двѣнадцати отъ города, подъ самую кручею высокаго обрыва, на берегу арыка „Кара-Су“, стоитъ совершенно заброшенная мельница. Плотина ея, давно уже размытая, не удерживаетъ болѣе воды и она свободно стремится внизъ, прыгая съ камня на камень и постепенно подмывая глинистую массу обрыва, на самой вершинѣ котораго бѣлѣется гробница какого-то святого. Мѣдные, пустые внутри шары съ привязанными къ нимъ конскими хвостами, повѣшенные на тонкихъ жердяхъ, издаютъ унылый, металлическій звукъ, колеблемые налетѣвшимъ порывомъ вѣтра.

Надъ самую пропасть нависла эта заброшенная гробница, украшенная турьими рогами, и, кажется, вотъ-вотъ рухнетъ подмытая внизъ и запрудитъ шумящій арыкъ своими обломками.

Внизу, на противоположномъ берегу, пять громаднхъ, столѣтнихъ карагачей раскинули свою густую, непроницаемую ни для какихъ лучей солнца, тѣнь. У этихъ массивныхъ, раскидистыхъ деревьевъ остатки жилого двора, принадлежащаго прежде кому-то изъ мѣстныхъ властей, но теперь давно уже никѣмъ не обитаемаго. Лѣсъ изъ крыши и штучные, разрисованные потолки сакель давно уже разобраны и голыя стѣны съ остатками лѣпныхъ украшеній стоятъ, открытыя вліянію непогоды, и густо поросли вудреватою, зеленою плесенью.

За этимъ дворомъ, узкая тропинка выводитъ зигзагами на старую нѣазбекскую дорогу. Тутъ уже попадаются кое-какія жилия сакли, на порогахъ которыхъ, подъ рогожными навѣсами, два-три старика торгуютъ, сидя за своими самоварами.

Марфа Васильевна на полныхъ рысяхъ подѣхала къ краю обрыва и взглянула внизъ. Она остановилась какъ разъ около гробницы, и ея Бѣльчикъ, вытянувъ свою умную голову осторожно обнюхивалъ причудливо завитые рога горнаго барана.

Утренній туманъ еще не разошелся и внизу ничего не было видно, кромѣ неопредѣленно-обрисованныхъ, косматыхъ вершинъ пяти карагачей.

Марфа Васильева тронула хлыстомъ лошадь, подобрала поводья и осторожно стала спускаться по едва замѣтной обрывистой тропинкѣ.

Бѣльчикъ красиво переступалъ съ камня на камень, похрапывая и настороживъ уши.

Наѣздница не рѣшилась воспользоваться подозрительными остатками моста и поѣхала въ бродъ, выбравъ мѣсто, гдѣ вода не такъ уже бойко рвалась, стиснутая крутыми берегами.

Когда она выбралась на ту сторону, то увидѣла подъ однимъ изъ карагачей бѣлый вителъ Батогова, спокойно идущаго къ ней навстрѣчу.

— Ну, спасибо, что пріѣхали, начала она первая и весело протянула ему руку.

— Пріѣхаль... началъ Батоговъ и запнулся.—Онъ теперь только разглядѣлъ, что за красавица стояла передъ его глазами.

— Вы меня, пожалуйста, извините, что я такъ просто отнеслась къ вамъ. Хотя, впрочемъ, *тотъ* случай далъ мнѣ право, во-первыхъ, поблагодарить васъ, а во-вторыхъ, попытаться покороче съ вами познакомиться.

— Помилуйте, Марфа Васильевна, да это съ моей стороны совсѣмъ ничего — онъ чуть было не сказалъ: наплевать, но спохватился и подумалъ: вотъ гостинодворскую-то глупость отмочилъ, не хуже Хмурова.

— Нѣтъ, какъ-же ничего... начала Марфа Васильевна и тоже подумала: фу, какая-же дура стала.

Оба стояли другъ противъ друга и молчали. Оба рѣшительно не знали о чемъ говорить.

— Если-бы попрямѣ дѣло повести, думалъ Батоговъ. — А то эти подступы, да обходы... Марфа Васильевна, да вы бы слѣзли съ лошади, произнесъ онъ вслухъ.

— А Бѣльчикъ не уйдетъ? спросила Марфа Васильевна, а хотѣла-сказать: — это съ какой стати?..

— Я его привяжу, сказалъ Батоговъ и подставилъ руки, чтобы принять наѣздницу.

Марфа Васильевна слѣзла съ лошади.

Батоговъ, снимая съ сѣдла красавицу, слегка прижалъ ее

и почувствовалъ, какъ подъ ея корсетомъ что-то усиленно толкалось.

— Какъ тутъ прохладно... начала Марфа Васильевна и шагнула впередъ, не стараясь освободиться отъ услугъ Батогова, который все еще поддерживалъ ее, хотя она давно уже прочно стояла на землѣ. — Это немного ободрило Батогова.

Въ такомъ положеніи они прошли нѣсколько шаговъ и остановились у самага ствола ближайшаго карагача.

— Это я вырѣзала, давно уже какъ-то, показала Марфа Васильевна на корявой поверхности дерева какія-то царапины.

— Гдѣ? спросилъ Батоговъ и наклонился, чтобы рассмотреть поближе.

Она тоже наклонилась: и оба они, пристально, все болѣе и болѣе сближаясь, рассматривали одну точку, пока губы ихъ не сошлись окончательно вмѣстѣ.

Тогда они разглядѣли, въ чемъ дѣло.

— Тюра, произнесъ Юсупва-джигить, высунувъ свою голову изъ-за стѣнки двора.

Марфа Васильевна вздрогнула отъ этой неожиданности и опомнилась.

— Что тебѣ нужно, чортова голова! крикнулъ Батоговъ и взялся-было за нагайку.

— Гляди, нехорошій человѣкъ пришелъ, сказалъ Юсупъ и показалъ рукою.

На томъ берегу, шагахъ въ двадцати не болѣе, стояли докторъ и Брилло. Лошади ихъ были покрыты пѣною и отъ нихъ валилъ бѣловатый паръ.

— А, мерзавецъ! теперь ты мнѣ попался!.. захрипѣлъ рыжій артиллеристъ и поднялъ револьверъ.

Пуля щелкнула объ кору дерева у самой головы Батогова, какъ разъ въ то мѣсто, которое съ такимъ вниманіемъ разглядывалось минуту тому назадъ.

— А, такъ вотъ ты какая гадина! крикнулъ ему въ отвѣтъ Батоговъ и отбѣжалъ нѣсколько шаговъ отъ Марфы Васильевны. — Первая идея, мелькувшая у него въ головѣ была та, что вторая пуля, направленная въ него, можетъ попасть въ красавицу.

— Юсупъ, подай пистолеты! крикнулъ Батоговъ и сталъ,

сжавъ кулаки, дожидаться рыжаго артиллериста, который рванулся на своемъ конѣ къ Батогову и чуть не вылетѣлъ изъ сѣдла, перебираясь черезъ ручей.

Въ эту минуту страшный крикъ Юсупа покрылъ собою общую сумятицу.

— Каракъ, каракъ!.. кричалъ онъ и бросился отвязывать лошадей.

Батоговъ оглянулся и его привычный глазъ сразу увидѣлъ и оцѣнилъ опасность.

Прямо на нихъ, отъ нѣзбекской дороги неслись страшные всадники. Много ихъ было, и Батоговъ ясно видѣлъ, что о схваткѣ нечего и думать, а надо удирать, и удирать попроворнѣе.

— Юсупъ, спасай марджу, сказалъ онъ своему джигиту спокойнымъ голосомъ, и схватилъ Марфу Васильевну, словно въ ней было не болѣе десяти фунтовъ, приподнялъ ее и посадилъ на сѣдло.

Юсупъ схватилъ за поводья Бѣльчика, плотно прижался къ нему своею лошадию и пронзительно гикнулъ. Обѣ лошади съ мѣста ринулись въ карьеръ. У самаго арыка джигитъ повторилъ свой ужасный гикъ и кони, сдѣлавъ громадный скачекъ, перенеслись черезъ ручей и поскакали дальше.

Докторъ прежде всѣхъ замѣтилъ опасность и, оставаясь на той сторонѣ, поспѣшилъ воспользоваться выгодами своего положенія. Онъ уже выскакалъ на обрывъ и несея по большой дорогѣ.

Какъ волкъ, окруженный стаею собакъ, оскаливъ зубы, поджавъ хвостъ, вертится во всѣ стороны, такъ Батоговъ крутился на своемъ Орликѣ, отыскивая себѣ путь къ отступленію. Собравъ все свое присутствіе духа, онъ озирался кругомъ, грозя своимъ револьверомъ.

Онъ видѣлъ, какъ окружили рыжаго артиллериста, какъ мелькнули въ воздухѣ его ноги со шпорами, тамъ, гдѣ за секунду была видна его рыжая голова. Онъ видѣлъ, какъ нѣсколько всадниковъ въ кольчугахъ пытались отрѣзать дорогу его Юсупу.

...Батоговъ дико вскрикнулъ, опрокинулъ вмѣстѣ съ лошадию ближайшаго джигита и сталъ на роковой тропинкѣ.

Его окружили. На него навалились со всѣхъ сторонъ. Его схватили за руки, за ноги, за шею сзади.

Его сорвали съ сѣдла.

Какая-то страшная рожа съ беззубымъ ртомъ, съ бѣльмомъ на одномъ глазѣ наклонилась надъ самымъ его лицомъ. Эта рожа рыгнула прямо въ него лукомъ и дохлятиной; костлявые пальцы сдавили ему горло.

Батоговъ потерялъ сознание.

Н. Карзинъ.

(Продолженіе будетъ).

ОЧЕРКИ АНГЛИЙСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ.

III.

Грубая система протекционизма и колониальной эксплуатации, какъ прямой результатъ феодальныхъ порядковъ, рано или поздно должна была рушиться. Такъ какъ въ Англіи эта система пустила особенно глубокіе корни, то нигдѣ ея экономической гнетъ не чувствовался такъ живо, какъ въ отечествѣ Кобдена и Брайта. Поэтому, можетъ быть, Англія въ XIX столѣтіи одна изъ первыхъ европейскихъ націй является горячей поборницей принципа свободной торговли. Она доказываетъ другимъ народамъ выгоды международной солидарности и убѣждаетъ ихъ выйти изъ замкнутаго положенія и вѣчнаго антагонизма взаимныхъ интересовъ. Въ то-же время начинается переворотъ и въ колониальной политикѣ.

Переходъ къ новой системѣ обуславливался прежде всего внутренними интересами и историческою жизнью англійскаго общества. Поддержка торговыхъ монополій требовала безусловнаго подчиненія колоній; поэтому Англія должна была поддерживать ихъ въ повиновеніи вооруженной силой или такой административной опекой, которая стоила ей громадныхъ расходовъ. Споры американцевъ съ англійскими губернаторами и, наконецъ, отдѣленіе Сѣверо-Американскихъ штатовъ показали, къ чему можетъ привести подобная политика. Кромѣ того при запретительной системѣ многіе колониальные продукты, которые могли находить себѣ легкій сбытъ въ другихъ странахъ, но не находили его въ Англіи, оставались бесполезнымъ грузомъ на мѣстныхъ рынкахъ. Съ

другой стороны обработка продуктовъ, требуемыхъ Англією въ силу мѣстныхъ экономическихъ условій и огромной провозной платы, давала столь ничтожный доходъ въ колоніяхъ, что должна была скоро прекратиться. Такъ было въ Вестъ-Индіи съ индиго и кофе, въ Америкѣ съ шерстью. „Обязавши непремѣнно торговать только съ собою, метрополія больше теряла сама, чѣмъ отнимала у колоній“, говоритъ Джонъ Стюартъ Милль. Выгоды отъ предоставленія свободнаго торга колоніямъ съ другими народами уже давно были поставлены на видъ дальновидными государственными людьми, но, какъ обыкновенно бываетъ съ прогрессивными идеями, практика продолжала слѣдовать своимъ рутиннымъ приемамъ. Чтобы осуществить теорію въ дѣйствительной жизни и облечь идею въ реальный фактъ, нуженъ былъ практической урокъ, который и дали Англіи Американскіе штаты. Люди своекорыстные и слѣпые, протестовавшіе, при отдѣленіи Америки, противъ заключенія мира съ *бунтовщиками*, скоро убѣдились, что торговля ихъ не только не пострадала, но, напротивъ, расширилась и процвѣла. Бристольскіе купцы, болѣе прочихъ опасавшіеся за свою торговлю, ясно увидѣли, что она удвоилась, и просили свое правительство о расширеніи торговыхъ сношеній съ Америкой. Выгоды торговли съ государствомъ свободнымъ и богатымъ были несравненно значительнѣе, чѣмъ съ угнетеннымъ и рабскимъ. Благодаря торговому флоту и распространенію торговыхъ сношеній, коммерческія выгоды Англіи, послѣ отдѣленія Америки, стали быстро возрастать. Съ 1790 г. къ 1814 году ввозъ сахара въ Англію увеличился съ 140 милліоновъ на 400 съ половиною милліоновъ фунтовъ; кофе съ 4 милліоновъ на 102 милліона; хлопокъ съ 28 на 85 милліоновъ (Chazelles, Etudes sur le systѣme coloniale, ch. XX, p. 42). Выгоды предоставленія свободной торговли колоніямъ обнаруживались и въ Вестъ-Индіи, когда здѣсь по временамъ ослабѣвала старая система административно-торговой опеки. Поэтому мысли объ отмиѣнѣ колоніальныхъ монополій все болѣе распространялись въ обществѣ. „Отмиѣните эту жалкую политику, писалъ Мартинъ Монгомери, которая возстановляетъ одни интересы противъ другихъ, которая кромѣ вражды и ненависти ничего не прибавляетъ къ взаимнымъ отношеніямъ народовъ. Кто разорилъ и вооружилъ противъ насъ Индію, какъ не эта система вѣчной

войны и заговора противъ благосостоянія народовъ? Дайте западной Индіи полную свободу торговли, которой требуетъ ея географическое положеніе, ея плодородіе, и ея блистательные порты процвѣтутъ. Ни Англіи, ни колоніямъ тутъ нечего опасаться. Иначе, пусть океанъ скорѣе поглотитъ ихъ въ своей пучинѣ, чѣмъ намъ видѣть ихъ разоренными и убитыми“. Такимъ образомъ, авторитетъ старой системы болѣе и болѣе падалъ въ общественномъ мнѣніи англійской буржуазіи.

Въ 1822 г. проходитъ первый билль по инициативѣ лорда Риппона и Гучиссона въ пользу свободной колоніальной торговли. Наконецъ, новымъ побуждающимъ обстоятельствомъ для Англіи выйти изъ промышленной замкнутости и выступить на новый путь было отдѣленіе Америки, послѣ котораго колоніальные продукты лишились той цѣнности и рѣдкости, какую они имѣли, когда Англія была единственнымъ ихъ продавцемъ. Отдѣленіе испанскихъ вѣконій еще болѣе содѣйствовало этой реформѣ. Поэтому переходъ къ свободной торговлѣ былъ естественной потребностью времени. Рѣшительный шагъ къ новой колоніальной политикѣ былъ сдѣланъ однако только въ силу внутренней реформы съ отмѣною хлѣбныхъ законовъ въ самой Англіи и послѣ кобденской лиги, выяснившей своей агитаціей какъ несостоятельность прежней системы, такъ и ту выгоду, какую получить Англія при новомъ порядкѣ вещей. Дѣйствительно, свободный торгъ хлѣбомъ и отмѣна тяжелой пошлины на этотъ необходимѣйшій продуктъ показали всѣ преимущества новой экономической системы. Массы бѣднаго англійскаго населенія до того постоянно нуждались въ хлѣбѣ, что правительство, при всей его филантропической жедрости, не знало, что дѣлать съ голодающимъ и безземельнымъ пролетаріатомъ. Когда-же были открыты порты свободному ввозу хлѣба, не болѣе, какъ черезъ два или три года, вмѣсто двухъ милліоновъ кварталовъ пшеницы Англія получала ее съ заграничныхъ рынковъ до 16 милліоновъ кварталовъ. Народу сдѣлалось легче, а правительству спокойнѣе. Вмѣстѣ съ тѣмъ и главная отрасль англійской экономической дѣятельности—ея мануфактурное производство, усиленное изобрѣтеніемъ машинъ и примѣненіемъ пара къ мускульному труду человѣка, достигла высшаго развитія, такъ что Англія въ сороковыхъ го-

дахъ могла считать на мировомъ рынкѣ единственнаго себѣ соперника только въ Америкѣ.

Такимъ образомъ, опасенія сторонниковъ прежней административно-промышленной опеки не оправдались, и какъ ни медленно совершался прогрессивный поворотъ въ пользу новой колониальной системы, но благотворные результаты его были несомнѣнны. Чѣмъ болѣе Англія давала свободы и автономіи своимъ колоніямъ, тѣмъ выше становился уровень матеріальнаго благосостоянія какъ самой метрополіи, такъ и покоренныхъ ею владѣній. Разсматривая періодъ съ сороковыхъ годовъ, мы видимъ, что вывозъ и ввозъ по британской торговлѣ прогрессивно увеличивался. ¹⁾ Такъ въ нѣсколько лѣтъ, благодаря ослабѣвшему прежнему гнету, а именно съ 1846 по 1858 годъ цѣнность вывоза изъ Англіи удвоилась. Отпускъ за границу увеличился на 89%, а въ британскія колоніи на 118%. Изъ всей суммы англійскихъ произведеній, отправленныхъ въ чужія страны въ 1858 г., а именно изъ 76,389,337 ф. с. британскія владѣнія получили на 40,226,994 ²⁾; еще черезъ нѣсколько лѣтъ отпускъ дошелъ до 66 милліоновъ. Слѣдовательно недавно еще на колоніи приходилось болѣе половины британскихъ продуктовъ. Изъ этихъ 40,000,000 вывоза одна британская Индія потребляла въ 1858 г., на 16,782,360 ф. тѣхъ произведеній, которыя доставляла ей метрополія. Въ частности, разсматривая торгъ съ колоніями, мы увидимъ, что торговля съ Индіей въ 1838—39 год., не превышала вывоза 11,774,769 фунт.; въ 1857—58 г., вывозъ достигъ 27,456,192 ф. с. Вывозъ одного хлопка увели-

¹⁾ Вывозъ продуктовъ изъ Англіи въ 1846 г., равнялся цѣнности 58,800,000 ф. с. въ 1866 г., онъ доходитъ до 190,000,000, въ 1870 до 199,640,988 ф. с. Общая цифра вывоза и ввоза въ 1854 г., 268,000,000 ф. с., въ 1865 увеличилось до 489,900,000, въ 1870 г.—532,353,243 ф. с.

²⁾ Въ 1861 г., вывозъ англійскихъ произведеній въ иностранныя государства равнялся 82,854,161 ф. с., въ британскія владѣнія 42,260,970 ф. с. Въ 1863 г. общій привозъ иностранныхъ товаровъ въ Англію былъ на 165,576,129 ф., вывозъ изъ Англіи на 122,200,000 ф. Изъ этого въ британскія колоніи отпускъ англійскихъ товаровъ доходилъ до 83,404,813 ф., и вывозъ изъ колоній достигалъ 44,280,736 ф. с. Въ 1868 г., въ англійскія колоніи было отпущено британскихъ произведеній на 66,483,547 ф., и вывезено колониальныхъ произведеній на 53,717,828 ф. с. (Всѣ эти цифры мы заимствуемъ изъ послѣдняго изданія Кольба, вышедшаго въ Лейпцигѣ въ 1871 г. *Handbuch der vergleichenden statistik des Volkeszustande*)

чился съ 130 милл. ф. с., на 260 милл. фунт., ввозъ англійскихъ продуктовъ въ Индію поднялся съ 5 до 30 милліоновъ фунт. Обработка тканей изъ индѣйскаго хлопка съ этого времени такъ распространилась въ Англии, что, при болѣе рациональномъ управленіи страню, Англія могла-бы снабдить свои многочисленныя фабрики въ изобиліи однимъ индѣйскимъ хлопкомъ и не потерпѣла-бы того ужаснаго кризиса, который засталъ ее врасплохъ во время междоусобной американской войны, когда были закрыты порты и подвозъ хлопка изъ Америки прекратился. Точно также сбытъ англійскихъ произведеній въ Австралію въ 1831 году не превышалъ 403,000 фунт., а въ 1853 г. онъ уже достигъ 14,513,700 ф., въ 1859 г. поднялся до 17,000,000 и въ 1861 общій ввозъ товаровъ въ Австралію простирался до 25,000,000 ф., причеъ болѣе половины иностранныхъ товаровъ приходилось на долю Англии; наконецъ, въ 1868 г. этотъ ввозъ доходитъ до 31,566,122 ф. с. Въ томъ-же прогрессивномъ порядкѣ шла торговля Англии съ Канадою. Привозъ товаровъ изъ Англии въ Канаду въ 1851 г. равнялся 18,800,000 долларомъ, между-тѣмъ какъ привозъ изъ Соединенныхъ штатовъ доходилъ только до 12 милліоновъ. Въ 1868 г. ввозъ въ Канаду англійскихъ произведеній достигъ 30 милліоновъ изъ 57 милліоновъ общаго ввоза. Все это ясно говоритъ въ пользу того, что законъ экономической солидарности народовъ есть въ высшей степени благодѣтельный законъ... Впрочемъ, это было такъ очевидно для всѣхъ, что самые близорукіе защитники стараго порядка были замолчать. Они согласились, что запретительная система кроетъ вреда и угнетенія ничего не приносить народамъ, но они стали угрожать странѣ съ другой стороны, съ политической, предсказывая Англии постоянныя возстанія колоній и неизбежное ихъ отложеніе. Но исторія этихъ возстаній слишкомъ понятна для всѣхъ, чтобы сомнѣваться на счетъ истиннаго источника ихъ. Каждый разъ, когда стѣснялась сфера экономической и гражданской жизни туземнаго населенія Индіи, въ ней происходили серьезные безпорядки, на которые указывали дальновидные люди (Кобденъ и Брайтъ), какъ на неизбежныя и естественныя симптомы эксплуатаціи побѣжденнаго народа. Они-же доказывали, что всякія полумѣры въ реформѣ старой колоніальной системы не принесутъ тѣхъ плодовъ, какихъ ожидало отъ

нихъ англійское правительство. Послѣдующая судьба колоній вполне оправдала это мнѣніе. Зло, накопившееся вѣками, слишкомъ глубоко засѣло, чтобы можно было уничтожить его нѣсколькими либеральными полумѣрами.

Въ самомъ дѣлѣ, убитая ранѣ мѣстная мануфактурная промышленность въ колоніяхъ, могла-ли воскреснуть въ нѣсколько лѣтъ? Съ открытіемъ свободной торговли бѣдныя и невѣжественныя населенія, напр., Индіи, должны были конкурировать съ обществомъ, которому долговременное монополизированіе физическаго и умственнаго труда дало громадное преобладаніе надъ разореннымъ и побѣжденнымъ народомъ? Вывозъ тканей изъ Индіи совершенно прекратился 20 лѣтъ тому назадъ. Жители ея, исключительно занятые производствомъ сырья, не имѣли ни фабрикъ, ни машинъ, ни школъ, и потому по-прежнему зависѣли отъ метрополи, по-прежнему работали для британской мануфактуры. Въ 1834 и 1835 г. остъ-индскій губернаторъ писалъ въ Англію: „Такия бѣдствія едва-ли когда бывали въ исторіи торговли. Равнины Индіи бѣлѣютъ костями ткачей хлопчатой бумаги“. Съ разрушеніемъ промышленной ассоціаціи населеніе обязано было обратиться только къ земледѣлію, а эта суженная сфера труда образовала излишекъ рукъ. Сгущенное населеніе не могло пропитаться землею и обезпечить себя производствомъ сырья. Отсюда явилось бѣдственное положеніе Индіи, особенно въ неурожайные и критическіе года. Въ 1866 г. въ одной только провинціи Орисса умерло отъ голоду болѣе милліона индусовъ; голодъ продолжался до 1867 г. Въ это время индѣйскую государственную казну старались обогатить при помощи цѣнъ, по которымъ продавали хлѣбъ голодающимъ.

Остальныя колоніи Англій, хотя и менѣе бѣдствуютъ, такъ какъ не имѣютъ такого густого населенія, какъ Индія, но поставлены въ подобныя-же общественныя условія, въ силу своей экономической отсталости. Уже давно Англія поощряетъ свое фабричное населеніе выселяться въ страны, незанятныя никѣмъ или въ страны, занятыя дикими и инородцами. Такимъ опытомъ выселенія сдѣлались Австралія, Капскія земли, Канада и другія мѣстности, которыхъ насчитывается у Англій до 40. Прибывающее населеніе естественно обращается къ обработкѣ почвы и сырья, къ распространенію земледѣлія и скотоводства. Какъ бы-

стро совершается развитіе этихъ колоній, видно на Австраліи. Въ 1788 г. въ пустыни Сиднея было вывезено нѣсколько колонистовъ, имѣвшихъ 1 быка, 4 коровы и 3 кобылы. Въ 1858 году населеніе Валлиса состояло изъ 300,000 жит., которые имѣли 2 милліона рогатаго скота и 8 милліоновъ овецъ. Нынѣ населеніе Новой Голландіи равняется уже 2 милліонамъ жителей, земледѣіемъ занято 1,100,000 акровъ земли, число рогатаго скота доходитъ до $3\frac{1}{2}$ милліоновъ и до 19 милліоновъ овецъ. Вотъ эта-то колонія и даетъ громаднѣйшіе доходы Англіи въ вывозѣ своихъ скотоводческихъ продуктовъ и шерсти на англійскія фабрики. Въ 1807 г. изъ зарождающейся колоніи было вывезено только 245 фунтовъ овечьей шерсти. Съ тѣхъ поръ этотъ вывозъ сдѣлалъ невѣроятные успѣхи. Въ 1822 г. вывозъ шерсти достигалъ 99,400 ф., въ 1846 г. 21,789,346. Съ принятіемъ принципа „свободной торговли“, Новая Голландія остается въ торговой зависимости отъ Англіи, но вывозъ шерсти постепенно увеличивается. Въ 1860 г. этотъ продуктъ составлялъ уже не 21 милліонъ фунтовъ вывоза, а 59,100,000. Въ 1865 г. — 109,734,261 ф., въ 1868 г. — 189,678,993. Таковую-же дань платятъ Англіи и Капскія колоніи на мѣсяцъ Дobreй Надежды, и Канада. Первые вывозили шерсти въ 1846 году на 2,900,000, а въ 1862 г. уже на 29,220,000 ф. Канада доставляетъ Англіи кожи, животныя продукты и лѣсъ. Всѣ эти колоніи получаютъ, какъ мы видѣли, англійскіе фабриканты и въ тѣхъ случаяхъ, когда сбываютъ свои произведенія другимъ народамъ. Чтобы закрѣпить за собою эту экономическую зависимость колоній, Англія не ограничилась путями свободнаго соперничества, но наложила на колоніи извѣстныя обязательства. Съ этою цѣлью она предписываетъ колоніямъ держать свои порты открытыми.

„Что касается нашей торговой политики, говорить Джонъ Россель, — то царство монополіи должно уничтожиться, и единственная предосторожность, которую мы должны принять, состоитъ въ томъ, чтобы наши колоніи не давали предпочтенія однимъ націямъ въ ущербъ другимъ и чтобы онѣ не налагали на наши продукты столь высокихъ пошлинъ, которыя-бы могли повести къ запретительной системѣ. Я думаю, что мы въ правѣ этого требовать (sic!) взаимнѣ той помощи, которую имъ оказы-

ваемъ“ (рѣчь лорда Джона Росселя въ палатѣ общинъ 8 февраля 1850 г.) *). Въ этихъ немногихъ словахъ заключается весь секретъ колоніальной политики Англiи и ея подавляющаго вліянія на промышленные интересы ея восточныхъ владѣній. Она отняла у колоній то право, которымъ пользуются на всемъ земномъ шарѣ независимые народы. Ей не нужно стало запретительныхъ законовъ и монополій, потому что вмѣсто нихъ она давить всею тяжестью своего чудовищнаго мануфактурнаго рынка и по-прежнему удерживаетъ колоніи въ экономическомъ рабствѣ. Разрушить промышленную ассоціацію производствъ въ колоніяхъ, уничтожить ближайшія сношенія колонистовъ на мѣстномъ рынкѣ и отдалить производителей отъ потребителей, является по-прежнему естественнымъ стремленіемъ богатой метрополи. Вездѣ повторяется одна и та-же система—мѣшать мѣстной мануфактурной дѣятельности колоній и, такимъ образомъ, держать ихъ въ зависимости отъ англійскаго рынка. Вестъ-индскіе острова напрасно подавали нѣсколько лѣтъ петиціи объ измѣненіи пошлинъ; чтобы имѣть возможность улучшить свой сахаръ; Англiя постоянно отказывала имъ. Канадскія колоніи также просили покровительства своей промышленности нѣкоторыми тарифами, но Англiя не допустила этого, такъ-какъ „эта мѣра несогласна съ политикою, которой держится государство, т. е. Англiя“. Послѣдствія централизаторской британской политики крайне неблагопріятны для экономической жизни колоній. „Въ молодыхъ поселеніяхъ всюду возникали мѣстные центры, вкпѣвшіе дѣятельностью и жизнью, говоритъ Кэри; напротивъ, совершенно противоположное явленіе мы видимъ въ англійской колонизаціи, основанной на удешевленіи труда, земли и всевозможныхъ сырыхъ произведеній, что распространяетъ рабство по всей землѣ. Въ послѣднемъ случаѣ мѣстные центры исчезаютъ, сила земли падаетъ и истощается, производство уменьшается, землевладѣльцы усиливаются, конкуренція на спросъ труда ослабѣваетъ, а предложеніе его ограничивается изъ году въ годъ; самъ-же человѣкъ становится менѣе свободнымъ, причемъ постоянно возрастаетъ необходимость выселяться въ чужія страны, если нѣтъ желанія умереть съ голоду дома. Послѣдняя система принудила ирландцевъ бѣжать изъ своего отечества и искать въ

*) „Journal des Économistes“, t. XXV, p. 8.

Англіи или Америкѣ пищи и одежды, которой они не могли добыть себѣ дома. Она уничтожила мѣстные центры въ Индіи и произвела опустошеніе, какого мы не встрѣчаемъ въ исторіи торговли. Она-же лишила Канаду способности разнообразить свою промышленность и въ этой странѣ мы встрѣчаемъ теперь многочисленныя толпы людей, неимѣющихъ возможности продать свой трудъ и принужденныхъ нищенствовать.“ (Кэри, социальная система, стр. 896 и 594). Такимъ образомъ, свобода торговли, служащая цѣлямъ англійскихъ купцовъ, явилась только новымъ оружіемъ въ рукахъ прежнихъ протекціонистовъ. Она стала такимъ-же средствомъ эксплуатаціи въ рукахъ промышленниковъ, какъ и старый феодально-принудительный порядокъ. Препятствуя колоніальному процвѣтанію промышленности, разрушая зародышъ экономическихъ сношеній и силу междучеловѣческой ассоціаціи въ одной части владѣній на счетъ другой, она пришла къ той-же монополіи на почвѣ конкуренціи и тѣмъ препятствовала экономическому прогрессу колоній, какъ и вообще человѣческихъ обществъ. Толки о равноправности обмѣна, о выгодахъ для цивилизаціи свободной торговли и объ естественномъ назначеніи однихъ странъ быть производительницами сырья, въ устахъ англійскаго общества явились не болѣе какъ лицемѣрною проповѣдью, чтобы легче поработить подвластныхъ ей народовъ. Это та-же грубая сила завоеванія, но перенесенная на почву экономической борьбы. Идея свободной торговли, оставаясь прогрессивнымъ принципомъ для народовъ, обладающихъ одинаковымъ образованіемъ и промышленнымъ развитіемъ, явилась совершенно другимъ началомъ при неравенствѣ условій, при монополизированіи знанія и капитала метрополіей по отношенію къ своимъ колоніямъ. Поэтому свобода торговли стала обоюдоострымъ орудіемъ въ рукахъ такого сильнаго промышленнаго общества, какъ Великобританія. Фритредерство было послѣдовательно только настолько, насколько оно соответствовало выгодамъ промышленниковъ. Протекціонисты могутъ легко поэтому обращаться въ фритредеровъ, когда этого требуютъ ихъ выгоды, какъ обратилась въ нихъ Англія, и наоборотъ: часто фритредеры съ одной стороны—могутъ быть протекціонистами съ другой. Легко предугадать, что какойнибудь защитникъ костромскихъ фабрикантовъ, въ родѣ г. Колыянова, оставаясь протекціонистомъ, будетъ настаивать на сво-

бодномъ торгѣ съ востокомъ и азіятскими странами, нисколько не стѣсняясь своимъ изворотливымъ принципомъ. То-же произошло и въ Англіи. Прикидываясь либеральною на словахъ, она для сохраненія своего экономическаго господства надъ колоніями всегда была такою-же ретроградною, какъ и прежде. И въ этомъ отношеніи она не останавливалась ни передъ какими средствами: подкупъ, обманъ и война — все было пущено въ ходъ въ ея торговой системѣ. За войной съ Соединенными штатами начались войны съ цѣлью пріобрѣтенія Синда и Авганистана, Авы и Пенджаба, для поддержанія торговли опиумомъ, для распространенія владычества въ южной Африкѣ, для открытія новыхъ путей въ Турціи. Всѣ эти войны имѣли въ виду уронить цѣны на сырые продукты почвы и на трудъ земледѣльца. Съ этою-же цѣлью англичане принудили индѣйцевъ согласиться на беспошлинный ввозъ англійскихъ хлопчато-бумажныхъ товаровъ, между тѣмъ какъ запрещали имъ пріобрѣтеніе машинъ. Съ этою-же цѣлью Гибралтаръ обращенъ въ складочное мѣсто контрабандистовъ Испаніи, а другими колоніями пользовались, чтобъ ввозить контрабанду въ различныя страны Европы и Америки. Все это дѣлалось, конечно, не для выгоды другихъ народовъ. Испанія считаетъ для себя чрезвычайно невыгоднымъ, что Гибралтаръ служитъ складочнымъ депо для контрабандистовъ, однако положеніе дѣлъ не измѣняется, хотя при уступкѣ этого пункта въ договоръ включено было особое условіе, состоявшее въ томъ, что онъ никогда не долженъ служить для подобной цѣли. Такимъ образомъ, ясно, что испанскіе интересы приносятся въ жертву британской торговлѣ. Еще безцеремоннѣе была политика англичанъ въ средѣ малоцивилизованныхъ народовъ и на отдаленныхъ рынкахъ дикарей, которые она силилась захватить на правѣ колоніальномъ, — въ этой торговлѣ она наиболѣе отличилась. Англійскіе торговцы, въ видахъ барышей, занялись снабженіемъ Китая опиумомъ, и когда китайское правительство стало протестовать, они принудили его къ свободной торговлѣ войною. Поэтому китайцы принуждены, несмотря на сопротивленіе правительства, платить ежегодно отъ 3 — 4 милліоновъ фунтовъ за опиумъ, и результаты этого яда, распространяемаго путемъ свободной торговли, показываютъ обратную сторону этой системы для цивилизаціи. Система эта стоитъ китайцамъ 4 милліона фун-

товъ и полмилліона людей. „Жертвоприношеніе индійскаго Югер-наута, говоритъ одинъ писатель, — ничто въ сравненіи съ этой торговлей, и для нея опустошались китайскія деревни и города, раззорались и умерщвлялись жители“. Съ тою-же готовностью англійскіе купцы снабжали австралійскихъ дикарей водкою — „огненною водою“, которая способствовала вымиранію инородческихъ расъ. На Капъ изъ милліона готтентотовъ, со времени владычества англичанъ, осталось всего сто тысячъ; на Вандименовой землѣ считалось въ началѣ XIX столѣтія 7,000 туземцевъ, а въ 1863 г. осталось всего 7 человекъ, и недавно австралійскій печатный органъ (Mercury) сообщалъ о прибытіи въ Гобаръ-Тоунъ послѣдняго изъ тасманцевъ. Маорійское населеніе въ Новой Зеландіи, во время Кука въ 1769 г., доходило до 400,000 человекъ; въ 1845 г. ревизіонная коммиссія насчитала ихъ 109,000; болѣзни и водка наконецъ сократили ихъ до 90 тысячъ.

Всѣ эти факты ясно указываютъ, каковымъ средствомъ послужила свободная торговля въ рукахъ англійской буржуазіи.

IV.

До послѣдняго времени безпощадная колоніальная политика Великобританіи служитъ по-прежнему средствомъ обогащенія и въ то-же время является результатомъ эгоистическихъ промышленныхъ и купеческихъ интересовъ. Нечего удивляться, что ей приносились и приносятся въ жертву интересы колонистовъ. Расширеніе крупной промышленности и громадная переработка сырья на фабрикахъ для снабженія колоніальныхъ рынковъ фабрикатами стоили тяжелыхъ лишеній англійскому народу. Чтобы товары могли удачно конкурировать на всемірномъ рынкѣ, надобно было удешевлять рабочую плату до minimum'a, необходимо было замѣнить ручное производство машиннымъ, наконецъ, въ подмогу къ этимъ машинамъ призвать дѣтей и женщинъ. Усиливая свое машинное производство, Англія старалась сдѣлаться всемірной мастерской, гдѣ механическая сила начинаетъ управлять всѣмъ и обращаетъ людей въ свое слѣпое орудіе. По мѣрѣ захвата иностранныхъ рынковъ, промышленность Англіи удваиваетъ, утраиваетъ и удесяттерляетъ свое производство. Ткацкія веретена об-

ращаются все быстрѣе и быстрѣе, тяжелый молотъ раздается повсюду съ необыкновенной дѣятельностью и рабочій, прикованный къ тому или другому механизму, дѣлается его покорнымъ слугою, постояннымъ рабочимъ. Правда, услуги фабричнаго рабочаго становятся менѣе нужны при замѣнѣ человѣческаго труда машиннымъ, но за то интенсивность труда, какъ доказываютъ послѣднія изслѣдованія, у англійскаго рабочаго усиливается. „Съ введеніемъ машинъ англійскіе фабриканты нисколько не облегчили трудъ рабочаго, напротивъ они его обременили (К. Marks). Крупное машинное производство, вытѣснивъ сотни тысячъ рабочихъ изъ разныхъ сферъ дѣятельности, вызвало однако новый запросъ на дѣтей и женщинъ. Одна машина для стрижки овецъ лишила труда 100,000 рабочихъ; паровой ткацкій станокъ выкинулъ на мостовую 800,000 ткачей. Вмѣстѣ съ тѣмъ машинное производство вызвало громадный запросъ на женскій трудъ, какъ на болѣе дешевый; 525,100 женщинъ работаютъ нынѣ на англійскихъ фабрикахъ, тогда-какъ работниковъ-мужчинъ только 332,810; изъ этого числа 321,057 недостигшихъ совершеннолѣтія и 85,668 дѣтей моложе 13-лѣтняго возраста, гонимыхъ на фабрики крайнею нуждою *). Чтобы снабжать свою мануфактуру Индію, въ Ланкашэйрѣ, по словамъ Роберта Пила, дѣти работали на фабрикахъ отъ 15 до 17 часовъ въ будни, а по воскресеньямъ чистили машины отъ 6 до 12 часовъ; на металлическихъ мануфактурахъ Бирмингама въ послѣднее время считается до 30,000 дѣтей, занятыхъ тяжелымъ трудомъ, и 10,000 женщинъ. „Въ Ковентри, говоритъ Кэри, въ недѣлю считалось обыкновенно 96 рабочихъ часовъ и при этомъ многіе изъ работниковъ получали только 3 шиллинга и 9 пенни въ недѣлю. Главною цѣлью этого пониженія платы была дешевая выдѣлка сравнительно съ бѣднымъ индусомъ и вслѣдствіе этого закрытіе для него всемірныхъ рынковъ и своихъ собственныхъ. Чтобы поддержать существующую торговую и промышленную систему на ея высотѣ, высказывались мнѣнія даже въ палатѣ общинъ о необходимости усилить трудъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей на фабрикахъ отъ 16 до 20 часовъ.“ Такимъ образомъ, от-

*) Handbuch der Vergleichenden Statistik, Kolb, 1871, Leipzig. Карлъ Маркъсъ, Капиталъ, с. 350.

натіе труда у индуса и разстройство колоніальнаго хозяйства стояло въ непосредственной связи съ пониженіемъ заработной платы посредствомъ употребленія женскаго и дѣтскаго труда на англійскихъ фабрикахъ. Поэтому успѣхи англійской промышленности и громадный спросъ на мануфактуру не улучшили ни на волосъ положенія бѣдныхъ колоній. Такъ въ 1860 г. англійская хлопчатобумажная промышленность находилась наверху своего развитія, а участь какъ англійскаго рабочаго, такъ и колоніальнаго производителя, была по-прежнему невыносима. Такимъ образомъ, колоніальная политика Англии и ея формы новѣйшей эксплоатаціи связаны съ ея внутреннимъ хозяйствомъ. Самые прогрессивные принципы, всё великія открытія промышленности, успѣхи производствъ — все это прямо или косвенно подрывало благосостояніе колоній. Свобода торговли была сама по себѣ прогрессивнымъ принципомъ, какъ расширение сношеній между народами и обмѣнъ услугъ. Но что же изъ нея вышло при современной англійской колоніальной политикѣ? Не улучшеніе, а ухудшеніе положенія колоній. Виновата была, конечно, не свобода торговли, но тѣ цѣли, которымъ она служила. Она столько же неповинна, какъ желѣзная дорога, какъ паровая машина, которая въ рукахъ англійскаго купца оказались не двигателями цивилизаціи, а тормазомъ ея. Потому-то съ конца прошлаго столѣтія и до сихъ поръ продолжается то открытая, то затаенная война недоумѣвающаго рабочаго противъ машины, какъ его личнаго врага.

Создавъ промышленную эксплоатацію съ помощью крупнаго мануфактурнаго производства и экономической централизаціи, Англія проводитъ тѣ-же принципы землевладѣнія въ колоніяхъ, какіе установила у себя дома. Крупное землевладѣніе было введено во всѣхъ плантаторскихъ колоніяхъ и поземельныя отношенія не измѣнились даже съ освобожденіемъ рабовъ. Съ уничтоженіемъ рабства, напримѣръ, на Ямайкѣ въ 1833 г. лучшія земли въ самыхъ плодородныхъ мѣстностяхъ остались въ рукахъ плантаторовъ. Положеніе негровъ, ставшихъ въ зависимость къ землевладѣльцамъ, немногимъ улучшилось противъ прежняго. Обработка земель была брошена ими, торговля пала. „Негры, обязанные идти къ прежнимъ притѣснителямъ, говоритъ одинъ писатель, раскрывающій современное положеніе дѣлъ, — стали еще несчастнѣе, чѣмъ во времена рабства“. (Review of Colonial Po-

licy, by Charles Adderley, 1871, London). Въ 1865 г., подъ пустынь предлогомъ, вспыхнуло на Ямайкѣ возстаніе, какъ плодъ этихъ поземельныхъ отношеній, усмиренное англичанами съ необыкновенною жестокостію. Во многихъ мѣстахъ крупное землевладѣніе вводилось Англіей искусственно, какъ, напр., въ вост. Индіи. Въ этой странѣ, нѣкогда обладавшей общиннымъ поземельнымъ владѣніемъ, Англія старалась создать поземельную аристократію изъ земидаровъ, — аристократію, которая отвѣчала предъ правительствомъ за уплату податей. Изъ простыхъ коронныхъ чиновниковъ они сдѣлались крупными землевладѣльцами, повелителями цѣлой арміи бѣдныхъ арендаторовъ, которыхъ можно было по произволу согнать съ земли и притѣснять при взносѣ податей. Здѣсь образовалась такая-же система посредничества, какъ въ Ирландіи и Вестъ-Индіи. Но система эта въ странѣ общиннаго землевладѣнія встрѣтила большія затрудненія. Хотя земли раздавались самымъ безцеремоннымъ образомъ и многіе англичане сами охотно участвовали въ захватѣ ихъ, но земледѣльческое населеніе, привыкшее къ общинному порядку, старалось оказать сопротивленіе земидарамъ, отказывалось имъ платить подати и оброки, а потому ииѣнія земидаровъ были продаваемы англичанами за недоимки. Въ 1796 г. десятая часть ииѣній Бенгаліи, Багора и Ориссы поступили въ продажу съ молотка. Земли, отобранныя отъ земидаровъ, поручались сподручнымъ людямъ англійской аристократіи, которые никогда не занимались сами сельскимъ хозяйствомъ и не хотѣли жить въ купленныхъ имѣніяхъ; они точно также, какъ въ Ирландіи, предоставляли сборъ оброковъ отсушникамъ, которые, въ свою очередь, передавали управленіе землями разнымъ спекуляторамъ. Послѣдствіемъ этого было то, что, доведенные до отчаянія, индійскіе земледѣльцы бѣжали изъ селеній въ лѣса; разбои и анархія распространялись повсюду на огромныхъ пространствахъ, земля опустѣла и обратилась въ болота и явленія эти повторялись повсемѣстно. Крупное землевладѣніе сопровождалось печальными результатами особенно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ, какъ въ Бенгаліи, считалось 45 милліоновъ жителей. Гибельныя послѣдствія были столь очевидны, что англичане наконецъ отказались отъ своего плана, и индійское хозяйство снова было предоставлено самому народу и перешло къ общинному землевладѣнію. Кромѣ Индіи въ этомъ

отношеніи замѣчательны были подвиги англичанъ на Явѣ. Ява обладаетъ, какъ и Индія, общиннымъ землевладѣніемъ, устройство котораго живо напоминаетъ русское общинное хозяйство. Наклонность къ „міровому“, „общинному пользованію землей“, здѣсь проявляется такъ рѣзко и очевидно, что вслѣдъ за случайнымъ выдѣленіемъ участковъ въ частную собственность народъ стремится снова обратить ихъ въ свое общинное владѣніе. Земледѣльческое населеніе Явы при этомъ порядкѣ растетъ изумительно быстро. Достаточно сказать, что населеніе удваивается здѣсь въ 30 лѣтъ (въ с. Америкѣ удваивается въ 25 лѣтъ, но тамъ это быстрое возрастаніе населенія отчасти зависитъ отъ колонизаціи). И вотъ англичане, завладѣвъ временно во время войны Явою, съ 1811 по 1816 г. въ лицѣ администратора Раффеля, вздумали насильно обратить населеніе къ частной собственности, обложивъ каждую деревню податью не съ каждой общины, на основаніи круговой поруки, а съ каждого земледѣльца, смотря сколько каждый обрабатываетъ земли. Яванцы, однако, крѣпко держась за общинныя начала, немедленно перевели эту раскладку на каждую общину соразмѣрно и согласно своимъ обычаямъ, и, такимъ образомъ, попытка англичанъ сама собою рушилась ¹⁾). Тамъ, гдѣ частное землевладѣніе было введено, какъ въ южныхъ плантаторскихъ штатахъ, оно отразилось неблагоприятно не на одномъ экономическомъ, но и политическомъ устройствѣ колоній. Карлъ II еще въ XVII столѣтіи далъ, на примѣръ, жителямъ Ямайки конституцію съ правомъ выбирать законодательное собраніе изъ мѣстнаго населенія, но это была просто олигархія плантаторовъ. По освобожденіи рабовъ предоставлено было Ямаикѣ возстановить полноправную конституцію, но это повело къ непримиримой враждѣ между землевладѣльцами и освобожденными рабами. Поэтому нынѣшняя конституція Ямайки основана просто на совѣщательномъ совѣтѣ изъ 12 человекъ, изъ которыхъ 6 назначаются отъ короны и 6 избираются собственниками, съ согласія губернатора. Подобный-же составъ законодательнаго собранія изъ плантаторовъ или земельной аристократіи существуетъ на Антильскихъ островахъ и

¹⁾ См. *Des formes primitives de la Propriété*, Emile de Laveley. *Revue de Deux mondes*. 1871. Jul. 1 livr.

на Цейлонѣ. Плантадоры, желая держать въ рукахъ враждующее съ ними населеніе, предоставляютъ охотно власть въ руки военнаго губернатора.

Точно также Англія старалась утвердить поземельное владѣніе и крупную собственность въ Сѣверной Америкѣ во время ея зависимости. Плодоноснѣйшія земли Америки при Карлѣ II раздавались англійскимъ вельможамъ. Короли изъ дома Стюартовъ продавали и перепродавали земли и привиллегіи, соединенныя съ землевладѣніемъ, по своему произволу. Впослѣдствіи колонисты свободныхъ Штатовъ должны были выкупать права свои у владѣльцевъ.¹⁾ Но если свободолюбивые сѣверяне успѣли защитить свои земли отъ расхищенія крупными землевладѣльцами, то югъ Америки, благодаря крупному землевладѣнію утвердилъ у себя рабство и старался отстоять его, съ оружіемъ въ рукахъ, когда эманципация негровъ сдѣлалась необходимой. Крупные поземельные собственники не могли привлечь свободныхъ колонистовъ для обработки своихъ плантацій, а потому для поддержанія своего хозяйства они создали самую гнущую и разорительную систему хозяйства. Мы знаемъ, къ чему привела эта система. Она породила страшную междоусобную войну и чуть не поставила на краю пропасти существованіе самой республики.

Но что замѣчательнѣе всего—это то, что, проводя принципъ крупнаго землевладѣнія въ колоніяхъ плантаторскихъ, Англія вздумала примѣнять тотъ-же принципъ и въ свободной Австраліи. Средствомъ къ этому послужила система государственнаго переселенія Уэкфильда. Система эта, независимо отъ полезныхъ цѣлей снабженія колоній новымъ населеніемъ на государственный счетъ, вмѣсто прежняго чисто-спекулятивнаго переселенія, заключала въ себѣ и экономическіе, промышленные виды, сообразно англійской точкѣ зрѣнія. Было время, когда Англія старалась осуществить эту систему законодательными мѣрами, формируя искусственнымъ-путемъ наемныхъ работниковъ въ колоніяхъ. Главное неудобство, какое испытывалъ англійскій промышленникъ въ свободныхъ колоніяхъ, состояло въ недостаткѣ рабочихъ рукъ для веденія крупныхъ предпріятій по тѣмъ низкимъ цѣ-

¹⁾ См. Histoire des Etats-Unis, par Bancroft, t. II. Ист. Соед. Штат. Неймана, Эдуарда Лабуле и т. д.

намъ, какія были установлены метрополіей. Съ другой стороны, обиліе и дешевизна земель давала возможность колонисту и эмигранту дѣлаться землевладѣльцемъ и самостоятельнымъ собственникомъ. Надо было какъ-нибудь заставить эмигранта оставаться работникомъ. Заставить его можно было только въ томъ случаѣ, когда была-бы отнята у него возможность дешево приобрѣтать землю и располагать самостоятельнымъ хозяйствомъ. Англія знала по опыту, что самое дѣйствительное средство въ этомъ случаѣ — рабство. „Безъ рабовъ колоніальная промышленность невозможна, пишетъ Уэкфильдъ, или, по крайней мѣрѣ, она должна сократиться до микроскопическихъ размѣровъ. Тамъ, гдѣ нѣтъ централизаціи капиталовъ и обилія рабочихъ рукъ, громадныя предприятия немислимы.“ Англія понимала это. Поэтому ея колоніальная политика направляла всѣ свои усилія къ тому, чтобы удержать населенія своихъ колоній въ строгой зависимости отъ метрополіи и понижать цѣну труда до крайняго минимума. На этомъ основаніи она создала всю свою экономическую и социальную систему. „Вслѣдствіе высокой рабочей платы, говоритъ ученикъ Уэкфильда, Мериваль, въ колоніяхъ чувствуется сильное желаніе имѣть дешевый и рабскій трудъ, т. е. такой, который-бы вполне зависѣлъ отъ промышленника.“

Въ странахъ цивилизованныхъ, какъ, наприм., въ Англіи, гдѣ масса населенія обезземелена, рабочій хотя и свободенъ, но находится въ естественной зависимости отъ капитала; въ колоніяхъ-же надо было создать эту зависимость искусственными средствами. (Mogivale, v. II, p. 235—234) Поэтому Уэкфильдъ предложилъ продажу земель по высшей цѣнѣ „съ тѣмъ, чтобы поселенецъ былъ принужденъ работать долгое время по найму, прежде чѣмъ онъ запасется средствами для покупки земли и превратится въ независимаго земледѣльца“. Съ другой стороны, фондъ отъ продажи земли, по цѣнѣ относительно недоступной для бѣднаго работника, долженъ былъ идти на то, чтобы вывозить въ колоніи изъ Европы немущихъ и этимъ поддерживать рынокъ наемнаго труда. Вотъ въ чемъ состояла тайна „систематической колонизаціи“ въ противоположность естественной. „По этому плану, говоритъ Уэкфильдъ, предложеніе труда будетъ постоянно, такъ какъ одинъ работникъ не въ состояніи будетъ приобрѣсти землю, не заработавъ для этого предварительно

денегъ, и потому всѣ эмигранты будутъ поставлены въ необходимость работать по найму“. „Такимъ образомъ, колонистъ, по замѣчанію одного критика этой системы, долженъ былъ перейти къ самостоятельному хозяйству чрезъ кабалу и униженіе“. Какъ-бы то ни было, но англійское правительство ухватилося за этотъ планъ и выполнило его даже лучше, чѣмъ предполагалъ Уэкфилдъ. Оно стало раздавать земли крупнымъ промышленникамъ и отчуждать ихъ путемъ захвата и завоеванія, въ пользу своихъ чиновниковъ. Только сдѣлавшись собственной законодательницей, Австралія издала законы, ограничивающіе это расхищеніе земель и установившіе болѣе благопріятныя для поселенцевъ условія ¹⁾. Но, разъ совершенная англичанами, раздача крупныхъ участковъ земли сильно тормозитъ законодательныя мѣры Австраліи. Обозрѣвая исторію ея, мы замѣчаемъ, что крупное землевладѣніе особенно невыгодно отразилось въ западной Австраліи. Колоніи эти находились въ самомъ жалкомъ состояніи, такъ какъ крупные землевладѣльцы не могли создать своихъ хозяйствъ, съ помощью дорогого вольнонаемнаго труда, а потому землевладѣльцы, чтобы какъ-нибудь существовать, просили въ 1849 г. англійское правительство о присылкѣ къ нимъ преступниковъ, изъ которыхъ, по примѣру прежнихъ колоній, они желали создать земледѣльческихъ работъ. Но пріобрѣтеніе ссыльнаго населенія частными владѣльцами, на правѣ кабалы, было крайне невыгодно для остального населенія. Такая система, будучи сама по себѣ не нормальнымъ явленіемъ, какъ частная эксплуатація преступника, не соответствуя ни юридической справедливости, ни цѣли наказанія, понижала въ странѣ плату за вольнонаемный трудъ, давала дурныхъ работниковъ и, наконецъ, была положительно вредна для страны, распространяя бѣгства и преступленія ссыльныхъ. Австралія видѣла, что изъ нея дѣлаютъ „последній этапъ преступника“, страну „каторжнаго труда“, и потому единодушно протестовала противъ переселенія преступниковъ въ угоду землевладѣльцамъ; протесты были слишкомъ громки и энергичны, чтобы не уважать ихъ, и потому ссылка въ 1858 году была отиѣнена парламентомъ. ²⁾

¹⁾ Это совершено Land-Act'омъ 1862.

²⁾ Australian Colonies, by Mossman, p. 296—307 и L'emigration Européenne, Legoyt, ch. IV p. 154.

Между тѣмъ являющіеся въ Австралію свободные колонисты, не имѣя возможности пріобрѣтать земельной собственности, требовали труда, тогда какъ мѣстная промышленность колоніи не могла удовлетворить ему. Если въ метрополиі люди, не находящіе земледѣльческаго труда, обращались на фабрики, то вслѣдствіе конкуренціи, пущенной въ ходъ ввозомъ англійскихъ товаровъ, здѣсь убивалась самая мелкая ремесленная промышленность. Населеніе было поставлено между двумя огнями, между поземельнымъ вопросомъ и промышленнымъ. Поэтому въ этой молодой и благославленной странѣ, обладающей громадными пространствами плодотворной земли, уже чувствуется недостатокъ въ трудѣ и заработная плата стоитъ гораздо ниже, чѣмъ въ Сѣверной Америкѣ. Наконецъ, въ этой обширной землѣ уже образовывается избытокъ рабочаго населенія и начинается обратная эмиграція. „Каждый годъ пароходъ доставляетъ въ Америку, сообщаетъ одинъ современный писатель, избытокъ австралійскаго рабочаго рынка; вмѣстѣ съ тѣмъ и проституція начинаетъ процвѣтать, какъ въ Лондонѣ“ (К. Марксъ.) Статистическія данныя о ходѣ эмиграціи въ Австралію и обратно изъ Австраліи въ послѣдніе года представляютъ поразительныя данныя. Въ 1865 г. прибывшихъ въ Австралію было 78,066, а выбывшихъ 57,265, а потому въ колоніи ежегодно увеличивалось населеніе, путемъ эмиграціи, на 20,801; въ 1866 г. прибыль, за исключеніемъ переселившихся, была уже только въ 12,263 человекъ; наконецъ, въ 1867 г. выбывшіе изъ Австраліи преобладаютъ надъ прибывшими: прибыло 48,832, а убыло 52,930 ¹⁾. Цифры эти свидѣтельствуютъ, что притокъ эмигрантовъ не только уменьшается съ годами, но выбывшіе въ 1867 г. изъ колоніи превышали цифру прибывшихъ на 4,098.—Таковы были послѣдствія англійской системы хозяйства въ этой благодатной странѣ. Но выселенію народа, въ силу стѣсненія мѣстной промышленности, производится и въ другихъ колоніяхъ, куда Англія вводила систему своего крупнаго поземельнаго и промышленнаго хозяйства; индійскихъ рабочихъ, лишенныхъ работы, вывозятъ на О—въ св. Маврикія, гдѣ нынѣ считается ихъ до 250,000, а китайскихъ кули на Кубу и Демерару. Система эта отозвалась также невыгодно и на мѣстныхъ жителяхъ канадскихъ

¹⁾ Handbuch der Vergleichenden statistik, Kolb, 1871 Leipzig.

колоній. Въ нижней Канадѣ она была наслѣдіемъ французскаго владѣнства и потребовала 6 милліоновъ выкупа, чтобы предоставить колонистамъ свободное пользованіе землею. На островахъ Эдуарда англичане раздѣлили всю землю, по завоеванію, на 66 участковъ и сдавали на 99 лѣтъ въ аренду. Иго чужеземцевъ, неживущихъ на островѣ и владѣющихъ землями, вызываетъ сильное неудовольствіе и протесты жителей. Хотя нѣкоторые владѣльцы уступили свое право правительству, но $\frac{1}{3}$ земель все еще остается въ рукахъ англичанъ собственниковъ; колонисты безусловно требуютъ выкупа всѣхъ земель и потому не желаютъ даже платить издержки на администрацію (Adderley, Review of Colon. Policy). Таковы послѣдствія англійской колоніальной системы повсюду, гдѣ только она запускала свои корни. Строгая послѣдовательность этой системы какъ въ колоніяхъ, такъ и въ самой Англии и торжество ея послѣдствій достаточно показываютъ, что она обуславливается общими экономическими воззрѣніями метрополи, находится въ связи съ внутреннимъ складомъ ея общества и со всею промышленною системою; поэтому измѣненія этой системы можно ожидать только съ перемѣною этихъ условій и съ реформою соціально-экономической системы въ самой Англии. Реформа эта давно чувствуется мыслящими людьми Англии и постепенно готовится общественнымъ мнѣніемъ. Еще живѣе она чувствуется въ колоніяхъ, гдѣ предвидится перспектива тѣхъ-же послѣдствій, съ которыми борется сама метрополія. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы и англійское правительство не сознавало необходимости преобразованія колоніальныхъ порядковъ. Послѣ назидательнаго урока, даннаго ей отпаденіемъ сѣверо-американскихъ колоній, она сдѣлала много уступокъ въ пользу политической и соціальной автономіи колоній. Особенно она предоставляла эти права колоніямъ, населеннымъ англичанами. Эти уступки обуславливались какъ конституціоннымъ положеніемъ Англии, такъ и свойствомъ самихъ англійскихъ колонистовъ, стремившихся къ автономіи. Это можно видѣть на трехъ группахъ англійскихъ колоній: въ Сѣв. Америкѣ, въ Австраліи и Африкѣ. Съ приобрѣтеніемъ Канады Англія хотѣла управлять ею посредствомъ губернаторовъ, получавшихъ *mot d'ordre* изъ Лондона, но колонисты громко начали требовать правъ самоуправленія. Поэтому въ 1796 г., королевскимъ актомъ Канада раздѣлена на двѣ

провинціи, изъ которыхъ каждой данъ законодательный совѣтъ, состоящій изъ членовъ, назначаемихъ короной, и палата общинъ, избираемая изъ населенія. Но этого было недостаточно колонистамъ; исполнительная власть все еще оставалась независимою. Они хотѣли подчинить себѣ губернатора. Канада съ каждымъ годомъ отвоевывала себѣ болѣе и болѣе автономіи. Въ самомъ англійскомъ парламентѣ явились ея партизаны и защитники, угрожавшіе Англій разрывомъ и потерю остальныхъ колоній. Съ другой стороны, стремленія самой колоніи къ самостоятельной соціальной и политической жизни были такъ велики, что тормозить ихъ дальше было-бы не безопасно. Канада согласилась оплачивать всѣ расходы администраціи, суда и высшаго правительственнаго совѣта изъ своего бюджета, лишь-бы метрополія не стѣсняла развитія ея внутренней жизни. Она на собственный счетъ содержала дороги, каналы и, наконецъ, милицію, которая въ 1862 г., состояла изъ 35,000 волонтеровъ. Въ то-же время населеніе Канады возросло до 3 милліоновъ, а подлѣ нея группировались другія британскія провинціи, новая Шотландія и новый Брауншвейгъ, съ которыми она вступила въ федеративный союзъ. Утвержденныя парламентомъ, новыя „канадскія владѣнія“ получаютъ вскорѣ полную конституцію, сходную съ конституціей метрополіи. Теперь Канада имѣетъ свой законодательный корпусъ, избираемый мѣстнымъ населеніемъ, и сенатъ, состоящій изъ членовъ, по назначенію короны. Министръ является отвѣтственнымъ лицомъ передъ парламентомъ, но подчиненнымъ генераль-губернатору, который представляетъ власть королевы. Генераль-губернаторъ имѣетъ veto, но обязанъ отдавать въ немъ отчетъ лондонскому правительству. Каждая провинція имѣетъ кромѣ того свой собственный парламентъ, завѣдывающій мѣстными интересами. ¹⁾ Такимъ образомъ, британская колоніальная имперія въ политическомъ отношеніи развивается довольно быстро и развивается-бы еще быстрѣе, если-бы это развитіе не было парализовано экономической опекой.

Точно также развивались въ политическомъ отношеніи британскія колоніи и въ Австраліи, достигшія полной зрѣлости менѣе, чѣмъ во 100 лѣтъ. Основаніе этимъ колоніямъ положено,

¹⁾ См. Colonial Constitutions, by Artur Mill, 1856 ch. 5. Canada, p. 183—188.

какъ извѣстно, преступниками, а потому губернаторская власть была абсолютною; но, по мѣрѣ населенія края свободными колонистами, Австралія стала добиваться и добилаcь распоряженія собственными дѣлами и бюджетомъ. Она возстала сначала противъ англійской депортаціи преступниковъ, которыхъ высылка не соотвѣтствовала гражданскому развитію населенія и спокойствію страны; далѣе она протестовала противъ способа распоряженія свободными землями и противъ переселки въ колоніи англійскихъ бѣдняковъ и пролетаріевъ, содержавшихся на счетъ приходовъ, которыхъ Англія вздумала выбрасывать въ колоніи; наконецъ, колонисты отстаивали право распоряжаться суммами, вырученными отъ распродажи земель. Управление австралійскими провинціями также было въ началѣ крайне зависимое. Новая южная Галлія или Валлисъ имѣла въ первое время, кромѣ губернатора, только исполнительный совѣтъ, въ которомъ засѣдали чиновники, но потомъ мало-по-малу сюда вошли представители мѣстнаго элемента. Въ 1850 г. Лордъ Грей, секретарь колоніи, представилъ въ англійскій парламентъ петицію колонистовъ имѣть самостоятельную конституцію, которая отвѣчала-бы мѣстнымъ нуждамъ и потребностямъ времени. Петиція была принята, и съ 1850 г., здѣсь утверждёнъ былъ законодательный совѣтъ и законодательное собраніе—первый по назначенію отъ короны, второе по выбору страны¹). Такая-же конституція дана была Викторіи, Вандименовой землѣ, южной и западной австраліи. Въ Викторіи какъ совѣтъ, такъ и собраніе явились избирательными; депутаты избираются на три года. Самая конституція была основана на широкихъ демократическихъ началахъ. Каждая, изъ возникающихъ общинъ колонистовъ, была столь ревнива къ своему самоуправленію, что предпочитала лучше жертвовать всѣми своими средствами, чѣмъ находится подъ гнетомъ метрополи. Возстанія давали знать Англіи о необходимости уступокъ. По мѣрѣ развитія парламентскаго управленія, корона все болѣе ограничивала власть губернаторовъ и въ послѣднее время эта власть не имѣетъ никакого вліянія на мѣстныя дѣла, кромѣ обыкновеннаго veto, за которымъ слѣдуетъ перенесеніе билля въ британскій парламентъ. Колонисты

¹) Mill's Col. Const.

очень хорошо поняли изъ прежнихъ опытовъ, что губернаторы, какъ-бы ни были хороши, но будучи мало знакомы съ ихъ мѣстными обстоятельствами, будучи чужды краю и интересамъ его, не могутъ быть компетентными судьями въ ихъ дѣлахъ. Ихъ не могли подкупить, въ этомъ случаѣ, ни самыя способнѣйшіе изъ губернаторовъ, назначаемыхъ метрополіей, ни самыя миролюбивые и уступчивые. Они и не понимаютъ, чтобы могла какая либо власть быть лучшимъ судьей въ дѣлахъ колоніи, чѣмъ представители народа. Никакое посредничество, никакое почетное вмѣшательство для нихъ не мыслимо. Когда, во время посѣщенія Австраліи герцогомъ Единбургскимъ, сыномъ королевы Викторіи, кто-то въ колоніальномъ парламентѣ заявилъ мысль избрать его посредникомъ въ одномъ спорномъ вопросѣ, то вся палата расхохоталась. До того всякая мысль о постороннемъ вмѣшательствѣ кажется дика колонистамъ. Министры въ каждомъ штатѣ ответственны передъ палатами. Съ полученіемъ правъ колоніи сами располагаютъ бюджетомъ и не стоятъ Англій ни одной копейки. Они содержатъ свою армію, и войско Новой Голландіи въ послѣднее время доходитъ до 40,000. Всѣ эти колоніи завѣдуютъ своимъ образованіемъ, которое стоитъ на высокой степени, обладаютъ университетами и пользуются полной свободой прессы. Въ капскихъ колоніяхъ на 700 тысячъ приходится всего одна треть бѣлыхъ, но и тѣ имѣютъ всѣ права автономіи, сенатъ и палату общинъ. Управление особенно инородцами не вполнѣ основано на парламентскомъ порядкѣ, но это потому, что еще существуетъ антогонизмъ между туземцами и англичанами. Соперничество, однако, легко улаживается самимъ населеніемъ, сама-же Англія, какъ говоритъ Adderley, нисколько не мѣшаетъ расширенію конституціи въ этой мѣстности. Капская колонія столь ревниво охраняетъ самостоятельность въ своихъ дѣлахъ, что въ 1849 г., не допустила къ себѣ высадить даже ссыльныхъ, посланныхъ Великобританіей и, сдѣлавъ эту демонстрацію, городъ Капштатъ иллюминировался въ знакъ побѣды. ¹⁾ Кромѣ англичанъ, въ капскихъ колоніяхъ существовали еще поселенія голландцевъ, смѣшанныхъ съ туземцами — боэры. Но, неужившись съ англій-

¹⁾ Histoire de Colonisation pénale, par Walleville, Paris 1857 ch. XLIV p. 394—395.

скими поселенцами, боэры перекочевали на Оранжевую рѣку и составили особую республику. Но открытіе алмазныхъ россыпей снова привлекло къ нимъ вниманіе британскаго правительства, которое совершило у нихъ нѣсколько несправедливыхъ территоріальныхъ захватовъ. По случаю войнъ съ кафрами и споровъ съ боэрами изъ-за алмазныхъ россыпей, эти колоніи еще не успѣли подумать о своей политической организаціи, но въ Англіи уже рѣшенъ вопросъ въ пользу ихъ политической автономіи. Бюджетъ колоніи почти въ равновѣсіи, долгъ очень умѣренный и не превышаетъ двухъ годовыхъ доходовъ. Поговариваютъ уже о федераціи между всѣми капскими колоніями, куда, безъ сомнѣнія, войдутъ и голландцы. Такимъ образомъ, въ англійскихъ колоніяхъ рождаются три могущественныя самостоятельныя федераціи: одна въ Америкѣ, другая въ Австраліи и третья въ южной Африкѣ, — федераціи, которыя составятъ, вѣроятно, со временемъ самобытныя республики.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что въ политическомъ отношеніи Англія не только не тормозитъ, но покровительствуетъ развитію колоній. Въ этомъ случаѣ составляетъ исключеніе изъ общаго правила только Индія, гдѣ преобладаютъ туземцы другой религіи и другого расоваго характера. Впрочемъ, и здѣсь съ отнятіемъ у ость-индской компаніи права управленія, общественное мнѣніе Англіи склоняется къ другой политикѣ. „Нельзя не замѣтить, говоритъ Торренсъ, недавно издавшій обличительную книгу объ Индіи, что побѣдители были мало разборчивы въ выборѣ средствъ, что у нихъ сила до сихъ поръ еще замѣняетъ право. Но, какъ замѣчаетъ другой писатель полковникъ Ли, настаетъ время, когда и въ Индіи необходимо преобразовать школьное магометанское воспитаніе, измѣнить юрисдикцію и форму управленія въ смыслѣ большей автономіи туземцевъ.“¹⁾ Нельзя не видѣть, что Англія, предоставляя своимъ колоніямъ политическую автономію, поступаетъ гораздо предусмотрительнѣе. чѣмъ она поступала прежде, эксплуатируя ихъ силы посредствомъ экономическаго и административнаго произвола. „Мы потеряли сѣверо-американскія колоніи, говоритъ

¹⁾ Empire in Asia, how we came by it. By W. Torrens, Lond. 1872 и L'Inde Anglaise, Revue de Deux mondes, 1 Mars, 1872.

Брайтъ, потому, что не умѣли управлять ими; по крайней мѣрѣ, воспользуемся этимъ горькимъ опытомъ на будущее время. “И этотъ горькій опытъ не былъ забытъ Англіей. Предоставляя болѣе свободы и простора внутреннему развитію колоній, Англія не только удерживаетъ ихъ за собой, но и облегчаетъ самую себя. Колоніи, управляя своимъ бюджетомъ, не требуютъ ни малѣйшихъ расходовъ со стороны метрополи и даже содержатъ на свой счетъ защиту. Въ случаѣ, если-бы онѣ хотѣли имѣть британскія войска, онѣ обязаны оплачивать ихъ содержаніе, какъ это положено условіемъ для австралійскихъ колоній. Министръ Гладстонъ недавно выразился такъ по поводу конституціи Новой Зеландіи: „Мы еще не достигли въ нашемъ законодательствѣ нормальныхъ отношеній между колоніями и метрополіей... когда наши предки основывали колоніи, 200 лѣтъ тому назадъ, они не обращались къ парламенту съ смѣтами и не просили столько-то содержанія на губернатора, столько-то на судей, секретарей и посланниковъ. Они составляли союзъ изъ нѣсколькихъ свободныхъ людей, чтобы создать въ другой части свѣта свободное государство. Они не полагались на искусственную помощь метрополи и потому колоніи росли быстро, почти чудодѣйственно.“ Поэтому въ послѣднее время Англія желаетъ, какъ можно менѣе оказывать матеріальную поддержку и брать на себя расходы по колоніальнымъ дѣламъ. Поразительный фактъ въ этомъ случаѣ представляютъ недавнія столкновенія между колоніальнымъ парламентомъ Новой Зеландіи и метрополіей. Чтобы удерживать въ повиновеніи дикихъ маорійцевъ, Великобританія содержала на островѣ войска, которія стоили ей милліонъ фунтовъ ежегодно. Наконецъ, Англіи не понравилось платить такую сумму за колонію, которая могла сама оплачивать содержаніе войскъ. Послѣ развратительной войны съ маорійцами въ 1863 году министръ колоній герцогъ Ньюкэстльскій предложилъ колоніи участвовать въ военныхъ издержкахъ. Колонисты и ихъ парламентъ, не желая одни нести военные издержки предложили въ счетъ ихъ конфисковать земли побѣжденныхъ; имъ предоставили это, но съ тѣмъ условіемъ, что въ случаѣ новой войны британскія войска будутъ отозваны въ Европу, если колонія не захочетъ ихъ оплачивать. Ново-зеландскій парламентъ сдѣлалъ уступку; онъ вотировалъ 50,000 фунтовъ на

содержаніе англійскихъ солдатъ, но поставилъ условіемъ, чтобы британскія войска подчинялись отнынѣ начальнику колоніальной милиціи; въ противномъ случаѣ пусть лучше англійскія войска будутъ отозваны въ Европу. Правительство, раздосадованное затрудненіями, приняло эти слова за чистую монету и послѣшило отозвать изъ Новой Зеландіи всѣ англійскія военныя силы до послѣдняго солдата. Это было въ тотъ критическій моментъ, когда началась новая война съ маорійцами. Но колонисты видимо хотѣли настоять на своемъ и, будучи многочисленнѣе дивихъ туземцевъ, успѣли съ ними сладить собственными силами. Тѣмъ не менѣе отозваніе войскъ предъ инсургентами въ минуту опасности и предоставленіе колонистовъ на волю случая было однимъ изъ возмутительныхъ поступковъ въ новѣйшей колоніальной политикѣ Англій. Колонисты этихъ отдаленныхъ странъ въ правѣ были-бы заявить предъ міромъ всю жестокость великобританскаго поступка, но они легко съ нимъ примирились, потому что освободили себя отъ грубого посторонняго вліянія...

Что касается другой выгоды предоставленія свободы и самоуправления колоніямъ—это ихъ быстрый ростъ, расширеніе и экономическое развитіе, которые составляютъ прямую пользу метрополии. Англія очень хорошо знаетъ по собственному опыту, что ничто такъ неспособствуетъ накопленію богатствъ, быстротѣ экономической дѣятельности и возбужденію общественной жизни, какъ самостоятельное существованіе страны, чуждое ненависти и вѣчнаго антагонизма между господствующимъ побѣдителемъ и безгласнымъ побѣжденнымъ. Благодаря этой политической свободѣ колоніи быстро и широко развертываются, создавая обширныя владѣнія, усиливаясь въ населеніи, прогрессируя въ умственномъ и промышленномъ отношеніи, хотя нравственная связь ихъ съ метрополіей не дѣлается отъ того хуже. Напротивъ, въ тѣхъ колоніяхъ, гдѣ англійская политика не прибѣгала къ суровымъ и грубымъ мѣрамъ самоуправства, туземное населеніе питаетъ самыя дружескія чувства къ метрополии. Только благодаря этой политикѣ, Великобританія можетъ спокойно обладать своими многочисленными колоніями, съ 211 милліонами населенія, въ то время, когда Испанія, Португалія, Франція и Голландія потеряли лучшія изъ своихъ колоніальныхъ владѣній. Англія хо-

рошо поняли, что управленіе отдаленными колоніями не можетъ подлежать тѣмъ-же правиламъ, какъ управленіе внутренними провинціями. Наученная историческимъ опытомъ, она не скрываетъ отъ себя и будущности своихъ колоній, не можетъ не предвидѣть образованія изъ нихъ отдѣльныхъ націй, а потому старается только подготовить ихъ къ самобытной жизни. Основы этой новой политики были провозглашены Англіей уже въ 1850 г. въ рѣчи Джона Росселя передъ палатою общинъ: „Что касается нашихъ политическихъ отношеній къ колоніямъ, говорить этотъ лордъ,—Англія будетъ дѣйствовать на основаніи принципа политической свободы въ своихъ колоніяхъ. Я полагаю, что вы,—обращается онъ къ законодателямъ,—будете дѣлать исключеніе развѣ только въ тѣхъ случаяхъ, когда представится вамъ раса, еще неспособная примѣнить свободныя учрежденія, когда колоніи не состоятъ изъ англійскихъ гражданъ, или когда ихъ численность слишкомъ слаба, чтобы поддерживать эти учрежденія. Но какъ только мы будемъ дѣйствовать по отношенію къ британскому населенію, способному къ конституціонному правленію, то мы можемъ оставить за собою только представительство отъ нихъ въ дѣлахъ внѣшнихъ, но не должны вѣшиваться въ домашніа дѣла ихъ, развѣ только въ томъ случаѣ, когда представится крайняя необходимость предупредить враждебныя столкновенія въ самихъ колоніяхъ. Я полагаю, что именно эти принципы должны руководить насъ въ колониальной политикѣ. Я могу, по крайней мѣрѣ, заявить, что именно ихъ приняло великобританское правительство. Мало того, я полагаю, что на этихъ принципахъ должна покоиться, внѣ всякихъ опасеній, не только политика настоящаго, но они-же послужатъ къ разрѣшенію важныхъ задачъ будущаго, чтобы предотвратить тѣ несчастныя столкновенія, которыми было отмѣчено предшествовавшее столѣтіе. Обращаясь къ причинамъ роковой войны между Англіей и колоніями, теперь независимыми Соединенными штатами Америки, я прихожу къ выводу, что это былъ результатъ не одного какого-либо заблужденія, не одной какой-либо ошибки, но результатъ цѣлаго ряда повторенныхъ ошибокъ и заблужденій, результатъ слѣпого упорства, позднихъ уступокъ и чрезмѣрныхъ требованій; я увѣренъ, что

мы не будем оплакивать подобныхъ столкновений. Я предвижу вмѣстѣ съ другими зоркими умами, что нѣкоторыя изъ нашихъ колоній разовьются настолько въ населеніи и богатствѣ, что когда нибудь придутъ и скажутъ намъ въ одно прекрасное утро:

— „Мы достаточно имѣемъ силы, чтобы быть независимыми отъ Англіи. Узы, которыя насъ связывали, тяготятъ насъ и наступила минута, когда, сохраняя дружбу и добрый союзъ съ нашимъ отечествомъ, мы желаемъ быть свободными и самостоятельными. Я не думаю, чтобы это время уже наступило, но постараемся сдѣлать все, что можетъ ускорить эту минуту, постараемся воспитывать въ колоніяхъ способность завѣдывать собственными дѣлами. Пусть онѣ растутъ въ населеніи и благосостояніи, и что-бы ни случилось, мы, граждане великой имперіи, будемъ всегда имѣть утѣшеніе сознанія, что мы способствовали мировому счастью“ (Рѣчь, произнесенная 8 февраля 1850 г. въ палатѣ общинъ).

Несмотря, однако, на новые принципы, внесенныя въ колоніальную политику, здравыя политическія отношенія къ колоніямъ не могутъ считаться вполне установившимися до тѣхъ поръ, пока Англія не оставитъ всякаго вмѣшательства во внутреннія дѣла колоній, а „эта привычка еще не умерла, какъ говоритъ Джонъ Стюартъ Милль, — хотя это стоило Англіи канадскаго бунта“. Предоставляя колоніямъ право распоряжаться внутренними дѣлами и управленіемъ, англійское правительство оставило однако за собою право рѣшенія общегосударственныхъ вопросовъ независимо отъ колоній. Между тѣмъ интересы колоній частію и взятыхъ вопросовъ расходятся съ политикою метрополи. Таковы, на примѣръ, вопросы о войнѣ и торговыхъ отношеніяхъ. Въ дѣлѣ войны колоніи обязаны участвовать вмѣстѣ съ метрополіей, хотя бы война была предпринята исключительно въ интересъ Англіи. Вопросъ этотъ думали разрѣшить такъ, чтобы колоніи, въ случаѣ обсужденія военныхъ походовъ, высылали депутатовъ въ англійскій парламентъ и, такимъ образомъ, хотѣли создать родъ федеративнаго союза между всѣми англійскими владѣніями. „Но, говоритъ Дж. Стюартъ Милль, страны, раздѣленныя половиною земной поверхности, не могутъ представлять естественныхъ условий для того, чтобы быть подъ однимъ управленіемъ, или даже быть членами одной федераціи. Представители не выражаютъ

отдѣловъ одного и того-же общества. Они не знаютъ цѣлей и не питаютъ вѣры въ нравственные принципы товарищей. Кто-бы изъ насъ не подумалъ, что представители Канады или Австраліи, даже въ дѣлахъ общегосударственнаго характера, не могутъ ни чувствовать, ни прилагать достаточно заботливости объ интересахъ и желаніяхъ англичанина, ирландца и шотландца. Даже для федеративныхъ цѣлей, продолжаетъ Милль, — не существуетъ тѣхъ условій, какія нужны для федераціи¹⁾. Поэтому лучшіе государственные люди Англии, какъ Грей, Россель, Дургамъ, Милль и проч. предвидятъ неизбежное ослабленіе государственныхъ связей по мѣрѣ совершенновлѣтія колоній. „Англія безъ колоній достаточно сильна для собственной защиты, пишетъ Милль, — и въ ея положеніи было-бы больше силы и достоинства, если-бы она разсталась съ колоніями вовсе...“ „Союзъ между нами и колоніями столь эластиченъ, заявляла англійская пресса, что мы ничего не выиграемъ съ ихъ отдѣленіемъ, но ничего и не проиграемъ“. Недавно канадскіе публицисты пробовали доказать Англии, что ихъ союзъ служитъ только въ ущербъ британскимъ интересамъ, такъ какъ во всѣхъ международныхъ сношеніяхъ между Соединенными штатами Америки и Англійей, первые угрожаютъ ей нападеніемъ на канадскія владѣнія, что составляетъ чувствительное мѣсто для британской политики. Отказавшись отъ канадскихъ владѣній и предоставивъ ихъ собственной судьбѣ, Англія приобрѣла-бы больше самостоятельности и смѣлости въ своей политикѣ, избавившись въ то-же время отъ тяжелой отвѣтственности.

Изъ всего этого ясно, что англійской колоніальной политикѣ предстоитъ пережить еще новую фазу. Эта фаза должна состоять въ устраненіи какъ политической, такъ и экономической эксплуатаціи. Англія, отрѣшаясь постепенно отъ первой, въ силу историческаго прогресса, должна будетъ отказаться и отъ второй. Она придетъ когда-нибудь къ тому убѣжденію, что насколько невыгодно всякое стѣсненіе политической жизни колоній, настолько же невыгодна всякая задержка экономическаго и промышленнаго развитія подвластныхъ ей колонистовъ. „Раззореніе Ирландіи, Индіи, говоритъ Кэри, не могло принести Англии ника-

1) См. Дж. Ст. Милль, «О представительномъ правленіи».

кой выгоды. Въ силу объденія этихъ странъ, сжатія ихъ потребностей, самый рынокъ Англіи долженъ былъ сократиться, а ирландскаго рынка почти совершенно не стало. Нація, такимъ образомъ, едва не погибла не только безъ всякой пользы для тѣхъ, которые были причиною ея угнетенія, но еще съ значительнымъ убыткомъ для всѣхъ. Хозяйственный образъ жизни и нравственность значительно пострадали, недугъ чрезмѣрнаго населенія еще болѣе усилился, и пропасть между высшими и низшими классами англійскаго общества стала еще шире“. „Ежегодная подать, наложенная на индѣйцевъ англійскою системою, задерживала развитіе человѣческихъ способностей, недопуская промышленной ассоціаціи нормальныхъ экономическихъ отправления, убила производительность страны и, въ силу солидарности народовъ, понизила уровень благосостоянія самой Англіи. Система, временно выгодная промышленнымъ классамъ Англіи, вообще содѣйствовала уменьшенію міровой производительности, а слѣдовательно была невыгодна какъ для всего человѣчества, такъ и для самой Англіи. Поэтому переходъ къ новому порядку обусловленъ будетъ какъ внутренними реформами въ самой Англіи и измѣненіемъ существующей экономической системы, основанной на угнетеніи колониста, такъ и развитіемъ колоній на болѣе прогрессивныхъ началахъ. Судя по предшествовавшей колоніальной исторіи, Англія, можетъ быть, будетъ способна скорѣе другихъ странъ отрѣшиться отъ рутинныхъ привычекъ старой политики“.

Человѣчеству вздохнется легче, когда Англія вступитъ на совершенно новый путь колоніальной политики. Культура обширныхъ и незанятыхъ земель, представляющихъ всѣ удобства для жизни, развитія, цивилизаціи среди народностей еще нетронутыхъ и дѣвственныхъ, какъ въ Африкѣ, Австраліи, на американскомъ континентѣ, на югѣ, западѣ и сѣверѣ Азіи, будетъ со временемъ важною историческою задачею для народовъ.. Кто первый разрѣшитъ эту задачу въ благоприятномъ смыслѣ для человѣчества, тотъ и пожнетъ великіе плоды ея. Поэтому, роль Англіи въ дѣлѣ міровой колонизаціи и воспитанія колонизаціоннаго населенія еще не окончена. Ей предстоитъ еще трудная историческая миссія въ будущемъ и не нашему, конечно, поколѣнію доведется увидѣть, какъ справится Англія съ рѣшеніемъ этой задачи.

Н. Ядринцевъ.

ПѢСНЯ ГРЕБЦА.

— О чемъ поешь въ ладѣ своей
Скажи, гребецъ?.. Какія муки
Изъ груди вызвали твоей
Тоски мучительные звуки?
Такъ вечеръ тихъ... недвижна даль,
Все улыбается закату...
Души встревоженной печаль,
Гребецъ, повѣдай мнѣ, какъ брату;
Смотри, скользигъ твоя ладья,
Ее несетъ одно вѣтрило,
Оставь весло—тоска твоя
Мнѣ въ душу ядъ свой заронила;
Скорѣй, гребецъ, на небесахъ
Ужъ блекнуть золото и розы...
Все ближе ночь; въ мои глазахъ,
Въ моей груди—тоска и слезы.
— О чемъ пою? незнаю я.
Раскрыть я душу не съумѣю.
Какъ можетъ знать моя ладья—
Какой гребецъ владѣть ею?
Поется мнѣ и я пою:
Ту пѣсню мать моя пѣвала
Въ иномъ, нерадостномъ краю,
Какъ колыбель мою качала.
Отецъ съ той пѣсней далеко
Ушелъ отъ насъ, гремя цѣпями;
Она запала глубоко,
Она росла и зрѣла съ нами.
Могила матери моей
Въ степи затеряна безслѣдно.
Все ту-же пѣснь поетъ надъ ней
Матерь зимой о жизни бѣдной.
Отецъ, работая, не разъ,
Быть можетъ, тамъ въ сторонкѣ дальней
Пѣвалъ ее, когда о насъ
Мечталъ, усталый и печальный.
Какъ только я проснусь съ зарей
И: вольно эга пѣсня льется,

Засну—и снова надо мной
 Она во снѣ, какъ птичка, вьется...
 О чемъ пою? не знаю я!
 Раскрыть я душу не сѹмѣю.
 Какъ можетъ знать моя ладья,
 Какой гребець владѣеть ею!..
 —Скажи, гребець, ты счастье зналъ,
 Любилъ и былъ любимъ порою,
 Когда ты милую ласкалъ,
 Что пѣла милая съ тобою?
 Скорѣй, гребець!—погасъ закатъ,
 Скорѣ спой мнѣ пѣсню счастья,
 Пусть звуки радости гремятъ
 Надъ міромъ скорби и ненастья!
 —Какую пѣсню хочешь ты?
 Ужели есть иные звуки?
 Любовь и счастье—мечты,
 А жизнь—одна тоска да муки.
 Да, я любилъ—она была
 Прелестнѣй ландыша лѣснаго!
 Она мнѣ душу отдала,
 А вышла... вышла за другого!
 Я былъ бѣднякъ, а онъ богатъ,
 Чѣмъ я владѣлъ, купилъ онъ смѣло,
 Не могъ купить онъ душу, братъ,
 За то легко купилъ онъ тѣло.
 Со мною голодъ, нищета,
 Съ нимъ—слезы, золото и муви...
 И отдалась она—чиста,
 Сложивъ на грудь бессильно руки!
 Онъ взялъ ее съ огнемъ въ крови—
 Купилъ, какъ жертву сладострастья...
 Ты хочешь слушать пѣснь любви?..
 О, братъ! Ты просишь пѣсни счастья?..
 Ту пѣснь, которую сейчасъ
 Я пѣлъ, мы вмѣстѣ съ ней пѣвали,
 Когда весенній вечеръ гасъ,
 И звѣзды робкія мерцали.
 Какую-жь пѣсню хочешь ты?
 Ужели есть иные звуки?..
 Любовь и счастье—мечты,
 А жизнь—одна тоска, да муки!

В. М. Славянской.

ХРОНИКА ЖЕНСКАГО ДѢЛА.

Мнѣнія доктора Бриджа по женскому вопросу.—Разница между консервативными мнѣніями доктора Бриджа и рутинными взглядами фон-Бишофа. — Количество женщинъ, живущихъ самостоятельнымъ трудомъ.—Право на трудъ.—Женщины въ университетахъ.—О первоначальномъ и среднемъ образованіи женщинъ.—Выгоды смѣшанныхъ школъ.—Вопросъ о равноправности въ Англіи, Венгріи и Америкѣ.—Дѣныя законы и нравы въ Европѣ.—Дума-сынъ о женщинахъ.—Успѣхи женскаго дѣла въ Индустанѣ.—Женскіе курсы при медицинской академіи въ Петербургѣ.

Женскій вопросъ получаетъ право гражданства даже въ такихъ отсталыхъ странахъ, какъ Индустанъ и Японія. И тамъ, благодаря вліянію прогрессирующей европейской мысли, женщина поднимаетъ голосъ въ защиту своихъ правъ и освобождается отъ тѣхъ стѣсненій, которыя такъ долго и такъ неразсчетливо для успѣховъ цивилизаціи парализовали ея умственное развитіе и дѣятельность. Но въ то время какъ полудикія страны Востока начинаютъ понимать потребности современнаго положенія женщины, въ самой Европѣ встрѣчаются такіе ученые мужи, которые въ этомъ отношеніи идутъ далеко позади японскихъ и индустанскихъ консерваторовъ. На одного изъ такихъ нѣмецкихъ бонзъ, а именно на профессора Бишофа, пользующагося громаднымъ авторитетомъ въ Германіи, мы указали въ прошлой книжкѣ, а теперь намъ приходится указать и на другого, лондонскаго ученаго, доктора Бриджа, который, впрочемъ, несравненно гуманнѣе относится къ женскому вопросу, чѣмъ фон-Бишофъ. Извѣстный позитивистъ, докторъ Бриджъ, недавно въ своихъ публичныхъ лекціяхъ о позитивизмѣ посвятилъ цѣлое чтеніе женщинамъ, съ точки зрѣнія своей школы. Въ семействѣ, говоритъ онъ, въ домашней сферѣ, въ этой спеціальной, особой своей сферѣ, нормальная женщина является главнымъ лицомъ. Правда, что мужъ считается главою семейства и законодательство смотритъ на него какъ на главу, хотя всѣмъ извѣстно, что въ дѣйствительной жизни очень часто

всѣмъ управляетъ жена; но все-таки мужъ дѣйствуетъ главнымъ образомъ внѣ дома; жена-же, воспитывая и регулируя инстинкты и чувствованія семейства, является въ немъ главнымъ дѣятелемъ". При этомъ, по мнѣнію Бриджа, женщина принимаетъ весьма дѣятельное и вполне достаточное для нея участіе въ общественной жизни. Обладая болѣе тонкимъ нравственнымъ чувствомъ и менѣе сильными животными инстинктами, чѣмъ какими одаренъ мужчина, она, вліяя на него, въ весьма значительной степени содѣйствуетъ образованію общественнаго мнѣнія и поддержанію нравственности. Но это вліяніе, вслѣдствіе дурного воспитанія женщины, даетъ часто далеко не желаемые результаты. „Поклоненіе Мамонѣ“, напр., вытекаетъ изъ стремленія женщинъ къ богатству и карьерѣ. Ихъ ошибочныя понятія о наукѣ распредѣленія, природѣ и законахъ капитала, равно, какъ и ихъ ложное представленіе о томъ, что роскошь выгодна для торговли и общаго экономическаго прогресса, — вотъ одна изъ значительныхъ причинъ упомянутаго зла. Женщины должны получать воспитаніе совершенно такое-же, какъ мужчины; но что женщины должны преслѣдовать тѣ-же самыя цѣли и заниматься тѣми-же самыми дѣлами, какъ мужчины, — это, по мнѣнію Бриджа, не только нежелательно, но даже невозможно. Въ извѣстной степени женщина должна подчиняться мужчинѣ въ силу его физическаго и интеллектуальнаго превосходства. Это превосходство — *правильно*, изъ котораго, однакъ, бываетъ не мало исключеній. Часто говорятъ, что при воспитаніи, какъ слѣдуетъ направленною, женщина въ физическомъ отношеніи должна сравняться съ мужчиной; но нужно вспомнить, что различіе половъ по силѣ мускуловъ и объему костей замѣчается не въ одной человѣческой породѣ, а во всемъ животномъ мірѣ. Къ тому-же это различіе существуетъ, безъ сомнѣнія, уже очень давно; это не варіація новѣйшаго происхожденія, которую можно было-бы скоро сгладить. Различіе интеллектуальныхъ способностей также неоспоримо, хотя оно до того незначительно, что его можно выразить въ пропорціи 9: 10. Что-же касается избирательныхъ правъ женщинъ, которыхъ онѣ добиваются въ настоящее время, то позитивисты не очень благоволятъ къ нимъ. Они думаютъ, что во всѣхъ государствахъ, даже демократическихъ, власть всегда остается и должна оставаться въ рукахъ немногихъ личностей, наиболѣе способныхъ пользоваться ею, и что поэтому избирательное право не имѣетъ большой

важности, хотя въ настоящее время оно и можетъ быть полезнымъ какъ средство для совершенія извѣстныхъ реформъ; вообще, давалъ женщинамъ другое предназначеніе внѣ общественной дѣятельности, позитивисты не питаютъ ни малѣйшей симпатіи къ независимому и равноправному отношенію половъ. Въ концѣ своей лекціи д-ръ Бриджъ перешелъ къ тѣмъ исключеніямъ, какія позитивисты допускаютъ изъ своего правила. Несомнѣнно, что вслѣдствіе важныхъ переменъ въ новѣйшей соціальной жизни и усиленной эмиграціи мужчинъ, множество женщинъ ставятся въ затруднительное положеніе. Противъ этого зла позитивисты не видятъ никакихъ непосредственныхъ радикальныхъ лекарствъ. Самое лучшее, по ихъ мнѣнію, если женщины не будутъ соперничать съ мужчинами въ приобрѣтеніи средствъ къ жизни. Одинокую женщину должны содержать ея родственники, а при неимѣніи ихъ — благотворительныя учрежденія. Она должна посвящать себя дѣлу общественныхъ реформъ, напр., помогать бѣднымъ, распространять между ними знаніе санитарныхъ и соціальныхъ законовъ. Направлять-же энергію женщинъ на грубыя занятія мужчинъ — все равно, если-бы это вздумалъ взять изъ британскаго музея прекрасныя мраморныя произведенія и употребить ихъ на постройку домовъ вмѣсто жерничка и камня, которые мы имѣемъ въ такомъ изобиліи.

Позитивисты, такимъ образомъ, въ женскомъ вопросѣ остаются консерваторами, и единственная существенная уступка, которую они дѣлаютъ духу времени, заключается въ томъ, что они требуютъ для женщинъ одинаковаго образованія съ мужчинами. Это — честные консерваторы, которые, защищая свои мнѣнія, не требуютъ отъ нихъ совершенной неподвижности, и не думаютъ затворять двери медицинскихъ школъ для образованія женщинъ, какъ это дѣлаетъ извѣстный профессоръ Бишофъ.

Не такъ поступаютъ тѣ консерваторы, которые вооружаются всей своей наукой и краснорѣчіемъ, чтобы доказать, что женщина, по самой своей природѣ, осуждена на положеніе вѣчнаго недоросля. Съ пѣною у рта выдвигаются они на всякую попытку существеннаго улучшенія женскаго быта и стараются лишить женщину солиднаго образованія, какъ средства, опаснаго для ихъ деспотизма. Такъ именно недавно поступилъ знаменитый мюнхенскій профессоръ анатоміи и физиологіи — фонъ-Бишофъ. Сей многоученый мужъ доказываетъ, что женщина по натурѣ своей настолько глупа и физически

слабосильна, что неспособна ни къ какимъ серьезнымъ научнымъ занятіямъ, ни къ какому серьезному логическому мышленію. Слушаніе женщинами медицинскихъ курсовъ, и особенно вмѣстѣ съ студентами, ведетъ къ одной только безнравственности, какъ это можно видѣть „въ главномъ сѣдалищѣ этихъ безобразій, въ Цюрихѣ“, и въ петербургской медикохирургической академіи“ (!!). По мнѣнію достопочтеннаго профессора, „абсолютно необходимо разлучать помы даже въ первые годы дѣтской жизни“ (стр. 39). Онъ приходитъ въ ужасъ отъ одной мысли о томъ, что профессоръ можетъ читать женщинамъ анатомическія лекціи. „Я, говоритъ онъ, — старый, закоренѣлый анатомъ, но и я не могу представить себѣ ничего пошлѣе, отвратительнѣе и противнѣе молодой дѣвушки, которая занимается на анатомическомъ столѣ или вскрываетъ человѣческій трупъ! Какое попираніе всякой женственности!.. Это—грѣхъ противъ природы, и для женщины въ моихъ глазахъ онъ такъ-же непростителенъ, какъ грѣхъ противъ св. духа“!.. „Медицинскія занятія и практика противорѣчатъ и наносятъ вредъ лучшимъ и благороднѣйшимъ сторонамъ женской природы,—нравственности, стыдливости, *состраданію и милосердію*“ (стр. 45)!.. Мы не останавливаемся здѣсь на этихъ курьезныхъ выкликаніяхъ отупѣвшаго старца, потому что они были уже разобраны въ нашемъ журналѣ, и честь, подобающая фон-Бишофу, отдана ему вполне.

Но какъ-бы ни старались ретрограды и консерваторы задержать стремленіе женщинъ къ свободѣ и самостоятельному труду, какихъ-бы доводовъ ни представляли они въ доказательство того, что женщина неспособна къ занятіямъ мужчинъ и къ самостоятельному труду, жизнь не слушаетъ ихъ доводовъ, идетъ впередъ и разрѣшаетъ на практикѣ тотъ вопросъ, который такъ долго пережевывается теоретиками. Въ дѣйствительности значительная часть женщинъ живетъ своимъ трудомъ и вся забота эмансипаторовъ заключается въ томъ, чтобы улучшить условія этого труда. Вотъ таблица о женщинахъ Англіи.

	1851 г.	1861 г.
Прядильщицъ, живущихъ исключительно своей работой.	323,704	308,878
„Дочерей фермеров“	88,301	78,094

Незамужнихъ женщинъ, живущихъ своею работой или имѣющихъ свои средства.	1,355,189	1,470,784
Всего незамужнихъ.	<u>1,767,164</u>	<u>1,857,756</u>
Вдовъ, живущихъ на вдовьи деньги.	289,558	324,663
Вдовъ, промышляющихъ самостоятельно или живущихъ на независимыя сред- ства	505,715	567,426
Всего вдовъ.	<u>795,273</u>	<u>892,089</u>
Замужнихъ женщинъ старше 20 лѣтъ, содержимыхъ мужьями	2,613,891	2,998,851
„Женъ фермеровъ, женъ лавочниковъ“ и т. п.	370,814	379,927
Замужнихъ, живущихъ самостоятельнымъ трудомъ или независимыми средствами.	451,212	538,092
Всего замужнихъ .	<u>3,435,917</u>	<u>3,916,870</u>
Всѣхъ женщинъ 20 лѣтъ и старше.	5,998,384	6,666,715

Такимъ образомъ, въ 1851 г. $\frac{3}{4}$, а въ 1861 г. почти $\frac{4}{5}$ всѣхъ незамужнихъ женщинъ Англiи жило своимъ трудомъ или воими независимыми средствами; двѣ трети вдовъ и $\frac{1}{7}$ замужнихъ женщинъ жили также своимъ трудомъ или независимыми средствами. По родамъ занятій всѣ эти женщины распредѣлялись такъ:

	1851 г.	1861 г.
Группа I: собственницъ земель и до- мовъ, владѣтельницамъ пожизненнаго дохода, артистокъ и проч.	241,261	229,445
Группа II: занимающихся предпріятіями: коммерческими	134,211	136,312
земледѣльческими.	30,254	29,152
Всего по II группѣ.	<u>164,465</u>	<u>165,464</u>
Кромѣ того „купеческихъ женъ“, веду- щихъ самостоятельное дѣло.	75,783	86,438
„женъ и дочерей фермеровъ“, веду- щихъ самостоятельное дѣло.	289,793	281,278
Всего.	<u>365,576</u>	<u>367,716</u>

Группа III: занимающихся шитьемъ:

модистокъ и проч.	383,302	478,590
прачекъ	136,582	167,937
Всего.	524,884	646,527

Кромѣ того: „женъ портныхъ“, веду-
щихъ самостоятельное дѣло.

93,539 90,305

Группа IV: служанокъ и проч. 664,467 779,051

Группа V: работницъ на фабрикахъ и т. д.:

на прядильныхъ фабрикахъ	384,041	398,590
въ механическихъ мастерскихъ и проч.	39,210)	79,584
въ рудоконьяхъ.	6,737)	
въ земледѣльческой и разной работѣ.	128,418	110,216
Всего.	558,406	588,390

Всѣхъ женщинъ старше 20 л., живу-
щихъ своимъ трудомъ или своими
средствами 2,153,924 2,496,166

Такая многочисленность женщинъ, пользующихся экономической независимостью, отнюдь не составляютъ исключительно англійскаго явленія. Въ Америкѣ, напр., такихъ женщинъ больше сравнительно, чѣмъ въ Англiи. Не мало ихъ и въ Германiи; въ ней между прочимъ замѣчается такой-же численный перевѣсъ женскаго народонаселенія надъ мужскимъ, какой мы видѣли уже въ Англiи ¹⁾. По Кольбу, въ предѣлахъ нѣмецкаго Союза женщинъ было больше, чѣмъ мужчинъ:

Въ 1864 г. 313,383

„ 1867 „ 471,855

Слѣдовательно, съ 1864 по 1867 г. перевѣсъ женскаго народонаселенія надъ мужскимъ увеличился на 158,462 женщины. Этимъ женщинамъ выходить замужъ не за кого, и по тому уже одному онѣ должны жить самостоятельнымъ трудомъ, если только не хотять или не могутъ быть даровыми нахлѣбницами своихъ родственниковъ. О числѣ женщинъ, вынужденныхъ въ Германiи жить своимъ трудомъ, можно судить по тому обстоятельству, что время заключенія браковъ все болѣе и болѣе отодвигается на

¹⁾ См. предыдущую хронику, «Дѣло» 1872 г., кн. 5.

позднѣйшіе, тридцатые годы жизни. Въ 1867 году въ Пруссіи было:

жителей 20—40 лѣтъ	7,165,000
избытокъ женщинъ 20—40 лѣтъ.	148,000
незамужнихъ женщинъ 20—30 лѣтъ	1,205,220
незамужнихъ 30—40 лѣтъ.	278,274
всего незамужнихъ 20—40 лѣтъ	<u>1,483,494</u>

Защитники женственности, въ родѣ отличившагося фон-Бишофа, совершенно закрываютъ глаза передъ подобными фактами; доказывая, что женщина грѣшитъ противъ своей природы и теряетъ всякую женственность, занимаясь медициной, они умалчиваютъ о милліонахъ тѣхъ женщинъ, которыя работаютъ на фабрикахъ и еще менѣе имѣютъ возможности сохранить свою женственность. Вотъ что говоритъ, напр., „American Paper“ объ австрійкахъ. „Женщины Австріи исполняютъ самыя трудныя работы, какъ, напр., тасканіе кирпичей по высокимъ лѣстницамъ. Даже болѣе, — онѣ выкапываютъ и возятъ на тачкахъ груды баласта почти также проворно, какъ и ихъ владыки. Онѣ рубятъ дѣсь, онѣ носятъ, возятъ, онѣ предлагаютъ вамъ на улицахъ почистить ваши сапоги и исполняютъ множество другихъ работъ, которыя, по нашимъ понятіямъ, едва-ли могутъ быть отнесены къ „женскому труду“. Можетъ быть, это неизбежное слѣдствіе существованія постоянной арміи въ 800,000 человѣкъ. Женщины заняты необыкновенно тяжелымъ трудомъ въ то время, какъ сотни праздныхъ мужчинъ шатаются въ своихъ разнообразныхъ мундирахъ, положительно ничего не дѣлая, кромѣ, можетъ быть, пусканія влудовъ табачнаго дыма“. Милліоны замужнихъ и незамужнихъ, семейныхъ и беременныхъ женщинъ вынуждены жить или исключительно своимъ трудомъ или работать для пополненія семейныхъ дефицитовъ. Но это неизбежное стремленіе къ труду встрѣчаетъ множество препятствій, и главнымъ образомъ работницы не могутъ конкурировать съ мужчинами вслѣдствіе своей неподготовленности. Это замѣтно особенно во Франціи, гдѣ, по изслѣдованію Леруа Больё (Revue des Deux Mondes, 1872, 15 mai), съ 1847 по 1860 г. число парижскихъ рабочихъ увеличилось на 50%, а число работницъ уменьшилось на $\frac{1}{11}$. Мужчины, такимъ образомъ, вытѣснили съ рабочаго рынка значительную часть

женщинъ, неспособныхъ состязаться съ работниками по недостатку профессиональной подготовки. Последняя причина, роня задѣльную плату женщины до $\frac{1}{2}$ и въ лучшихъ случаяхъ до $\frac{2}{3}$ мужской платы, дѣлаетъ это крѣпкимъ обычаемъ, существующимъ даже тогда, когда трудъ женщины совершенно равняется мужскому. Въ нынѣшнемъ году въ Пруссіи, Саксоніи, Англіи, не говоря уже объ Америкѣ, вопросъ объ уравниніи рабочей платы мужчинъ и женщинъ обсуждался съ разныхъ сторонъ, но главное условіе для этого уравнинія задѣльной платы заключается въ томъ, чтобы поднять до одного уровня съ мужскимъ профессиональное образованіе и умственное развитіе женщинъ, что постепенно и достигается посредствомъ основанія и размноженія во всѣхъ европейскихъ странахъ профессиональныхъ школъ. Въ Англіи, въ Денди, состоялось недавно собраніе служанокъ съ обычными обстановками, рѣчами и оживленными преніями англійскаго митинга. Собраніе постановило слѣдующія требованія: вставать въ 6 часовъ утра, ложиться спать въ 10 вечера, одинъ свободный послѣобѣдъ въ недѣлѣ и одно свободное воскресенье каждыя двѣ недѣли; хозяева не должны вмѣшиваться въ наряды и украшенія служанокъ, заводимыя на счетъ послѣднихъ; много толковалось, что хозяева вполне всемогущи въ своемъ контролѣ надъ служанками, и что необходимо служанкамъ составить организацію, съ помощью которой онѣ могли-бы получать вѣрныя свѣденія о характерѣ, образѣ жизни и поведеніи людей, могущихъ быть ихъ нанимателями.

Малочисленность тѣхъ отраслей труда, какія доступны женщинамъ, создаетъ между ними большую конкуренцію, и ставитъ массу женщинъ въ безвыходное положеніе. Гувернантокъ и учительницъ, напр., въ Европѣ такъ много, что ежегодно около 30,000 ихъ выѣзжаетъ въ Англію въ надеждѣ на полученіе выгодныхъ мѣстъ; изъ этихъ 30,000 около 15,000 состоятъ изъ швейцарокъ. Вслѣдствіе такой многочисленности женщинъ, вынужденныхъ жить своимъ трудомъ, онѣ настойчиво стремятся къ занятіямъ, до сихъ поръ недоступнымъ для нихъ. Въ нѣмецкій рейхстагъ была подана недавно отъ нѣмецкаго женскаго союза петиція о допущеніи женщинъ на телеграфную, желѣзнодорожную и почтовую службу. Подобныя-же петиціи были поданы сѣверо-нѣмецкому рейхстагу въ 1867 и 1869 г., но не имѣли успѣха. Настоящая петиція указываетъ

на тотъ фактъ, что въ государствахъ южной Германіи, въ Саксоніи, Виртембергѣ, Баденѣ, допущенныя уже на почтовую и телеграфную службу женщины оказались вполне способными къ ней; что за границей женщины тоже съ полнымъ успѣхомъ занимаются по этимъ вѣдомствамъ; въ лондонскомъ почтамтѣ, напр., служатъ болѣе 1,000 женщинъ. На основаніи этихъ примѣровъ, петиція проситъ допустить женщинъ на упомянутыя службы по всему пространству имперіи. Просьба эта поступила на разсмотрѣніе канцлера.—Въ Австріи женщины болѣе и болѣе проникаютъ на телеграфную службу. На вѣнской телеграфной станціи работаетъ въ настоящее время 40 женщинъ, да 30 экзаменованныхъ кандидатовъ состоитъ въ распоряженіи правительства для занятія должностей телеграфистокъ. Министръ торговли предписалъ открыть телеграфныя курсы для женщинъ въ Прагѣ, Брюннѣ, Лембергѣ, Краковѣ, Линцѣ, Грацѣ и Триестѣ. Благодаря этимъ курсамъ, въ нынѣшнемъ году поступитъ на телеграфную службу въ провинціяхъ не менѣе 150 женщинъ. Такіе-же курсы открылъ въ Вѣнѣ женскій промышленный ферейнъ. Педагогическая дѣятельность женщины въ послѣднее время нѣсколько расширилась въ Бельгіи, гдѣ женщинъ назначаютъ уже ревизорами и инспекторами народныхъ школъ. Въ Италіи женщинъ начинаютъ рѣшительно предпочитать мужчинамъ для замѣщенія учительскихъ мѣстъ въ народныхъ школахъ. Въ Миланѣ, напр., во всѣхъ первоначальныхъ школахъ преподаютъ теперь женщины. Во многихъ мѣстностяхъ большинство учительскихъ мѣстъ занято женщинами, и вообще въ Италіи число народныхъ учительницъ почти равняется числу учителей. „При этомъ, говоритъ Габелли, образование въ провинціи идетъ тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ болѣе контингентъ женщинъ посвящаетъ себя учительскому званію“.

Тѣсно связанный съ вопросомъ о трудѣ вопросъ о женскомъ образованіи мало по малу разрѣшается въ благопріятномъ смыслѣ. Въ эдинбургскомъ университетѣ изучаютъ медицину 10 женщинъ. Въ цюрихскомъ университетѣ теперь слушаютъ лекціи 63 женщинъ, изъ нихъ на медицинскомъ факультетѣ 51 (44 русскихъ, 1 англичанка, 3 швейцарки и 3 нѣмки), а на философскомъ 12 (10 русскихъ, 1 австрійка и 1 нѣмка). Въ Лондонѣ продолжаютъ съ успѣхомъ лекціи университетскихъ курсовъ, устроенныя ассоціаціей для образованія женщинъ. Университетскіе экзамены

привлекають все больше и больше англичанокъ. Такъ, въ Кембриджѣ экзаменовалось въ 1867 г. 90 дѣвушекъ, а въ 1871 г. уже 242. Въ Австраліи мельберскій университетъ открылъ для женщинъ свои аудиторіи. Въ Парижѣ идутъ въ College de France публичные курсы для мужчинъ и женщинъ, читаемые такими знаменитыми учеными, какъ Ренанъ, Бергло, Клодъ Бернаръ и т. д. Французская академія изящныхъ искусствъ допускаетъ женщинъ въ число своихъ членовъ. Нужно однакожь сознаться, что выставленные нами отрядные факты имѣютъ противъ себя много явленій совершенно противоположныхъ. Такъ французская академія наукъ отказалась принять въ среду своихъ „сорока“ *женщину* Жоржъ Зандъ. Англійскіе университеты все еще не рѣшаются открыть женщинамъ свои аудиторіи. Въ Берлинѣ правительство вздумало запретить женщинамъ посѣщеніе университетскихъ лекцій литературы профессора Вердера. Официальнымъ мотивомъ этого запрещенія выставляется то, что „дамъ приходится много и онѣ мѣшаютъ студентамъ“.

Среднее и первоначальное образованіе женщинъ хотя и подвигается постепенно впередъ, но ни въ одной европейской странѣ оно еще не сравнялось съ мужскимъ. Въ англійскихъ субсидіальныхъ школахъ Act'омъ 1869 года впервые былъ признанъ принципъ, что дѣвушки также имѣютъ право пользоваться казенными суммами, отпускаемыми на просвѣщеніе. Но онѣ пользуются ими далеко не въ одинаковыхъ размѣрахъ съ мальчиками. Въ Йоркшайрѣ, напр., 103 грамматическихъ школы для мальчиковъ съ доходомъ въ 17,000 ф. стер. въ годъ и одна только женская школа. Въ Лондонѣ при Христовой больницѣ на ежегодную ассигновку отъ 40 до 50 ф. стер., предназначенную для воспитанія обоеихъ половъ, воспитывается 1,192 мальчика и только 18 дѣвушекъ. Во всей Англіи получающихъ казенное пособіе школъ для средняго образованія дѣвушекъ только 14 съ 1,113 ученицами, а для мальчиковъ такихъ школъ 820 съ 36,814 учениками, не включая сюда школъ чартергаузской, тайлоровской, св. Павла, уинчестерской, гарроуской, итонской, гирьюсберійской и регбійской. Всего же на воспитаніе мальчиковъ казна отпускаетъ въ годъ 277,000 ф. стер., а на дѣвушекъ менѣе 3,000. Въ Англіи, какъ извѣстно, громадныя капиталы на народное просвѣщеніе составляются не изъ казенныхъ, а изъ частныхъ средствъ. Частныя лица и

самыя разнообразныя ассоціаціи заводять школы и содержатъ ихъ. Въ последнее время въ Лондонѣ составилаь обширная ассоціація для основанія женскихъ училищъ всякаго рода, которая открыла уже двѣ женскихъ гимназіи. Но хорошихъ среднеучебныхъ заведеній для женщинъ все-таки чрезвычайно мало. Въ пансіонахъ и дома англичанки высшаго и средняго класса получаютъ обыкновенное поверхностное свѣтское образованіе. Нужно, однакожъ, замѣтить, что это образованіе не такъ безсодержательно, какимъ оно является, напр., во Франціи. Вотъ что говоритъ Тэнъ въ своей недавно изданной книгѣ объ Англии. „Ни въ одномъ изъ посѣщенныхъ мною домовъ я не видѣлъ моднаго журнала. Одинъ изъ моихъ друзей, англичанинъ, жившій во Франціи, сообщилъ мнѣ, что въ Англии хорошо воспитанная женщина не читаетъ подобныхъ пошлостей. Напротивъ, спеціальныя женскія журналы (*British Women Review*) содержатъ въ себѣ такія вещи, какъ, напр., документы и статьи объ эмиграціи въ Австралію, о народномъ образованіи во Франціи и тому подобныя серьезныя матеріалы; въ немъ нѣтъ ни романовъ, ни театральнаго фельетона, ни курьера модъ. Все серьезно и солидно“. Литература, музеи, публичныя лекціи, путешествія много исправляютъ недостатки школьнаго образованія англичанки. Въ настоящее время, друзья женскаго образованія въ Англии, между прочимъ, хлопочуть о включеніи въ программу его гимнастики въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ, въ виду развитія физическихъ силъ женщины и того печальнаго обстоятельства, подтверждаемаго людьми самыми компетентными, что изъ 6 англичанокъ, 5 навѣрное имѣютъ большее или меньшее искривленіе позвоночнаго столба. Гимнастическіе классы для дѣвушекъ открыты уже въ Лондонѣ, Ливерпулѣ, Единбургѣ и въ некоторыхъ другихъ городахъ. Воспитанницы школъ и коллегій берутъ здѣсь уроки.

Общество для развитія народнаго образованія въ Голландіи обратилось къ правительству съ просьбою объ отпускѣ суммъ на основаніе среднеучебныхъ заведеній для дѣвушекъ. Въ Германіи женскіе фереины открыли нѣсколько новыхъ общеобразовательныхъ и профессиональныхъ школъ, напр., телеграфныя курсы въ Вѣнѣ, женскую учительскую семинарію въ Ганноверѣ и т. д. Даже въ невѣжественной и бѣдной Португаліи начинаютъ заботиться о жен-

скожь образованіи. Съ 1867 по 1872 г. въ лиссабонскомъ округѣ основано до 160 мужскихъ и до 50 женскихъ школъ. Въ Венгріи новыя школы, основанныя женской воспитательной ассоціаціей оказываютъ блестящіе успѣхи. Но нельзя того-же сказать о женскихъ школахъ въ Вѣнѣ, большинство которыхъ оказывается подъ сильнымъ вліяніемъ іезуитовъ и прелатовъ. Кромѣ среднеучебныхъ и нисшихъ школъ, въ послѣднее время открыто не мало художественныхъ заведеній для женщинъ. Въ Берлинѣ женская художественная школа открыта наслѣдною принцессою; такая-же школа во Флоренціи основана извѣстною швейцарскою художницею Анною Фризь. Въ Марсели одна француженка изъ Алжира выдержала экзаменъ на бакалавра изящныхъ искусствъ. Въ Римѣ обращаетъ на себя всеобщее вниманіе талантливая скульпторка миссъ Эджонія Льюисъ, африканскаго происхожденія; для вѣнской выставки она готовитъ свою работу, темой которой служитъ рабство негровъ. Вообще, художественная дѣятельность женщинъ, видимо, расширяется. На берлинской художественной выставкѣ 1871 г. ¹/₁₂ картинъ была писана женщинами.

Для того, чтобы сравнять вполне женское образованіе съ мужскимъ, устранить несовершенства перваго и дать возможность учиться той-же громадной массѣ дѣвушекъ и женщинъ, для которыхъ теперь нѣтъ школъ по недостатку денежныхъ фондовъ, — лучшимъ способомъ является система смѣшанныхъ школъ, давшая въ Америкѣ и Шотландіи блестящіе результаты. Лучшіе педагоги Англіи признали уже всѣ выгоды этой системы, которая понемногу начинаетъ входить и въ практику. Основанная въ Ньюкестлѣ коллегія физическихъ наукъ на совершенно одинаковыхъ условіяхъ открыта и для мужчинъ и для женщинъ. Въ лондонской университетской коллегіи хотя и назначены для женскихъ классовъ особенныя комнаты, но нѣкоторые профессора положительно отказались тратить напрасно время на отдѣльное преподаваніе мужчинамъ и женщинамъ. Лекціи еврейскаго языка и юриспруденціи въ этой коллегіи читаются обоимъ поламъ вмѣстѣ. Система смѣшаннаго воспитанія прежде всего представляетъ экономическія выгоды и возможность на теперешнія суммы заводить гораздо больше школъ. Въ Америкѣ, при смѣшанной системѣ образованія, каждый ученикъ въ элементарныхъ школахъ стоитъ въ годъ 10 шиллинговъ, а въ Англіи, при раздѣльной системѣ, не менѣе 30 шиллинговъ. Впрочемъ, въ настоящее

время уже значительная часть первоначальныхъ школъ въ Англіи открыта для обоихъ половъ вмѣстѣ, и смѣшанная система оказываетъ самое благотворное вліяніе на успѣхи народнаго образованія. Вотъ что пишетъ о нихъ одинъ инспекторъ. „Смѣшанная система дѣйствуетъ удивительно хорошо. Я не слышалъ, чтобы въ одной какой-нибудь такой школѣ замѣчалась опасность отъ соединенія въ ней половъ. Между учениками развиваются здѣсь братскія отношенія. Несомнѣнно также, что въ смѣшанныхъ школахъ дѣвочки заимствуютъ отъ мальчиковъ болѣе сильное расположеніе къ арифметикѣ, а мальчики, благодаря дѣвочкамъ, отличаются способностью хорошо говорить, ясными отвѣтами на словесные вопросы и приличіемъ своего поведенія“. Кромѣ нормальныхъ, въ Англіи есть уже нѣсколько среднихъ смѣшанныхъ школъ, какъ, напр., Aubrey Institut въ Ноттингамѣ и вечерніе классы въ Квебекѣ и Вирбекѣ. Вирбекскіе классы открыты для обоихъ половъ на совершенно одинаковыхъ условіяхъ съ тѣмъ только различіемъ, что за обученіе въ нихъ женщины платятъ менѣе, чѣмъ мужчины. Въ Шотландіи большая часть школъ смѣшанныя. Въ Италіи, гдѣ на 100 учащихся приходится 56 мальчиковъ и 44 дѣвочки, смѣшанныя школы въ послѣднее время начинаютъ входить въ большое употребленіе и успѣхъ ихъ быстро разрушаетъ обычный предрасудокъ о необходимости изолировать дѣвушекъ. Смѣшанныхъ школъ открывается теперь довольно много. Еще въ 1868 г. изъ 1,910 вновь открытыхъ школъ было 647 мужскихъ, 715 женскихъ и 558 смѣшанныхъ. Въ институтахъ глухонѣмыхъ въ Цюрихѣ, Прагѣ, Мюнхенѣ и Берлинѣ мальчики и дѣвочки живутъ вмѣстѣ до 16 лѣтъ; они проводятъ вмѣстѣ цѣлый день, и только къ вечеру расходятся по разнымъ комнатамъ, какъ это дѣлается и въ семьѣ. Но экономическія и нравственныя выгоды смѣшанной системы замѣтнѣе всего нами въ мѣстѣ ея наибольшаго развитія, въ Америкѣ. Изъ послѣдняго годового отчета о школахъ города Сен-Луи видно, что кромѣ одной только нормальной коллегіи для женщинъ, всѣ школы въ немъ смѣшанныя. Въ нихъ учатся 12,175 мальчиковъ и 12,172 дѣвушки. Вотъ что говоритъ главный инспекторъ этихъ школъ: „Съ введеніемъ смѣшанныхъ школъ дисциплина непрерывно улучшалась. Въ С.-Луи онѣ вводились постепенно, и поэтому мы имѣли полную возможность для самаго точнаго и всесторонняго сравненія обѣихъ системъ. Грубость и распущенность мальчиковъ, учащихся

отдѣльно, тотчасъ замѣняется сдержанностью въ присутствіи дѣвочекъ. Чрезмѣрная сентиментальность, развиваемая въ дѣвочкахъ ихъ отдѣльнымъ воспитаніемъ, почти совсѣмъ исчезаетъ въ смѣшанныхъ школахъ. Въ нихъ водворяется совершенное самообладаніе. Ученіе также значительно улучшается. Когда полы раздѣлены, то методы образованія не уравниваются и постоянно стремятся къ двумъ противоположнымъ крайностямъ... Въ смѣшанныхъ-же школахъ замѣчаются болѣе быстрые успѣхи, и въ нихъ мы видимъ дѣвочекъ, оказывающихъ замѣчательные успѣхи даже въ математическихъ знаніяхъ, между тѣмъ, какъ мальчики подъ влияніемъ женской половины класса гораздо прилежнѣе занимаются литературой. Индивидуальное развитіе въ этихъ школахъ болѣе нормально и здраво, чѣмъ въ отдѣльныхъ. Каждый полъ здѣсь мѣрится съ другимъ своею умственною силою въ присутствіи учителя. Каждый видитъ слабость и силу другого и приучается должнымъ образомъ оцѣнивать существенныя качества. Внезапныя симпатіи и антипатіи, капризныя фантазіи и романтическіе идеалы уступаютъ мѣсто здравому сужденію, которое не легко увлекается одною виѣшностью“. Тѣ-же самые результаты мы видимъ и въ смѣшанныхъ университетахъ Соединенныхъ штатовъ и Канады. Учебныя занятія идутъ здѣсь гораздо лучше, а нравственное развитіе гораздо выше, чѣмъ въ отдѣльныхъ университетахъ (см. *English Woman's Review*, 1872, № 2, стр. 158—160).

Вопросы о женскомъ трудѣ и образованіи могутъ получить надлежащее рѣшеніе лишь тогда, когда женщины получаютъ политическія права. Мнѣнія въ пользу этой реформы нигдѣ въ Европѣ не одержали еще окончательной побѣды. 1-го мая въ англійской палатѣ общинъ, при второмъ чтеніи билля о политической равноправности женщинъ, за него подано 143, а противъ него 222 голоса, слѣдовательно, онъ отвергнутъ большинствомъ 79, между-тѣмъ какъ въ прошломъ году за билль былъ 151 голосъ. Ужели-же при такомъ сильномъ и постоянно возрастающемъ въ Англии движеніи въ пользу женскаго дѣла, сторонники его въ парламентѣ начинаютъ уменьшаться? Если-бы это было такъ, то англійскіе эмансипаторы встревожились-бы не на шутку. Но въ сущности число парламентскихъ членовъ, вотировавшихъ за билль, увеличилось на 4. Въ вышеприведенныя цифры не включены до-

кладчики (tellers) и „парные члены“ (pairs) *). Вмѣстѣ-же съ ними дѣло представляется въ такомъ видѣ:

1870 годъ:

	За билль.	Противъ билля.
Депутатовъ . . .	94	220
Докладчиковъ . . .	2	2
„Парныхъ“ . . .	23	23
	<u>119</u>	<u>245</u>

1871 годъ:

Депутатовъ . . .	151	220
Докладчиковъ . . .	2	2
„Парныхъ“ . . .	6	6
	<u>159</u>	<u>238</u>

1872 годъ:

Депутатовъ . . .	143	222
Докладчиковъ . . .	2	2
„Парныхъ“ . . .	18	18
	<u>163</u>	<u>242</u>

Такимъ образомъ, съ 1870 г. оппозиція биллю нѣсколько ослабѣла, поддержка-же его значительно усилилась. Паденіе билля только усилило энергическую агитацію его сторонниковъ. Чтобы судить о силѣ общественнаго движенія, поднятаго въ Англии женскимъ вопросомъ, стоитъ только взглянуть на цифры поданныхъ нынѣ въ парламентъ петицій, относящихся какъ къ женской равноправности, такъ и къ другимъ сторонамъ соціального положенія женщины. Въ 1872 г. подано:

	Петицій.	Число подписей подъ ними.
За билль о равноправности . . .	843	355,801
Противъ билля	3	3
За билль о бракѣ съ сестрой умершей жены	1,678	144,046
Противъ билля	232	10,832

*) Въ нижней палатѣ часто члены обѣихъ спорящихъ партій соглашались не подавать голосовъ и выходить изъ засѣданія до рѣшенія вопроса. Они и назывались pairs, а самое дѣйствіе называется pair off — «выходить попарно».

няющейся въ Америкѣ идеи о женщинѣ-президентѣ. Грантъ въ своей избирательной программѣ заявляетъ о своемъ намѣреніи, въ случаѣ вторичнаго выбора, содѣйствовать дарованію политическихъ правъ женщинамъ. Въ штатѣ Мэнъ комитетъ легальной реформы, по поводу петицій отъ гражданъ, составилъ предложеніе о дарованіи женщинамъ политическихъ правъ. Этотъ билль проведенъ черезъ сенатъ значительнымъ числомъ голосовъ и отвергнутъ въ палатѣ большинствомъ только трехъ. Въ Иллинойсѣ прошелъ черезъ обѣ палаты, утвержденъ губернаторомъ и съ 1 іюля 1872 года сдѣлался закономъ слѣдующій „билль о гарантированіи всѣмъ лицамъ свободы въ выборѣ занятія, профессіи или должности:

§ 1. Уzakоняется народомъ штата Иллинойса, представляемымъ національнымъ собраніемъ, что никто не можетъ быть на основаніи своего пола исключаемъ или устраняемъ отъ какого-бы то ни было занятія, профессіи или должности. *Поправка:* этотъ актъ не можетъ быть толкуемъ въ пользу выбора кого-нибудь на избирательную должность. § 2. Всѣ законы, несогласные съ этимъ актомъ, немедленно отминаятся. § 3. На основаніи этого акта не дозволяется требовать отъ женщинъ работъ на улицахъ и дорогахъ или службы присяжными“. Такимъ образомъ, въ Иллинойсѣ женщины получили легальную равноправность съ мужчинами въ политическихъ правахъ, кромѣ права занимать избирательныя должности. Подобный-же билль въ массачузетскомъ законодательномъ собраніи при третьемъ его чтеніи отвергнутъ большинствомъ 100 голосовъ противъ 70. Въ Коннектикутѣ билль о равноправности долженъ былъ разсматриваться нынѣшнимъ лѣтомъ, но о ходѣ его мы не имѣемъ свѣденій. Въ родѣ-эйландскомъ законодательномъ собраніи снова обсуждался этотъ билль и снова не имѣлъ успѣха. Въ Кентукки женщины-собственницы уже имѣютъ право вотировать по вопросамъ о спеціальныхъ налогахъ, а женщины, платящія школьные налоги, участвуютъ въ выборахъ начальниковъ школъ. Въ Массачузетсѣ за политическую равноправность женщинъ высказалась вся интеллигентная часть населенія. Массачузетскій губернаторъ предложилъ законодательному собранію допустить женщинъ вотировать вопросы о дозволеніи пивныхъ и кабаковъ. По существующимъ законамъ штата, дозволеніе или недозволеніе подобныхъ заведеній предоставлено вотированію обывателей каждаго округа. Въ Гридлей, въ Колорадо, народъ недавно

выбиралъ почтмейстера и въ этихъ выборахъ принимали участіе 98 женщинъ. Верховный судъ Колумбіи сдѣлалъ поправку въ законъ о допущеніи къ должности адвоката, исключивъ слово *мужчина* изъ опредѣленія свойствъ лицъ, могущихъ занимать эту должность. Миссъ Шарлотта Рей, мулатка, представивъ свой дипломъ отъ юридической коллегіи говардовскаго университета, первая изъ женщинъ занялась адвокатскою практикой въ Вашингтонѣ, гдѣ нѣсколько лѣтъ назадъ подобныя ей женщины африканскаго происхожденія продавались и покупались, какъ санкціонированная закономъ собственность рабовладѣльцевъ. Мистриссъ Генефордъ назначена капелланомъ законодательнаго собранія въ Кеннедикутѣ. На ряду съ этими отрадными фактами насъ непріятно поражаетъ внесенный въ палату представителей билль о лишеніи жительницъ территоріи Утахъ избирательнаго права. На лицъ, участвующихъ въ выборѣ, не имѣя на то права, билль предлагаетъ налагать судебное наказаніе или въ видѣ штрафа не свыше 500 долларовъ или тюремнаго заключенія не дольше 1 года или того и другого вмѣстѣ. Билль этотъ вызванъ враждою янки къ мормонамъ и тѣмъ обстоятельствомъ, что забитыя нравственно жены послѣднихъ пользуются своимъ избирательнымъ правомъ для достиженія цѣлей, какія имъ предписываются ихъ повелителями. Успѣтъ-ли билль этотъ перейти въ законъ—неизвѣстно.

Кромѣ законодательныхъ реформъ, подвигающихъ женскій вопросъ впередъ, кромѣ того интереса и участія, которое принимаетъ въ немъ правительство американской республики, движенію этого вопроса много содѣйствуютъ сами американки. Онѣ составляютъ спеціальныя для этой цѣли общества, являются ораторами на митингахъ и, дѣйствуя словомъ и дѣломъ, пріобрѣтаютъ себѣ сторонниковъ во всѣхъ слояхъ американскаго населенія. На одномъ изъ такихъ митинговъ недавно дебютировала двадцатилѣтняя негритянка, миссъ Натанъ, которая обратилась къ многочисленной публикѣ съ слѣдующею рѣчью: „Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я была раба, принадлежавшая, на правахъ пріобрѣтаемой и отчуждаемой вещи, одному кентукскому землевладѣльцу; я выпесла на себѣ всѣ оскорбленія моего подневольнаго положенія; мнѣ было семь лѣтъ, когда меня вывели на рынокъ и продали отъ моей матери; съ тѣхъ поръ я никогда не видѣла ее больше. Мнѣ было десять лѣтъ, когда я разсталась съ тѣмъ шта-

томъ, гдѣ родилась, и до сихъ поръ не могла побывать въ нешъ. Много невзгодъ, лишеній и нужды я перенесла за это время, и когда часъ нашей свободы насталъ, я благословила его всѣми благословеніями моего сердца. Поэтому мнѣ можно вѣрить, если я скажу, что ни въ чьей душѣ не отзывается такъ живо всякій честный голосъ за равноправность американки, за освобожденіе ея отъ старыхъ предразсудковъ, какъ въ душѣ подобныхъ мнѣ женщинъ. Когда дѣло шло объ эмансипаціи негровъ, противники ея, обыкновенно, утверждали, что негры недостойны свободы, что они не созданы для нея, что освобожденіе должно развратить и унизить еще больше эту обиженную Богомъ и природой расу. То-ли мы видимъ теперь, когда событіе совершилось и послѣдствія его вошли въ обычную практическую колею? Я и тысячи другихъ негритянокъ воспользовались своимъ новымъ положеніемъ для лучшей жизни,—озаботились своимъ образованіемъ, сдѣлались болѣе дѣтельными, нравственными и, слѣдовательно, болѣе полезными обществу. То-же самое произойдетъ и съ тѣми женщинами, которыя освободятся отъ стѣснительныхъ общественныхъ условій, налагаемыхъ на нихъ прежними варварскими законами. Противники наши скоро убѣдятся, — если только желаютъ убѣдиться, — что расширеніе общественной дѣтельности женщинъ, свободный выборъ занятій, политическая равноправность и социальное независимое положеніе облагородятъ женщину, а не уронятъ ее нравственно,—облагородятъ ее, какъ мать, какъ воспитательницу будущихъ гражданъ, какъ жену и вообще какъ чловѣка. Теперь мы всѣмъ въ тягость — отцу, работающему ради нашего воспитанія, обществу, неизвлекающему изъ насъ надлежащихъ выгодъ, какъ изъ своихъ членовъ, государству, охраняющему насъ на-счетъ мужчинъ, наконецъ, мы въ тягость себѣ и близкимъ намъ, какъ мертвая сила, какъ въ землѣ зарытая способность. Это чувствуютъ наши противники, и только изъ упорства или лицемерія не хотятъ признаться въ этомъ. Я знаю не по слухамъ, а по опыту, какъ легко на душѣ женщины, когда она просыпается съ мыслію, что ея существованіе обезпечено не чужимъ трудомъ, а ея собственнымъ, что никто изъ ея домашнихъ не откажетъ себѣ ни въ кускѣ хлѣба, ни въ лишнемъ часѣ отдыха ради того, чтобы накормить и успокоить свою даровую нахлѣбницу. А какъ счастлива та дѣвушка, которая не имѣетъ

крайности броситься въ объятія какого-нибудь негодяя изъ-за того только, чтобы не остаться на улицѣ безъ пріюта... Что бы ни говорили, но намъ нельзя отказать въ одномъ—въ правѣ нашемъ на общій трудъ и справедливое вознагражденіе за него. А чтобы осуществить это право, чтобы обезпечить за нами экономическую независимость, ни законъ, ни общественное мнѣніе не должны обрывать насъ на жалкую роль гаремныхъ невольницъ. Къ этому мы стремимся всѣми силами, къ этому мы призываемъ всѣхъ американокъ, ищущихъ выхода къ свѣту и полезной дѣятельности“ (New-York Tribune, 4 Sept. 1872). Такого рода рѣчи раздаются въ Америкѣ часто, и если общественное мнѣніе не вполне подготовлено къ всестороннему разрѣшенію женскаго вопроса, то это объясняется не недостаткомъ энергіи американокъ, не силой убѣжденія ихъ пропаганды, а живучестью того предразсудка, съ которымъ онѣ борются.

Шведскій парламентъ, измѣнивъ нѣкоторыя статьи законовъ о бракѣ, отмѣнилъ право родителей и опекуновъ распоряжаться рукою совершеннолѣтнихъ дѣвушекъ и предоставилъ имъ полную свободу въ выборѣ мужей. Въ Англіи и во Франціи давно уже поднята законодательная реформа въ пользу преобразованія законовъ о семейномъ положеніи женщины. Въ нынѣшнемъ году въ англійской судебной практикѣ было нѣсколько самыхъ печальныхъ случаевъ. Жена, разошедшаяся съ мужемъ, живетъ совершенно отдѣльно отъ него и собственнымъ трудомъ приобретаетъ нѣкоторыя средства. Мужъ дѣлается несостоятельнымъ должникомъ, и имущество жены отбирается по закону на уплату долговъ мужа! Въ Шотландіи, на которую не распространяются даже и тѣ незначительныя улучшенія, какія сдѣланы въ послѣднее время въ Англіи относительно имущественныхъ правъ женщины, — въ Шотландіи былъ недавно такой случай: Маргарита Гордонъ много уже лѣтъ назадъ разошлась съ мужемъ по причинѣ его дурного поведенія. Она не получала отъ него никакого пособія и даже не знаетъ, гдѣ онъ живетъ. Она подала въ судъ искъ на одного господина, должника ей, но судъ отказалъ ей на томъ основаніи, что замужняя женщина не имѣетъ права начинать процесса безъ согласія мужа. “Та-кимъ образомъ—замѣчаетъ сообщающій объ этомъ корреспондентъ—, замужняя женщина, оставленная своимъ мужемъ, по закону можетъ быть не только обобрана имъ, по его произволу, но и обижена всѣми,

съ кѣмъ она имѣеть дѣло“. Подневольное положеніе женщины и въ особенности ея зависимость отъ мужчины приводятъ къ самымъ печальнымъ результатамъ. Журналъ „Woman“, разбирая статистическія данныя о лондонскихъ преступникахъ и отчеты о судебныхъ разбирательствахъ преступленій, приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ. „Впродолженіи двѣнадцати мѣсяцевъ было арестовано 854 лица, обвинявшихся въ разныхъ преступленіяхъ. Почти $\frac{1}{4}$ изъ этого числа были женщины, *преступленія-же, въ которыхъ обвинялись, за весьма немногими исключеніями, были преступленіями мужчинъ.* Напр., 59 женщинъ, судившихся за фальшивую монету, дѣйствовали по настоянію своихъ мужей или любовниковъ, которые пользовались ими, какъ орудіями и, подвергая ихъ опасности, сами оставались на заднемъ планѣ. Воровство и мелкія кражи женщины, большею частію, совершили въ компаніи съ мужчинами, исключая весьма немногихъ слуганозъ, обворовавшихъ хозяевъ. Вообще, женщина употребляется для заманиванія жертвы и подаетъ сигналъ мужчинѣ-преступнику. Убіиства, совершенныя женщинами являются большею частію результатомъ мести за глубокую обиду или за постоянное жестокое обхожденіе. И нужно еще удивляться, что втеченіи года было только семь такихъ случаевъ“. Причины и обстоятельства подобныя тѣмъ-же, которыя доводятъ женщинъ до преступленія, еще гораздо сильнѣе толкають ихъ въ сумасшедшіе дома. Въ 1871 г. въ сумасшедшихъ домахъ Англіи и Валлиса было 56,755 помѣшанныхъ, изъ нихъ 26,009 мужчинъ и 30,746 женщинъ.

Въ законахъ и правахъ Франціи еще болѣе дикости, чѣмъ въ Англіи. Брачное законодательство наполнено здѣсь самыми допотопными постановленіями въ особенности во французскомъ законодательствѣ, въ которомъ до сихъ поръ сохранились слѣдующіе пункты:

Дѣвушка съ пятнадцатилѣтняго возраста одна отвѣчаетъ за свою добродѣтель.

Соблазнъ дѣвушки—не преступленіе; наказывается только одно изнасилованіе.

Отысканіе отцовства незаконнымъ дѣтямъ запрещено.

Незаконныя дѣти состоятъ на попеченіи одной только матери.

Жена, заставшая мужа съ любовницей и умертвившая его, судится, какъ убійца.

Мужъ, заставшій жену съ любовникомъ и убившій одного изъ нихъ или обоихъ вмѣстѣ, не отвѣчаетъ за убійство.

На основаніи послѣдней статьи женоубійцы оправдываются судомъ. Но въ послѣднее время, по поводу нѣсколькихъ такихъ процессовъ, общественное мнѣніе начало возмущаться этимъ дикимъ закономъ. Послѣ процесса Дюбура, нѣкій журналистъ серьезно занялся вопросомъ—имѣтъ-ли право мужъ убивать невѣрную жену, и пришелъ къ отрицательному отвѣту. Въ опроверженіе его Дюма-сынъ написалъ книжонку „L'Homme-Femme“. Книжка имѣла громадный успѣхъ, въ самое короткое время она выдержала 23 изданія! По вкусу, значить, пришлась она развращеннымъ французскимъ буржуа. Дюма доказываетъ, что мужу невѣрной жены не только можно, но даже „слѣдуетъ убить ее“! Онъ смотритъ на женщину, какъ на вещь, которую можно всегда уничтожить ея хозяину или обладателю. Любовь ея — это ненасытная жажда чувственныхъ удовольствій. „Дѣвушка никогда не знаетъ на-канунѣ своего замужества, дѣйствительно-ли она любитъ своего жениха. Не ищи въ женѣ-дѣвѣ и въ женщинѣ особеннаго расположенія (къ любовному наслажденію), а если его найдешь, страшись за свое спокойствіе, за свою честь, за свою жизнь...“

И это говоритъ парижскій писака, вылощенный европеецъ, третирующій свысока какого-нибудь японца. А между-тѣмъ на Востокаѣ найдется теперь не мало людей, которые думаютъ гораздо лучше этого салоннаго болтуна. Тамъ освобожденіе женщины въ послѣднее время идетъ довольно быстрыми шагами не въ одной Японіи. Въ Индустанѣ недавно введенъ гражданскій бракъ, чуждый всѣхъ традиціонныхъ формальностей и стѣснительныхъ условій разнообразныхъ сектъ. Бракъ этотъ хотя и введенъ англичанами, но онъ вполне удовлетворяетъ одной изъ насущныхъ потребностей развивающаго индусскаго общества и поддерживается тою новою туземною сектою, которая реформировала браминизмъ въ смыслѣ новыхъ цивилизующихъ началъ.

Въ заключеніе намъ остается сказать нѣсколько словъ о женскихъ курсахъ, открывающихся нынѣшнею осенью при медико-хирургической академіи въ Петербургѣ. На эти курсы назначено принять 70 женщинъ, но желающихъ явилось до 300. Такъ велико стремленіе русскихъ женщинъ къ медицинскому образованію! Это стремленіе не только вытекаетъ изъ самыхъ настоятель-

ныхъ потребностей самой женщины, но и вполне гармонируетъ съ современною потребностью русскаго общества. Даже въ Европѣ и въ Америкѣ, гдѣ такое множество медиковъ-мужчинъ, медики-женщины оказываются далеко не лишними. У насъ-же медиковъ очень мало и увеличеніе ихъ числа посредствомъ женщинъ въ высшей степени желательно, тѣмъ болѣе, что женщины охотно поступали-бы и на такія мѣста съ незначительнымъ сравнительно жалованьемъ, на которыя теперь вовсе не идутъ врачи мужчины: само собою понятно, что для успѣха женско-медицинскаго дѣла необходимо, чтобы образованіе женщинъ вполне равнялось образованію мужчинъ. Открываемыя женскіе курсы имѣютъ своей цѣлью только образованіе „ученыхъ акушеровъ“, а не медиковъ. Правда, что женщинамъ будутъ читаться всѣ почти предметы общаго медицинскаго образованія, но только въ сокращенномъ видѣ, примѣнительно къ ихъ специальности, женскимъ и дѣтскимъ болѣзнямъ. Такимъ образомъ, полнаго общаго медицинскаго образованія слушательницамъ не предназначено, и вслѣдствіе этого „ученая“ акушерка будетъ всегда ниже по своему образованію обыкновеннаго акушера, получившаго полное медицинское образованіе. Въ строгомъ смыслѣ учебную программу ученыхъ акушеровъ нельзя назвать даже и спеціальною. Спеціализмъ въ наукѣ имѣетъ значеніе лишь въ томъ случаѣ, если онъ основывается на общенаучной почвѣ, въ противномъ случаѣ, онъ будетъ уже не научнымъ спеціализмомъ, а скорѣе ремесломъ. Часовщикъ, неизучавшій математики, физики и механики, вовсе не спеціалистъ-механикъ. Такимъ образомъ, и спеціалисты акушерства прежде всего необходимо должны быть вообще медиками. Мы увѣрены, что практическая дѣятельность женщинъ-медиковъ обнаружитъ недостатокъ ограниченія учебной программы женскихъ курсовъ, и тогда будетъ признана необходимость расширить и увеличить ее. Сорозъ четыре русскія женщины, слушающія медицинскій курсъ въ Цюрихѣ, всего лучше указываютъ на запросъ, которому, наконецъ, уступила наша медико-хирургическая академія.

С. Шашковъ.

ЗАБЫВЧИВЫ ЛЮДИ...

(Съ венгерскаго.)

Забывчивы люди... Не съ дѣтства-ли мнѣ
Они постоянно твердили,
Что Богъ воплощенный училъ на землѣ,
Чтобъ люди другъ друга любили?
И я ихъ послушалъ, и заповѣдь ту
Храню я, какъ лучшую въ жизни мечту,
И вѣчно хранить ее буду...
Зачѣмъ-же теперь упрекають меня
За то, что я вѣрю въ пршество дна,
Когда это сбудется всюду?..

Забывчивы люди... Не ихъ-ли урокъ
Я вынесъ изъ практики школьной,
Что жизненной честности подвигъ высокъ?
Къ чему-же, съ улыбкой довольной,
Они мнѣ насмѣшливо нынѣ твердятъ,
Что я непрактиченъ, что вреденъ мой взглядъ,
Когда благородно и смѣло,
Какъ рыцарь за даму въ минувшіе дни,
Стою я за честныя мысли свои,
За правое, честное дѣло?..

Забывчивы люди... Не ихъ-ли-же рѣчь
Мнѣ, юношѣ, кровь кипятила,
Что родину надо любить и беречь,
Хотя-бы за это могила
И стерла, въ цвѣтущую пору, съ лица
Родимой твердыни ея храбреца?
Зачѣмъ-же считаютъ опасной
Теперь, какъ я выросъ, любовь къ ней мою,
Когда я дѣйствительно грудью стою
За счастье отчизны прекрасной?..

Забывчивы люди... Не ты-ли сама,
Подруга моя дорогая,
Чуть-чуть не сходила, бывало, съ ума,
Надежды мои раздѣляя
На битву съ врагами отчизны моей?
А нынѣ, когда я напомнимъ о ней—
Въ плѣну, за рѣшеткой желѣзной,—
Зачѣмъ-же ты никнешь на грудь головой,
И слышу я вопль раздрающій твой—
Твой вопль обо мнѣ безнадежный?!

Омуглевскій.

ВЪ ТИХОМЪ ОМУТѢ-БУРЯ.

РОМАНЪ

ДЖОРЖА ЭЛЛИОТА.

ГЛАВА XL.

Перейдемъ теперь къ другимъ лицамъ романа, заслуживающимъ также нашего вниманія.

Въ квартирѣ Калеса Гарта, въ просторной комнатѣ, на стѣнахъ которой висѣли ландкарты и гдѣ стояла его рабочая конторка, за большимъ столомъ завтракала группа, состоявшая изъ отца, матери и пятерыхъ дѣтей. Мэри находилась тутъ-же, въ ожиданіи новаго мѣста, но Кристи, старшій послѣ нея сынъ, жилъ въ это время въ Шотландіи, гдѣ за дешевую цѣну онъ учился и кормился, къ великому прискорбію отца, который не могъ примириться съ мыслию, что сынъ его предался книгамъ, вмѣсто того чтобы заниматься настоящимъ „дѣломъ“.

Въ это утро было получено много писемъ, а именно цѣлыхъ девять, за которыя пришлось заплатить почтальону три шиллинга и два пенса. Мистеръ Гартъ забылъ и чай, и поджаренный хлѣбъ, читая письма и складывая ихъ одно на другое, при чемъ иногда медленно покачивалъ головой или оттопыривалъ губы, какъ-бы разсуждая самъ съ собой, но онъ не забылъ аккуратно впрѣзать изъ одного конверта большую красную печать, которую Летти подхватила съ ловкостію маленькаго терьера.

Разговоръ въ комнатѣ не умолкалъ ни на минуту, что ни мало не мѣшало Калѣбу, который запрещалъ только одно—трясти столъ, когда онъ на немъ писалъ.

Изъ девяти писемъ—два были адресованы на имя Мэри; прочитавъ, она подала ихъ матери, а сама въ задумчивости стала играть чайной ложкой, но вслѣдъ затѣмъ, словно вспомнивъ о чемъ-то, принялась за шитье, лежавшее у нея на колѣняхъ во время завтрака.

— Мэри, перестань шить, говорилъ Бэнъ, держа сестру за рукавъ,—сдѣлай мнѣ пѣтушка изъ мякиша.

Съ этимъ словомъ мальчикъ подалъ ей небольшой шарикъ хлѣба.

— Нѣтъ, нѣтъ, шадунъ, отвѣчала Мэри ласково, слегка уколовъ иголкой руку брата.—Попробуй самъ сдѣлать пѣтушка, вѣдь ты видѣлъ, какъ я ихъ дѣлаю, а мнѣ нужно докончить шитье. Свадьба Розамунды Винци будетъ на слѣдующей недѣлѣ, а ей нельзя выйдти замужъ безъ этого носоваго платка, заключила Мэри, смѣясь сама своей шуткѣ.

— А почему это? спросила Лэтти, заинтересованная такой загадкой. Дѣвочка такъ близко подсунула въ сестрѣ свою голловку, что та слегка уколола кончикъ ея носа иголкой.

— А потому, что это одинъ изъ дюжины, безъ него-же будетъ только одиннадцать платковъ, объяснила серьезнымъ тономъ Мэри,—и Лэтти отошла прочь, очень довольная прибрѣтеннымъ свидѣнiемъ.

— На что-же ты рѣшилась, душа моя? спросила м-съ Гартъ, возвращая письма дочери.

— Я приму мѣсто въ юрской школѣ, отвѣчала Мэри. — Для меня удобнѣе быть школьной наставницей, чѣмъ гувернанткой. Я должна сдѣлаться учительницей,—другого исхода нѣтъ.

— По моему учить дѣтей — самый прiятный трудъ, произнесла м-съ Гартъ съ легкимъ оттѣнкомъ укора въ голосѣ. — Я поняла-бы твое нерасположенiе къ этому занятiю, если-бы ты не была достаточно учена, Мэри, или если-бы ты не любила дѣтей...

— Мнѣ кажется, матушка, что мы никогда не поймемъ, почему другой человекъ можетъ не любить того, что мы любимъ, возразила очень сухо Мэри. — Я, напримѣръ, вовсе не охот-

нища до классныхъ комнатъ и для меня свѣтъ гораздо привлекательнѣе. Сознаюсь, что это огромный недостатокъ въ моемъ характерѣ.

— Должно быть очень скучно всю жизнь возиться въ классѣ съ дѣвочками, замѣтилъ Альфредъ;—это все куклы, въ родѣ воспитанницъ м-съ Баллардъ, которыхъ она водить гулять по-парно.

— У нихъ и игръ-то никакихъ интересныхъ нѣтъ, вѣшался Джимъ;—имъ даже не позволяютъ ни бороться, ни прыгать. Не мудрено, что Мэри ихъ не любитъ.

— Что такое Мэри не любитъ? а? спросилъ отецъ, взглянувъ изъ-за очковъ и прерывая чтеніе писемъ.

— Она не любитъ возиться съ цѣлымъ классомъ глухихъ дѣвчонокъ, сказалъ Альфредъ.

— Вѣроятно, идутъ толки о новомъ мѣстѣ для тебя, Мэри? спросилъ Калѣбъ, ласково глядя на дочь.

— Да, отецъ, открывается мѣсто въ іоркской школѣ; я рѣшилась принять его; условія довольно выгодныя — 35 фунтовъ въ годъ и сверхъ того особая плата за музыкальные уроки.

— Бѣдное дитя мое! Мнѣ право хотѣлось-бы, Сусанна, чтобы она осталась у насъ, сказалъ Калѣбъ, жалобно смотря на жену.

— Мэри не будетъ счастія, если она не исполнитъ своего долга, отвѣтила м-съ Гартъ наставительнымъ тономъ, съ сознаниемъ, что она сама исполняла свой долгъ.

— Я считалъ-бы себя очень несчастнымъ, если-бы меня заставили исполнять такой гадкій долгъ, вѣшался Альфредъ, при чемъ Мэри и отецъ тихо засмѣялись, но м-съ Гартъ замѣтила съ достоинствомъ:

— Любезный Альфредъ, если въ другой разъ тебѣ вздумается заговорить о предметахъ для тебя непріятныхъ, то, пожалуйста, выбирай иныя выраженія, да не забывай, что на заработанныя твоєю сестрою деньги ты будешь имѣть возможность поступить въ школу м-ра Ганмера.

— Какой стыдъ для меня! хорошо еще, что она у насъ молодецъ старушенція, вскричалъ Альфредъ, и, вскочивъ со стула, принялся цѣловать Мэри.

Мэри покраснѣла и засмѣялась, но слезы невольно навернулись на ея глазахъ. Калэбъ посмотрѣлъ на дѣтей черезъ очки, нахмуривъ свои густыя брови, и снова принялся за чтеніе, съ отбѣнкомъ нѣжности и грусти въ лицѣ; даже м-съ Гартъ на этотъ разъ не сочла нужнымъ сдѣлать замѣчаніе Альфреду за его неприличное выраженіе, подхваченное Бэномъ, который запѣлъ: „она у насъ молодець-старушенція, молодець-старушенція“! ударяя въ тактъ кулакомъ по рукѣ Мэри.

М-съ Гартъ, между-тѣмъ, внимательно слѣдила за мужемъ, погрузившимся въ чтеніе одного письма. Замѣтно было, что онъ чѣмъ-то пораженъ, что немало встревожило жену; но зная, что Калэбъ не любитъ, когда его прерываютъ среди занятій, она стала ждать, пока онъ кончитъ; наконецъ, онъ тихо засмѣялся, перевернулъ назадъ первую страницу письма и, взглянувъ изъ-за очковъ на жену, сказалъ ей вполголоса:

— Что ты объ этомъ думаешь, Сусанна?

М-съ Гартъ подошла, остановилась сзади мужа и, положивъ ему руку на плечо, стала читать вмѣстѣ съ нимъ письмо. Это было предложеніе сэра Джемса Читана м-ру Гарту принять на себя управленіе всѣми его родовыми и благопріобрѣтенными имѣніями: кромѣ того сэръ Джемсъ сообщалъ, что м-ръ Врукъ просилъ его справиться, угодно-ли будетъ м-ру Гарту вторично вступить въ должность довѣреннаго по дѣламъ его имѣнія Типтонъ. „Мнѣ въ особенности было-бы пріятно, любезно писалъ баронетъ, если-бы фрешитское и типтонское имѣнія находились подъ управленіемъ одного и того-же лица“; затѣмъ онъ выражалъ надежду, что м-ръ Гартъ останется доволенъ условіями, которыя они намѣрены предложить ему за его трудъ. Письмо заключалось просьбой, чтобы м-ръ Гартъ пожаловалъ на другой день, въ 12 часовъ, въ Гооль.

— Прелюбезно пишеть! неправда-ли, Сусанна? сказалъ Калэбъ, подымая глаза на жену, которая прислонилась подбородкомъ къ его головѣ.—Вруку, какъ видно, не хотѣлось самому просить меня, прибавилъ онъ, тихо засмѣявшись.

— Дѣти, вашему отцу оказана большая честь, произнесла м-съ Гартъ, обращаясь къ пяти парамъ любопытныхъ глазъ, устремленныхъ на родителей.—Его приглашаютъ къ себѣ тѣ люди, которые сами-же ему отказали отъ мѣста. Это доказываетъ,

что онъ честно исполнялъ свои обязанности и что люди въ немъ нуждаются.

— Нашъ отецъ другой Цинцинать, ура!!! крикнулъ Бэнъ, вскакивая верхомъ на стулъ въ пріятной увѣренности, что теперь можно безнаказанно нарушить дисциплину.

— Что-жь, мама, за нимъ придетъ депутація? спросила Лэтти, рисуя заранѣе въ своемъ воображеніи шествіе мэра съ корпораціей въ длинныхъ мантияхъ.

М-съ Гартъ погладила Лэтти по головѣ и улыбнулась; потомъ замѣти, что мужъ собираетъ письма и готовъ снова погрузиться въ свои занятія, она удержала его за плечо и выразительно сказала:

— Не забудь, Калэбъ, взять цѣну подороже.

— Еще-бы! отвѣчалъ тотъ самоувѣреннымъ тономъ, считая какъ-будто неблагоразумнымъ со стороны жены предположеніе, что онъ можетъ поступить иначе. — Я съ нихъ обоихъ сорву не менѣе 400 или даже 500 фунтовъ.— Затѣмъ, какъ-бы вспомянувъ что-то, онъ прибавилъ: — Мэри, пиши сейчасъ-же отказъ въ школу; ты должна оставаться дома и помогать матери. Хорошо, что я не забылъ объ этомъ.

Дѣти подняли такой гвалтъ, что Мэри пришлось спасать свой батистовый платокъ, изъ страха, чтобы мальчишки, принявшіеся скакать вокругъ нея, какъ-нибудь не разорвали его. М-съ Гартъ, сіяя отъ удовольствія, стала убирать посуду, между-тѣмъ, какъ Калэбъ, отодвинувъ стулъ отъ стола, точно готовясь уйти, оставался все на томъ-же мѣстѣ, держа письма въ одной рукѣ, а пальцами другой выдѣлывая, по обыкновенію, какія-то движенія, соотвѣтствовавшія теченію его мыслей.

— Жаль, тысячу разъ жаль, заговорилъ онъ, наконецъ, — что Кристи не занимается *дѣломъ*, Сусанна; мнѣ очень скоро понадобится помощникъ. Альфредъ — тотъ долженъ быть инженеромъ: такъ я рѣшилъ, такъ и должно быть.— Помолчавъ немного и пошевеливъ еще пальцами, онъ продолжалъ: — я заставлю Брука сдѣлать новыя условія съ своими арендаторами и возобновлю на его поляхъ очередные сѣвообороты. Бьюсь объ закладъ, что у насъ найдется отличная глина для кирпичей въ углу, около фермы Ботта, придется самому ее изслѣдовать;—это значительно уменьшить расходы при новыхъ постройкахъ. Славная

тамъ работа, Сусанна! человѣку холостому можно согласиться взять ее на себя и даромъ.

— Ты только смотри не вздумай работать даромъ, сказала жена, погрозивъ пальцемъ.

— Нѣтъ, какъ можно; я говорю только, что очень пріятная вещь заниматься тѣмъ, въ чемъ знаешь толкъ, производить разныя усовершенствованія въ хозяйствѣ, улучшать бытъ фермеровъ, имѣть право дѣлать полезныя распоряженія, воздвигать такія прочныя постройки, чтобы въ нихъ жилось хорошо не только настоящему, но и будущимъ поколѣніямъ. По-моему, такое положеніе пріятнѣе богатства; я считаю мои будущія занятія самымъ почетнымъ трудомъ.— Съ этимъ словомъ Калэбъ положилъ письма на столъ, засунулъ пальцы за пуговицѣ жилета и, послѣ короткой паузы, проговорилъ взволнованнымъ голосомъ, наклонивъ нѣсколько голову на сторону: — это великая милость Божія къ намъ, Сусанна!

— Да, правда, Калэбъ, отвѣчала жена; — счастливы твои дѣти, что ихъ отецъ въ состояніи совершить такое дѣло, которое сохранится надолго, хотя его имя и скоро забудется.

Послѣ этого у м-съ Гартъ уже не достало духу еще разъ заговорить съ мужемъ о платѣ за его труды.

Вечеромъ, когда Калэбъ, утомленный отъ дневныхъ хлопотъ, сидѣлъ молча въ креслахъ, съ раскрытой записной книжкой на колѣняхъ, м-съ Гартъ и Мэри помѣстились тутъ-же съ шитьемъ въ рукахъ, а Лэтти въ углу комнаты вела шопотомъ разговоръ съ своей куклой, м-ръ Фэрбротеръ показался на дорожкѣ фруктоваго сада, гдѣ при лучахъ заходящаго солнца прихотливыя тѣни ложились на густую траву и деревья, обремененныя яблоками. Намъ уже извѣстно, что м-ръ Фэрбротеръ питалъ искреннее расположеніе къ своимъ прихожанамъ Гартамъ, и что онъ считалъ Мэри настолько достойной дѣвушкой, что рѣшился расхваливать ее Лейдгату. Пользуясь привиллегіями своего сана и пренебрегая сословными предразсудками Мидльмарча, онъ нерѣдко говорилъ своей матери, что м-съ Гартъ гораздо больше похожа на настоящую леди, чѣмъ всѣ прочія городскія матроны. А между-тѣмъ, онъ проводилъ всѣ свои вечера у Винци, гдѣ матрона, далеко не похожая на леди, обыкновенно застѣдала въ ярко-освѣщенной гостиной за вистомъ; но въ тѣ времена люди

въ сношеніяхъ другъ съ другомъ не всегда руководствовались однимъ личнымъ уваженіемъ. Впрочемъ, это вовсе не мѣшало викарію искренно любить Гартовъ, и визитъ его ни сколько не удивилъ ихъ; тѣмъ не менѣе, онъ счелъ за нужное объяснить имъ причину своего прихода и, пожимаая всѣмъ руки, сказалъ:

— М-съ Гартъ, вы видите во мнѣ посла; я имѣю нѣчто сообщить вамъ и Гарту по порученію Фрэда Винци. Дѣло въ томъ, продолжалъ онъ, садясь въ кресло и привѣтливо оглядывая своихъ слушателей, — что бѣдный мальчикъ избралъ меня своимъ повѣреннымъ.

Сердце Мэри сильно забилося; ей захотѣлось узнать, до какой степени дошло довѣріе Фрэда къ викарію.

— Мы съ нимъ давно не видались, замѣтилъ Калэбъ; — я никакъ не могъ понять, что съ нимъ стало.

— Онъ гостилъ у кого-то, отвѣчалъ викарій, — потому-что дома ему приходилось черезъ-чуръ жутко, да притомъ и Лейдгатъ сказалъ матери, чтобы мальчика не заставляли еще учиться. Вчера онъ пришелъ ко мнѣ и вылилъ всю свою душу. Не забывайте, что съ четырнадцати-лѣтняго возраста онъ росъ постоянно на моихъ глазахъ: въ домѣ Винци я какъ свой и смотрю на ихъ дѣтей, какъ на родныхъ. Однакожь давать совѣты не легко. Фрэдъ просилъ меня сходить къ вамъ и сказать, что онъ увѣжаетъ; что долгъ его вамъ, при невозможности расплатиться, лежитъ камнемъ на его душѣ, и что у него не достаетъ духу пріѣхать къ вамъ проститься.

— Скажите ему, что онъ можетъ успокоиться, возразилъ Калэбъ, махнувъ рукой; — намъ было правда тяжело, но мы перетерпѣли, а теперь я буду богатъ, какъ жидъ.

— Это значить, дополнила м-съ Гартъ, обращаясь съ улыбкой къ викарію, — что у насъ будетъ достаточно денегъ на то, чтобы дать воспитаніе мальчикамъ и держать Мэри дома.

— Гдѣ-же вы нашли такой кладъ? спросилъ м-ръ Фэрбротеръ.

— Кладъ не кладъ, а я дѣлаюсь управляющимъ двухъ помѣстьевъ: Фрешитта и Типтона, а со временемъ, можетъ быть, прихвачу и часть Ловика. Вѣдь это все принадлежитъ одной семьѣ — а ужъ извѣстное дѣло, гдѣ мельница стоитъ, туда и вода бѣжитъ. Вы не повѣрите, какое это для меня счастье, м-ръ

Фэрбротеръ—тутъ Калэбъ откинулъ немного голову и положилъ обѣ руки на ручки кресель — имѣть снова возможность заниматься обработкой земли и производить улучшения въ сельскомъ хозяйствѣ. Для меня было невыносимо тяжело—какъ я часто говорилъ объ этомъ и Сусаннѣ,—проѣзжать верхомъ мимо плохо обработанныхъ полей или мимо развалившихся фермъ и не имѣть права протянуть руку, чтобы привести все въ порядокъ. Не понимаю, какъ это могутъ люди пускаться въ большія предпріятія, не озаботившись предварительно устроить то, что находится у нихъ подъ носомъ: я дохожу почти до бѣшенства, если вижу беспорядокъ на небольшомъ клочкѣ земли.

Калэбу было не въ привычку говорить длинныя рѣчи, но, подъ вліяніемъ счастья, онъ оживился: глаза его горѣли, а слова лились рѣкой.

— Отъ души поздравляю васъ, сказала викарій; — это будетъ пріятнѣйшая новость для Фрэда Винци, потому что его мучила мысль, что онъ нанесъ вамъ убытокъ, ограбилъ васъ, какъ онъ самъ выразился, отнял деньги, необходимыя для вашихъ собственныхъ нуждъ.

— Мнѣ очень жаль, что Фредъ такой лѣнтяй, а у него въ характерѣ много хорошаго; отецъ обходится съ нимъ слишкомъ строго.

— Куда онъ уѣзжаетъ? спросила холодно м-съ Гартъ.

— Онъ хочетъ попробовать добиться ученой степени и ѣдетъ подготавливаться ко второму курсу. Я ему посоветовала это; настаивать, чтобы онъ вступилъ въ духовное званіе, я не хотѣла, даже напротивъ; но если онъ усердно поработаетъ и перейдетъ во второй курсъ, это послужитъ ручательствомъ, что у него есть и энергія, и сила воли; теперь же встаетъ ему ничего другого не остается и дѣлать. А я, между-тѣмъ, постараюсь примирить его съ отцомъ, какъ я обѣщала ему. Фредъ откровенно сознается, что онъ неспособенъ быть священникомъ, и я употребляю всѣ усилія, чтобы избавить его отъ необходимости принять на себя несоотвѣтствующее его наклонностямъ званіе. Онъ передалъ мнѣ ваши слова, м-съ Гартъ, помните? (М-ръ Фэрбротеръ обыкновенно называлъ Мэри просто по имени, но съ тѣхъ поръ, какъ она, по выраженію м-съ Винци, стала трудиться ради насущнаго хлѣба, онъ началъ обращаться съ нею почтительнѣе).

Мэри сдѣлалось неловко, но, рѣшившись показать видъ, что она равнодушно относится къ этому дѣлу, она спокойно отвѣтила :

— Мало-ли грубостей я говорила Фрэду; вѣдь мы съ нимъ товарищи съ дѣтства.

— Вы ему сказали, какъ онъ передалъ мнѣ, что изъ него выйдетъ одинъ изъ тѣхъ смѣшныхъ пасторовъ, по милости которыхъ англиканское духовенство нерѣдко подвергается насмѣшкамъ. По правдѣ сказать, это было такъ колко, что меня самого покорило отъ вашихъ словъ.

Калѣбъ засмѣялся.

— Сусанна, неправда-ли дочка наслѣдовала твой язычекъ, сказалъ онъ весело.

— Матушка никогда не выражается такъ необдуманно, возразила съ живостью Мэри, боясь, чтобы мать не разсердилась. — А со стороны Фрэда было очень непохвально повторять м-ру Фербротеру сказанный мною вздоръ.

— Ты, душа моя, дѣйствительно свѣтренничала, замѣтила м-съ Гартъ, считавшая страшнымъ преступленіемъ злословить духовенство. — Нашъ почтенный викарій нисколько-бы не потерялъ цѣны въ нашихъ глазахъ, если-бы въ сосѣднемъ приходѣ случился смѣшной, какъ ты сказала, пасторъ.

— А между тѣмъ, въ ея словахъ все-таки есть доля правды, замѣтилъ Калѣбъ, желавшій, чтобы остроумію Мэри отдавали полную честь. — Одинъ плохой работникъ нерѣдко возбуждаетъ недовѣріе ко всѣмъ прочимъ товарищамъ по ремеслу. Въ мірѣ все имѣетъ связь... заключилъ онъ, смотря на полъ и постукивая ногой, какъ-бы въ досадѣ, что у него недостаетъ словъ для выраженія мыслей.

— Короче сказать, объявилъ викарій, — надо сознаться, что миссъ Гартъ права, несмотря на то, что ея камышекъ попалъ и въ мой огородъ. Что-жъ касается Фрэда, то его можно извинить; коварный образъ дѣйствій старика Фэтерстона действительно избаловалъ его; по-моему, покойникъ адски подшутилъ, не оставя ему ни копейки, но Фрэдъ настолько благовоспитанъ, что никогда не напоминаетъ объ этомъ. Его болѣе всего заботитъ, что онъ васъ огорчилъ, м-съ Гартъ, и онъ предполагаетъ, что вы его никогда не простите.

— Да, я сильно разочаровалась въ Фрэдѣ, сказала рѣшительнымъ тономъ м-съ Гартъ; — но я готова буду переимѣнить мое мнѣніе о немъ, если онъ исправится.

При этихъ словахъ матери, Мэри вышла изъ комнаты, уведя Лэтти съ собой.

— О, не слѣдуетъ сердиться на молодежь, когда она въ горѣ, замѣтилъ Калэбъ, выждавъ, чтобы Мэри затворила за собой дверь.— Вы сказали правду, м-ръ Фербротеръ — въ старикѣ, дѣйствительно, сидѣлъ нечистый духъ. Такъ какъ Мэри ушла, то я могу передать вамъ кое-что, что знаемъ только мы трое: Сусанна, я и дочь. Надѣюсь, что вы не перескажете объ этомъ никому. Старый мошенникъ требовалъ отъ Мэри, въ ночь своей смерти, когда она сидѣла у его постели одна, чтобы она сожгла одно изъ его завѣщаній, предлагая ей за это всѣ деньги, которыя у него были подъ руками, въ шкатулкѣ. Вы понимаете, что Мэри не согласилась и денегъ не взяла. Завѣщаніе, которое старикъ хотѣлъ сжечь, было послѣднее, такъ что если-бы она исполнила приказаніе, то Фрэдъ Винци получилъ-бы 10 тысячъ фунтовъ. Видно, старику стало жаль его передъ смертью. Мэри сильно огорчена этимъ; иначе поступить она была не въ состояніи, да и не имѣла права; а теперь ей кажется, что она разбила чужое счастье и притомъ разбила его противъ своей воли, изъ чувства самосохраненія. Я вполнѣ сочувствую Мэри, и если-бы я могъ чѣмъ-нибудь вознаградить бѣднаго мальчика, я-бы съ радостью сдѣлалъ это. Ужъ, конечно, я не стану сердиться на него за нанесенный намъ убытокъ. Скажите теперь ваше мнѣніе, сэръ. Сусанна со мной несогласна; она говоритъ... повтори, Сусанна, что ты говорила.

— Я говорила, что Мэри не должна была поступить иначе, хотя-бы даже она знала, какія будутъ отъ этого послѣдствія для Фрэда, отвѣчала м-съ Гартъ, оставляя свое дѣло и повернувъ голову къ Фербротеру.— Но она ничего не знала; слѣдовательно на ея совѣсти не можетъ лежать отвѣтственность за несчастіе Фрэда.

— Вся бѣда въ томъ, что дѣвочка приняла слишкомъ близко къ сердцу это дѣло; она, какъ видно, сильно горюетъ и я вполнѣ понимаю ея горе, замѣтилъ Калэбъ. — Ну, представьте себѣ, что ваша лошадь, сворачивая съ дороги, раздавила соба-

ку; не станете-же вы сердиться на лошадь за это, а между тѣмъ собаку вамъ все-таки жаль.

— Въ этомъ отношеніи м-съ Гартъ, вѣроятно, одного съ вами мнѣнія, сказалъ, наконецъ, Фэрбротеръ, молчавшій до тѣхъ поръ по непонятной причинѣ.—Осуждать вашу дочь за ея чувства къ Фреду никто не имѣетъ права, точно также, какъ никто не имѣетъ основанія досадовать на то, что это чувство возбуждено не имъ.

— Ну, довольно объ этомъ, прервалъ его Калѣбъ;—помните, что это секретъ и не проговоритесь Фреду.

— Конечно, нѣтъ; но я сообщу ему добрую вѣсть, что вы можете легко перенести нанесенный вамъ убытокъ.

Вскорѣ затѣмъ м-ръ Фэрбротеръ ушелъ отъ Гартовъ; замѣтивъ Мэри вмѣстѣ съ Лэтти въ фруктовомъ саду, онъ вернулся туда, чтобы проститься съ ними. Сестры представляли прелестную картинку при освѣщеніи заходящаго солнца, отъ котораго очень красиво выдавались краснобокія яблоки и обнаженные отъ листьевъ деревья. Мэри, въ свѣтлозеленомъ кисейномъ платьѣ съ черными лентами въ головѣ, держала корзину, въ которую Лэтти, одѣтая въ довольно поношенное нанковое платьице, клала упавшія на землю яблоки. Если вы захотите имѣть понятіе о наружности Мэри, то взглядывайтесь попристальнѣе въ проходящихъ по улицѣ мимо васъ дѣвушекъ; бьюсь объ закладъ, что вы встрѣтите непременно нѣсколько лицъ, схожихъ съ лицомъ Мэри. Но не ищите ее между гордыми дочерьми Сіона, съ закинутой назадъ головой, лукаво смѣющимися глазами и жеманными манерами; пропустите ихъ мимо, и остановите ваше вниманіе на небольшого роста плотной брюнеткѣ, съ твердой и спокойной походкой, смотрящей по сторонамъ и невоображающей, что на нее также кто-нибудь смотритъ. Если у нея круглое лицо, развитой лобъ, рѣзко-очерченныя брови, волнистые темные волосы и какое-то особенно-веселое выраженіе въ глазахъ и во рту, то вы будете имѣть вѣрный портретъ совершенно обыкновеннаго, но далеко не непріятнаго лица Мэри Гартъ. Разсмѣшите ее—и она вамъ покажетъ два ряда маленькихъ бѣлыхъ зубовъ; попробуйте ее разсердить—она не возвыситъ голоса, зато отпуститъ вамъ такое мѣткое и колкое слово, какого вы, пожалуй, и не слыживали; окажите ей какую-нибудь услугу—

она никогда ее не забудетъ. Красивый, маленькій викарій, съ смѣльнымъ выраженіемъ лица, въ поношенномъ, но всегда чистомъ платьѣ, стоялъ въ глазахъ Мэри выше всѣхъ знакомыхъ ей мужчинъ. Ей никогда не случалось слышать, чтобы викарій говорилъ пустяки, хотя она знала, что онъ не всегда дѣйствовалъ благоразумно, а для нея ничего не могло быть противнѣе вздорныхъ и глупыхъ разговоровъ. Замѣчательно, что недостатки Фэрбротера, какъ викарія, никогда не возбуждали въ ней того сатирическаго расположенія, какое она выказывала относительно предполагаемыхъ несовершенствъ Фрэда Винци, когда представляла его себѣ въ званіи духовнаго лица. Предоставляю теперь читателю угадать, къ которому изъ этихъ двухъ людей, совершенно различныхъ характеромъ, Мэри чувствовала въ настоящее время особенную симпатію?

— Нѣтъ-ли у васъ какого-нибудь порученія къ вашему старому товарищу дѣтства, миссъ Гартъ? спросилъ викарій, выбравъ самое душистое яблоко изъ корзины, поданной ему Мэри, и кладя его въ карманъ.— Скажите что-нибудь ласковое, чтобы смягчить вашъ рѣзкій приговоръ. Я отсюда иду прямо къ нему.

— Мнѣ нечего ему передавать, отвѣчала Мэри улыбаясь и качая головой;—если-бы я не сказала, что онъ будетъ смѣшонъ въ званіи священника, то могла-бы сказать что-нибудь и хуже. Я очень довольна, что онъ, наконецъ, рѣшился трудиться.

— За то я, съ своей стороны, чрезвычайно доволенъ, что вы будете трудиться дома, а не поѣдете для того на чужбину. Матушка моя будетъ очень рада, если вы навѣстите ее; вы знаете, какъ она любитъ рассказывать молодежи о старинѣ. Приходите, пожалуйста, вы этимъ окажете ей большое одолженіе.

— Очень буду рада, если вы позволите. Въ послѣднее время мнѣ во всемъ везетъ счастье; напримѣръ, я никакъ не ожидала, что останусь дома.

— А возьмешь меня съ собой, Мэри? прошептала Лэтти, *enfant terrible* семейства, подмигивавшая все, что дѣлалось вокругъ. Она пришла въ восторгъ, когда м-ръ Фэрбротеръ, вмѣсто отвѣта, ущипнулъ ее за подбородокъ и поцѣловалъ въ щеку — обстоятельство, о которомъ она не замедлила сообщить отцу и матери.

Когда викарій возвратился въ Ловикъ, то посторонній наблюдатель могъ-бы замѣтить, что онъ раза два выразительно пожалъ плечами. Жестъ этотъ былъ вызванъ его размышленіями объ отношеніяхъ Мэри къ Фреду. Не существуетъ-ли между ними, думалъ онъ, чего-нибудь посильнѣе дружбы дѣтства? И не слишкомъ-ли лакомый кусочекъ эта миленькая дѣвушка для такого молокососа? Затѣмъ онъ подсмѣялся самъ надъ собой, подкарауливъ шевельнувшееся въ немъ чувство ревности, какъ будто, въ самомъ дѣлѣ, онъ считалъ себя женихомъ.

Когда м-ръ и м-съ Гартъ остались одни, Калэбъ обратился къ женѣ съ вопросомъ:

— Сусанна, отгадай, о чемъ я теперь думаю?

— Объ очередномъ сѣвооборотѣ, я полагаю, отвѣчала м-съ Гартъ улыбаясь и кладя свое визанье на колѣни,—а не то объ исправленіи заднихъ дверей въ типтонскихъ коттеджахъ.

— Совсѣмъ нѣтъ, возразилъ съ важностію Калэбъ: — я думалъ о томъ, что могу оказать большую услугу Фреду Винци. Бристи дома не живетъ, Альфредъ скоро отъ насъ уѣдетъ, а Джима ранѣе пяти лѣтъ нельзя пустить въ дѣло. Помощникъ мнѣ необходимъ, — приглашу-ка я Фреда къ себѣ въ обученіе. Онъ будетъ работать подъ моимъ руководствомъ и со временемъ сдѣлается человѣкомъ полезнымъ, т. е. въ такомъ случаѣ, если онъ рѣшился не поступать въ духовное званіе. Что ты объ этомъ думаешь?

— Я увѣрена, что его семейство сильно возстанетъ противъ этого честнаго предложенія, отвѣчала рѣшительно м-съ Гартъ.

— Что мнѣ за дѣло до нихъ? возразилъ Калэбъ, всегда упрямо отстаивавшій свои мнѣнія. — Фредъ совершеннолѣтній и долженъ самъ зарабатывать свой хлѣбъ; онъ малый умный и смѣтливый, въ деревнѣ жить любить, и я убѣжденъ, что изъ него выйдетъ дѣльный человѣкъ, если онъ съ охотой займется хозяйствомъ.

— Въ томъ-то и дѣло захочетъ-ли онъ самъ; отецъ и мать мечтаютъ сдѣлать изъ него свѣтскаго джентльмена, да мнѣ кажется, что онъ и самъ туда-же тянетъ. Всѣ они смотрятъ на насъ нѣсколько свысока, и если предложеніе будетъ сдѣлано тобою, то м-съ Винци непремѣнно скажетъ, что мы заманиваемъ Фреда для Мэри.

— Грустна-же послѣ этого наша жизнь, если она вертится на пустякахъ такого рода, замѣтилъ Калѣбъ съ презрѣніемъ.

— Да, Калѣбъ, однако каждый долженъ имѣть известную долю благородной гордости.

— Въ чемъ-же тутъ благородная гордость, если мы допускаемъ, чтобы сплетни дураковъ мѣшали намъ дѣлать доброе дѣло. Если ты станешь обращать вниманіе на глухие толки, продолжалъ Калѣбъ, размахивая рукой въ тактъ, чтобы придать больше силы своимъ словамъ, — ты никогда ничего путнаго не сдѣлаешь. Нужно носить въ своей душѣ крѣпкое убѣжденіе въ томъ, что составленный тобою планъ вѣренъ — и не отступать отъ него.

— Я вовсе не хочу противодѣйствовать плану, составленному тобой по убѣжденію, сказала м-съ Гартъ, зная, что у ея кроткаго мужа были такіе пункты, въ которыхъ онъ никогда не уступалъ;—но мнѣ кажется, что вторичное поступленіе *Фреда* въ училище—дѣло уже рѣшенное; не лучше-ли подождать и посмотреть, какую карьеру онъ выберетъ потомъ себѣ самъ. Нельзя-же распоряжаться судьбой человѣка противъ его воли; притомъ ты самъ еще не увѣренъ въ своемъ положеніи и не можешь заранѣе рѣшить, нуженъ тебѣ помощникъ или нѣтъ.

— Пожалуй, можно и подождать; а что у меня будетъ довольно работы для двоихъ — въ этомъ я убѣжденъ. У меня всегда было дѣла по горло, а на этомъ мѣстѣ каждый день найдется что-нибудь новое. Зачѣмъ далеко ходить,—не дальше какъ вчера—Господи Боже мой! неужели я тебѣ объ этомъ не говорилъ?—престранная вещь! — два человѣка съ разныхъ сторонъ сдѣлали мнѣ предложеніе — оцѣнить одну и ту-же землю. И кто ты думаешь были эти два человѣка? продолжалъ Калѣбъ, захвативъ щепотку табаку и поднявъ ее вверхъ.

Жена опустила работу и вопросительно смотрѣла на него.

— Одинъ — былъ Риггъ, Риггъ-Фѣтерстонъ, а другой — Бьюлстродъ, но такъ какъ послѣдній обратился ко мнѣ прежде, то я и буду хлопотать для него. Заглядывать они хотятъ эту землю, или продавать—этого я не могу еще тебѣ сказать.

— Неужели Риггъ рѣшится продать землю, только-что доставшуюся ему въ наслѣдство? Мнѣ кажется, когда онъ при этомъ даже принялъ фамилію Фѣтерстона.

— А чортъ его знаетъ, сказалъ Калэбъ, всегда сваливавшій на чорта всё неблаговидныя дѣла людей. — Что Бюльстроуду давно хочется пріобрѣсти себѣ хорошенькій кусокъ земли. — это я знаю, а въ нашемъ околодѣ пріобрѣсти его не легко. Странныя дѣла творятся на бѣломъ свѣтѣ! замѣтилъ онъ: — всѣ родные вообразили, что эта земля достанется непременно Фрэду, между тѣмъ, какъ старикъ и не помышлялъ объ этомъ, а преспокойно завѣщалъ ее какому-то сыну съ лѣвой стороны, котораго держалъ все время подъ спудомъ; точно онъ желалъ и послѣ смерти насолить всѣмъ столько-же, какъ и при жизни. Вотъ будетъ удивительно, если эта земля попадетъ въ руки Бюльстрода! Покойникъ терпѣть не могъ его и ни за что не хотѣлъ имѣть сношеній съ его банкомъ.

— По какой-же причинѣ этотъ противный старикашка ненавидѣлъ человѣка, съ которымъ онъ не велъ никакихъ дѣлъ?

— Гмъ! кто ихъ тамъ разберетъ! Душа человѣка, сказалъ Калэбъ, выразительно покачивая головой, что онъ всегда дѣлалъ, когда говорилъ о душѣ;—душа человѣка, вполнѣ испорченнаго, выпускаетъ изъ себя много яду, но нието не въ состояніи опредѣлить, гдѣ тѣ сѣмена, изъ которыхъ этотъ ядъ вытекаетъ.

ГЛАВА XLI.

По поводу переговоровъ о землѣ, приписанной къ Сток-Корту,—о чемъ упомянулъ Калэбъ Гартъ своей женѣ,—между м-ромъ Бюльстродомъ и м-ромъ Юссіей Риггъ-Фэтерстономъ началась переписка.

Юссія Риггъ, въ общественномъ отношеніи, былъ никому не нужный человѣкъ. По своему наружному виду онъ представлялъ живую копію своей матери, свѣжія щеки и круглыя формы которой, не взирая на лягушечье выраженіе лица, привлекали къ ней извѣстнаго рода обожателей. Послѣдствіемъ ухаживанья одного изъ нихъ былъ мальчикъ, также похожій на лягушку, съ весьма ограниченными умственными способностями, выброшенный обстоятельствами на видъ и ставшій поперегъ дороги наслѣдникамъ своего отца.

М-ръ Риггъ-Фэтерстонъ съ ранняго дѣтства отличался своими теми животнаго, типъ котораго онъ носилъ: въ немъ было что-то слизистое, холодное, прилизанное. Старикъ Питеръ нерѣдко подсмѣивался изподтишка, видя, что его отпрескъ перещеголялъ батюшку въ расчетливости и бездушности. Молодой Риггъ тщательно занимался своими ногами, собираясь жениться на какой-нибудь благовоспитанной леди, которая была-бы хороша собой, имѣла-бы богатое родство и принадлежала-бы къ почтенной семьѣ средняго сословія. По ногамъ и врожденной скромности онъ походилъ на многихъ джентльменовъ, а по честолюбію онъ не шелъ далѣе званія клерка и счетчика въ неважномъ коммерческомъ домѣ приморскаго города. Въ его глазахъ фермеры Фэтерстоны были ничтожные люди, а тѣ, въ свою очередь, ужасались при мысли, что имѣніе брата Питера перешло въ руки какого-то неизвѣстнаго человѣка, проведшаго всю жизнь въ маленькомъ приморскомъ городѣ.

Садъ и аллея, усыпанная гравіемъ, видимые изъ двухъ оконъ гостиной съ рѣзными панелями Стоп-Корта, никогда не были такъ тщательно вычищены, какъ въ ту минуту, когда м-ръ Риггъ-Фэтерстонъ стоялъ у окна, заложивъ руки назадъ. Трудно было однако рѣшить, зачѣмъ онъ такъ стоялъ: для того-ли, чтобъ любоваться садомъ, или, чтобъ отвернуться отъ человѣка, который красовался посреди комнаты съ широко-разставленными ногами и съ руками, засунутыми въ карманы панталонъ. Это былъ старикъ лѣтъ шестидесяти, красный, волосатый, съ большой просѣдою въ густыхъ бакенбардахъ и курчавой головѣ, съ огромнымъ животомъ, обнаруживавшимъ бѣлые швы его поношеннаго платья,—съ выраженіемъ наглаго самохвальства въ лицѣ. Говоря, онъ оралъ, воображая, что каждое его слово достойно вниманія слушателей.

Человѣкъ этотъ прозывался Джонъ Рафльсъ; его наружность и манеры сильно отзывались конюшней и трактирами, гдѣ останавливались *commis-voyageurs* тогдашняго времени.

— Полно, полно Юшъ, гремѣлъ онъ во всю глотку,—взгляни на это обстоятельство съ другой точки зрѣнія; вѣдь твоя бѣдная мать уже въ очень преклонныхъ лѣтахъ, и тебѣ слѣдовало-бы обезпечить ее хорошенько, чтобы она могла спокойно дожидать свою старость.

— Побуда вы живы, это вещь невозможная: она никогда не будетъ спокойна, вы у нее отнимете все, что я дамъ ей, отвѣчалъ Риггъ холодно и сухо.

— Ты на меня золь, Юшъ, это я понимаю. Ну, да полно же, давай разсуждать, какъ слѣдуетъ людямъ дѣловымъ—кромя шутокъ.— Съ помощію небольшого капитала я могъ-бы завести лавку перваго сорта. Нынче торговля табакомъ идетъ шибко,—позволю себѣ носъ отрѣзать, если я не слажу съ этимъ дѣломъ—я вопьюсь въ него, какъ блоха въ шерсть. У меня торговля пойдетъ какъ по маслу. А ужъ мать-то, мать-то какъ будетъ счастлива! Съ овсяной крупой я отлично обработалъ дѣло, получилъ 55 процентовъ. Хочу теперь отдохнуть, посидѣть дома. Но если мнѣ удастся завести табачную лавочку, ты увидишь, какъ ловко и умно я возьмусь за дѣло; да къ тому-жъ мнѣ-бы не хотѣлось безпрестанно надобѣдать тебѣ просьбами о деньгахъ... ужъ лучше разомъ все устроить. Разсуди хорошенько, Юшъ, какъ слѣдуетъ дѣловому человѣку; подумай, вѣдь ты свою бѣдную мать успокоишь на всю жизнь. Я всегда любилъ старуху, влянусь Юпитеромъ!

— Кончили вы? спросилъ Риггъ очень спокойно, не поворачивая головы.

— Да, кончилъ, отвѣчалъ Рафльсъ, взявшись за шляпу, которая стояла передъ нимъ на столѣ и энергически хвативъ по ней кулакомъ.

— Ну, такъ выслушайте-же меня. Чѣмъ больше вы будете мнѣ разсказывать, тѣмъ меньше я буду вамъ вѣрить; чѣмъ болѣе вы будете требовать, тѣмъ менѣе я буду имѣть основаній исполнять ваши требованія. Вы думаете, я забылъ пинки, которыми вы угощали меня въ дѣтствѣ? Вы думаете, я забылъ, какъ вы объѣдали насъ съ матерью и тащили все, что было лучше въ домѣ, а насъ оставляли въ крайности! Я-бы съ удовольствіемъ отдулъ васъ плетью за всѣ ваши оскорбленія и злобу. Моя мать была страстно привязана къ вамъ, но она не имѣла права подарить меня такимъ вотчимомъ,—вотъ судьба и наказала ее за это. Я стану по-прежнему выдавать ей ежене-дѣльное содержаніе и не прибавлю ничего, если-же вы осмѣлитесь вторично войти ко мнѣ въ домъ и вообще преслѣдовать

меня, то я прекращу и это пособіе. Дамъ вамъ слово, что если вы еще разъ появитесь у моихъ воротъ, я велю прогнать васъ кнутомъ, или затравлю собаками.

При послѣднихъ словахъ Риггъ повернулся лицомъ къ Рафльсу и смотрѣлъ на него своими выпученными, ледяными глазами. Если припомнить взаимныя отношенія этихъ двухъ людей восемнадцать лѣтъ тому назадъ, когда Риггъ былъ безобразнымъ и упрямымъ мальчишкой, а Рафльсъ—толстымъ Адонисомъ трактировъ и погребковъ, и сравнить съ ихъ настоящимъ положеніемъ, то контрастъ окажется поразительный, такъ-какъ теперь всѣ выгоды были на сторонѣ Ригга. Читатель въ правѣ ожидать, что Рафльсъ, послѣ такой выходки хозяина дома, удалится немедленно съ видомъ ошпаренной собаки; ни чуть не бывало. Онъ скорчилъ свою обычную гримасу, расхохотался и вытащилъ изъ кармана пустую фляжку.

— Перестань, Юшъ, сказалъ онъ заискивающимъ тономъ;—налей-ка мнѣ лучше сюда водки, да дай соверенъ на дорогу—и я уѣду. Покачу, какъ шаръ, влянусь Юпитеромъ—и да здравствуетъ честь!

— Не забудьте, отвѣчалъ Риггъ, внимая изъ кармана связку ключей,—что если вы еще разъ покажетесь мнѣ на глаза,—я слова вамъ не скажу, я обращу на васъ столько-же вниманія, какъ на эту вотъ ворону; если-же вы вздумаете заговорить со мной, я въ глаза отпою вамъ все, что думаю о васъ, а именно, что вы негодяй, мѣдный лобъ, буянъ и мошенникъ.

— Эхъ, жаль, право, Юшъ, возразилъ Рафльсъ, почесывая голову и поднимая брови, стараясь показать видъ, что онъ не обидѣлся.—Я вѣдь чрезвычайно тебя люблю, влянусь Юпитеромъ—люблю! Мнѣ-бы такъ пріятно было ходить къ тебѣ—ты такъ похожъ на свою мать, а вотъ теперь ты меня и лишаешь этого. По крайней мѣрѣ, хоть водкой-то и совереномъ уважь.

Риггъ сталъ отпирать старый дубовый шкафъ, а Рафльсъ, въ это время, намѣреваясь подбросить вверхъ свою фляжку, и замѣтивъ, что обтягивавшая ее кожа растянулась и что фляжка можетъ выскочить изъ нея, поднялъ съ пола упавшую бумагу и засунулъ ее подъ кожу.

Между тѣмъ, Риггъ вынулъ бутылъ съ водкой, налилъ фляжку и, неговоря ни слова Рафльсу и не глядя на него, подаль

ему совершенъ; потомъ заперъ шкафъ, подошелъ къ окну и сталъ смотрѣть въ него съ тѣмъ-же невозмутимымъ спокойствіемъ, какъ и прежде. Рафльсъ глотнулъ раза два водки, прямо изъ горлышка, затынулъ пробку и, медленно засовывая фляжку въ боковой карманъ, показалъ языкъ за спиной своего пасынка.

— Прощай, Гошъ, и, быть можетъ, навсегда, проговорилъ онъ уходя и поворачивая голову въ дверяхъ.

Риггъ видѣлъ, какъ онъ прошелъ садомъ и вышелъ въ поле. Сѣрый сумрачный день разрѣшился мелкимъ и частымъ дождемъ, освѣжившимъ зелень. Поселяне спѣшили убирать оставшіеся на поляхъ снопы; неуклюжій Рафльсъ, идущій въ перевалку и по минутно спотыкавшійся, какъ настоящій городской житель, непривычій къ деревенскимъ дорогамъ, напоминалъ огромную обезьяну, вырвавшуюся изъ звѣринца.

Онъ добрался до большой дороги и очень удачно встрѣтилъ омнибусъ, который доставилъ его въ Брасингъ; тамъ онъ сѣлъ въ вагонъ вновь открытой желѣзной дороги и доѣхалъ до дому, приставая съ разговорами къ пассажирамъ, и не забывая въ то-же время прихлебывать изъ своей фляжки.

Бумага, засунутая имъ подъ кожу фляжки, было ничто иное, какъ письмо Бьюлстрода къ Риггу; но Рафльсъ не счелъ за нужное вытащить его оттуда.

ГЛАВА XLII.

По возвращеніи изъ путешествія съ молодой женой, Лейдгатъ, получивъ письмо отъ м-ра Казобона, который просилъ его назначить день, когда тотъ можетъ навѣстить его, — поспѣшили отправиться въ Ловиг-Маноръ.

До этого времени м-ръ Казобонъ ни разу не спросилъ Лейдгата, какого рода его болѣзнь и не высказалъ Доротей своихъ опасеній, что, можетъ быть, онъ принужденъ будетъ скоро прекратить свои занятія и даже умереть. Въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, онъ больше всего боялся возбудить къ себѣ состраданіе и надѣлать въ домѣ тревоги.

Теперь, при мысли о смерти, нѣкоторыя обстоятельства мучили его даже болѣе испытанной имъ неудачи на авторскомъ

поприщѣ, когда онъ страдалъ не столько оттого, что ему не удастся кончить свой „Ключъ ко всѣмъ мифологіямъ“, сколько отъ грустнаго чувства, что ему не отдадутъ должной справедливости и судятъ о немъ съ невыгодной стороны. Имъ овладѣло полное равнодушіе къ труду, но не доставало духа сознаться, что онъ многое началъ, но ровно ничего не кончилъ.

Со стороны могло показаться, что авторское честолюбіе м-ра Казобона поглотило и иссушило въ немъ всѣ прочія чувства, а между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, онъ больше всего страдалъ отъ ранъ, нанесенныхъ ему Доротеей. Подъ вліяніемъ горькаго разочарованія настоящимъ, онъ рисовалъ себѣ самыя мрачныя картины будущаго и тѣмъ отравлялъ свое существованіе.

Сверхъ того, въ жизни его были такіе факты, противъ которыхъ онъ оказывался совершенно безсиленнымъ. Такъ, напримѣръ, онъ никакъ не могъ выжить Виля изъ своего сосѣдства и заставить его смотрѣть съ большимъ уваженіемъ на людей высокой учености; за тѣмъ его возмущала порывистая натура Доротей, которая съ жаромъ хваталась за каждую новую дѣятельность; даже ея покорность и молчаливая уступчивость раздражали его; наконецъ, его сердили уворенившіеся въ его женьбы вкусы и наклонности къ нѣкоторымъ предметамъ, противъ чего онъ не считалъ возможнымъ бороться. Онъ не могъ не соглашаться, что Доротей оставалась той-же добродѣтельной женщиной, какою была и въ первое время супружества, и при всемъ томъ теперь она сдѣлалась для него причиной большихъ тревогъ, чѣмъ прежде. Она ухаживала за нимъ, читала ему вслухъ, предупреждала всѣ его желанія и обращалась съ нимъ необыкновенно деликатно; но, несмотря на это, у него въ головѣ засѣла мысль, что она ко всѣмъ его дѣйствіямъ относится критически, что нѣжная супружеская заботливость о немъ есть нечто иное, какъ эпитимія, наложенная на себя Доротеей за грѣшныя помыслы, и что она вообще живетъ въ своемъ, особенномъ отъ него мірѣ, почему слишкомъ ясныя признаки его неудовольствія скользили по ней, не задѣвая ее.

Бѣдный м-ръ Казобонъ! онъ страдалъ оттого, что обманулся въ своихъ ожиданіяхъ. Молодая дѣвушка, прежде благоговѣвшая передъ нимъ, теперь превратилась въ строгаго судью! Ея наружная покорность и нѣжная предупредительность не могли

изгнать изъ его сердца подозрѣнія, что она чувствуетъ совсѣмъ другое. Молчаніе Доротей казалось ему сдержаннымъ гнѣвомъ, ея малѣйшее замѣчаніе онъ толковалъ по-своему; даже ея кроткіе отвѣты раздражали его; если ей случалось соглашаться въ чемъ-нибудь съ мужемъ, онъ тотчасъ рѣшалъ, что она дѣлаетъ это какъ-бы изъ милости. Словомъ, въ м-рѣ Казобонѣ происходила цѣлая драма, и чѣмъ усиленнѣе онъ старался скрыть ее отъ жены, тѣмъ явственнѣе она обнаруживалась.

Такое состояніе духа я нахожу весьма естественнымъ. Человѣкъ самый страшный врагъ самого себя. Если у него въ мозгу засѣлъ какой-нибудь пунктикъ—онъ, кромѣ этого пунктика, ужъ ничего не видитъ. У м-ра Казобона такой пунктикъ составляло тайное убѣжденіе, что Доротей не благоговѣетъ передъ нимъ по-прежнему; мало того—у нея явился новый предметъ благоговѣнія. Въ душу его закралось подозрѣніе, въ которомъ онъ самъ себя не смѣлъ сознаться и мучился, догадываясь, что жена замѣчаетъ это.

Натянутыя отношенія м-ра Казобона къ Доротей начались гораздо раньше пріѣзда Виля въ Ловикъ; но, съ появленіемъ его, подозрѣнія усилились. Къ фактамъ существующимъ м-ръ Казобонъ присоединилъ еще факты воображаемые; озлобленіе противъ жены и Виля, горечь разочарованія росли въ немъ ежедневно; обвинять Доротей въ измѣнѣ онъ, конечно, не смѣлъ, во-первыхъ потому, что самъ былъ слишкомъ чистъ и добродѣтеленъ, а во-вторыхъ, возвышенный характеръ жены не допускалъ его до такой низкой мысли. Но онъ все-таки ревновалъ ее. Его самолюбіе было задѣто тѣмъ, что она перестала дѣлиться съ нимъ своими впечатлѣніями. Онъ страшился, чтобы пылкое воображеніе Доротей не привело ее въ послѣдствіи къ чему-нибудь дурному; что-же касается Виля, то, по настоящему, кромѣ послѣдняго письма, написаннаго въ вызывающемъ тонѣ, м-ръ Казобонъ не имѣлъ никакихъ причинъ къ неудовольствію противъ него; но онъ старался себя увѣрить, что въ Вилѣ есть что-то притягательное для натуръ, легко увлекающихся и такихъ непокорныхъ, какъ его жена. Онъ былъ убѣжденъ, что Доротей—главная причина возвращенія Виля изъ Рима и водворенія его у нихъ въ сосѣдствѣ; ему представлялось даже, что она, безсознательно, быть можетъ, поощряла къ этому Виля. Затѣмъ ему казалось ясно,

какъ день, что жена готова уже привязаться всѣмъ сердцемъ къ Вилю и подчиниться его волѣ; что послѣ каждаго tête-à-tête съ Вилемъ она непремѣнно выноситъ какое-нибудь непріятное для мужа впечатлѣніе. Последнее ихъ свиданіе въ Ловивѣ, о которомъ м-ръ Казобонъ зналъ (о встрѣчѣ съ Вилемъ въ Фрэнит-Голлѣ Доротея не сказала ни слова мужу), повело къ супружеской сценѣ, разбередившей еще болѣе сердечную рану м-ра Казобона, а ночное объясненіе по поводу денегъ подлило только масла въ огонь.

Случившійся затѣмъ нервный припадокъ, подкосившій его здоровье, усилилъ еще болѣе мрачное настроеніе его духа. Правда, онъ вскорѣ поправился и сталъ по-прежнему прилежно работать: болѣзнь, повидимому, произошла отъ чрезмѣрнаго утомленія; онъ могъ прожить еще 20 лѣтъ и окончить свой трудъ, къ которому готовился 30 лѣтъ сряду. Такая будущность казалась ему тѣмъ болѣе отрадной, что онъ надѣялся отомстить Карпу и К^о, преслѣдовавшимъ его своими ѣдкими насмѣшками. „Я докажу имъ, что они жестоко ошибаются, опровергая, на основаніи своихъ современныхъ взглядовъ, мои тщательныя изслѣдованія памятниковъ отдаленной древности, рассуждалъ м-ръ Казобонъ,—я разобью ихъ въ прахъ и увѣковѣчу свое имя въ потомствѣ“. Но предвкушая свою славу, какъ авторъ, онъ не могъ успокоиться, какъ мужъ; его терзала мысль, что здоровье его подточено внутреннимъ недугомъ, что онъ долженъ скоро умереть, что смерти его, можетъ быть, будутъ радоваться, и что въ числѣ радующихся будетъ Виль.

Несмотря на свои недостатки, м-ръ Казобонъ былъ человѣкъ въ высшей степени честный и благородный; вступая въ бракъ съ Доротеей, онъ заранѣе обезпечилъ ее на случай своей смерти; но при настоящихъ обстоятельствахъ онъ принялъ намѣреніе составить другое завѣщаніе. „Благополучіе Доротеи, рассуждалъ онъ,—зависитъ не отъ богатства; напротивъ, хорошее состояніе можетъ поставить ее въ весьма опасное положеніе; она сдѣлается тогда выгодной приманкой для каждаго, кто счумѣетъ ловко овладѣть ея пылкимъ и любящимъ сердцемъ и восторженнымъ воображеніемъ. А тутъ какъ-разъ близъ нея находится человѣкъ, имѣющій въ виду именно эту цѣль, — человѣкъ, для котораго любовь есть только минутная прихоть, ко-

торый ненавидитъ меня—въ этомъ я убѣжденъ—и ненавидитъ потому, что сознаетъ свою неблагодарность ко мнѣ. Онъ постоянно выставлялъ меня въ смѣшномъ видѣ передъ женой—я не слыхалъ этого, правда, но увѣренъ, что это такъ. Если я даже останусь живъ, то не поручусь за то, что онъ не станетъ искать возможности вліять на Доротею стороною; онъ успѣлъ уже заслужить ея довѣріе, привлечь на себя ея вниманіе, успѣлъ увѣрить ее, какъ видно, что имѣетъ право получать отъ меня гораздо болѣе, чѣмъ я ему даю. Если я умру — а онъ сторожить мою смерть, это вѣрно—онъ уговоритъ ее выйти за него замужъ; для нея это будетъ несчастье, а для него—торжество; она, конечно, не пойметъ своей ошибки, онъ заставитъ ее смотреть на все своими глазами; въ ней есть наклонность страстно привязаться къ человѣку—меня она, вѣроятно, мысленно упрекала въ неспособности отвѣчать ей тѣмъ-же — и, нѣтъ сомнѣнія, что она даже теперь поглощена заботою о его судьбѣ, а онъ рассчитываетъ на легкую побѣду и думаетъ водвориться въ моемъ гнѣздѣ. Нѣтъ, этому не бывать! Бракъ съ нимъ погубитъ Доротею. Выказаль-ли этотъ человѣкъ въ чемъ-нибудь характеръ, кромѣ желанія противорѣчить мнѣ? По части знанія, онъ только нахваталъ верхушекъ; по части религіи, онъ былъ эхомъ бредней Доротеи. Я рѣшительно не вѣрю въ его нравственныя правила и считаю своимъ долгомъ употребить всѣ мѣрцы, чтобы помѣшать осуществленію его намѣреній“.

Брачный контрактъ м-ра Казобона давалъ ему возможность влючить въ него какія угодно новыя условія; но, поразмысливъ хорошенько, онъ пришелъ къ тому заключенію, что вопросъ о его смерти еще не рѣшенъ и потому, не приступая къ пересмотру брачнаго контракта, онъ вознамѣрился выйти изъ своей обычной замкнутости и спросить Лейдгата о вѣроятномъ исходѣ своей болѣзни.

Онъ предупредилъ Доротею, что Лейдгатъ пріѣдетъ къ нимъ, по его просьбѣ, въ половинѣ четвертаго, и когда та съ испугомъ спросила: не хуже-ли ему? онъ отвѣчалъ:

— Нѣтъ, я только желаю знать мнѣніе доктора касательно нѣкоторыхъ симптомовъ моей болѣзни. Вамъ, душа моя, нѣтъ надобности съ нимъ видѣться; я прикажу провести его въ тиссовую аллею, по которой буду, по обыкновенію, гулять.

Лейдгать засталъ м-ра Казобона расхаживающимъ взадъ и впередъ по аллеѣ, съ заложеными за спину руками и съ опущенной головой. Это было послѣ полудня; погода стояла прекрасная; солнечные лучи прорѣзывались сквозь темную, густую листву; кругомъ царствовала тишина, прерываемая, отъ времени до времени, однообразнымъ карканьемъ воронъ, которое для иныхъ кажется чѣмъ-то торжественнымъ и погребальнымъ. Лейдгать, человекъ полный силъ и энергій, почувствовалъ искреннее состраданіе, увидавъ приближавшагося къ нему м-ра Казобона. Согнутая спина этого труженика-ученаго, истощенное тѣло его и глубокія морщины около рта придавали ему старческий видъ.

— Несчастный! подумалъ Лейдгать; — въ его годы другіе мужчины кажутся львами; объ ихъ лѣтахъ можно только сказать, что они въ полномъ развитіи силъ.

— М-ръ Лейдгать, произнесъ м-ръ Казобонъ своимъ обыкновеннымъ вѣжливымъ тономъ, — я вамъ чрезвычайно обязанъ за вашу акуратность. Если позволите, мы будемъ разговаривать гуляя.

— Не беспокоили-ли васъ въ послѣднее время припадки? И не это-ли послужило поводомъ къ приглашенію меня? спросилъ Лейдгать, послѣ минутнаго молчанія.

— О, нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ! Чтобы объяснить вамъ причину, почему я попросилъ васъ пріѣхать, я долженъ вамъ передать — въ другое время это было-бы лишнимъ — что жизнь моя, во многихъ отношеніяхъ бесполезная, отчасти нужна для окончанія работы, которую я началъ въ цвѣтущую пору моей молодости. Коротче сказать, у меня теперь на рукахъ сочиненіе, которое я-бы желалъ оставить послѣ себя въ такомъ видѣ, чтобы другіе, по крайней мѣрѣ, могли прямо отдать его въ печать; если-бы я получилъ эту увѣренность, то могъ-бы извлечь изъ нея пользу и опредѣлить планъ моихъ дѣйствій.

Тутъ м-ръ Казобонъ умолкъ и засунулъ одну руку за пуговицы своего одностороннаго скрутка. Для человека, долго занимавшагося изученіемъ характеристики людей, было-бы любопытно слѣдить за внутренней борьбой, происходившей въ м-рѣ Казобонѣ и выраженной имъ въ размѣренной, форменной рѣчи, произнесенной по обыкновенію въ носъ, съ покачиваніемъ головы.

Что могло быть трагичнѣе положенія человѣка, со страхомъ добивающагося узнать, долженъ-ли онъ отказаться навсегда отъ труда, который составлялъ главную цѣль его жизни? Наружность м-ра Казобона далеко не соотвѣтствовала драматическому характеру этой минуты, и Лейдгату, смотрѣвшему съ нѣкотораго рода пренебреженіемъ на сухіе, педантическіе ученые труды, неимѣвшіе никакого практическаго примѣненія, Казобонъ показался и смѣшонъ, и жалокъ.

— Вы хотите знать, не помѣшаетъ-ли ваше здоровье окончить вашъ трудъ? сказалъ Лейдгатъ, стараясь помочь м-ру Казобону, который видимо не имѣлъ духу выразить яснѣе свой вопросъ.

— Да. Вы очень тщательно изслѣдовали симптомы моей болѣзни, но не объяснили мнѣ, опасны-ли они, а между тѣмъ, м-ръ Лейдгатъ, я-бы желалъ знать всю истину, безъ утайки. Вотъ для чего я и пригласилъ васъ къ себѣ. Вы мнѣ окажете этимъ самую дружескую услугу. Если вы скажете, что жизни моей не грозитъ близкая опасность, то, по причинамъ, вамъ уже извѣстнымъ, я буду этимъ очень доволенъ; если-же наоборотъ, то узнать правду для меня еще важнѣе.

— Слѣдовательно, вы требуете отъ меня полной откровенности? отвѣчалъ Лейдгатъ.— Впрочемъ, я считаю долгомъ предупредить васъ, что точное опредѣленіе вашей болѣзни невозможно. Болѣзни сердца представляютъ самый разнообразный характеръ; ни въ какомъ случаѣ нельзя назначить времени ихъ страшнаго исхода.

М-ра Казобона видимо покорило, но онъ смолчалъ и поклонился доктору.

— Мнѣ кажется, что вы страдаете такъ-называемымъ ожирѣніемъ сердца—болѣзнію открытой и изслѣдованной Леннекомъ, который, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, подарилъ наукѣ стетоскопъ. Для того, чтобы рѣшить вопросъ о вашемъ положеніи, необходимо время и внимательное наблюденіе. Послѣ всего слышаннаго отъ васъ я считаю долгомъ объявить, что смерть въ подобнаго рода болѣзняхъ бываетъ обыкновенно внезапная; со всѣмъ тѣмъ я никакъ не могу сказать заранѣе, когда именно съ вами это случится. Съ вашей комплекціей и при спокойной жизни вы можете прожить лѣтъ пятнадцать и даже болѣе, но

душевныя потрясенія могутъ значительно приблизить катастрофу. Приводить анатомическія и медицинскія доказательства я не нахожу нужнымъ, такъ-какъ результатъ выйдетъ одинъ и тотъ-же.

Лейдгать тонко сообразилъ, что прямая и откровенная рѣчь, безъ увертокъ, понравится Казобону.

— Благодарю васъ, м-ръ Лейдгать, сказалъ Казобонъ послѣ минутной паузы. — Позвольте вамъ предложить еще одинъ вопросъ: сообщили-ли вы м-съ Казобонъ все то, что мнѣ сейчасъ сказали?

— Частію, т. е. я намекнулъ ей о существующей опасности.

Лейдгать уже готовился объяснить, почему онъ сообщилъ Доротеѣ о возможности неблагоприятнаго исхода болѣзни, но Казобону видимо хотѣлось прекратить разговоръ. Онъ махнулъ рукой, еще разъ поблагодарилъ доктора и завелъ рѣчь о прекрасной погодѣ. Лейдгать, догадавшись, что его больной желаетъ остаться одинъ, поспѣшилъ проститься съ нимъ. Черная фигура Казобона, съ заложенными назадъ руками и съ опущенной головой, долго еще двигалась взадъ и впередъ по темной тиссовой аллеѣ и окружающее ее безмолвіе только изрѣдка нарушалось звукомъ падающихъ листьевъ или перепархивающихъ птичекъ. Тутъ ходилъ человѣкъ, поставленный лицомъ къ лицу съ смертью; для него настала одна изъ тѣхъ рѣшительныхъ минутъ, когда общее выраженіе—всѣ мы должны умереть,—превращается въ грозный приговоръ: я долженъ умереть, и скоро. Смерть, на рукахъ которой мы, въ послѣднюю минуту свою, засыпаемъ иногда также сладко, какъ ребенокъ на рукахъ матери, въ другое время представляется намъ жестокой и неумолимой. М-ру Казобону казалось, что онъ очутился на берегу страшнаго Стикса, что онъ слышитъ уже всплески весель, видитъ темное очертаніе лодки и ждетъ призыва.

Доротея выждала, когда Лейдгать уѣхалъ и пошла въ садъ съ намѣреніемъ отыскать мужа; но, опасаясь, по обыкновенію, попасть не кстатъ, она робко блуждала между деревьями, высматривая, гдѣ мужъ. Замѣтивъ, наконецъ, что онъ идетъ къ ней на-встрѣчу, она направилась прямо въ его сторону.

М-ръ Казобонъ могъ-бы встрѣтить ее какъ олицетвореніе ангела, посланнаго ему съ вѣстію, что въ послѣдніе часы своей

жизни онъ будетъ согрѣтъ преданностию и любовью—отрадными спутницами несчастія; но вмѣсто того, онъ бросилъ на нее такой ледяной взглядъ, отъ котораго бѣдная женщина совершенно растерялась; однакожь, она подошла къ нему и робко взяла его подъ руку. М-ръ Казобонъ не измѣнилъ своей прежней позы и равнодушно допустилъ, чтобы гибкая рука жены обвилась вокругъ его руки.

Доротей страдала отъ пытки, которой подвергалъ ее мужъ; слово это, быть можетъ, слишкомъ сильно, но оно вѣрно. Мелочи жизни нерѣдко уничтожаютъ все счастье человѣка, и люди, сдѣлавшіеся причиной такихъ послѣдствій, сами бывають поражены удивленіемъ и ужасомъ при видѣ произведеннаго ими опустошенія. Вы спросите, какъ могъ рѣшиться м-ръ Казобонъ обращаться такъ сурово съ своей женой? Вспомните только, что боязнь сдѣлаться предметомъ чужого состраданія доходила въ немъ до болѣзненнаго раздраженія; ему казалось, что люди, выказывающіе участіе къ нему, радуются его горю. О чувствахъ Доротей онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія; онъ не могъ себя вообразить, что она столько-же страдаетъ отъ его обращенія съ нею, сколько онъ отъ критическихъ статей Карпа.

Доротей шла молча рядомъ съ мужемъ, не отнимая своей руки; м-ру Казобону не хотѣлось прямо сказать, что онъ желаетъ остаться одинъ, и, не говоря ни слова, онъ повернулъ къ дому. Только-что они вошли туда чрезъ стеклянную дверь, Доротей освободила свою руку и остановилась, предоставя мужу идти, куда ему будетъ угодно. Онъ отправился въ бібліотеку и заперся тамъ съ своимъ горемъ.

Доротей-же ушла въ будуаръ. Въ открытое полукруглое окно видна была тиссовая аллея, вся освѣщенная послѣполуденнымъ солнцемъ. Доротей бросилась въ кресло, не обративъ вниманія на то, что оно стоитъ на припекѣ; на нее напалъ припадокъ такого негодованія, какого она прежде никогда не испытывала. Плакать она не могла.

— Что я ему сдѣлала? воскликнула она, — что я такое въ его глазахъ, что онъ осмѣливается обращаться со мной такъ жестоко? Ему дѣла нѣтъ до моихъ чувствъ; къ чему послужили всѣ мои думы и заботы о немъ?

Она какъ-будто испугалась своего собственнаго голоса и за-

молчала. Въ эту минуту въ ея головѣ пронеслись всѣ обманутыя надежды и мечты ея молодости; она съ грустію поняла, что все это время она и мужъ шли по разнымъ путямъ. Если бы онъ выказалъ ей сочувствіе, приблизилъ-бы ее къ себѣ, она беззавѣтно посвятила-бы ему всю свою жизнь, не разсуждая, заслуживаетъ онъ этого или нѣтъ. А теперь она съ горечью повторяла: „Не я виновата, а онъ! Я любила его, я вѣрила ему, и чѣмъ-же онъ заплатилъ мнѣ? Я съ трепетомъ ловлю каждый его взглядъ, я должна скрывать свои чувства, должна ежеминутно стараться угождать ему“. Одно подобное обращеніе можетъ довести женщину до ненависти.

Солнце начало уже садиться, когда Доротея вспомнила, что ей пора сойти внизъ; но она собралась послать сказать мужу, что ей нездоровится и она останется наверху. До сихъ поръ она ни разу не давала до такой степени воли своему раздраженію; теперь-же она чувствовала, что встрѣча съ мужемъ вызвала-бы ее непремѣнно на объясненія, а хладнокровно объясниться она не могла-бы. „Я знаю, что онъ удивится и обидится моимъ отказомъ придти къ нему,—и подѣломъ, разсуждала она: — Богъ видитъ, что не я виновата“. Доротея, подобно всѣмъ людямъ, думала въ минуты раздраженія, что Богъ и всѣ небесныя силы на ея сторонѣ. Но только-что она хотѣла позвонить, какъ послышался стукъ въ ея дверь.

— М-ръ Казобонъ прислалъ сказать вамъ, что онъ желаетъ обѣдать въ бібліотекѣ и провести вечеръ одинъ, потому-что онъ очень занятъ.

— Такъ я совсѣмъ не буду обѣдать, Тантрипъ, сказала Доротея.

— Ахъ, сударыня! воскликнула та, — позвольте мнѣ принести вамъ чего-нибудь.

— Не нужно, мнѣ нездоровится. Приготовьте все, что слѣдуетъ къ ночи и не беспокойте меня больше.

Доротея просидѣла неподвижно въ креслѣ вплоть до глубокаго вечера; ея внутренняя борьба мало-по-малу утихла; она вспомнила, что сегодня рѣшался вопросъ о жизни и смерти ея мужа; что отвѣтъ доктора, быть можетъ, поразилъ его; тогда образъ м-ра Казобона предсталъ передъ нею, какъ живой, блѣдный, съ укоромъ въ глазахъ. Она горько заплакала, моля Бога

помиловать ее отъ испытанія. Въ домѣ все было тихо; зная, что м-ру Казобону уже настало время ложиться спать, она осторожно отворила дверь своего будуара и ждала въ потемкахъ появленія мужа на лѣстницѣ со свѣчей въ рукѣ. Если-бы онъ замедлилъ, она, кажется, бросилась-бы внизъ отъ овладѣвшаго ею непонятнаго ужаса; но дверь библіотеки вскорѣ отворилась и по лѣстницѣ началъ медленно подыматься свѣтъ, безъ малѣйшаго звука шаговъ по ковру. Какъ только м-ръ Казобонъ очутился передъ нею, она увидѣла, что онъ блѣденъ, какъ мертвецъ; замѣтивъ Доротей, онъ слегка вздрогнулъ; она смотрѣла на него молча, умоляющими глазами.

— Доротей, спросилъ онъ тихо и ласково, — неужели вы дожидались меня здѣсь?

— Да, отвѣчала Доротей, — я боялась идти въ библіотеку, чтобы не помѣшать вамъ.

— Пойдите, пойдите, душа моя; вы молоды, вы не должны утомлять себя.

Эти ласковыя и грустныя слова пробудили въ Доротеѣ такое чувство, какое мы испытываемъ, когда намъ удастся осторожно обойти больного и не толкнуть его. Она подала мужу руку и они пошли рядомъ по широкому корридору.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

М е р т в а я р у к а.

ГЛАВА XLIII.

Доротей выпѣзжала безъ мужа только въ такомъ случаѣ, если ей было необходимо сдѣлать какія-нибудь закупки въ Мидльмарчѣ или-же по дѣламъ благотворительности. Черезъ два дня послѣ сцены въ тиссовой аллеѣ она рѣшилась отправиться въ Мидльмарчъ, чтобы повидаться съ Лейдгатомъ и узнать отъ него, дѣйствительно-ли ея мужъ чувствуетъ себя хуже и скрываетъ это отъ нея и требовалъ-ли онъ отъ доктора настоятельно, чтобы тотъ сказалъ ему всю правду объ исходѣ его болѣзни. Хотя совѣсть и упрекала Доротей за то, что она намѣревалась раз-

узнать объ этомъ у посторонняго человѣка, помимо мужа, но неизвестность и страхъ, что она можетъ какъ-нибудь нечаянно отнестись грубо и несправедливо къ мужу, заставили ее рѣшиться. Очевидно было, что въ умѣ ея мужа произошелъ какой-то кризисъ: онъ на другой-же день принялъ новую методу составленія замѣтокъ и посвятилъ жену въ свой новый планъ. Бѣдной Доротей приходилось запасаться нечеловѣческимъ терпѣніемъ.

Она подъѣхала къ дому Лейдгата въ Ловикъ-Гэтѣ часа въ четыре пополудни; въ дорогѣ на нее напалъ страхъ, что, можетъ быть, его нѣтъ дома, и она стала досадовать на себя, что не написала ему раньше о своемъ посѣщеніи. Его дѣйствительно не оказалось дома.

— А м-съ Лейдгаты дома? спросила Доротея. Она не была знакома съ Розамундой и даже никогда не видала ее, но теперь вдругъ вспомнила, что Лейдгаты женаты. М-съ Лейдгаты была дома.

— Мнѣ-бы хотѣлось повидаться съ нею. Не можетъ-ли она удѣлить мнѣ нѣсколько минутъ, я — м-съ Казобонъ.

Служанка отправилась съ докладомъ. До слуха Доротей доносились сквозь открытое окно звуки мужского голоса, пѣвшаго подъ аккомпаниментъ фортепьяно. Внезапно музыка и пѣніе прекратились и служанка вернулась съ отвѣтомъ, что м-съ Лейдгаты почтеть себя за счастье принять м-съ Казобонъ. Дѣйствительно, Розамунда была польщена посѣщеніемъ м-съ Казобонъ. Для нея Доротея была богинею, стоявшею выше обыкновенныхъ мидльмарчскихъ смертныхъ, и поглядѣть на нее вблизи было въ высшей степени интересно. Къ тому-же Розамунда была непрочь показать ей и себя: она не сомнѣвалась ни минуты, что произведетъ на нее благопріятное впечатлѣніе. Ужь если Лейдгаты отличилъ ее отъ прочихъ дѣвушекъ, то, конечно, она должна была понравиться всякой дамѣ порядочнаго круга. Доротея протянула ей руку съ своей обыкновенной непринужденной любезностью и глаза ея остановились съ удовольствіемъ на хорошенькомъ личикѣ жены Лейдгата; въ то-же время она замѣтила какого-то джентльмена, стоявшаго неподалеку отъ нихъ, но не обратила на него особеннаго вниманія. Этотъ джентльменъ, въ свою очередь, казалось, былъ такъ сильно заинтересованъ одной изъ этихъ женщинъ, что не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на

контрастъ между ними, который поразилъ-бы всякаго спокойнаго наблюдателя.

— Благодарю васъ, что вы были столько любезны, что не отказались принять меня, заговорила Доротея послѣ перваго привѣтствія. — Мнѣ непремѣнно нужно повидаться съ м-ромъ Лейдгатомъ сегодня-же и я полагаю, что вы, можете быть, знаете, гдѣ я могу найти его,* или позвольте подождать его у васъ, если онъ скоро вернется.

— Онъ въ новомъ госпиталѣ. Я не знаю, когда онъ вернется домой, но я могу послать за нимъ.

— Если угодно, я схожу за нимъ, сказала Виль Владиславъ, подходя къ дамамъ. Доротея покраснѣла отъ неожиданности, но протянула ему руку съ улыбкой и видимымъ удовольствіемъ.

— Я не узнала васъ, сказала она: — я никакъ не ожидала встрѣтить васъ здѣсь.

— Такъ вы уполномочите меня сходить въ госпиталь и передать м-ру Лейдгату, что вы желаете повидаться съ нимъ? спросилъ Виль.

— Я полагаю, лучше послать за нимъ экипажъ, отвѣчала Доротея, — если вы будете такъ добры, что объясните кучеру, куда ѣхать.

Виль направился къ дверямъ, но Доротея о чемъ-то вспомнила въ эту минуту, быстро встала и сказала:

— Я поѣду сама, благодарю васъ. Мнѣ хочется поскорѣе вернуться домой. Я проѣду въ госпиталь и повидаюсь тамъ съ м-ромъ Лейдгатомъ. Извините меня, пожалуйста, м-съ Лейдгатъ. Я вамъ очень благодарна.

Видимо, ее поразила какая-то мысль; она вышла изъ комнаты, почти не сознавая, гдѣ она, не замѣчая, что Виль отворилъ ей дверь и предложилъ руку, чтобы провести ее до кареты. Она приняла руку, но не говорила ни слова. Виль, оскорбленный и раздосадованный, въ свою очередь не находилъ, что сказать. Молча онъ посадилъ ее въ карету; они простились и Доротея уѣхала.

До госпиталя было всего пять минутъ ѣзды, но этого времени было слишкомъ достаточно, чтобы совершенно новыя мысли успѣли родиться въ головѣ Доротеи. Она такъ поспѣшно уѣхала отъ Лейдгатовъ потому, что въ ея умѣ явилось смутное со-

знаніе, что, скрывъ отъ мужа о своемъ свиданіи съ Вилемъ, она его обманетъ, но она также сознавала, что должна была умолчать объ этомъ свиданіи, потому что иначе ей пришлось-бы рассказать ему, что она ѣздила къ Лейдгату. Но кромѣ этого сознанія, ее побудило уѣхать какое-то странное чувство досады. И теперь, въ каретѣ, въ ушахъ ея постоянно раздавались звуки мужского голоса и акомпанировавшаго ему фортепьяно, а въ головѣ неотвязно вертѣлся вопросъ, къ чему Виль Владиславъ посѣщалъ м-съ Лейдгата въ отсутствіе ея мужа. Но тутъ припомнилось ей, что нѣсколько разъ онъ бывалъ и у нея въ отсутствіе ея мужа и она никогда не находила этого неприличнымъ. Впрочемъ, въ отношеніи ея это совсѣмъ другое дѣло: Виль — родственникъ м-ра Казобона и она обязана выказывать ему родственное расположеніе. Да, но вмѣстѣ съ тѣмъ припоминалось ей, что м-ръ Казобонъ, повидимому, былъ недоволенъ, если кузень являлся къ нему въ домъ въ его отсутствіе. „Можетъ быть, я во многомъ ошибалась“, подумала бѣдная Доротея и по щекамъ ея потекли слезы. Она чувствовала себя несчастною, сама не зная почему; образъ Виля, до сихъ поръ такъ свѣтло рисовавшійся передъ нею, внезапно потускнѣлъ. Между тѣмъ карета остановилась у воротъ госпиталя; увидѣвъ Лейдгата, Доротея забыла обо всемъ, кромѣ непосредственной цѣли своей поѣздки.

Въ то-же время Виль Владиславъ былъ сильно раздосадованъ, но очень хорошо сознавалъ, чѣмъ именно. Онъ такъ давно не видѣлся съ Доротеею, и первая-же встрѣча его съ нею вышла такъ неудачна. Она не только не оказала ему исключительнаго вниманія, но она могла еще опасаться, что, встрѣтятся съ нимъ при такой обстановкѣ, она могла вывести заключеніе, что онъ вовсе не занятъ ею. Онъ чувствовалъ, что разстояніе между ними снова увеличивается и нѣтъ надежды, чтобы они могли снова сойтись, такъ-какъ онъ попалъ въ тѣ кружки индѣмарчцовъ, въ жизни которыхъ она не принимаетъ никакого участія и, слѣдовательно, въ нихъ онъ не можетъ встрѣчаться съ нею. Но развѣ онъ въ этомъ виноватъ? Правда, поселившись въ городѣ, онъ поспѣшилъ обзавестись большимъ знакомствомъ, но вѣдь его положеніе требовало, чтобы онъ зналъ все и всѣхъ. Знакомство съ Лейдгатомъ, конечно, не могло уронить его ни въ

чьихъ глазахъ. А вдобавокъ жена Лейдгата оказалась музыкантшей и вообще женщиной такого рода, что въ бесѣдѣ съ нею время проходило пріятно и незамѣтно. Его страшно бѣсило, что его Діана неожиданно застала своего поклонника въ обществѣ другой женщины. Только ради ея, своей Діаны, переѣхалъ онъ въ Мидльмарчъ, а между тѣмъ положеніе, занятое имъ въ этомъ городѣ, грозило воздвигнуть между ними преграду болѣе непреодолимую, чѣмъ прежняя, когда онъ жилъ въ Римѣ. Борются противъ предразсудковъ званія и положенія, выраженныхъ въ грубой формѣ деспотическаго письма м-ра Казобона, было неловко. Но предразсудки могутъ проявляться въ болѣе тонкой формѣ, и Виль былъ особенно чутокъ къ такимъ проявленіямъ. Впрочемъ и человекъ менѣе чуткій, чѣмъ онъ, замѣтилъ-бы, что въ этотъ разъ при встрѣчѣ съ нимъ Доротея, несмотря на полное отсутствіе всякаго стѣсненія, чувствовала себя какъ-то неловко; молчаніе ея, когда онъ провожалъ ее до кареты, носило на себѣ какой-то леденящій характеръ. Можетъ быть, Казобонъ изъ ненависти и ревности убѣдилъ Доротею, что Виль не равня ей по общественному положенію. Чортъ-бы побралъ этого Казобона!

Виль вернулся въ гостиную, взялъ шляпу и, подойдя къ м-съ Лейдгатъ, сидѣвшей за работою, сказалъ раздражительнымъ тономъ:

— Какъ непріятно, когда прерываютъ за музыкой или стихами. Вы мнѣ позволите придти какъ-нибудь въ другой разъ докончить *Lungi dal caro bene*?

— Я очень буду рада, если вы меня выучите этой аріи, сказала Розамунда.—Но сознайтесь, что перерывъ явился къ намъ въ очень красивой формѣ. Какъ я завидую вамъ, что вы знакомы съ м-съ Казобонъ! Что, она очень умна? Говорять, что очень.

— Право, не знаю, отвѣчалъ Виль сердито.

— То-же самое мнѣ отвѣчалъ Тертій, когда я его спросила: хороша-ли она собою? О чемъ это вы, господа, думаете, когда бесѣдуете съ м-съ Казобонъ?

— О ней самой, возразилъ Виль, которому вдругъ захотѣлось побѣсить очаровательную м-съ Лейдгатъ.—Въ присутствіи такой

совершенной во всѣхъ отношеніяхъ женщины невозможно думать о качествахъ ея ума или характера; можно только сознавать ея присутствіе.

— Этакъ пожалуй, я стану ревновать Тертія, если онъ не прекратитъ своихъ поѣздокъ въ Ловикъ, замѣтила Розамунда улыбаясь.—Возвращаясь оттуда, онъ совсѣмъ не станетъ думать обо мнѣ.

— До сихъ поръ, какъ кажется, поѣздки въ Ловикъ не производили такого дѣйствія на м-ра Лейдгата. М-съ Казобонъ слишкомъ непохожа на другихъ женщинъ, чтобы ее можно было сравнивать съ ними.

— Вы ея страстный поклонникъ, какъ я вижу. Вѣроятно, вы часто видитесь съ нею.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Виль съ досадою. — Поклоненіе—это не болѣе, какъ теорія. Однако, я имъ злоупотребляю въ настоящую минуту... пора мнѣ уходить.

— Пожалуйста, заходите какъ-нибудь вечеркомъ: м-ръ Лейдгата очень любитъ музыку, да и мнѣ будетъ гораздо пріятнѣе, если онъ станетъ наслаждаться ею вмѣстѣ со мною.

Когда мужъ вернулся, Розамунда, взявъ его за воротникъ обѣими руками, сказала:

— Сегодня м-ръ Владиславъ былъ у меня и пѣлъ, когда пріѣхала м-съ Казобонъ. Ея пріѣздъ, кажется, разсердилъ его. Повидимому, онъ былъ недоволенъ, что она заѣхала къ намъ. Но я полагаю, что ты не ниже его по положенію, въ какихъ-бы родственныхъ отношеніяхъ онъ не состоялъ съ Казобонами.

— Пустяки. Если онъ разсердился, такъ на что-нибудь другое. М-ръ Владиславъ никогда не разбираетъ положенія людей.

— Оставляя въ сторонѣ музыку, онъ не всегда пріятный гость. Тебѣ онъ нравится?

— Да, онъ, кажется, добрый малый, немножко взбалмошный, но очень сносный.

— Знаешь-ли, онъ безъ ума отъ м-съ Казобонъ.

— Бѣдняга! замѣтилъ Лейдгата улыбаясь и щипнувъ жену за ухо.

Розамунда чувствовала, что приобретаетъ необыкновенную опытность въ житейскихъ дѣлахъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ уз-

нала, что женщины и послѣ замужества могутъ одерживать побѣды и влюблять въ себя мужчицъ. До замужества она считала это едва-ли возможнымъ. Въ то время дѣвушки въ провинціи, даже воспитывавшіяся у м-съ Лемонъ, мало были знакомы съ французской литературой послѣ Расина, а гравюръ, проливающихся такой яркой свѣтъ на житейскіе скандалы, тогда еще вовсе не было. Но досужее женское тщеславіе способно воспользоваться самымъ ничтожнымъ намекомъ, особенно такимъ заманчивымъ, какъ намекъ на возможность безконечныхъ побѣдъ. Какъ восхитительно, возсѣдая на брачномъ престолѣ рядомъ съ принцемъ-супругомъ, въ дѣйствительности вашимъ-же подданнымъ, заковывать въ свои цѣпи рабовъ, которые будутъ безнадежно обращать къ вамъ взоры, теряя и сонъ и аппетитъ! Впрочемъ, романъ Розамунды въ настоящее время сосредоточивался преимущественно на принцѣ-супругѣ, и его вѣрноподданическія чувства вполне удовлетворяли ее. Когда онъ сказалъ: „бѣдняга“, она спросила съ любопытствомъ:

— Почему это?

— Да какого-же толка ждать отъ человѣка, когда онъ влюбится въ одну изъ васъ, русалокъ? Онъ только заброситъ свою работу и войдетъ въ долги.

— Ну, кажется, ты не запускаешь своей работы. Ты вѣчно или въ госпиталѣ, или у какихъ-нибудь бѣдныхъ паціентовъ, или занятъ какой-нибудь докторской ссорой; а дома то и дѣло что корпншь надъ своимъ микроскопомъ, да селянками. Согласись, что они для тебя дороже меня.

— Неужели твое честолюбіе удовлетворится, если я буду только мидльмарчевскимъ докторомъ и ничѣмъ больше? спросилъ Лейдгать, опуская руки на плечи жены и глядя на нее серьезно и съ любовью.—Я внучу тебя моимъ любимымъ стихамъ. Ихъ написалъ одинъ старый поэтъ:

Зачѣмъ бушуетъ гордость, если ей
Забвенье предстоитъ? Какое счастье
Сравниться можетъ съ тѣмъ, чтобъ написать
Достойное тисненія творенья,
Когда оно способно возбуждать
Въ читающихъ восторгъ и удивленья?

Да, Роза, мнѣ хочется сдѣлать что-нибудь такое, чтобъ не остаться въ тѣни. А для этого, дружечекъ, я долженъ трудиться.

— Разумѣется, я желаю чтобы ты сдѣлалъ какія-нибудь важныя открытія; и, вѣроятно, никто болѣе меня не будетъ такъ доволенъ, если ты достигнешь болѣе высокаго положенія, чѣмъ то, которое ты занимаешь теперь въ Мидльмарчѣ. Ты не можешь сказать, что я когда-нибудь отвлекала тебя отъ работы. Но нельзя-же намъ вѣчно жить отшельниками. Ты не сердись на меня, Тертіи?

— Нѣтъ, моя дорогая, за что-же? ты—моя радость.

— Зачѣмъ пріѣзжала къ тебѣ, м-съ Казобонъ?

— Она желала разспросить меня о здоровьѣ своего мужа, и, кажется, намѣрена пожертвовать кое-что на нашъ новый госпиталь. Вѣроятно, она дастъ намъ фунтовъ 200 въ годъ.

ГЛАВА XLIV.

Когда Доротея, прогуливаясь съ Лейдгатомъ по лавровымъ аллеямъ въ саду новаго госпиталя, узнала отъ него, что въ физическомъ состояніи м-ра Казобона не послѣдовало никакой перемены за исключеніемъ безпокойнаго желанія узнать всю правду относительно своей болѣзни, она задумалась; ей представилось, что, можетъ быть, она сдѣлала или сказала что-нибудь неприятное для него, что возбудило это безпокойство. Лейдгатъ, не желая упускать удобнаго случая принести пользу своему любимому дѣлу, рискнулъ заговорить:

— Не знаю, обращалъ-ли кто ваше вниманіе или вниманіе м-ра Казобона на нашъ новый госпиталь! Съ моей стороны можетъ показаться узкимъ эгоизмомъ, что я говорю объ этомъ, но я право не виноватъ; дѣло въ томъ, что остальные доктора относятся къ нему враждебно. Васъ, кажется, интересуютъ подобныя вещи. Я помню, когда въ первый разъ я имѣлъ удовольствіе видѣть васъ въ Типтонъ-Гренжѣ, еще до вашего замужества, вы распрашивали меня, какъ дѣйствуютъ на здоровье бѣдняковъ ихъ жалкія помѣщенія.

— О да, отвѣчала Доротея, оживляясь.—Я буду вамъ очень благодарна, если вы мнѣ скажете, чѣмъ я могу быть полезной въ вашемъ дѣлѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ я вышла замужъ, я почти перестала думать о тѣхъ предметахъ, которые меня занимали до

замужества. Я хочу сказать, поправилась она послѣ минутнаго колебанія, — что въ нашей деревнѣ земледѣльцамъ живется довольно сносно, а я была слишкомъ занята собой, чтобы освѣдомляться о томъ, что дѣлается за предѣлами этой деревни. Но здѣсь, въ такомъ городѣ, какъ Мидльмарчъ, вѣроятно, можно сдѣлать очень много добраго и полезнаго.

— Все, отвѣчалъ Лейдгатъ отрывисто и энергично.—Этотъ госпиталь—весьма полезное и дѣльное учрежденіе; онъ основанъ исключительно усиліями м-ра Бюльстрода и главнымъ образомъ на его деньги. Но подобное предпріятіе не по силамъ одного человѣка. М-ръ Бюльстродъ рассчитывалъ на поддержку многихъ своихъ друзей и знакомыхъ, между-тѣмъ это учрежденіе возбудило противъ себя пошлую мелочную вражду и, къ несчастію, многіе изъ здѣшнихъ вліятельныхъ людей употребляютъ всѣ усилія, чтобы уронить его.

— Какія-же побужденія руководятъ ими? спросила Доротея съ наивнымъ удивленіемъ.

— Прежде всего въ этомъ виновата непопулярность м-ра Бюльстрода. Подгорода готово подняться на ноги, чтобы только досадить ему. Въ этомъ нелѣпомъ свѣтѣ большинство людей признаютъ учрежденіе хорошимъ только тогда, если въ созданіи его принимали участіе свои люди. До пріѣзда сюда я вовсе не зналъ Бюльстрода. Приглядѣвшись къ нему, я могу сказать безпристрастно, что нѣкоторые его взгляды весьма рациональны, нѣкоторыя его предположенія полезны. Если-бы люди образованные работали съ убѣжденіемъ, что ихъ наблюденія могутъ способствовать преобразованію медицины, какъ въ теоріи, такъ и на практикѣ, то эта наука непременно подвинулась-бы впередъ. По крайней мѣрѣ, я въ этомъ убѣжденъ. По моему мнѣнію, отказавшись работать съ м-ромъ Бюльстродомъ, я пропустилъ-бы случай оказывать обществу услуги своей профессіей.

— Я совершенно согласна съ вами, вскричала Доротея, увлеченная словами Лейдгата.—Но отчего-же большинство здѣшнихъ вліятельныхъ людей возстановлено противъ м-ра Бюльстрода? Дядя мой очень расположенъ къ нему.

— Его не долбубиваютъ за его религіозныя убѣжденія.

— Тѣмъ болѣе основанія презирать оппозицію такого рода,

горячилась Доротея, въ умѣ которой мидльмарчцы представлялись гонителями вѣры.

— Говоря откровенно, противъ него существуютъ и другія обвиненія: говорятъ, что онъ лицемеръ, человекъ не общительный и занимается не совсѣмъ привлекательною профессію. Но какое-жъ отношеніе имѣютъ эти недостатки къ вопросу о госпиталѣ? Впрочемъ, главнымъ поводомъ къ оппозиціи послужило то, что Бюльстродъ вѣрилъ завѣдываніе госпиталемъ мнѣ, а не другому врачу. Что касается меня, я очень радъ, что онъ поручилъ мнѣ дѣло, которое даетъ мнѣ возможность приносить сильную пользу, я и постараюсь оправдать его выборъ. Но за то всѣ мои мидльмарчскіе собратья по профессіи злобствуютъ противъ этого госпиталя и не только отказываютъ въ своемъ содѣйствіи, но всячески стараются чернить самое предпріятіе и имѣшать пожертвованіямъ на него.

— Какъ все это пошло! вскричала Доротея съ негодованіемъ.

— При всякомъ дѣлѣ борьба неизбежна, безъ нея нельзя обойтись. Невѣжество здѣшняго общества превосходитъ всякое описаніе. Я нисколько не вмѣняю себѣ въ заслугу, что пользовался случаями, которые не всякому выпадаютъ на долю; но мнѣ не могутъ простить, что я молодъ, что я еще недавно здѣсь и случайно знаю болѣе, чѣмъ здѣшніе старожилы. Во всякомъ случаѣ, если я могу ввести лучшую систему леченія, если я могу произвести наблюденія и изслѣдованія, которыя прольютъ новыи свѣтъ на медицину, я сочту низостью съ своей стороны отступаться отъ этого дѣла ради соображеній личнаго комфорта. Мнѣ тѣмъ легче слѣдовать по этому пути, что въ дѣло не замѣшанъ денежный вопросъ, который могъ-бы, пожалуй, выставить въ двусмысленномъ свѣтѣ мою настойчивость.

— Какъ я рада, м-ръ Лейдгаты, что вы заговорили со мною объ этомъ предметѣ, сказала Доротея тономъ, выразившимъ полное сочувствіе. — Мнѣ кажется, я могу оказать небольшую помощь этому полезному предпріятію. У меня есть деньги, съ которыми я рѣшительно не знаю, что дѣлать, и эта мысль часто меня мучитъ. Я думаю, что я могу пожертвовать для этого хорошаго дѣла фунтовъ 200 въ годъ. Какъ вы счастливы, что знаете, какимъ путемъ можно приносить дѣйствительную пользу. Какъ-бы я желала просыпаться каждое утро съ яснымъ сознаніемъ,

что я должна дѣлать. Но вокругъ себя видишь столько дразгъ, столько мелочности, что за ними довольно трудно отличить хорошее отъ дурного.

Послѣднія слова Доротея произнесла съ оттѣнкомъ грусти, но тотчасъ-же снова оживилась.

— Пожалуйста, м-ръ Лейдгать, просила она, — заѣзжайте, къ намъ въ Ловикъ и дайте мнѣ болѣе подробныя свѣденія о вашемъ дѣлѣ. Я передамъ м-ру Казобону то, что слышала отъ васъ сегодня, а теперь мнѣ пора домой.

Въ тотъ-же вечеръ она рассказала объ этомъ мужу и изъявила желаніе жертвовать въ пользу госпиталя по 200 фунтовъ въ годъ—она получала 700 ф. въ годъ, закрѣпленныхъ за нею при замужествѣ. М-ръ Казобонъ не воспротивился ея желанію, онъ замѣтилъ только, что пожертвованіе, по его мнѣнію, черезъ чуръ ужъ велико, что деньги могутъ понадобится и на другія добрыя дѣла; но, видя настойчивость Доротея, онъ болѣе не противорѣчилъ. Онъ самъ былъ вовсе не скупъ. Если онъ и придавалъ деньгамъ особенную цѣну, то смотрѣлъ на нихъ только какъ на средство для удовлетворенія его страсти къ науцѣ, а не какъ на средство матеріальнаго обезпеченія.

Доротея сказала ему, что видѣлась съ Лейдгатомъ, и переда-ла сущность разговора ихъ о госпиталѣ. М-ръ Казобонъ воздержался отъ всякихъ распросовъ, но онъ былъ увѣренъ, что она видѣлась съ Лейдгатомъ съ цѣлію узнать о разговорѣ его съ докторомъ по поводу его болѣзни. „Она знаетъ, что я знаю“, говорилъ какой-то безповойнный голосъ внутри его; и это сознаніе только увеличивало разстояніе между ними. Онъ не довѣрялъ ея любви; а недоувѣріе создаетъ самое полное одиночество.

ГЛАВА XLV.

На оппозицію противъ новаго госпиталя, о которой Лейдгать говорилъ Доротеѣ, какъ и на всякую другую оппозицію, можно было смотрѣть съ различныхъ точекъ зрѣнія. Лейдгать объяснялъ ее смѣсью зависти и тупого предубѣжденія. М-ръ Бюль-стродъ, кромѣ зависти медиковъ, видѣлъ въ ней желаніе досадить ему,—желаніе, вызванное ненавистью къ той жизненной религіи,

представителемъ которой онъ служилъ, — ненавистью, находившею себѣ, и помимо религін, предлоги въ различныхъ слабостяхъ его, которыя нетрудно подмѣтить во всякомъ человѣкѣ. Это были, если можно такъ выразиться, министерскія точки зрѣнія. Но оппозиціи обладаютъ обыкновенно способностью выставлять безграничное число обвиненій, которыя, не останавливаясь на предѣлахъ извѣстнаго, стремятся въ непредѣльное пространство неизвѣстнаго. Мидльмарчская оппозиція большею частью вторила голосу своихъ вожаковъ, но, тѣмъ не менѣе, въ ней проявлялись всевозможные оттѣнки мнѣній, начиная съ деликатной сдержанности доктора Минчина до рѣзкихъ отзывовъ м-съ Доллонъ, содержательницы трактира Танкордъ въ Слоутеръ-Лэнъ. М-съ Доллонъ все болѣе и болѣе убѣждалась въ томъ, что „докторъ Лейдгата принялъ на себя завѣдываніе госпиталемъ, если, можетъ быть, и не для того, чтобы отравлять своихъ пациентовъ, какъ она слышала, то, во всякомъ случаѣ, для того, чтобы они умирали тамъ, и онъ могъ ихъ рѣзать безъ всякой помѣхи: извѣстное дѣло, что онъ хотѣлъ рѣзать м-съ Гоби, почтенную женщину, которой еще до замужества отдавали деньги на сохраненіе. „Ну что это за докторъ! всѣмъ извѣстно, что докторъ только тогда и хорошъ, если онъ знаетъ, что дѣлается съ вами, пока вы еще живы; а что толку, что онъ станетъ разглядывать вамъ нутро, когда вы умрете.“ Иначе м-съ Доллонъ не могла объяснить себѣ, зачѣмъ докторъ Лейдгата поступилъ въ госпиталь. Большая часть посѣтителей ея заведенія, конечно, раздѣляли ея мнѣніе.

Даже и это мнѣніе оказало свое вліяніе на судьбу мидльмарчскихъ медиковъ. Трактиръ Танкордъ былъ сборнымъ пунктомъ одного благотворительнаго клуба, который за нѣсколько мѣсяцевъ до открытія новаго госпиталя пускалъ на голоса вопросъ: не отказать-ли ему своему постоянному медику, доктору Гамбиту, и не пригласить-ли взамѣнъ его доктора Лейдгата, который производитъ просто чудеса, воскрешаетъ больныхъ, которыхъ осудили на смерть всѣ другіе доктора. Хотя этотъ вопросъ въ то время и былъ рѣшенъ противъ Лейдгата, но ничтожнымъ большинствомъ, всего двухъ голосовъ; противники Лейдгата торжественно заявляли, что они считаютъ способность воскрешать людей, уже отпѣтыхъ всѣми, весьма двусмысленною реко-

мендацію, посягательствомъ на неисповѣдимые пути провидѣнія. Но теперь, благодаря слухамъ, которые ходили о молодомъ медикѣ въ трактирѣ Доллонъ, противъ Лейдгата возстали и тѣ изъ членовъ благотворительнаго клуба, которые прежде держали его сторону.

Годъ тому назадъ, когда Лейдгатъ еще не приобрѣлъ въ Мидльмарчѣ репутаціи искуснаго врача, въ обществѣ о немъ ходили самыя разнообразныя мнѣнія, по большей части, неблагопріятныя, и очень немногіе рѣшались обращаться къ нему. Прежде другихъ познакомились съ нимъ пациенты съ хроническими болѣзнями, въ родѣ старика Фэтерстона; затѣмъ его стали приглашать къ себѣ обыватели, которые не любятъ расплачиваться по докторскимъ счетамъ, но не прочь завязать знакомство съ новымъ докторомъ и послать за нимъ, чтобы онъ прописалъ успокоительное лекарство раскапризавшемуся ребенку, на что старыя доктора практики всегда ворчали. Эти пациенты объявили, что Лейдгатъ, судя по всему, докторъ искусный. Вскорѣ въ городѣ утвердилось мнѣніе, что Лейдгатъ искуснѣе другихъ лечитъ болѣзни печени, поэтому многіе обратились къ нему за рецептомъ его микстуры; они убѣждали себя, что если эта микстура и не поможетъ, то всегда можно возвратиться къ слабительнымъ пилюлямъ, которыя, если и не уменьшали желтизны, то все-же поддерживали жизнь. Впрочемъ, такого мнѣнія держались только люди средней руки. Мидльмарчскіе аристократы не перемѣняли доктора безъ важныхъ побудительныхъ причинъ; тѣ-же изъ нихъ, у кого лечилъ прежде м-ръ Пикокъ, недовѣрчиво отнеслись къ новому доктору, замѣнившему Пикова: они были убѣждены, что едва-ли онъ можетъ сравняться искусствомъ съ своимъ предшественникомъ.

Но Лейдгатъ не успѣлъ пробыть въ городѣ и нѣсколькихъ недѣль, какъ о немъ стали ходить слухи, способствовавшіе образованію болѣе установившихся мнѣній на его счетъ, хотя большинство этихъ слуховъ было, конечно, лишено всякаго значенія.

Ранѣе другихъ распространился слухъ, что Лейдгатъ не любитъ пичкать лекарствами. Это показалось оскорбительнымъ и врачамъ, которые увидѣли въ этомъ посягательство на свое значеніе, и аптекарямъ; и тѣ и другіе охотно-бы притянули новатора къ суду за то, что онъ, не состоя лондонскимъ докторомъ

медицины, осмѣливается требовать съ больныхъ плату за визитъ, не прописывая имъ лекарства. Въ своей неопытности Лейдгата и не подозрѣвалъ, что такая система леченія возстановитъ противъ него не только докторовъ и аптекарей, но даже самихъ больныхъ. Мало-того, онъ имѣлъ неосторожность, разговаривая съ м-ромъ Моисеемъ, торговцемъ овощными товарами, который не былъ его паціентомъ, заявить, что многіе врачи роняютъ свою репутацію и вредятъ своимъ паціентамъ, получая съ нихъ плату въ формѣ длинныхъ счетовъ за микстуры, капли и пилюли:

— Въ этомъ случаѣ врачи столько-же вредны, какъ и простые шарлатаны, замѣтилъ Лейдгата легкомысленно:—чтобы заработать себѣ кусокъ хлѣба, они опаяваютъ лекарствами вѣрно-подданныхъ короля; а это равносильно измѣнѣ, м-ръ Моисей, такъ какъ своими дѣйствіями они посягаютъ на самый организмъ общества.

М-ръ Моисей былъ не только попечителемъ бѣдныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ страдалъ одышкой и обладалъ огромнымъ семействомъ. Такимъ образомъ, и съ медицинской точки зрѣнія, и съ своей собственной, онъ былъ человекомъ съ вѣсомъ и смотрѣлъ на себя, какъ на истаго патриарха иудейскаго захолустья; обходился онъ со всѣми радушно и покровительственно, съ игривою любезностью, при чемъ скромно воздерживался выказывать свой умъ во всемъ блескѣ. Эта-то любезная игривость м-ра Моисея и побудила Лейдгата отвѣчать ему такимъ тономъ.

Послѣднія слова свои Лейдгата произнесъ съ улыбкой, заноса ногу въ стремя, и м-ръ Моисей расхохотался громче, чѣмъ бы разсмѣялся въ томъ случаѣ, если-бы зналъ, кого именно подразумѣвалъ Лейдгата подъ словомъ „вѣрноподанные короля“. „Добраго утра, добраго утра, сэръ,“ сказалъ онъ съ видомъ человека, который все понялъ. Но, на самомъ дѣлѣ, онъ былъ приведенъ въ сильное смущеніе. Впродолженіи многихъ лѣтъ онъ платилъ по докторскимъ счетамъ съ тщательно подведенными итогами, такъ что зналъ, что за каждая полкрона и восемнадцать пенсовъ ему отпускалось что-нибудь осязаемое. Онъ платилъ по этимъ счетамъ съ удовольствіемъ, включая это въ число своихъ обязанностей мужа и отца; чѣмъ длиннѣе былъ счетъ, тѣмъ болѣе онъ имъ гордился. Такимъ образомъ, онъ не только приобрѣталъ массу лекарствъ для себя и семейства, но имѣлъ

удовольствіе изучать непосредственное дѣйствіе каждаго изъ этихъ лекарствъ, такъ что могъ даже руководить своими указа- ніями м-ра Гамбита—врача, стоявшаго по положенію нѣсколько ниже Вренча и Толлера и извѣстнаго болѣе, какъ 'акушера. М-ръ Моисей вообще былъ о немъ очень не высокаго мнѣнія, но замѣчалъ вполголоса, что, какъ врачъ, онъ, пожалуй, искус- нѣе всѣхъ своихъ мидльмарчскихъ товарищей.

Доводы, приведенные Лейдгатомъ, не убѣдили м-ра Моисея, но они оказались еще болѣе несостоятельными въ его мнѣніи, когда они подверглись критикѣ м-съ Моисей, женщины, отличав- шейся необыкновеннымъ плодородіемъ, вызывавшемъ частыя по- сѣщенія м-ра Гамбита, и подверженной болѣзненнымъ припад- камъ, для леченія которыхъ являлась необходимость приглашать доктора Минчина.

— Такъ этотъ м-ръ Лейдгатъ говоритъ, что совершенно без- полезно прописывать лекарство? заговорила она, когда мужъ пере- далъ ей свой разговоръ съ новымъ докторомъ. — Хотѣла-бы я спросить его, откуда-бы у меня брались силы на армарочное время, если-бы я не начинала принимать за мѣсяцъ подкрѣпля- ющихъ лекарствъ. Вы себѣ не можете представить, моя милая, какая мнѣ бываетъ тогда возня съ покупателями, обратилась она къ своей пріятельницѣ, уписывавшей въ это время паплетъ изъ телятины, штуфать, оворокъ, языкъ и пр. и пр.—Я нахо- жу, что малиновая микстура дѣйствуетъ на меня гораздо лучше, чѣмъ бурая. Не понимаю, м-ръ Моисей, какъ вы, съ вашей опытностью, могли спокойно слушать его разглагольствованія. Я бы прямо сказала ему, что я смыслу въ этомъ дѣлѣ поболь- ше его.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, возразилъ м-ръ Моисей,—я вовсе не желалъ высказывать ему своего мнѣнія. Вслушивай все и за- тѣмъ составляй свое мнѣніе—вотъ мой девизъ. Лейдгатъ и не подозрѣвалъ, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло. Меня онъ не обойдетъ. Многіе часто разговариваютъ со мной въ такомъ тонѣ, какъ будто хотятъ сказать: „Моисей, вы дуракъ.“ Но я только улы- баюсь на это: я умѣю приноровиться къ слабой сторонѣ каж- даго. Если-бы лекарства приносили вредъ мнѣ или моему се- мейству, я-бы давно уже замѣтилъ это.

На слѣдующій день м-ру Гамбиту было сообщено, что Лейдгать находить, что лекарства совершенно бесполезны.

— Въ самомъ дѣлѣ! сказалъ Гамбитъ приподнимая брови съ осторожнымъ удивленіемъ—(Онъ былъ дородный человекъ съ сильнымъ голосомъ и огромнымъ перстнемъ на четвертомъ пальцѣ).—Какже онъ будетъ лечить своихъ больныхъ?

— Я то-же говорю, возразила м-съ Моисей, имѣвшая обыкновеніе придавать вѣсь своимъ словамъ особеннымъ удареніемъ на мѣстоимѣніяхъ.—Неужели онъ воображаетъ, что ему станутъ платить за то только, что онъ придетъ, посидитъ, да съ тѣмъ и уйдетъ.

М-ръ Гамбитъ самъ по-долгу засиживался у м-съ Моисей, бесѣдуя съ ней о своемъ собственномъ здоровьѣ и другихъ, болѣе или менѣе интересныхъ, предметахъ; но онъ зналъ, что въ словахъ ея не заключается никакого ядовитого намека, такъ какъ его посѣщенія и рассказы никогда не ставились на счетъ. Поэтому онъ отвѣчалъ шутливымъ тономъ:

— Какъ знать, Лейдгать очень красивый молодой человекъ.

— Я бы, по крайней мѣрѣ, никогда его не приглашала къ себѣ. *Другіе*, конечно, могутъ поступать, какъ имъ угодно.

М-ръ Гамбитъ ушелъ, успокоенный на счетъ того, что у главнаго овощнаго торговца его не вытѣснить соперникъ, но онъ вынесъ убѣжденіе, что Лейдгать одинъ изъ тѣхъ лицемѣровъ, которые стараются подорвать кредитъ своихъ конкурентовъ, заявляя о своей честности, и что его слѣдуетъ разоблачить. Впрочемъ, у м-ра Гамбита была весьма порядочная практика, преимущественно среди лавочниковъ, такъ-что онъ большую часть платы за свои докторскіе визиты получалъ не наличными деньгами, а натурою. Поэтому онъ не торопился обличать Лейдгата. Самъ онъ получилъ весьма скудное образованіе, такъ-что ему долго пришлось бороться противъ презрѣнія собратьевъ по профессіи, чтобы кое-какъ создать себѣ практику; но хотя онъ и не умѣлъ правильно описать дыхательный аппаратъ, это не мѣшало ему быть сноснымъ акушеромъ.

Другіе врачи чувствовали себя болѣе способными. У м-ра Толлера была самая аристократическая практика въ городѣ и самъ онъ принадлежалъ къ древней мидльмарчской фамиліи. Тол-

леры служили по судебному вѣдомству и вообще стояли выше сферы лавочниковъ. М-ръ Толлеръ составлялъ совершенную противоположность съ нашимъ раздражительнымъ пріятелемъ Бренчемъ; онъ относился обыкновенно легко къ такимъ вещамъ, которыя, повидимому, должны-бы были вызывать въ немъ раздраженіе. Человѣкъ вполне свѣтскій, спокойнаго, веселаго характера, онъ жилъ на большую ногу, любилъ при случаѣ поохотиться, былъ очень друженъ съ м-ромъ Гоулеемъ и относился враждебно къ м-ру Бьюльстроду.

Но странно, несмотря на свой тихій, спокойный нравъ, онъ лечилъ всегда самыми энергическими мѣрами: кровопусканіемъ, мушками, мореніемъ пациентовъ съ голоду; и такая противоположность между его личнымъ характеромъ и способомъ леченія подымала въ глазахъ его пациентовъ его репутацію, какъ врача: „никто, говорили они, не относится такъ серьезно къ своему дѣлу; правда, онъ нѣсколько мѣшкаетъ пріѣхать, но за то, пріѣхавъ, навѣрное принесетъ пользу“. Его очень любили въ кружкѣ его знакомыхъ, и невыгодные отзывы его о комъ-бы-то ни было пріобрѣтали особенный вѣсъ уже потому, что онъ высказывалъ ихъ небрежнымъ, ироническимъ тономъ.

Ему, само собою разумѣется, скоро надоѣло улыбаться и вослицать: „А!“ когда ему передавали, что преемникъ м-ра Пикоба возстаётъ противъ лекарствъ, поэтому разъ, когда м-ръ Гакбютъ заговорилъ объ этомъ на одномъ обѣдѣ, м-ръ Толлеръ замѣтилъ, смѣясь:

— По крайней мѣрѣ, Диббитсъ освободится отъ своихъ затхлыхъ снадобій. Я люблю маленькаго Диббитса и радуюсь за него.

— Я понимаю, что вы хотите сказать, Толлеръ, подхватилъ м-ръ Гакбютъ,—и совершенно согласенъ съ вами. Врачъ отвѣтственъ за качество лекарствъ, которые употребляютъ его пациенты. Вотъ самая рациональная система леченія. Но ничто меня такъ не возмущаетъ, какъ хвастливое щеголяніе реформой, когда въ сущности никакого дѣйствительнаго улучшенія не производится.

— Хвастливое щеголяніе реформой, замѣтилъ м-ръ Толлеръ насмѣшливо.—Признаюсь, я этого не замѣчаю. Можно-ли хвастать тѣмъ, во что никто не вѣритъ. Реформы тутъ нѣтъ ни-

какой: весь вопросъ сводится къ тому, кто будетъ платить доктору за лекарства: аптекарь или пациентъ, и слѣдуетъ-ли платить доктору кромѣ лекарства еще за визиты.

— Да, разумѣется, то-же шарлатанство, только подъ другимъ видомъ, сказалъ м-ръ Гоулей, передавая графинъ м-ру Вренчу.

М-ръ Вренчъ, человекъ обыкновенно воздержанный на счетъ вина, бывалъ иногда не прочь выпить лишнюю рюмку въ компаніи и становился тогда еще раздражительнѣе.

— Шарлатанство, Гоулей, разгорячился онъ:—этимъ словомъ обыкновенно слишкомъ злоупотребляютъ. Для меня невыносимо, когда врачи сами разоряютъ свое собственное гнѣздо и поднимаютъ крикъ на весь округъ, что врачъ, прописывающій лекарства, не джентльменъ. Я съ негодованіемъ отношусь къ подобнымъ инсинуаціямъ. Я нахожу, что недостойно джентльмена лѣзть въ кругъ своихъ собратьевъ по профессіи съ нововведеніями, которыя являются пасквилемъ на ихъ освященную временемъ практику. Вотъ мое мнѣніе, и я готовъ защищать его противъ всякаго, кто вздумаетъ противорѣчить мнѣ.

Голосъ м-ра Вренча былъ необыкновенно рѣзокъ.

— Я не могу доставить вамъ этого удовольствія, Вренчъ, сказалъ м-ръ Гоулей, засовывая руки въ карманы брюкъ.

— Любезный другъ, сказалъ Толлеръ примирительнымъ тономъ, поглядывая на Вренча,—никому не приходится такъ страдать, какъ врачамъ. Не поднимайте вопроса о личномъ достоинствѣ, предоставьте это Минчину и Спрэгу.

— Неужели медицинская юриспруденція не въ состояніи оградить врачей отъ подобныхъ посягательствъ? спросилъ м-ръ Габбюль, съ безкорыстнымъ желаніемъ подслужиться своими свѣдѣніями.—Нѣтъ-ли чего по этому поводу въ законахъ, Гоулей.

— Ровно ничего, я уже собиралъ справки для Спрэга. Вамъ придется уйти съ носомъ изъ суда, если вы вздумаете затѣять здѣсь какое-нибудь дѣло.

— Пустяки, къ чему тутъ законъ, виѣшался Толлеръ.—На практикѣ попытка его окажется чистѣйшею нелѣпностью. Ни одному пациенту не понравится такой способъ леченія, въ особенности пациентамъ Пикова, которые привыкли ко всевозможнымъ лекарствамъ. Передайте мнѣ вино.

Предсказаніе м-ра Толлера отчасти сбылось. Если уже м-ръ и м-съ Момсей, которые и не думали приглашать къ себѣ Лейдгата, были возмущены его антипатіей къ лекарямъ, то тѣмъ болѣе лица, приглашавшія его къ себѣ, зорко слѣдили затѣмъ, „употребляетъ-ли онъ всѣ средства какія слѣдуетъ“ въ данномъ случаѣ. Даже добродушный м-ръ Поудерель, отличавшійся необыкновенно снисходительнымъ отношеніемъ къ людямъ и почувствовавшій къ Лейдгату уваженіе за сознательное преслѣдованіе системы, признанной имъ лучшей,—даже и онъ смутился, когда жена его заболѣла рожей, и замѣтилъ Лейдгату, что м-ръ Пикокъ въ подобномъ случаѣ прописалъ м-съ Поудерель какія-то удивительныя пилюли, благодаря которымъ, заболѣвъ рожей въ августѣ въ нестерпимо жаркую погоду, она поправилась къ Михайлову дню. Мучимый борьбою между опасеніемъ оскорбить Лейдгата и страхомъ, что не всѣ средства употреблены, онъ уговорилъ жену принимать очистительныя пилюли Виджона. Пилюли эти славилась въ Мидльмарчѣ, какъ средство пресѣвшащее всякую болѣзнь въ самомъ корнѣ и дѣйствующее непосредственно на кровь. Отъ м-ра Лейдгата было скрыто, что м-съ Поудерель прибѣгла къ этимъ пилюлямъ,—самъ м-ръ Поудерель не вполнѣ имъ довѣрялъ, но все-таки надѣялся, что авось и онѣ помогутъ.

Въ такое критическое для лекарской репутаціи Лейдгата время его вывезло то, что мы обыкновенно необдуманно называемъ счастливою случайностью. Нѣтъ, кажется, ни одного лекаря, который, поселившись въ новомъ мѣстѣ, не изумилъ-бы кого-нибудь особенно удачными случаями излеченія больныхъ. Больные, обращавшіеся къ Лейдгату, обыкновенно выздоравливали, даже если были серьезно больны. Въ городѣ стали поговаривать, что новый лекаръ съ своею новою системою леченія поднимаетъ на ноги людей, которые стояли уже одной ногой въ могилѣ. Такого рода толки страшно сердили Лейдгата; они придавали ему то обаяніе, которое было-бы очень лестно для человѣка невѣжественнаго и неразборчиваго на средства; но онъ понималъ очень хорошо, что остальные медики изъ ненависти къ нему объяснять эти толки его стараніемъ пустить пыль въ глаза людямъ невѣжественнымъ, обвинять его въ шарлатанствѣ. Однако же бороться противъ этихъ толковъ было также бесполезно, какъ

стараться разогнать туманъ хлыстомъ, а судьба, какъ нарочно, подслуживалась ему, давая постоянно новую пищу этимъ толкамъ.

У м-съ Ларчеръ заболѣла поденщица, и когда докторъ Минчинъ пріѣхалъ къ ней, она попросила осмотрѣть ее и дать ей свидѣтельство на пользованіе въ больницѣ; онъ осмотрѣлъ больную и выдалъ ей свидѣтельство, въ которомъ значилось, что у больной Нанси Нашъ наростъ, и что ее слѣдуетъ пользоваться въ больницѣ, какъ приходящую больную. Нанси, по дорогѣ въ больницу, зашла домой и показала свидѣтельство доктора Минчина корсетчику и его женѣ, у которыхъ она жила на квартирѣ; скоро объ этомъ свидѣтельствѣ узнали всѣ сосѣди, и Нанси сдѣлалась предметомъ соболѣзновательныхъ толковъ во всѣхъ окрестныхъ лавочкахъ улицы Черчъярдъ-Лэна; весь этотъ день тамъ только и разговору было, что объ ея наростѣ, величиною съ утиное яйцо; къ вечеру наростъ этотъ оказался уже величиною съ кулакъ. Большая часть доброжелателей Нанси находила, что этотъ наростъ слѣдуетъ вырѣзать; нѣкоторые, впрочемъ, держались того мнѣнія, что больной слѣдуетъ давать внутрь какого-то масла, которое размягчаетъ и уничтожаетъ всякіе наросты и опухоли.

Нанси между-тѣмъ отправилась въ больницу; Лейдгаты въ это время былъ тамъ. Разспросивъ и осмотрѣвъ больную, онъ сказалъ вполголоса фельдшеру: „Это не наростъ, это спазмъ“. Онъ прописалъ ей мушку и какую-то микстуру и приказалъ идти домой и лечь; въ то-же время онъ далъ ей записку къ м-съ Ларчеръ, въ которой писалъ, что больной нужна хорошая пища.

Но Нанси становилось все хуже; и хуже; предполагаемый наростъ разошелся вслѣдствіе мушки, но боль перешла въ другое мѣсто. Жена корсетчика сходила за Лейдгатомъ, онъ втеченіи двухъ недѣль пользовалъ Нанси у нея на квартирѣ и она совершенно оправилась, такъ-что могла снова приняться за работу. Но въ Черчъярдъ-Лэнѣ и сосѣднихъ съ нею улицахъ болѣзнь ея по-прежнему считали за наростъ; того-же мнѣнія держалась и м-съ Ларчеръ, потому-что, когда она рассказала доктору Минчину объ удачномъ леченіи Лейдгата, тотъ не сознался, конечно, въ своей ошибкѣ, а замѣтилъ: „Ну, да, это былъ простой на-

рость, непредставлявшій никакой опасности“. Онъ, однако, сильно разсердился, когда, черезъ два дня послѣ выдачи свидѣтельства Нанси, справившись о ней въ больницѣ, онъ узналъ отъ фельдшера, который былъ не прочь подразнить Минчина о томъ, что сказалъ Лейдгать. Минчинъ внутренно рѣшилъ, что со стороны медика въ высшей степени неприлично такъ открыто высказываться противъ діагноза своего собрата по профессіи и вполнѣ согласился съ докторомъ Вренчемъ, что Лейдгать обнаруживаетъ самое возмутительное презрѣніе къ приличіямъ. Лейдгать нисколько не возгордился этимъ случаемъ и не сталъ вслѣдствіе того свысока смотрѣть на доктора Минчина; онъ очень хорошо зналъ, что подобныя промахи случаются нерѣдко даже и съ очень искусными докторами. Но молва подхватила этотъ случай съ наростомъ, который въ представленіи большинства смѣшивался съ ракомъ и представлялся тѣмъ болѣе ужаснымъ, что переходилъ съ мѣста на мѣсто; быстрое излеченіе Нанси отъ упорнаго нароста, который не поддавался никакимъ средствамъ и чуть не до смерти замучилъ ее, подняло вѣру въ изумительное искусство Лейдгата и сильно поколебало предубѣжденіе противъ его системы леченія.

Что оставалось дѣлать Лейдгату? Какъ объяснить дамѣ, восхищавшейся вашимъ искусствомъ, что она ошибается и что восхищеніе ея просто глупо. Входить-же въ подробныя объясненія свойства болѣзни значило-бы еще болѣе нарушить всѣ медицинскія приличія. Такимъ образомъ, ему приходилось покориться этимъ невѣжественнымъ похваламъ, сулившимъ ему успѣхъ, но лишеннымъ всякаго дѣйствительнаго значенія.

Въ дѣлѣ леченія болѣе виднаго пациента, м-ра Бортропа Трембеля, Лейдгать сознавалъ, что выказалъ себя не совсѣмъ дюжиннымъ медикомъ, хотя и въ этомъ случаѣ полученные имъ результаты были весьма двусмысленнаго характера. Краснорѣчивый акціонеръ заболѣлъ воспаленіемъ въ легкихъ и, какъ бывшій пациентъ Пикока, послалъ за Лейдгатомъ, которому рѣшилъ покровительствовать. М-ръ Трембель, какъ человѣкъ крѣпкаго сложенія, оказывался, какъ нельзя болѣе пригоднымъ субъектомъ для испробованія теоріи выжиданія, наблюденія за ходомъ интересной болѣзни, предоставленной по возможности самой себѣ, для ознакомленія со всѣми фазисами развитія ея въ видахъ бо-

лѣе успѣшнаго леченія ея на будущее время. По тону, которымъ пациентъ его излагалъ ему свои болѣзненные припадки, Лейдгать заключилъ, что ему хотѣлось, чтобы медикъ совѣтывался съ нимъ, чтобы онъ самъ, такъ-сказать, участвовалъ въ своемъ излеченіи. Акціонеръ не выразилъ никакого изумленія, когда Лейдгать сообщилъ ему, что при его сложеніи онъ можетъ быть оставленъ безъ всякаго леченія, конечно, при тщательномъ наблюденіи доктора, и дать, такимъ образомъ, возможность наблюдать на себѣ самомъ за развитіемъ болѣзни во всѣхъ ея фазисахъ; безъ сомнѣнія, онъ человѣкъ на-столько развитой, что согласится дать испробовать на себѣ рациональную систему леченія и принести всему обществу пользу разстройствомъ своихъ легочныхъ отравленій.

М-ръ Трембель тотчасъ-же изъявилъ готовность на это и вполне согласился съ тѣмъ, что его болѣзнь—находка для медицины.

— Не беспокойтесь, сэръ, вы говорите съ человѣкомъ, который смыслить кое-что въ *vis medicatrix*, сказалъ онъ, щеголяя по обыкновенію ученостью своихъ выраженій. И онъ мужественно рѣшился воздерживаться отъ приема лекарствъ; рѣшимость эта поддерживалась въ немъ въ значительной степени измѣреніемъ его температуры посредствомъ термометра, сознаніемъ, что онъ доставляетъ предметы для наблюденій подъ микроскопомъ, и удовольствіемъ выучиться новымъ словамъ, вполне соответствовавшимъ важности его болѣзни. Лейдгать былъ на-столько уменъ, что тѣшилъ его техническими разговорами.

Само собою разумѣется, что, вставъ съ постели м-ръ Трембель почувствовалъ непреодолимое стремленіе рассказывать всѣмъ и каждому о болѣзни, въ которой онъ обнаружилъ такую замѣчательную крѣпость сложенія и такую высокую степень развитія; въ этихъ разсказахъ онъ не скупился на похвалы медику, съумѣвшему оцѣнить такъ вѣрно пациента, съ которымъ имѣлъ дѣло. Акціонеръ былъ человѣкъ до известной степени великодушный; онъ любилъ отдавать людямъ должное по заслугамъ. Выучившись термину „выжидательная система“, онъ приправлялъ этимъ и тому подобными учеными выраженіями увѣренія, что Лейдгать „смыслить гораздо больше остальныхъ докторовъ и глубже посвященъ въ тайны своей профессіи, чѣмъ большинство его собратьевъ по ремеслу“.

Это случилось до болѣзни Фреда Винци, придавшей болѣе опредѣленный, личный характеръ враждѣ Вренча къ Лейдгату. Пришлецъ грозилъ сдѣлаться опаснымъ соперникомъ: и теперь уже своими критическими замѣчаніями онъ не мало вредилъ своимъ опытнымъ старшимъ собратьямъ, у которыхъ было слишкомъ много серьезнаго дѣла на рукахъ, чтобы они могли заниматься непровѣренными практикой теоріями. Практика его увеличивалась, кругъ его знакомства расширился послѣ того, какъ въ Мидльмарчѣ были получены свѣденія, что онъ принадлежитъ къ хорошей фамиліи, такъ-что другимъ докторамъ нерѣдко приходилось встрѣчаться съ нимъ на обѣдахъ въ лучшихъ домахъ, а постоянныя встрѣчи съ человекомъ антипатичнымъ рѣдко порождаютъ взаимную симпатію. Ни въ чемъ мидльмарчскіе медики не проявляли такого трогательнаго единодушія, какъ въ мнѣніи, что Лейдгатъ — заносчивый молодой человекъ, но обнаруживаетъ однако изъ честолюбивыхъ видовъ самую рабскую угодливость передъ Бюльстродомъ. М-ръ Фэрбротеръ, имя котораго служило знаменемъ антибюльстродской партіи, бралъ всегда подъ свою защиту Лейдгата и находился съ нимъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ; но это объясняли его необыкновенною двуличностью.

Вражда медиковъ нашла себѣ новую пищу въ слухахъ о томъ уставѣ, который м-ръ Бюльстродъ составилъ для новаго госпиталя; уставъ этотъ возбуждалъ особенное негодованіе уже потому, что не оказывалось ни малѣйшей возможности помѣшать приведенію его въ исполненіе, такъ какъ, за исключеніемъ лорда Мидлькота, никто не захотѣлъ участвовать въ устройствѣ госпиталя,—все нашли, что лучше поддерживать старую больницу. М-ръ Бюльстродъ взялъ на себя все издержки, и, конечно, этимъ приобрѣлъ себѣ полное право проводить свои нововведенія безъ помѣхи со стороны предубѣжденныхъ участниковъ въ предпріятіи. Онъ затратилъ огромныя суммы денегъ, а постройки все еще не были окончены. За нихъ сначала взялся Калэбъ Гартъ, но отказался еще прежде, чѣмъ вспыхнули внутреннія междоусобицы; тѣмъ не менѣе всегда, какъ только заходила рѣчь о госпиталѣ, онъ говорилъ, что Бюльстродъ любитъ прочныя постройки и понимаетъ толкъ въ трубахъ и печкахъ. Госпиталь сталъ любимымъ дѣтищемъ Бюльстрода: онъ готовъ-бы былъ охот-

но жертвовать на него огромныя суммы ежегодно, чтобы только заправлять имъ диктаторски безъ всякаго комитета; но у него была еще другая любимая мечта, на осуществленіе которой нужны были также деньги,—ему хотѣлось купить себѣ землю въ окрестностяхъ Мидльмарча, и потому нужно было завербовать жертвователей для поддержки госпиталя. Проектъ устава уже былъ у него готовъ.

Госпиталь предназначался для горячечныхъ болѣзней во всѣхъ ихъ видахъ; главное завѣдываніе имъ поручалось Лейдгату съ предоставленіемъ ему права заниматься тѣми сравнительными изслѣдованіями, въ необходимости которыхъ онъ былъ убѣжденъ; остальнымъ медикамъ, служащимъ при госпиталѣ, предоставлялся только совѣщательный голосъ, и они не имѣли права противорѣчить распоряженіямъ Лейдгата; общее управленіе госпиталемъ сосредоточивалось исключительно въ рукахъ м-ра Бюльстрода и пяти директоровъ, которые пользовались правомъ голоса въ разнѣрѣ своихъ взносовъ; комитетъ этотъ самъ долженъ былъ избирать членовъ взаимѣнъ выбывшихъ, такъ что чернь—мелкіе жертвователи—была лишена всякаго участія въ управленіи.

Всѣ городскіе доктора на-отрѣвъ отказались посѣщать горячечный госпиталь.

— Отлично, говорилъ Лейдгату м-ру Бюльстроду,—у насъ великолѣпный фельдшеръ, ловкій и смѣшленный паренъ, мы пригласимъ Узбба изъ Крабсли пріѣзжать къ намъ два раза въ недѣлю,—онъ не хуже любого изъ нашихъ здѣшнихъ докторовъ, а въ исключительныхъ случаяхъ будемъ посылать въ Брассингъ за Протеромъ. Мнѣ придется работать побольше, — вотъ и все; я уже отказался отъ мѣста въ больницѣ. На зло имъ нашъ госпиталь пойдетъ отлично и тогда они сами-же придутъ къ намъ. Дѣла не могутъ долго оставаться въ такомъ положеніи; реформы неизбѣжны, и тогда молодые доктора съ радостью придутъ къ намъ учиться.

Лейдгату былъ въ необыкновенно-возбужденномъ настроеніи духа.

— Я не отступлюсь, можете на меня положиться, м-ръ Лейдгату, говорилъ Бюльстродъ.—Вы всегда найдете во мнѣ поддержку для приведенія въ исполненіе вашихъ высочайшихъ предначертаній. Я смиренно уповаю, что провидѣніе, поддерживавшее

меня до сихъ-поръ въ борьбѣ противъ духа зла въ здѣшнемъ городѣ, не отступится отъ меня и на будущее время. Подходящихъ директоровъ мнѣ, вѣроятно, удастся найти... М-ръ Бруузъ уже обѣщалъ мнѣ свое содѣйствіе и обязался дѣлать ежегодные взносы: онъ не опредѣлилъ цифры этихъ взносовъ и едва-ли можно сомнѣваться, что они будутъ незначительны. Но онъ будетъ полезнымъ членомъ комитета.

Полезнымъ, на языкѣ м-ра Бюльстрода, значило, вѣроятно, такимъ, который не станетъ высказывать самостоятельныхъ мнѣній и постоянно будетъ подавать голосъ за одно съ м-ромъ Бюльстродомъ.

Мидльмарчскіе медики теперь уже не пытались болѣе скрывать своей антипатіи къ Лейдгату. Конечно, ни докторъ Спрэгъ, ни докторъ Минчинъ не говорили, что имъ антипатичны знанія Лейдгата, антипатично его стремленіе улучшить систему леченія; нѣтъ, имъ антипатична была его заносчивость, отрицать которую никто не могъ. Они говорили, что Лейдгатъ нахаленъ, самонадѣянъ и затѣваетъ нелѣпыя нововведенія исключительно ради того, чтобы пошумѣть и заставить говорить о себѣ; что онъ ни болѣе ни менѣе, какъ шарлатанъ.

Разъ произнесенное слово „шарлатанъ“ пошло въ ходъ. Въ это время весь міръ былъ взволнованъ изумительнымъ открытіемъ нѣкоего м-ра Сен-Джона-Лонга, извлекашаго какой-то экстрактъ, въ родѣ ртути, изъ висковъ одного своего пациента, о чемъ свидѣтельствовали— „ноблзмены и джентльмены“.

Разъ м-ръ Толлеръ замѣтилъ улыбаясь м-съ Тафтъ, что „Бюльстродъ нашелъ въ Лейдгатѣ человека себѣ подъ пару; шарлатанъ въ дѣлѣ религіи естественно чувствуетъ симпатію ко всякаго рода шарлатанамъ.“

— Ну, еще-бы, сказала м-съ Тафтъ, занятая въ это время счетомъ петель и заботясь о томъ, чтобы не забыть, что она насчитала ихъ тридцать,—ихъ столько теперь развелось. Да вотъ, напримѣръ, м-ръ Чешайръ, врачующій отъ кривизны людей, которыхъ самъ Богъ создалъ кривыми.

— Ну, нѣтъ, возразилъ м-ръ Толлеръ;— Чешайра нельзя причислять къ шарлатанамъ. А вотъ, напримѣръ, Сен-Джонъ-Лонгъ, объявляющій о такой системѣ леченія, которая рѣшительно никому неизвѣстна, вотъ это настоящій шарлатанъ;—это человекъ,

старающійся надѣлать шуму увѣреніями, что смыслить въ дѣлѣ болѣе всѣхъ остальныхъ своихъ собратій. Онъ увѣряетъ, на-примѣръ, что выжалъ ртуть изъ мозговъ одного своего паціента.

— Боже милостивый! можно-ли такъ страшно рисковать жизнью больныхъ! воскликнула м-съ Тафтъ.

Съ тѣхъ поръ о Лейдгатѣ стала ходить молва, что онъ ради собственныхъ цѣлей рискуетъ жизнью почтенныхъ людей, и что нѣтъ ничего мудреного, если онъ, въ своей безумной страсти къ экспериментамъ, станетъ четвертовать госпитальныхъ больныхъ. Предположеніе это находило себѣ сильную точку опоры въ словахъ трактирщицы Тонкарда, что онъ непременно станетъ рѣзать покойниковъ, въ чемъ ее убѣждалъ случай съ м-съ Гоби. Лейдгатъ лечилъ эту м-съ Гоби; она умерла, повидимому, отъ болѣзни сердца; но симптомы болѣзни обнаружались не совсѣмъ ясно и онъ имѣлъ дерзость попросить у ея родственниковъ позволенія вскрыть ея тѣло; слухъ о такомъ возмутительномъ требованіи распространился далеко за предѣлы Парлей-Стрита, гдѣ она жила впродолженіи многихъ лѣтъ, и возбудилъ всеобщее негодованіе.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда Лейдгатъ заговорилъ съ Доротеей о госпиталѣ. Какъ видимъ, онъ переносилъ вражду и зложелательные толки очень благодушно, сознавая, что они вызваны отчасти его успѣхомъ.

— Они меня не вытѣснятъ отсюда, говорилъ онъ Фэрбротеру въ задушевномъ разговорѣ.— Здѣсь я получилъ возможность работать во имя цѣлей, которыя для меня особенно дороги; я увѣренъ, что буду имѣть на столько практики, чтобы жить съ женою. Жить я буду очень скромно; меня ничто не въ состояніи отвлечь отъ дома и отъ работы. Я все болѣе и болѣе убѣждаюсь, что возможно доказать однородное происхожденіе всѣхъ тканей. Распайль и многіе другіе уже разрабатываютъ этотъ вопросъ, а я потерялъ столько времени.

— Конечно, я не пророкъ, сказалъ м-ръ Фэрбротеръ, задумчиво потягивавшій трубку;—но что касается вражды здѣшняго общества, то вамъ удастся побѣдить ее, если вы станете дѣйствовать съ тактомъ.

— Т. е. какъ же это съ тактомъ? Я дѣлаю то, что признаю

необходимымъ. Не виновать-же я, что люди глупы и невѣжественны. Не могу-же я оградить себя отъ нелѣпныхъ толковъ, которыхъ даже и предвидѣть невозможно.

— Вы совершенно правы, смѣшно было-бы и требовать этого отъ васъ. Но я желаю предостеречь васъ. Во-первыхъ, держитесь подалеже отъ Бюльстрода; конечно, вы можете продолжать работать для вашихъ цѣлей съ его помощью; но не входите съ нимъ въ слишкомъ тѣсныя сношенія. Вы можете заподозрить, что во мнѣ говоритъ личное чувство—отчасти, да,—я этого и не отрицаю, но въ личномъ чувствѣ не можетъ быть ничего предосудительнаго, если оно выражается въ формѣ простого мнѣнія.

— Съ Бюльстромомъ меня связываютъ только общественные интересы. Я не имѣю ни малѣйшаго желанія входить съ нимъ въ особенно близкія сношенія, такъ какъ не чувствую къ нему особенной симпатіи. Относительно чего-же еще вы хотѣли меня предостеречь? спросилъ Лейдгать, небрежно заложивъ ногу на ногу съ видомъ человѣка не особенно нуждавшагося въ совѣтахъ.

— Вотъ видите-ли что. Постарайтесь никогда не запутываться въ денежныхъ дѣлахъ. Изъ нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ вами недавно, я заключилъ, что вамъ не нравится, что я такъ часто играю въ карты на деньги. И въ этомъ отношеніи вы совершенно правы. Но остерегайтесь прибѣгать къ займамъ. Можетъ быть, предостереженіе мое совершенно излишне. Да отчего-же не прочесть при случаѣ мораль, особенно, когда самъ грѣшенъ въ томъ, отчего желаешь предостеречь другого.

Лейдгать никому не позволилъ-бы давать себѣ подобныя совѣты, но отъ Фэрбротера онъ принялъ ихъ очень добродушно и при этомъ невольно вспомнилъ, что вошелъ въ небольшіе долги за послѣднее время, но долги эти были вызваны рѣшительною необходимостью; онъ былъ убѣжденъ, что болѣе ему не придется прибѣгать къ нимъ, такъ какъ онъ будетъ жить очень скромно. Мебель, изъ-за которой онъ вошелъ въ долги, долго не будетъ нуждаться въ подновленіи; даже вина у него былъ значительный запасъ.

Лейдгать чувствовалъ себя въ это время въ необыкновенно-бодромъ настроеніи духа. Человѣка, который увлеченъ какой-

нибудь великой цѣлью, всегда поддерживаетъ среди мелочной вражды, воспоминаніе о тѣхъ великихъ дѣятеляхъ, которые бо-ролись до него.

Вечеромъ въ день своего разговора съ Фэрбротеромъ, Лейдгать сидѣлъ дома въ своей любимой позѣ, растянувшись на диванѣ во всю длину, закинувъ голову назадъ и заложивъ за нее руки. Розамунда играла на фортепяно пьесу за пьесой; на ея супруга музыка эта производила такое-же впечатлѣніе, какъ мелодичное завываніе морского вѣтра. Лейдгать былъ очень хорошъ въ эту минуту; въ темныхъ глазахъ его, на всемъ лицѣ, выразалось спокойное сознаніе опредѣленной цѣли.

Розамунда отошла, наконецъ, отъ фортепяно и сѣла на стулъ напротивъ мужа.

— Довольно съ васъ музыки, милордъ? спросила она, складывая руки съ самымъ смиреннымъ видомъ.

— Да, милая, если ты устала, сказалъ Лейдгать, оборачивая къ ней глаза, но не перемѣняя позы. Присутствіе Розамунды въ эту минуту было для него совершенно безразлично и она тотчасъ угадала это своимъ тонкимъ женскимъ чутьемъ.

— О чемъ ты думаешь? спросила она, наклоняясь къ нему. Онъ ласково положилъ руку ей на плечо.

— Я думаю объ одномъ великомъ человѣкѣ, который жилъ триста лѣтъ тому назадъ и въ мои лѣта открылъ уже новую эру въ анатоміи.

— Не знаю, кто это, сказала Розамунда, качая головой. — У м-съ Лемонъ мы часто играли въ отгадываніе именъ историческихъ личностей; только не анатомовъ.

— Имя его Везалиусъ. Для того, чтобы изучить анатомію, ему приходилось красть ночью тѣла съ кладбищъ и откапывать трупы казненныхъ.

— Фи! сказала Розамунда, скорчивъ гримасу. — Какъ я рада, что ты не Везалиусъ. Неужели онъ не могъ найти менѣе ужаснаго средства изучить анатомію.

— Не могъ, отвѣчалъ Лейдгать, слишкомъ поглощенный своими мыслями, чтобы обратить вниманіе на тонъ жены. — Чтобы достать полный скелетъ, онъ долженъ былъ украсть кости одного каторжника, зарыть ихъ въ землю, и затѣмъ переносить къ себѣ по частямъ ночью, потихоньку.

— Надѣюсь, что онъ не принадлежитъ къ числу твоихъ великихъ героевъ, спросила Розамунда, — а то ты, пожалуй, ночью вздумаешь отправиться на кладбище. Помнишь, какъ на тебя сердились изъ-за м-съ Гоби. Ты нажилъ себѣ довольно враговъ.

— У Везалиуса также было много враговъ, Роза. Я несколько не удивляюсь тому, что мидльмарчскія медицинскія ничтожества злобствуютъ на меня; на Везалиуса негодовали величайшіе изъ современныхъ ему докторовъ за то, что они вѣрили въ Галена, а онъ доказывалъ, что Галенъ ошибался. Они называли Везалиуса лгуномъ и ядовитымъ чудовищемъ. Но за него возстали свидѣтелями сами человѣческія кости и онъ восторжествовалъ надъ своими врагами.

— Что-же съ нимъ случилось потомъ? спросила Розамунда съ любопытствомъ.

— О, ему пришлось бороться до конца жизни. Его до того преслѣдовали, что онъ, наконецъ, сжегъ большую часть своихъ работъ. Потомъ онъ потерпѣлъ крушеніе по дорогѣ изъ Іерусалима въ Падую, гдѣ ему была предложена кафедра. Умеръ онъ самою печальною смертію.

Наступило небольшое молчаніе. Розамунда первая прервала его.

— Знаешь что, Тертій, сказала она, — мнѣ иногда бываетъ страшно досадно, что ты докторъ.

— Не говори этого, Роза, замѣтилъ Лейдгатъ, привлекая ее къ себѣ. — Это все равно, какъ если-бы ты сказала, что тебѣ досадно, зачѣмъ ты вышла замужъ за меня, а не за кого-нибудь другого.

— Вовсе нѣтъ: съ твоимъ умомъ ты былъ-бы способенъ ко всему и могъ-бы избрать себѣ какую-нибудь другую карьеру. Твои кваллингхамскіе родственники находятъ, что, выбравъ медицинскую профессію, ты унижилъ себя въ средѣ ихъ.

— Ну, кваллингхамскіе родственники могутъ убираться къ чорту! вскричалъ Лейдгатъ презрительнымъ тономъ. — Только съ ихъ нахальствомъ и можно было сказать тебѣ что-нибудь подобное.

— Но все-таки, мнѣ кажется, что это не совсѣмъ красивая профессія, мой милый, настаивала Розамунда.

— Это величайшая профессія въ мірѣ, Розамунда, сказалъ

Лейдгать серьезнымъ тономъ. — Говорить, что ты любишь меня, но не любишь во мнѣ доктора, все равно, что говорить, что ты любишь ѣсть персики, но не любишь ихъ запаха. Пожалуйста, не говори этого никогда, мнѣ тяжело выслушивать подобныя мнѣнія.

— Слушаю-сь, серьезно-лицый докторъ, отвѣчала Роза шутливо. — Съ этихъ поръ я стану говорить, что обожаю скелеты, похитителей труповъ и стѣлянки со всевозможными жидкостями, и буду ссориться со всякимъ встрѣчнымъ и поперечнымъ, а ты, благодаря этому, умрешь печальною смертию.

— Ну, ужъ ты смотришь на вещи черезъ-чуръ мрачно, сказалъ Лейдгать, бросая правоучительный тонъ и лаская жену.

ГЛАВА XLVI.

Въ то время, какъ Лейдгать, обзаведаясь женой и пристроившись при госпиталѣ, боролся съ Мидльмарчемъ во имя реформы въ медицину, Мидльмарчъ все болѣе и болѣе увлекался національной борьбой за реформу другого рода.

Обсужденіе проекта Джона Росселя въ палатѣ общинъ вызвало сильное политическое броженіе въ Мидльмарчѣ и новое распредѣленіе партій, дававшее право заключить, что въ случаѣ новыхъ выборовъ результаты получатся далеко не тѣ, какіе получались до сихъ поръ. А новыхъ выборовъ ждали многіе, утверждая, что парламентъ въ его настоящемъ составѣ никогда не проведетъ билля о реформѣ. Этого мнѣнія держался и Виль Владиславъ, объясняя м-ру Бруку, какъ онъ хорошо сдѣлалъ, что не пробовалъ до сихъ поръ своего счастья на выборахъ.

— Вы увидите, что скоро будутъ новые выборы, говорилъ онъ, — а къ тому времени мидльмарчцы приобрѣтутъ кое-какія новыя идеи. Намъ необходимо теперь дѣйствовать посредствомъ „Пионера“ и устраивать политическіе митинги.

— Вы совершенно правы, Владиславъ, мы создадимъ совершенно новое общественное мнѣніе, поддакивалъ м-ръ Брукъ. — Но я желаю сохранить полную независимость по вопросу о реформѣ, понимаете, мнѣ-бы не хотѣлось заходить слишкомъ далеко. Я намѣренъ идти по слѣдамъ Уильберфорса и Ромилы;

понимаете, работать въ пользу освобожденія негровъ, реформы уголовного законодательства и тому подобныхъ мѣръ. Но, конечно, я стану поддерживать Грея.

— Если вы стоите за самый принципъ реформы, то вы должны вполне сообразоваться съ тѣмъ положеніемъ, въ которомъ находится этотъ вопросъ. Если всякій станетъ отстаивать свой личный взглядъ и входить въ препирательство со всеми остальными, то, конечно, вопросъ этотъ не подвинется ни на шагъ впередъ.

— Да, да, я вполне согласенъ съ вами, я совершенно раздѣляю вашу точку зрѣнія. Я буду поддерживать Грея, понимаете. Но я не желаю пережѣщенія центра тяжести конституціи, да, вѣроятно, и самъ Грей этого не желаетъ.

— Но страна именно этого и требуетъ. Въ противномъ случаѣ, нѣтъ никакого смысла въ политическихъ союзахъ и агитаціи. Странѣ нужна палата общинъ, состоящая не изъ однихъ представителей, а изъ представителей общихъ народныхъ интересовъ. Добиваться какой-нибудь другой реформы все равно, что опасаться кусочка лавины, когда она вся уже грозитъ громовымъ обрывомъ.

— Прекрасно сказано, Владиславъ. Напишите-ка статейку въ такомъ тонѣ; намъ нужно собрать документальныя данныя относительно настроенія страны и бѣдственнаго положенія народа.

— Ну, что касается до документальныхъ данныхъ, то онѣ могутъ уместиться на самомъ крошечномъ клочкѣ бумаги. И бѣдственное положеніе народа, и степень его политической зрѣлости могутъ быть выведены при помощи нѣсколькихъ строкъ и цифръ.

— Превосходно: развейте это нѣсколько подробнѣе, Владиславъ. Великолѣпная мысль: напишите-ка по этому поводу статейку въ „Піонеръ“. Выставьте цифры, на основаніи которыхъ можно вывести бѣдственное положеніе народа и пр., понимаете. Вы обладаете необыкновенною способностью красно излагать ваши мысли. Вы напоминаете мнѣ Берка, и мнѣ досадно, что у насъ нѣтъ въ рукахъ избирательнаго округа, котораго вы могли-бы быть представителемъ. Иначе, васъ никогда не выберутъ, и мы постоянно будемъ нуждаться въ талантахъ въ палатѣ; реформа—реформой, но вѣдь и талантъ—вещь необходимая. Эта лавина и

этотъ громовый обрывъ положительно напоминаютъ Берка. Я рѣшительно пасую въ этомъ отношеніи, т. е. понимаете, не относительно идей, а относительно способа выраженія ихъ.

— Имѣть избирательный округъ въ своихъ рукахъ — вещь превосходная, сказалъ Виль, — если только подъ руками есть какой-нибудь Беркъ.

Виль былъ сильно польщенъ сравненіемъ его съ Беркомъ, хотя это сравненіе и исходило отъ м-ра Брука; какъ хотите, а обидно сознавать, что обладаешь даромъ выражаться лучше, чѣмъ другіе, и что этотъ даръ проходитъ незамѣченнымъ. Виль чувствовалъ, что его литературныя работы выше уровня пониманія мидльмарцевъ, и, мало-по-малу, начиналъ пристращаться къ занятію, за которое принялся отъ нечего дѣлать, и изучалъ политическое положеніе страны съ такимъ-же увлеченіемъ, съ какимъ въ былое время отдавался поэзії и изученію среднихъ вѣковъ. Конечно, если-бы не Доротея и желаніе находиться вблизи отъ нея вмѣстѣ съ полнымъ незнаніемъ, что дѣлать съ собою, Виль не сталъ-бы размышлять о потребностяхъ англійскаго народа и критиковать англійскихъ государственныхъ людей, а, вѣроятно, путешествовалъ-бы теперь по Испаніи, и, какъ прежде, сочинялъ-бы программы драмъ, пробовалъ-бы свои силы въ стихахъ и прозѣ, снова находилъ-бы первые черезъ-чуръ искусственными, вторую черезъ-чуръ сухою; принимался-бы за копии съ древнихъ картинъ и бросалъ ихъ за „негодностью“ и, въ концѣ-концовъ, пришелъ-бы къ заключенію, что самообразование всего важнѣе; по политическимъ вопросамъ онъ-бы горячо сочувствовалъ свободѣ и прогрессу вообще. Человѣкъ только тогда перестаетъ быть дилетантомъ и начинаетъ серьезно относиться къ своей дѣятельности, когда нападаетъ на какое-нибудь дѣйствительное дѣло.

Владиславъ попалъ въ настоящее время на такое дѣло; правда, оно не было однимъ изъ тѣхъ испанскихъ дѣлъ, о которыхъ онъ мечталъ въ годы болѣе ранней молодости, находя, что только имъ однимъ и стоитъ посвящать жизнь. Но его живая, активная натура увлеклась вопросами, имѣющими непосредственное отношеніе къ дѣйствительности; прирожденный ему духъ независимости способствовалъ пробужденію въ немъ гражданскаго чувства. На зло м-ру Казобону, изгнавшаго его изъ Ловика, онъ

чувствовалъ себя счастливымъ; онъ обогатилъ свой умъ новыми свѣденіями, имѣвшими непосредственное приложеніе къ практической жизни, и, благодаря его статьямъ въ газетѣ „Піонеръ“, пользовался извѣстностью даже въ Брассингѣ.

Правда, м-ръ Брукъ нерѣдко выводилъ его изъ терпѣнія, но, возвратясь къ себѣ въ Мидльмарчъ, онъ скоро забывалъ свою досаду.

Лейдгаты совершенно вѣрно сказали о немъ, что онъ никогда не разбиралъ положенія людей; ему очень нравилось, что самъ онъ не имѣетъ никакого положенія и возбуждаетъ нѣкоторое смущеніе въ домахъ, гдѣ появляется; разъ только это смущеніе раздосадовало его, когда онъ подмѣтилъ его въ Доротеѣ при встрѣчѣ съ нимъ у Лейдгата, но негодованіе его тутъ-же перенеслось на м-ра Казобона, предсказавшаго заранѣе, что Виль уронитъ себя въ глазахъ своего сословія.

Общественное мнѣніе города въ этомъ пунктѣ сходилось со взглядомъ м-ра Казобона на новаго редактора „Піонера“. Аристократическое родство Вили не могло послужить ему выгодной рекомендаціей, какъ Лейдгату; напротивъ, мидльмарчцы разсуждали, что если молодой Владиславъ и приходится племянникомъ или двоюроднымъ братомъ Казобону, то вѣдь м-ръ Казобонъ знать его не хочетъ.

— Брукъ взялъ его подъ свое покровительство, говорилъ м-ръ Гаулей, — потому что этого не сдѣлалъ-бы ни одинъ здравомыслящій человекъ. Повѣрьте, что у Казобона есть весьма основательныя причины отвертываться отъ молодого человека, котораго онъ воспиталъ на собственный счетъ.

Нѣкоторыя, болѣе или менѣе поэтическія странности Вили, повидимому, оправдывали мнѣніе м-ра Кэка, редактора „Трубы“, утверждавшаго, что Владиславъ не только польскій эмигрантъ, но еще вдобавокъ человекъ помѣшанный, чѣмъ объясняется сверхъестественная быстрота, съ которою онъ произноситъ рѣчи въ общественныхъ собраніяхъ; такая способность выражаться безъ малѣйшихъ запинокъ не могла не смутить всякаго солиднаго англичанина. Кэка въ особенности возмущало, что молокососъ съ вьющимися кудрями осмѣливался громить учрежденія, „существовавшія уже тогда, когда онъ еще былъ въ колыбели“. Въ одной передовой статьѣ въ „Трубѣ“, Кэкъ слѣдующими словами оха-

рактизовалъ рѣчь, произнесенную Владиславомъ на митингѣ по вопросу о реформѣ: „это былъ бредъ бѣсноватаго, жалкое усиліе замаскировать блестящими фейерверками дерзость бездоказательныхъ выводовъ и бѣдность знанія самаго дешеваго сорта“.

— А вы написали вчера громовую статью, Кэкъ, сказалъ ему докторъ Спрэгъ саркастическимъ тономъ. — Мнѣ показалось только нѣсколько страннымъ слово бѣсноватый.

— О, это терминъ, вошедшій въ употребленіе со времени французской революціи, отвѣчалъ Кэкъ.

Но рядомъ съ такими опасными наклонностями, Владиславъ проявлялъ такія черты характера, которыя шли прямо въ разрѣзъ съ ними. Такъ онъ очень любилъ маленькихъ дѣтей и, собравъ цѣлую толпу засаленныхъ ребятшекъ, хаживалъ съ ними лѣтомъ за орѣхами, зимою за прутьями; устраивалъ для нихъ импровизированныя угощенія и драматическія представленія изъ маріонетокъ собственнаго издѣлія. Это была одна изъ его странностей. Другая заключалась въ томъ, что въ домахъ, гдѣ онъ былъ принятъ на дружеской ногѣ, онъ имѣлъ обыкновеніе разговаривать полулежа на диванѣ, посторонніе посѣтители нерѣдко заставали его въ такомъ положеніи, которое онъ не перемѣнялъ при входѣ ихъ въ комнату; эти странности все болѣе и болѣе убѣждали почтенныхъ обитателей Мидльмарча въ плебейскомъ происхожденіи Вили и его нравственной распушенности.

Но за то статьи и рѣчи Вили служили ему отличной рекомендаціей въ семействахъ, члены которыхъ при новомъ строгомъ раздѣленіи партій высказались за реформу. Приглашалъ его у себя и м-ръ Бюльстродъ, но здѣсь Виль не могъ разваливаться на диванѣ, и м-съ Бюльстродъ находила, что отзвѣвы его о католическихъ странахъ, смахивавшіе на сдѣлку съ антихристомъ, обличали предрасположеніе къ помѣшательству, составляющее отличительную особенность людей интеллигентныхъ.

На оборотъ, въ домѣ у Фарбротера, котораго иронія судьбы поставила на одну сторону съ Бюльстродомъ въ дѣлѣ національнаго движенія, Виль сдѣлался любимцемъ дамъ, въ особенности, маленькой миссъ Нобль. Когда онъ встрѣчалъ ее на улицѣ съ ея маленькой корзиночкой въ рукѣ, онъ обыкновенно предлагалъ ей свою руку и на глазахъ всего города провожалъ ее— новая странность—къ маленькимъ пріятельницамъ и пріятелямъ,

которымъ она раздавала сбереженную ею собственную долю лакомствъ.

Но чаще всего онъ бывалъ у Лейдгатовъ, охотнѣе всего валялся на ихъ диванѣ. Несмотря на рѣзкую противоположность между нимъ и Лейдгатомъ, они были очень дружны между собою. Лейдгатъ былъ рѣзокъ, но не раздражителенъ и не обращалъ никакого вниманія на мигрень людей здоровыхъ; Виль, съ своей стороны, никогда не капризничалъ съ людьми, необращавшими вниманія на его капризы. За то съ Розамундой онъ бывалъ раздражителенъ, сердить, иногда даже грубъ: тѣмъ не менѣе его общество для нея, мало-по-малу, стало необходимо и пріятно: онъ отлично игралъ на фортепіано, болталъ съ нею о разныхъ житейскихъ мелочахъ, у него не было той дѣловой озабоченности, которая досаждала ей иногда въ мужѣ, несмотря на всю его нѣжность и снисходительность и усиливала ея отвращеніе отъ медицинской профессіи.

Лейдгатъ, любившій подтрунивать надъ суевѣрною вѣрою сторонниковъ „билля реформы“, въ его чудотворное дѣйствіе въ то время, какъ никто не заботился о жалкомъ состояніи патологии, приставалъ иногда къ Вилію съ очень неприятными для него вопросами. Въ одинъ мартовскій вечеръ Розамунда сидѣла за чайнымъ столомъ въ своемъ пунцовомъ платьѣ, обшитомъ лебяжьимъ пухомъ; Лейдгатъ, только-что вернувшійся домой, усталый, сидѣлъ на креслѣ у камина и читалъ нахмурившись „Піонера“. Розамунда, замѣтивъ, что онъ не въ духѣ, старалась не смотрѣть на него и внутренне благодарила Бога, что сама никогда не страдала дурнымъ расположеніемъ духа. М-ръ Владиславъ, растянувшись на диванѣ, напѣвалъ вполголоса: „Когда впервые я тебя увидѣлъ“.

Розамунда поднесла Лейдгату стаканъ съ чаемъ; онъ отбросилъ газету и сказалъ Вилію, который всталъ и направился къ столу.

— Вы совершенно напрасно выставляете Брука землевладѣльцемъ-реформаторомъ, Владиславъ, — въ этомъ только поводъ „Трубъ“ къ новымъ нападеамъ.

— Это ничего не значитъ; читатели „Піонера“ не читаютъ „Трубы“, отвѣтилъ Виль, прихлебывая чай и принимаясь ходить по комнатѣ. — Неужели вы воображаете, что публика читаетъ газеты въ видахъ составленія какого-нибудь мнѣнія.

— Фэрбротеръ полагаетъ, что въ случаѣ новыхъ выборовъ Брукъ не будетъ выбранъ; что тѣ, которые теперь стоятъ за него въ рѣшительную минуту выставятъ другого кандидата.

— Что-же, попытка не бѣда. Всегда хорошо имѣть представителями постоянныхъ мѣстныхъ жителей.

— Почему?

— Они лучше представляютъ собою мѣстную тупость, отвѣчалъ Виль смѣясь и потрахивая своими кудрями; — они стараются заслужить доброе мнѣніе сосѣдей. Брукъ — человѣкъ очень порядочный, но, конечно, онъ не сдѣлалъ-бы столько добра въ своемъ мнѣніи, если-бы не добивался мѣста въ парламентѣ.

— Онъ не годится въ общественные дѣятели, замѣтилъ Лейдгать рѣшительнымъ тономъ. — На него невозможно ни въ чемъ положиться: я это вижу по госпиталю. Спасибо еще, что тамъ Бюльстродъ запрегъ его и погоняетъ.

— Ну, это зависитъ отъ того, какою мѣркой вы мѣрите общественныхъ дѣятелей. Для настоящаго случая онъ вполне годится: когда люди принимаютъ какое-нибудь опредѣленное рѣшеніе, имъ нуженъ не человѣкъ, а голосъ.

— Ну ужъ это обыкновенная манера всѣхъ васъ, публицистовъ, Владиславъ; вы обыкновенно превозносите какую-нибудь мѣру какъ универсальное средство, и восхваляете людей, которые сами составляютъ болѣзнь, требующую излеченія.

— Такъ что-жъ? Они, сами ничего не подозревая, могутъ помочь излечить страну отъ самихъ себя, отвѣчалъ Виль съ своею обыкновенною находчивостію.

— Во всякомъ случаѣ, это не можетъ служить оправданіемъ для поощренія суевѣрныхъ, преувеличенныхъ надеждъ на дѣйствительность одной какой-нибудь исключительной мѣры; непростительно ради этого посылать въ парламентъ поугаевъ, годныхъ только на то, чтобы провести эту мѣру. Вы возстааете противъ испорченности, но я нахожу высшей степенью испорченности старанія убѣдить людей, что общество можетъ быть излечено политическимъ фокусъ-покусомъ.

— Все это превосходно, любезный другъ. Но вѣдь нужно-же, какъ-нибудь начать лечение, а между-тѣмъ тысячи злоупотребленій, тормозящихъ наше развитіе, не могутъ быть измѣнены,

пока не осуществится избирательная реформа. Припомните, что сказалъ на дняхъ Стэнли? Онъ говорилъ, что палата потратила слишкомъ много времени на разборъ вопросовъ о мелкихъ подкупахъ, на разслѣдованіе, получилъ-ли тотъ или другой избиратель какую-нибудь жалкую гинею, когда всѣмъ извѣстно, что мѣста продавались оптомъ. Можно-ли требовать совѣсти отъ избирательныхъ агентовъ? Единственная совѣсть, которой возможно довѣрять, это пробудившееся въ цѣломъ обществѣ сознаніе нанесенной ему несправедливости; единственная разумная система управленія—это управленіе посредствомъ уравниванія интересовъ. Я такъ смотрю на дѣло: если какая-нибудь сторона обижена, я стану поддерживать человѣка, который отстаиваетъ ея права, а не добродѣтельнаго поборника несправедливости.

— Вдаваться въ такія общія разсужденія по поводу частнаго случая значить просто уклоняться отъ вопроса, Владиславъ. Когда я говорю, что я стою за лекарство, которое излечиваетъ, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что я стою за опиумъ, какъ за средство противъ подагры.

— Я вовсе не уклоняюсь отъ вопроса; мы споримъ о томъ, стоитъ-ли приниматься за что-нибудь, пока мы не найдемъ непогрѣшимыхъ исполнителей. Но скажите пожалуйста, если-бы вы встрѣтили двухъ людей, изъ которыхъ одинъ стоялъ-бы за реформу въ медицину, а другой противился-бы ей, неужели вы стали-бы допытываться, который дѣйствуетъ на основаніи лучшихъ побужденій, у котораго умъ болѣе здравый?

— Само собой разумѣется, отвѣчалъ Лейдгать, чувствуя себя побитымъ своимъ-же собственнымъ оружіемъ, — что если не работать съ людьми, которые у насъ подъ руками, то придется вовсе отказаться отъ всякаго дѣла. Положимъ, напримѣръ, что худшее изъ ходячихъ о Бюльстродѣ мнѣній будетъ самымъ вѣрнымъ, тѣмъ не менѣе, я знаю, что у него хватаетъ смысла и рѣшимости дѣлать то, что я считаю необходимымъ на пользу дѣлу, которому я служу; это единственное основаніе, по которому я поддерживаю съ нимъ сношенія, добавилъ Лейдгать, припоминая совѣты Фербротера. — Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ онъ для меня ничто; я не сталъ-бы восхвалять его изъ-за какихъ-нибудь личныхъ побужденій.

— Вы намекаете, что я восхваляю Брука изъ личныхъ по-

буждений, вскричалъ Виль, задѣтый за живое. Въ первый разъ онъ почувствовалъ себя оскорбленнымъ Лейдгатомъ, отчасти можетъ быть потому, что ему вовсе не хотѣлось, чтобы разбирались мотивы сближенія его съ и-ромъ Брукомъ.

— И не думалъ, отвѣчалъ Лейдгатъ.—Я просто объяснял свое поведеніе. Я хотѣлъ сказать, что человѣкъ можетъ работать ради какой-нибудь специальной цѣли съ людьми двусмысленнаго характера, если онъ вполне увѣренъ въ своей личной независимости и сознаетъ, что имъ не руководятъ личные интересы, желаніе получить мѣсто или деньги.

— Почему-же вы не относитесь такъ же либерально и къ другимъ? настаивалъ Виль, все еще чувствуя себя обиженнымъ.—Моя личная независимость дорога мнѣ столько же, сколько вамъ ваша. Вы точно такъ же не имѣете основаній предполагать, что я добиваюсь чего-нибудь лично для себя отъ Брука, какъ я не имѣю основаній предполагать, что вы добиваетесь чего-нибудь лично для себя отъ Бильстрода. Побужденія—это вопросъ чести, никто не можетъ доказать, что мною руководятъ такія, а не другія побужденія. Что-же касается до мѣста или денегъ, заключилъ Виль, откидывая голову назадъ, то я думаю, никто не можетъ заподозрить, чтобы я дѣйствовалъ подъ вліяніемъ такихъ корыстныхъ соображеній.

— Вы совершенно не поняли меня, Владиславъ, успокаивалъ его изумленный Лейдгатъ. Занятый оправданіемъ своего собственнаго поведенія, онъ совершенно упустилъ изъ виду, что Владиславъ могъ принять его слова за намекъ на себя. — Простите меня, что я совершенно ненамѣренно оскорбилъ васъ. Напротивъ, я нахожу, что вы относитесь съ слишкомъ романтическимъ пренебреженіемъ къ вашимъ личнымъ интересамъ.

— Какъ вы скучны сегодня оба! вмѣшалась Розамунда.—Я рѣшительно не понимаю, къ чему вы еще подняли вопросъ о деньгахъ. Кажется политика и медицина достаточно непривлекательны, чтобы удовольствоваться споромъ изъ-за нихъ однѣхъ. Вы готовы затѣять ссору съ каждымъ встрѣчнымъ и поперечнымъ и другъ съ другомъ изъ-за этихъ двухъ предметовъ.

Произнеся эти слова, Розамунда встала, чтобы позвонить и пошла къ своему рабочему столу.

— Бѣдная Роза! сказалъ Лейдгатъ, взявъ ее за руку, когда

она проходила мимо него: — подобные споры слишкомъ свучны для такихъ нѣжныхъ созданій, какъ ты. Позабавься музыкой. Попроси Владислава спѣть съ тобой.

Когда Виль ушелъ, Розамунда спросила у мужа:

— Что тебя такъ раздражило сегодня, Тертій?

— Меня? Владиславъ былъ раздраженъ, а не я. Онъ точно порохъ.

— Нѣтъ, еще раньше. Что-нибудь разсердило тебя въ госпиталѣ, ты пришелъ домой сердитый, оттого-то ты и затѣялъ споръ съ м-ромъ Владиславомъ. Мнѣ бываетъ всегда непріятно, Тертій, когда ты не въ духѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Какой-же я звѣрь, сказалъ Лейдгать, лаская ее съ видомъ раскаянія.

— Что-же тебя разсердило?

— Да такъ, дѣла.

На самомъ дѣлѣ онъ получилъ письмо съ настоятельнымъ требованіемъ уплаты за мебель. Но Розамунда была беременна и потому Лейдгать оберегалъ ее отъ всякихъ непріятностей.

ГЛАВА XLVII.

Споръ Вили Владислава съ Лейдгатомъ происходилъ въ субботу вечеромъ. Вернувшись домой, онъ просидѣлъ почти всю ночь на пролетѣ, передумывая снова все, что передумалъ, когда рѣшился поселиться въ Мидльмарчѣ и работать вмѣстѣ съ Бруксомъ. Онъ сильно колебался, рѣшаясь на этотъ шагъ и потому теперь ему былъ невыносимъ всякій намекъ на то, что онъ сдѣлалъ-бы умнѣе, если-бы не рѣшался на него. Онъ чувствовалъ, что поступилъ, какъ дуракъ. И съ какою цѣлью? Безъ всякой опредѣленной цѣли. Правда, въ душу его закрадывались смутныя мечты. Но мечты эти никогда не принимали той формы, которую заподозрѣвалъ м-ръ Казобонъ; Виллю и въ умѣ не приходило рассчитывать, что Доротея можетъ овдовѣть и выйти за него замужъ. Онъ считалъ-бы низостью съ своей стороны питать подобныя мысли; его и безъ того уже мучило сознание, что его обвиняютъ въ неблагодарности. Къ тому-же чувства его къ Доротеѣ были самага поэтическаго характера. Онъ повлонялся

ей, она была его богиней. На что могло пригодиться ей его поклоненіе, этого онъ и самъ сказать не могъ. Онъ чувствовалъ только потребность жить вблизи нея. Онъ зналъ, что ни къ кому она не относится такъ довѣрчиво, какъ къ нему. Она сказала какъ-то разъ, что ей пріятно было-бы, чтобы онъ былъ около нея, и онъ не уѣдетъ отъ нея, хотя-бы ее стерегли огненные драконы.

Этимъ обыкновенно кончались всѣ колебанія Вила. Но это не мѣшало ему иногда возмущаться своимъ рѣшеніемъ. Какого-нибудь вѣшняго повода, въ родѣ сегодняшняго намека на то, что его общественная дѣятельность рука объ руку съ м-ромъ Бруксомъ едва-ли можетъ быть признана заслуживающею особеннаго уваженія, достаточно было, чтобы привести его въ крайнее раздраженіе. Это раздраженіе обыкновенно еще усиливалось отъ мысли, что, пожертвовавъ для Доротей своимъ достоинствомъ, онъ такъ рѣдко можетъ видѣться съ нею. Мысль эта въ свою очередь приводила его къ заключенію, что онъ „дуракъ“. Такъ было и на этотъ разъ.

Но воспоминаніе о Доротей пробудило въ немъ потребность увидаться съ нею. Онъ вспомнилъ, что завтра воскресенье и рѣшилъ отправиться въ ловиевскую церковь, чтобы увидѣть ее. Съ этою мыслью онъ заснулъ.

Утромъ разсудокъ заговорилъ въ немъ. Вѣдь это будетъ кощвенное нарушеніе запрещенія м-ра Казобона посѣщать Ловикъ, сама Доротей, пожалуй, разсердится. „Пустяки! отвѣчала страсть, съ его стороны было-бы просто чудовищно мѣшать мнѣ побывать въ хорошенькой сельской церкви въ великолѣпное весеннее утро“.

„Но Казобонъ пойметъ, что ты пришелъ или для того, чтобы побѣсить его, или-же для того, чтобы повидаться съ Доротеей“.

„Неправда, я иду совсѣмъ не для того, чтобы побѣсить его, а съ Доротеей отчего-же мнѣ и не повидаться. Неужели-же такъ и позволить ему все забирать себѣ одному и вѣчно блаженствовать! У другихъ людей бываютъ непріятности, отчего-же не быть имъ и у него. Мнѣ всегда нравилась эта церковь; къ тому-же я знакомъ съ Туверами и слду на ихъ скамейку“.

Заставивъ, такимъ образомъ, замолчать голосъ разсудка, Виль

вышелъ изъ дома въ самомъ отличномъ расположеніи духа. Все вокругъ него, казалось, радовалось воскресенью и одобряло его намѣреніе идти въ ловиевскую церковь. Мысль о томъ, какъ взбѣсится Казобонъ, стала его сильно забавлять и вызывала на лицѣ его самую веселую улыбку. Онъ шелъ съ молитвенникомъ подъ мышкой, напѣвалъ пѣсню, имѣвшую мало общаго съ церковнымъ гимномъ, но какъ нельзя болѣе подходившую къ его душевному настроенію.

Колокола еще звонили, когда онъ пришелъ въ церковь и сѣлъ на скамью викарія, гдѣ еще никого не было. Скамья викарія была напротивъ скамьи ректора и Виль, всматриваясь въ набравшійся въ церковь народъ, начиналъ уже беспокоиться, что пожалуй, Доротея не придетъ. Въ церкви повсюду мелькали передъ нимъ знакомыя лица, вотъ Уоли, вотъ Поудерели, а вотъ и братецъ Самуилъ съ тѣми-же багровыми пятнами на щекахъ, какъ всегда. Виль хаживалъ прежде въ эту церковь и потому никто не обратилъ на него особеннаго вниманія, за исключеніемъ пѣвчихъ, рассчитывавшихъ завербовать его въ свой хоръ.

Наконецъ, Доротея вошла въ той-же самой пуховой шапочкѣ и сѣромъ пальто, въ которыхъ онъ видѣлъ ее въ Ватиканѣ. Такъ-какъ она глядѣла прямо передъ собою, то, несмотря на всю свою близорукость, не могла не замѣтить Вили; но она ничѣмъ не выдала впечатлѣнія, произведеннаго на нее его внезапнымъ появленіемъ, только щеки ея слегка поблѣднѣли и, проходя мимо Вили, она отвѣсила ему церемонный поклонъ. Къ своему удивленію, Виль вдругъ почувствовалъ себя неловко и не смѣлъ взглянуть на нее послѣ того, какъ они обмѣнялись поклонами. Когда-же м-ръ Казобонъ, выйдя изъ ризницы, сѣлъ рядомъ съ Доротеей, на Вили напалъ какой-то столбнякъ, и ему пришло на мысль, что, можетъ быть, присутствіе его неприятно Доротее, что ему не слѣдовало приходить сюда. Теперь ему уже не казалось забавнымъ бѣсить м-ра Казобона, который, сидя напротивъ его, могъ отлично наблюдать за нимъ и, конечно, замѣтилъ, что онъ не смѣетъ повернуть головы. Какъ это не пришло ему на мысль прежде? Но онъ никакъ не воображалъ, что ему придется сидѣть одному на широкой скамьѣ, что никто изъ Тукеровъ не придетъ въ церковь. Очень можетъ быть, что они совсѣмъ уже уѣхали изъ Ловика, такъ-какъ на кафедрѣ по-

явился какой-то новый священникъ. Виль жестоко ругалъ себя за то, что не предвидѣлъ, что ему будетъ невозможно глядѣть на Доротею и что ей его приходъ можетъ показаться дерзостью. Но дѣлать было уже нечего, Виль прилежно слѣдилъ по молитвеннику за службой; никогда не казалась она ему такой длинной. Причетникъ замѣтилъ съ удивленіемъ, что м-ръ Владиславъ не подтягиваетъ и заключилъ, что, вѣроятно, онъ простудилъ себѣ горло.

М-ръ Казобонъ не провозносилъ проповѣди въ этотъ день и Виль не переѣвилъ положенія до тѣхъ поръ, пока народъ не сталъ выходить изъ церкви. Въ Ловиѣ было обыкновеніе пропускать сперва „знать“. Вилемъ овладѣла внезапная рѣшимость разрушить оковавшіе его чары, онъ поднялъ голову и взглянулъ прямо въ лицо м-ру Казобону. Но глаза м-ра Казобона были устремлены на ручку дверцы, которую онъ отворилъ, чтобы выпустить жену, за которою и самъ сейчасъ-же вышелъ, не поднимая глазъ. Вилю удалось поймать взглядъ Доротеи, когда она вставала съ своего мѣста и опять поклонилась ему, но на этотъ разъ съ видимымъ волненіемъ, какъ-будто удерживая слезы; Виль пошелъ слѣдомъ за нею и ея мужемъ, но они вышли въ калитку со двора прямо въ садъ, ни разу не оглянувшись.

Онъ не могъ послѣдовать за ними и долженъ былъ съ грустью вернуться назадъ по той-же дорогѣ, по которой шелъ такъ весело утромъ. Но теперь все было мрачно кругомъ него и въ немъ самоѣмъ.

ГЛАВА XLVIII.

Доротея, выходя изъ церкви, съ огорченіемъ думала о томъ, что м-ръ Казобонъ, повидимому, твердо рѣшился не знаться съ своимъ двоюроднымъ братомъ. Она находила приходъ Вилия вполне извинительнымъ, мало того, она объясняла его похвальнымъ побужденіемъ сдѣлать шагъ въ примиренію, котораго она сама такъ искренно желала. Вѣроятно, какъ и она, онъ полагалъ, что, встрѣтившись съ нимъ на нейтральной почвѣ, м-ръ Казобонъ протянетъ ему руку и дружескія отношенія снова возобновятся между ними. Но теперь приходилось отказаться отъ этой надежды. Своимъ

приходомъ онъ только ухудшилъ положеніе дѣла, такъ-какъ м-ръ Казобонъ былъ видимо разсерженъ, что человѣкъ, котораго онъ и знать не хочетъ, осмѣливается лѣзть ему на глаза.

М-ръ Казобонъ чувствовалъ себя не совсѣмъ хорошо въ это утро; ему стѣсняло дыханіе, потому онъ и не говорилъ проповѣди. Зная это, Доротея не удивилась, что онъ молчалъ почти во все время завтрака и не упомянулъ ни словомъ о Вилѣ Владиславѣ. Сама она чувствовала, что не въ силахъ заговорить о немъ. Время между завтракомъ и обѣдомъ, по воскресеньямъ, они обыкновенно проводили порознь: м-ръ Казобонъ дремалъ въ библіотекѣ, а Доротея у себя въ будуарѣ занималась чтеніемъ. На столѣ у нея была навалена кучка любимыхъ ею книгъ, начиналъ отъ Геродота, котораго она читала съ м-ромъ Казобономъ, до стараго друга ея Паскаля и „Христіанскаго года“ Кесля. Но въ этотъ день, она перелистывала книгу за книгой и не могла остановиться ни на одной. Все не приходилось ей по вкусу: и „Предзнаменованія, предшествовавшія рожденію Кира“ и „Еврейскія древности“, и „Благочестивыя эпиграммы“, и „Сборникъ духовныхъ гимновъ“. Даже весенняя трава и цвѣты отдавали ее какимъ-то холодомъ. Она чувствовала какую-то страшную пустоту—естественное послѣдствіе печальной семейной жизни. Она постоянно старалась быть тѣмъ, чѣмъ желала видѣть ее мужъ и никогда не могла быть сама собой. Ей приходилось отказываться отъ вещей, особенно дорогихъ для нея, такъ-какъ мужъ ея не питалъ къ нимъ ни малѣйшей симпатіи. Относительно Вили Владислава между нею и мужемъ, отрицавшимъ всякія права Вили на родовое имѣніе, возникло съ самаго начала недоразумѣніе, изъ котораго она вынесла убѣжденіе, что была права она, а не мужъ, но что она совершенно безпомощна. Никогда это чувство безпомощности не овладѣвало ею такъ сильно, какъ въ этотъ день. Она хотѣла любить и быть любимой, жаждала дѣла, которое могло-бы приносить непосредственную пользу, и чувствовала, что живетъ въ могилѣ, подъ гнетомъ леденящаго призрака труда, который производитъ только то, чему никогда не суждено увидѣть свѣтъ. Сегодня она взглянула за порогъ этой могилы и увидѣла Вили Владислава, который уходилъ отъ нея въ далекій міръ живой дѣятельности, но и, удаляясь, обращалъ къ ней свои взоры. Безполезно было

читать. Безполезно было думать. Между-тѣмъ сегодня воскресенье и она не можетъ поѣхать къ Целии, у которой недавно родился ребенокъ. Некуда ей было убѣжать отъ внутренней пустоты и недовольства, и приходилось терпѣливо переносить ихъ.

Послѣ обѣда, когда она собралась по обыкновенію читать вслухъ, м-ръ Казобонъ предложилъ пойти въ бібліотеку, гдѣ онъ приказалъ затопить каминъ и зажечь свѣчи. Онъ, казалось, ожилъ и былъ занятъ какими-то новыми мыслями.

Въ бібліотекѣ Доротея замѣтила, что онъ разложилъ иначе тетради съ своими замѣтками; онъ подаль ей хорошо-знакомую тетрадь, въ которой была вписана программа всего труда ученаго автора.

— Вы очень обяжете меня, моя милая, сказалъ онъ, садясь,—если, вмѣсто всякаго другого чтенія, почитаете мнѣ вотъ эту тетрадь, и всякій разъ, какъ я скажу вамъ: „отмѣтьте“, будете ставить карандашомъ крестикъ. Я придумалъ новый способъ выборокъ, съ которыми и ознакомлю васъ во время чтенія, такъ-что вы будете въ состояніи сознательно участвовать въ моей работѣ.

Уже не въ первый разъ со времени своего свиданія съ Лейдгатомъ, м-ръ Казобонъ обнаруживалъ желаніе заинтересовать и привлечь Доротею къ участію въ своей работѣ, отъ чего онъ прежде тщательно уклонялся.

Два часа читала она и отмѣчала, наконецъ онъ сказалъ:

— Мы возьмемъ съ собою тетрадь и карандашъ на верхъ—можетъ быть, мы еще почитаемъ ночью. Надѣюсь, что эта работа не надоѣла вамъ, Доротея.

— Мнѣ всегда пріятно читать то, что вы слушаете съ удовольствіемъ, отвѣчала Доротея вполне искренно: ей было невыносимо тяжело читать или дѣлать что-нибудь, что нисколько не развлекало его.

Несмотря на всю свою ревность и подозрительность, мужъ Доротеи вполне довѣрялъ искренности ея обѣщаній и способности ея отдаваться всецѣло тому, что она считала справедливымъ и хорошимъ. За послѣднее время онъ началъ сознавать, что эти качества весьма дорогое для него пріобрѣтеніе, изъ котораго слѣдуетъ извлекать наибольшую выгоду.

Чтеніе продолжалось и ночью, но молодой организмъ Доротеи

не выдержалъ и она скоро заснула крѣпкимъ сномъ. Вдругъ ее разбудилъ сильный свѣтъ; она открыла глаза и увидала, что мужъ, завернувшись въ теплый халатъ, сидитъ на креслѣ у затопленнаго камина. Казобонъ зажегъ двѣ свѣчи, въ надеждѣ, что Доротея проснется, но не хотѣлъ будить ее болѣе непосредственнымъ образомъ.

— Вы больны, Эдуардъ? спросила она, послѣдно вставая.

— Мнѣ было нѣсколько тяжело лежать. Я посижу немножко.

Она подбросила дровъ, накинула блузу и спросила:

— Вы, можетъ быть, хотите, чтобы я вамъ почитала?

— Да, я былъ-бы вамъ очень благодаренъ, если-бы вы почитали, Доротея, отвѣчалъ м-ръ Казобонъ мягче обыкновеннаго. — Мнѣ совсѣмъ не хочется спать. Я чувствую необыкновенную ясность мысли.

— Однакожъ, не забывайте, что утомленіе вамъ вредно, сказала Доротея, вспомнивъ предостереженіе Лейдгата.

— Я не чувствую ни малѣйшаго утомленія. Умъ мой работаетъ безъ всякихъ усилій.

Доротея не посмѣла настаивать болѣе и снова принялась за чтеніе, она читала съ часъ или болѣе, чтеніе теперь шло гораздо живѣе. Умъ м-ра Казобона работалъ быстрѣе, онъ, казалось, зналъ заранѣе, что она прочтетъ и едва она начинала фразу, говорилъ: „Довольно, — отиѣйте“, или „переходите къ слѣдующей статьѣ — я пропущу вторую экспедицію въ Критъ“. Доротея изумлялась его необычайной памяти: нелегко было помнить всѣ подробности обширнаго труда, надъ которымъ онъ работалъ нѣсколько лѣтъ.

— Довольно, моя милая, сказалъ, наконецъ, Казобонъ, — мы будемъ продолжать завтра. Я все откладывалъ эту работу, теперь мнѣ-бы хотѣлось поскорѣе ее окончить. Вы замѣтили, какимъ принципомъ я руковожусь при выборахъ; давать соответствующія, но черезъ-чуръ растянутыя поясненія на тезисы, выставленные въ моемъ введеніи. Вы замѣтили, Доротел!

— Да, отвѣчала Доротея и голосъ ея слегка задрожалъ; сердце ея сжалось отъ внутренней боли.

— Теперь я немножко отдохну, сказалъ м-ръ Казобонъ, ложась, и попросилъ ее потушить свѣчи. Когда она также легла

и въ комнатѣ, освѣщенной только красноватымъ свѣтомъ догорающихъ углей въ каминѣ, сдѣлалось почти совсѣмъ темно, онъ сказалъ:

— Прежде чѣмъ заснуть, Доротея, я обращусь къ вамъ съ одной просьбой.

— Съ какой? спросила Доротея съ замираніемъ сердца.

— Я попрошу васъ сказать мнѣ совершенно искренно, согласны-ли вы, въ случаѣ моей смерти, исполнить мою волю: не дѣлать того, чего я васъ попрошу не дѣлать, и дѣлать то, что я пожелаю, чтобы вы дѣлали.

Требованіе это не поразило Доротею неожиданностью; судя по нѣкоторымъ фактамъ, подмѣченнымъ ею за послѣднее время, она подоврѣвала, что мужъ намѣренъ наложить на нее какое-нибудь новое иго. Она не сразу отвѣтила.

— Вы отказываетесь? спросилъ Казобонъ болѣе рѣзкимъ тономъ.

— Нѣтъ еще, отвѣчала Доротея твердо: потребность свободн заговорила въ ней;—но ваше требованіе слишкомъ серьезно — я не считаю себя вправѣ дать обѣщаніе, не зная напередъ, къ чему меня оно обяжетъ. Изъ любви къ вамъ я готова все сдѣлать и не связывая себя никакимъ обѣщаніемъ.

— Но вы хотите сохранить право поступать, какъ вамъ будетъ угодно; я-же хочу, чтобы вы согласовали ваши поступки съ моею волею; вы отказываетесь?

— Нѣтъ, мой другъ, нѣтъ! отвѣчала Доротея умоляющимъ голосомъ, мучимая самыми противоположными опасеніями. — Но дайте мнѣ время обдумать ваше требованіе. Отъ всей души я желаю сдѣлать все, что можетъ васъ успокоить, но я не могу дать слова вдругъ, не обдумавъ хорошенько своего положенія, особенно когда я не знаю, къ чему оно меня обяжетъ.

— Вы, значить, не довѣряете моимъ желаніямъ?

— Позвольте мнѣ подумать только до завтра.

— Хорошо, до завтра.

Онъ скоро заснулъ, но ей было не до сна. Въ умѣ ея происходила страшная борьба. Ей въ голову не приходило, чтобы обязательство, которое хотѣлъ наложить на нее мужъ, могло относиться къ чему-нибудь другому, кромѣ его работы. Но она была убѣждена, что онъ возьметъ съ нея слово посвятить жизнь

на разборъ беспорядочныхъ грудъ матеріала, который долженъ былъ служить сомнительнымъ подтвержденіемъ еще болѣе сомнительныхъ принциповъ. Бѣдняжка давно утратила всякую вѣру въ достоинство „Ключа“, бывшего предметомъ трудовъ и гордости ея мужа. Несмотря на скудное образованіе, полученное ею, она смотрѣла на этотъ предметъ гораздо правильнѣе мужа. И теперь въ воображеніи ея рисовалась длинная вереница дней, мѣсяцевъ, годовъ, которые ей придется провести за сортировкой изсохшихъ мумій, обрывковъ преданія, которое само собою представляло мозаику изъ обломковъ развалинъ, для того, чтобы эти обрывки могли служить подтвержденіемъ теоріи, обреченной на смерть при самомъ рожденіи. Правда, иногда упорно преслѣдуемая заблужденія заключали въ себѣ зерно истины: поиски за философскимъ камнемъ послужили основой химіи; алхимики были предтечами Лавуазье. Но теорія м-ра Казобона относительно элементовъ, составлявшихъ зерно всѣхъ преданій, не могла навести даже ненарокомъ ни на какія открытія: она основывалась на самыхъ эластическихъ предположеніяхъ, столь-же шаткихъ, какъ этимологическія изслѣдованія, основанныя на сходствѣ звуковъ и была столь-же полна пробѣловъ, какъ гипотеза о непрерывности звѣздъ. Сколько разъ Доротея внутренно возмущалась этою игрою въ отгадки, которою ее угощали вмѣсто живой науки, облагораживающей жизнь. Она понимала теперь, почему ея мужъ ухватился за нее, какъ за послѣднюю надежду дать осязательную форму своимъ трудамъ. Сначала онъ не хотѣлъ посвящать ее во всѣ тайны своихъ трудовъ, но, мало-по-малу, предчувствіе приближающейся смерти...

И мысли Доротеи перенеслись съ глубокимъ состраданіемъ вотъ ея собственнаго будущаго къ прошедшему мужу, къ его настоящему, къ этой жизни, проведенной въ одинокой работѣ среди мукъ неудовлетвореннаго честолюбія, подавленнаго недовѣріемъ къ себѣ, въ видѣ цѣли, все ускользавшей и ускользавшей, по мѣрѣ того, какъ силы ослабѣвали, пока надъ нимъ не повисъ, наконецъ, дамокловъ мечъ смерти. А вѣдь она выходила за него замужъ съ цѣлью помогать ему въ этой работѣ всей его жизни. Да, но тогда она считала эту работу дѣломъ великимъ, которому она можетъ посвятить себя ради него самого. Въ правѣли она дать ему послѣднее утѣшеніе, котораго онъ требуетъ, въ

состояніи-ли она будетъ заниматься этимъ толченіемъ воды въ ступѣ, даже если свяжетъ себя обѣщаніемъ.

Но можетъ-ли она отказать ему? Можетъ-ли она сказать: я отказываюсь утолить этотъ ненасытный голодъ? Не значить-ли это отказать сдѣлать для него, мертваго, то, что она дѣлала-бы для него, живого. Вѣдь если-бы онъ прожилъ еще пятнадцать лѣтъ или даже болѣе, какъ говорилъ Лейдгаты, она-бы во все это время продолжала помогать ему и подчиняться его желаніямъ.

Но нѣтъ, между этою преданностью живому и безусловнымъ обѣщаніемъ преданности мертвому была существенная разница. Пока онъ былъ живъ, она всегда имѣла возможность возстать противъ его желанія, отказать выполнить его. А тутъ вдругъ онъ потребуетъ отъ нея чего-нибудь такого, чего она даже не въ состояніи и представить себѣ; вѣдь онъ хотѣлъ, чтобы она обязалась исполнять во всемъ его волю, не объясняя, чего именно онъ отъ нея потребуетъ. Онъ всецѣло поглощенъ своимъ трудомъ; только ради него хочетъ онъ взять ея жизнь взамѣнъ его уже угасающей.

И если она скажетъ: „Нѣтъ, когда вы умрете, я пальцемъ не прикоснусь къ вашему труду“—она разобьетъ его больное сердце.

Четыре часа провела Доротея въ этой мучительной борьбѣ; наконецъ, мысли ея перепутались и, какъ заплакавшійся ребенокъ, она заснула подъ утро вѣпикимъ сномъ. Когда она проснулась, Казобона уже не было въ комнатѣ. Тантрицъ сказала ей, что онъ помолился, отзавтракалъ и сидитъ теперь въ библиотекѣ.

— Господи, сударыня, никогда не видала я васъ такою блѣдною, сказала Тантрицъ, солидная горничная, у которой обѣ сестры были на рукахъ еще въ то время, какъ онѣ учились въ Лозаннѣ.

— Когда-же я была особенно румяна, Тантрицъ? замѣтила Доротея съ принужденною улыбкой.

— Ну не румяны, а все-же щеки у васъ были, какъ розыны. Ну да какого тутъ толку ждать, когда вы вѣчно корпите надъ этими кожаными книгами. Дайте себѣ отдыхъ сегодня, сударыня. Позвольте, я пойду скажу, что вы больны и не можете придти въ эту душную библиотечку.

— Нѣтъ, нѣтъ! дайте мнѣ поскорѣ одѣться, сказала Доротея:—сегодня я необходима м-ру Казобону.

Сходя внизъ, она чувствовала, что дастъ ему требуемое обѣщаніе; но не теперь, а нѣсколько попозже.

Когда Доротея вошла въ библіотеку, м-ръ Казобонъ, перебиравшій какія-то книги на столѣ, обернулся къ ней, и сказалъ:

— Я только васъ и ждалъ, моя милая. Я рассчитывалъ за сѣсть за работу съ утра, но мнѣ что-то нездоровится, вѣроятно, я слишкомъ утомился вчера. Я пройдуся немножко по саду, благо погода теперь теплѣе.

— И отлично, сказала Доротея.—Я вамъ говорила вчера, что вы слишкомъ много работаете головой.

— А когда-же вы меня успокоите на счетъ того вопроса, о которомъ я говорилъ вамъ вчера, Доротея? Надѣюсь, что теперь вы можете мнѣ отвѣтить.

— Я сейчасъ приду къ вамъ въ садъ, отвѣчала Доротея, стараясь выиграть хоть нѣсколько минутъ.

— Я пробуду съ полчаса въ тиссовой аллеѣ.

Съ этими словами м-ръ Казобонъ вышелъ изъ комнаты.

Доротея чувствовала какую-то слабость во всѣхъ членахъ; она позвала Тантрипъ, и попросила ее принести шляпку и шаль. Доротея уже не боролась съ собою, она чувствовала, что согласится, потому что ее слишкомъ пугала мысль нанести своимъ отказомъ ударъ мужу. Тантрипъ надѣла ей шляпку и накинула на нее шаль. Доротея не шевелилась.

— Боже мой, что съ вами сударыня, вскричала горничная въ невольномъ порывѣ состраданія.

Слова эти переполнили чашу, Доротея прислонилась къ ея плечу и зарыдала. Но она вскорѣ сдѣлала усиліе надъ собою, отерла глаза и пошла въ садъ. Она невольно замедляла шаги; ей страшно было идти туда, гдѣ она должна была связать себя навѣки. Ни законъ, ни общественное мнѣніе не принуждали ее надѣтъ на себя эти новыя цѣпи, она надѣвала ихъ исключительно изъ состраданія къ мужу. Если это слабость, то Доротея была слаба. Но полчаса уже прошло, нельзя было медлить долѣе. Она вошла въ тиссовую аллею; мужа ея тамъ не было; можетъ быть, онъ зашелъ въ бесѣдку, къ которой шла дорожка

отъ этой аллеи. Обогнувъ уголь, она дѣйствительно увидала мужа. Онъ сидѣлъ на скамьѣ у стола, положивъ на столъ руки и опустивъ на нихъ голову.

— Какъ онъ утомился сегодня ночью, подумала Доротея, вообразивъ сперва, что онъ спитъ. Но потомъ она вспомнила, что за послѣднее время у него вошло въ привычку садиться въ такую позу, когда она ему читала.

Она вошла въ бесѣдку и сказала:

— Вотъ и я, Эдуардъ.

Онъ не пошевелился. Она подумала, что онъ заснулъ, положила руку на его плечо и повторила: „Вотъ и я“. Онъ все-таки не шевелился. Ею овладѣлъ какой-то смутный страхъ, она качнулась къ нему, сняла съ него его бархатную шапку и прильнувъ щекою къ его лицу, закричала отчаяннымъ голосомъ:

— Проснитесь, мой другъ, проснитесь! Выслушайте меня. Я пришла дать вамъ отвѣтъ.

Но Доротеѣ не пришлось дать этотъ отвѣтъ.

Нѣсколько часовъ спустя, Лейдгате сидѣлъ у ея кровати; она бредила тѣмъ, что передумала ночью. Она узнавала доктора и называла его по имени; но ей казалось, что она должна все объяснить ему, чтобы онъ передалъ ея слова ея мужу.

— Скажите ему, что я сейчасъ приду къ нему: я готова исполнить его требованіе. Но мнѣ было такъ страшно думать объ отвѣтственности, которую я на себя возьму—отъ этого я и заболѣла; надѣюсь, однакожъ, что не слишкомъ сильно. Скоро мнѣ будетъ лучше. Подите, скажите ему.

Но мужъ ея уже не могъ слышать ее.

(Продолженіе будетъ).

СТИХОТВОРЕНІЯ АЛЕКСАНДРА ПЕТЁФИ.

С Ъ Ч У Ж Б И Н Ы.

Надъ рѣкой широкой домъ стоить убогой;
Для меня прошло въ немъ дней счастливыхъ много.
Стоить мнѣ въ тотъ домикъ унестиcя мечтами
И глаза заблещутъ жгучими слезами.

Еслибъ въ немъ провелъ я все существованье!
Но людей все гонять соколы-желанья,
И мои желанья крылья распустили—
Съ матерью, съ отчизной сына разлучили.

Крѣпко мать цѣлуя, я въ часы прощанья
Облегчить не могъ ей жгучаго страданья
И въ слезахъ обильныхъ бѣдная едва-ли
Выплачетъ въ разлукѣ всѣ свои печали.

Какъ, рукой дрожащей обвивая шею,
Мать меня молила жить, какъ прежде, съ нею!
Если-бы въ тѣ годы жизнь я видѣлъ ясно—
Были-бъ эти просьбы вѣрно не напрасны.

Но надежды наши яркими лучами
Вѣчно озаряютъ будущность предъ нами;
Только тотъ, кто вступить въ этотъ садъ волшебный,
Понимаетъ поздно весь обманъ плачевный.

Нужно-ль говорить мнѣ, какъ передо мною
Искрилась надежда яркою звѣздой,

Какъ я шель по свѣту, какъ среди дорогъ
Сотни иглъ и терній мнѣ врѣзались въ ноги?

....Земляки уходятъ въ милую сторонку,
Завернуть навѣрно къ матери въ избенку...
Обо мнѣ ей, братцы, вѣсточку снесите,
Если по дорогѣ домъ мой посѣтите.

Мать пускай не плачетъ обо мнѣ напрасно,
Такъ какъ на чужбинѣ я живу прекрасно...
Если ей расскажутъ, какъ мнѣ здѣсь живется—
У бѣдняжки сердце съ горя надорвется...

МОЕМУ МЛАДШЕМУ БРАТУ СТЕФАНУ.

Ну, какъ живется вамъ, мой Стефель? Хоть порою
Не вспоминаете-ль о братѣ вы съ тоскою?
Хоть послѣ ужина, когда вы въ тишинѣ
Проводите часы въ сердечной болтовнѣ,
Когда угрюмо ночь глядитъ въ окошко ваше,—
Не говорите-ль вы: „что дѣлаетъ нашъ Саша?“
Какъ обстоятъ дѣла? Я знаю, какъ всегда,
Васъ неотвязчиво преслѣдуетъ нужда.
И день и ночь у васъ тяжелая работа,
А жизнь все требуетъ лишений и расчета.
Бѣдняга нашъ отецъ! И онъ-бы благъ достигъ,
Но къ людямъ черезчуръ довѣрчивъ былъ старикъ.
Онъ честенъ и правдивъ и думаетъ, что въ свѣтѣ
Для всѣхъ святынею должны быть чувства эти.
За то и награжденъ былъ щедро онъ потомъ,
Утративъ все сполна, что куплено трудомъ.
Да, всѣ плоды труда и пота дорогіе
Украли у него безсовѣстно другіе.
О, если-бы ко мнѣ былъ милосерднѣй Богъ
И пособить отцу хоть чѣмъ нибудь я-бъ могъ!
Какъ счастливъ былъ-бы я, когда-бъ мои заботы
Избавили его подъ старость отъ работы!
Вотъ что гнететъ меня, вотъ что живой тоской
На вѣки омрачитъ сердечный мой покой.
Ты поддержи отца; ты сдѣлай все, что можно;
Какъ добрый сынъ, ему опорой будь надеждой;
Часть бремени сложи, мой Стефель, на себя,—

Сложи съ усталыхъ плечъ... Самъ Богъ спасеть тебя!
 А наша мать съ душой незлобивой своею!
 Люби ее, мой братъ, благоговѣй предъ нею!
 Чѣмъ мать была для насъ? Но какъ-же передать
 Все то, чего вполнѣ не въ силахъ мы понять?
 Да, мы ее тогда оцѣнимъ хоть немного,
 Когда она найдетъ покой себѣ у Бога...

Короткое письмо я долженъ кончить, братъ.
 Настроиться хотѣлъ я на веселый ладъ,
 Но мрачный оборотъ и колоритъ угрюмый
 Невольно приняли нахлынувшія думы
 И вздумай я еще ихъ нити натянуть—
 Отъ накупѣвшихъ слезъ надорвалась-бы грудь...
 Въ другой разъ напишу не кратко, не уныло...
 Да сохранить теби Господь, мой Стефель милый!

П Р О Ш Л О Е.

Свернулъ я свой шатерь и въ мѣръ направилъ путь.
 Надежда смутная мнѣ волновала грудь:
 „Впередъ! На поиски! Скорѣй!“ она твердила,
 Но что я тамъ найду она не говорила,
 Не подсказала мнѣ: куда и какъ идти,
 И только слышалъ я одно: „иди! иди!“
 То голосъ сердца былъ и я повиновался,
 Съ роднымъ очагомъ покорно я расстался,
 Какъ расстаемся мы, проснувшись, съ сладкимъ сномъ.
 Про сына ничего не знали мать съ отцомъ
 И долго плакали въ тревогѣ и печали.
 Но добрые друзья—сосѣди все узнали
 И съ утѣшеньями явились къ старикамъ:
 „Объ вашемъ Зандорѣ не стоитъ плакать вамъ!
 Подобный человѣкъ, непомнящій о Богѣ,
 Не стоитъ вашихъ слезъ, не стоитъ онъ тревоги.
 Онъ будетъ жить, какъ жилъ, до самаго конца,
 Да, можетъ быть, еще повѣсать молодца.
 Ужъ мы не первый годъ на свѣтѣ доживаемъ,
 А не сводилъ Господь съ подобнымъ негодяемъ!“
 Такъ стариковъ друзья старались утѣшать,—
 Склонялася тогда измученная мать
 Къ подушкѣ головой и, бѣдная, въ кручинѣ
 Рыдала о своемъ погибшемъ, миломъ сынѣ...
 «Дѣло», № 9.

Не плакаль мой отецъ—онъ плакать не привыкъ,
 Но на проклятыя щедръ добрѣйшій мой старикъ.
 Приправивъ рѣчь свою отборными словами,
 Онъ шумно изливалъ свой гнѣвъ передъ друзьями:
 „Какъ? Наложить пятно на честную семью!
 Что вѣшать молодца!—Я самъ его убью!..“
 До слуха моего достигло это слово
 И на порогъ отца не приходилъ я снова,
 Я ясно сознавалъ, что онъ отъ словъ своихъ
 Не отступалъ еще не на единый мигъ...
 Какъ часто я желалъ опять услышать рѣчи
 Добрѣйшихъ стариковъ! Но я бѣжалъ ихъ встрѣчи,
 Повуда поиски не кончились вполнѣ...
 Что я нашель? о томъ шумять во всей странѣ...

Конечно, не былъ я тогда отцомъ застрѣленъ,
 Когда вошелъ я въ домъ—восторгъ былъ безпредѣленъ,
 Отецъ былъ радъ до слезъ: едва-ль когда-нибудь
 Такою радостью дрожала эта грудь!
 И вѣрите, въ этотъ день онъ не твердилъ съ укоромъ,
 Что имя честное покрыто мной позоромъ...
 Ну, а друзья?—Пришли съ привѣтствіями къ намъ:
 „Не правы-ль мы, сосѣдъ? Не мы-ль твердили вамъ:
 Не плачьтесь на сынка, судьба людей привратна—
 И Зандоръ молодцомъ вернется къ вамъ обратно!“

П Р И З Ы В Ъ.

На мою лачугу величаво
 Смотрять окна замка твоего.
 Горе мнѣ, любимая. Подняться
 Не могу никакъ я до него.

Но преграды нѣтъ для нашей встрѣчи,
 Опустись съ высоту его скорѣй;
 Солнца лучъ на землю сходить съ неба
 И въ долину съ горъ бѣжить ручей.

Да, какъ лучъ на землю сходить съ неба,
 Какъ въ долину съ горъ бѣжить потокъ,
 Такъ изъ замка прямо мнѣ въ объятія
 Прилети, мой ясный голубокъ.

Не въ горахъ, а здѣсь, со мной, въ долинѣ
 Будеть счастьемъ жизнь твоя полна;
 На вершинахъ воздухъ холоднѣе,
 На поляхъ прекраснѣе весна.

Приходи! Роскошными цвѣтами
 Подарить тебя весна-любовь,
 Тѣ цвѣты не то, что дѣти мая,—
 Увиданья нѣтъ для тѣхъ цвѣтовъ!

На поляхъ губительнымъ дыханьемъ
 Дней осеннихъ дышуть холода,—
 Но любви, любовь моя—теплица,
 Гдѣ не вѣетъ осень никогда.

Будешь ты царицей въ ней! Сходи-же!
 Пусть и малъ и тѣсенъ этотъ домъ,
 Но для насъ двоихъ въ немъ станетъ мѣста,
 Какъ для пары птицъ въ гнѣздѣ родномъ.

Всѣ богатства, роскошь и наряды
 Сбрось съ себя, голубка, и спѣши!
 Что намъ въ блескѣ этихъ украшеній,
 Помрачавшихъ блескъ твоей души.

С М Е Р Т Ъ.

Опять летить гонецъ давно забытой муки,
 Съ другого свѣта онъ является ко мнѣ.
 Онъ говорить: «скорѣй готовь себя къ разлукѣ,
 Направь теперь свой путь къ могильной глубинѣ.»

Остатки старыхъ силъ, какъ войско въ пораженьи,
 Бѣгутъ трусливо прочь. Я слабъ и одинокъ.
 Предъ смертью кровь моя, быть можетъ, на мгновенье
 Въ послѣдній разъ къ груди прихлынула со щекъ.

Зачѣмъ-же медлишь, смерть! Зачѣмъ, не убивая,
 Терзаетъ грудь мою мучительный недугъ?
 Боишься-ли меня коснуться ты, святая?
 Иль хочешь испугать? Мнѣ не знакомъ испугъ!

Кто шелъ на жизнь, какъ я, безъ страха и смущенья,
 Тотъ вѣрно никогда не дрогнетъ предъ тобой!

Жизнь—милолетный миръ и долгое сраженье,
Смерть—это вѣчный миръ за краткою борьбой.

Я знаю, мой конецъ сердца людей встревожить:
Рядъ пѣсенъ до сихъ поръ лелѣть эта грудь;
То сѣмена—изъ нихъ разросся-бъ лѣсъ, быть можетъ,
Усталыхъ путниковъ онъ звалъ-бы отдохнуть.

.
.

Но если умереть мнѣ суждено такъ рано,—
Приди хоть ты, весна, любимая, скорѣй,
Пусть предомной блеснетъ твой лучъ румяной,
Пусть наслажуся я еще зарей твоей.

Приди ко мнѣ, приди, любимая, святая,
Свой благодатный югъ повинь скорѣй для насъ!
Вся жизнь моя была мрачна, какъ ночь глухая,
Но я хочу, чтобъ былъ свѣтлѣй мой смертный часъ!

Приди, волшебница! Разсѣй цвѣты предъ нами!
Земля теперь кругомъ уныла и пуста,—
Но ты за эту жизнь, столь бѣдную цвѣтами,
Разсыпlesh ихъ вѣнки у моего креста...

Ю Н Б Е Р Ъ П И Н Т И .

Доволенъ я судьбой своею,
Да, чортъ возьми, доволенъ я!
Я награжденъ такъ щедро ею,
Что больше требовать нельзя.
Вотъ, напримѣръ, еще недавно
Самъ Пинти посѣтилъ мой домъ—
Нашъ Пинти—гость всегда исправный,
Герой-попоекъ самый главный,
Извѣстный на сто версть кругомъ.

Нашъ Пинти не богатъ казною
И, предкамъ слѣдуя во всемъ,
Онъ друженъ меньше, чѣмъ съ луною,
Съ набитымъ туго кошелькомъ.
Но не повѣсился безславно,
Не тужить ровно ни о чемъ

Нашъ Пинти—гость всегда исправный,
Герой попоекъ самый главный,
Извѣстный на сто верстъ кругомъ.

Онъ дома не привыкъ къ обѣду,
Но—кто-бъ повѣрить могъ?—онъ ситъ;
Онъ тотчасъ шествуетъ къ сосѣду,
Когда почуветь аппетитъ.
Здѣсь съѣсть, тамъ выпить,—ну, и славно!
Обзавелся уже брюшкомъ
Нашъ Пинти—гость всегда исправный,
Герой попоекъ самый главный,
Извѣстный на сто верстъ кругомъ.

Но гдѣ онъ платье покупать?
Оригинально онъ одѣтъ:
То балъ, то пиръ—онъ собираетъ
У всѣхъ друзей свой туалетъ.
Отдать имъ платье—вотъ забавно!
И самъ пощеголяетъ въ немъ
Нашъ Пинти—гость всегда исправный,
Герой попоекъ самый главный,
Извѣстный на сто верстъ кругомъ.

Его жилище—это тайна,
Хоть вѣчно другу своему
Онъ домъ свой хвалить чрезвычайно—
И вѣрятъ на слово ему.
Но льнетъ къ трактирамъ очень явно,
Совсѣмъ забывъ свой чудный домъ,
Нашъ Пинти—гость всегда исправный,
Герой попоекъ самый главный,
Извѣстный на сто верстъ кругомъ.

Портретъ написанъ мной безъ лести
И юнкеръ Пинти жизнью всей
Принесъ, конечно, много чести
Себѣ и родинѣ своей.
Кричите-жъ громче: „въ жизни славной
Да встрѣтишь ты успѣхъ во всемъ,
Нашъ Пинти—гость всегда исправный,
Герой попоекъ самый главный,
Извѣстный на сто верстъ кругомъ!“

Ш У Т Ъ.

Пора вамъ всѣмъ узнать меня вполне,
 Понять, что я подъ маской щеголю,—
 Теперь подъ ней несносно стало мнѣ
 И я ее торжественно срываю.

Веселостью дышаль мой каждый стихъ,
 Но изъ души-ль тѣ пѣсни исходили?
 Пусть громкій смѣхъ звучалъ нерѣдко въ нихъ—
 Онъ былъ цвѣткомъ, разцвѣтшимъ на могилѣ.

Цвѣтокъ разцвѣлъ роскошно надъ землей,
 А рой червей и трупъ лежать подъ нею,—
 Такъ за стихи шуточные порой
 Я прятался отъ васъ съ тоской своею.

Пришла пора: съ подмостковъ сходить шуть,
 Онъ публику смѣшить не въ состояннѣ,
 За сценою изъ глазъ его текутъ
 Потоки слезъ отъ жгучаго страданья!

О, злая мысль! Блеснула ты на мигъ
 Въ моей душѣ подъ гнетомъ страшной жизни.
 Ко мнѣ, мой смѣхъ! Пусть не единый стихъ
 Не бередитъ печалью ранъ живыхъ
 И безъ того взмученной отчизны.

А. Михайловъ.

О ЧЕМЪ ПѢЛА ЛАСТОЧКА?

Романъ Шпильгагена.

ГЛАВА IV.

— Прощу тысячу извиненій! звонѣлъ голосокъ г-жи Вольновъ въ двери комнаты.

— Не много-ли будетъ! засмѣялся супругъ, поднимаясь вмѣстѣ съ Готтгольдомъ и выступивъ ей на-встрѣчу.

— А тебѣ вѣчно считаться со мной хочется, пропустить никакъ нельзя...

— Но вѣдь я все-же прощаю великодушно...

— А перебивать тоже на каждомъ шагу не слѣдуетъ... Я вотъ приготовила самую блестящую изъ всѣхъ своихъ рѣчей, а онъ... у, противный какой.

— И рѣчь эта, всеконечно, начиналась съ привѣтствія: „здравствуйте“, а?

— Ну, разумѣется, здравствуйте, здравствуйте, добро пожаловать, дорогой гость! пропищала мадамъ Вольновъ, протягивая Готтгольду свои жирныя, маденькія ручки и съ живѣйшимъ любопытствомъ вглядываясь въ него карыми, бѣгающими глазками:— да какъ-же вы выросли, выровнялись, ой, ой, ой... похорошѣли какъ, прелесть!..

Готтгольдъ, къ сожалѣнію, не могъ отвѣтить ей тѣмъ-же комплиментомъ. Оттилія Блажущейнъ — съ тѣхъ поръ какъ онъ видѣлъ ее въ послѣдній разъ—тоже, разумѣется, стала крупнѣе, но какъ будто совсѣмъ не выросла и вовсе не похорошѣла. Но полное, слегка красноватое лицо дышало такимъ добродушіемъ, такой

неподдѣльной веселостью, что Готтгольду не стоило большого труда, на дружеское привѣтствіе своей старой знакомой, отвѣтить той-же искренностью.

Она пригласила обоихъ кавалеровъ опять сѣсть за столъ, съ ихъ позволенія, сама подсѣла къ нимъ и попросила стаканъ вина — такъ много, говоритъ, болтала сегодня вечеромъ, что въ глоткѣ совсѣмъ пересохло. Но потомъ быстро вскочила со стула и шопотомъ спросила мужа, показываль-ли онъ гостю одно сокровище...

— Да нѣтъ-же, нѣтъ! улыбнулся г. Волыновъ, нѣжно замотавъ головой, — вѣдь это значило тебя самую лишать неисчерпаемаго удовольствія...

— Спасибо, родной мой! поцѣловала она его на лету въ голову и потомъ обратилась къ Готтгольду.

— Пожалуйста-ка сюда... я вотъ докажу, что та маленькая жидовка, съ которой вы когда-то не побрезгали танцевать, тоже благодарность умѣла чувствовать... Вотъ поглядите-ка сюда... это я купила для памяти о васъ и купила-бы, хоть-бы за него спросили столько, сколько, дѣйствительно, стоитъ эта чудная работа... Но мнѣ она досталась просто за безцѣнокъ...

Оттилія взяла свѣчу и подвела Готтгольда къ ландшафту, еще прежде показавшемуся для него чѣмъ-то очень знакомымъ.

Взглянувъ на картину, Готтгольдъ страстно измѣнился въ лицѣ и чуть не вскрикнулъ, какъ-будто сильно испугавшись.

— Это Долланъ! засмѣялась къ нему Оттилія.

Готтгольдъ ничего не отвѣчалъ; онъ взялъ свѣчу изъ рукъ хозяйки и поднялъ ее ближе къ высоко висѣвшей на стѣнѣ картинѣ. Да, да, это—его работа, и сколько любви, сколько глубокой душевной скорби потратилъ на нее художникъ! Объ этой самой картинѣ онъ рассказывалъ прежде г. Волынову, — какъ она угрюмо торчала у него на мольбертѣ въ этотъ самый вечеръ, когда въ судьбѣ его произошелъ вдругъ такой неожиданный, негаданный поворотъ. Готтгольду хотѣлось тогда совсѣмъ порвать съ грустными прошлыми и въ знакъ того, что для него начинается періодъ болѣе смѣлыхъ надеждъ, онъ подарилъ кому-то эскизъ, и, такимъ образомъ, картина не была уничтожена, но попала на выставку художественныхъ произведеній, потомъ на другую, на третью и такъ далѣе, пока, наконецъ, она была продана, но кому, ку-

да—онъ этого не зналъ, да и не интересовался знать. Такъ или иначе картина должна была для него исчезнуть. А между-тѣмъ онъ все еще не могъ совершенно отдѣлаться отъ воспоминанія о ней за все это время. Готтгольдъ не забылъ ея и могъ-бы нарисовать на память въ другой разъ, но... но въ эту новую работу онъ уже не вложилъ-бы прежней жгучей боли души, затаенной слезы сердца. И вотъ онъ опять встрѣчается съ своей картиной—теперь, когда въ немъ такъ чутко и трепетно пробудилось все бывшее и пережитое, такъ полно встало въ душѣ, какъ было въ ту пору, когда каждый легкій вѣтерокъ обвивалъ юнаго художника ароматомъ родимыхъ елей, свѣжестью моря, шопотомъ любви...

— А не хотите-ли знать, какъ я пріобрѣла эту картину и какъ узнала, что это ваша работа?.. О это цѣлая исторія! продолжала г-жа Вольновъ: — вы, конечно, знаете, что мы, непосвященные, не умѣемъ различать вашихъ значковъ и подписей, господа художники... по крайней мѣрѣ, я тогда не была еще большой мастерицей по этой части... Но вѣдь на счастье нѣтъ закона, не правда-ли?.. Это самое я говорила и Цециліи Брандовъ... Она, знаете, была тогда, то-есть лѣтъ шесть тому назадъ... ахъ, да, надо-же вамъ сказать сначала, что я только-что вышла замужъ... вотъ чуть было не сказала на ярмаркѣ въ Зундинѣ, ха, ха, ха... Но на ярмарку пріѣзжали только мужчины... шерсть сбывать и покупать... а мы, дамы, конечно, больше интересовались художественной выставкой. Такъ вотъ я съ ней тутъ и повстрѣчалась. Ну, мы, разумѣется, о многомъ разговорились между собой... какъ двѣ подруги, невидѣвшіяся еще съ самого выпуска изъ пансіона... вы, можетъ быть, уже не помните, что я училась съ Цециліей въ одномъ пансіонѣ, въ Зундинѣ... Много говорила собственно одна я, ха, ха, ха... потому-что Цецилія была очень пасмурна и молчалива... если не ошибаюсь, незадолго предъ тѣмъ она похоронила своего второго ребенка... Потомъ въ толпѣ насъ какъ-то разрознили и уже послѣ я застою ее совершенно одну... въ задней залѣ... передъ какою-то картиной... Она, должно быть, плакала, но когда я подошла къ ней, поскорѣе отерла слезы...

— Скажи, пожалуйста, говорю я,—да это, кажется...

— Да, перебила она,—это онъ рисовалъ...

— Кто онъ?..

Ну, однимъ словомъ, говоритъ, что рисовали картину вы и никто другой... Напрасно я ее увѣряла, что буквы „Г. В.“, въ углу картины, могли обозначать Богъ знаетъ кого... она упрямо стояла на своемъ... Видите-ли, какъ я недалеко была тогда по части живописи, ну, а теперь, конечно, но... что съ вами, ваша рука дрожить, вы эдакъ, пожалуй, подсвѣчникъ уроните?..

— Послушайте, отдайте мнѣ эту картину! проговорилъ Готтгольдъ, но потомъ, замѣтивъ, что мужъ и жена поглядѣли на него съ удивленіемъ, послѣшилъ прибавить спокойнымъ голосомъ, ставя свѣчку на столъ:—положа рука на сердце, работа эта не стоитъ быть вывѣшеною между вашими другими, отчасти замѣчательными картинами. Это—не болѣе, какъ ученическая работа, наляпанная притомъ по очень бѣгло набросанному эскизу, просто на память... А я-бы нарисовалъ вамъ другую, лучшую картину... даже сюжетъ предоставляю вашему выбору, если хотите этотъ самый...

— Въ самомъ дѣлѣ,—о, да я-бы съ величайшимъ восторгомъ! обрадовалась г-жа Вольтновъ:—позвольте поймать васъ на словѣ... лучшей-то картины вы, положимъ, не нарисуете... это невозможно,—но другую, собственно для меня, работы перваго ландшафтиста нашего времени, помилуйте... да это-бы... да я-бы просто угорѣла отъ восторга и гордости, на всю жизнь угорѣла-бы! Вашу руку! Оттилія протянула обѣ руки Готтгольду.

— Ну, такъ, стало быть, по-рукамъ! предложилъ г. Вольтновъ, — по старому обычаю сейчасъ могарычъ и запьемъ, хе, хе, хе... Вотъ вы сами изводите видѣть, г. Готтгольдъ Веберъ,—чего самъ чортъ не можетъ подѣлать, то обдѣлаетъ женщина. Ужь какъ я васъ упрасивалъ погостить между нами, и все было-бы напрасно: но вотъ налетаетъ прекрасный полъ, — и человекъ смирился, подобрѣлъ... И отлично, ей-богу, отлично!!..

— А ужъ Цецилія-то какъ обрадуется! подхватила г-жа Вольтновъ:—жалъ ее, право, бѣдненькую! Маленькое, пріятное развлечение принесетъ ей, я думаю, большую отраду...

Готтгольдъ весь измѣнился въ лицѣ. Давая хозяйкѣ свое обѣщаніе, онъ вовсе не хотѣлъ прискаты для себя удобный предлогъ видѣться съ Цециліей.

— Послушай, ты ужъ слишкомъ безцеремонно навязываешь на-

шему гостю эту командировку, попрекнулъ г. Волльновъ,—я полагаю, ты могла-бы легко удовлетвориться и копіей...

— Да какая копія?! Ты понимаешь, что дѣло вовсе не въ копіи, а въ совершенно новой картинѣ!.. горячилась Оттилія: — впрочемъ, ты, мой другъ, этого не понимаешь или... г. Веберъ едва-ли ухитрится понимать тебя...

— Да видишь-ли, я не хотѣлъ разставаться съ гостемъ такъ скоро... мнѣ-бы желательно было подольше продержатъ его у насъ...

— Да ты сначала разбери хорошенько! приставала къ нему жена:—видите-ли, г. Веберъ, онъ терпѣть не можетъ гг. Брандовъ, за что именно—Богъ вѣдаетъ... Собственно его я сама не особенно люблю и тоже не могу сказать, чтобы имѣла къ тому какую-нибудь опредѣленную причину; — развѣ за то только, что онъ постоянно на дѣтскихъ вечеринкахъ дразнилъ меня, какъ шишка острая... Но я хлопочу здѣсь вовсе не ради него, а ради его доброй, милой жены...

— А такъ-какъ мужъ, да жена одна сатана...

— Конечно, конечно, Эмилъ, если-бы всѣ такъ думали, какъ ты и... слѣдовательно и я; но вѣдь нѣтъ правила безъ исключенія, и вотъ именно у гг. Брандовъ супружество вышло такъ скверно и горько, что я, право, не знаю...

— Зачѣмъ намъ такъ много ими заниматься, не правда-ли? подхватилъ г. Волльновъ:—дѣйствительно, это тѣмъ бесполезнѣе, что нашъ гость не можетъ особенно интересоваться этой темой...

— Не можетъ особенно интересоваться, скажите, пожалуйста! пропищала Оттилія, всплеснувъ жирными ручками, — сдѣлайте одолженіе, г. Готтгольдъ... ахъ, вотъ опять, по старой привычкѣ васъ такъ называю,—извините, пожалуйста... да, такъ урезоньте вы этого чудака... представьте, гётевское сродство душъ онъ называетъ чепухой...

— Извини, я сказалъ—неморально...

— Неправда, неправда, чепуха—это твое слово,—еще третьяго дня, вечеромъ; когда мы коснулись этого предмета, и ты осмѣлился утверждать, будто Гёте покривилъ душою—слышите-ли, покривилъ душою, выставивъ единственное лицо, умѣвшее сказать о бракѣ кое-что дѣльное, какинъ-то полупомѣшаннымъ...

— Прекрасно, но къ чему ты приплела сюда сродство душъ? почти съ досадою отозвался Вольновъ.

— Видите-ли, онъ въ сродство душъ не вѣрить, ей-богу, не вѣрить! торжествовала Оттилія, — и увѣряетъ, что такая ерунда можетъ завестись только въ очень жидкихъ, больныхъ мозгахъ, какъ вѣра въ духовъ, привидѣнія и такъ далѣе. Ну-съ, а если пошло на правду, такъ онъ только прикидывается и втайнѣ вѣрить въ то, противъ чего такъ вооружается, даже болѣе кого другого... и теперь, какъ видите, словно ребенка малый, пугливо хватаетъ васъ за сюртукъ при одной мысли, что вотъ вы отправитесь въ Долланъ и увидите... подругу молодыхъ лѣтъ, ха, ха, ха...

— Да перестань-же, шалунья! упрасивалъ г. Вольновъ, стараясь замаскировать притворнымъ смѣхомъ свое замѣшательство...

— А знаете-ли, сегодня весь вечеръ мы ни о чемъ другомъ и не говорили! весело расхоталась Оттилія. — Надо вамъ сказать, г. Готтгольдъ, что кромѣ меня тамъ были еще три дамочки того незабвеннаго танцевальнаго вечера, — всѣ онѣ теперь уже замужемъ, — Полина Эллисъ... ну, эта, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, васъ нисколько не интересуетъ, — потомъ Луиза Пальмъ... съ карыми глазками, мы называли ее *zingarella*, цыганочкой... и третья — Гермина Зандбергъ, — помните, хорошенькая эдакая барышня... жаль, что косить на одинъ глазъ и немножко пришепечиваетъ... Мы знали буквально все и могли отлично припомнить мельчайшія подробности... особенно, вашъ поединокъ съ Карломъ Брандовомъ...

— Сколько мнѣ помнится, однако, ни одна изъ названныхъ дамъ не присутствовала при этомъ поединкѣ, замѣтилъ Готтгольдъ.

— Bravo, bravo!! подтрунивалъ мужъ.

— Вовсе-же не bravo! надулась Оттилія, — и вовсе неделикатно со стороны г. Готтгольда поднимать насъ на смѣхъ за то, что мы сохранили добрую о немъ память такъ долго, такъ долго...

— Избави Богъ, чтобы я... оправдывался Готтгольдъ, — напротивъ, я чувствую себя высоко польщеннымъ, если моя особа, хоть на нѣсколько минутъ, могла послужить темой для такихъ очаровательныхъ собесѣдницъ...

— Злой вы насмѣшникъ, вотъ что!..

— Еще разъ увѣряю васъ, что говорю совершенно серьезно.

— А если я доказательства потребую?..

— Я-бы самъ желалъ доказать вамъ это, чѣмъ только могу.

— Такъ расскажите-же намъ, изъ чего и какъ затѣялась между вами дуэль! — попросила Оттилія, ярко раскраснѣвшись: — мы никакъ не могли между собою поладить относительно этой исторіи, признаюсь вамъ чистосердечно: — одна говоритъ, что дѣло было такъ, другая, что не такъ, а вотъ какъ... ну, и, въ концѣ концовъ, выходило то, что мы ничего положительнаго не знали. Не будете-ли вы такъ любезны?..

— Извольте, извольте, поклонился Готтгольдъ.

Давно уже онъ замѣчалъ, что г. Вольнову хотѣлось дать разговоръ другой оборотъ. Нужно было, слѣдовательно, убѣдиться, что околичныя замѣчанія хозяина были вовсе не такъ невинны, какими онъ сначала показались его гостю. Ужь не рассказала-ли мадамъ Вольновъ цѣлый романъ въ какомъ-нибудь свирѣпомъ вкусѣ, и не навязала-ли въ этомъ романѣ самому Готтгольду невообразимо нелѣпную роль?.. Нужно было положить конецъ всѣмъ этимъ глупымъ толкамъ. Всего лучше для этого, сообразилъ Готтгольдъ, — исполнить желаніе г-жи Вольновъ и здѣсь-же подробно рассказать всю исторію, рассказать искренно и правдиво, какъ если-бы она случилась не съ нимъ, а съ какимъ-нибудь совершенно постороннимъ лицомъ.

Объ этомъ именно такъ серьезно и раздумывалъ Готтгольдъ, медленно поднося къ губамъ налитый виномъ стаканъ. Наконецъ, онъ съ живостью ухватился за эту мысль и съ любезной улыбкой обратился къ г-жѣ Вольновъ:

— Съ какимъ удовольствіемъ я желалъ-бы начать мой рассказъ знаменитымъ приступомъ въ классической рѣчи Энея: „о, царица, ты обновляешь несказанную боль старой раны“... но, увѣряю васъ, въ настоящемъ случаѣ это не идетъ ни къ селу, ни къ городу. Въ дурную погоду рана моя, дѣйствительно, какъ-будто даетъ себя чувствовать, но „несказанною болью“ этого ощущенія все-таки назвать нельзя, да и, вообще, въ подобныя минуты я ощущаю только, что въ молодости всякій бываетъ подчасъ несказанно глупъ и выдѣлываетъ такія дурачества, за которыя самому впоследствии дѣлается стыдно. Къ категоріи этихъ послѣд-

нихъ принадлежитъ между прочимъ и моя ссора съ Карломъ Брандовымъ, но, надо вамъ замѣтить только, уважаемая хозяйша, что ссора наша началась не во время танцевалса, но втихомолку тѣла уже довольно долго и, наконецъ, на вечеринкѣ завершилась звонкимъ скандаломъ. Но первымъ поводомъ къ разладу послужило слѣдующее: у насъ, во второмъ классѣ, было узаконено стариннымъ, свято-уважаемымъ обычаемъ, что только „старички“ имѣли право стоять или ходить въ открытомъ пространствѣ между первой скамьей и кафедрой, тогда какъ „новички“, до истеченія перваго семестра, не смѣли высунуть туда и носа—подъ страхомъ тяжелой потасовки. Карлъ Брандовъ принадлежалъ къ старичкамъ, даже къ очень древнимъ старичкамъ, потому что сидѣлъ во второмъ классѣ уже третій годъ и постоянно тамъ, куда забивались самые убогіе мудрецы, хотя ему пошелъ уже девятнадцатый годъ. Я-же былъ изъ „новичковъ“, самыхъ юныхъ и зеленыхъ—всего четырнадцати лѣтъ поступилъ въ этотъ классъ, какъ теперь помню, послѣ рождественскихъ святокъ,—къ великой досадѣ моего родителя, такъ какъ онъ, самолично приготовивъ меня къ экзамену, ожидалъ, что меня непременно примутъ въ старшій классъ. И дѣйствительно, я былъ подготовленъ хорошо, такъ что когда, по прошествіи первой недѣли, пошла повѣрка задачъ, называемыхъ у насъ *extemporalia*, то оказалось, что моя работа возведена въ достоинство „*Primum omnium*“. И между тѣмъ не смѣлъ выйти передъ первую скамейку! Еще въ самомъ началѣ запрещеніе это показалось мнѣ унизительнымъ, но теперь я прямо возвысилъ голосъ и открыто объявилъ, что знать не хочу никакихъ ограниченій и требую отмѣны глупаго обычая, притомъ не только для себя одного, но и для всѣхъ новичковъ, такъ какъ я считалъ себя ихъ представителемъ.

Высказавъ такъ категорически свое требованіе, я слѣдовалъ только своему врожденному чувству справедливости, безъ всякой задней мысли. Оказалось, между тѣмъ, что самый хитрый демагогическій агитаторъ не могъ-бы дѣйствовать успѣшнѣе. Возьмись я хлопотать особнякомъ, ради одного себя,—едва-ли мнѣ удалось-бы провести мой смѣлый билль, но теперь мое дѣло стало дѣломъ всѣхъ... то есть всѣхъ новичковъ. А насъ было тогда въ классѣ—ужъ случаю такъ захотѣлось—ровно столько-же, сколько и

старичковъ. По части тѣлесной дюжести, этой важной вещи въ школьномъ быту, мы тоже могли-бы помѣряться съ кѣмъ угодно, а если чего и не хватило-бы въ этомъ отношеніи, то недостатокъ вполне вознаграждался-бы буйнымъ энтузіазмомъ къ правому дѣлу—если-бы... не было Карла Брандова!.. Но кому могла придти охота сцѣпиться съ этимъ плотнымъ восемнадцатилѣтнимъ парнемъ—рослымъ, стройнымъ, какъ молодая ель?! Онъ свирѣпствовалъ-бы между нами, какъ Ахиллъ богоподобный между троянцами и неминуемо усѣялъ-бы поле брани — уютную площадку въ еловой рощицѣ, позади училища — тѣлами сшибленныхъ съ ногъ противниковъ. У насъ, надо вамъ сказать, было такое условіе, что кто въ схваткѣ дотронется спиною до земли, тотъ считается побѣжденнымъ и выбывшимъ изъ строя, и, такимъ образомъ, исходъ борьбы былъ подвергнутъ рѣшенію шести достопочтенныхъ судей изъ старшаго класса, принявшихъ на себя эту роль съ полнѣйшей готовностью.

Страшна была борьба, но отступать было уже нельзя, если-бы кто-нибудь изъ насъ и думалъ объ отступленіи, а это и въ голову никому не приходило. Насталъ роковой часъ—въ субботу, подъ вечерокъ. Мы, разумѣется, такъ или иначе умѣли ускользнуть отъ учительскаго надзора. Ну, знаете, жутко и серьезно стало у-насъ на душѣ, какъ не можетъ быть жутко и серьезно солдатамъ передъ тѣмъ, какъ ихъ готовятся вести противъ изрыгающей огонь и смерть батареи... Особенно у меня кошки скребли на сердцѣ: я затѣялъ споръ, впуталъ въ него всѣхъ юныхъ товарищей и, разумѣется, сознавалъ всю тяжесть нававшей на меня отвѣтственности въ случаѣ постыднаго пораженія, —скверномъ случаѣ, приобрѣтавшемъ въ моихъ глазахъ большую и большую вѣроятность. Что я рѣшился натянуть всѣ свои нервы, бороться до послѣдней крайности—нечего, разумѣется, и говорить. Я все-таки не терялъ надежды и молился богамъ, чтобы они присудили мнѣ лично сцѣпиться съ Карломъ Брандовымъ,—противники, видители, должны были назначаться по жребію, только низложившій своего противника имѣлъ право выбирать другого—между прочими, также вышедшими изъ схватки побѣдоносно, и такъ далѣе до тѣхъ поръ, пока борьба не рѣшится окончательно. Не могу вамъ навѣрное сказать, у кого наши мудрецы старшаго класса заимствовали эти остроумные законы,—у Вальтеръ Скотта или у

другого кого-нибудь, но знаю только, что впоследствии, когда мнѣ случилось читать знаменитое изображеніе турнира въ „Айвенго“, каждый разъ, бывало, съ живостью припоминаешь себѣ тотъ роковой вечеръ, затѣнную въ лѣсу площадку и раскраснѣвшіяся, въ свирѣпой схваткѣ, дѣтскія лица...

Былъ между нашими новичками одинъ шестнадцатилѣтній мальчикъ — эдакая честная, открытая, симпатичная физиономія; его можно было-бы назвать даже хорошенькимъ, если-бы въ этомъ лицѣ было немножко болѣе жизни, если-бы большіе, голубые, милые глаза глядѣли менѣе задумчиво. Онъ былъ не высокаго роста, но довольно крѣпко сложенъ, и мы-бы на него много рассчитывали, если-бы какая-то сонливая скромность не брала у него верхъ надъ всей наличной тѣлесной силой. Никогда и ничѣмъ онъ передъ нами ее не обнаруживалъ и на наши докучливыя пристаиванья, кѣмъ онъ самъ, наконецъ, себя считаетъ — бабой или силачомъ — онъ добродушно пожималъ только широкими плечами...

— Куртъ Венгофъ! вернула г-жа Волльновъ.

— Онъ самый... мой добрый, бѣдный Куртъ! подтвердилъ Готтгольдъ и въ голосъ его отозвалась больная, дрожащая нотка, когда онъ заговорилъ о лучшемъ другѣ своихъ молодыхъ лѣтъ: — какъ теперь вижу его... только-что легкимъ усиліемъ свалилъ съ ногъ своего противника, какъ жидкій снопъ, да и стоитъ себѣ скромненько, небрежно, точно далѣе дѣло до него вовсе не касается. Я тоже справился съ своимъ недругомъ и, весь выбившись изъ силъ, еле переводя духъ, вскакиваю на ноги, вдругъ... на меня бросается Карлъ Брандовъ, уже успѣвшій побороть двухъ или трехъ нашихъ... „Северно, чортъ возьми“, крикнулъ я, — „ты-то смотри, чтобъ онъ не больно радовался...“ На побѣду я, само собою, не могъ рассчитывать. Но въ тоже мгновеніе Куртъ подскакиваетъ и становится передо мною, въ слѣдующее — они сѣбнилась и Карлъ Брандовъ, съ первой-же схватки почувствовалъ, что онъ имѣетъ дѣло съ противникомъ, по крайней мѣрѣ, нисколько не уступавшимъ ему въ силѣ и мужествѣ, тогда какъ по хладнокровію и упорной настойчивости ему было далеко до Курта, какъ показали послѣдствія. Преинтересно было посмотрѣть на борьбу этихъ двухъ юныхъ атлетовъ, и мы всѣ — бойцы и судьи, побѣдители и побѣжденные — пожелали насладиться этимъ

рѣдимъ зрѣлищемъ: составили возлѣ бойцовъ широкій кругъ и съ напряженнымъ вниманіемъ стали слѣдить за всѣми случайностями борьбы, со страхомъ или надеждой — смотря по тому, кто къ какой партіи принадлежалъ — съ громкими вскрикиваньями, перешедшими, наконецъ, для моихъ сподвижниковъ въ оглушительный, радостный возгласъ побѣды, когда Куртъ Венгофъ, поднявъ своего совершенно умявшагося противника вверхъ и такъ швырнулъ его отъ себя, далеко на траву, что несчастный почти замертво растянулся во всю длину тѣла и долго пролежалъ, какъ безчувственная колода...

„Бой оконченъ, объявили остроумные судьи, — и въ этомъ имъ совершенно можно было повѣрить: кто осмѣлился-бы выступить противъ побѣдителя Карла Брандова? Я же послѣшилъ отъ всей души обнять моего дорогого Курта, поклялся ему въ вѣчной дружбѣ, потомъ обратился къ Карлу Брандову, успѣвшему подняться съ земли, и протянулъ ему руку, какъ начальникъ одной партіи главѣ другой, — выразивъ надежду, что за этой честной борьбою послѣдуетъ честный миръ. Онъ взялъ мою руку, засмѣялся даже, насколько мнѣ помнится, и сказалъ, что онъ не такъ глупъ, чтобы на кого-нибудь сердиться за то, что было и чего уже не воротить.

— Гмъ, вотъ онъ весь свой вѣкъ такъ прожилъ, съ желчью замѣтила г-жа Волльновъ, — въ глаза необыкновенно любезенъ и ласковъ, а за глаза такъ и наровитъ сдѣлать что-нибудь скверное...

— Видите, видите, и она къ вашей партіи уже примкнула, подсмѣивался г. Волльновъ.

— Что значить это „уже?“ защищалась г-жа Волльновъ: — да я иначе никогда не думала и не чувствовала — всегда была противъ него и имѣла на это свои причины. Страшно подумать, что стало-бы со мною на танцевальномъ вечерѣ, если-бы вы дружески не послѣшили ко мнѣ на помощь. Нѣтъ, нѣтъ я этого никогда не забуду... это было съ вашей стороны тѣмъ благороднѣе, что вы нисколько мною не интересовались, но были неравнодушны къ хорошенькой Цециліи... но я за это на васъ, ей-богу, нисколько не сердилась...

— Я полагаю, спорить съ вами совершенно напрасно...

— Разумѣется, совершенно напрасно... Помните-ли... мы сидѣли тогда съ вами рядомъ... какъ вы вдругъ вскочили со стула, страшный такой, блѣдный отъ злости, весь трясетесь... это когда Карлъ Брандовъ поцѣловалъ Цецилю, а она ударилась въ слезы...

— Да развѣ я не имѣлъ права выйти изъ себя? съ горячностью отозвался Готтгольдъ:— всѣ мы, молодежь, порѣшили между собой, что если кому будетъ назначено въ фантахъ поцѣловать барышню, то всѣ такія нѣжности должны ограничиться только поцѣлуемъ руки. Замятые, всѣ обязались къ тому торжественно, не исключая и Карла Брандова, и до того вечера условіе соблюдалось свято и ненарушимо. Когда-же онъ позволилъ себѣ эту наглую выходку, я имѣлъ право за это разсердиться и не пропустить сквозъ пальцы, — вдвойнѣ имѣлъ право... въ Долланѣ мнѣ пришлось бывать такъ часто, что я очень близко сдружился какъ съ братомъ, такъ и съ сестрой, ну, и притомъ, вы сами, вѣроятно, помните, что этого страшнаго флегматика — Курта, бывало никакими калачами не заманишь на танцклассъ и потому я долженъ былъ считать себя единственнымъ защитникомъ его сестры. Кромѣ того, Куртъ былъ не совсѣмъ въ ладу съ своими учителями, — я едва-едва могъ подготовить его къ экзамену и перетащить въ старшій классъ... какая-нибудь скандальная ссора, какою угрожала эта исторія, сильно повредила-бы ему... изъ заведенія могли выключить... да и, наконецъ, Карлъ Брандовъ своею дерзостью хотѣлъ задѣть за живое собственно меня, взбѣсить меня, заставить поднять перчатку, вмѣсто Курта... ну, да, однимъ словомъ, все это — юношескія дурачества, шалости... Я, право, краснѣю, когда подумаю обо всемъ этомъ, и потому позвольте ужъ мнѣ досказать остальное въ возможно-собрѣженномъ видѣ.

— Ну-съ, стали мы, со всевозможной таинственностью, готовиться къ дуэли, продолжалъ Готтгольдъ, немного помолчавъ, — потому видите, по мнѣнію нашихъ щекотливыхъ въ этомъ отношеніи товарищей старшаго класса дѣло никакъ не могло обойтись безъ поединка по всей формѣ... О времени и мѣстѣ встрѣчи знали только пауканты и секунданты — если вы позволите мнѣ употребить эти классическія выраженія. Достать оружіе было нетрудно, — несмотря на строжайшія запрещенія у насъ въ обраче-

ни было, по крайней мѣрѣ, съ дюжину добрыхъ рапиръ. У Карла Брандова нашлась также пара такихъ рапиръ, и насчетъ его ловкости закадычные друзья рассказывали съ цѣлымъ корабль чудесъ. Но и у Курта розыскались два добрыхъ клинка,—помню, какую адскую трескотню мы, бывало, поднимали ими въ глухой затиши долланскаго лѣса. Зрѣніе у меня было хорошее, рука—твердая, несмотря на пятнадцатилѣтній возрастъ, и Карль Брандовъ не мало удивился, заставъ меня, имъ презираемаго, жалкаго противника, бодрымъ, хорошо вооруженнымъ молодцомъ... Видно было, по крайней мѣрѣ, что онъ каждую минуту чувствовалъ себя неловче, страшно горячился и этимъ самымъ далъ мнѣ возможность помѣряться съ нимъ силами, хотя, правду сказать, какъ боецъ, онъ былъ куда искуснѣе и опытнѣе меня. Мало того—я отважился даже самъ перейти къ нападенію и отвѣсилъ ему такой молодецкій ударъ по плечу, что изъ рукава закапала кровь. Секунданты стали кричать: стой! стой! Я въ ту-же минуту опускаю свою рапиру. Но видно Брандовъ ужъ черезъ-чуръ развѣрѣлъ послѣ своей неудачи, если не слышалъ крика секундантовъ и не замѣтилъ движенія моей рапиры—также какъ и я самъ, цѣлый мѣсяцъ послѣ того, ничего не видѣлъ и не слышалъ, что происходило со мною...

— Онъ, говорятъ, два раза васъ ударилъ, замѣтила госпожа Вольновъ,—и послѣдній разъ уже тогда, какъ вы на землѣ лежали...

— Этому я никогда не повѣрю!.. весь вспыхнулъ Готтгольдъ,—но дѣло-то въ томъ, что и секунданты наши, очевидно, страшно опалѣли и впоследствии не могли толково распознать, какъ, въ самомъ дѣлѣ, все это случилось... Однако... однако... добрыйшая хозяйка, почтеннѣйшій господинъ Вольновъ, мнѣ кажется, я уже злоупотребилъ вашимъ терпѣніемъ и потому позвольте мнѣ отъеланяться... Ай, ай, ай—посмотрите, уже двѣнадцать!.. Такъ долго засидѣться,—на что это похоже!..

— А я бы... право всю ночь слушала! глубоко вздохнула госпожа Вольновъ, медленно поднимаясь со стула.—Ахъ, молодость, молодость! Только вѣдь разъ въ жизни и бываешь молодымъ...

— Ну, и слава Богу! засмѣялся Готтгольдъ,—а то бы пришлось еще разъ навязать себѣ на шею все эти непростительныя дурячества...

— Г-мъ, да, но какой возрастъ, скажите, пожалуйста, гарантируетъ отъ дурачества? пасмурно улыбнулся господинъ Волльновъ.

— Напримѣръ, твой почтенный возрастъ, другъ мой! обняла она мужа: — ты, дѣйствительно, слишкомъ старъ и слишкомъ практиченъ для этого. Нѣтъ, нужно быть не только молодымъ, но и такимъ добрымъ, какъ господинъ Готтгольдъ, что-бы за всю свою доброту дожидаться такой плохой награды. Воображаю, каково было у васъ на сердцѣ, когда Цецилія повѣнчалась съ этимъ самымъ Брандовымъ!! Кроткая, благородная, милая дѣвушка—и вдругъ сойтись съ такимъ человѣкомъ!.. Это хоть кого заставить потерять навсегда всякую вѣру въ честность людей...

— Мнѣ кажется, даже въ Израилѣ вѣра этого сорта не была особенно сильною! поморщился г. Волльновъ.

— Скажите, пожалуйста, вы отправитесь, конечно?..

— Сію-же минуточку отправляюсь, сударыня!

— Ахъ, какой несносный, да нѣтъ, не то: я хотѣла спросить,—вѣдь вы, разумѣется, побываете въ Долланѣ?

— Да, теперь нужно быть волей-неволей, хоть-бы и не ради картины...

— А ради чего-же?

— Запастись новой вѣрой въ человѣчество или, по крайней мѣрѣ, въ его важнѣйшую часть—въ меня самого! отозвался Готтгольдъ насмѣшливымъ тономъ, опять не ускользнувшимъ отъ внимательнаго уха г. Волльнова.

Затѣмъ хозяинъ проводилъ Готтгольда до дверей.

— А знаешь-ли, обратился онъ потомъ къ женѣ,—я не совсемъ тобой доволенъ...

— За что-же?

— Да помилуй, что онъ можетъ обо мнѣ подумать? Вѣдь я ему тутъ проповѣдывалъ... ну, однимъ словомъ, глупо и неловко, вотъ что!.. Хорошо еще, что не разговорился далѣе!..

— Да я-то тутъ чѣмъ-же виновата?

— Почему не рассказала мнѣ прежде этой романтической исторіи? Изъ нея оказывается достаточно яснымъ, что онъ любилъ твою подругу Цецилію,—какъ ты ее называешь, хотя особенной дружбы я что-то между вами не замѣтилъ,—навѣрное любилъ и, весьма вѣроятно, продолжаетъ любить и до сихъ поръ...

— Въ самомъ дѣлѣ, ты такъ думаешь?.. будто обрадовалась госпожа Волльновъ, вскакивая съ мѣста и обнимая мужа, — развѣ это замѣтно? Или онъ тебѣ признавался?..

Волльновъ расхохотался, на зло своей досадѣ.

— Едва-ли онъ когда-нибудь выберетъ меня повѣреннымъ въ своихъ сердечныхъ дѣлахъ, особенно теперь, послѣ того какъ я, эдакій олухъ, старался цѣлый часъ направить его сердце на путь истины, ха, ха, ха...

— Его сердце?.. Я что-то не совсѣмъ понимаю тебя, Эмиль...

— Весьма прискорбно, если не понимаешь... Странно, ей-богу, какъ это вы, барыни, недогадливы въ такихъ вещахъ, которья, однако, съ гордостью считаете своей спеціальностью! Будто не понимаешь?.. Ну, а я увѣряю, что этотъ фантазеръ отлично тебя разобралъ, и завтра-же ни свѣтъ, ни заря въ Долланъ полетитъ...

— Бѣды большой я въ этомъ еще не вижу! улыбулась госпожа Волльновъ: — почему-же имъ, скажи, сдѣлай милость, и не свидѣться, послѣ столькихъ лѣтъ разлуки... хоть-бы они и до сихъ поръ любили другъ друга?... Я отъ всей души желаю этого бѣдненькой Цецили... утѣшеніе для нея такъ необходимо!..

— Какъ деньги ея почтенному супругу! засмѣялся Волльновъ: — послѣ-завтра — послѣдній срокъ его векселямъ, валяющимся у меня въ конторѣ... на пять тысячъ, душа моя... Чтожь, можетъ быть, гость выручитъ ихъ обоихъ... за средствами у него дѣло не постоятъ...

— Ахъ, да какъ-же ты, Эмиль, несносенъ съ своей вѣчной прозой!..

— Я и не обѣщалъ тебѣ, что ты будешь имѣть въ своемъ супругѣ поэта...

— Это, кажется, всѣ знаютъ...

— А мнѣ хотѣлось-бы, что-бы ты знала это лучше всѣхъ...

— Эмиль!!

— Ну, ну, помиримся, другъ мой! Я, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ не въ мѣру раскапризничалъ... Воля твоя, не люблю, когда люди мѣшаются не въ свое дѣло... Пусть ихъ чудаки дурачатся... а мы съ тобой лучше махнемъ на нихъ рукою и еще лучше — спать ляжемъ...

V.

Всю ночь Готтгольдъ проворочался въ какомъ-то назойливомъ безпокойствѣ, и когда утромъ сразу очнулся отъ тяжелаго сна, солнце уже нѣсколько часовъ свѣтило въ его комнату, сквозь бѣлыя тюлевныя занавѣски.

Черезъ двѣ-три минуты онъ стоялъ уже совершенно одѣтымъ у открытаго окна. Выглянулъ—издавна знакомая картина привѣтливо улыбнулась ему въ глаза... Круглая площадка, съ маленькимъ обелискомъ по срединѣ и мостовой, проросшей мѣстами зеленой травкой. Площадка эта втиснута въ раму веселенькихъ, бѣлыхъ домиковъ съ свѣжими садами. Поодаль—красивое зданіе училища; день былъ воскресный, и изъ открытыхъ оконъ училища, среди утренней затиши, къ нему доносилось пѣніе учениковъ—такъ отчетливо доносилось, что онъ могъ слышать отдѣльныя слова хора; по правую руку, между домами и надъ крышами, выглядывала темная зелень стройныхъ, высокихъ деревьевъ большого парка. Далѣе, на лѣво, между кучкою другихъ домовъ, синѣла полоса моря, и маленький островокъ, лежавшій какъ-бы у порога большого острова, блестящимъ кружкомъ обозначался на утреннемъ солнцѣ. Точь въ точь такую, родною, привѣтливою, картина эта представлялась ему прежде сотню тысячъ разъ, когда онъ, въ училищѣ, послѣ утренней молитвы, стоялъ вмѣстѣ съ Куртомъ у окна и глядѣлъ въ зеленую даль—туда, гдѣ былъ Долланъ... Какъ теперь, его манило тогда изъ тѣсныхъ стѣнъ заведенія на солнечныя поля, въ тѣнистые лѣса, къ синему простору моря. И этотъ свѣтъ, эти тѣни, эта дальняя синева—они-то и пробудили въ мальчикѣ горячую страсть копировать, списывать, на полотно переводить то, что такъ тревожно западало въ его молодую душу, заставляло ее жить и чувствовать. Они-то и были для него первыми нотами въ языкѣ красокъ и очертаній. Съ тѣхъ поръ онъ уже мастерски выучился владѣть этимъ языкомъ, а между тѣмъ именно этимъ роднымъ контурамъ онъ былъ обязанъ всѣмъ, чѣмъ былъ, что могъ создать. Вчера, когда онъ такъ пасмурно ѣхалъ по роднымъ полямъ, въ сердцѣ, у него, однако, пробудилась одна отрадная дума: что вся роскошная, дивно-художественная Италія, размышлялъ онъ,—тамъ всѣ

его усилія, всѣ порывы къ немислимому творчеству остались-бы болѣе или менѣе напрасными, тамъ онъ рисовалъ только глазомъ и рукою,—не сердцемъ; съ трудомъ, съ грѣхомъ по поламъ говорилъ на прекрасномъ, звучномъ, но все таки чужомъ языкѣ, не на томъ, что льется изъ души вольными, родными звуками... Да, именно, раздумывалъ Готтгольдъ далѣе, только на родинѣ, только подъ роднымъ небомъ можно сдѣлаться истиннымъ, великимъ художникомъ, который пишетъ не то, что можетъ написать нисколько не хуже, если не лучше, всякій другой, но создаетъ,—какъ можетъ создавать одна крупная и самобытная сила... Но!.. послѣ всего, что было, что имъ пережито здѣсь... можетъ-ли эта родина быть для него еще родиной?! Почему-же нѣтъ если... если-бы и здѣсь онъ глядѣлъ на все такъ-же, какъ во всякомъ другомъ мѣстѣ, если-бы рѣшился и здѣсь оставаться только истиннымъ художникомъ, живущимъ лишь ради своихъ свѣтлыхъ идеаловъ?.. Для художника нѣтъ, какъ для другихъ, извѣстныхъ узкихъ рамокъ, и застигнувъ его боль души онъ воленъ выразить дарованнымъ ему свыше вдохновеніемъ. Искусство—строгое, благородное искусство было его путеводительной звѣздой въ грустныя минуты ранней молодости, спасительнымъ талисманомъ—въ тяжелую годину мюнхенскаго голода, его постояннымъ другомъ прежде и послѣ: почему-же ему не поддержать его и теперь, если онъ останется вѣренъ своему милому искусству, если укроется имъ, какъ своею свѣтлою и доброю эгидой?!..

Пѣніе учениковъ умоляло. Готтгольдъ провелъ рукою по угрюмымъ глазамъ и отошелъ отъ окна, когда кто-то довольно громко постучался въ дверь комнаты.

— Это ты, Іохенъ?

— Я самый, господинъ Готтгольдъ, ослабился Іохенъ Пребровъ, ставя на столъ подносъ съ чашкой кофе,—такъ осторожно, какъ-будто онъ принесъ мыльный пузырь и боялся, что онъ лопнетъ при малѣйшемъ толчкѣ,—давай Классъ Классенъ въ погребъ ходилъ, какъ вы позвонили,—его тутъ всѣ Louis прозываютъ, кто ихъ знаетъ, за что... такъ я вотъ подумалъ, не принести-ли вамъ кофе, можетъ, тошнѣе изъ моихъ рукъ не будетъ...

— И отлично сдѣлалъ, спасибо тебѣ.

— Да вотъ еще спросить я хотѣлъ: когда запрагать прикажете?

— Я пробуду здѣсь еще денька два, замѣтилъ Готтгольдъ.

Широкая физиономія Іохена хотѣла при этихъ словахъ скрывать улыбку, однако это ему рѣшительно не удалось, когда Готтгольдъ добавилъ далѣе:

— Тебѣ, значить, придется ѣхать одному...

— А что, вѣдь и я-бы дня на два остался... робко проговорилъ Іохенъ.

— Можетъ быть, тебѣ этого нельзя, если я не удержу за собой твоего экипажа, а? Ну, ну, пожалуй, коляска за мной, и мы сейчасъ-же отправимся съ тобой въ Долманъ пѣшкомъ... вѣдь и ты непрочъ-бы туда понавѣдаться, не такъ-ли? Или, можетъ быть, лошадей боишься тутъ надолго оставить?..

Іохену, однако, это большихъ опасеній не представляло. Его закадычный пріятель Классъ Классенъ, за что-то произведенный здѣсь въ Лоуві, отлично присмотрѣлъ-бы за лошадьми и не далъ-бы ихъ въ обиду; но съ какой стати господину Готтгольду вздумалось идти пѣшкомъ, когда у нихъ была коляска и лошади?

— Нѣтъ, нѣтъ, братъ, непременно пѣшкомъ! настаивалъ Готтгольдъ.

— Чтожъ, хоть и пѣшкомъ, — охота, значить, пуще неволи! усмѣхнулся Іохенъ, почесывая въ затылкѣ, — да только тутъ за гвоздка маленькая есть... тамъ вы господъ уже не найдете.

— Какъ-такъ?

— Да такъ, что они тутъ сегодня мимо проѣхали, почитай съ часъ уже будетъ, объяснялъ Іохенъ, — я сидѣлъ въ буфетѣ какъ-разъ въ то время, когда они у входа остановились...

Готтгольдъ поглядѣлъ на Іохена въ сильномъ изумленіи. Такъ она была здѣсь... и такъ близко, подъ тѣмъ самымъ окномъ, возлѣ котораго онъ стоялъ... и онъ не могъ видѣть ея милаго, хорошаго лица, какъ видѣлъ его Іохенъ... и между тѣмъ Іохенъ говорилъ объ этомъ такъ спокойно, какъ о самомъ ничтожномъ, будничномъ происшествіи!!

— Барыня оставалась въ экипажѣ, рассказывалъ далѣе Іохенъ, — а онъ самъ вошелъ въ буфетъ... перехватить рюмку рому... Въ комнатѣ тогда никого не было, — ну, я, знаете, ему и прислужился, потому самъ возлѣ шкапа только-что стаканчикъ выпилъ... Ну, спрашиваетъ меня, откуда я и какъ... Пассажира, говорю, привезъ, да кажись сегодня-же и дальше поѣдемъ, какъ

встанеть... Не знаешь-ли, говорить, кто онъ такой? Ну, я, разумеется, сказалъ, что не знаю... дружбы-то большой межъ вами, кажись, никогда не было... да и кромѣ того, чѣмъ дальше отъ господина Брандова, тѣмъ лучше, ей-богу!.. А что, неправду я говорю?.. Ну, слово за слово, стали мы болтать между собою; потомъ онъ часы вынимаетъ, — ѣду, говорить, въ Пюггенгофъ и вернусь ужъ, можетъ, завтра вечеромъ... Потомъ выпилъ-это свой ромъ... на обратномъ пути, должно быть, заплатитъ... да и выбѣжалъ къ своему экипажу... а лошадки были у него бурныя, — знатныя лошадки, особенно коренныя... Хоть-бы и вамъ было-бы взглянуть, потому вы тоже въ лошадахъ толкъ знаете, это я еще вчера замѣтилъ...

Но Готтгольдъ все еще не могъ придти въ себя и стоялъ, глубоко понуривъ голову. Она... она даже знать не будетъ, что онъ былъ здѣсь, въ родныхъ мѣстахъ!

Что-жъ, тѣмъ лучше! Вѣдь онъ самъ не искалъ встрѣчи съ нею. Дорога была для него открыта, свободна... онъ могъ безъ всякихъ помѣхъ, безъ сердечной тревоги заняться своей работой, задуманной въ планѣ еще вчера, когда онъ возвращался чрезъ стемнѣвшій паркъ отъ господъ Волъновъ.

Часъ спустя Готтгольдъ и Юхенъ шли по направленію къ Доллану, — сначала большой проѣзжей дорогой, потомъ боковыми, ведущими напрямикъ тропинками, еще хорошо знакомыми молодому художнику.

И вотъ онъ шелъ, весь отдавшись воспоминаніямъ о былыхъ и уже невозвратимыхъ дняхъ. Вокругъ его весело щебетали жаворонки, по стихшимъ полямъ важно прогуливались сизыя галки, тамъ и сямъ, подъ болотистыми ложбинками, вспархивали и стрекотали пестрыя сороки, а у дальней лѣсистой опушки, высоко-высоко въ небѣ, орелъ описывалъ свои величавыя, размашистыя круги... Кромѣ своего маленькаго, завернутаго въ пестрый шерстяной платокъ узелка, добрый Юхенъ вызвался нести также дорожную сумку и рисовальный ящикъ Готтгольда. Все время онъ шелъ нѣсколько позади и не приставалъ къ угрюмому товарищу съ своей, обыкновенно умѣренной говорливостью. У Юхена были свои собственныя думы, но онѣ уходили не въ прошлое, а сосредоточивались на будущемъ. Онѣ, думы эти, давно уже наворачивались у него на языкъ, и вся бѣда была въ томъ, что онъ не

зная, какъ приступить къ бесѣдѣ. Но вотъ они все ближе и ближе подходили къ повороту лѣса, гдѣ Іохенъ долженъ былъ на этотъ день разстаться съ Готтгольдомъ. Нужно было, слѣдовательно, поспѣшить объясниться и вывѣдать его мнѣніе объ одномъ интересномъ предметѣ. Кое-какъ Іохенъ собрался съ духомъ, нагналъ Готтгольда въ два исполинскихъ шага, двѣ-три минуты прошелъ молча рядомъ съ нимъ и самъ не мало испугался, когда, послѣ многихъ мысленныхъ репетицій, рѣшился выговорить въ слухъ такой вопросъ:

— А что вы скажете, господинъ Готтгольдъ, насчетъ, то-есть, упружества?

Готтгольдъ сразу остановился и съ удивленіемъ поглядѣлъ на сдобраго Іохена. У того также какъ-будто подкосились колѣни, тогда какъ широкая фигура съ дико-выпяленными глазами приняла такое уморительное выраженіе, что Готтгольдъ не могъ скрыть невольной улыбки.

— Это съ какой тебѣ стати вздумалось?..

— Да съ такой, что я жениться хочу...

— Стало-быть эту штуку ты долженъ знать лучше меня, потому я, братъ, вовсе не хочу жениться...

Іохенъ открылъ ротъ и раза два прожевалъ торопливо, точно ему приходилось проглотить слишкомъ крупный комъ. Готтгольдъ уже не могъ выдержать и безцеремонно расхохотался.

— Къ чему ты, милый мой, съ такими обиняками подѣзжаешь?.. А еще старый пріятель... стыдно, братъ! Я охотно дамъ тебѣ совѣтъ первѣйшаго сорта, да если хочешь благословлю обѣими руками, но вѣдь нужно-же мнѣ сначала знать, въ чемъ дѣло... Такъ ты, стало-быть, жениться задумалъ, а?

— Такъ точно, господинъ Готтгольдъ, признался, наконецъ, Іохенъ, стирая рукою крупныя капли пота съ загорѣвшаго лба, — то-есть я-то собственно ничего не хочу, а вотъ она... ужь больно хочется...

— Ну, и это уже хорошо... А кто эта она?

— Штина Лахмундъ.

— Господь съ тобой, Іохенъ: вѣдь она, по крайней мѣрѣ, пятнадцатю годами старше тебя!

— Чѣмъ-же она тутъ виновата?..

— Разумѣется, ничѣмъ...

— А дѣвушка хорошая, дюжая... только вотъ когда ходить, переваливается, какъ утка откормленная, потому больно ужъ въ тѣлѣ... Ну, да это не бѣда... вотъ она сама говоритъ, что легче станетъ на ходу, какъ работать будетъ больше, чѣмъ у господъ Вольновъ... тамъ, видите, разжирѣла ужъ очень...

— Ну, если она сама это говоритъ...

— Да въ тому еще и деньгу маленькую скопила, у господъ служивши, а вотъ родители ея... они теперь въ Тиссовѣ... да мы съ вами, господинъ Готтгольдъ, кажись, заѣзжали туда, водою, помните?.. И еще съ нами молодой баринъ тоже былъ... а зыбъ была сердитая, страшная, и мы выкупались, какъ мокрѣя курицы, — старикъ Лахмундъ только головой покачалъ — диковинное, говоритъ, дѣло, какъ это вы совсѣмъ не потонули...

— Да, да, и попотчивалъ насъ знатнымъ грогомъ, припоминалъ Готтгольдъ.

— И еще молодой-то баринъ хлебнулъ немножко лишняго, взялъ-это у старика длинную куртку, нарядился, а на голову — шапку матроскую, и ужъ какъ чудилъ-то, хе, хе, хе!.. Эхъ, времячко было золотое, господинъ Готтгольдъ!

Юхенъ окончательно запутался и не зналъ, о чемъ собственно повелъ свое повѣствованіе, но при дружеской помощи Готтгольда разсказалъ далѣе, какъ родители Штины, люди въ своемъ кругу довольно зажиточные, обрабатывали усадьбу въ приморской рыбацкѣй деревушкѣ и содержали нѣчто въ родѣ заѣзжаго двора, но теперь, удрученные годами, хотѣли передать бразды правленія своей единственной дочери и пользоваться лишь своей стариковской частью, подъ тѣмъ однако непремѣннымъ условіемъ, чтобы она вышла замужъ за хорошаго человѣка.

Юхенъ узналъ все это отъ самой Штины, когда сдѣлалъ ей визитъ въ кухню, — въ тотъ самый часъ, когда Готтгольдъ сидѣлъ у ея господъ. Взаключеніе всего разсказа она спросила Юхена, не желаетъ-ли онъ быть ея супругомъ.

— Она, видите, знаетъ меня еще малымъ парнишкой, продолжалъ разъяснять Юхенъ, — знаетъ, что я человѣкъ трезвый, работающій, хорошо умѣю ходить за лошадьми, да и въ полѣ могу работать и на лодкѣ возмусь провезть кого случится, — коли зыбъ не очень большая...

— Стало-быть, на этотъ счетъ все обстоитъ благополучно, за-

мѣтилъ Готтгольдъ, — но главный вопросъ — не противна-ли она тебѣ?

— Да вотъ только это одно, призадумался Йохенъ, — она сама, знаете, меня вчера спрашивала... нравится-ли, то-есть, мнѣ... ну, что мнѣ было ей сказать?..

— Правду, сущую правду, Йохенъ!

— Да я такъ и сдѣлалъ, господинъ Готтгольдъ:—нѣтъ, говорю, до сихъ поръ не то, чтобы ужь очень... А она—смѣяться. Это, говорить, ничего не значить — стерпится-слюбится, были-бы женихъ да невѣста люди честные, хорошіе. Ты-бы, говорить, хотъ господина Готтгольда спросилъ, онъ эту самую статью хорошо знаетъ...

— Я-то?!..

— Такъ точно; уму-разуму, говорить, тебя выучить, потому человѣкъ добрый, ну и кромѣ того... гмъ...

— Что?

— Если-бы, говорить, онъ женился на нашей барышнѣ, то ей въ тысячу разъ лучше было-бы, чѣмъ теперь... А и то сказать, господинъ Готтгольдъ, я вотъ самъ видѣлъ ее сегодня черезъ окно... только со сторонки... когда она одна въ экипажѣ сидѣла: воля ваша, а не сладко ей, должно быть, живется. Шти-на тоже говорить, что и радоваться ей правда-что нечему... Вы какъ полагаете, господинъ Готтгольдъ?

— Я... не знаю... не думаю! смѣшался Готтгольдъ: — всѣмъ слухамъ тоже вѣрить нельзя... однако, вернемся лучше къ твоему дѣлу...

— Такъ что-же вы мнѣ скажете?

— Да что тутъ рассказывать много?.. Лежить у тебя къ ней сердце—стало-быть по рукамъ, женись-себѣ на Штинѣ... дѣвушка, въ самомъ дѣлѣ, хорошая, честная... не обижай ее, и пошли вамъ Господь всякаго благополучія!..

Чтобы удобнѣе продолжать этотъ важный разговоръ, они усѣлись въ тѣни лѣсистой опушки. Но вдругъ Готтгольдъ вскочилъ на ноги, второпяхъ подхватилъ свою дорожную сумку и рисовальный ящикъ, положенные на травѣ Йохеномъ, пожалъ товарищу смуглую, мозолистую руку и, не оборачиваясь, пошелъ въ густоту лѣса.

Йохенъ поглядѣлъ немного ухидившему вслѣдъ, потомъ поднялъ

палкой свой узелокъ на плечи и сталъ взбираться по отлогости, на верхнемъ ребрѣ которой виднѣлась крыша отцовской кузницы.

VI.

Готтгольдъ шелъ по лѣсу торопливыми, судорожными шагами, точно ему нельзя было терять ни одной минуты. Его гнали все тѣ-же пасмурныя, мучительныя думы, неотвязчивыя, какъ рой комаровъ, преслѣдовавшихъ его со всѣхъ сторонъ, то поднимаясь сверхъ головы, то опускаясь, то опережая, то оставаясь позади— во все время, когда онъ шелъ въ лѣсной затиши.

— Вотъ судьба-то, судьба! бормоталъ онъ, шагая далѣе,—неужели мнѣ всякій встрѣчный будетъ колоть этимъ глаза, точно я виноватъ, что ей нѣтъ въ жизни счастья?.. Гмъ, да гдѣ оно это счастье, гдѣ счастливые?.. Какіе-нибудь непогрѣшимые математики, отъ доски до доски вызубрившіе свою нехитрую житейскую мораль, въ родѣ самодовольнаго, благоразумнаго фарисея—Вольнова... или добродушные философы, въ родѣ Іохена, для котораго пятнадцать лѣтъ больше или меньше въ возрастѣ обожаемой ничего не значать, лишь-бы сзумѣла покормить его до отвалу?! Развѣ я самъ счастливъ? И могутъ-ли сказать это о себѣ многіе, очень многіе, виноватые только тѣмъ, что они—живые люди, съ сердцемъ, способнымъ къ чувству, къ сознанію боли, къ состраданію?.. О, будь проклято все наше такъ называемое состраданіе, дешевенкія симпатіи!! Онѣ-то и дѣлаютъ человѣка пошлѣйшей двуногой размазней... О чемъ вы шелестите почтенные буковые великаны, разсыпая по сырой лѣсной землѣ свою блеклую, осеннюю листву, чтобы потомъ, весною, опять привнрядиться въ свою щеголеватую зелень, о чемъ?.. Или ты, о чемъ журчишь скромный ручеекъ, что такъ хлопотливо несешь къ морю свои темноватныя струйки, какъ и въ то время, когда я, рѣзвымъ мальчуганомъ, бѣгалъ на твоемъ берегу и считалъ себя не вѣсть какимъ героемъ, когда мнѣ удавалось перепрыгнуть черезъ твою узенькую ширину?.. Да, въ этомъ шелестѣ, въ этомъ журчаніи, мнѣ слышится та-же пѣсенка, что вчера щебетала ласточка, — пѣсня о вѣчно дѣятельной, вѣчно сильной молодости природы и о жалкомъ непостоянствѣ, смѣшной безхарактерности нашего бра-

та двуногого, подталкиваемого сзади то страхомъ, то надеждой... Толчки эти неизбежно роютъ ему впереди только раннюю могилу, а между тѣмъ онъ-то и считаетъ себя счастливымъ, пока еще можетъ бояться или надѣяться... Разъ опустѣетъ сердце, — ему уже никогда не быть полнымъ, живымъ или... или его наполнить презрѣніе ко всѣмъ и ко всему, да желчная досада, что оно, глупое, могло такъ судорожно биться страхомъ или надеждою... Но я-то... уже ни на что не надѣюсь, слѣдовательно, и бояться мнѣ нечего, и всего менѣе той знакомой картины, что скоро откроется передо мною...

Широкая, совершенно заброшенная дорога до сихъ поръ шла по направленію ручья и, съ правой стороны, уходила далѣе въ глубь лѣса, къ морю. Но въ этомъ мѣстѣ отъ нея отдѣлилась узенькая тропинка. Сначала она извивалась между рослыми, стройными стволами, но далѣе поднималась по отлогости между глухихъ, низкихъ кустарниковъ. Скать этой отлогости былъ устланъ верескомъ и сорнымъ дрокомъ — до крайней верхней линіи, гдѣ люди незапамятной старины свалили исполинскій могильный памятникъ какому-нибудь своему князьку — изъ массивныхъ, заросшихъ мхомъ каменныхъ глыбъ, глубоко засѣвшихъ въ землю. Съ этого-то мѣста Готтгольдъ когда-то набросалъ эскизъ, еще нетвердой рукою, а потомъ нарисовалъ цѣлую картину, украшавшую теперь гостинную госпожи Вольновъ.

И вотъ онъ опять стоялъ здѣсь, послѣ десяти долгихъ лѣтъ, — въ тѣни одного изъ большихъ камней, заслонявшаго горячіе лучи полуденнаго солнца, — а передъ нимъ, во всей красѣ, раскинулся роскошный виноградникъ, какъ въ ту золотую юношескую пору, когда Готтгольдъ никогда не могъ имъ довольно налюбоваться! Время не посмѣло коснуться этой дивно-гармонической картины, и даже часъ этотъ былъ какъ-будто нарочно выбранъ для того, чтобы рай его молодости развернулся предъ нимъ во всемъ яркомъ соблазнѣ...

Было около полудня. Изъ-за густыхъ, залитыхъ солнцемъ верховъ буковъ затѣнѣли роскошные луга, золотились благодатныя пажити, и деревня Долланъ, словно уютный, солнечный эдемпъ, бѣдѣла и блестяла вдали, окруженная со всѣхъ сторонъ тѣнистыми, занесенными богатымъ полѣсьемъ холмами. Посреди луговъ и пажитей, словно вынырнувъ изъ темной зелени сада, обознача-

лись соломенные крыши дворовыхъ построекъ и черепичная кровля длиннаго, низкаго господскаго дома. Въ его красномъ фронтонѣ Готтгольдъ хорошо различалъ маленькое окошко уютной комнаты, гдѣ онъ поселялся вмѣстѣ съ Куртомъ, когда ему приходилось бывать въ Долланѣ. Сколько воспоминаній вызывало въ немъ это окошко! И какъ трудно ему было отвести глаза отъ этого завѣтнаго уголка,—хоть-бы, на примѣръ, направо, гдѣ между раздвинувшихся холмовъ, словно звѣздочки, блестяли паруса на далеко синеватомъ морѣ!.. А налѣво, глазъ его могъ встрѣтить только темную, обыкновенную покатость, и на ней — одинокую кузницу подъ вѣковымъ дубомъ—единственнымъ деревомъ среди этой голой скатерти, поодаль опять обнесенной кругомъ лѣсистымъ взгорьемъ, придвигавшимъ весь этотъ ландшафтъ къ деревнѣ... Ничто не могло быть торжественнѣе этого полуденнаго часа. Ни малѣйшаго дыханія въ теплое, блестящемъ эфирѣ; неподвижно повисли освѣтительно бѣлыя тучки на темносинемъ, глубокомъ небѣ, неподвижно замерли верхи деревьевъ, даже цвѣтущіе кусты, даже нѣжные травяные стебли. Беззвучіе и тишина далеко вокругъ; даже кузнечикъ, стрекочавшій между камней исполинскаго могильнаго памятника, вдругъ замолчалъ, — должно быть, испугавшись большой, бурой змѣи, поднявшей шею и впившейся въ Готтгольда круглыми, блестящими глазами, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, на одной изъ каменныхъ глыбъ, тогда какъ все прочее тѣло гадины лежало неподвижно, зарывшись въ густой верескъ. Готтгольдъ совсѣмъ было не замѣтилъ змѣи, и теперь глядѣлъ на нее не безъ невольнаго трепета. Въ этомъ оцѣпененіи природы ему чудилось что-то одушевленное.

Точно-бы духъ сиротства и запустѣнія принялъ эту змѣиную форму. Страшно... страшно, какъ подумается, что это горькая доля, изъ того господскаго дома, съ одичавшимъ садомъ, что это — запустѣніе, хозяйничающее въ этой далекой отъ людей долиноѣ — глядитъ на тебя холодными, ядовитыми глазами... Страшно, когда, среди этой могильной затиши, начнешь прислушиваться къ милому голосу и... не услышишь ничего, кромѣ горячечнаго шума въ своей головѣ, да безсильныхъ конвульсій испуганнаго сердца....

Прочь, демонъ, прочь!!..

Готтгольдъ поднялъ палецъ; змѣя скрылась. Подойдя къ скалѣ, гдѣ она лежала, Готтгольдъ уже ничего не видѣлъ, кромѣ мел-

нихъ цвѣточковъ вереска,—змиѣ, должно быть, юрнула въ мягкую, густую траву.

Или... или... не было-ли все это только игрою его воображенія? Цвѣточки, конечно, позачивались, но развѣ не могъ ихъ колыхать легкій вѣтерокъ, подувавшій сильнѣе и сильнѣе въ удушливомъ воздухѣ?.. Вотъ уже все вокругъ него зашелестѣло, заколыхалось—въ лѣсу, позади него, и снизу, между проснувшимися вершинами деревьевъ, и, наконецъ, съ моря полный, освѣжѣвшій вѣтеръ дохнулъ на опаленную землю...

Готтгольдъ прогналъ отъ себя воображаемые ужасы и опять осмотрѣлся среди роскошнаго ландшафта,—но теперь уже взглядомъ художника, старающагося схватить оригиналь съ его наилучшей стороны.

— Я выбралъ тогда утреннее освѣщеніе, подумалось ему, — если только подобную попытку можно назвать художественнымъ выборомъ... Гмъ, это была ошибка... для картины нужно было-бы воспользоваться воздушными эффектами... Но солнце лучше будетъ похѣстить слѣва, эдакъ не очень высоко надъ всей мѣстностью... напрямѣръ, надъ кузницею... тамъ оно будетъ часовъ въ шесть... До восьми, думаю, управлюсь со всѣмъ, картина можетъ выйти, дѣйствительно, хорошая... пожалуй, понравится и не одной любезной трещотѣ, госпожѣ Вольтновъ...

VII.

Готтгольдъ подобралъ свои вещи; но потомъ ему подумалось, что ящикъ можно было-бы оставить и здѣсь. Онъ приставилъ его къ той самой скалѣ, гдѣ прежде лежала змиѣ, въ густой тѣни, а самъ лѣсною дорогою, уходящею внизъ по отлогости, спустился въ длинную ложбину. Здѣсь лѣсною ручеекъ струился къ морю и у истока этого ручья, въ небольшомъ заливѣ, между обрывистыми прибрежными утесами, одиноко бѣлѣла хижина дяди Бослава. Въ Долланѣ всѣ называли ее береговою будкою,—и не въ одномъ только Долланѣ. Подъ этимъ названіемъ хижина была извѣстна далеко-далеко въ окрестности, особенно между моряками, такъ какъ она служила для нихъ спасительною примѣтою у опаснаго, крутого прибрежья и при томъ не только днемъ, но еще

болѣе ночью, когда въ глухую, непроглядную тьму добрый огонекъ изъ окошка дяди Бослава дружески свѣтилъ бѣднякамъ, застигнутымъ сердитой, ночью зыбью. Огонекъ свѣтилъ очень далеко, — умный старикъ прибилъ сзади пламени большой жестяной кругъ, отражавшій яркій блескъ, словно блестящее, отполированное серебро. Лѣтъ семьдесятъ уже горѣлъ этотъ маякъ, — къ благодарной радости моряковъ и къ чести добраго дѣда, дѣлавшаго это не по чьему-либо приказанію, но единственно по внушенію честнаго стариковскаго сердца.

Лѣтъ семьдесятъ... то есть скорѣе больше, чѣмъ меньше. Насколько могли припомнить себѣ самые древніе изъ мѣстныхъ старожиловъ, дядя Бославъ проживалъ все въ той-же береговой будкѣ, — мудрено-ли, если молодежи онъ казался существомъ загадочнымъ, почти баснословнымъ!! Даже долланскіе родственники сбивались съ толку на его счетъ, хотя онъ жилъ межъ ними, зачастую гостилъ у нихъ и принималъ участіе въ ихъ горѣ и радостяхъ, — разумѣется, по своему, втихомолку. Одинъ изъ нихъ — отецъ Курта — впрочемъ, зналъ исторію старика и рассказывалъ ее другимъ. Готтгольдъ уже не помнилъ хорошенько, при какомъ случаѣ это рассказывалось: своимъ-ли домашнимъ мальчуганамъ или нѣсколькимъ закадычнымъ пріятелямъ, за чарой добраго вина, и мальчишки только тайкомъ подслушивали интересный разговоръ, забывшись въ темный уголь...

Давно уже исторія эта не приходила Готтгольду на память. Все это, должно быть, случилось въ то незапамятное время, когда еще не было и слѣдовъ многихъ, очень многихъ древнихъ буковъ, теперь шелестѣвшихъ здѣсь такими роскошными верхами. Но въ эту минуту онъ вдругъ припомнилъ себѣ старинную исторію, — припомнилъ до мельчайшихъ подробностей и только не могъ себѣ отдать отчета, слышалъ-ли онъ то или другое уже прежде или самъ присочинилъ впоследствии или, наконецъ, вычиталъ теперь — изъ шелеста кудрявыхъ великановъ лѣса или изъ звонкаго плеска ручейка, бѣжавшаго вдоль его тропинки.

Въ ту пору, когда здѣсь еще хозяйничалъ „шведъ“, — такъ начинались всѣ эти повѣствованія — жили-были на островѣ два двоюродные брата, прозвищемъ Венговъ — Адольфъ и Бочиславъ. Оба были молоды, красивы, сложены богатырями, — и оба одина-

ково страстно влюбились въ прелестную, молодую дѣвушку. Но отецъ упрямо хотѣлъ выдать ее только за человѣка богатаго, — по той простой причинѣ, что у него самого ничего не имѣлось, кромѣ знатной, старинной породы, да большой рыцарской вотчины Далиць, на которой значилось гораздо больше долговъ, чѣмъ сколько она вся могла стоить гуртомъ, при самой выгодной продажѣ. Оба кузена-претендента были люди не богъ вѣсть какіе знатные, но все-же происходили изъ стариннаго, почтеннаго рода и далицкій помѣщикъ не имѣлъ-бы противъ нихъ рѣшительно ничего, кромѣ развѣ того единственнаго обстоятельства, что они были чуть-ли не бѣднѣе его самого. Ни у того, ни у другого за душою, дѣйствительно, ничего не значилось, если не считать добраго охотничьяго ружья, съ необходимыми къ нему принадлежностями, да пары огромныхъ сапоговъ съ толстыми подошвами, — сапоговъ, хорошо извѣстныхъ своимъ ступомъ многимъ помѣщикамъ на островѣ, гдѣ братья всегда находили радушный приѣмъ, какъ удалые охотники и застольные пріатели. Какъ ростомъ, такъ и лицомъ они были поразительно схожи между собою. Но этого мало: сходство это замѣчалось и въ ихъ характерахъ, во всемъ, что они ни дѣлали, такъ что и того, и другого всякій принималъ съ искреннимъ удовольствіемъ, но еще радостнѣе — обоихъ вмѣстѣ, какъ это почти всегда и случалось. Любили-же они другъ друга гораздо искреннѣе и сильнѣе, чѣмъ иные родные братья, а что касается ихъ общей страсти къ прелестной Ульриктѣ фон-Далиць, то надежды для того и другого были до того слабы, что ссориться изъ-за этого между собою ужъ рѣшительно не стоило.

Но тутъ вдругъ случилось нѣчто такое, что рѣзко переизмѣнило положеніе родичей-охотниковъ, по крайней мѣрѣ, положеніе одного изъ нихъ.

Въ Швеціи умеръ ихъ дядя — очень богатый человѣкъ, но чудакъ, какихъ свѣтъ не производилъ. Кромѣ многихъ имѣній въ Швеціи, ему-же принадлежала также и одна великолѣпная вотчина на островѣ — роскошный, богатый Долланъ. Къ вотчинѣ этой принадлежали тогда еще всѣ лѣса далеко вѣкругъ, — до самаго моря, — а съ другой стороны — вся прилегающая, открытая мѣстность — вплоть до крайней горной межи. Такъ вотъ эту-то

вотчину онъ обѣщалъ обоимъ двоюроднымъ братцамъ или, точнѣе говоря, одному изъ нихъ, потому что въ духовномъ завѣщаніи было сказано ужасно странно: пусть, говорятъ, достается тому, кого шесть третейскихъ судей, «выбранныхъ изъ ровесниковъ того-же сословія, объявятъ лучшимъ человѣкомъ? Посмѣялись добрые люди надъ такимъ курьезнымъ условіемъ — посмѣялись и сами двоюродные братцы. Но скоро на душѣ стало у нихъ очень невесело, — вспомнили, что тутъ дѣло не въ одной богатой вотчинѣ Долланъ, но и въ рукѣ прелестной Ульрики фон-Далиць, такъ какъ отецъ съ перваго-же слова рѣшился-бы выдать ее за обладателя Доллана.

Странно было поглядѣть тогда на обоихъ родственниковъ: до сихъ поръ они жили между собою, какъ друзья неразлучные, а теперь всякій нарочитъ идти своей особой дорогой и когда они какъ-нибудь невзначай встрѣчались, то измѣряли другъ друга серьезнымъ, непривѣтливимъ, почти злымъ взглядомъ, точно-бы хотѣли сказать: послушай, братъ, а вѣдь лучшей-то человѣкъ между нами — я...

Въ сокровенной глубинѣ сердца каждый изъ нихъ долженъ былъ, по крайней мѣрѣ, сознаться, что это еще Богъ вѣдаетъ; такъ думали и судьи, выбранные кузенами съ условіемъ безъ всякихъ отговорокъ подчиниться ихъ рѣшенію. Всѣ шестеро были весьма порядочные молодые люди, взявшіеся за дѣло очень серьезно, даже съ нѣкоторой торжественностью. Стали они совѣщаться между собою въ безконечно-длинномъ рядѣ засѣданій, выпивая неизмѣримыя количества добраго, стараго вина, выкуривая невообразимое число трубокъ, — пока не пришли, наконецъ, къ результату, по мнѣнію всѣхъ, весьма мудрому и справедливому.

Судья порѣшили объявить лучшимъ человѣкомъ того изъ двухъ кузеновъ, кто удовлетворительно исполнитъ шесть порученныхъ имъ задачъ.

Ну, конечно, плохо-бы пришлось обоимъ соперникамъ, если-бы судьи зачерпнули свою мудрость изъ какой-нибудь философской книги или тамъ другой какой головоломной метафизики. Но это ни одному изъ нихъ и во снѣ не мерещилось. Нѣтъ, лучшимъ человѣкомъ они согласились признать того, кто, во-первыхъ, втеченіи двухъ сутокъ проѣдетъ передъ судьями на молодомъ, еще

незнакомомъ съ уздой жеребчикѣ четырема главными аллюрами— шагомъ, рысью, галопомъ и маршъ-маршемъ; во-вторыхъ, прочитается во весь духъ на четвернѣ молодыхъ, ретивыхъ коней по отлогому гѣсистому спуску отъ господскаго дома въ Долланѣ, до старой кузницы, притомъ въ заранѣе назначенномъ направленіи; въ третьихъ, проплыветъ по морю одну нѣмецкую милю, отъ берега до самого дальняго, стоящаго на якорѣ судна; въ четвертыхъ, отъ захода до восхода солнца, то есть втеченіи коротенькой іюньской ночи, опорожнить одинъ дюжину забористаго краснаго винца, и въ пятыхъ, втеченіи того-же времени, кромѣ того, сѣумѣетъ сыграть съ судьями, раздѣленными на двѣ смѣны, въ бостонъ и не сдѣлаетъ ни одной грубой ошибки. Если-же какъ и слѣдовало ожидать, всего этого будетъ недостаточно для опредѣленнаго рѣшенія въ ту или другую сторону, то каждый изъ тяжущихся долженъ былъ пустить двѣнадцать выстрѣловъ, въ мишень, съ двухъ сотъ шаговъ разстоянія, и кто попадетъ въ большее число обводовъ, тотъ значить и будетъ окончательно „лучшимъ человѣкомъ“ и обладателемъ Доллана.

Въ сущности, это послѣднее, шестое испытаніе было невольною, подсказанною необходимостью уловкою, и судьи рѣшились на нее весьма неохотно. Всякому, даже малому ребенку было хорошо извѣстно, что Бочиславъ, какъ стрѣлокъ, могъ заткнуть за поясъ не только своего двоюроднаго брата, но и кого-бы то ни было другого на цѣломъ островѣ. Но... нужно-же было чѣмъ-нибудь порѣшнить дѣло и такъ какъ Адольфъ ничего не возражалъ противъ шестого нумера, вѣроятно, надѣясь выйти побѣдителемъ прежде, чѣмъ дойдетъ до стрѣльбы, то все обстояло въ порядкѣ и состязаніе могло начаться безпрепятственно.

Оно и началось; но какъ всѣ ожидали, такъ и случилось. Оба юные соперника проѣхали на жеребцахъ, прочались четвернею, проплыли нѣмецкую милю, опорожнили по дюжинѣ вина, сыиграли въ бостонъ—такъ мастерски, такими равносильными молодцами, что самый придирчивый глазъ не могъ подмѣтить ни малѣйшей разницы въ доброкачественности ихъ подвиговъ, и судьи, скрѣпя сердце, волей-неволей, должны были приступить къ послѣднему испытанію, заранѣе предвидя его исходъ.

И дѣйствительно, жутко и скверно было на честномъ, моло-

децкомъ сердцѣ бѣднаго Адольфа, когда онъ, въ роковой день, явился на мѣстѣ послѣдняго состязанія. Пришлось, глубоко унылый, точно вареный, и судьи, особенно, къ нему благоволившіе, напрасно старались пріободрить его, тихонько нашептывая то и другое. „Нѣтъ“, говорить, — лучше рукой махни, да отступись“...

Но всѣхъ не мало удивило, что и Бочиславъ былъ будто не въ своей тарелкѣ, даже еще неспокойнѣе своего родственника. Блѣдный такой, большіе голубые глаза точно совсѣмъ потухли. Короткіе пріатели съ ужасомъ замѣтили, что его смуглая рука—обыкновенно крѣпкая, молодецкая—дрожала, словно нѣжная ручка барышни, когда братья, по доброму обычаю, поздоровались между собою передъ началомъ борьбы.

Бросили жребій, кому стрѣлять первому; Адольфу достался первый выстрѣлъ.

Онъ цѣлился долго-долго, нѣсколько разъ опять отводилъ глаза отъ прицѣла, наконецъ... попалъ въ предпослѣдній кругъ.

— Я такъ и зналъ! угрюмо проворчалъ онъ, проводя рукою по глазамъ. Отъ досады онъ уши хотѣлъ-бы себѣ законопатить. Но вдругъ весь встrepенулся, когда вмѣсто ожидаемаго имъ крика „центръ“ одинъ изъ судей громко объявилъ номеръ послѣдняго на мишенѣ обвода.

Можетъ-ли быть! Ага, значить есть еще надежда... Адольфъ, запасается всею своею удалю и бодростью—стрѣляетъ все лучше и лучше,—третій кругъ, четвертый, шестой, девятый, десятый... потомъ опять шестой... вотъ опять десятый... А Бочиславъ однимъ кругомъ постоянно остается позади него... Хоть однимъ только кругомъ, не больше, не меньше, а все-таки позади...

— Вишь ты, играетъ съ бѣднымъ, какъ кошка съ мышкой!.. улыбаются судьи послѣ первыхъ трехъ выстрѣловъ.

А Бочиславъ становился блѣднѣе и блѣднѣе; все сильнѣе дрожала у него рука съ каждымъ выстрѣломъ и успокоивалась только въ самый моментъ окончательнаго прицѣла. И каждый разъ, однако, однимъ кругомъ позади Адольфа. Наконецъ—послѣдній выстрѣлъ... Для Адольфа это былъ самый худшій въ продолженіи всей стрѣльбы. Въ сильной, горячей суматохѣ онъ могъ разгля-

дѣть только край мишени. Ну, если теперь Бочиславъ попадетъ въ центръ,—все пропало... Весь заманчивый исходъ долгой борьбы — богатое наслѣдство, прелестная невѣста... все, все зависѣло теперь отъ одного выстрѣла.

Блѣдный, какъ полотно, Бочиславъ сталъ на свое мѣсто. Но его рука уже больше не дрожала. Твердо, неподвижно, словно-бы рука его была припаяна къ ружью, сталъ онъ цѣлиться, — дуло не двигалось ни на волосокъ, точно впилося въ свою цѣль... раздался, наконецъ, выстрѣлъ...

— Ну, этотъ маху не дасть! заранѣе рѣшили судьи.

Подходить къ цѣли свидѣтели, ищутъ вездѣ, ощупываютъ, — пули не могутъ найти... Подходить судьи, ищутъ, ищутъ, — пули не могутъ найти... Случилось нѣчто неслыханное, невѣроятное — Бочиславъ даже въ мишень не попалъ!

Судьи переглядываются почти съ ужасомъ и, жалѣя бѣднаго Бочислава, не рѣшаются объявить о томъ, что однако должно быть объявлено. Тогда Бочиславъ подходитъ къ своему сопернику, робко потупившему глаза, точно стыдясь своей побѣдѣ, хватается его за руку, хочетъ сказать что-то, но смертельно поблѣднѣвшія губы только болѣзненно дрожатъ и чавкаютъ. Но злой бранью, проклятіемъ это не могло быть, потому что онъ со слезами кидается къ Адольфу на шею, прижимаетъ его къ своей груди... потомъ вырывается отъ него и, не сказавъ ни слова, уходитъ, куда глаза глядятъ...

Долго о немъ не было ни слуху, ни духу. Говорили, будто онъ наложилъ на себя руки; но другіе увѣряли, что онъ заживо похоронилъ себя въ снѣгахъ и льдахъ горной Норвегіи и охотится тамъ на волковъ и медвѣдей, — кто ихъ знаетъ, можетъ и правду говорили. Во всякомъ случаѣ, вѣрно было то, что Бочиславъ еще въ живыхъ находился. Нѣсколько лѣтъ спустя онъ опять невзначай появился на землѣ одного изъ хорошихъ пріятелей — принадлежавшаго также къ шести третейскимъ судьямъ — и тутъ-то съ нимъ нечаянно повстрѣчались двоюродный братецъ Адольфъ и его молоденькая супруга, — повстрѣчались совершенно случайно, потому что о его возвращеніи на родину ни одинъ изъ нихъ не зналъ, — и еще молоденькая барыня такъ сильно перепугалась, что лишилась чувствъ, и нужно было не мало труда,

чтобы заставить ее очнуться. Надо замѣтить, что барыня эта, подобно многимъ въ околѣдѣ, давнымъ-давно считала Бочислава покойникомъ, и по этому поводу не разъ уже горячо спорила съ мужемъ, увѣрявшемъ, что его родственникъ еще живъ. Впрочемъ, какъ ходили слухи, это не было единственною причиною разлада между супругами. Благоденственному и мирному житію ихъ, дѣйствительно, мѣшало многое другое. Старый мотоватый господинъ фон-Далицъ продалъ свое имѣніе нѣкоему господину Брандову—предку нынѣшняго Карла Брандова,—потомъ пожуировалъ всласть года два на хлѣбахъ зятя и, наконецъ, догадался преставиться. Но дочка наслѣдовала во многомъ папенькины замашки и склонности, и это было тѣмъ хуже, что самого Адольфа далеко нельзя было назвать экономнымъ хозяиномъ.

Но будь онъ даже великолѣпнымъ хозяиномъ, это нисколько не помѣшало-бы ему сдѣлать то, къ чему обязывало его уже простѣйшее чувство признательности. Несмотря на запальчивыя противорѣчія своей супруги, онъ пригласилъ погостить къ себѣ въ Долланъ своего несчастнаго родственника — Бочислава, чтобы потомъ удержать его при себѣ какъ можно долѣе. Сначала Бочиславъ отпирался руками и ногами отъ такого приглашенія и, разумѣется, имѣлъ на это самыя уважительныя причины. Только теперь всѣ узнали, почему такъ страшно не повезло ему; накануне состязанія Ульрика подсылала къ Бочиславу одну свою подругу и кузину, бѣдную сиротку Эмму фон-Далицъ, пріютившуюся у богатыхъ родственниковъ въ качествѣ приживалки, — подсылала съ такимъ нелюбезнымъ рѣшеніемъ: хотъ-бы весь божій свѣтъ призналъ его лучшимъ человекомъ, она никогда не будетъ его женою, но выйдетъ только за одного Адольфа, потому что любить его и будетъ любить до гробовой доски. Не имѣя ни малѣйшей надежды получить руку жестокой красавицы, Бочиславъ безъ труда уступилъ своему счастливому кузену богатое наслѣдство, потому что не видѣлъ въ немъ одномъ ничего особенно заманчиваго. Итакъ, долго Бочиславъ не рѣшался принять приглашеніе своего родственника, наконецъ, согласился пріѣхать не болѣе, какъ на нѣсколько дней. Но потомъ изъ дней составлялись недѣли, изъ недѣль — мѣсяцы, потомъ прошелъ и цѣлый рядъ лѣтъ, — такой длинный рядъ, что уже четвертое поколѣніе заставало стараго Бочислава

Венгофа — или, какъ его здѣсь всѣ называли, — дядю Бослава все въ той-же береговой будкѣ близъ деревни Доллана. Туда онъ переселился уже спустя первую недѣлю, заплативъ что-то очень немного за клочекъ земли и этотъ самый домикъ казнѣ, первоначально предназначавшей постройку эту для сторожевой будки на взморьѣ. Но если будка не принадлежала, такимъ образомъ, къ Доллану, но составляла неотъемлемую собственность дяди Бослава, то самъ дядя Бославъ всею душою и жизнію льнулъ къ Доллану, — такъ что насчетъ этой связи между людьми стали ходить самыя баснословныя толки и догадки. Старикъ представлялся то добрымъ, то злымъ гениемъ долланской вотчины, въ особенности фамиліи Венгофъ. Но если онъ и былъ добрымъ духомъ этого рода, все-таки не могъ уберечь его отъ горькихъ невзгодъ, не могъ помѣшать тому, что уже сынъ Адольфа и Ульрики, наслѣдовавшій мотоватость своихъ далицскихъ предковъ, продалъ, къ концу прошлаго столѣтія, свое имѣніе монастырю св. Юргена и былъ радъ-радешенекъ, что ему позволили сидѣть на своей прежней землѣ въ качествѣ арендатора и нахлѣбника. Дядя Бославъ не могъ помѣшать ни этому, ни многому другому, что тутъ творилось до самаго послѣдняго времени...

— Что за вздоръ! встрепенулся вдругъ Готтгольдъ, — какъ это можно такъ ошалѣть отъ лѣсного шелеста, журчанія ручья да старинныхъ, диковинныхъ разсказовъ?! Вѣдь это все змѣя нагнала на меня эту шальную блажь своими холодными, ядовитыми глазами, — и вотъ я до сихъ поръ точно околдованъ. Пора, наконецъ, и очнуться... Тамъ, между вѣтвей, блеститъ благодатное море — мое милое, привольное море! Его свѣжее дыханіе разсѣетъ этотъ глупый угаръ... Да, какъ подумаешь, что тотъ древній дѣдъ, что живетъ тамъ, въ будкѣ... рано привыкъ ломать себя, еще на порогѣ жизни умѣлъ отказаться отъ золота и жевской благосклонности, чтобъ остаться самимъ собою, крѣпкой, хорошей натурой... нѣтъ, онъ-то и былъ лучшимъ человѣкомъ...

Все далѣе и далѣе Готтгольдъ подвигался по направленію ручья, бѣжавшаго теперь смѣлѣе, громче, иногда маленькими каскадами, въ темное ущелье, заросшее высокимъ, густымъ папоротникомъ. Въ нѣсколько минутъ Готтгольдъ дошелъ до берега. По правую руку высовывался узкій мысъ, какъ и прочее прибрежье,

занесенный мелкими камнями, и почти на самомъ концѣ этого мыса, тянувшася шаговъ на сто вглубь моря, одиноко бѣлѣло убожище дяди Вослава. Надъ будкою, на высокомъ шестѣ и теперь, какъ было въ годы ранней молодости Готтгольда, развѣвался потрепавшійся флагъ. Флагъ этотъ былъ когда-то шведскимъ, но на вѣтрѣ, да непогодѣ такъ сильно вѣливалъ и такъ усердно былъ заштопанъ и заплатанъ во многихъ мѣстахъ, что нынѣшнія власти нисколько не придирались къ этому напоминанію о прежнемъ чужеземномъ господствѣ, если только и обращали какое-нибудь вниманіе на житье-бытье стараго Вослава. Этого они, впрочемъ, никогда не дѣлали, и старый, перештопанный флагъ весело шелестѣлъ и хлопалъ на свѣжемъ вѣтрѣ, становившемся все крѣпче, когда Готтгольдъ остановился передъ низенькой, неуклюжей постройкой, кое-какъ сколоченной изъ отчасти неотесанныхъ прибрежныхъ камней. Внутри ея вела единственная, убогая дверь со стороны суши. Дверь была заперта. Въ маленькія, занесенныя желѣзными рѣшетками окна, пропускавшія свѣтъ въ кухню и кладовую, заглянуть было невозможно, такъ-какъ окна эти находились выше человѣческаго роста, почти подъ самою крышею. Съ передней стороны, обращенной къ морю, были, правда, два большіе окна, но они были закрыты массивными желѣзными ставнями. Старика, очевидно, не было дома.

— Кдѣтва опустѣла! подумалось Готтгольду, — что-жъ, какъ вернешься черезъ десятокъ лѣтъ, да понавѣдаешься къ тому, кого оставилъ восьмидесятилѣтнимъ дѣдомъ, мудренаго ничего нѣтъ, если и дома не окажется...

А между тѣмъ вѣрить ему отчего-то не хотѣлось, чтобъ старика не было въ живыхъ. Еще такъ недавно онъ вспоминалъ о немъ со всею яркою отчетливостью, почти видѣлъ его лицомъ къ лицу въ своемъ воображеніи: такъ и казалось ему, что вотъ онъ самъ идетъ, высокій молодцоватый старикъ, идетъ мѣрными, сажеными шагами, какъ бывало прежде. Нѣтъ, нѣтъ, старина этотъ изъ живучаго, богатырскаго племени — навѣрное уцѣлѣлъ и въ эти ничтожныя десять лѣтъ... Ну, и притомъ все здѣсь — домъ, маленькій дворъ, обнесенный какою-то по истинѣ циклопической стѣною, крошечный садикъ, аккуратно обложенный кучами морскихъ ракушекъ, — все это вовсе не казалось заглогшимъ и заброшен-

нымъ. На всемъ были слѣды придирчивой опрятности и заботливости старика. Небольшой мостикъ во внутренней бухтѣ, гдѣ была обыкновенно привязана лодка, повидимому, еще недавно починялся, такъ-какъ Готтгольдъ видѣлъ тамъ и слѣгъ новыя деревянные заплаты. Но лодки нигдѣ не было видно. Дядя Вославъ, безъ сомнѣнія, отправился куда-нибудь въ далекое плаваніе. Это, конечно, не согласовалось съ привычками дѣда, но вѣдь въ его образѣ жизни за эти послѣднія десять лѣтъ многое могло измѣниться...

Было уже далеко за полдень. Затруднительная дорога по ущелью къ береговой будкѣ потребовала больше времени, чѣмъ сначала предполагалъ Готтгольдъ. Прождать стараго съ часъ еще можно будетъ, соображалъ онъ, — но потомъ надо вернуться назадъ, къ могильному кургану съ каменными глыбами, рисовать до захода солнца и расположиться на ночлегъ въ гостепріимной кузницѣ. А завтра, рано утромъ, можно будетъ опять навѣдаться къ старому пріятелю — тогда онъ навѣрное уже дома будетъ — такъ чтобы часамъ къ двѣнадцати вернуться въ Прору, проститься къ господами Водльновъ и затѣмъ безъ всякихъ задержекъ ѣхать съ Іохеномъ далѣе. Вчера ему подумалось, что картину можно будетъ окончательно отдѣлать уже въ Прорѣ. Но вѣдь завтра вечеромъ, какъ сообщалъ Іохенъ, они будутъ возвращаться изъ Плюгенгофа, а ему не хотѣлось во второй разъ напрашиваться на возможность встрѣчи съ Карломъ Брандовомъ, угрожавшую ему уже сегодня.

Молодой художникъ расположился бивуакомъ на прибрежномъ бугрѣ, въ тѣни буковъ, тянувшихся въ этомъ мѣстѣ до обрывистаго взморья. Подобныя экскурсіи для Готтгольда, какъ художника, были не въ диковинку, и въ это время онъ привыкъ, иногда по цѣлымъ днямъ, обходиться кускомъ хлѣба, да глоткомъ крѣпительнаго вина изъ своей дорожной фляжки. Поэтому голода онъ теперь не чувствовалъ, но послѣ такихъ длинныхъ переходовъ не могъ не поддаться усталости и улегся немного отдохнуть. Надъ головой его шумѣли кудрявыя буки, внизу — бѣлыя волны, набѣгая на каменистое прибрежье, вытягивали все ту-же монотонную пѣсню, и скоро глаза Готтгольда, утомленные панорамой безконечной водяной равнины, сомкнулись въ тихой, сладкой дремотѣ...

VIII.

Часа два спустя Карль Брандовъ и Генрихъ Шель ѣхали по дорогѣ отъ кузницы къ Доллану, гдѣ они уже проѣзжали не болѣе десяти минутъ тому назадъ, только въ обратномъ направленіи. Они ѣхали рѣзвой рысью, верхами — слуга шагахъ въ шести позади господина, но, конечно, не изъ робкаго уваженія и не потому также, чтобы онъ сидѣлъ на худшемъ рысакѣ. Совершенно напротивъ: его бурый конь былъ чистокровной скаковой породы, тогда какъ подъ господиномъ была рыжая, скромная лошадка изъ ублюдковъ. При одномъ взглядѣ на коня Шеля всякій встрѣчный могъ только удивиться, что такое великолѣпное животное употребляютъ для такой будничной цѣли.

Но Генрихъ Шель былъ ѣздовъ далеко не будничныи и не дюжинныи. Онъ такъ мастерски управлялъ каждымъ движеніемъ коня по кочковатой дорогѣ, точно-бы ѣхалъ по ровному полу манежа. Ни малѣйшій капризъ или неловкость не проходили для коня даромъ. Генрихъ теперь и отсталъ немного собственно для того, что-бы помуштровать коня за какой-то проступокъ.

Вдругъ Карль Брандовъ нѣсколько придержалъ узду и окликнулъ своего товарища чрезъ плечо:

— Да ты увѣренъ-ли, что точно видѣлъ его?

— Говорять вамъ, проходилъ всего въ какихъ-нибудь ста шагахъ, съ досадою проворчалъ Генрихъ Шель, — и времени достаточно было, чтобы, то есть, разглядѣть хорошенько. Онъ стоялъ тамъ, вверху, — и не пошевельнется, точно, ей-богу, къ мѣсту приросъ...

— Да почему-же это бестія Юхенъ распинается, что не знаетъ, куда онъ теперь дѣвался.

— А можетъ и вправду не знаетъ...

— Эдакій олухъ!!

Они поровнялись и немного проѣхали молча. Господинъ брызливо въ даль глядитъ, конюхъ урывками поглядываетъ на него своими хитрыми, косыми глазами. Вотъ онъ подѣзжаетъ къ нему еще немного ближе.

— Да откуда ему знать-то? сдвигаетъ онъ плечами,— вотъ и я въ толкъ никакъ не возьму, ради чего вы гоняетесь за нимъ, точно кошка за мышкой...

— А тебѣ что за дѣло?..

— И съ какой радости такъ скоро изъ Плюпенгофа вернулся, да чуть коней не зарѣзали при этомъ... Что-жь, я-то все-го получилъ отъ васъ одинъ лундоръ, какъ сказалъ, что видѣлъ его...

— Шестъ другихъ получишь, если скажешь, гдѣ мнѣ его теперь найти... пообщалъ Карль Брандовъ съ живостью поворачиваясь на сѣдлѣ.

— Гдѣ вамъ его найти?.. Это-то штука не хитрая: у старого, въ береговой будкѣ...

— То-есть тамъ, гдѣ я его искать не буду...

— Потому старый-то чортъ пулей можетъ угостить вашу милость... А насчетъ шести лундоровъ... ждать придется долго отъ вашей милости, вотъ бѣда-то!.. Ну, да Господь съ вами, я вамъ и безъ денегъ скажу, гдѣ вы на него наткнетесь... только позвольте по трясинѣ прокатиться на Браунлохѣ...

— Ты съума сошелъ?

— Я переѣду на ту сторону скорѣе, чѣмъ вы черезъ гору... Идетъ, что-ли?..

Дорога поднималась теперь довольно круто къ холмистой возвышенности, заканчивавшей собой горную межу, проходившую съ лѣвой стороны. Вправо отъ бугра и вплоть до лѣса пролегла большая трясина или болото, переходившее потомъ въ лѣсной потокъ, сбѣгавшій къ морю,— тотъ самый, вдоль котораго Готтгольдъ шелъ сегодня утромъ.

Въ давнія времена, эта бугристая возвышенность, безъ сомнѣнія, также была занята болотомъ и въ моментъ погруженія подъ воду, была, вѣроятно, очень крута, но мало-по-малу, вода, просачивавшаяся сверху, настолько смыла эту крутизну, что она обратилась въ длинный, отлогій, топкій спускъ. Старая битая дорога проходила у самого края этой трясинны, тогда какъ далѣе вверхъ большіе камни дѣлали всякій проѣздъ невозможнымъ, по крайней мѣрѣ, для колесныхъ экипажей и телѣгъ, хотя пѣшеходъ и всадникъ кое-какъ и могли тамъ пробраться. Само собою разумѣется,

дорога не была такъ убійственна въ то время, когда Бочиславъ и Адольфъ Венгофъ должны были вскачь пронестись по ней на колесахъ, потому что теперь никакому здравомыслящему человѣку не казалось возможнымъ проѣхать экипажемъ здѣсь иначе, какъ осторожнымъ шагкомъ. Иохенъ Пребровъ, слѣдовательно, не вралъ, когда говорилъ, что для него—какъ и всякаго другого—не стоило большого труда исполнить оригинальную затѣю Курта, то есть вывернуть новобрачныхъ, во время ихъ свадебнаго кортежа, внизъ—въ грязную покатуую трясину...

Господинъ и слуга придержали своихъ коней; Карлъ Брандовъ нѣсколько поглядѣлъ на гору и на широкое болото.

— Одурѣлъ совсѣмъ! сморщился онъ еще разъ.

— Одурѣлъ или нѣтъ, ухмыльнулся самодовольно Генрихъ Шель,—а только вы сами поглядите... Былъ я сегодня утромъ въ Зальховѣ—покалякать съ мистеромъ Томсономъ хотѣлось. Не худо-бы, говорить, на господской скачкѣ мѣсто съ болотомъ выбрать, потому какъ вашъ Браунлокъ тяжелъ на ходу... это они такъ думаютъ... такъ, стало быть, вамъ въ объѣздъ придется, хе, хе, хе... А вѣдь досадно будетъ, ваша милость, какъ насъ перескочить какая-нибудь влячонка, хоть-бы Весси... То-то графъ Грибенъ и другіе господа смѣяться стануть... да, пожалуй, и я съ ними...

— Тебѣ-то тутъ также нечего смѣяться, какъ и мнѣ! проворчалъ Брандовъ и затѣмъ добавилъ сквозь зубы:—впрочемъ—теперь-то для меня все равно...

— Такъ прикажете? приставалъ Генрихъ Шель, замѣтивъ нерѣшительность своего господина.

— Да скачи себѣ, коли хочется...

Гадкая образина Генриха Шеля просіяла радостью. Онъ быстро обернулъ своего коня, уже давно закусившаго удила отъ нетерпѣнія, прогалопировалъ съ сотню шаговъ къ болоту, потомъ остановился и крикнулъ Брандову:

— Готовы?

— Да.

— Разъ, два три... маршъ!

Браунлокъ рванулся впередъ исполненнымъ скачкомъ и потомъ понесся по трясинѣ. Далѣе и далѣе скользили легкія копыта по

мокрой, мягкой травѣ, вода съ плескомъ разбрызгивалась въ стороны, но бѣшеная рысь не замедлялась, напротивъ, становилась быстрѣе, порывистѣе съ каждымъ шагомъ, точно-бы благородное животное понимало, что подъ его ногами тряслась влажная бездна и что тутъ поставлена ребромъ жизнь коня и сумасшедшаго всадника. Но вотъ топкая земля становилась тверже и тверже. Почти невѣроятное удалось на славу: Браунлокъ перебѣжалъ чрезъ трясину, онъ перебѣжалъ-бы чрезъ всѣ тундры и болота на свѣтъ...

— Ну теперь не страшны мнѣ никакіе заклады! весело шепнулъ самъ себѣ Брандовъ, — съ эдакимъ конемъ... и еще уступить его Плюггену... за какія-нибудь плевня пять тысячъ талеровъ... Какъ-же, дурака нашель!.. Вѣрно пошутить только, вѣдь онъ тоже забавникъ!.. А между тѣмъ денегъ нужно гдѣ-нибудь достать, хоть-бы украсть, хоть-бы зарѣзать кого пришлось... Стой, ты, голла...

Брандовъ весь впился глазами въ удалаго Браунлока, хотя самъ въ то-же время несся вскачь по отлогости, не обращая никакого вниманія на дорогу. Его рыжій конь, привыкшій проѣзжать въ этомъ мѣстѣ обыкновенно шагкомъ, вдругъ пугливо отскочилъ отъ края болота: камни и глина посыпались изъ подъ его копытъ внизъ по спуску...

— Стой, шалишь! прикрикнулъ еще разъ Брандовъ, съ силою удерживая испуганное животное, — вотъ чуть самъ было не свернулъ себѣ шеи...

Онъ сталъ спускаться осторожнѣе съ другой стороны бугра и, наконецъ, подскочилъ къ Генриху, гарцовавшему взадъ и впередъ у окраины болота, стараясь успокоить фыркавшаго коня.

— Молодецъ, ей-богу, молодецъ!.. Ну, потѣшилъ себя... скажи-же мнѣ теперь, гдѣ найти его?..

— Да тамъ, на курганѣ, ткнулъ пальцемъ Генрихъ: — какъ онъ ушелъ куда-то, я самъ значить, былъ тамъ и еще штуку какую-то нашель, ящикъ что-ли... Вижу — ключъ торчитъ; заглянулъ — тамъ у него припрятано все, что, значить, для рисованья нужно... Ящикекъ поставленъ былъ эдакъ авуратно, въ тѣни; въ шесть-то часовъ уже солнце бываетъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ часовъ въ двѣнадцать тѣнь. Ящикекъ, я полагаю, и до сихъ поръ тамъ...

— Почему-жь ты мнѣ прежде объ этомъ не сказалъ?..

— Спасибо лучше скажите за то, что теперь говорю, осканилъ зубы Генрихъ, нѣжно трепля Браунлока по крутой шеѣ,—а то вы такъ и не знали-бы, что съ такимъ конемъ можете зашибить еще не одну тысячу...

— Теперь ровно шесть! пробормоталъ Брандовъ, взглянувъ на свои часы.

— Такъ поѣзжайте, ваша милость, туда и захватите его... А я съ Браунлокомъ домой... Прикажете доложить барынѣ, что сегодня вечеромъ у насъ гость будетъ?

— Я еще самъ хорошенько не знаю...

— Барынѣ то нашей, я полагаю, приятно будетъ...

— Ну, ну, убирайся и смотри... лучше держи языкъ за зубами...

Грубая фигура Генриха отвратительно ухмыльнулась. Онъ лукаво подмигнувъ, взглянувъ на Брандова, но ничего не сказалъ; потомъ повернулъ своего коня и уѣхалъ медленнымъ галопомъ.

— Отъ этой тонкой бестіи никакъ не скроешься! соображалъ Карлъ Брандовъ, отъѣзжая далѣе по спуску въ лѣсъ:—точно-бы я для него изъ стекла вылетѣть... Ну, да это не бѣда, нужно-же имѣть хоть кого-нибудь кому можно было-бы вполне довѣриться... да и, наконецъ, безъ него я и теперь никакъ не могу обойтись... Больно не хочется мнѣ зазывать къ себѣ этого... идиота, но... тутъ мнѣ представляется хорошій шансъ, и я былъ-бы положительнымъ олухомъ, если-бы сталъ разыгрывать изъ себя щекотливаго въ такомъ анафемски северномъ положеніи...

Карлъ Брандовъ выпустилъ узду изъ руки на шею лошади и поѣхалъ шагомъ по каменистой дорогѣ. Потомъ вынулъ изъ кармана письмо какое-то. Онъ засталъ его у себя съ полчаса тому назадъ, когда домой вернулся. Письмо содержало, слѣдующія строки:

„Милостивый государь и уважаемый другъ! Спѣшу увѣдомить васъ, что конкурсный совѣтъ — какъ я уже и предсказывалъ вамъ — вчера единодушно рѣшилъ ни подъ какимъ видомъ не откладывать далѣе срока платежа, напротивъ, настоять на томъ, чтобы вы исполнили ваше честное и письменное обѣщаніе,

то-есть сполна заплатили десять тысячъ въ надлежащій день. Весьма прискорбно для меня писать вамъ это послѣ того, какъ вы со всею искренностью изображали мнѣ ваше настоящее положеніе. Я утѣшаю себя только тѣмъ, что вы, какъ человѣкъ, въ высшей степени горячій, выставили свои обстоятельства гораздо хуже, чѣмъ каковы они на самомъ дѣлѣ. Во всякомъ случаѣ, по моему, лучше, чтобы вы знали, что вамъ предстоитъ и могли употребить остающуюся для васъ недѣлю на присканіе какихъ-нибудь новыхъ источниковъ, если-бы прежніе были истощены окончательно.

„Такъ-какъ около того времени мнѣ нужно будетъ побывать еще у нѣкоторыхъ другихъ нашихъ помѣщиковъ, то къ пятнадцатому числу я надѣюсь быть и у васъ, и могу, если вамъ будетъ угодно, захватить отъ васъ съ собою деньги и избавить васъ отъ скучной необходимости ѣхать сюда лично. Можетъ быть и жену съ собою привезу; ей такъ хочется взглянуть на Долманъ,—много ужъ очень наслышалась отъ меня о его романтическомъ мѣстоположеніи,—ну, и кромѣ того, ей пріятно будетъ еще разъ свидѣться съ своими подругами, вашей супругой и госпожею Волльновъ въ Прорѣ, послѣ столькихъ лѣтъ разлуки. Видите-ли, какъ я твердо убѣжденъ, что вы умѣете отдѣлать человѣка отъ приносимаго имъ грустнаго извѣстія и что всегда будете считать меня искренно преданнымъ вамъ и вашей уважаемой супругѣ, покорнѣйшимъ слугою. Бернгардъ Зелліенъ“.

„P. S. Только-что узналъ я, нѣчто для меня весьма интересное и, можетъ быть, не лишнее интереса также и для васъ. Сегодня былъ въ Зундинѣ, проѣздомъ, извѣстный живописецъ Готтольдъ Веберъ; съ нимъ мнѣ случилось познакомиться въ Италіи, года два тому назадъ, тогда какъ вы, насколько мнѣ помнится изъ вашихъ-же разсказовъ, были его закадычнымъ пріателемъ еще со школьной скамьи. Онъ ѣдетъ въ Прору и намѣренъ пробыть нѣкоторое время въ окрестностяхъ города. Безъ сомнѣнія, навѣситъ и васъ или, можетъ быть, вы сами захотите отыскать его. Онъ, дѣйствительно, принадлежитъ къ числу людей, стоящихъ того, чтобы имъ визитъ сдѣлать, хоть-бы для этого нужно было нарочно свернуть съ своей прямой дороги“. Карлъ Брандовъ презрительно усмѣхнулся, сунулъ письмо въ карманъ и опять подобравъ узду.

— Да тутъ, право, точно нечистый затесался!.. бродило у него въ головѣ:— съ тѣхъ поръ, какъ я узналъ, что этотъ баринъ сюда долженъ пріѣхать, мнѣ такъ вотъ и кажется, что онъ, именно онъ можетъ выручить меня изъ бѣды. А почему спрашивается?.. Да просто потому, что только набитый дуракъ можетъ за это взяться, а ужъ такого олуха, какъ онъ, ей-богу, я въ жизнь свою не зналъ, ха, ха, ха... И въ то время какъ я проѣзжаю тутъ чуть не мимо самого его носа, пріатели стараются всячески натравить меня на звѣрька, а онъ знай улепетываетъ... Эта каналья Юхенъ и сегодня получилъ инструкцію не говорить, куда его нелегкая понесла... Но для такихъ людей, право, стоитъ крѣпко сдѣлать, съ прямой-то дороги... Ну, а для нея-то какой прелестный сюрпризъ, какъ я его съ собой привезу, — угоритъ, да и только, ха, ха, ха...

Но въ этомъ хохотѣ слышалось еще болѣе ядовитой желчи, чѣмъ въ первый разъ; скоро смѣхъ этотъ оборвался между стиснутыми зубами, тогда какъ своимъ хлыстомъ Брандовъ ударилъ по нѣсколькимъ вѣтвямъ, высунувшимся на дорогу.

— Какъ поблѣднѣла, голубушка моя, когда пощъ съ своею неожиданною новостью подѣхаль, а! Натурально, не хотѣла дать этого никому замѣтить, еще-бы!! Да жаль только, что тутъ по неволѣ все замѣтишь, какъ втеченіи девяти или десяти лѣтъ вкусишь сладость ежедневнаго сожительства... И какъ глубоко-мысленно поглядѣла, когда я такъ скоро сталъ отелданываться, — знаешь, дескать, въ чемъ штука... А потомъ, дорогою-то, притихла, бѣдненькая, онѣмѣла, — ужъ какъ только я ни разсыпался передъ нею мелкимъ бѣсомъ... Нѣ-ѣ-ѣтъ, перестала вѣрить моей любезности... Я и самъ-то ей не больно вѣрю... Но... но... такъ часто дразнилъ ее этимъ гусемъ, что... стоитъ, право, и поболовать немножко!.. И если сей глупый аркадскій поштушокъ болѣе ради нея, чѣмъ ради меня, въ прятки играетъ, — что-жъ, тѣмъ легче будетъ водить его за носъ, тѣмъ забавнѣе будетъ вся комедія... Но прежде чѣмъ разыграть ее, нужно найти его, вотъ въ чемъ штука!.. Мы это сейчасъ увидимъ...

Карлъ Брандовъ выпрыгнувъ изъ сѣдла, привязавъ лошадь къ ближней вѣтви и узкой лѣсной тропинкой сталъ взбираться къ высокому могильному кургану.

IX.

А тамъ, вверху, Готтгольдъ уже болѣе получаса рисовалъ со всѣмъ усердіемъ художника, свѣтлымъ глазомъ и душою схватившаго свой ландшафтъ въ такую минуту, которую нужно дорожить и пользоваться.

Хоть-бы тотъ-же яркій, гармоническій свѣтъ заливалъ небо, землю и море завтра, при заходѣ солнца, хоть-бы отъ холмовъ въ долину, въ ложбины падали тѣ-же отчетливо загрюнтованныя тѣни, но Готтгольдъ не могъ уже быть на этомъ мѣстѣ опять, не могъ припомнить забытое, докончить начатое.

И вотъ онъ сидитъ на одномъ изъ низкихъ каменныхъ выступовъ кургана, съ мольбертомъ на колѣняхъ, охватывая вдохновеннымъ глазомъ художника красоту мѣста и минуты, и снимая опытной рукою копію съ этой живой роскоши. Краски на политрѣ мѣшались точно сами собою, и каждая черта, проведенная кистью на небольшомъ кускѣ холста, болѣе и болѣе приближала копію къ природѣ—съ такой изумительной быстротой и отчетливостью, что художникъ, съ внутренней радостью, не могъ не подивиться самому себѣ. Никогда еще работа не давалась ему такъ легко и хорошо, никогда мысль и исполненіе такъ гармонически между собою не сливались, и никогда еще его такъ не одушевляло свѣтлое сознание своей собственной силы.

— Ну, не правду-ли я говорилъ, что здѣсь, только здѣсь мнѣ можно выполнить свое художественное призваніе?.. радовался мыслимо Готтгольдъ,—и не оправдался-ли на мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, древній мифъ объ Антеѣ?.. Что-жъ, если сообразить, всѣ мы — дѣти своей земли... не вина матери, если мы отъ нея отрываемся и залетаемъ Богъ вѣсть къ какимъ далекимъ солнцамъ — искать вдохновенія. Припечеть хорошенько — жалкія восковыя крылья и растають, дѣло понятное... Вотъ и мнѣ тоже довелось быть такимъ смѣшнымъ Икаромъ...

— Да, да, прибавилъ онъ уже вслухъ,—вѣдь какъ подумаешь, можно-ли сравнивать этотъ скромный уголокъ съ роскошными эдемами для нашего брата, художника,—съ Римомъ, Неаполемъ, Си-

ракузани?... А между-тѣмъ, мнѣ тутъ лучше, привольнѣе, это — мое родное гнѣздо!!

— Въ которомъ тебя радостно привѣтствуетъ старый другъ-ще!.. вдругъ послышался позади его чей-то звучный голосъ.

Готтгольдъ пугливо обернулся.

— Карлъ Брандовъ!..

Дѣйствительно, предъ нимъ стоялъ стройный, молодцоватый помѣщикъ, опершись о тотъ камень, гдѣ сегодня утромъ свивалась змѣя. Круглые, жесткіе глаза его какъ-то больно и пристально вонзались въ художника и напомнили ему холодный взглядъ гадюки.

— Я, я самый, подтвердилъ Карлъ Брандовъ, подходя ближе. Хотѣлось ему при этомъ радушную улыбку скрыть, но усмѣшка была такъ-же холодна, какъ и протянутая Готтгольду рука. Художникъ, медля и нехотя, рѣшился подать свою руку.

— Какъ ты меня нашелъ здѣсь? полюбопытствовалъ Готтгольдъ.

— Э, братъ, я старый охотникъ! оскалилъ Брандовъ свои бѣлые зубы: — ничто отъ меня не скроется... да еще на моей-то землѣ!!.. Все, братъ, случилось самымъ простымъ манеромъ. Уже недѣли двѣ тому назадъ я зналъ, что ты пріѣдешь. А сегодня утромъ былъ я у Плюггена, въ Плюггенгофѣ... у Отто-Плюггена, того, что соломою у насъ прозывался... помнишь?... въ отличіе отъ своего младшаго брата Густова, то-есть сѣна... этотъ сталъ хозяиномъ въ Гранцевинцѣ... сѣно, солома, ха, ха, ха... Да, бишь, такъ у соломеннаго... пасторъ нашъ новый другъ говоритъ, что ты въ Роминѣ былъ и опять въ Прору уѣхалъ... Естественно Плюггенъ, по моей просьбѣ, сейчасъ-же коляску за тобой командировалъ, чтобы привести тебя въ Плюггенгофъ, но тебя уже тамъ не было—ушелъ, говорятъ, вмѣстѣ съ Юхеномъ Пребровомъ пѣшкомъ въ Долланъ... Само собою разумѣется, мнѣ уже въ Плюггенгофѣ не сидѣлось,—хотя мы уже за столъ расположились... надѣялись, братъ, встрѣтить тебя съ налитыми чарами... Я чуть не зарѣзалъ своихъ лошадей, чуть не вышибъ духъ изъ жены—скачу, лечу... думалъ, по крайней мѣрѣ, встрѣтить тебя на дорогѣ, если-бы ты былъ такъ любезенъ, что не хотѣлъ-бы подождать нашего возвращенія. Ну, пріѣзжаемъ, спрашиваемъ о тебѣ, еще не вылѣзая изъ экипажа—никого, говорятъ, не было... Мы съ женою носы и но-

вѣсили. А вонъ кто-то на курганѣ сидитъ! докладываетъ Генрихъ Шель, подходя къ коляскѣ,—это, видишь, мой главный факторъ, хе, хе, хе... Еще съ утра, говорить, тотъ сидитъ, онъ самый, говорить, и есть... А что-жъ, очень можетъ быть! супруга-то соглашается, — вѣрно дорогою узналъ, что насъ дома нѣтъ... да и пожелалъ съ пользою время употребить... человекъ вѣдь, говорить, очень аккуратный... а курганъ былъ и прежде его любимымъ мѣстомъ... И, не говоря ни слова, бѣгу съ подозрительной трубой въ верхнюю комнату, гляжу, гляжу... и вижу то, что Генрихъ Шель могъ разглядѣть и безъ трубки, даромъ что косоглазый... Лечу стремглавъ внизъ, на коня — и вотъ нахожу, кого искалъ... Но теперь, сдѣлай милость, убери ты это поскорѣе... завтра то-же день будетъ, а на сегодня, ей-богу, достаточно... Проконаться пять-шесть часовъ,—ну, братъ, на это только одинъ художникъ способенъ... А ужъ жена-то моя какъ обрадуется!!..

Карлъ Брандовъ перебросилъ себѣ чрезъ плечо сумку Готтгольда и протянулъ руку за рисовальнымъ ящикомъ, гдѣ художникъ самъ уже уложилъ все въ порядкѣ.

— Постой! замаялся Готтгольдъ.

— Бояшься довѣрить мнѣ свои сокровища, а?..

— Не въ томъ дѣло...

— Въ чемъ-же?

Готтгольдъ стоялъ въ нерѣшительности; но раздумывать долго было некогда.

— Не могу я принять твоего дружескаго приглашенія!.. покачалъ онъ головою: — благодарю за него, охотно вѣрю, что оно сдѣлано отъ добраго сердца.. но не могу, не могу!..

— Да почему-же, чудакъ ты эдакой?!..

— А потому, что въ этомъ случаѣ покривлю душою... противъ себя и въ нѣкоторомъ смыслѣ также противъ тебя. Противъ себя, потому что я не могу быть въ Долланѣ, въ нашемъ домѣ, не наталкиваясь на каждомъ шагу, въ каждую минуту, на самыя грустныя воспоминанія, а кто не желалъ-бы оградить себя отъ такой пытки, если это можно?.. Противъ тебя... послушай, Брандовъ, вѣдь надо-же признаться откровенно: тебя я считалъ всегда своимъ недругомъ и мои чувства къ тебѣ не сдѣлались дружественнѣе до настоящаго дня, до этой самой минуты!.. Кому охота,

скажи, пожалуйста, приглашать въ свой домъ челоувѣка, нечувствующаго къ намъ въ душѣ ни малѣйшей симпатіи?..

— Да полно тебѣ, послушай! попрекаль Брандовъ:—неужели эта соломенная голова, Плюггенъ, и попъ были правы, когда пророчили мнѣ: не будетъ онъ у тебя, не будетъ!.. Врете вы, говорю я имъ, будетъ... хоть-бы для того только, чтобы доказать вамъ, что онъ былъ и всегда останется великодушнѣйшимъ челоувѣкомъ въ свѣтѣ... Нѣтъ, добрѣйшій Готтгольдъ, не выставляй меня, ради Бога, лгуномъ... не дай порадоваться этимъ олухамъ отпѣтымъ и мнѣ подобнымъ... вѣдь опять къ случаю придерутся да на смѣхъ поднять... Карлъ Брандовъ, скажутъ, все въ гору лѣзетъ, и вѣчно остается съ предлиннымъ носомъ... Признаюсь и я тебѣ съ сокрушеннымъ сердцемъ: не тотъ я уже теперь, какимъ былъ прежде, — обнищаль, нужда матушка скромности научила... Но только на этотъ разъ хотѣлось-бы показать имъ... Эхъ, какъ-бы хотѣлось!.. Твою руку, старый дружище, толковать-ли!! Я знаю тебя лучше, чѣмъ ты самъ, честное слово!..

Стали они спускаться по отлогости. Брандовъ несъ вещи Готтгольда, говорилъ безъ умолку и страшно горячился, мѣшая въ своей безсвязной тирадѣ то и другое. Готтгольдъ молчалъ и напрасно силился высвободиться отъ какого-то страннаго ошеломленія, раздражавшаго его мозгъ, давившаго сердце. Ему хотѣлось быть искреннимъ, раскрыться вполне — и онъ этого не сдѣлалъ, не сказалъ послѣдняго слова, потому что не могъ его сказать, потому что выставилъ-бы себя какимъ то школяромъ наивнымъ, если-бъ сдѣлалъ это призваніе, или поступилъ-бы не деликатно, если-бъ прямо отговаривался, не хочу, и баста!.. Но не было-ли это, во всякомъ случаѣ, лучше, чѣмъ увидѣться съ нею?!

Готтгольдъ вдругъ остановился; на-скоро застегнуль, почти рвануль на себѣ сюртукъ и жилетъ,—ему казалось, точно онъ готовъ задохнуться...

— Чортъ знаетъ, какая духота въ лѣсу-то! замѣтилъ Карлъ Брандовъ:—намъ-бы, пожалуй, ближе было пройти другой стороною и потомъ напряміеъ чрезъ поле... Да вотъ ради лошади моей, поневолѣ, въ обходъ нужно... Вонъ она, клячонка-то моя, копытами какъ стучитъ, соскучила, должно быть... Что, братъ, тоже en avant хочешь, а?..

Брандовъ подобралъ узду на руку, Готтгольдъ взялъ часть своихъ вещей; быстро прошли они бѣжавшею намекось тропинкой по лѣсу и скоро вышли на открытое поле. Въ нѣкоторомъ разстояніи видѣлась господская усадьба, отдѣленная отъ нихъ нѣсколькими лугами, да высоко колосившеюся на нивѣ рожью. Усадьба уже вся затушевалась тѣнью, далеко отбрасываемою въ долину лѣсистымъ взгорьемъ, тогда какъ высокія деревья сада и стройныя тополи, загораживавшіе дворъ съ трехъ другихъ сторонъ, еще свѣтились вечернимъ отблескомъ. Маленькое окошко въ верхней комнатѣ было также освѣщено и ярко блестяло на солнцѣ. Готтгольдъ глазъ не могъ отвести отъ этого милаго окошка. Такъ и казалось ему, что вотъ-вотъ оно откроется, — она выглянетъ оттуда и пригрозитъ ему своей бѣлой ручкой: дальше отсюда, христа-ради, дальше!!.. Потому у него опять стало на душѣ какъ въ то время, когда онъ шелъ здѣсь вмѣстѣ съ Куртомъ, въ субботу подъ вечерокъ или въ воскресенье, и оба они пускались на перегонку, какъ только покажется вдали привѣтливая усадьба!!.. Съ каждымъ шагомъ на сердцѣ у него становилось душнѣе, тревожнѣе; онъ почти не слышалъ, что таторилъ ему неугомонный спутникъ...

Но и Карлъ Брандовъ говорилъ теперь собственно для того, чтобы замаскировать предъ Готтгольдомъ свою неловкость и опасенія. Не лучше-ли, думаетъ, было-бы предупредить жену о своемъ намѣреніи, хоть-бы пришлось выслушать отъ нея и цѣлый коробъ противорѣчій или — что, разумѣется, еще хуже — быть свидѣтелемъ ея восторга?!.. Или, по крайней мѣрѣ, не слѣдовало-ли ему подослать къ женѣ Генриха и предупредить ее о предстоящемъ визитѣ... вмѣсто того, чтобы приказывать ему держать языкъ на привязи?!.. А можетъ быть, косою чортъ самъ догадался и не смотря на барское приказаніе, распорядился по-своему, какъ это бывало уже такъ часто, а?.. Гмъ... гмъ... но что-то будетъ, какъ онъ вдругъ, эдакъ невзначай, станетъ рядышкомъ съ нимъ... передъ своей супругой?!.. Что если она, въ присутствіи гостя, раскиснетъ, да безъ обиняковъ лгуномъ его сдѣлаетъ... такъ и такъ, молъ, благовѣрный навралъ вамъ страшно, я знать ничего не знала!!.. Чего добраго, съ нея станется, но... но... да и расклеваться-же, чортъ возьми, будетъ, если только посмѣетъ!!..

— Ага, вот мы и дома! громко обрадовался Карль Брандовъ, когда они уже были подъ старыми лицами подъезда: — милости просимъ въ Долланъ, къ старымъ друзьямъ, и еще, еще разъ наше душевное спасибо!!

Все это онъ прокричалъ уже въ полуотворенную дверь и потомъ опять прогорланилъ чрезъ стихшій дворъ со всею силою своихъ здоровенныхъ легкихъ.

— Эй вы, Генрихъ, Фрицъ! Да куда вы запропастились, чтобъ васъ, каналы!! Но въ домъ ничто не шевельнулось и во дворѣ также никто не появился.

— Въ день воскресный у меня, видишь, всегда такъ бываетъ, ухмыльнулся Брандовъ, — такъ и норовять, бестія, лыжи навострить... особенно когда самого хозяина нѣтъ дома... Рика, Генрихъ, Фрицъ, ау!!..

Какой-то недоростокъ, въ грязной, красной курткѣ и неизмѣримыхъ голенищахъ, перебѣжалъ чрезъ дворъ и въ ту-же минуту изъ дома вышла молоденькая служанка. Брандовъ встрѣтилъ обоихъ весьма небарской руганью. Служанка надулась, — у барыни, говорить, была, ребенокъ, говорить, расплакался и даже на рукахъ уняться не хочетъ. Казачокъ взялъ лошадь подъ уздцы и хмуро проворчалъ, что онъ помогаль Генриху съ Браунлокомъ управлять, совсѣмъ лошадь захворала...

— Ага, это все косою чертъ бѣды надѣлалъ! разсердился Брандовъ: — ну, да и задамъ-же я ему, погоди у меня... Извини, братъ, я долженъ оставить тебя на минутку или... не пойдешь-ли и ты со мною, а?

Брандовъ, впрочемъ, не дожидаль отвѣта Готтгольда и саженными шагами поспѣшилъ по двору, — узнать, что случилось съ Браунлокомъ. Цецилія, думаетъ себѣ, занята теперь въ дѣтской... не выйдетъ къ гостю такъ скоро...

— Что такое вашему ребенку сдѣлалось? спросилъ Готтгольдъ.

— Да упала нечаянно и ручку себѣ повредила, и еще какъ разъ въ ту пору, какъ барыня домой вернулась!.. проворчала служанка, торопливо поворачиваясь въ дверь и мелькомъ взглянувъ съ любопытствомъ на гостя своими сѣрыми, влажными глазами.

X.

Готтгольдъ вошелъ за нею въ дверь, потомъ палтво — въ приемную, и охотно пробрался-бы и далѣе въ смежную комнату, откуда послышался дѣтскій плачь и голосъ матери, уговаривавшей ребенка, — когда служанка отворила эту дверь и опять захлопнула ее за собою. Да, это былъ ея голосъ... онъ звучалъ нѣсколько глубже, мягче, чѣмъ прежде: по крайней мѣрѣ, ему такъ показалось. Но за дѣтскимъ плачемъ Готтгольдъ могъ уловить только двѣ-три разрозненные нотки.

— Бѣдное дитя! подумалось ему вдругъ, — не могу-ли я тутъ помочь какъ-нибудь...

Его рука протянулась къ ручкѣ двери, но потомъ, въ ту-же минуту опустилась. Служанка скажетъ, что у нихъ гость какой-то есть, и тогда барыня сама не замедлитъ выйти. Ну, и притомъ Брандовъ скоро можетъ нагряться.

Готтгольдъ подошелъ къ открытому окну и, чрезъ опустѣвшій дворъ, взглянулъ на противоположную постройку, куда ушелъ Брандовъ. И нужно-же ему, въ самомъ дѣлѣ, такъ долго оставлять ее одну!.. Готтгольдъ опять отошелъ отъ окна; въ комнатѣ стало уже темнѣть, и гость безсознательно озиралъ вскользь картины и мебель. Многое знакомое бросалось ему въ глаза, но Готтгольдъ все прислушивался только къ сосѣдней комнатѣ. Тамъ — все стихло, словно замерло, и въ этой тишинѣ громко отдавался только стукъ старыхъ шварцвальдскихъ часовъ, прежде имъ незамѣченныхъ, да вечерній вѣтеръ шуршалъ между липами, передъ окномъ, — потомъ... потомъ онъ уже ровно ничего не слышалъ, — ничего, кромѣ ускореннаго пульса въ своей горячей, кругомъ ходившей головѣ... Что если съ ребенкомъ какое-нибудь несчастіе приключилось, что если... нѣтъ, узнать надо!

Но какъ только онъ сошелъ съ мѣста, вдругъ дверь открывается и входитъ — Цецилія. Служанка ничего не говорила ей насчетъ гостя, она сама пришла сюда взять кусокъ полотна изъ рабочей корзинки, стоявшей на одномъ изъ двухъ подоконниковъ. Готтгольдъ стоялъ въ тѣни большого, широкаго трюмо, и Цецилія совершенно его не замѣтила; идетъ далѣе, повернувшись лицомъ

къ болѣе освѣщенному окну, и вдругъ... почти наталкивается на кого-то въ комнатѣ и съ испугомъ протягиваетъ къ нему обѣ руки. Сумеречный свѣтъ падалъ на ея блѣдное лицо, большіе темные глаза искрились какимъ-то страннымъ, стекляннымъ блескомъ...

— Это я, я, Цецилія!

— Готтгольдъ!!..

Руки его какъ-то сами собой протянулись и въ слѣдующую затѣмъ минуту онъ не могъ отдать себѣ отчета, дѣйствительно-ли прижималъ ее къ своей груди. Очнувшись, видитъ, что онъ стоитъ, возлѣ нея, у постельки больного ребенка.

— Бѣдненькая Гретхенъ играла съ служанкой 'передъ нашимъ прїѣздомъ и упала прямо на ручку... Я думала сначала — такъ, немножко ушиблась, а между тѣмъ ей все хуже и хуже... Не можеть ручкой двигать и плачетъ, чуть дотронешься. Боюсь, какъ-бы кость себѣ не переломила, вотъ тутъ, у сустава...

Готтгольдъ наклонился надъ ребенкомъ. Дѣвочка съ удивленіемъ уставила на него глазенки, но не испугалась. И ему казалось, точно онъ глядитъ въ глаза Цециліи.

— Ты новый докторъ, да? спросила малютка.

— Нѣтъ, Гретхенъ, я не докторъ, но если ты любишь свою мамашу... правда, вѣдь любишь?.. такъ позволь мнѣ посмотрѣть твою ручку...

— Ахъ, больно, ужасно больно! сквозь слезы сморщилась Гретхенъ.

— Ничего, милое дитя, я не долго...

Готтгольдъ взялъ крошечную ручку и попробовалъ двигать ее въ плечевомъ соединеніи и въ локтѣ — дѣвочка была совершенно спокойна; потомъ осторожно ощупавъ нижнюю часть руки и тихонько повернулъ ее у кости. Дѣвочка тихо вскрикнула. Готтгольдъ опять положилъ ручку на одѣло и выпрямился.

— Нѣтъ, рука не сломана; это я могу утверждать положительно... сильный ушибъ, и больше ничего... Я сѣмью приложить ей простую повязку, чтобы въ изгибѣ не двигалась, — и болѣть не будетъ... Этого пока достаточно, до прихода врача. Такъ могу-ли я?..

Онъ говорилъ очень тихо, но маленькая Гретхенъ все слышала.

— Позволь ему, мамаша! упрасивала она: — новый докторъ лучше того, стараго, право, мама, лучше... позволь ему!!..

Двѣ-три крупныя слезы скатились по блѣднымъ щекамъ Цециліи; у Готтгольда на душѣ также стало невыразимо тяжело. Онъ принялся объяснять, какая нужна повязка и спросилъ, нельзя ли прискаты такую. Повязка нашлась. Готтгольдъ сталъ ее складывать.

— Вѣдь вотъ и пригодилась! улыбнулся онъ: — еще студентомъ будучи, я усердно посѣщалъ анатомическія и другія медицинскія лекціи, собственно ради своего искусства, да и вообще это меня интересовало... Съ этимъ кусочкомъ знанія мнѣ не разъ уже случалось помощь оказывать, когда лучшаго подъ руками не имѣлось... ну, и тогда дѣло было посерьезнѣе, чѣмъ теперь... Опасности, повторяю, нѣтъ ни малѣйшей и я, не задумываясь, взялъ-бы на себя всю отвѣтственность, если это нужно...

— Я вамъ вполне довѣряю...

У Готтгольда задрожали губы. Прежде они съ первой и до послѣдней минуты говорили другъ другу „ты“ и никогда, ни во снѣ, ни на яву онъ не обращался къ ней иначе, когда думалъ о ней въ своихъ воспоминаніяхъ за эти десять лѣтъ!..

Повязка была приложена, какъ желалъ Готтгольдъ. Гретхенъ перестала плакать, и такъ какъ ручка уже не болѣла, то дѣвочка склонила голову на сторону и будто уснуть хотѣла. Готтгольдъ вышелъ изъ дѣтской въ пріемную, сталъ искать въ сумеркахъ свою шляпу, но вдругъ... въ душѣ у него отозвалось что-то невыразимо странное...

Еще за минуту передъ тѣмъ онъ нарочно хотѣлъ идти къ Брандову—разсказать ему о состояніи его ребенка. Но потомъ... потомъ показалось ему, что это совершенно не нужно, мало того—вовсе не кстати,—точно-бы Карлу Брандову нѣтъ никакого дѣла до ребенка, также какъ онъ самъ не интересуется захворавшею лошадыю Карла Брандова,—будто только онъ и Цецилія имѣютъ право распоряжаться ребенкомъ и будто такъ было давно, всегда такъ было, а не въ какія-нибудь пятнадцать минутъ такъ сдѣлалось...

И вотъ онъ остановился въ этомъ диковинномъ настроеніи, весь поддался ему и пришелъ въ себя уже въ ту минуту, когда Це-

цилія тихо и торопливо подошла къ нему и съ тою-же осторожной торопливостью протянула къ нему обѣ руки.

— Благодарю, благодарю тебя, Готтгольдъ!.. Тебѣ это страннымъ показалось, обиднымъ, — это я хорошо замѣтила, но... но... дѣвочка глядѣла на насъ съ такимъ удивленіемъ... она все пересказываетъ... и притомъ теперь иначе и быть не можетъ... но въ этотъ разъ, въ этотъ послѣдній разъ я хотѣла говорить съ тобой по-доброму, по-старому... Такъ или иначе, а ты уже здѣсь...

— Ты такъ говоришь, Цецилія, какъ будто тебѣ непріятно, что я здѣсь.

Готтгольдъ пожималъ ея обѣ руки. Но теперь она высвободила ихъ, бросилась на стулъ, у окна, и низко опустила голову. Готтгольдъ подошелъ къ ней.

— Ты не желала, Цецилія, чтобъ я былъ у васъ?..

— Ахъ нѣтъ-же, нѣтъ! тихо простонала она: — я очень, очень желала увидѣться съ тобою... давно уже... всегда... Но тебѣ не слѣдовало являться сюда, самому не слѣдовало!..

— Такъ я сію-же минуту уйду!..

— Да нѣтъ-же, не то... вовсе не то я хотѣла сказать! быстро приподняла она голову, — ты здѣсь... ужъ этого, слѣдовательно, не передѣлаешь. Теперь ты можешь... нѣтъ, долженъ остаться, до тѣхъ поръ...

Голосъ ея вдругъ оборвался. Она глядѣла въ открытое окно, и Готтгольдъ, слѣдя за ея взглядомъ, увидѣлъ въ глубинѣ двора Карла Брандова, разговаривавшаго съ Генрихомъ Шелемъ. Въ эту минуту онъ торопливо шагаль къ дому.

— Идетъ, идетъ! прошептала она, — что-же ты хочешь сказать ему?..

— Я не понимаю тебя, Цецилія...

— Онъ ненавидитъ тебя...

— Но въ такомъ случаѣ, съ какой стати ему было насильно тащить меня туда, гдѣ я вовсе не имѣлъ намѣренія быть?..

— Онъ... онъ тащилъ тебя... самъ зазвалъ?.. Это непостижимо!!

— Значитъ, одурачилъ и меня... и тебя... но это также просто невѣроятно!!..

Она устала въ него испуганный взглядъ.

— Невѣроятно! повторила она, — я голову теряю...

Вдругъ блѣдное лицо ея искривилось горькой, болѣзненной усмѣшкой.

— А, если такъ, шепнула она, — то все можетъ оставаться межъ нами, какъ было прежде, все улаживается...

— А, друзья мои!! крикнулъ Брандовъ, увидѣвъ ихъ обоихъ въ окнѣ. Онъ посѣвшиль широкими шагами въ дому и уже издали махалъ имъ рукою.

Входитъ въ комнату и еще съ порога двери кричить:

— Ага, нашелъ уже мою барыньку, а?. А что, каковъ сюрпризъ, а?. Что дашь за это? Вотъ такъ-то лукаво дѣлишки надо обдѣлывать. Женѣ ни полсловечка... надоѣла и безъ того всякими нотациями о нашей глупой старой враждѣ и прочихъ, давнымъ давно забытыхъ дурачествахъ... А я друга-то стараго увѣрилъ, что барыня-то ждетъ не дождется, — вотъ такъ-то надо васъ, птичекъ рѣдкостныхъ, въ сѣти ловить, ха, ха, ха...

— Тихе, ты Гретхенъ разбудишь! попросила Цецилія.

— Ахъ, да, что ей такое приключилось? спросилъ Брандовъ, понизивъ голосъ: — вѣрно, вздоръ какой-нибудь... вотъ какъ и съ Браунлокомъ... фальшивая тревога... постой, да куда-же ты, Цецилія?..

Она пошла въ дѣтскую и плотно притворила за собою дверь. Готтгольдъ сообщилъ Карлу, въ какомъ положеніи онъ засталъ дѣвочку и что счелъ нужнымъ сдѣлать для оказанія первой помощи.

— Да сейчасъ-же за докторомъ надо будетъ послать! сорвалось съ языка Брандова.

— Я не думаю, чтобы это было безусловно необходимо! объяснялъ ему Готтгольдъ, — но если ты беспокоишься...

— Я, беспокоиться?! Нѣтъ, братъ, не такого десятка. Объ этомъ я, видишь, никогда не беспокоюсь... на счетъ всего, что касается ребенка, предоставляю вполне распоряжаться моею благовѣрною... ахъ, да вотъ и ты здѣсь, другъ мой... Готтгольдъ полагаетъ, что посылать за Лаутербахомъ нѣтъ надобности... и притомъ это совершенно бесполезно, по воскресеньямъ его и собаками нигдѣ не найдешь. А завтра утромъ мнѣ самому надо

ѣхать туда, такъ я и захвачу ее съ собой... Какъ вы думаете, друзья мои?..

— Не хочешь-ли еще разъ взглянуть на Гретхенъ? предложила Цецилія.

Готтгольдъ пошелъ за нею и оставилъ дверь незатворенною, полагая, что и Брандовъ захочетъ войти вслѣдъ за ними. Но Брандовъ остановился на половинѣ дороги. Злобно закусивъ нижнюю губу, онъ глядѣлъ, чрезъ отворенную дверь, на жену и гостя, когда они съ обѣихъ сторонъ въ одно время нагнулись надъ постелькой дѣвочки такъ близко, что лица ихъ, будто, прикасались другъ къ другу въ сумеречной комнатѣ. Ужъ не перешептываются-ли?! Какъ-будто кто-то изъ нихъ сказалъ: „онъ одурачилъ насъ“ или что-то въ этомъ родѣ, а?.. Нѣтъ, это Рика проворчала что-то. Надо приказать этой канальѣ, чтобы она за ними хорошенько тово... обо всемъ, чтобъ рапортовала... Ну, а пока до того, все уладилось, ей-богу, даже лучше, чѣмъ я могъ рассчитывать...

Медленно побрѣлъ онъ въ спальню, долго простоялъ въ нерѣшительности на порогѣ, невольно вздрогнувъ, когда мгновенный синеватый блескъ засвѣтилъ ему въ глаза и озарилъ темную комнату—то была первая молнія грозы, готовой разразиться послѣ знойнаго дня. Въ домѣ отдавались дальніе раскаты грома; съ полусоннымъ шуршаньемъ отряхались въ саду деревья; тяжелыя дождевыя капли изрѣдка стали постукивать въ оконныя стекла...

Гроза давно уже пробушевала и ночь, глубокая ночь залегла кругомъ, когда Готтгольдъ, со свѣчкою въ рукѣ, тихо пробирался, между сваленнымъ хламомъ, по верхнему, сводчатому отдѣленію одноэтажнаго дома — къ комнатѣ въ мезонинѣ, отведенной ему для ночлега. Долго просидѣлъ онъ съ Брандовымъ за бутылкой вина въ комнатѣ, по правую руку отъ передней, въ той самой комнатѣ, гдѣ издавна помѣщался обыкновенно самъ хозяинъ дома. Потомъ Брандовъ вызвался его проводить, но Готтгольдъ отклонилъ отъ себя эту любезность. Самъ, говорить, найду дорогу, потому двѣ пары сапоговъ всегда стучать громче, чѣмъ одна, а тамъ, наверху, сколько помнится, шумъ шаговъ отдается ночью какъ-то особенно страшно.

— Ну, ну, ладно, ступай одинъ, ужъ коли такъ тишиной доро-

жишь, ради другихъ! засмѣялся Брандовъ: — да смотри, чтобъ выспавшись не пришла-бы тебѣ фантазія завтра-же удирать отсюда, изъ этого ровно ничего не выйдетъ, увѣряю тебя... Завтра утромъ заѣду въ кухню и прикажу Гохену Преброву ретироваться одному; пожалуй, посажу его въ своему кучеру Фрицу, на козлы, а на обратномъ пути захвачу твои вещи изъ гостиницы. Раньше недѣли, ей-богу, не выпущу отъ себя... да я-бы съ величайшимъ удовольствіемъ, хоть-бы ты и навсегда у меня поселился. Только тебѣ едва-ли по вкусу придется. Человѣкъ молодой, любишь общество, а наша глушь, пожалуй, не въ моготу станеть. Да послушай, я, можетъ быть, ужъ черезъ-чуръ нажаловался тебѣ сегодня на свою скверную судьбу... даже болѣе, чѣмъ это прилично... Что, братъ, дѣлать, глядя не тебя, невольно завидовать станешь да подумаешь, что и изъ такого вахлака, какъ я, могло-бы выйти что-нибудь лучшее, если-бы, если-бы... Ну, ну, спокойной ночи, старый дружище, желаю пріятныхъ сновидѣній!..

И вотъ опять Готтгольдъ стоитъ въ своей знакомой, памятной сердцу, комнатѣ, у открытаго окошка... Съ деревьевъ еще падаютъ дождевыя капли, послѣ недавней грозы; въ ночномъ воздухѣ сыро и прохладно, но напрасно Готтгольдъ жадной грудью вдыхаетъ въ себя эту свѣжесть, — сердцу его не становится легче: глухо и тяжело стучитъ оно въ сдавленной груди, какъ у спящаго, когда какая-нибудь игра фантазіи пригонитъ къ головѣ горячую кровь... Да и не могло-ли показаться все это самой дикой игрою воображенія: онъ въ Долланѣ, онъ въ своей уютной, милой комнатѣ и глядитъ въ окно, и видитъ блѣдно-матовый отсвѣтъ, падающій изъ нижняго окна на стемнѣвшіе кусты!!!.. Изъ нижняго окна, то-есть изъ окна той комнаты, гдѣ когда-то спала его, дорогая, хорошая дѣвушка и гдѣ она, въ эту минуту, сидитъ у изголовья своего ребенка — *его* ребенка...

Готтгольдъ свалился на стулъ у окна и судорожно сдвинулъ обѣими руками горячую голову.

Между сонными деревьями прошелестѣлъ ночной вѣтеръ и заставилъ его очнуться изъ этой тяжелой безсознательности. Онъ встаетъ съ мѣста; лихорадочная дрожь охватываетъ его съ ногъ до головы. Готтгольдъ запираетъ окно и въ темнотѣ бросается въ постель, — свѣчка, принесенная имъ съ собою, давно уже по-

гасла. И постель была еще та-же, гдѣ онъ спалъ такъ часто мальчишкой и юношей. Готтгольдъ замѣтилъ это сразу, какъ только вошелъ въ комнату. Теперь опять подумалось ему о томъ-же и еще о томъ, какъ онъ въ послѣдній разъ лежалъ здѣсь, десять лѣтъ тому назадъ, — рано утромъ, послѣ того, какъ первую половину этой ночи провелъ въ береговой будкѣ дяди Бослава. Черезъ два часа, думалось ему тогда, какъ только они, внизу, проснутся, онъ сойдетъ къ нимъ и простится съ ними навѣки, — и тогда, какъ теперь, напрасно ворочался онъ на подушкѣ, напрасно старался успокоить бѣдную шальную голову.

— Побродилъ, помялся такъ долго на бѣломъ свѣтѣ — и вотъ опять на прежнемъ мѣстѣ очутился, въ той-же тѣсной комнатѣ, такимъ-же, какиамъ прежде былъ... Но такимъ-ли?.. Нѣтъ, вотъ тутъ, вотъ тутъ обнищалъ еще болѣе, несчастнѣе сталъ!..

«Безпечно пустился я въ сторону дальнюю, —

Какъ чаша былъ полонъ нашъ домъ, —

Вернувшись, встрѣчаю пустыню печальную...»

Да, все пусто... пусто и безпривѣтно! пробормоталъ онъ, точно-бы читалъ эти безотрадныя слова наболѣвшими безъ сна глазами, — читалъ на противоположной, чисто выбѣленной, голой стѣнѣ, когда на ней сквозь ночную темноту, какъ-то уныло и холодно сталъ пробиваться первый сѣренькій разсвѣтъ утра...

(Продолженіе будетъ).

ДРУЗЬЯМЪ.

На свѣтѣ, честно отбывая
Урочный срокъ, среди заботъ,
Живу я мирно, уповая,
Что буду честенъ и впередъ.

Дышу, работаю свободно,
Свободно думаю, грущу;
Не жажду почестей бесплодно
И утѣшеній не ищу...

Когда-же ветхая ливрея
Освободитъ мой духъ вполне,
То, право, можешь, не краснѣя,
Ты, ближній, вспомнить обо мнѣ!

Омулевскій.

ПИСАТЕЛЬ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, мнѣ случилось завѣдывать редакціей одной ежедневной газеты. Съ первыхъ-же дней, несмотря на множество работы, я замѣтилъ сѣденькаго, бѣднаго старичка, который почти ежедневно навѣдывался въ редакцію. Онъ скромно жался у дверей и долго ждалъ, пока на него обращалъ кто-нибудь вниманіе. Потертое старинное пальто сидѣло на немъ какъ-то мѣшковато; узенькія брюки, съ заплатами на коленкахъ были очень коротки ему, а сапоги, напротивъ, несообразно велики, длинны и неудобны. Не знаю — стыдился ли онъ своего костюма, или по другой какой причинѣ, но глаза его смотрѣли всегда съ какой-то стыдливой мольбой о прощеніи. Молчаливый, кроткій и застѣнчивый, старичекъ этотъ сразу возбуждалъ какое-то больное чувство жалости. Сѣденькая головка съ маленькими блестящими глазками, согнутая спина его, вся его худенькая, сухая фигура такъ и представляются теперь моему воображенію.

— Здравствуйте-съ, подобострастно раскланялся онъ со мной однажды, когда я проходилъ мимо него.

— Что вамъ угодно?

— А вотъ, вотъ-съ, торопливо заговорилъ старичекъ, роясь въ пазахъ своего пальто.— Вотъ-съ, двѣ статейки... Не прочли еще тѣхъ? спросилъ онъ, какъ-то жалобно и просительно глядя на меня своими маленькими глазками.

— Нѣтъ еще. А какъ ваши статьи называются?

— „Деревенская жизнь“—одна статейка. Есть еще о Волгѣ... потомъ стихи еще...

„Дѣло“. № 9.

— Завтра или послѣ завтра я посмотрю ихъ.

— Прощайте-сь! старичекъ низко-пренизко поклонился мнѣ и быстро юркнулъ въ дверь.

Я тотчасъ-же отыскалъ его статьи и началъ разбирать ихъ. Это были грязные листки сѣрой бумаги, исписанные довольно мелко дурными, водянистыми чернилами, такъ, что трудно было разобрать что-нибудь. „Деревенская жизнь“ начиналась описаніемъ какой-то идиллической мѣстности съ пастушками и овецками; авторъ вспоминалъ, какъ его мать варила звѣробой и хотѣла отправить его въ городъ, въ ученье; какъ онъ горевалъ и плакалъ; но его все таки отправили на муку и страданія. Все это было написано совершенно безсвязно, безтолково и безграмотно. Я принялся за слѣдующія статьи, и, пробѣжавъ первыя строчки, рѣшилъ, что онѣ тоже не годятся къ напечатанію. Для возвращенія бѣдному старику у меня собрался цѣлый ворохъ рукописей. Я зналъ, что невольно наношу ему довольно чувствительную непріятность; мнѣ было жаль его, и я рѣшился хоть сколько-нибудь облегчить ударъ.

— Сдѣлайте одолженіе, садитесь, сказалъ я старичеу, когда онъ пришелъ за отвѣтомъ.

— Ничего-сь, ничего — я постою, скороговоркой отвѣтилъ онъ, кланаясь мнѣ въ поясъ.

— Видите, въ чемъ дѣло—у насъ теперь очень много матеріаловъ; не можете-ли вы обратиться въ другую газету или журналъ?

— Я ходилъ-сь ужъ, да нигдѣ не принимаютъ... Старичекъ взглянулъ на меня, и мнѣ показалось, что въ глазахъ у него блестятъ слезы.

— Вотъ стихи... Мы вѣдь совершенно не печатаемъ стиховъ.

— А другія статейки?

Старичекъ взглянулъ на меня, какъ взглядываетъ подсудимый на старшину присяжныхъ, начинающаго читать вердиктъ. — Жизнь или смерть? спрашиваютъ такіе взгляды. Мнѣ стало жаль старика.

— „Жизнь въ деревнѣ“, пожалуй, можно будетъ напечатать, сказалъ я.

— Можно! съ радостнымъ удивленіемъ воскликнулъ стари-

чекъ, и глаза его заблестали огнемъ невыразимой радости.—Когда-же она будетъ напечатана?

— Этого я не могу сказать; вѣроятно, еще не скоро: у насъ очень много принятыхъ статей.

— Да-съ, торопливо сказалъ старичокъ, и въ голосѣ его слышалась уже нота грусти.—А вотъ еще я хотѣлъ... Онъ началъ рыться за пазухой. Вотъ еще...

— Что такое?

— „Лѣсной медвѣдь“, повѣсть.—„Весна“, описаніе весны.—„Божья десница...“

Покуда я читалъ эти заголовки и разбиралъ листки сѣрой бумаги, старичекъ продолжалъ рыться за пазухой. Наконецъ, онъ торопливо вытащилъ довольно толстую книжку въ желтой оберткѣ.

— Вотъ-съ... извините... Позвольте,—въ подарочекъ... моего сочиненія, конфузясь проговорилъ онъ, подавая книжку.

Это была драма, подъ названіемъ: „Невиданное приключеніе“, сочиненіе Андрея Сахарова, второе изданіе, исправленное и переработанное.

— У меня и первое изданіе есть—если угодно, я тоже принесу, весело сказалъ старичекъ, когда я поблагодарилъ его за подарокъ.

— У меня ихъ много было... Теперь малость только осталась: всѣ почти распродаль.

— Значить драма хорошо шла?

Старичекъ замялся.

— Ее такъ мало покупали... Признаться сказать, нуждался крѣпко — на бумагу какъ-то продаль... стыдливо признался онъ.

Я перевернулъ нѣсколько страницъ. Драма была написана стихами.

— Вы сами ее издавали? спросилъ я.

— Да-а, со вздохомъ отвѣчалъ старичекъ.—На эту книгу все потратилъ: домишка лишился; описали все, за долги продали... Дорого она мнѣ встала... Ну, да Богъ съ ней, это ничего... По крайности, она ужъ исправленная вышла... Вы извольте прочитать...

— Да, я непременно прочитаю, прочитаю.

— А вы не читали въ журналѣ, въ „Лебедѣ“, тамъ разсказъ мой былъ напечатанъ: „Праздникъ Рождества Христова“ называется... Тамъ былъ Петръ Сергѣичъ, редакторъ—отличный человекъ... заговорилъ старичекъ, видя, что я оказываю вниманіе къ его книгѣ. Маленькіе глазки загорѣлись у него какимъ-то дѣтскимъ блескомъ; даже на блѣдныхъ, морщинистыхъ щекахъ заигралъ легкій румянецъ.—Бранятъ меня, смѣются надо мной... Пускай ихъ, Господь съ ними, смѣются!.. есть и добрые люди на свѣтѣ.

Онъ, очевидно, намекалъ на меня и на редактора „Лебедя“.

— Такъ будетъ моя статейка-то напечатана? спросилъ старичекъ на прощаньи.

Я опять пообѣщавъ ему, и онъ вышелъ вполне счастливый, довольный и дѣтски-радостный.

Послѣ этого онъ началъ ходить въ редакцію каждый день аккуратно, и началъ приносить съ собой цѣлыя пачки рукописей.

— А какъ статейка моя? спрашивалъ онъ.

— Пойдетъ, пойдетъ, утѣшалъ я его.

Старичекъ никогда не пропускалъ случая услужить какъ-нибудь. Въ присутствіи его невозможно было послать кого-нибудь въ типографію.

— Ужъ сдѣлайте милость—позвольте, я отнесу... позвольте! умолялъ онъ.

Въ типографіи онъ съ какой-то благовѣйной осторожностью ходилъ между реалами и по цѣлымъ часамъ засматривался на черныя гранки набора и внимательно прислушивался къ грохоту скоропечатной машины. На лицѣ его въ это время выражалась сладостная сосредоточенность, на губахъ играла довольная улыбка. Наконецъ, онъ просто не выходилъ изъ типографіи. Сбѣгать за папиросами для метранпажа, за пивомъ для корректора—ему доставляло истинное удовольствіе. Но, если печатникъ позволялъ ему иногда исполнять должность батырщика или накладчика, если ему случалось присусѣдиться къ вертельщикамъ и хоть минуту повертѣть колесо—онъ былъ счастливъ, какъ ребенокъ.

Однажды мой старичекъ, успѣвшій уже совсѣмъ ознакомиться съ редакціей и типографіей, пришелъ позднѣе обыкновеннаго,

и сверхъ всякаго ожиданія не принесъ ни одной статьи. Сколько я замѣтилъ, онъ былъ сильно взволнованъ.

— Иванъ Николаичъ, сказали онъ дрожащимъ голосомъ, кланяясь нѣсколько разъ чуть не до земли, — Иванъ Николаичъ, позвольте мнѣ просить... Извините меня...

— Полноте, полноте...

— Нѣтъ... видите, я теперь ничего не могу написать хорошаго... Совсѣмъ не имѣю покоя... Ходить каждый день тоже очень далеко: версть восемь будетъ. Я уголокъ нанимаю. Гдѣ тутъ напишешь! Только уместись какъ-нибудь, а тутъ глядь, идетъ кто-нибудь. Жильцовъ множество; человѣкъ восемь со мной въ одной кухнѣ живутъ... Гдѣ тутъ писать! Ночью, когда уснуть всѣ, только и можно... Вчера одинъ жилецъ, солдатъ, пьянъ напился...

Старичекъ отъ волненія остановился и перевелъ духъ.

— Я въ своемъ уголку сидѣлъ, никого не трогалъ... Отогнулъ тюфячекъ на кровати; самъ-же на полѣно приснастился кое-какъ... огарочекъ свѣчки, да чернилицу на кровать установилъ—и пишу, никого не трогаю. — А онъ кричитъ — зачѣмъ свѣчку сжешь, спать мѣшаешь!.. ругаетъ меня... Потомъ взялъ, да и загасилъ свѣчку. Я посидѣлъ, подождалъ;—думаю, уснулъ онъ — опять зажегъ. Онъ опять загасилъ ее — ничего не сдѣлаешь!.. Съ часъ я сидѣлъ, дожидался, покуда онъ заснетъ. Зажегъ опять, — а онъ и проснулся... Какъ подбѣжить ко мнѣ, да какъ дать... я просто опомниться не могъ... Едва къ утру утомился. Зажегъ я свѣчку, сталъ было писать, да ужъ нѣтъ—сердце такъ и бьется: ничего не могу сдѣлать... Иванъ Николаичъ, не откажите! Позвольте хоть въ кухнѣ у васъ какъ-нибудь пристроиться... Мнѣ ничего не нужно: уголокъ-бы былъ только; а ужъ тамъ заслужилъ-бы... Замѣсто разсылнаго меня нельзя-ли? — Днемъ, я цѣлый-бы день служилъ-бы вамъ — мнѣ жалованья не нужно — только-бы уголокъ, чтобы ночью можно было сдѣлать что-нибудь на покой...

Все это старикъ произнесъ съ разстановками, низко кланяясь, говорилъ онъ такимъ дрожащимъ голосомъ, какъ будто заглашалъ внутренніе стоны, проглатывая слезы.

Около моего кабинета была маленькая проходная комната; я предложилъ ее ему. Восторгъ бѣдняка былъ неописанъ.

— Заслужу я вамъ, заслужу, твердилъ онъ, со слезами на глазахъ.

Въ тотъ-же вечеръ онъ переѣхалъ. Мѣшокъ съ сотней экземпляровъ „Невиданнаго приключенія“, тюфякъ, одѣяло, да подушка—составляли все имущество моего сосѣда, если не прибавлять такихъ мелочей, какъ пузырьрекъ съ чернилами, перо и нѣсколько листовъ бумаги.

Ночью мнѣ приходилось долго работать. Сосѣдъ точно умеръ—его вовсе не было слышно. Я думалъ уже, что онъ спитъ; но скоро замѣтилъ, что въ маленькой комнатѣ свѣтится огонь. Я тихонько пріотворилъ дверь и заглянулъ туда. Маленькая фигурка старичка согнулась надъ столомъ; мягкіе сѣдые волосы растрепались во всѣ стороны, свѣча уже почти догорала; онъ тихо водилъ перомъ по бумагѣ, такъ тихо, какъ будто боялся нарушить тишину даже скрипомъ своего пера.

— Вы все еще не спите? спросилъ я.

Старичекъ вздрогнулъ и быстро вскочилъ со стула.

— Я мѣшаю... Помѣшалъ вамъ, со страхомъ залепеталъ онъ и схватилъ свѣчку, чтобы поскорѣе погасить ее.

— Что вы это? остановилъ я его.

— Простите...

Я успокоилъ кое-какъ старика и посмотрѣлъ, что онъ пишетъ. Это была какал-то новая драма; королева разговаривала съ философомъ дурно рифмованными стихами, безъ соблюденія самыхъ простыхъ правилъ стихотворнаго размѣра. Покуда я читалъ, старичекъ вопросительно и боязливо смотрѣлъ на меня своими добрыми глазами.

— Какъ? тихо спросилъ онъ, когда я дочиталъ страницу.

— Ничего...

— Плохо? съ болью спросилъ старикъ.

Я постарался утѣшить его нѣсколькими общими фразами и воротился къ себѣ. Ночью мнѣ не спалось; я нѣсколько разъ проснулся и видѣлъ, что огонекъ въ маленькой комнатѣ все еще горитъ, значитъ, старикъ все еще не ложился и работаетъ. Я никогда, во время нашего сожителства, не видалъ его спящимъ: онъ всегда ложился гораздо позже меня, и чуть свѣтъ былъ уже на ногахъ. Онъ на цыпочкахъ выбрался изъ комнаты, шелъ въ типографію, любовался тамъ на работу скоропе-

чатной машины, забиралъ оттуда экземпляры для редакціи, приносилъ ихъ и начиналъ фальцовъ. Втеченіи всего дня онъ не упускалъ ни одного случая, чтобы быть полезнымъ: онъ добровольно бралъ на себя—то обязанности рассыльнаго, то обязанности лакея. Больше всего ему нравилось ходить съ какими-бы то ни было порученіями къ сотрудникамъ. На всѣхъ насъ онъ смотрѣлъ, какъ на нѣчто необыкновенное, почти неземное. Я помню, съ какимъ благоговѣніемъ глядѣлъ онъ на мои руки, когда я наскоро дописывалъ статью, чтобы отдать ее ему для доставки въ типографію. Ни отъ кого изъ сотрудниковъ онъ ни за что не хотѣлъ взять на чай, несмотря на то, что часто приходилось носить корректуры за нѣсколько верстъ, ночью, въ ненастье или морозъ. Онъ также ни за что не соглашался получать жалованья, и мнѣ большого труда стоило даже уговорить его пользоваться нашимъ столомъ, чаемъ, свѣчами и проч. Онъ ожилъ и повеселѣлъ. Цѣлый день на ногахъ и цѣлую ночь за столомъ надъ листами бумаги—онъ былъ счастливъ; надо было видѣть его радостный взглядъ, когда онъ приносилъ мнѣ утромъ пачку рукописей—плодъ своего ночного труда. Чтобы потѣшить старика, я пробовалъ исправить и напечатать хоть одно его произведеніе; но это оказывалось положительно невозможнымъ: ни въ одной его статьѣ не было ни содержанія, ни мысли, ни связи.

Въ одно утро я засталъ старичка навалившимся на столъ и внимательно читающимъ одну изъ моихъ передовыхъ статей. Это была статья по поводу проектированнаго еще тогда новаго устава о карательной цензурѣ. Во введеніи были между прочимъ слѣдующія строки: „нерѣдко бываетъ тернистъ путь того писателя, который не подпѣваетъ голосу толпы и идетъ въ разрѣзъ съ ея требованіями“.

— Иванъ Николаичъ, сказалъ старичекъ, остановившись на этихъ словахъ,—это сущая правда... Кто изъ насъ, изъ писателей, не страдаетъ!... Мнѣ самому Богъ привелъ однажды...

— Какъ такъ?

— Года два назадъ, я насчетъ голода проектъ написалъ,—чтобы, значить, голода впередъ не было... Потому теперь у насъ хлѣбъ барышники скупаютъ, да за границу его увозятъ—потому онъ и дорогъ. А я говорю: пусть амбары такіе устроятъ, и

пусть сама казна весь хлѣбъ покупаетъ. Тогда казна барышней брать не будетъ, и почему хлѣбъ крестьянину стоять, такъ и будетъ продавать. Это, знаете, какое-бы благодѣаніе для народа! Истинное благодѣаніе! Крестьянину-бы можно было дать и подороже за хлѣбъ: пусть наживаетъ, — свой человекъ! Мы-бы тоже были въ выгудѣ... И казнѣ доходъ большой. Теперь, если хлѣбъ какой лишній остался, намъ онъ ужъ не нуженъ; его-бы можно было продать за границу по самой дорогой цѣнѣ: тамъ вѣдь въ хлѣбѣ очень нуждаются.

Старичекъ съ жаромъ развивалъ свой проектъ: глаза его блестяли; онъ весь приосанился и сдѣлался другимъ человекомъ. Въ немъ уже не видно было бѣднаго, жалкаго старичка; во всей фигурѣ его отразилась горячая энергія, готовность смѣло защищать правое дѣло. Онъ даже немного приподнял руку и рассуждалъ такъ свободно, какъ не рассуждалъ при мнѣ никогда — ни прежде, ни послѣ.

— Написалъ я этотъ проектъ, купилъ тетрадку и чистенько переписалъ его; планы амбаровъ нарисовалъ, какъ могъ; ночи не спалъ: сколько бумаги одной извелъ... Несу въ одну редакцію — не принимаютъ; въ другой говорятъ, что цензура не пропуститъ; въ третьей — что матерьялу много... Ходилъ, ходилъ — ничего толку нѣтъ. Пришелъ въ Коломну, къ редактору „Земледѣднія“ — онъ и говоритъ: мы проектовъ не печатаемъ, вы подайте свой проектъ въ министерство. Подалъ я, ходилъ, ходилъ: опять нѣтъ толку — отдали мнѣ его назадъ. — „Обратитесь, говорятъ, туда-то“. И тамъ нѣтъ ничего: ходилъ туда мѣсяца три, опять ни съ чѣмъ назадъ воротился. Возился я съ годъ: ходилъ и къ директорамъ разнымъ, и къ министрамъ — то не принимаютъ, то назадъ отдаютъ: это, говорятъ, намъ не подлечить. Всѣ уже узнали меня; смѣются, не пропускаютъ — сумасшедшій, говорятъ. — Добьюсь-же, думаю, какъ-нибудь, — авось меня послушаютъ. Продалъ пальтишко, поѣхалъ въ Царское Село. По цѣлымъ днямъ караулилъ одного генерала, дня четыре крохи въ ротъ не бралъ. Много хлопотъ было, а все-таки ничего не добился... Поймали меня и привезли въ Петербургъ: сумасшедшій, говорятъ. Въ больницу... Тамъ мѣсть не было; препроводили меня въ полицейскій пріютъ. Крикъ, шумъ, гамъ, все сумасшедшіе. Карандашъ у фельдшера попро-

силъ; бывало, выйдешь въ корридоръ, поуспокоишься, нѣтъ-нѣтъ да что-нибудь и напишешь — этимъ только и душу отводишь... Да нѣтъ, — мѣшали ужасно. Много я тамъ муки вынесъ, пока меня выпустили. А все-таки, слава Богу, проектъ свой кое-какъ пристроилъ...

— Гдѣ-же?

— Тутъ одинъ книжникъ, на Апраксиномъ дворѣ, взялъ, общался напечатать; десять экземпляровъ хотѣлъ мнѣ дать. Ну, да я ужъ побольше у него куплю на свои деньги. Пусть узнаютъ, по крайней мѣрѣ...

— Что-же онъ до сихъ поръ не печатаетъ?

— Кто его знаетъ! Хожу, напоминаю, да все, говорить, некогда этимъ заняться.

Въ это время дверь немного пріотворилась и къ намъ заглянуло чье-то незнакомое женское лицо, окутанное въ платокъ. Лицо это было слишкомъ мало для взрослой женщины, и его можно-бы было принять за дѣтское лицо, если-бы оно не было такъ блѣдно и морщинисто, если-бы голубые глаза не смотрѣли такъ мутно, не потухли-бы, какъ говорятъ.

— Батюшка!

— Катенька!... Катенька! засуетился старикъ, окончательно растерявшись.

— Можно войти? робко спросила посетительница.

— Дочка моя... извините... Позвольте? суетливо обратился ко мнѣ старикъ; глаза его заблестали, руки опустились; онъ видимо не зналъ, что ему дѣлать.

Я пригласилъ дочь моего старика въ комнату; она вошла очень робко и тихо положила на столъ какой-то бѣлый узелокъ. Я поспѣшилъ уйти, чтобы не мѣшать имъ, перешелъ изъ кабинета въ пріемную. Черезъ четверть часа, дочь Андрея Петровича (такъ звали старика), проходя чрезъ прихожую, увидала меня и робко повернула въ дверь.

— Извините, сказала она, я хочу...

Глаза ея, повидимому, были заплаканы; она говорила не твердо; губы дрожали.

— Я хотѣла поблагодарить васъ, что пріютили старика. Онъ нигдѣ не можетъ найти мѣста... Съ нами жить не хочетъ: никакъ не можемъ уговорить... На моего мужа разсердился, и вотъ

ужь пятый годъ на глаза его не пускаеть къ себѣ... Еще хотѣла я васъ просить...

Я попросилъ сѣсть мою просительницу; она сѣла, какъ-будто по забывчивости, потомъ, точно опомнилась, нѣсколько смутилась и не знала, встать-ли ей на ноги или продолжать сидѣть.

— Извините за нескромный вопросъ: какъ это Андрей Петровичъ поссорился съ вашимъ мужемъ? Я никакъ не ожидалъ, чтобы онъ могъ сердиться цѣлыхъ пять лѣтъ...

— Видите-ли, онъ очень любитъ писать статьи. Все бывало пишеть, и такъ много у него этихъ бумагъ наберется, что просто цѣлый уголъ навалень. Разъ какъ-то онъ написалъ трагедію — такая огромная тетрадь! Все читалъ ее, да поправлялъ; день и ночь — все надъ этой тетрадью сидѣлъ. Разъ какъ-то мой мужъ выпивши былъ, бранилъ меня очень; батюшка и заступился (онъ бывало всегда заступался за меня). Ну, извѣстно, пьяный человекъ самъ себя не помнить. Напустился онъ и на батюшку — зачѣмъ онъ все пишеть... Схватилъ всѣ его тетради и положилъ въ печку. Батюшка не давалъ-было, да гдѣ старику справиться! Потомъ, какъ онъ зажегъ уже ихъ, батюшка остановился и смотритъ, какъ онѣ горять. Я думала, что съ нимъ такое? Стоитъ, какъ веопанный, и смотритъ. Догорѣли бумаги совсѣмъ ужь, а онъ все стоитъ, смотритъ, какъ искорки бѣгаютъ, и я смотрю, что съ нимъ будетъ? Когда послѣдняя искорка погасла, пепель только черный остался, онъ взялъ шапку и тихо такъ вышелъ, ни слова ни сказалъ. Куда, думаю, онъ пойдетъ ночью? Выбѣжала за нимъ. Звала, звала — нейдетъ. Я, говорить, Катя, не сержусь на него, а видѣть его больше не могу. Такъ и не могла уговорить. Дала ему, что было, деньжонокъ у меня на дорогу, и проводила его... Съ того дня, вотъ по сю пору, все одно только и твердить, что я на него не сержусь, а видѣть его не могу: онъ, говорить, у меня полжизни отнял. Я насчетъ этого васъ хотѣла просить: нельзя ли помирить ихъ какъ-нибудь?

Я съ удивленіемъ взглянулъ на мою собесѣдницу.

— Видите, когда его статья „О Рождествѣ Христовѣ“ была напечатана, онъ совсѣмъ-было простилъ мужа, да тотъ поупрямился... Я знаю ужь батюшку; онъ, какъ ребенокъ, если что-нибудь напечатано... Вездѣ ходить, раздаеть свою статью...

Теперь онъ говоритъ, что вы тоже какую-то статью обѣщали ему напечатать. Нельзя-ли ее напечатать? я ужь уговорю какъ-нибудь мужа, чтобы онъ пришелъ поздравить его; можетъ, простить... Сдѣлайте одолженіе!

Просительница начала кланяться; я былъ въ большомъ затрудненіи.

— Скоро никакъ нельзя, уклончиво отвѣтилъ я.

— Будьте добры!

Отвязаться отъ просьбы было трудно, да къ тому-же я и самъ склоненъ былъ сдѣлать что-нибудь для старика. Мнѣ пришло въ голову заставить его написать воспоминаніе о полицейскомъ пріютѣ, которое, исправивъ, можно-бы было напечатать съ его именемъ.

— На дняхъ я постараюсь что-нибудь напечатать, сказала я моей просительницѣ.

— Ахъ, какъ-бы мы вамъ были благодарны. Сдѣлайте милость!

Я еще разъ пообѣщавъ и простился съ дочерью старика, которая до самыхъ дверей не переставала кланяться и просить.

— Знаете что, сказалъ я, входя къ старику, который показался мнѣ въ этотъ разъ задумчивѣе и сумрачнѣе обыкновеннаго,—знаете что: вы мнѣ говорили, что были въ полицейскомъ пріютѣ; напишите объ этомъ воспоминанія... Пишите все, что вы видѣли... Я помѣстивъ-бы эту статью на дняхъ-же.

Старикъ тотчасъ-же оживился и началъ меня спрашивать, какъ нужно написать и что именно; началъ рассказывать про жестокость приставниковъ, про разныя несправедливости и притѣсненія, которыя онъ испыталъ въ полицейскомъ пріютѣ. Я объяснилъ ему все, что нужно, принесъ бумаги, перегнувъ листы пополамъ и попросилъ его писать на половинкахъ, чтобы можно было дѣлать на поляхъ замѣтки и поправки.

— Я сейчасъ-же сяду! весело сказалъ старичокъ, осторожно принимая отъ меня бумагу, какъ какую-нибудь святыню. Онъ смахнулъ пылъ со стола, положилъ какую-то старую тетрадь и только на нее уже бережно уложилъ врученные ему листы.

— Сейчасъ-же примусь! торопливо говорилъ онъ, съ дѣтской улыбкой на губахъ и съ радостнымъ блескомъ во взглядѣ.

— Ничего, вы не торопитесь; припомните все прежде...

Старикъ съ безпокойствомъ посмотрѣлъ на меня.

— Впрочемъ, это все равно... Пишите, пишите! успокойте я его.

— Я прежде начерно напишу.

— Пожалуй.

Старикъ въ этотъ день не отрывался отъ стола. Когда лакей пришелъ позвать его къ обѣду, я слышалъ, какъ онъ ласковымъ, молящимъ тономъ проговорилъ; голубчикъ, принеси мнѣ какой-нибудь кусочекъ, маленькій кусочекъ хлѣбца... Не до ѣды мнѣ теперь!

Ночь старикъ не спалъ всю напролетъ.

Утромъ онъ доставилъ мнѣ рукопись; вся бумага, которую я ему далъ, была исписана. Воспоминанія, однакожь, оказались далеко неудовлетворительными; того, что я думалъ въ нихъ отыскать — именно характеристики полицейскаго пріюта, не оказывалось почти вовсе; авторъ больше предавался общимъ размышленіямъ о Богѣ, о мірѣ, о правдѣ и т. п.; порицалъ людскую несправедливость, описывалъ, какъ онъ укрѣплялся въ вѣрѣ, подъ бременемъ тяжелыхъ испытаній, какъ онъ страдалъ и проч., и проч.

Я слышалъ кое-что о полицейскомъ пріютѣ и, по возможности, сдѣлалъ рассказъ о впечатлѣніяхъ человека, который былъ тамъ заключенъ. У старика пришлось только спросить — чѣмъ кормятъ въ пріютѣ, какъ одѣваютъ, когда встаютъ и ложатся спать, когда приходятъ лекаря и т. п. чего я самъ не зналъ. Рукопись старика была захерена почти цѣликомъ, и на поляхъ былъ написанъ совершенно другой рассказъ. Я оставилъ только заголовокъ и подпись автора.

— Вотъ ваша статья; она пойдетъ въ завтрашнемъ номерѣ, сказалъ я старику, когда онъ на цыпочкахъ вошелъ въ кабинетъ сказать, что разсылный изъ типографіи пришелъ за оригиналомъ.

Съ невыразимой радостью онъ взялъ со стола рукопись и началъ ее разсматривать. Радость эта не была тороплива; она отличалась какимъ-то тихимъ, благовѣйнымъ характеромъ, это была та радость, отъ которой замираетъ сердце.

Старикъ молча смотрѣлъ рукопись, тихо перевертывая листы одинъ за другимъ. Лицо и взглядъ его по мѣрѣ приближенія

къ концу все теряли и теряли свой радостный характеръ. Дойдя до своей подписи, онъ глубоко вздохнулъ и остановился въ какомъ-то раздумьи.

— Вотъ еще оригиналъ, отдайте разсылному.

Старикъ машинально собралъ вырѣзки, завернулъ ихъ въ свою статью, и тихо вышелъ изъ комнаты.

Вечеромъ я засталъ его въ типографіи; онъ сидѣлъ въ конторѣ и съ веселой улыбкой разсматривалъ корректурные оттиски своей статьи; больше всего онъ останавливался на концѣ, гдѣ четко были отпечатаны слова: Андрей Сахаровъ.

— Вы ее передѣляли, Иванъ Николаичъ, робко замѣтилъ онъ мнѣ, когда я взялъ гранку съ заглавіемъ статьи.

— Да, я нѣсколько измѣнилъ; она у васъ вышла очень недурна, только немного длинновата, я сократилъ...

— Ничего, ничего, торопливо заговорилъ старичокъ.— У васъ отлично она передѣлана.

Возвращаясь изъ типографіи, я иногда довозилъ старика съ собой до дому; въ этотъ вечеръ я тоже отправлялся прямо домой и пригласилъ его сопутствовать мнѣ.

— Нѣтъ, покорно васъ благодарю. Я ужъ здѣсь какъ-нибудь прикурну... подожду... отвѣчалъ онъ.

Я распорядился, чтобы для старика напечатали лишнюю сотню экземпляровъ завтрашняго номера и отправился домой. Утромъ я засталъ его уже фальцующимъ эту сотню. Онъ смотрѣлъ точно имянникъ и складывалъ газету съ такой старательной осторожностью, какъ-будто совершалъ какой-нибудь обрядъ: приѣрая края, медленно перевертывалъ онъ листъ и приглаживалъ рукою нѣсколько разъ, будто лаская газетную бумагу.

Сложивъ свои сто экземпляровъ, онъ взялъ ихъ и отправился изъ дому на цѣлый день. Лицо его сіяло полнымъ, спокойнымъ торжествомъ; онъ заперъ за собою дверь съ чинной и медленной акуратностью.

Вечеромъ ко мнѣ зашелъ одинъ изъ сотрудниковъ. Среди разговора онъ какъ-то упомянулъ про старика.

— Кстати, какимъ это родомъ случилось? спросилъ онъ, тыкая въ фельетонъ, гдѣ была помѣщена статья о полицейскомъ пріютѣ.— Старикъ пришелъ ко мнѣ сегодня такой масляный, принесъ газеты и объявляетъ, что вы напечатали его статью. Какъ это?

— Да-а.

— Вижу, вижу! это вы, должно быть, поблагодумствовали.

И мой собесѣдникъ началъ припоминать, какъ я нѣсколько мѣсяцевъ назадъ напечаталъ какую-то негодную статью потому только, что она принадлежала одному бѣдному человѣку.

— Это, право, походить на пристрастіе, говорилъ онъ;— редакторъ долженъ быть неумолимъ, какъ судья...

— Но вѣдь надо-же быть и человѣкомъ.

— Да, но вѣдь газета—не богадѣльня. Впрочемъ, человѣчно-ли вы поступили съ этимъ Андреемъ Сахаровымъ—это еще вопросъ. Человѣкъ пишетъ чепуху, бредитъ чепухой, помѣшанъ на ней—а вы, вмѣсто того, чтобы разувѣрить его, поличить его—еще поощряете къ сумасшествію. Пишите сами статью, печатаете подъ его именемъ и стараетесь увѣрить его, что онъ не просто дурачится, а дѣло дѣлаетъ... Ну. онъ и будетъ марать вѣчно бумагу, тогда какъ могъ-бы чистить сапоги или заняться чѣмъ-нибудь болѣе полезнымъ!

— Едва-ли. Онъ, кажется, неизлечимъ...

— Нѣтъ, вы попытайтесь... Говорите ему каждый день, что онъ пишетъ чепуху, что лучше-бы было, если-бы онъ занялся дѣломъ: можетъ быть, подѣйствуетъ. Это ужъ будетъ во всякомъ случаѣ полезнѣе, чѣмъ печатать свои статьи за его подписью.

— Помилюйте! разсмѣялся я,—человѣкъ трудится—ни славы, ни гонорарія не приобретаетъ;—надо-же вознаграждать его чѣмъ-нибудь. Если онъ сумасшедшій, и неизлечимо сумасшедшій—не лучше-ли успокоивать его, вмѣсто того, чтобы раздражать.

— Вѣдь посмотрите, какую онъ чертовщину плететъ! вскричалъ мой собесѣдникъ, взявъ одну изъ старыхъ рукописей моего старика. И онъ, смѣясь, началъ читать мнѣ ее, останавливаясь на неправильныхъ оборотахъ рѣчи и неумѣстности нѣкоторыхъ словъ.

„Всѣ стихіи, читалъ онъ, побораемы огнемъ будутъ и возмутятся отъ дуновенія незримыхъ силъ. Спѣгъ, огонь, и вода, и грязь объяли насъ своими системами. Не знаешь, что будетъ, и гдѣ мы жизнь свою кончимъ и когда“...

— Скоро, въ сумасшедшемъ домѣ, засмѣлся мой собесѣдникъ.— Ну, не дуракъ-ли, не помѣшанный-ли писалъ это?!

Я, смѣясь, согласился съ этимъ. Среди нашего глумленія надъ

слабостью несчастнаго старика, въ сосѣдней комнатѣ послышался какой-то прерванный шелестъ.

— Боже мой, онъ, кажется, дома! Онъ все слышалъ, вскричалъ я.

— Ничего... Это полезный урокъ! смѣялся мой сотрудникъ.

Я отворилъ дверь въ маленькую комнату. На столѣ горѣла свѣча; передъ ней, спиной ко мнѣ, стоялъ старикъ съ растрепанными сѣдыми волосами. Я съ удивленіемъ замѣтилъ на столѣ скожканную бумагу; старикъ проворно мочилъ свой палецъ слюнями, поднося его къ губамъ, и съ энергіей вытиралъ какія-то слова въ газетѣ, быстро отбрасывая одинъ листъ за другимъ. Онъ вытиралъ свою подпись подъ статьей о полицейскомъ пріютѣ.

— Что вы это дѣлаете? спросилъ я.

Старикъ взглянулъ и быстро оборотился ко мнѣ; лицо его было красно, глаза горѣли, руки дрожали; онъ, видимо, находился въ крайнемъ волненіи.

Я повторилъ вопросъ.

— Ничего! вскричалъ онъ какимъ-то страстнымъ голосомъ.— Ничего! Ничего! съ энергической рѣзкостью повторилъ онъ, схватывая обѣими руками свою шапку.

— Куда вы? спросилъ я. Но старика уже не было въ комнатѣ.

— Вотъ, что вы теперь надѣлали? сказалъ я, возвращаясь въ кабинетъ въ моему гостю.

— Э, ничего! это пройдетъ.

Но это не прошло. Дня черезъ два ко мнѣ явилась дочь старика; глаза у нея были заплаканы еще больше, чѣмъ въ первое наше свиданіе.

— Батюшка вѣрно простудился гдѣ-нибудь, онъ совсѣмъ слегъ; я ужъ его въ больницу отправила, сказала она мнѣ.— Я не знаю, что съ нимъ сдѣлалось: вѣрно горячка—все бредить. Про статью какія-то говорить... Васъ вспоминалъ...

Я спросилъ адресъ больницы и пообѣщался навѣстить старика.

— Онъ просилъ принести ему какія-то книжки, драму его... Хотѣлъ лекарю подарить, чтобы онъ прочиталъ... Это, говорить, мое сочиненіе, а то другое какое-то, не мое...

Въ этотъ день мнѣ не удалось навѣстить старика. На слѣдующее утро я засталъ его уже мертвымъ. Маленькая, худая фигурка лежала на грязныхъ нарахъ; кожа едва покрывала кости; сѣдые волосы, точно вѣнокъ, обрисовывали желтое, сухое лицо съ черными ямами глазъ... Такъ вотъ какой финалъ страстнаго, фанатическаго увлеченія литературной славой!—подумалъ я, оставляя за собою одинокій трупъ бѣдняка.

Н. Муцескій.

ЖЕРТВЫ ИДЕАЛИЗМА.

„Babolain“, par Gustave Droz. Paris, I. Hetzel et Co, 1872.

I.

Романтизмъ считается многими окончательно погребеннымъ въ обиходѣ западной жизни. Кто ни кричитъ о разнузданности реальныхъ побужденій, о грубомъ материализмѣ, который прососалъ общественное тѣло „гнилого запада“? И въ самомъ дѣлѣ, въ какую сферу жизни ни заглянете вы, вездѣ бросается вамъ въ глаза грубая погоня за наживой для удовлетворенія однихъ чувственныхъ и тщеславныхъ инстинктовъ. Поживите немного во Франціи или прочтите нѣсколько популярныхъ романовъ и комедій, и вы увидите всѣ особенности буржуазнаго типа. Коренной буржуа остался все такимъ-же. И когда вы видите этого буржуа на сценѣ, живьемъ, въ полномъ разцвѣтѣ его привлекательныхъ особенностей, вы невольно упрекаете авторовъ въ преувеличеніи. Вамъ кажется, что въ дѣйствительности какой-нибудь папа Бенуатовъ, или Перишонъ, или герой комедіи „Фальшивые добряки“ изображены для потѣхи зрителей, и что въ жизни они вовсе не такъ пошлы. А между тѣмъ авторы ничего не преувеличивали. Напротивъ, они еще смягчали дѣйствительность, придавая лицамъ и положеніямъ комической колоритъ. Разверните нѣкоторые романы Бальзака, и вы увидите трагическую сторону буржуазной пошлости. Французы—вовсе не большіе охотники обличать самихъ себя. И если-бы буржуа не выработалъ въ себѣ такихъ яркихъ свойствъ, ни романисты, ни драматическіе писатели, ни публицисты не стали-бы изображать его во всѣхъ его разновидностяхъ. Самал его добродѣтель сводится къ побужденіяхъ тщеславія или къ жалкому формализму нравственности, изъ-за которой онъ способенъ выдѣлывать всевозможныя глупости. Но для него въ иныхъ слу-

чаяхъ исполненіе формальныхъ правилъ дороже интересовъ окружающей среды, потому что онъ видитъ въ этомъ свое общественное отличіе. Это его мундиръ, безъ котораго ему нельзя было-бы пользоваться почетомъ и продолжать успѣшно обрабатывать свои дѣлишки. Его принципы находятся въ тѣсной зависимости отъ того, какую роль можетъ онъ играть на общежитейской трапезѣ. Онъ всегда препоясанъ мечомъ своего прототипа, г. Прюдома— чтобы „защищать принципы, но при случаѣ и нападать на нихъ-же“. Хорошаго буржуа ничѣмъ не смутитъ и онъ выйдетъ сухъ изъ всевозможныхъ общественныхъ переворотовъ.

II.

Точно также и міръ умственного труда наложилъ на себя клеймо служенія Мамону. Журналисты, драматическіе писатели, романисты, художники всякихъ специальностей, издѣваясь надъ буржуа, сами живутъ и дѣйствуютъ съ тѣми-же побужденіями, какія мы видимъ въ образцовыхъ представителяхъ всеяднаго типа. Каждый изъ нихъ эксплуатируетъ свои знанія, умъ и таланты, точно-будто они ему даны на откупъ. Мы видимъ въ этомъ мірѣ неистовую погоню за успѣхомъ. Большіе таланты, не менѣе бездарностей, прибѣгаютъ ко всевозможнымъ шарлатанскимъ средствамъ, чтобы привлечь публику и поскорѣе обезпечить себѣ популярность. Реклама достигла самыхъ чудовищныхъ размѣровъ. Журналисты, сплошь и рядомъ, торгуютъ своимъ перомъ и не задумываются служить всякому грязному дѣлу, только-бы привлечь публику и дойти до возжелѣнной цифры ежедневнаго тиража. Какой буржуа сравнится по части обдѣлыванія своихъ дѣлишекъ, хоть-бы съ г. де-Вильмессаномъ, доблестнымъ редакторомъ газеты „Фигаро“? Онъ стоитъ цѣлой сотни Прюдомовъ. Нѣтъ для него преградъ въ достиженіи извѣстной цифры подписчиковъ и покупателей «Фигаро». Его не сдерживаютъ никакіе принципы. Онъ служитъ какъ разъ всѣмъ буржуазнымъ инстинктамъ и привлекаетъ ихъ приманкой скандала, выдумки, злобной инсинуаціи, бездушнаго зубоскальства и лживаго пафоса. У такого господина, какъ Вильмессанъ, есть одинъ только принципъ: это — возведеніе въ неизмѣнное правило журнальной мистификаціи. За то никто больше „Фигаро“ не распинается за вѣрность и точность своихъ сообщеній. Все въ такой журналистикѣ: и политика, и социальные вопросы, и общественная жизнь, и театръ, и литература, окрашены въ краску одной и той-же пошлости. Въ такой журнальной «лавочкѣ», какъ «Фигаро», происходитъ постоянное раз-

вращеніе молодых дѣятелей. Въ школѣ Вильмессана они научаются ремеслу продажнаго журнализма, обращающаго все въ потѣху, во имя привлеченія публики. Но и въ такъ называемыхъ *солідныхъ* журналахъ видимъ мы довольно безцеремонное обращеніе съ правдою и серьезностью. И въ нихъ реклама всеильна. И они, радуя за извѣстную политическую партію, представляютъ изъ себя лавочки, гдѣ на первомъ планѣ стоятъ чисто-торгашескіе интересы. Только враждебность, вытекающая изъ духа партій, заставляетъ журналы полемизировать между собою и обличать другъ друга. Вообще-же они отличаются взаимнымъ потакательствомъ и недобросовѣстнымъ отношеніемъ къ явленіямъ дѣйствительности.

Беллетристы, въ особенности драматурги, кидаются въ погоню за успѣхомъ съ такой-же неразборчивостью средствъ, какъ и журналисты. Чтобы какъ-нибудь выкарабкаться и попасть въ моду, молодые писатели трутся около разныхъ литературныхъ лавочекъ, добиваются всякими заискиваніями рекламы, и когда первый успѣхъ поставитъ ихъ выгодно на литературномъ рынкѣ, они начинаютъ брать съ своего таланта самые ростовщическіе проценты. Романисты, насплунъ воображеніе и удаляясь все больше и больше отъ жизненной правды, строчатъ по нѣскольку романовъ въ годъ. Драматурги гоняются за легкими, но выгодными успѣхами; вмѣсто серьезныхъ вещей, ставятъ въ нѣсколько театровъ разомъ всякую всячину: и мелодрамы, и годовыя обзорѣнія, и феіи, и либретто оперетокъ. Все приносится въ жертву скорой наживѣ. Но даже и изъ тѣхъ писателей, которые работаютъ старательнѣе и рѣдко появляются передъ публикою, иные обдѣлываютъ свои денежныя дѣла съ ловкостью истыхъ кулаковъ.

Наконецъ, въ мірѣ художниковъ происходитъ точно такое-же приниженіе творческихъ дарованій, какъ и въ двухъ первыхъ мірахъ, такое-же раболѣпное служеніе денежному успѣху, съ прибавкою еще большаго задора, еще большей нечистоплотности по части всевозможной рекламы, шарлатанства и просто надувательства. Самыя мелкія проявленія буржуазнаго тщеславія кишатъ въ этомъ мірѣ, который воображаетъ себя на какихъ-то высотахъ, куда г. Прюдому никакъ не забраться. Животненные инстинкты, черствый расчетъ, безстыдная эксплуатація только прикрываются здѣсь кое-какъ лохмотьями совершенно истасканной мантіи, на которой написано громкое, полное всякой фальши, слово: „искусство“.

III.

При такихъ проявленіяхъ практичности, казалось-бы нѣтъ житья романтикамъ. Лѣтъ тридцать, сорокъ тому назадъ романтизмъ служилъ людямъ, причислявшимъ себя къ интеллигенціи страны, общей вѣвѣской. Въ особенности художники и беллетристы причисляли себя къ цеху романтиковъ, перекрапывали свою внѣшность вопреки законамъ буржуазной порядочности, усвоивали себѣ особый языкъ, привычки, даже страсти и пороки, и на каждомъ шагѣ кричали о томъ, какъ они преданы своимъ высокимъ идеаламъ, какъ они готовы умереть за правду, красоту и человѣчность! Въ ихъ жаргонѣ все дышало энтузіазмомъ, пареніемъ въ заоблачныхъ высотахъ. Но рядомъ съ этимъ чисто-внѣшнимъ, театральнымъ романтизмомъ жилъ и до сихъ поръ не умеръ другой видъ романтизма. Въ томъ-же самомъ французскомъ обществѣ боже-обоже съ закоренѣлыми буржуа, промышленниками и шалопаями всякаго рода, найдете вы людей, воспитавшихся подъ вліяніемъ извѣстныхъ принциповъ, въ сторонѣ отъ житейскихъ приманокъ или-же и въ самомъ водоворотѣ жизни. Различныя сферы доставляютъ такихъ идеалистовъ. Они весь свой вѣкъ живутъ, какъ въ чадѣ, увлекаются миражами, иногда и великой идеей, страстно служатъ ей, но это служеніе, благодаря ихъ идеализму, къ несчастію, не приводитъ ни къ какимъ жизненнымъ результатамъ; они такъ переполнены своими идеалами, что имъ некогда изучать ту почву, на которой они хотятъ дѣйствовать. Да въ ихъ натурѣ нѣтъ совѣмъ и органовъ для такого изученія. Распознавательной способности точно совѣмъ и не значится въ ихъ душевной организаціи. Имъ нужно, во что бы то ни стало, видѣть осуществленіе своихъ идей. Чуть кто сказалъ имъ сочувственное слово, они уже считаютъ такого человѣка своимъ единомышленникомъ. Всякій благоприятный слухъ, какъ-бы онъ ни былъ фантастиченъ, принимаютъ они за чистую монету. Малѣйшій признакъ успѣха распаляетъ ихъ воображеніе и они спѣшатъ торжествовать побѣду. Даже и въ самыхъ дѣльныхъ личностяхъ этой породы видите вы неисправимыхъ идеалистовъ, которые большую часть своихъ силъ теряютъ даромъ. И никакія неудачи, никакія горькія разочарованія не исправляютъ ихъ. Они сваливаютъ вину или на судьбу, или на самихъ себя и продолжаютъ метаться, тратить попусту силы и набираться все новыхъ и новыхъ иллюзій.

Среди проповѣдниковъ нравственности и возстановителей человѣческаго паденія попадаются также неисправимые идеалисты,

помѣшавшіеся на одной какой-нибудь общей идеѣ. Жизненный опытъ никакъ не можетъ заставить ихъ идти отъ анализа къ синтезу, а не наоборотъ. Во всемъ видятъ они осуществленіе своего завѣтнаго принципа. Ихъ оптимизмъ ни мало не уменьшается подъ давленіемъ суровой дѣйствительности. Имъ суждено весь свой вѣкъ обманываться, принимать самую циническую комедію за искреннее раскаяніе и настоящее нравственное возрожденіе.

Кабинетныя занятія, когда они носятъ характеръ отвлеченный, или требуютъ одной усидчивости и ограничиваютъ умъ изслѣдованіемъ мелкихъ фактовъ, ведутъ также къ своего рода идеализму, который поддерживается полнѣйшимъ незнаніемъ и непониманіемъ реальной жизни. Такіе ученые, особливо, когда они слабы натурой, предаются съ особой ревностью своимъ кропотливымъ трудамъ, почти всегда лишеннымъ ясной руководящей идеи. Эти занятія даютъ имъ возможность уходить въ ихъ нору, гдѣ имъ привольнѣе живется, гдѣ они могутъ постоянно мечтать и питаться наивными представленіями о жизни. Умъ ихъ вовсе не направленъ на здоровое изученіе дѣйствительности. Внѣшніе предметы воспринимаются ими точно затѣмъ только, чтобы развивать въ себѣ способность къ одному внутреннему анализу. Въмѣсто фактическаго изученія всѣхъ этихъ предметовъ, они довольствуются разборомъ того, какъ внѣшняя жизнь отражается на ихъ внутреннемъ „я“. И все больше и больше вдаются они въ борьбу съ самими собой, превращая ничтожнѣйшія обстоятельства интимной жизни чуть не въ событія, создавая себѣ призрачныя радости и горести, мучая себя изъ-за всякаго вздора и дѣлаясь жалкой пгруппшкой эгоизма рѣшительно всѣхъ тѣхъ, кто только пожелаетъ ихъ эксплуатировать, кто возьметъ на себя трудъ выжать изъ нихъ весь сокъ. Таковъ обыкновенный ихъ жизненный удѣлъ.

IV.

Всѣ эти виды идеализма сводятся къ одному и тому-же, въ смыслѣ философскомъ: къ преобладанію метафизики надъ положительнымъ принципомъ. У каждаго такого романтика есть какой-нибудь абсолютъ, который онъ воспринялъ безъ должной критики, въ годы своей юности, когда набирался ума-разума. Цѣлыя поколѣнія были принесены въ жертву метафизическому развитію. Если человѣчеству и нужно было перейти черезъ эту фазу, то оставаться въ ней, значить ставить себя въ противорѣчіе съ тѣмъ,

что наука докладывает намъ ежедневно. Нѣмцы еще до сихъ поръ не освободились отъ вліянія метафизическаго мышленія. Германія все еще переполнена кафедрами философіи, на которыхъ сидятъ профессора, разрабатывающіе все тѣ-же измышленія діалектики, поющіе все тѣ-же погудки на новый ладъ. Фейербахъ не даромъ сказалъ, что философъ и профессоръ философіи—понятія одно другое уничтожающія. Но какъ ни безсодержательна вся эта университетская діалектическая болтовня, она все-таки продолжаетъ входить въ обиходъ умственнаго развитія молодыхъ людей. Метафизики-профессора, видя, что нельзя уже ратовать открыто противъ здоровыхъ научныхъ принциповъ, вступаютъ съ ними въ компромиссы, хитрятъ и изворачиваются, поддѣлываются подъ духъ времени; но не перестаютъ при этомъ проводить свои метафизическіе абсолюты. Тѣ изъ ихъ слушателей, кто не успѣетъ застраховать себя отъ діалектической заразы научно-философскимъ направленіемъ, пропитываются на всю жизнь идеализмомъ, который всего сильнѣе отражается на нравственныхъ началахъ и социальныхъ стремленіяхъ. И на этой почвѣ все еще продолжаютъ вращаться разные виды романтизма. Кто изъ нѣмцевъ еще находится въ тискахъ метафизики, тотъ всякій вопросъ морали и социологіи будетъ обсуждать на основаніи извѣстныхъ діалектическихъ положеній. Его умственный анализъ никогда не заходитъ до установленія закона. Анализъ этотъ ограничивается изслѣдованіемъ метафизическихъ сущностей и ведетъ къ пустому и жалкому умничанью. Простое отношеніе къ жизни совершенно утрачивается. Все принимаетъ напускной характеръ. Хорошія натуры—я тѣ дѣлаются жалкими филистерами или фанатиками отвлеченныхъ началъ. Вся ихъ жизнь проходитъ въ пустой агитаціи или въ такомъ-же пустомъ и безсодержательномъ мученичествѣ. Германія, особенно въ своихъ трущобахъ, полна такихъ экземпляровъ. Въ нихъ, вслѣдствіе задорности національнаго темперамента, общее нѣмецкое или личное самоувѣреніе достигаетъ иногда чудовищныхъ размѣровъ. Они совершенно теряютъ чувство мѣры и настоящаго значенія жизненныхъ явленій, и предаются культу своихъ идеаловъ съ нетерпимостью средневѣковыхъ фанатиковъ. Что-бы ни случилось внѣ ихъ или въ нихъ самихъ, они все сводятъ къ нарушенію или торжеству этихъ идеаловъ. Въ тихенькихъ экземплярахъ метафизика сказывается добровольною придавленностью, подъ которой живетъ гордость идеалиста, носящаго въ себѣ завѣтъ правды и нравственнаго свѣта. И до тѣхъ поръ, пока метафизика совсѣмъ не будетъ выкурена изъ нѣмецкаго воспитанія и высшаго образованія, все, что нѣмцы ни сдѣлаютъ въ качествѣ

культурной національности, будетъ окрашено, въ цѣломъ или по частямъ, въ краску идеализма, который самые возмутительные факты и явленія будетъ объяснять и оправдывать діалектическими изворотами.

V.

Во Франціи нѣмецкая метафизика, какъ извѣстно, сложилась въ такъ называемый „электизмъ“. Въ этомъ философскомъ винигретѣ желающіе находятъ всевозможныя общія мѣста по части истины, добра и красоты. Электизмъ, сдѣлавшись съ 30-хъ годовъ официальной философіею, царствуетъ фактически и до сихъ поръ въ томъ, что называется „университетомъ Франціи“, т. е. во всемъ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Въ движеніи французской мысли эклектики уже не играютъ роли. Ихъ пѣсенька пропѣта. Но они до сихъ поръ занимаютъ мѣста профессоровъ философіи. Загляните въ Сорбонну и въ провинціальные университеты Франціи и вы вездѣ найдете эклектиковъ. Ихъ ученики попадаютъ въ учителя гимназій, гдѣ еще при Бонапартѣ была обязательна для учениковъ такъ называемая „философія“, т. е. официальный учебникъ, представляющій собою метафизическую энциклопедію, написанную по приемамъ и идеаламъ эклектики. Какъ-бы точная наука ни боролась побѣдоносно съ мертворожденной университетской философіею во Франціи, какъ-бы положительное мышленіе ни прогрессировало, все-таки учащаяся молодежь поставлена въ необходимость вкушать эклектическую пищу. И гимназисты, и студенты должны сдавать экзамены у официальныхъ философовъ, и волей-неволей усваивать себѣ извѣстныя общія формулы, которыя потомъ некогда будетъ провѣрить собственнымъ анализомъ и точнымъ знаніемъ. На ученической скамейкѣ мальчикъ поглощенъ зубреніемъ древнихъ языковъ и математикой. Когда-же ему допытываться: полно, можно-ли принимать на вѣру всѣ тѣ абсолюты „истины и красоты“, которые ему надо заучить въ руководствѣ официальной философіи? На университетской скамейкѣ, если онъ пойдетъ по словесному или математическому факультету, будетъ продолжаться то-же самое. На кафедрахъ философіи сидятъ эклектики; очищаютъ ихъ лекціи точнымъ анализомъ некогда, потому что древніе языки и математика берутъ все время, если студентъ желаетъ сдать хорошо экзаменъ на степень. Въ юридической школѣ царствуетъ тотъ-же электизмъ въ теоретической части права; а спеціальной философіи права до сихъ поръ

и вовсе не читали. Только въ медицинской школѣ можетъ молодой человѣкъ сразу окупиться въ положительное знаніе; но и въ ней не найдетъ онъ ни одного курса, гдѣ читалось-бы что-либо похожее на философію естествовѣденія. Если онъ поступилъ уже подъ значительнымъ вліяніемъ метафизическихъ абсолютовъ, медицина пожалуй и не отрезвитъ его вполне. Онъ будетъ набираться фактическихъ свѣденій, а по общимъ своимъ воззрѣніямъ останется съ тѣмъ, что онъ вынесъ изъ учебника гимназической философіи.

Народное образованіе до сихъ поръ ни на волосъ не высвободилось изъ подъ ферулы эклектиковъ. Жюль Симонъ—истый продуктъ эклектизма. А что-же такое какъ не метафизика—традиціонныя фразы, которыми французы губятъ себя во всѣхъ сферахъ жизни? Что такое этотъ *шовинизмъ*, какъ не метафизическое представленіе о величій народнаго духа? Что такое эта дикая мораль, которую запечатлѣлъ французскій кодексъ, какъ не таже метафизика? А въ отдѣльныхъ личностяхъ, вобравшихъ въ себя безсодержательные идеалы эклектики, происходитъ постоянно процессъ, развѣдающій всѣ здоровыя жизненныя инстинкты. Если при этомъ личность слаба, то ея идеализмъ переходитъ въ самую жалкую манию и беспомощность среди всеядныхъ типовъ, которыми, какъ мы видѣли, кипитъ все французское общество, и въ чисто-буржуазной средѣ, и среди людей, составляющихъ такъ называемую интеллигенцію.

VI.

Въ русскомъ обществѣ метафизика также сдѣлала свое дѣло. Наша интеллигенція 30-хъ и 40-хъ годовъ, даже помимо университетскихъ кафедръ набросилась на нѣмецкую философію. Оставимъ другимъ доказывать, что гегелизмъ принесъ существенные плоды. Мы знаемъ только то, что трансцендентальное мышленіе удалило дѣльныхъ два поколѣнія отъ настоящаго научно-философскаго анализа жизни и человѣческаго творчества. Отвлеченныя аксіомы играли роль точныхъ выводовъ. Умъ предавался хитросплетеніямъ діалектики, а характеры мельчали, погружаясь въ тонкости рефлексій. А въ это время дѣйствительная жизнь раскрыла столько сторонъ, требующихъ живого дѣла и неустанной борьбы. Идеалисты-метафизики вмѣсто того, чтобы дѣйствовать или, по крайней мѣрѣ, подготавливать почву для дѣйствій послѣдующему поколѣнію, почти исключительно пробавлялись философскимъ и эстетическимъ дилетанствомъ. Обыкновенно у насъ оправдываютъ этихъ метафизиковъ,

говоря, что тридцать лѣтъ тому назадъ, нельзя было и думать о разработываніи какихъ либо живыхъ вопросовъ. Такое оправданіе мы не считаемъ состоятельнымъ. Нельзя было-бы обвинять извѣстное поколѣніе въ чемъ либо безусловно. Само по себѣ оно невиновато въ своемъ дилетанствѣ. Виновата метафизика, которой оно пропитало себя. Въ это время дѣйствительно трудно было дѣйствовать широко, на какомъ-бы то ни было поприщѣ. Но развѣ въ западной Европѣ мы не знаемъ эпохъ, когда практическая разработка жизненныхъ вопросовъ со всѣхъ сторонъ встрѣчала затрудненія? Возьмите, напримѣръ, Францію въ царствованіе Людовика XV...

Еще въ критикѣ искусства нашимъ метафизикамъ удавалось, благодаря личной талантливости, дойти до нѣкоторыхъ вѣрныхъ оцѣнокъ; но и въ этой критикѣ дѣйствовали они путемъ априорическимъ, защищая во что-бы то ни стало свои абсолюты, а не подвергая ихъ безпощадному суду положительныхъ фактовъ. И только тѣ изъ нашихъ метафизиковъ, которые раньше другихъ уклонились въ сторону научнаго анализа, стали разработывать болѣе ягучіе вопросы, дѣйствуя въ тѣхъ-же самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ. Да и слѣдуетъ-ли удивляться этому, когда глава метафизическаго мышленія 30-хъ годовъ, самъ Гегель предавался точно также восхваленію дѣйствительности; онъ былъ оптимистомъ подъ вліяніемъ системы, которая помогала каждому филистеру признавать всевозможные печальные факты за нѣчто разумное, на томъ только основаніи, что оно существуетъ.

VII.

Слово „рефлексія“ стало гулять между русской интеллигенціей и ее стали объяснять, главнымъ образомъ, тяжелыми условіями быта, отсутствіемъ сколько-нибудь широкой общественной дѣятельности. А между тѣмъ, въ этой рефлексіи виновата на половину метафизика. Люди, заѣденные рефлексією, образовали изъ себя особый классъ, который читалъ нашу беллетристику втеченіи цѣлыхъ 30-ти лѣтъ. Въ послѣднее время этихъ лишнихъ людей—представителей нашей интеллигенціи,—стали объяснять однимъ выдающимся явленіемъ русской жизни: — барствомъ. Крѣпостное право (по этому толкованію) давало возможность людямъ развитымъ, изъ помѣщичьяго класса, вдаваться во всякаго рода дилетанство. Одинъ изучалъ „Феноменологію Духа“—Гегеля, другой Винкельмана, третій „Категорическій императивъ“ Канта, четвертый—народную поэ-

зію. И средствъ, и времени было слишкомъ довольно, чтобы улаживать себя тонкостями діалектики и эстетическими красотами художественныхъ произведеній. Въ этомъ воздухѣ отвлеченныхъ занятій, поддерживаемыхъ сословными преимуществами, воля парализировалась. Такое объясненіе крайне односторонне. Барство было только почвой. Но безъ вліянія метафизики оно-бы никогда не дало цѣлой категоріи дряблыхъ, безхарактерныхъ людей, весь свой вѣкъ метавшихся изъ стороны въ сторону и неумѣвшихъ никогда примоститься къ какому-нибудь живому дѣлу. Крѣпостное право и другія явленія дѣйствительности, связанныя съ нимъ, сами по себѣ, даже и въ барскомъ классѣ, не могли вызвать народненія всѣхъ этихъ лишнихъ людей. До 40-хъ годовъ русская интеллигенція, какова-бы она ни была, не отличалась вовсе такъ называемой „раздвоенностью“; а барскій классъ вообще, и до этого времени, и послѣ, былъ переполненъ весьма жизненными типами, — такими людьми, которые и не думали никогда причислить себя къ категоріи *лишнихъ*. Могутъ возразить на это, что измельчаніе характеровъ и практическая неумѣлость явились вслѣдствіе возбужденія умственной работы. Идеи нахлынули разомъ, а натуры оказались неспособными на ихъ проведеніе въ жизнь, потому что предварительно были надломлены рѣзкимъ противорѣчіемъ между извѣстными идеалами и дѣйствительностью. Но почему-же умственная работа должна непременно вести къ измельчанію характеровъ?

Стало бытъ, дѣло не въ одномъ крѣпостномъ правѣ, не въ одномъ барствѣ, не въ однихъ печальныхъ условіяхъ общественной жизни, а также въ бесплодной метафизикѣ, которая однихъ вела къ слащавому оптимизму, а другихъ заставляла предаваться развѣдающимъ размышленіямъ на тему о противорѣчіяхъ между идеаломъ и дѣйствительностью. Мы видимъ одновременно и въ Германіи, и даже во Франціи, почти такихъ-же лишнихъ людей, какъ и у насъ. И тамъ литература занималась ими и до послѣдняго времени не совсѣмъ оставила ихъ. Нельзя-же доказывать, что и въ Германіи, и во Франціи эта порода людей народилась отъ одного барства. Тамъ эти лишніе люди попадались и между аристократами, и между простыми буржуа. Крѣпостного права тамъ не было. Политическая и общественная жизнь была тамъ больше развита, чѣмъ у насъ. Каждому представлялась возможность дѣйствовать на какомъ нибудь поприщѣ. А лишніе люди все-таки заводились, да и теперь водятся. И разберите вы исторію происхожденія каждаго изъ нихъ, вы непременно найдете, что корень нравственнаго недуга — идеализмъ. Вліяніе идей вообще гораздо сильнѣе, чѣмъ это кажется многимъ критикамъ, объясняю-

щимъ социологическія явленія одними только житейскими условіями. Но когда мы видимъ, что въ различныхъ странахъ извѣстное умственное направленіе даетъ сходные результаты, мы вправѣ заключать, что оно главнѣйшимъ образомъ повліяло на выработку того или иного типа людей.

VIII.

Гдѣ доказательства (если судить по литературнымъ произведеніямъ), что лишніе русскіе люди только отъ барскаго строя жизни выработали себѣ такую нравственную фізіономію? Настоящіе лишніе люди 40-хъ годовъ изображены въ тургеневскихъ повѣстяхъ и романахъ. Возьмите вы *самаго мимно* изъ лишнихъ, который послужилъ ключкой всему собирательному типу. Развѣ изъ его „Записокъ“ значится, что онъ аристократъ или по-просту русскій баринъ? Вся его душевная жизнь состоитъ изъ такой томительной возни не потому, что онъ продуктъ извѣстныхъ словесныхъ преимуществъ, а потому, что въ его умственномъ развитіи не было никакой поддержки въ борьбѣ съ жизнью: ни точныхъ свѣденій, ни здравыхъ понятій, ни здороваго отношенія къ своему психическому „я“. Барство—не главная причина. Сознаніе своей бесполезности, мелкоты, ничтожества гнететъ эту личность сильнѣе, чѣмъ это было-бы съ другимъ человѣкомъ, главнымъ образомъ оттого, что вся мыслительная работа пошла у него на горячечный бредъ идеализма, тогда какъ въ жизни человѣка, поглощеннаго работой, не можетъ быть такого душевнаго расстройства. Рокковая необходимость бороться за свое существованіе не даетъ времени развивать въ себѣ наклонность къ безплодному душевному анализу, неизмѣющему ничего общаго съ здоровымъ мышленіемъ. Въ „Гамлетѣ щигровскаго уѣзда“ мы видимъ то-же самое. Онъ, правда, помѣщикъ, но его личность рѣзко отличается отъ всей окружающей его помѣщичьей среды. Отчего-же его сосѣди, продукты все тѣхъ-же общественныхъ условій, не имѣли понятія о нравственныхъ страданіяхъ, которыя по собственной волѣ нажилъ себѣ щигровскій Гамлетъ? Что могло, въ социальномъ смыслѣ, способствовать выработкѣ изъ него типа лишняго человѣка? Одно только то обстоятельство, что онъ въ молодости имѣлъ средства учиться въ университетѣ и потомъ шататься за границей? Но и то, и другое могъ продѣлать молодой человѣкъ, невышедшій вовсе изъ барской среды, даже бѣдный человѣкъ, если онъ хорошо учился и посланъ былъ на казенный счетъ за

границу, что у насъ совсѣмъ не рѣдкость. И будь онъ словесникъ, онъ кинулся-бы слушать точно такія-же метафизическія лекціи, какъ и Гамлетъ щигровскаго уѣзда. А по возвращеніи въ деревню, что мѣшало ему заняться своимъ хозяйствомъ на-столько рационально и гуманно, на-сколько это было возможно въ тогдашнихъ условіяхъ? Но онъ не въ состояніи былъ ничѣмъ заняться потому именно, что въ лучшіе свои годы не приобрѣлъ ничего, кромѣ способности къ мыслительному дилетантизму. Авторъ устами его прямо показываетъ намъ: что онъ изучалъ въ Германіи, подчиняясь тогдашней модѣ на философію. Онъ пропитался діалектикой гегельянства, и, вернувшись изъ-за границы, сталъ безумолку болтать на всѣхъ московскихъ перекресткахъ. Эта болтовня—прямой результатъ посѣщенія философскихъ лекцій. Вернись онъ изъ-за границы какимъ-нибудь адъютантомъ, онъ вмѣсто московскихъ гостинныхъ, сталъ-бы болтать на кафедрѣ. Можетъ быть, онъ не считалъ-бы себя такимъ лишнимъ человѣкомъ, какъ въ деревнѣ; но былъ-бы въ дѣйствительности совершенно также бесполезенъ. Онъ изъ года въ годъ повторялъ-бы все тѣ-же метафизическія измышленія и все сильнѣе-бы вооружался противъ всякаго свѣжаго слова, которое наука могла-бы сказать въ вопросахъ, захваченныхъ метафизикой. Гамлетъ щигровскаго уѣзда лезить себя всего сильнѣе тѣмъ, что онъ лишень всякой оригинальности. Но это только одинъ отводъ. И безъ всякой оригинальности можно прожить далеко не лишнимъ человѣкомъ. Самая забота объ оригинальности—чисто-метафизическаго происхожденія. Человѣкъ, воспитавшій себя на идеѣ научнаго закона и органической необходимости, не будетъ весь свой вѣкъ мучиться изъ-за того только, что онъ не оригиналенъ, не способенъ ни на какую яркую своеобразность.

А Рудинъ? Развѣ можно объяснять однимъ только барствомъ эту личность? Такихъ Рудинныхъ вы нашли-бы десятками во Франціи, и даже въ Германіи, въ интеллигентной средѣ, не имѣющей ничего общаго съ нашимъ помѣщичьимъ бытомъ. Онъ по типу своему — «богема». Всѣ его побужденія противны барскому духу. Онъ демократъ и гуманистъ. Но къ настоящему дѣлу онъ не призванъ опять-таки потому, что изучалъ жизнь въ однѣхъ отвлеченностяхъ, и, вмѣсто выработки качествъ дѣятеля, довольствовался однимъ энтузіазмомъ. Напрасно воображаютъ у насъ, что типъ Рудина необыкновенно характеренъ для русской жизни. Напротивъ, онъ можетъ служить образцомъ международнаго типа: до такой степени въ немъ тѣсна связь между мыслительнымъ направлениемъ и жизненною дѣятельностью.

Въ «Яковѣ Пасынковѣ» — этомъ характерномъ типѣ *русскаго* романтика — нѣтъ также преобладающаго вліянія барства. Его идеализмъ можетъ попадаться во всѣхъ классахъ общества. Такія натуры склонны къ сладкимъ отвлеченностямъ. Онѣ на каждой ступени развитія прилѣпляются къ извѣстнымъ безплотнымъ идеаламъ. Метафизика губитъ ихъ окончательно, и только научное міровоззрѣніе можетъ дѣлать ихъ похожими на живыхъ людей.

IX.

Мы обозрѣли разные виды идеализма. И вотъ, въ то время, когда у насъ лишніе люди изъ интеллигентной среды почти уже совсѣмъ сошли съ литературной арены, во Франціи является романъ, исключительно посвященный исповѣди жалкаго идеалиста, прожившаго жизнь свою въ десять разъ несчастнѣе, чѣмъ всѣ русскіе «лишніе» люди, разсѣянные по повѣстямъ и романамъ нашихъ писателей. Новый лишній человекъ, повѣдавшій французской публикѣ свою скорбную повѣсть, является въ такой моментъ, когда все въ современной французской дѣйствительности дышетъ борьбой самаго реального свойства. Въ политикѣ, въ социальномъ быту, въ промышленномъ мірѣ, въ литературѣ и журналистикѣ, — во всемъ чувствуется напряженіе. Франція залечиваетъ свои раны, готовится, быть можетъ, къ новой войнѣ, усиленно работаетъ во всѣхъ направленіяхъ, сознавая, какъ много она потеряла по собственной винѣ и какъ мало еще сдѣлала существенныхъ преобразованій. Такое-ли, стало быть, время, чтобы заниматься безплодными страданіями полусумасшедшаго старичишки? И что-же? Старичишка этотъ глубоко тронулъ и заинтересовалъ всю читающую публику. Онъ заставилъ говорить о себѣ среди насущныхъ заботъ, какъ объ крупномъ событіи.

«Баболэнъ» — Гюстава Дроза — родной братъ всей вереницѣ нашихъ лишнихъ людей и всякаго рода забытыхъ личностей, которыми русская литература занимается втеченіи цѣлыхъ 30-ти лѣтъ. Онъ не только одной съ ними породы, онъ продуктъ той-же самой эпохи, питомецъ того-же идеализма. Натуры, сходныя съ нимъ, могутъ существовать во всякія эпохи; но мыслительный и нравственный складъ, какой мы видимъ у Баболэна, могъ выработаться только въ эпоху 30-хъ и 40-хъ годовъ. Врядъ-ли появлялась повѣсть въ какой-либо литературѣ, гдѣ такъ всесторонне исчерпывался-бы этотъ сюжетъ. Если-бъ исповѣдь Баболэна представляла

собою частность, она, конечно, не привлекла-бы такого вниманія публики. Но въ ней собраны всѣ элементы общаго интереса.

Романъ написанъ въ видѣ мемуаровъ нѣкоего Баболэна, прожившаго семьдесятъ лѣтъ. Стало быть, онъ родился съ текущимъ столѣтіемъ. Начинается исповѣдь общими соображеніями, изъ которыхъ видно, что Баболэнъ смотритъ на себя, какъ на весьма жалкое существо; онъ не считаетъ себя совершенно бесполезнымъ потому только, что сравниваетъ свою личность и судьбу съ „травкой, прозябающей между камнями мостовой, которая также живетъ не даромъ и выполняетъ свое маленькое призваніе“. Онъ родился въ провинціи. Мать его умерла отъ родовъ, а отецъ, учитель коллегіи въ Орлеанѣ, утонулъ во время наводненія, когда мальчику было шесть лѣтъ. Отецъ передалъ ему по наслѣдству свой хилой организмъ и многія особенности тихаго труженика. Сирота попалъ въ руки дяди, брата отца, здоровяка, практика, умѣвшаго отлично обдѣлывать свои дѣла и жить на всей своей волѣ. Въ первый-же день, когда онъ попалъ къ дядѣ, Баболэнъ схватилъ воспаленіе легкихъ, и, оправившись отъ болѣзни, сдѣлался слабымъ и чахламъ ребенкомъ. Видя, что дядя не любитъ такихъ дѣтей, онъ захотѣлъ сравняться съ ребятами фермы, также ѣсть, какъ они, играть, носить всякія тяжести. Онъ только разстроивалъ себѣ желудокъ и чуть не сломалъ себѣ ногъ. Всѣ начали надъ нимъ смѣяться:—это раздражало мальчика и развивало въ немъ зависть ко всѣмъ тѣмъ, кто былъ здоровѣе его. Онъ жилъ въ одиночку, началъ гордиться тѣмъ, что не похожъ на другихъ дѣтей. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, его приняли на казенное содержаніе въ коллегію. Онъ посмотрѣлъ на это, какъ на награду за его умственные способности, никѣмъ еще неощененныя. Въ коллегію его встрѣтили зубоскальствомъ: онъ смахивалъ на отца, оставившаго послѣ себя память смѣшного чудака. Насмѣшки и придирки сильно его оскорбляли. Послѣ схватки съ товарищами онъ очутился въ больницѣ, гдѣ сестра милосердія приняла его дѣтскую ласку за нѣчто весьма неблаговидное, и это опять-таки укололо его и заставило еще болѣе уйти въ себя. Онъ сдѣлался зубрилой. Изъ всѣхъ товарищей одинъ только принялъ въ немъ участіе, да и тотъ тутъ-же его началъ эксплуатировать. Товарища этого звали Тимолеонъ. Изъ коллегіи Баболэнъ поступилъ въ нормальную школу, послѣ новой болѣзни, случившейся съ нимъ отъ усиленныхъ занятій. Онъ пошелъ по математикѣ. Во время приготовленія къ нормальной школѣ онъ остался репетиторомъ въ гимназій. Въ маленькой каморкѣ, отведенной ему, онъ работалъ безъ устали. Въ немъ продолжала развиваться затаенная гордость. Онъ уже счи-

талъ себя большимъ математикомъ; но по внѣшности былъ все также жалокъ и смѣшонъ.

Х.

Въ нормальной школѣ надъ Баболѣномъ продолжали смѣяться, какъ и въ коллегіи. Насмѣшки эти извили его еще болѣзненнѣе. Онъ считалъ себя въ это время очень умнымъ, старался пересилить насмѣшниковъ и былъ только жалокъ. Кромѣ того, другія тревоги мучили его. Его товарищъ Тимолеонъ началъ уже жуировать жизнью, и Баболѣнъ страшно ему завидовалъ, хотя и признавалъ, что ему предстоптъ совсѣмъ иной путь. Въ свободные дни, безъ знакомыхъ и друзей, бродилъ онъ по громадному Парижу, боясь, что всѣ на него смотрять, и все-таки попадалъ въ самыя бойкія мѣста столицы. Блескъ и роскошь задѣвали его и онъ не разъ страстно желалъ промѣнить свое званіе ученика нормальной школы на изящество тѣхъ всадниковъ, какіе скакали по Елисейскимъ полямъ. Всѣхъ женщинъ, попадавшихся ему по пути, находилъ онъ прекрасными; но ни къ одной не смѣлъ приблизиться. Имъ овладѣвалъ болѣзненный страхъ и онъ бѣжалъ сломя голову домой. И какъ только онъ оставался одинъ, онъ повторялъ фразу, сдѣлавшуюся девизомъ всей его жизни: „ну, ужъ въ слѣдующій разъ я не буду такъ глупъ!“ Математическія занятія возвращали ему нѣкоторое самодовольство, и онъ говорилъ про себя, что ему ничего не стоитъ сдѣлаться свѣтскимъ человѣкомъ, купивъ новую шляпу и пару перчатокъ. Экзамены слишкомъ его поглощали. Онъ сдалъ ихъ хорошо и былъ назначенъ учителемъ математики въ Каркасонъ. Онъ воображалъ, что произведетъ тамъ большой эффектъ, но ученики приняли его со смѣхомъ. Онъ хотѣлъ во что-бы то ни стало добиться репутаціи отличнаго педагога. Занятія на нѣкоторое время отвлекли его отъ новаго наплыва личныхъ мыслей и волненій, отъ желаній насладиться жизнью. Но мечты о счастіи и любви не привели ни къ чему въ маленькомъ городѣ, гдѣ Баболѣнъ считалъ себя слишкомъ замѣтнымъ. Вскорѣ его перевели въ Парижъ старшимъ учителемъ въ коллежъ С-Луи. Черезъ четыре мѣсяца умеръ его дядя и оставилъ ему двадцать пять тысячъ франковъ годового дохода. Онъ совсѣмъ ожилъ. Состояніе, показавшееся ему огромнымъ богатствомъ, преисполнило его въ первыя минуты энтузіазма. Но страсть къ внутреннему анализу дѣлала свое дѣло. Голова подсказала ему сначала, что онъ нисколько не заслужилъ этого богатства. Эта первая мысль перешла

однакожь въ сознание, что довольно натерпѣлся онъ на своемъ вѣку, чтобы принять такой подарокъ провидѣнія. Это сознание смѣнилось еще новымъ, которое побудило Баболэна сунуть въ руку первой попавшейся бѣдной женщины горсть серебра. Материальная обезпеченность не измѣнила Баболэна. Онъ былъ все также смѣшонъ въ своемъ идеализмѣ. Что онъ ни затѣвалъ, во всемъ ему мѣшала его щепетильность. Онъ чувствовалъ, какъ вся его фигура не подходитъ къ новой обстановкѣ. И квартира, и туалетъ, и прислуга стѣсняли и раздражали его. Пріятель его Тимолеонъ подсмѣивался надъ нимъ и занималъ у него денегъ.

Около 1830-го года Баболэнъ, гуляя въ Люксембургскомъ саду, увидалъ какую-то молодую дѣвушку, которую преслѣдовалъ неотвязчивый селадонъ. Баболэнъ вступился. Селадонъ оказался его пріятелемъ. Это столкновение повело къ разговору, гдѣ Баболэнъ развивалъ свой идеализмъ, а Тимолеонъ подтрунивалъ надъ нимъ. Они въ жару разговора очутились предъ знаменитой „Grande Chaumière“, воспитой въ студенческихъ пѣсенкахъ. У входа въ этотъ домъ, Баболэнъ увидалъ, съ однимъ своимъ знакомымъ, прозывавшимся Прюдономъ де-Ла-Сартъ, двухъ изящныхъ дамъ. Господинъ этотъ внушалъ Баболэну большое уваженіе своимъ блестящимъ умомъ, тактомъ и начитанностью; Баболэну было очень неприятно, что онъ наткнулся на него у входа въ студенческій балъ. Онъ поспѣшилъ оправдаться въ глазахъ де-Ла-Сарта. Разговоръ зашелъ о двухъ дамахъ, бывшихъ съ де-Ла-Сартомъ, который сообщилъ Баболэну, что онъ имъ понравился и тутъ-же прибавилъ, что и мать, Эвелина Палинъ, и дочь ея, Эстеръ Падинъ— замѣчательныя женщины, не только по красотѣ, но и по возвышенности ума и сердца, и по любви къ изящнымъ искусствамъ. Когда де-Ла-Сартъ сказалъ Баболэну, что тотъ побѣдилъ сердца этихъ дамъ, гордость зашевелилась въ душѣ чудака и онъ съ радостью принялъ приглашеніе, переданное ему отъ имени г-жи Палинъ, и въ тотъ-же вечеръ попалъ къ тѣмъ двумъ женщинамъ, которыхъ судьба поставила на его жизненномъ пути, чтобы начать цѣлую серію нравственныхъ страданій. Почему-то Баболэнъ поборолъ тотчасъ-же свою робость, и отправился съ де-Ла-Сартомъ прямо изъ театра на одинъ изъ артистическихъ „понедѣльниковъ“ г-жи Палинъ, жившей какъ разъ не подалеку.

XI.

Г-жа Палинъ жила съ своей дочерью въ артистической обстановкѣ, которой она прикрывала свои плохіе финансы и желаніе

какъ-нибудь повыгоднѣе пристроить свою дочь. Узнавъ отъ де-Ла-Сарта, что Баболэнъ человекъ со средствами, она тотчасъ-же закинула на него сѣть. Дочь ея Эстеръ сразу-же поразила его своей наружностью и своими художественными замашками. Маменька въ первый-же вечеръ начала его ублажать и расписывать таланты и нравственныя качества дѣвочки. Баболэнъ принималъ все за чистую монету. Ему не показались подозрительными ни слишкомъ радушный пріемъ, ни манерность дѣвочки, ни лже-артистическая обстановка, ни та картина, которую дѣвочка готовила къ выставкѣ. Онъ ушелъ восхищенный и уже по уши влюбленный въ Эстеръ. Онъ продолжалъ свои посѣщенія. Маменька его принимала все нѣжнѣе и нѣжнѣе. Дѣвочка держалась суховато. Баболэнъ не смѣлъ начать ухаживанье болѣе энергически; но г-жа Палинъ помогла ему. Она начала изливаться и сообщила ему, что ея дочь совсѣмъ хирѣетъ отъ какого-то нравственнаго недуга. Легко было понять, что этотъ недугъ — любовь къ Баболэну. Онъ вѣрилъ своему счастью; и ни разу не остановился на мысли: не надувають-ли его самымъ грубымъ и циническимъ образомъ? Онъ продолжалъ принимать все за истину, даже такія пошлости, какъ, напр., рассказъ маменьки о томъ, какъ она застала свою дочь за чтеніемъ арифметики. Такой грубый подходъ къ сердцу учителя математики показался Баболэну трогательной подробностью. Наконецъ, маменька приступила къ окончательному изловленію бѣднаго чудака. Эстеръ взяла его разъ моделью для своей картины. Во время этого сеанса съ нею сдѣлался родъ припадка, который повредило-было махинаціямъ г-жи Палинъ. Баболэнъ, уходя, услышалъ кончикъ діалога между маменькой и дочкой, который всякому, кромѣ него, показаль-бы, въ какую западню его затягиваютъ. Но маменька послала за нимъ и объявила, что дочь ея можетъ умереть отъ любви къ нему. Онъ сдѣлалъ такое-же признаніе и превратился въ жениха красавицы Эстеръ.

Жениховство только помutilo его бѣдную голову. Г-жа Палинъ сразу осѣдлала своего будущаго зятя. Онъ зналъ выдавалъ деньги; а маменька съ дочкой пустились обчищать его, наняли аристократическую квартиру и стали отдѣлывать ее роскошно и безалаберно. Пріятель Баболэна Тимолеонъ сдѣлался сейчасъ-же другомъ этихъ дамъ. Свадебный контрактъ былъ подписанъ, причемъ Баболэнъ записалъ за женой своей капиталъ слишкомъ въ сто тысячъ франковъ. Онъ находилъ прекраснымъ все, что дѣлали маменька съ дочкой и не замѣчалъ, что деньги его таютъ, какъ воскъ. Онъ только упивался созерцаніемъ своей невѣсты, которая

взяла съ нимъ небрежно-шутливый тонъ. Послѣ свадьбы долго еще квартира ихъ не была устроена, благодаря артистическимъ претензіямъ его жены и тещи. Онѣ отдѣляли пріемныя комнаты расточительно и нелѣпо, а Баболѣну не досталось даже и порядочнаго кабинета. Пріятель его, Тимолеонъ, сталъ окончателно другомъ дома и, разумѣется, пользовался особеннымъ расположеніемъ Эстеръ, о чемъ Баболѣнъ ни разу и не подумалъ. Съ перваго дня супружества теща продѣлывала эксперименты надъ несчастнымъ зятемъ. Она заставила Баболѣна пользоваться супружескими правами только съ ея разрѣшенія. Ему дѣлали невозможныя сцены, послѣ которыхъ онъ считалъ себя виноватымъ и преклонялся предъ деликатностью чувствъ своей тещи и жены. Очень скоро послѣ свадьбы Баболѣнъ увидалъ, что на отдѣлку квартиры, на туалеты, на экипажъ и все прочее истрачено было ужасно много денегъ. Онъ позволилъ себѣ маленькое замѣчаніе по этому поводу, послѣ котораго ему пришлось еще тошнѣе, и онъ продолжалъ разоряться. Малѣйшая неловкость поднимала бурю. Такъ, напримѣръ, его будильникъ, который онъ поставилъ, не предупредивъ жены, сдѣлалъ то, что онъ долженъ былъ удалиться спать въ свою комнату. Пріятель его Тимолеонъ занималъ у него денегъ для амуровъ съ его-же женой. Онъ давалъ и ни о чемъ не догадывался. Онъ только упрекалъ себя въ грубости натуры, въ недостаточномъ пониманіи тѣхъ идеальныхъ существъ, съ которыми судьба свела его. Его окончателно удалили изъ спальни жены и въ своей комнатѣ онъ могъ предаваться всѣмъ тонкостямъ душевнаго анализа. И въ то-же время теща и жена устами друга дома упрекали его въ томъ, что онъ убѣгаетъ отъ нихъ, живетъ своею замкнутою жизнью.

XII.

Баболѣну объявили, что надо дать костюмированный балъ. На этотъ балъ набралось множество всякаго народа, принадлежащаго къ міру, гдѣ шныряютъ такія существа, какъ г-жа Палинъ и ея дочь. Баболѣнъ завазалъ себѣ костюмъ Карла I и узналъ отъ костюмера, что приглашенія были дѣланы отъ имени г-жи Эстеръ Палинъ де-Мартиньякъ. Стало-быть самое имя его не произносилось. Онъ сильно волновался, готовясь къ этому балу. Разумѣется, онъ былъ смѣшонъ, и первая г-жа Палинъ расколоталась надъ нимъ. Жена его явилась полуобнаженной; но онъ и этимъ не возмущался, не считая себя достаточно компетентнымъ въ женскихъ

туалетахъ. Пріятель Тимолеонъ сталъ ему выговаривать за его слабость, какъ мужа, въ это время Эстеръ, вѣроятно, взяла другого любовника. Послѣ бала Эстеръ, какъ истая лоретка, приласкала Баболѣна, чтобы получить брилліантовое ожерелье. Онъ со всѣмъ обезумѣлъ отъ ея продажныхъ ласкъ и раззорился уже сознательно. Самъ онъ налагалъ на себя всевозможныя лишенія, чтобы ничего не тратить, служилъ попрежнему учителемъ и все надѣялся, что талантъ Эстеръ привлечетъ покупателей къ ея картинамъ. А она продолжала мазать всякую дрянъ, которую только онъ могъ считать художественными произведеніями. Эстеръ забеременѣла. Родительское чувство охватило Баболѣна и съ этой минуты онъ сталъ еще экономнѣе въ отношеніи себя, чтобы что-нибудь сохранить для ребенка. У него родилась дочь Валентина. Мать, разумѣется, не стала кормить ее. Баболѣнъ завалилъ себя работой, чтобы этимъ путемъ зашибить лишній грошъ для своей обожаемой Валентины. Онъ просиживалъ цѣлыя дни и ночи въ своей конуркѣ, а милая теща шпиговала его за то, что онъ становится неряшливъ. Вскорѣ нашелся какой-то аматеръ, пожелавшій пріобрѣсти нѣсколько картинъ Эстеръ, графъ де-Вожиро. Онъ познакомился съ дочкой и съ маменькой и Баболѣнъ замѣтилъ, что жена его наполнила всю квартиру своими эскизами. Дочерью она не занимается и потребовала, чтобы мужъ нанялъ ей особую мастерскую на набережной. Онъ согласился и постоянно жалѣлъ эту бѣдную Эстеръ, которая съ такимъ рвеніемъ предается труду, чтобы обезпечить сколько-нибудь будущность дочери. Онъ еще сильнѣе влюбился въ свою жену. Изъ своей комнатки онъ поглядывалъ, когда она выходила, и отмѣчалъ съ внимательностью страстнаго любовника какъ разцвѣтала ея красота. Его поражали также ея изящныя туалеты. И онъ былъ такъ признателенъ женѣ за то, что она добродушно рассказывала ему, какъ дешево обходились ей матеріи и кружева. Она покупала ихъ по случаю, экономическимъ образомъ. Онъ всему этому вѣрилъ и радовался, что она пріобрѣтаетъ привычки благоразумной расчетливости. Съ нимъ и теща, и жена сдѣлались гораздо мягче. Разъ попалъ онъ въ театръ „Комической Оперы“. Ему захотѣлось сдѣлать сюрпризъ своимъ дамамъ; онъ зналъ, что они поѣхали на первое представленіе. Въ литерной ложѣ увидалъ онъ свою жену, всю залитую кружевомъ и шелкомъ и около нея нѣсколько молодыхъ людей, говорившихъ съ нею очень фамиллярно. Баболѣнъ разглядѣлъ также и пріятеля своего Тимолеона, забившагося въ темный уголъ и пожирающаго оттуда своими глазами его жену. Множество ѣдкихъ вопросовъ начали мучить Баболѣна. Онъ не вытерпѣлъ и въ

слѣдующій антрактъ вошелъ въ ложу къ величайшему удивленію дамъ. Его представили графу де-Вожпро, при чемъ онъ разыгралъ глупѣйшую роль. Дни три спустя Баболэнъ нашелъ въ уборной комнатѣ лица, гдѣ онъ преподавалъ, своихъ товарищей за чтеніемъ журнальной статьи, которая вызывала въ нихъ шумные взрывы смѣха. Статья называлась „Женщина Артистъ“. Въ ней изображенъ былъ типъ женщины, въ которой онъ тотчасъ узналъ портретъ своей жены; но только, по его мнѣнію, чудовищно обезображенный. И талантъ ея разбирался презрительно, и всѣ ея артистическія затѣи выставались, какъ безстыдное средство привлекать къ себѣ взгляды и сердца. Словомъ, изъ статьи ясно было, что такая женщина никто иная, какъ дерзкая и ловкая куртизанка. Баболэнъ почувствовалъ ярость и накинулся на своихъ товарищей. Одинъ изъ нихъ сталъ его успокаивать и сказалъ: „Роль защитника не по твоимъ силамъ“. Баболэнъ спрашивалъ себя: неужели ядъ клеветы проникъ во всѣ сердца? Онъ чувствовалъ, что ему нужно защитить доброе имя своей жены. Учитель словестности уходя сказалъ ему: „Ты ужь больно, братецъ, простъ“. Эти слова привели его въ неудержимое бѣшенство и онъ бросился на своего товарища. Его схватили и вывели. Но онъ не унялся. Тотчасъ-же онъ побѣжалъ въ редакцію журнала, гдѣ напечатана была статья и вызвалъ на дуэль ея автора, нѣкоего Тамбержака, котораго онъ прежде находилъ въ числѣ посѣтителей и друзей своей тещи и жены.

XIII.

Дуэль состоялась. Его сильно ранили. Онъ долго проболѣлъ и не приходилъ въ сознаніе. Очнувшись, онъ узналъ, что дочь его при немъ; но жена уѣхала съ матерью въ Италію. Это извѣстіе сообщилъ ему Тимолеонъ. Оно подтвердилось коллективномъ письмомъ г-жи Палинъ и ея дочери, въ которомъ ему объявляли, что его послѣдняя безумная выходка переполнила чашу ихъ мученій. Письмо это было проникнуто самой утонченной фальшью и возмутительнѣйшимъ бездушіемъ. Ошеломленный его содержаніемъ, Баболэнъ вскрылъ другой пакетъ, гдѣ его отставляли отъ должности. Покинутый, онъ предался сначала ѣдкой горечи, но анализъ взялъ свое и довелъ его до сознанія собственной вины. Это сознаніе было такого-же свойства, какъ и вся предъидущая душевная возня. Онъ распустилъ прислугу, сдалъ квартиру, продалъ лошадь и экипажъ и тутъ только увидалъ, какъ его ограбили теща съ же-

ной. Точно изъ земли выростали незаплоченные счеы и долги этихъ дамъ. Онъ принялся за работу и всѣ свободныя минуты посвящалъ дочери. Мысль о покинувшей его женщинѣ не переставала преслѣдовать его, и разъ онъ направился къ тому самому жиуду Исааку, чрезъ котораго графъ де-Вожиро вступилъ въ сношенія съ его женой. Жидъ не зная кто онъ, прямо объявилъ ему, что покупать эскизы г-жи Палинь (такъ онъ называлъ Эстеръ) онъ не намѣренъ, потому что у нея никогда не было таланта, а прогремѣла она, какъ красивая женщина легкыхъ нравовъ. Баболэнъ и тутъ-было произвелъ скандалъ; но еврей выпроводилъ его. Новый ударъ принесъ съ собою новое разочарованіе. Даже его романтизмъ не выдержалъ. Онъ увидалъ, наконецъ, что былъ жертвой гнуснѣйшей мистификаціи; но и тутъ идеалистъ взялъ верхъ надъ человѣкомъ, разсуждающимъ здраво. Онъ не хотѣлъ останавливаться на этомъ обманѣ. Онъ запечатлѣлъ въ своемъ сердцѣ образъ той Эстеръ, которой онъ когда-то вѣрилъ. Внутренно онъ былъ неизмѣненъ; но физически ослабъ, постарѣлъ, посѣдѣлъ, ходилъ нетвердыми шагами съ палкой. Онъ былъ оставленъ рѣшительно всѣми, даже Тимолеономъ, улетѣвшимъ въ Италію вслѣдъ за предметомъ своей страсти.

У Баболэна былъ школьный товарищъ, докторъ Бернаръ, жившій, въ городкѣ Фаврасѣ. Онъ посоветывался съ нимъ гдѣ-бы поселиться въ провинціи, и докторъ рекомендовалъ ему свой городокъ. Тамъ и поселился Баболэнъ съ дочерью, купивъ у доктора маленькій домикъ съ землецею. Изъ всего его состоянія остался небольшой капиталецъ, на который онъ могъ прожить кое-какъ и воспитать дочь. Докторъ Бернаръ, человѣкъ рѣзкій и грубоватый, мѣстный кулакъ, обдѣлывалъ прекрасно свои дѣлишки. Онъ обращался съ своимъ старымъ товарищемъ покровительственно и подсмѣивался надъ его практическою неумѣлостью. Устроившись, отецъ зажилъ съ своей Валентиной жизнью страстной родительской любви, мечтательности и рефлексіи. Онъ обожалъ малютку и ревновалъ ее даже къ кормилицѣ Маріанѣ. Цѣлыя мѣсяцы и года прошли въ нитпныхъ радостяхъ, въ совершенномъ отчужденіи отъ міра. Въ этой созерцательной жизни отецъ не набирался настоящей мудрости, а напротивъ вдавался все въ большій и большій идеализмъ. Но вотъ его Валентина подросла и нельзя было уже держать ее въ заперти. Ребенокъ былъ вылитая мать, что опять-таки наполнило душу Баболэна тревогой воспоминаній. Валентина начала смущать его своими вопросами, женственностью, прирожденнымъ изяществомъ. Онъ боялся чѣмъ-нибудь не понравиться ей, или показаться смѣшнымъ. Онъ нарочно изливался съ ней,

мечталъ въ слухъ и безпрестанно пугался этой излиятельности, думая, что сказалъ что-нибудь лишнее. Дѣвочка смотрѣла на него строго, молча и когда онъ очень запутывался, отнимала руку и говорила: «Все это ужасно скучно!» Отецъ утѣшалъ себя тѣмъ, что онъ будетъ ее учить занимательно, когда наступитъ время. И тутъ онъ сталъ всячески развлекать ее, думая развивать умственно самымъ пріятнымъ для нее способомъ. Но онъ вскорѣ увидѣлъ, что дѣвочкѣ не по вкусу приходится эта сладкая педагогика. Ей было гораздо веселѣе съ нянькой, когда она возилась въ огородѣ или на кухнѣ. Баболѣнъ ревновалъ ее къ Маріанѣ и увѣрилъ себя, что дочь очень къ нему привязана.

XIV.

И воспитаніе дочери ускользнуло изъ рукъ Баболѣна. Онъ влагалъ всю душу въ свою родительскую любовь; но замѣчалъ, что его кротость, терпѣніе, почти рабство передъ ребенкомъ только раздражали Валентину. Ей хотѣлось, чтобы ея отецъ измѣнилъ свой тонъ; но Баболѣнъ продолжалъ обращаться съ нею съ крайней слащавостью. Дѣвочка очень хорошо чувствовала, что все счастье отца въ ея рукахъ и дѣлалась съ каждымъ днемъ, все властолюбивѣе и властолюбивѣе. Мѣстный священникъ пронюхалъ, что у чудака, поселившагося въ Фаврасѣ есть очень миленькая дочь, явился къ Баболѣну и ловко убѣдилъ его въ необходимости посылать Валентину учиться катехизису. Подъ католическимъ вліяніемъ Валентина сдѣлалась хитрой, гордой дѣвушкой; а отецъ вдавался все въ большее обожаніе ея наружности и внутреннихъ качествъ. Сынъ доктора Бернара, медицинскій студентъ, ханжа, эгоистъ, пройдоха, женился на ней. Баболѣнъ, разумѣется, отдалъ ей все, что имѣлъ, при чемъ пріятель его Бернаръ торговался съ нимъ о приданомъ, какъ истый кулакъ, осморбляя его обвиненіями въ скарденности и укрывательствѣ своего состоянія. Зять Баболѣна началъ практику въ Парижѣ, поддѣлывался въ елерикальной партіи. Валентина совершенно спѣлась съ своимъ мужемъ и сдѣлалась такой-же ханжой, эгоисткой и интриганткой. Отдать дочь замужъ было для Баболѣна—ужаснымъ ударомъ. Онъ опять заболѣлъ и, поправившись, отправился въ Парижъ на житье въ дочери, которая втеченіи цѣлаго года не успѣла посѣтить его, зная, что онъ боленъ. Онъ не могъ понять, какъ это его Валентина влюбилась въ такого человѣка, какъ ея мужъ; но она считала себя совершенно счастливой. Жизнь ея проходила въ лич-

ныхъ и письменныхъ сношеніяхъ, имѣвшихъ какъ-будто-бы благотворительный характеръ, но въ сущности служившихъ мужу и женѣ для ихъ честолюбивыхъ цѣлей. Они были просто агентами клерикальной партіи. Валентина жила только интересами мужа; а съ отцомъ обходилась холодно. Сначала его помѣстили въ домѣ прилично; но комната понадобилась, и Баболэна перевели въ каморку, гдѣ онъ считалъ себя все-таки счастливымъ, потому что она была рядомъ съ комнатой, гдѣ дочь его обыкновенно занималась. Потомъ Валентина нашла, что онъ слишкомъ неряшливъ и заявила ему, что онъ не можетъ обѣдать вмѣстѣ съ ними при гостяхъ. Тутъ только почувствовалъ Баболэнъ, что онъ на хлѣбахъ изъ милости у дочери и зятя. Валентинѣ онъ отдалъ все, что имѣлъ и остался нищимъ. На кое-какія деньжонки, полученные за продажу когда-то составленнаго имъ математическаго словаря, онъ одѣлся; но зять съ дочерью уже рѣшили про себя держать его въ черномъ тѣлѣ. У Валентины родился сынъ. По поводу этого рожденія, Баболэна перевели въ мансарду, помѣщавшуюся надъ конюшней. По тому-же поводу его уже не приглашали обѣдать; а носили ему въ комнату. Тотчасъ-же прислуга стала оскорблять его и онъ долженъ былъ всячески ладить съ нею, проходя чрезъ всевозможныя униженія. Къ внуку своему онъ страстно привязался. Во время выздоровленія Валентины, Баболэнъ просиживалъ цѣлые дни у ея кровати и считалъ великою милостью позволеніе болтать съ нею. Тутъ она ему рассказала, что имѣетъ постоянныя сношенія съ Римомъ, куда посылаетъ отчеты о благотворительномъ обществѣ, цѣль котораго Баболэнъ все не могъ взять въ толкъ. Въ ней принимала особое участіе, какая-то римская аристократка, графиня де-Монте-Ревилья. Отъ кровати дочери старикъ переходилъ къ внуку своему Жоржу, который съ первыхъ-же дней сталъ его узнавать, и его одного только и слушалъ.

Исповѣдь Баболэна прервана на цѣлыхъ пять лѣтъ, исполненныхъ горечи и униженій. Единственнымъ проблескомъ душевной отрады были для него ласка и дѣтская любовь внука. Валентина, послѣ рожденія Жоржа, принялась опять за жизнь интригантки и мало занималась имъ. Мальчикъ проводилъ почти все время съ дѣдомъ. Нѣжность старика и забота его о внукѣ доходили до фанатизма. Съ кормилицей онъ былъ въ добрыхъ отношеніяхъ. А нянькой его сдѣлалась потомъ Маріана, бывшая кормилица Валентины. Она водила мальчика къ дѣду и въ мансардѣ старика развивалась горячая привязанность къ маленькому существу, которое рано начало понимать горькое положеніе своего дѣдушки. Положеніе дѣлалось не выносимымъ. Баболэнъ жилъ, какъ жи-

веть сабака, заброшенная въ канурѣ. У него не было никакихъ собственныхъ средствъ. Онъ получилъ было работу отъ издателя его словаря; но лѣта не позволяли ему сидѣть надъ корректурами. Онъ совсѣмъ обносился. Очень часто онъ даже голодалъ, потому что прислуга забывала о немъ умышленно. Еще болѣе страдалъ онъ отъ холоду зимой, когда та-же прислуга врала то, что должно было идти на топку его комнаты. Цѣлыми днями сидѣлъ онъ въ стужѣ и берегъ послѣднія полѣшки, чтобъ затопить каминъ, когда придетъ его Жоржъ. Ночью холодъ усиливался. Какъ онъ ни наваливалъ на себя всю ветошь, какая была у него, холодъ проникалъ въ страдающее тѣло старика и отнималъ у него сонъ по цѣлымъ ночамъ. Въ эти безсонныя ночи, ежась и дрожа, онъ перебиралъ всю свою жизньъ или прислушивался, — какъ на дворѣ гремятъ кареты и болтаютъ кучера: — у его дочери все чаще и чаще собирались гости. А у него не было даже огарка, чтобы наполнить свою безсонницу чтеніемъ. Къ веснѣ онъ оживалъ. Тогда начинались его прогулки съ Жоржемъ. Разъ, въ Елисейскихъ поляхъ, гуляя съ внукомъ, онъ увидалъ карету старинной формы съ гербами и ливрейнымъ лакеемъ. Двѣ дамы въ черномъ сидѣли въ каретѣ. Жоржъ схватилъ дѣдушку за рукавъ и шепнулъ ему, что одна изъ дамъ — его татап. Баболэнъ узналъ въ дамѣ, сидѣвшей рядомъ съ дочерью — свою жену Эстеръ Палинь и почувствовалъ, въ эту минуту, что онъ по прежнему любитъ ее. Эта встрѣча такъ поразила его, что онъ тутъ-же упалъ въ обморокъ. Придя въ себя онъ потащился домой пѣшкомъ съ мальчикомъ, потому что взять фіакръ ему было не начто. Онъ еле-еле шолъ, подавленный горечью и упреками самому себѣ. Въ томъ, что жена и дочь такъ бросили его, онъ видѣлъ доказательство своей собственной негодности. Когда несчастный старикъ дотащился съ внукомъ до дому, то онъ, шатаясь, перешолъ дворъ, чтобы добраться до своей каморки. Прислуга увидала его и начала хихикать, думая, что онъ пьянъ. Объ этомъ сейчасъ-же было донесено зятю Баболэна, который явился къ нему и сдѣлалъ строгій выговоръ за неприличіе его поведенія. Ему было объявлено, что онъ больше уже не смѣетъ водить внука гулять. Это было послѣднимъ ударомъ. Баболэнъ почувствовалъ себя, какъ въ гробницѣ. Больше у него уже нельзя было ничего отнять. Ему оставалось умереть въ своей мансардѣ, унося съ собою всѣ нравственныя мученія. Но ему не дали умереть спокойно. Къ нему явился какой-то благообразный старецъ съ сѣдыми кудрями и съ ленточкой иностраннаго ордена въ петличкѣ. Онъ не узналъ въ немъ сразу своего друга Тимолеона. Когда тотъ назвалъ себя, Ба-

болѣзнъ обрадовался; но тотчасъ-же увидѣлъ, что предъ нимъ стоитъ сухой и высокомѣрный ханжа. Онъ вспомнилъ, какую роль игралъ Тимолеонъ въ его прошедшемъ и ему страшно стало этого благообразнаго старца. Тогда онъ спросилъ кавалера Тимолеона *Морбенью*: что ему отъ него надо? Кавалеръ началъ напыщеннымъ тономъ говорить ему, что провидѣніе ниспосылаетъ душѣ его спокойствіе, что графиня де Монте-Ревилья, бывшая когда то его женой, согласна забыть прошлое. Баболѣнъ изумился, услыхавъ это имя; но кавалеръ не далъ ему выговорить своихъ недоумѣній и началъ опять въ пасторскомъ тонѣ увѣщевать его. По его словамъ выходило, что дочь Баболѣна и зять скорбятъ о томъ, что онъ совершенно отдалился отъ нихъ, ведетъ жизнь добровольнаго затворника и въ такой жизни можетъ пріобрѣсти печальныя привычки. Послѣ этого предисловія кавалеръ изложилъ суть дѣла. Графиня де Монте-Ревилья, имѣя право совершенно забыть его, тѣмъ не менѣе желаетъ навести его на путь истинный, помочь ему выйти изъ этой каморки, избавиться отъ презрѣнія и стыда; другими словами, онъ долженъ былъ оставить отель своего зятя. Баболѣнъ ужаснулся мысли не видать больше своего Жоржа. Онъ пробормоталъ, что ему ничего не нужно, что онъ никогда ничего не просилъ; но кавалеръ прочиталъ ему новую нотацію о томъ, какъ онъ компрометируетъ свою бывшую супругу и дочь съ зятемъ, и кончилъ повтореніемъ предложенія графини: переѣхать въ окрестности Парижа и жить на всемъ готовомъ. Графиня соглашалась давать ему содержаніе, до двадцати тысячъ франковъ. Баболѣнъ вскричалъ, что онъ никогда не согласится. Кавалеръ ушелъ въ благородномъ негодованіи. Послѣ кавалера явился зять и доканаль Баболѣна своимъ эгоизмомъ и бездушіемъ. Онъ дошелъ до того, что сталъ обвинять тестя въ грязной скардености, будто онъ продаетъ огарки, масло изъ лампы и дрова. Мало того, благочестивый докторъ излилъ свою злобу, обзывая Баболѣна всякими презрительными словами, объясняя всю его жизнь самыми гнусными мотивами и заявилъ ему категорически, что если онъ не согласится на предложеніе графини де Монте-Ревилья, то его выгнать вонъ силою. Объясненіе это было прервано маленькимъ Жоржемъ, который вбѣжалъ въ слезахъ и бросился къ дѣдушкѣ. Со старикомъ сдѣлался опять обморокъ. Черезъ нѣсколько дней онъ умеръ. Записки его завершаются, въ видѣ заключительнаго аккорда, слѣдующимъ текстомъ похороннаго билета:

„Графиня де Монте-Ревилья, шануанесса св. Азэма, г. докторъ Жозефъ де-Фаврасъ, офицеръ Почетнаго Легіона, командоръ св. Лазаря, госпожа Жозефъ де-Фаврасъ, г. Жоржъ де-Фаврасъ имѣ-

ютъ честь сообщить вамъ о тягостной потерѣ, понесенной ими въ лицѣ *графа Баболіно де Монте-Ревилья*, *командора св. Григорія*, скончавшагося на семидесятомъ году, сподобившись принятія святыхъ тайнъ“.

XV.

Читатель видѣлъ изъ нашего изложенія, какую жалкую жизнь прожилъ Баболэнъ. Даже на нечувствительнаго человѣка произведетъ жуткое впечатлѣніе эта исповѣдь, взятая во всей ея совокупности. Читая, вы, пожалуй, нѣсколько разъ бросите книгу и воскликните: «что это за болванъ! можно-же быть такъ идиотски наивнымъ! туда ему и дорога!» Но вы дочитаете до конца и вамъ все-таки на каждой страницѣ будетъ жаль этого обездоленнаго старика. Онъ жалокъ во всѣхъ смыслахъ: какъ членъ общества, какъ мужъ, какъ отецъ, какъ дѣдъ, какъ мыслящая и чувствующая личность. На взглядъ практика, слишкомъ скорого на приговоры, Баболэнъ — «маньякъ». Этимъ браннымъ именемъ и обозываетъ его зять въ послѣднемъ объясненіи своемъ съ Баболэнѡмъ. Въ тѣсномъ смыслѣ его нельзя назвать маньякомъ. Его манія заключается только въ одной ненасытной потребности: любить и создавать себѣ изъ любви мученія. Но такое индивидуальное свойство не давало-бы въ глазахъ нашихъ Баболэну типическаго значенія. Намъ мало дѣла до того, что хотѣлъ авторъ доказать скорбною исторіей своего героя. Мы видимъ въ этомъ героѣ почти всѣ характерныя черты того интеллигентнаго направленія, которое называется „идеализмомъ“.

Разберите, какъ сложилась нравственная личность Баболэна. Раннее сиротство, физическая хилость, смѣшной видъ сдѣлали его щекотливымъ, застѣнчивымъ, сосредоточеннымъ, но при всѣхъ этихъ свойствахъ мальчикъ могъ-бы видѣти другимъ человѣкомъ, если-бы онъ не нашелъ въ своихъ отвлеченныхъ занятіяхъ почвы, на которой его болѣзненные особенности развились. Съ настоящею реальною жизнію его никто незнакомилъ. Онъ читалъ, по всей вѣроятности, книжки, которыя только питали въ немъ потребность копаться въ самомъ себѣ и не давали ему никакой точки опоры для предстоящей жизненной борьбы. Математика—его спеціальной предметъ—развиваетъ несомнѣнно идеализмъ, если она не находится въ связи съ совокупностью точнаго знанія. Если-бы онъ съ юношескихъ лѣтъ началъ вырабатывать въ себѣ взглядъ на вещи, основанный на положительномъ ана-

лизъ, онъ, конечно-бы, понялъ во время, въ чемъ должна заключаться его житейская доля, напелъ-бы равновѣсiе между желанiями и ихъ удовлетворенiемъ. Онъ во время далъ-бы ходъ всѣмъ своимъ инстинктамъ и побужденiямъ и сдержалъ-бы ихъ въ должной мѣрѣ знанiемъ и мыслию. А вмѣсто того, мы видимъ, что онъ питалъ въ себѣ бесплодный душевный анализъ и не удовлетворилъ во время ни одному изъ своихъ молодыхъ желанiй. Чисто отвлеченныя занятiя до такой степени лишили его чутья жизни, что онъ рѣшительно не зналъ, что ему дѣлать съ состоянiемъ, которое ему досталось по наслѣдству. Онъ только волновался, страдалъ и теребилъ себя. Потребность привязанности, неруководимая никакимъ разумнымъ мѣриломъ, прорвалась впервые уже въ зрѣломъ возрастѣ. Живя постоянно въ области праздныхъ мечтанiй и сухихъ отвлеченностей, Баболѣнъ сдѣлался въ своей любви жертвой самого крайняго, уродливаго идеализма. Источникомъ этой любви было его раздраженное воображенiе и полное отсутствiе знанiя жизни. Добрый, искреннiй, благородный по натурѣ человѣкъ кинулся самъ въ супружескую жизнь, гдѣ все, начиная съ его привязанности, дышало самообманомъ, ложью, нравственнымъ безобразiемъ. Исходъ этой любви не могъ отрезать его потому, что недугъ идеализма вѣлся въ него окончательно. Чувство отца, такое естественное и реальное, тотчасъ-же превратилось у Баболѣна въ патологическiй процессъ. Сгорая любовью къ дочери, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ предавался утонченнѣйшему эгоизму человѣка,—который отдается привязанности безусловно, другими словами, ставитъ извѣстнiй идеалистическiй принципъ выше всего остального. Будь онъ иначе развитъ, любовь къ дочери не могла-бы его поглотить такъ болѣзненно. Онъ былъ еще не старый человѣкъ, съ нѣкоторыми средствами, со свѣденiями. Стало бытъ, жизнь могла-бы еще задѣтъ его разными своими сторонами. Но такiе люди, какъ Баболѣнъ, неспособны отдаваться общимъ интересамъ, коль скоро личное чувство заиграло въ нихъ. Наши идеалисты 40-хъ годовъ были точно такiе-же. Вся ихъ исторiя сводится къ погонѣ за личнымъ счастьемъ, за удовлетворенiемъ личныхъ страстей и увлеченiй. Идеализмъ дѣлалъ ихъ не способными на борьбу съ лирической стороной жизни. Они никогда не выходили изъ нея побѣдоносно и не давали обществу никакой реальной поддержки. Такая любовь, какъ страсть Баболѣна къ дочери, могла только дать печальные результаты. Отецъ, предаваясь своей страсти, не сумѣлъ ни изучить натуру дѣвочки, ни направить ее на путь здороваго развитiя. Все остальное вплоть до смерти, долгая, томительная, но безъидейная и безсодержатель-

ная нравственная агонія. Жалѣешь Баболэна, но негодуешь на цѣлый складъ идей, на цѣлую систему воспитанія, которая даетъ такихъ добровольныхъ маньяковъ, превращаетъ человѣка не глупаго, способнаго, добраго, въ нищенскую фигуру, не умѣющую даже отстоять своего человѣческаго достоинства. Переберите въ умѣ всю жизненную карьеру Баболэна и вы будете имѣть передъ собою полнѣйшую картину существованія *лишняго человека*, въ сто разъ болѣе лишняго и жалкаго, чѣмъ всѣ лишніе люди русскихъ романистовъ. Его безпомощность еще рельефнѣе и ярче. Его болѣзненный, всеразвѣдающій анализъ еще сильнѣе показываетъ, какъ идеализмъ воспитанія отнимаетъ у впечатлительныхъ и слабыхъ натуръ все, что только жизнь могла-бы дать имъ цѣннаго и здороваго и что они внесли-бы въ нее плодотворнаго.

Но каковъ-бы ни былъ Баболэнъ, какъ-бы мы ни возмущались идеализмомъ, жертвой котораго погибъ онъ, его скорбная повѣсть оттѣняетъ отвратительные симптомы того *практическаго реализма*, которымъ французское общество извѣдено въ разныхъ слояхъ своихъ. Это — реализмъ безпробудной лжи и фальши, погони за наживой, безстыдной эксплуатаціи всего, что слабо и безпомощно, продажности и гнуснаго коварства женщинъ, умственного мракобѣсія подъ видомъ клерикализма и ханжества. Какъ ни печаленъ идеализмъ Баболэна, но эта личность все-таки единственная, на которой вы отдыхаете въ романѣ. Всѣ остальные лица крупныя и мелкія—бездушныя хищники. И жена Баболэна, и теща, и другъ Тимолеонъ, и дочь, и тестъ. Чтобы себялюбіе, бездушіе, фальшивость и лицемеріе проявлялись съ такою виртуозностью, надо, чтобы въ обществѣ давно уже происходилъ процессъ нравственнаго разложенія. Всеядный типъ буржуа на подкладкѣ аристократическаго худосочія стоитъ передъ нами во всѣхъ своихъ разновидностяхъ: тутъ и женщины-авантюристки, изолгавшіяся, жадныя, развратныя, наводящія омерзеніе и кончающія блистательной карьерой въ мірѣ іезуитскаго благочестія, тутъ и парижскіе шалопаи, опустошители дружескихъ кармановъ и отбиватели чужихъ женъ, тутъ и іезуитъ-докторъ, отдающій свои знанія и трудъ потаенному дѣлу черной братіи. Куда не обернетесь, вездѣ эгоизмъ, эгоизмъ и эгоизмъ! Вамъ становится почти страннымъ, какъ это Баболэнъ могъ еще прожить до семидесяти лѣтъ среди всѣхъ этихъ хищниковъ. Вы чувствуете, сколько нужно силъ, направленныхъ здорово-развитымъ умомъ, чтобы отстоять среди такихъ элементовъ свое право на существованіе. Вы еще сильнѣе понимаете, почему тамъ, на Западѣ, въ этой Франціи, гдѣ столько человѣческихъ жертвъ было принесено во имя высочайшихъ про-

свѣтительныхъ идей, накопился такой знойный протестъ трудового люда противъ всѣхъ видовъ себялюбія и эксплуатаціи. Никогда въ обществѣ, гдѣ сильна солидарность, даже и такія слабя личности, какъ Баболэнъ, не будутъ такъ безслѣдно погибать, не принося даже той доли пользы, какую вносить въ общественное движеніе каждый чернорабочій.

XVI.

Авторъ „Баболэна“ избралъ форму записокъ. Стало быть, авторское „я“ не должно было проникать въ его произведеніе. Онъ и съумѣлъ удержаться на объективной почвѣ. Романъ, дѣйствительно, имѣетъ колоритъ личной исповѣди. Онъ проникнуть замѣчательнымъ единствомъ тона; и вы ни на одной страницѣ не придеретесь ни къ малѣйшему слову, которое-бы не подходило къ личности Баболэна. Поэтому, чтеніе романа, съ первыхъ страницъ, покажется нѣсколько томительнымъ, особенно послѣ другихъ произведеній Дроза. Но стоитъ только читателю побороть этотъ первый наплывъ нѣкоторой скуки, и онъ дочитаетъ всю книгу съ возрастающимъ интересомъ. Первое впечатлѣніе таково потому, что авторъ хлопоталъ о вѣрности колорита. Баболэнъ и долженъ былъ въ жизни писать подобнымъ языкомъ, блѣдноватымъ, расплывающимся, исполненнымъ идеалистическихъ общихъ мѣстъ. Но то, что сначала кажется лишнимъ и безцвѣтнымъ, то, по прочтеніи романа, является художественнымъ и чрезвычайно старательно продуманнымъ. Каждая фраза, какъ она ни обыкновенна, дополняетъ нравственный образъ героя и заставляетъ васъ все глубже и глубже проникать въ его душевную жизнь. Конечно, нѣкоторая преднамѣренность чувствуется въ произведеніи; но безъ нея немислимъ планъ такой исповѣди. Эта преднамѣренность ограничивается собраніемъ мотивовъ, необходимыхъ для полнаго изображенія жалкой личности Баболэна. Если въ такомъ планѣ нѣтъ ничего лишняго, мы не имѣемъ повода называть его грубымъ *сочиненіемъ*. Мотивы взяты самыя житейскія и все, что испытываетъ Баболэнъ, проникнуто несомнѣнной вѣрностью дѣйствительности. По этой части вообще Дрозъ составилъ уже себѣ репутацію. Весь свой талантъ вложилъ онъ въ творчество душевнаго анализа, которому предается Баболэнъ, въ мельчайшую характеристику его личности. Всѣ остальные человѣческія фигуры только намѣчены за исключеніемъ развѣ тещи Баболэна, г-жи Палинь. Видно, что

ЖЕРТВЫ ИДЕАЛИЗМА.

авторъ не гнался совсѣмъ за ихъ рельефность. Иначе-бы онъ нарушилъ правдивый колоритъ записокъ. При всемъ возрастающемъ интересѣ романа, онъ во время чтенія не производитъ такого дѣйствія на ваше сознание, какъ спустя нѣкоторое время, когда вся скорбная повѣсть объявится передъ вами во всей своей совокупности. Послѣ такого романа г. Дрозъ можетъ перейти къ истинно-балзаковскому творчеству...

П. В.

НОВАЯ КНИГА.

Объ умѣ и познаніи. Соч. Ипполита Тэна. Перев. съ франц. подъ ред. Н. Н. Страхова. Въ двухъ томахъ. СПб. 1872.

Въ последнее время европейская мысль обратила свое особенное вниманіе на разъясненіе тѣхъ психическихъ явленій, которыя разрѣшала старая психологія съ высоты своего абстрактнаго: «все знаю, и все разрѣшаю». Благодаря развитію естественныхъ наукъ, такое отношеніе къ темной области психическихъ вопросовъ сдѣлалась невозможнымъ или, по крайней мѣрѣ, рискованнымъ для тѣхъ людей, которые не желаютъ упираться лбомъ въ стѣну. Теперь всѣ усилія лучшихъ современныхъ мыслителей направлены къ тому, чтобы обогатить психологію положительными фактами, свести ее съ пьедестала отвлеченной теоріи и поставить на почву реального знанія. Но какъ эти усилія ни велики, однако, до сихъ поръ область психологіи освѣщена такимъ скуднымъ свѣтомъ, что даже люди крѣпкіе умомъ и знаніемъ, сбиваются съ пути и ничего почти не могутъ разглядѣть сквозь прежній хаосъ трансцендентальныхъ умозрѣній. Каждый изслѣдователь пролагаетъ свою особую тропинку, собираетъ свою коллекцію данныхъ, дѣлаетъ свои наблюденія и подводитъ имъ свой итогъ. Отсутствие положительнаго метода изслѣдованія породило массу разнородныхъ нелѣпыхъ воззрѣній, призрачныхъ истинъ и такъ называемыхъ открытій, которыхъ особенно много развелось въ наше время и которыми можетъ прославить свое имя всякій, кто едва понимаетъ слово: психологія. Каждый можетъ подобрать на улицѣ кусокъ булыжника и съ гордымъ ожиданіемъ славы нести свою находку въ подарокъ любому минералогическому кабинету, какъ последнее

открытие науки. Если наука примет эту ленту, то это, конечно, будет свидѣтельствовать о степени ея развитія. Психологія наполнена именно такого рода открытиями. Въ ея обширный резервуаръ стекаются всѣ нечистоты и поддонки мысли, которая не могла отыскать себѣ дѣла, всякая дребедень, облеченная покровомъ учености и лепечущая гладкими фразами. Даже г. Кавелинъ, къ гордости нашихъ патріотовъ, покусился на открытие и совершилъ его, какъ онъ увѣряетъ въ своихъ «Задачахъ психологіи». Но едва мы успѣли закрыть ротъ отъ изумленія его ученымъ заслугамъ, какъ снова приходится дивиться открытіямъ, — и какими еще открытіямъ! которыя приписываетъ себѣ Тэнъ въ своемъ сочиненіи «Объ умѣ и познаніи». Мы ждемъ открытій даже отъ г. Страхова, — благо и онъ пристроилъ себя подъ гостепріимный кровъ психологіи и донялъ ее не мытьемъ, такъ катаньемъ, украсивъ русскій переводъ книги Тэна своимъ редакторскимъ клеймомъ и предисловіемъ, изъ котораго видно, «что опытъ даетъ только то, что можетъ дать», а чего не можетъ дать, то дастъ самъ г. Страховъ, или въ крайности, попроситъ г. Стебницкаго, а ужъ этотъ съумѣетъ распорядиться.

Такъ какъ Тэнъ претендуетъ на опытное рѣшеніе психологическихъ вопросовъ и намѣревается, слѣдовательно, дать намъ только то, «что можетъ дать опытъ», то можно было-бы порадоваться, что мы не услышимъ отъ него лжи и ничѣмъ не доказанныхъ измышленій. Онъ причисляетъ себя къ школѣ англійскихъ эмпириковъ, для которыхъ наблюденіе есть точка отправленія и единственный способъ дальнѣйшихъ изслѣдованій. Въ сущности для психолога разумнаго этого еще мало, недостаточно избрать своимъ девизомъ—опытъ и наблюденіе, нужно опредѣлять еще, какого рода долженъ быть этотъ опытъ, субъективнымъ или объективнымъ. Когда вы наблюдаете душевныя явленія во внѣшнемъ мірѣ, надъ животными, помѣшанными и дѣтьми, вы относитесь къ этимъ явленіямъ, какъ къ объектамъ, не внося въ ихъ оцѣнку своего я. Но если вы сами дѣлаетесь для себя предметомъ наблюденія, если въ одно и то-же время вы являетесь и слѣдователемъ и судьей своихъ поступковъ и душевныхъ состояній, вашъ приговоръ не можетъ отличатся особымъ безпристрастіемъ. Физиологическая психологія поняла это и отдѣлилась отъ эмпирической, которая пошла своей дорогой, или, лучше сказать, стоитъ на одномъ мѣстѣ, загроможденная грудой всевозможныхъ теорій и доктринъ, накопленіе которыхъ совершается быстро потому,

что онѣ основаны на субъективномъ, произвольномъ анализѣ души, лишенномъ обязательныхъ критеріевъ. Но, несмотря на это, можно было кое-какъ примириться и съ эмпирической психологіей и воспользоваться, хоть отчасти, если не ея выводами, то, по крайней мѣрѣ, фактами, которые, послѣ предварительной очистки ихъ отъ субъективныхъ иллюзій самого экспериментатора, были-бы не бесполезнымъ матеріаломъ и для построения психологіи физиологической. Но, къ сожалѣнію, Тэна нельзя причислить даже къ эмпирикамъ, хотя г. Страховъ и считаетъ его послѣдователемъ чистаго эмпиризма въ духѣ англійской школы. Въ первомъ томѣ своего сочиненія, гдѣ дѣло идетъ о первичныхъ элементахъ ума и познанія, объ анализѣ ощущенія, образовъ и простыхъ идей, онъ стоитъ дѣйствительно на почвѣ опыта и индукціи, богатой любопытными фактами изъ области психіатріи и личныхъ наблюденій надъ самимъ собою. Мы съ удовольствіемъ прочитали этотъ томъ и хотя ничего не нашли тамъ новаго и оригинальнаго, но не можемъ не отдать справедливости автору за ту отчетливость и ясность мысли, которую онъ внесъ въ свое изслѣдованіе объ ощущеніи, освѣтивъ его смутную природу рѣзкими и чрезвычайно удачными аналогіями. Но о второмъ томѣ книги Тэна мы совсѣмъ другого мнѣнія. Здѣсь автору предстояло говорить о сложныхъ идеяхъ и общихъ понятіяхъ и единственной опорой для него служило самонаблюденіе, а, въ большинствѣ случаевъ, для уясненія связи психическихъ явленій, неуказываемой прямымъ наблюденіемъ, онъ отбрасываетъ эмпирической методъ и пускается въ отвлеченное умозрѣніе, договариваясь даже до необходимости и законченности метафизики (стр. 281, т. II). Вотъ почему г. Страховъ и порадѣлъ Тэну, переводя его на русскій языкъ, впрочемъ, довольно безграмотно и ни мало не заботясь въ своемъ философскомъ глубокомысліи о сохраненіи стилистическихъ красотъ и легкости слога, чѣмъ такъ искусно маскируетъ Тэнъ пустоту и безсодержательность своихъ произведеній. Г. Страховъ рекомендуетъ сочиненіе Тэна, какъ оригинальное и самостоятельное изслѣдованіе, но въ этомъ-то попользованіи къ оригинальности и построенію новыхъ теорій и заключается причина нелѣпостей, до которыхъ договаривается онъ во второмъ томѣ своего сочиненія. Первый-же томъ потому и хорошъ, что это въ сущности компиляція, составленная на основаніи чужихъ, но весьма удачно выбранныхъ изслѣдованій и интересная особенно по обилію собранныхъ въ ней фактовъ.

Послѣ того, какъ психологія открыла, что всѣ безконечно-разно-

образныя душевныя явленія, отъ простѣйшаго чувства боли, зрѣнія, слуха, вкуса и обонянія, до самыхъ сложныхъ идей, сводятся, въ концѣ концовъ, къ процессу ощущенія, какъ неизбѣжному началу и зародышу ума, она остановилась на одномъ мѣстѣ и, несмотря на всѣ усилія, не могла подвинуть дальше своего анализа. Ощущеніе было крайнимъ предѣломъ психологическихъ изслѣдованій и, повидимому, не допускало дальнѣйшаго анализа. Но съ развитіемъ нервной физиологіи, химіи и особенно физики, разработавшей до изумительной отчетливости теорію звука и свѣта, нѣкоторые психологи отважились расширить свои изслѣдованія за предѣлы ощущенія. Явились попытки разложить самоощущеніе на нѣкоторые еще болѣе простые и элементарные процессы и довести этотъ анализъ до послѣдней возможной степени. Попытки эти оказались весьма удачными, и хотя они обогатили науку не столько новыми прочными истинами, сколько гипотезами и даже не совсѣмъ ясными предположеніями, но тѣмъ не менѣе первый шагъ сдѣланъ и, что важнѣе всего, доказана возможность научнаго изслѣдованія въ той области, гдѣ она прежде не допускалась. Тѣмъ обстоятельно изложилъ эти попытки и даже повелъ ихъ нѣсколько дальше, договаривая то, что не высказывалось другими, вслѣдствіе крайней осторожности и боязни слишкомъ далеко зайти въ гипотетическихъ выводахъ. До сихъ поръ лишь извѣстно было, что всякое ощущеніе свѣта и звука можно разложить на множество частныхъ ощущеній, которыя въ конечномъ результатѣ сводятся на волнообразныя движенія среды, чрезъ которую проходятъ свѣтъ и звукъ. Въ настоящее время доказано, что ощущеніе цвѣта, какого-бы то ни было, состоитъ изъ трехъ ощущеній: краснаго, фіолетоваго и зеленаго. Если эти ощущенія обладаютъ въ нашемъ сознаніи одинаковой силой, то мы видимъ бѣлый цвѣтъ, въ противномъ-же случаѣ, изъ различнаго сочетанія этихъ простыхъ ощущеній получаютъ всѣ извѣстныя цвѣта. Но каждое элементарное ощущеніе есть система отдѣльныхъ, но одинаковыхъ ощущеній, которыя такъ многочисленны и такъ быстры, что въ нашемъ сознаніи они сливаются въ одну массу ощущеній. Каждое-же такое быстрое ощущеніе есть въ сущности волнообразное движеніе эфира, которое бываетъ различно по скорости и формѣ для ощущенія краснаго, фіолетоваго и зеленаго цвѣтовъ. Отъ краснаго цвѣта наши зрительные мозговые центры колеблются и дрожатъ иначе, чѣмъ отъ фіолетоваго и зеленаго. Каждое звуковое ощущеніе можно также разложить на простые ощущенія или толчки воздуха, которые передаются мозгу. Оставалось только ощущеніе вкуса и обоняніе, которые нельзя было, повидимому,

свести на движеніе. Но въ настоящее время эта трудность побѣждена и довольно удачно. Путемъ весьма вѣроятныхъ предположеній изслѣдователи пришли къ той гипотезѣ, что вкусъ и запахъ суть также извѣстныя формы движенія атомовъ въ самомъ мозгу. Дѣйствительно, мы узнаемъ вкусъ какого-нибудь тѣла только тогда, когда оно приходитъ въ соприкосновеніе съ поверхностью нашего языка, покрытую, какъ извѣстно, множествомъ нервныхъ сосочковъ. Но здѣсь дѣйствуетъ не простое механическое прикосновеніе тѣла къ языку. Вкусовое тѣло смачивается во рту и, принимая видъ раствора, проникаетъ въ ткань языка, достигая верхушекъ нервныхъ сосочковъ. Тутъ-то растворенныя частицы тѣла встрѣчаются съ различнаго рода жидкостями, которыя выдѣляются изъ крови и, подъ вліяніемъ теплоты, вступаютъ съ ними въ химическое соединеніе. Но химическое соединеніе есть ничто иное, какъ перемѣщеніе атомовъ соединяющихся тѣлъ, другими словами, движеніе. Такимъ образомъ, растворенная частица тѣла приходитъ въ соприкосновеніе съ нервнымъ сосочкомъ или съ нитью обонятельнаго нерва, отъ этого въ частицѣ, вступающей въ химическое соединеніе съ окружающею жидкостью, возникаетъ система атомическихъ движеній, которыя и передаются ближайшей нити или сосочку. Отъ скорости движенія атомовъ и ихъ взаимнаго расположенія зависятъ свойство химическаго соединенія, а слѣдовательно, и свойство вкусового или обонятельнаго ощущенія. Это—послѣднее слово научной гипотезы и идти дальше этого пока невозможно. Выигрышъ нашъ собственно не великъ, потому что онъ ограничивается лишь тѣмъ, что мы имѣемъ право выкинуть изъ нашего лексикона слово ощущеніе и замѣнить его словомъ движеніе. Отъ этого въ сущности мысль не много прояснится, потому что процессъ, совершающійся въ нашемъ сознаніи, отъ дѣйствія внѣшняго міра, одинаково непонятенъ, называть-ли его ощущеніемъ или движеніемъ. Но въ этихъ изслѣдованіяхъ есть болѣе важная и утѣшительная сторона; они показываютъ, что психологія вступаетъ въ союзъ съ такими точными и положительными науками, какъ химія и физика, а успѣхи послѣднихъ зависятъ отъ того, на сколько механика разработаетъ важный вопросъ объ атомическомъ и частичномъ движеніи тѣлъ. Слѣдовательно, въ концѣ всѣхъ наукъ, изучающихъ тѣла, стоятъ механика, отъ которой онѣ и должны ждать помощи для окончательнаго разрѣшенія своихъ задачъ.

Исходя изъ ощущенія, какъ изъ простѣйшаго психическаго акта, Тэнъ постепенно восходитъ до болѣе сложныхъ проявленій душевной жизни и, наконецъ, завершаетъ ихъ сложную градацію построеніемъ

общаго механизма познанія. Когда прекратится въ насъ ощущеніе, вызванное вѣшнимъ вліяніемъ, тотчасъ возникаетъ въ нашемъ умѣ подобіе, или, такъ сказать, откликъ этого ощущенія въ формѣ образа. Этотъ образъ то мирно покоится въ сознаніи, то даетъ намъ о себѣ знать особеннымъ субъективнымъ состояніемъ, который мы переживаемъ въ то время. У различныхъ лицъ онъ оживаетъ съ различною силою и ясностью, что и называетъ Тэнъ способностью памяти. Одни лучше всего запоминаютъ формы, другіе краски, третьи, наконецъ, звуки, смотря по тому, какой органъ чувствъ лучше развитъ. Это обстоятельство довольно важно, слѣдовательно, для педагоговъ, потому что оно показываетъ, что изощреніе и развитіе памяти состоятъ въ тѣсной связи съ воспитаніемъ органовъ чувствъ. Образы тѣмъ яснѣе и отчетливѣе воскресаютъ въ нашемъ сознаніи, чѣмъ лучше дѣйствуютъ органы чувствъ. Поэтому-то и для развитія воображенія необходимо прибѣгать не къ чтенію фантастическихъ сказокъ и нелѣпыхъ исторій, а къ упражненію органовъ чувствъ. Есть множество доказательствъ тому, что хорошею памятью обладаютъ тѣ, у которыхъ правильно развиты органы чувствъ. Такъ и должно быть, конечно, потому что память есть ничто иное, какъ попытка воскресить тѣ образы, которые получались было во время первичнаго ощущенія. А ощущеніе совершается при посредствѣ чувствъ, и что посѣютъ эти чувства, то и пожнемъ мы въ видѣ образовъ. Даже тамъ, гдѣ, повидимому, память нельзя связать съ органами чувствъ, они тѣмъ не менѣе играютъ весьма важную роль. Дѣти, которыя производятъ въ умѣ математическія выкладки, пишутъ мысленно на воображаемой доскѣ заданныя имъ числа и совершаютъ всю операцію, какъ будто они пишутъ на бумагѣ. Знаменитый англійскій юноша, Кольборнъ, рассказывалъ, что когда онъ совершалъ свои вычисленія, то онъ ихъ видѣлъ ясно предъ собой. «Другой мальчикъ утверждалъ, что числа, надъ которыми онъ производилъ вычисленія, какъ будто были написаны на грифельной доскѣ.» Нѣкоторые шахматные игроки обладаютъ этой способностью въ необыкновенной степени. При помощи одного лишь зрѣнія, они такъ отчетливо запоминаютъ шахматную доску, что могутъ играть цѣлыя партіи, ни разу не взглянувъ на нее. Есть игроки, которые играютъ въ шахматы, прогуливаясь по улицамъ. Поль Морфи мысленно играетъ 8 партій за разъ, а Польсансъ 20 партій. Французъ Ла-Бурдоне могъ играть мысленно только двѣ партіи разомъ, когда же онъ попробовалъ сыграть три, онъ умеръ. Живописцы и ваятели, разсмотрѣвши внимательно модель, могутъ

сдѣлать ея изображеніе на память; такую способностью обладаетъ, напр., знаменитый французскій живописецъ Густавъ Доре. Ощущенія слуха, вкуса, обонянія и осязанія также оставляютъ послѣ себя свои образы. Прослушавъ какую-нибудь арію, мы можемъ мысленно повторить ее, и иногда воскресшіе слуховые образы очень близко приближаются къ первоначальному ощущенію. Одинъ капельмейстеръ говорилъ, что, читая писанную партитуру, онъ слышалъ какъ будто въ собственномъ ухѣ не только цѣлые аккорды въ ихъ музыкальной связи, но и тембръ инструментовъ. Извѣстно, что Моцартъ, прослушавши два раза Miserere Сикстинской капеллы, написалъ его ноты на память. Всѣ были до того удивлены этимъ, что сначала не повѣрили Моцарту и предполагали, что начальникъ капеллы, строго запретившій отдавать для копій нотный оригиналъ, — боясь, что въ случаѣ утраты, его никто не возстановитъ, — измѣнилъ для Моцарта свое распоряженіе.

Ясность возникающихъ въ нашемъ сознаніи образовъ иногда достигаетъ такой степени, что они мало чѣмъ отличаются отъ ощущеній. Въ нормальномъ состояніи мы легко узнаемъ, что нашъ образъ не имѣетъ вишняго существованія, а находится внутри насъ. Въ противномъ случаѣ мы страдали-бы галлюцинаціями, мы принимали бы образъ за реальное ощущеніе, были-бы близки къ помѣшательству. Однако и здоровый человѣкъ, по мнѣнію Тэна, весьма правдоподобному, склоненъ на весьма короткое время считать свой образъ реальнымъ и вѣрить въ него, какъ въ ощущеніе. Тэнъ говоритъ, что въ появленіи образа есть два момента: одинъ утвердительный, когда вы ощущаете свой образъ и готовы считать его ощущеніемъ, а другой — отрицательный, когда является поправка или ваше сужденіе, разувѣряющее васъ въ реальности образа. Когда образъ бываетъ особенно точенъ и ясенъ, первый моментъ продолжается довольно долго, второй короче, а у больныхъ и совсѣмъ не бываетъ. Но, во всякомъ случаѣ, есть мгновеніе, когда вполне здоровый человѣкъ страдаетъ хоть на весьма короткое время галлюцинаціей, т. е. считаетъ свой образъ не призракомъ, но чѣмъ-то реальнымъ. «Мало, говоритъ Тэнъ, такихъ людей, которые, взглянувши внизъ съ вышины очень высокой башни, не испытывали-бы чувства страха. Въ самомъ дѣлѣ, когда взоръ вдругъ падаетъ до земли, мы воображаемъ себя внезапно унесенными и сброшенными внизъ и одинъ этотъ образъ насъ ужасаетъ, такъ какъ на одно незамѣтное мгновеніе онъ есть вѣрованіе; мы инстинктивно отодвигаемся назадъ, какъ будто мы, въ самомъ дѣлѣ, почувствовали себя падающими.» Иногда второй,

отрицательный моментъ до того задерживается, что образъ внушаетъ необыкновенную вѣру въ свое реальное существованіе. Тѣмъ приводятъ изъ письма къ нему одного, какъ онъ его называетъ, самаго *точного* и *проницательнаго* изъ современныхъ романистовъ, ¹⁾ слѣдующее замѣчательное мѣсто: «Мои воображаемая лица, говоритъ этотъ романистъ, *поражаютъ* меня, преслѣдуютъ меня, или, вѣрнѣе сказать, я живу въ нихъ. Когда я описывалъ отравленіе Эммы Бавари, я имѣлъ *во рту такой ясный вкусъ мыльяка*, я самъ былъ такъ отравленъ, что выдержалъ одно за другимъ два несваренія желудка, несваренія весьма реальные, такъ какъ послѣ обѣда меня рвало.» До какой степени иногда здоровый человѣкъ можетъ повѣрить образу, этой мечтѣ, созданной воображеніемъ, видно изъ примѣра одного живописца, который всегда рисовалъ портреты на память. Обыкновенно онъ сажалъ на стулъ свой оригиналъ и втеченіи извѣстнаго времени внимательно разсматривалъ его, набрасывая время отъ времени его черты на полотно. За тѣмъ оригиналъ удалялся, а живописецъ, по его рассказамъ, мысленно сажалъ этого человѣка на тотъ-же стулъ, на которомъ онъ его видѣлъ также ясно, какъ-будто онъ сидѣлъ въ дѣйствительности. «Отъ времени до времени, рассказываетъ онъ, я взглядывалъ на воображаемую фигуру, и принимался рисовать; я останавливалъ свою работу, чтобы разсмотрѣть позу, совершенно также, какъ если-бы оригиналъ былъ предо мною. Каждый разъ, какъ я бросалъ взглядъ на кресло, я видѣлъ человѣка. Мало по малу, продолжаетъ онъ, я начиналъ терять различіе между воображаемою фигурою и дѣйствительною, и иногда я доказывалъ своимъ оригиналомъ, *что они вчера уже были у меня*. Наконецъ, я въ этомъ совершенно увѣрился; потомъ все спуталось... Я сошелъ съ ума и просидѣлъ тридцать лѣтъ въ больницѣ.» Въ этомъ случаѣ утвердительный моментъ длился такъ долго, что поправка, которая обыкновенно является вскорѣ вслѣдъ за образомъ, не имѣла силы. Но, спрашивается, въ чемъ состоитъ это поправка, ограничивающая силу образа, что удерживаетъ здоровыхъ людей, стоящихъ, какъ мы видѣли, на порогѣ сумасшедшаго дома, въ нормальномъ состояніи? Отвѣчать на это нетрудно. Лишь только возникаетъ въ насъ образъ, онъ долженъ встрѣтить себѣ противорѣчіе, отрицающее его дѣйствительность со стороны истиннаго ощущенія, или, другими словами, со стороны внѣшняго міра. Если,

¹⁾ Флогберъ, авторъ романа «Эмма Бавари.»

обернувшись къ стѣнѣ, вы создадите себѣ образъ шахматной доски и взгляните тотчасъ-же на стѣну, образъ исчезнетъ. Гете разсказывалъ, что когда, *наклонивши голову*, онъ начиналъ думать о цвѣткѣ, образъ его возникалъ въ его умѣ необыкновенно рельефно, но эта иллюзія тотчасъ исчезала, когда, взглянувши на окружающіе предметы, онъ получалъ отъ нихъ противоположныя ощущенія. Обыкновенно возникновеніе образа и отрицаніе его совершаются такъ быстро, что мы этого не замѣчаемъ. Каждую минуту въ наше сознание толпится множество ощущеній изъ наружнаго міра, которыя служатъ противовѣсами нашихъ внутреннихъ образовъ. Лишь только мы станемъ ограничивать число возможныхъ внѣшнихъ впечатлѣній, удивлять себя, избѣгать общества и т. д. образъ послѣ его возникновенія остается все долѣе и долѣе и все менѣе будетъ отличаться отъ галлюцинаціи. Темнота, молчаніе, недостатокъ вниманія ослабляютъ силу противовѣса, и образъ растетъ свободнѣе. Извѣстно, что люди, страдающіе галлюцинаціей слуха, успокоиваются, если ихъ вовлечетъ въ живой разговоръ, среди котораго они забываютъ о своихъ внутреннихъ голосахъ. У одного больного галлюцинаціи прекращались только отъ того, что его переводили изъ одной залы въ другую; оставаясь въ одной втеченіи трехъ дней, онъ былъ совершенно здоровъ, но на 4 день галлюцинаціи снова являлись и его переводили въ другое помѣщеніе. Есть люди, у которыхъ галлюцинаціи являются въ темнотѣ, но исчезаютъ при свѣтѣ. Тѣмъ разсказываетъ что одна дама, оставаясь въ потемкахъ, всегда видитъ страшныя фигуры мертвецовъ и чудовищъ самыхъ разнообразныхъ формъ, и потому она принуждена вотъ уже 20 лѣтъ ставить около себя зажженную свѣчу, когда засыпаетъ. Мы знаемъ также двухъ молодыхъ людей, которые не могутъ спать въ темнотѣ. Одинъ изъ нихъ, совершенно здоровый, на моихъ глазахъ уснулъ при свѣчкѣ, и когда, спустя нѣсколько часовъ, я потушилъ ее, онъ вдругъ вскочилъ съ постели въ страшномъ испугѣ, который продолжался до тѣхъ поръ, пока я не поспѣшилъ зажечь свѣчу. Изъ этого случая видно, что образъ, возникшій у этого господина (онъ имѣетъ способность видѣть сны каждую ночь, хотя и не всѣ ихъ помнитъ), достигъ такой силы въ тотъ моментъ, когда была потушена свѣча, что онъ не могъ исчезнуть даже отъ пробужденія, когда, слѣдовательно, нервная система испытываетъ значительное потрясеніе. Его галлюцинація продолжалась съ полной силой до тѣхъ поръ, пока свѣтъ не привлекъ къ себѣ его вниманіе и не вытѣснилъ своимъ вліяніемъ призрачный образъ. Очевидно также, что и во время сна свѣтъ да-

валъ пищу его глазамъ и тѣмъ ослаблялъ силу и рельефность образовъ, возникавшихъ во время сновидѣній. Докторъ Баллярге рассказываетъ, что одна служанка, какъ только закрываетъ глаза, тотчасъ начинаетъ видѣть животныхъ, луга, дома и т. п. и много разъ, говоритъ онъ, мнѣ случалось самому закрывать ей глаза, и она тотчасъ называла множество предметовъ, ей являвшихся. Обыкновенно больнымъ, подверженнымъ галлюцинаціямъ, предписываютъ холодныя души, холодныя ванны и, вообще, какія-либо сильныя потрясенія, которыя могли-бы отрезвить ихъ сознание и вытѣснить внутренніе образы. Сновидѣнія могутъ служить прекрасныѣ примѣромъ, какиѣ путемъ образы пріобрѣтаютъ силу реальныхъ ощущеній. Во снѣ отправления органовъ чувствъ ослаблены и ощущенія почти невозможны, но за то и образы никогда не бываютъ такъ ярки на яву, какъ во снѣ. Сонъ есть настоящая галлюцинація и, на оборотъ, люди, страдающіе галлюцинаціей, очень похожи на спящихъ въ томъ отношеніи, что нѣкоторыя чувства ихъ притуплены и не могутъ воспринимать съ достаточной полнотой виѣшнихъ впечатлѣній. Сила образовъ, возникшихъ во время сна, такъ велика, что мы имъ вѣримъ вполне и никому, конечно, не придетъ на умъ во снѣ, что онъ спитъ и потому его образы—пустые призраки. Когда мы просыпаемся, то въ первую минуту мы еще не въ состояніи отдѣлаться отъ своихъ сновидѣній, такъ какъ органы чувствъ только что начинаютъ заимствовать изъ виѣшной среды впечатлѣнія и не успѣли еще довести до нашего сознанія ни одного реального ощущенія. Но мало по малу мы оживаемъ; впечатлѣнія толпой тѣснятся въ нашъ мозгъ чрезъ всѣ чувства и шагъ за шагомъ изгоняютъ злыхъ деспотовъ, незаконно властвовавшихъ надъ нами втеченія всей ночи; мозгъ очищенъ отъ фикцій и нормальная дѣятельность его возстановлена.

Разъяснивъ до нѣкоторой степени природу образа, Тэнъ коснулся весьма важнаго вопроса о томъ, при какихъ условіяхъ образы появляются, исчезаютъ и снова возрождаются. Этотъ предметъ былъ всегда камнемъ преткновенія для психологовъ и Тэнъ съ своей стороны очень мало уяснялъ его, собравъ лишь намеки на законы, управляющіе этой группой душевныхъ явленій. Модели въ своей «Физиологіи и Патологіи души» говоритъ, что всѣ образы возникаютъ въ насъ произвольно, безъ участія нашего сознанія, и приводитъ въ подтвержденіе этого множество поразительныхъ примѣровъ. Но онъ ограничился, однако, однимъ лишь разрушеніемъ старыхъ воззрѣній и не указалъ вмѣсто нихъ новыхъ, руководящихъ принциповъ.

Изъ его изслѣдованій для насъ ясно только то, что сознаніе не можетъ вызывать образовъ и что всякое его внимательство лишь затрудняетъ ихъ возникновеніе, тормазитъ память и воображеніе. Къ тому-же выводу приходитъ и Тэнъ, но онъ дѣлаетъ попытку найти въ хаотической массѣ образовъ, непрерывно смѣняющихся другъ друга, извѣстную логическую послѣдовательность и подчинить ихъ дѣйствию опредѣленныхъ законовъ. Однако, по нашему мнѣнію, ему этого не удалось, хотя нѣкоторыя его замѣчанія можно принять къ свѣдѣнію, не признавая за ними рѣшающей силы.

Извѣстно, что во многихъ случаяхъ образы являются безъ всякой видимой причины и совершенно непрошенныя. Ощущеніе, которое породило эти образы, прошло давно, десятки лѣтъ тому назадъ, въ теченіи которыхъ оно ни разу не возобновляло ихъ, а они все-таки появляются,—появляются внезапно, какъ снѣгъ на голову. Мы могли даже не сознать и ощущенія въ то время, когда оно въ насъ было, а образъ все-таки появляется. Въ разборѣ сочиненія Модсли мы указали въ примѣръ этого на одну госпожу, которая во время горячки заговорила на неизвѣстномъ ей языкѣ, хотя, вообще, была не образованна и неумѣла ни писать, ни читать. Въ послѣдствіи, однако, оказалось, что больную на 9 году отъ роду взялъ къ себѣ ея дядюшка, ученый пасторъ, который имѣлъ обыкновеніе читать въ слухъ еврейскія книги. Когда сличили съ текстомъ этихъ книгъ бредъ больной, нашли, что онъ отъ слова до слова заимствованъ оттуда. Рассказываютъ, что у одного испанскаго посланника камердинеромъ былъ мальчикъ весьма посредственныхъ способностей, которому часто приходилось по его обязанностямъ присутствовать при политическихъ разговорахъ различныхъ дипломатовъ, собиравшихся у посланника. Мальчикъ, повидимому, ничего не могъ запомнить изъ слышанныхъ разговоровъ, но, заболѣвъ какъ-то воспаленіемъ мозга, онъ вдругъ сталъ рассуждать въ бреду о политическомъ состояніи различныхъ державъ въ тѣхъ-же самыхъ выраженіяхъ и въ томъ-же порядкѣ, какъ онъ это слышалъ, когда былъ здоровъ. Посланникъ, считавшій до сихъ поръ своего камердинера только преданнымъ и расторопнымъ малымъ, подслушалъ его бредъ и рѣшился сдѣлать его своимъ секретаремъ. Но бредъ больного прошелъ, онъ выздоровѣлъ и затѣмъ ни помнилъ ни одного слова изъ своихъ разсужденій, ставъ по прежнему камердинеромъ. Изъ этого видно, что какъ-бы мимолетны ни были внѣшнія впечатлѣнія, они не замѣтно для насъ самихъ, прокрадываются въ мозгъ и рождаютъ тамъ ощущеніе, которое можетъ воскреснуть каждую минуту. Тэнъ принимаетъ,

согласно Модели, что каждый образъ или группа однакъ и тѣхъ-же образовъ занимаютъ каждая свое отдѣльное мѣсто въ мозгу, оживая при различныхъ пертурбаціяхъ, которымъ онъ подверженъ. Такъ, если къ той части мозга, гдѣ покоится извѣстный образъ, прильетъ много крови, онъ воскресаетъ, приобретаая большую или меньшую ясность, наоборотъ, при обѣдненіи мозга кровью образы дѣлаются тусклыми или исчезаютъ совершенно. Одна дама, рассказываетъ докторъ Винслоу, послѣ сильного маточнаго кровотечения забыла, гдѣ она живетъ и кто ея мужъ, сколько времени она больна, имена своихъ дѣтей и даже свое собственное имя. Она не могла назвать по имени ни одного предмета и ошибалась при этомъ самымъ страннымъ образомъ. До своей болѣзни она всегда говорила, вмѣсто англійскаго, ея природнаго языка, на французскомъ, но во время болѣзни она какъ будто и не знала о его существованіи, но безъ труда понимала все, когда съ ней говорили по англійски. Спустя 7 или 8 недѣль она выздоровѣла и память ея снова возстановилась. Одинъ англичанинъ, получивъ ударъ по головѣ, вдругъ забылъ греческій языкъ, но помнилъ все остальное. Случается и такъ, что во время болѣзни память оживаетъ, а въ здоровомъ состояніи слабѣетъ, какъ это мы видѣли на камердинирѣ испанскаго посланника и племянницѣ ученаго пастора. Американскій психологъ Аберкромби рассказываетъ, что нѣкто, родившійся во Франціи, прожилъ большую часть своей жизни въ Англии и совершенно забылъ французскій языкъ. Но когда его ранили въ голову, онъ все время, пока былъ въ больницѣ, говорилъ по французки. Тотъ-же ученый передаетъ, что одинъ его пріятель, докторъ, заболѣвши однажды горячкою, сталъ произносить наизусть длинныя выдержки изъ Гомера, чего онъ не могъ дѣлать въ здоровомъ состояніи. Другой, мало способный къ музыкѣ во время болѣзни, весьма вѣрно пѣлъ трудныя пѣсни на вельскомъ языкѣ, который онъ совсѣмъ забылъ. Всѣ эти замѣчательныя психическія состоянія указываютъ на то, что душевная природа челоуѣка какъ будто способна раздвоиться, что онъ можетъ жить двойною жизнью и подвергаться психическимъ метаморфозамъ, подобно насѣкомымъ, организмъ которыхъ переходитъ черезъ различныя стадіи превращенія. Въ одномъ психическомъ состояніи являются одни образы и идеи, въ другомъ — другіе, въ первомъ случаѣ одна память удерживаетъ въ сознаніи извѣстный кругъ событій, во второмъ случаѣ память управляетъ событіями совершенно иной категоріи. Иногда эта психическая двойственность въ одномъ и томъ субъектѣ проявляется съ поразительной силой. Макнишъ рассказываетъ, что одна молодая американка, совер-

шенно здоровая, проснувшись въ одно прекрасное утро, перезабыла рѣшительно все, чему училась. Она начала поэтому учиться снова складывать буквы, читать, писать, считать и знакомиться съ окружающимъ міромъ. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ она впала въ глубокій сонъ, послѣ котораго она почувствовала себя въ томъ-же состояніи, въ какомъ была до перваго сна, такъ что къ ней возвратились всѣ ея знанія и всѣ утраченныя воспоминанія изъ ея дѣтства. Но зато она забыла все то, что происходило съ ней въ промежутокъ между этими двумя снами. «Періодически, въ продолженіи четырехъ лѣтъ слишкомъ, рассказываетъ Макнишъ, она послѣ глубокаго и продолжительнаго сна переходила изъ одного состоянія въ другое. Свой первый образъ существованія (до перваго сна) она теперь стала называть старымъ состояніемъ, а второй—новымъ. Она точно также не сознавала раздвоенности своей личности, какъ не сознаютъ связи между собой два совершенно различныя лица. Такъ, напр., въ старомъ состояніи она обладаетъ всеми своими первоначальными познаніями, въ новомъ она знаетъ лишь то, что пріобрѣтено ею во время болѣзни (забычивости). Въ старомъ состояніи у нея красивый почеркъ, но въ новомъ, почеркъ ея жалкій и неумѣлый, такъ какъ она мало въ немъ упражнялась. Для полнаго знакомства ея съ кѣмъ либо, недостаточно было представить ей это лицо въ одномъ изъ двухъ ея состояній; необходимо было представить ей тоже лицо и въ другомъ состояніи. Тоже и съ другими вещами. Теперь она и ея семейство въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ не встрѣчаютъ особенныхъ затрудненій; имъ достаточно знать, въ какомъ изъ двухъ состояній она находится и затѣмъ принаровиться къ нему». Почти всѣ сомнамбулы живутъ такою-же двойственною жизнью. Они не помнятъ ничего, что дѣлаютъ во снѣ и удивляются, когда ночью вдругъ очутятся на улицѣ или на крышѣ. Иногда эти больные во время втораго припадка снова вспоминаютъ то, что совершилось въ первомъ и Мори рассказываетъ, что одна сомнамбула во время припадка продолжала приводить планы самоубійства, задуманные ею во время припадка предшествовавшаго. Докторъ Макаріо приводитъ замѣчательный случай съ одной дѣвушкой-сомнамбулой, которую во время припадка изнасиловалъ одинъ мужчина. Проснувшись, она не имѣла понятія о томъ, что произошло съ ней, но въ слѣдующемъ припадкѣ она рассказала объ этомъ матери. Въ обыкновенной жизни встрѣчаются весьма нерѣдко примѣры подобнаго-же психическаго раздвоенія. Комбъ рассказываетъ, что одинъ ирландецъ, посыльный одного торговаго дома, будучи пьянъ, доставилъ письмо не по означенному ад-

ресу и когда онъ протрезвился, то не могъ рѣшительно вспомнить, куда онъ доставилъ это письмо. Однако, напившись снова, онъ вспомнилъ мѣсто, куда доставилъ письма и отправился туда, чтобы взять его. Мори рассказываетъ, что иногда сновидѣнія, забываемыя во время бодрствованія, снова вспоминаются во время сна. Если всматриваться внимательно во всѣ перечисленные нами случаи, мы до нѣкоторой степени освоимся съ ихъ странностью и найдемъ даже въ нихъ тотъ общій типъ, который обнаруживается и въ душевной жизни здоровыхъ людей. Возьмемъ два противоположныхъ состоянія упомянутой болной и рассмотримъ чѣмъ оканчивается одно и начинается другое. Конечно, образами или поступками, между которыми поставлена граница только потому, что насъ поражаетъ ихъ нопослѣдовательность, отсутствіе между ними связи и логической преемственности. Мы замѣчаемъ рѣзкую границу, перерывъ между ними, и принуждены относить ихъ къ различнымъ категориямъ. У помѣшанныхъ мы наблюдаемъ то-же самое, что и у сомнамбуловъ. Послѣдніе во время бодрствованія дѣйствуютъ, какъ здоровые люди, но когда наступаетъ сонъ, они теряютъ способность логически сочетать событія дня, они не могутъ продолжать дѣйствовать такъ, какъ дѣйствовали они на-яву. Помѣшанные поступаютъ точно также, они разсуждаютъ обо всемъ весьма здраво, если разговоръ не касается ихъ *idée fixe*. Тамъ больные подвергаются припадку во время сна, здѣсь припадокъ является отъ *idée fixe*. Лишь только вы сведете разговоръ съ помѣшаннымъ на пунктъ его помѣшательства, онъ, подобно сомнамбулу во снѣ, начинаетъ жить другою умственной жизнью, которая отдѣлена цѣлой пропастью отъ жизни здоровой и разумной. Если болѣзнь его усиливается, онъ съ каждымъ новымъ разговоромъ, сведенномъ на его *idée fixe*, старается развить ее болѣе и болѣе, углубляется въ нея, находитъ для нея новыя основанія; но лишь только разговоръ свернется въ сторону другихъ предметовъ, онъ опять начинаетъ мыслить здраво. Начните опять прерванный разговоръ и больной станетъ доканчивать и совершенствовать свою больную идею. Все это крайніе случаи, которые, повидимому, не имѣютъ отношенія къ жизни здоровыхъ людей. Но это лишь повидимому; стоитъ лишь постепенно ослаблять крайнее проявленіе логической безсвязицы въ мысляхъ помѣшаннаго, и, мало-по-малу, предъ нами прояснится образъ здоровыхъ людей, получатся безконечная лѣстница логической послѣдовательности идей, восходя по которой мы получимъ всѣ ея степени, замѣчаемыя у здоровыхъ индивидовъ. Большинство людей живетъ такою-же жизнью съ перерывами, какъ и помѣшанные. Представьте себѣ фарисействующихъ лицемѣ-

ровъ, даже хорошихъ актеровъ, людей мысли, идеалы которыхъ такъ часто расходятся или съ другими идеалами или съ ихъ практической жизнью. Мало-ли людей, которые говорятъ одно, а дѣлаютъ другое, возвышенныхъ и самоотверженныхъ друзей человѣчества на словахъ, и злѣйшихъ враговъ на дѣлѣ. Углубившись въ книгу, предавшись пылкимъ мечтамъ, человѣкъ переживаетъ одну жизнь, но повернувшись лицомъ къ лицу къ презрѣнной прозѣ и суровой дѣйствительности, онъ часто съ болью сердца отрываетъ отъ своей души ея благороднѣйшую затаенную половину, чтобы дать мѣсто мертвѣющимъ влiяніямъ практической рутинѣ, вполне овладѣвающей всѣмъ его существомъ. И потомъ вы подбираете снова обрывки своей души, сшиваете ихъ, раскрашиваете узорами, удлиняете ихъ новыми придатками и, горе вамъ, если вы не остановитесь во время. Вы перестанете понимать рутину, обычный кругъ повседневныхъ идей будетъ казаться вамъ чуждымъ, и вы выдѣлитесь изъ среды обыкновенныхъ людей, чтобы подняться или въ храмъ славы, озаряющей генія (впрочемъ, только по смерти), или спуститься до крайняго паденія человѣческаго разума. Но обыкновенно дѣло до этого не доходитъ, ибо люди не геніи и не безнадежно помѣшанные. Каждый человѣкъ удовольствуется тѣмъ, что втеченіи своей жизни онъ побываетъ немножко геніемъ (т. е. истинно здоровымъ человѣкомъ и немножко помѣшаннымъ, теряя до конца жизни спасительнаго баланса между двумя психическими крайностями). Тѣмъ приводитъ такую аналогію между здоровымъ и болѣзненнымъ душевнымъ состояніемъ, что считаетъ даже такой естественный процессъ, какъ ощущение, галлюцинаціей. По нашему мнѣнію, онъ совершенно правъ, потому что все то, что мы говорили объ образѣ, можно отнести и къ ощущенію. Мы видѣли, что образы пріобрѣтаютъ свою силу по мѣрѣ того, какъ ослабляется поправка со стороны другого реального ощущенія. Для всякаго образа есть такой моментъ, то краткій, то довольно продолжительный, когда онъ по силѣ совершенно равняется дѣйствительному ощущенію, т. е. становится галлюцинаціей. Когда больной, сѣдя у себя въ комнатѣ, видитъ предъ собою фигуру льва, это значить, что онъ видитъ ее такъ, какъ будто предъ нимъ дѣйствительно находится левъ, и у него въ глазахъ получается изображеніе фигуры льва. Слѣдовательно, Тѣмъ имѣетъ полное право сказать, что «наше внѣшнее воспріятіе есть внутренняя мечта, гармонирующая съ внѣшними предметами; вмѣсто того, чтобы говорить, что галлюцинація есть ложное внѣшнее воспріятіе, лучше сказать, что внѣшнее воспріятіе есть *истинная галлюцинація*». Но въ первый моментъ, когда въ насъ образуется ощу-

щеніе, мы также чувствуемъ потребность внести въ него поправку, мы смотримъ на вѣшій міръ и находимъ ее: предъ нами стоитъ тотъ предметъ, который вызвалъ въ насъ ощущение и тогда оно уже галлюцинація. На этомъ основаніи Тэнъ говоритъ, что здоровое психическое состояніе есть рядъ «недоканчивающихся галлюцинацій». Это вовсе не игра въ слова, какъ можно было-бы подумать съ перваго раза. Дѣйствительно, извѣстны случаи, когда реальныя ощущенія переходятъ въ болѣзненные состоянія или, въ такъ называемыя, иллюзіи только потому, что люди не могли, вслѣдъ за возникшимъ ощущеніемъ, внести въ него необходимой поправки. Доказательствомъ могутъ служить театральныя иллюзіи, которыя вводятъ въ обманъ всѣхъ людей, какъ-бы ни были они психически здоровы. Одинъ американскій солдатъ видѣлъ въ театрѣ драму Отелло и въ томъ мѣстѣ, когда разсвирѣлѣвшій мавръ принимается душить Дездемону, солдатъ воскликнулъ: «Пусть-же не говорятъ, что въ моихъ глазахъ злой негръ убилъ бѣлую женщину»; прицѣлился и выстрѣлилъ изъ ружья и раздробилъ ему руку. Реальныя ощущенія солдата усилились до иллюзіи, оттого, что онъ не исправилъ эти ощущенія и не ограничилъ ихъ силу другими образами, напр., театральнаго зданія, сцены, наконецъ, множества людей, собравшихся въ театрѣ. Люди, часто посѣщающіе театрѣ, не заходятъ такъ далеко, какъ упомянутый солдатъ, но во всякомъ случаѣ, когда актеръ обладаетъ большимъ талантомъ, онъ заставляетъ всѣхъ хоть на короткое время вѣрить въ дѣйствительность создаваемыхъ имъ иллюзіи. «Пусть читатель, говоритъ Тэнъ,—наблюдаетъ за самимъ собою, когда предъ нимъ играютъ новую комедію Дюма-сына (для русскихъ читателей слѣдовало-бы выбрать драму Островскаго или комедію Гоголя); много разъ во время акта мы на одну или на двѣ минуты вполне предаемся иллюзіи; насъ вводитъ въ нее извѣстная справедливая, неожиданная фраза, поддержанная жестомъ, голосомъ и приспособленная обстановкой. Мы онечажались, или развеселились; мы готовы подняться съ кресла; но вдругъ, при видѣ рамы, лицъ на авансценѣ, или всякаго другого обстоятельства мы остаемся на мѣстѣ. Такова театральная иллюзія, непрерывно ослабѣвающая и возрождающаяся; въ ней-то все удовольствіе зрителя. Его симпатіи и антипатіи были-бы черезъ-чуръ сильны, если-бы они длились долго, ихъ черезъ-чуръ острая оконечность затупляется непрерывною поправкой. На одну минуту онъ вѣритъ, затѣмъ перестаетъ вѣрить, потомъ снова вѣритъ и снова не вѣритъ; каждый актъ вѣры оканчивается разубѣжденіемъ, а каждый порывъ симпатіи выкидываемъ, отъ котораго происходитъ рядъ задержанныхъ вѣрова-

ній и ослабленныхъ волненій; мы поочередно говоримъ себѣ: «бѣдная женщина, какъ она несчастна!» и почти сейчасъ прибавляемъ: «но вѣдь это актриса, она очень хорошо исполняетъ свою роль!» Есть множество фактовъ, собранныхъ Тэнномъ, которые вполне доказываютъ справедливость его мысли. Мы не приводимъ ихъ, потому что и безъ того объемъ нашей рецензіи превзошелъ обычную норму, а съ другой стороны и указанныхъ примѣровъ достаточно для того, чтобы примирить читателя съ парадоксальной по виду, но вѣрной по сущности мысли о томъ, что здоровое психическое состояніе есть непрерывный рядъ *то зарождающихся, то исчезающихъ галлюцинацій и иллюзій.*

Исторія франки-масонства отъ возникновенія его до настоящаго времени. I. Г. Финделя. Переводъ съ второго нѣмец. изд. подъ редакціей В. И. Ильина. Томъ I, изд. Героглифова. Спб., 1872 г.

Франк-масонство есть одно изъ явленій общественной жизни, до сихъ поръ мало изученное и со стороны преслѣдуемыхъ имъ цѣлей и его историческихъ судебъ. Мы очень хорошо знакомы съ ученіемъ іезуитизма и всегда готовы съ жаднымъ любопытствомъ читать его исторію; мы интересуемся его принципами и слѣдимъ съ возбужденнымъ вниманіемъ за отношеніемъ ихъ къ жизни современныхъ обществъ. Наше любопытство возбуждаютъ и спиритизмъ и мормоны, словомъ, всякая мистическая нечѣпость, дѣйствующая на воображеніе слѣпой массы не только своею таинственностію, но и той громадной суммой зла, которой эта нечѣпость сопровождалась въ жизни человечества. Не такова была судьба франки-масонства. Оно не заявило себя никакими громкими событіями, оно не претендовало ни на великія цѣли, и потому было обречено на скромное, почти неизвѣстное существованіе. Его принципы и стремленія просты и естественны до тривіальности, а между тѣмъ, или, можетъ быть, поэтому, они считаются загадочными и таинственными. Для нихъ нѣтъ обобщающей формулы, яркаго парадокса и разжигающей поверхностное любопытство фразы. Творить добрыя дѣла, чтобы впоследствии въ нихъ не было надобности—вотъ скромный девизъ, во имя котораго совершаетъ свои мирные подвиги трудолюбивое «Братство вольныхъ каменщиковъ». Оно поста-

вило себѣ задачей воспитывать людей къ общежитію на законахъ любви и взаимнаго уваженія, вносить во все углы общественнаго зданія свѣтъ науки и просвѣщенія, водворять въ жизни истину христіанскаго ученія. Это не религіозное вѣрованіе, не ученіе секты и не агитація тайнаго общества. Статуты всехъ масонскихъ ложъ категорически противорѣчатъ этимъ тремъ возможнымъ направленіямъ дѣятельности всякаго общества. Массоны проповѣдуютъ, напротивъ, полную религіозную терпимость и свободу мысли, и стоятъ совершенно въ сторонѣ отъ церкви и государства. Долгое время массоновъ обвиняли также въ стремленіи къ политическимъ дѣламъ и на этомъ основаніи подвергали ихъ преслѣдованію. Но впоследствии оказалось, что это обвиненіе совершенно несправедливо. Въ такъ называемой книгѣ «Уставъ масонскихъ ложъ», которая имѣетъ обязательную силу для всехъ массоновъ, и издана въ 1738 году на этотъ счетъ говорится слѣдующее: «При всемъ различіи нашихъ мнѣній относительно прочаго (такъ какъ мы предоставляемъ каждому свободу совѣсти), мы все (т. е. массоны) единомышленны относительно благородной науки, искусства и общественныхъ добродѣтелей; мы вѣрны и добросовѣстны и *избѣгаемъ всего, что могло-бы задѣть правительство на всемъ пространствѣ земли, подѣ властію котораго мы можемъ мирно собираться въ надлежащей формѣ*». Въ собраніяхъ масонскихъ ложъ пренія о политикѣ не допускаются, точно также, какъ и религіозные споры. Съ другой стороны между членами ложъ издавна встрѣчались правительственные и высокопоставленные лица, и даже короли. Причиной всехъ преслѣдованій, которымъ подвергались масонскія логи, были іезуиты и католическое духовенство, которые старались набросить тѣнь на миролюбивую дѣятельность массоновъ и выдать ихъ врагами государства. Въ настоящее время все эти обвиненія совершенно умолкли отчасти потому, что въ нихъ ни на іоту не было правды, а отчасти и потому, что само франк-масонство распадается и утрачиваетъ свою прежнюю силу. Этого и слѣдовало, конечно, ожидать, при тѣхъ сложныхъ условіяхъ цивилизаціи и общественной жизни, въ которыхъ мы находимся въ настоящее время. Массоны могли приносить большую пользу обществу въ средніе вѣка, даже въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, когда самое зло, противъ котораго они боролись, не такъ тѣсно переплелось съ человѣческой природой, и не такъ глубоко въ нее вѣлось. Но теперь все ихъ усилія тонуть, какъ капля въ морѣ, не оказывая почти никакого измѣненія въ быстромъ теченіи широкаго потока общественной жизни. Ихъ пылкая и самоотверженная филантропія вызываетъ въ насъ скорѣе улыбку или

нѣкоторую досаду на безплодную трату силъ, чѣмъ вѣру въ цѣлебныя свойства и благотворность ихъ дѣятельности. Но какъ-бы мы ни относились въ настоящее время къ франк-массонству, оно—совершившійся фактъ, который оставилъ свой слѣдъ не только въ жизни западной Европы, но и русскаго общества, и потому уже возбуждаетъ къ себѣ интересъ всякой пытливой мысли. Любопытно, въ самомъ дѣлѣ, доискаться до первичнаго зародыша этого явленія, уяснить себѣ вызвавшія его причины и постепенное осложненіе основныхъ мотивовъ дѣятельности франк-массонства,—дѣятельности, все еще не совсѣмъ ясной и свободной отъ таинственной иглы. Такому любопытству беретъ удовлетворить лежащая передъ нами книга—«Исторія франк-массонства», написанная издателемъ массонскаго журнала «Die Bauernhütte» (Строительная ложа), слѣдовательно, человѣкомъ вполне компетентнымъ относительно вѣрной передачи и полноты фактовъ. Обширный трудъ Финделя, являющійся пока въ одномъ томѣ, можетъ быть оцѣненъ по достоинству только тогда, когда мы представимъ себѣ всѣ трудности, съ которыми по необходимости сопряжено собраніе матеріаловъ, историческихъ документовъ и уставовъ массонскаго братства. Массоны разсѣяны чуть не по всѣмъ частямъ свѣта и соединены въ отдѣльныя массонскія ложи, организація которыхъ основана на полнѣйшей автономіи и самоуправленіи, такъ что каждая ложа имѣетъ свою историческую судьбу и свое законодательство. Всѣ онѣ подчинены, правда, великой ложѣ, составленной изъ представителей или депутатовъ отъ отдѣльныхъ ложъ. Но великая ложа пользуется только административною властью и наблюдаетъ за исполненіемъ законовъ, издаваемыхъ каждой ложею въ отдѣльности, и такъ называемыхъ *основныхъ законовъ*, которые обязательны для всего братства и носятъ на себѣ печать неприкосновенной исторической традиціи. Такимъ образомъ, матеріаловъ для исторіи франк-массонства приходилось искать всюду, гдѣ только были массонскія ложи, нужно было имѣть доступъ ко всѣмъ библіотекамъ, казеннымъ и частнымъ въ тѣхъ городахъ, гдѣ предполагалось существованіе исчезнувшихъ ложъ, сносятся, наконецъ, со всѣми братьями, въ рукахъ которыхъ могли находиться важные документы и извлекать ихъ часто съ большими неудобствами на божій свѣтъ. Последнее обстоятельство не особенно затрудняло Финделя, такъ какъ онъ самъ массонъ и, какъ редакторъ массонскаго журнала, находился въ сношеніяхъ со многими членами братства. На этомъ основаніи его «Исторія» чрезвычайно богата фактами и изобилуетъ такими подробностями,

которыя могли-бы ускользнуть отъ всякаго историка не массона. Но если трудъ Финделя ничего не оставляетъ желать лучшаго со стороны документальной, то нельзя не замѣтить все-таки, что онъ мало выясняетъ характеръ и внутренней смыслъ дѣятельности массоновъ. Фактовъ въ нихъ очень много; они изложены съ обстоятельностью и подробностями, нѣсколько даже излишними для обыкновенныхъ читателей, для которыхъ достаточно имѣть лишь общее понятіе о дѣлахъ, преслѣдуемыхъ этимъ обществомъ. Но эти факты освѣщаютъ франк-массонство больше съ формальной стороны, касаются лишь внѣшнихъ событій, такъ или иначе связанныхъ съ ними. Мы найдемъ въ сочиненіи Финделя безчисленныя описанія преслѣдованій, которымъ подвергались массоны, борьбы съ враждебными имъ обществами, организаціи массовскихъ ложъ, подробную исторію ихъ мистическаго законодательства, но изъ-за чего возникали эти преслѣдованія, какая связь существовала между ихъ регламентаціями и направленіемъ ихъ дѣятельности, чему учили и что дѣлали они въ различныхъ государствахъ и частяхъ свѣта—на эти вопросы Финдель не даетъ положительнаго отвѣта. Прочитавъ первый томъ его сочиненія, мы едва-ли получимъ удовлетворительное понятіе о томъ, гдѣ таится историческое начало франк-массонства и какимъ образомъ изъ простой рабочей артели каменщиковъ, носившей первоначально цеховое устройство съ строго-іерархическимъ порядкомъ управленія, возникло массонское братство, вдругъ отбросившее вопросы насущнаго существованія и презрѣнную прозу ради возвышенныхъ идеаловъ общественной доблести. Такой переходъ долженъ былъ совершиться естественно и постепенно и намъ кажется, что внимательное изслѣдованіе при томъ запасѣ фактовъ, которыми обладаетъ Финдель, могло-бы найти сокровенныя нити, соединяющія начало франк-массонства, какъ строго-замкнутую корпорацію, съ его современнымъ состояніемъ.

Первые слѣды массонства Финдель находитъ около XIII или XIV столѣтія въ Германіи; тамъ оно окрѣпло и оттуда распространилось по всемъ государствамъ, найдя особенно благоприятную почву въ Англіи, гдѣ поэтому издавна существовала великая ложа, державшая въ своихъ рукахъ административную власть. Позже всего, кажется, массонство проникло въ Америку (въ Филадельфію), и не мудрено, что въ этой странѣ всевозможныхъ сектъ, религіозныхъ и социальныхъ обществъ, и кружковъ, поглотившихъ огромную массу американскихъ умовъ, массонство не имѣло большаго успѣха. Массонство

провозгласило своимъ догматомъ религіозную терпимость, но оно далеко равнодушно относилось къ формамъ общежитія и социальнымъ доктринамъ. Оно не могло коротко и ясно формулировать ихъ и потому не оказало притягательной силы на эксцентричный умъ янки, который ищетъ во всякой сектѣ опредѣленной фізіономіи, очерченной часто съ нелѣпою рѣзкостью. Притомъ большинство американскихъ сектъ никогда не ограничивается однимъ религіознымъ характеромъ, напротивъ, всегда является простой примѣсью и окраской общественныхъ тенденцій. Но разъ убѣжденный въ справедливости извѣстнаго общественнаго принципа, американецъ отставляетъ его съ круплезнаю мелочностью и ни за какія блага не разстанется съ самой маловажною его стороною, тѣмъ болѣе ради цѣлей масонства, смутныхъ и расплывающихся въ какую-то общую, избитую добродѣтель.

Въ Польшу и Россію масонство проникло въ первой половинѣ XVIII столѣтія. Финдель говоритъ, что уже около 1732—34 гг. въ Петербургѣ существовала масонская ложа, которою руководилъ въ качествѣ провинціального великаго мастера генералъ Кейтъ. Въ царствованіе Елисаветы масонство распространялось смѣлѣе, хотя собранія масонскихъ ложъ происходило рѣдко и секретно, «даже на чердакѣ одного уединеннаго дома». Финдель, со словъ Поляка, автора одной нѣмецкой книги о масонствѣ, рассказываетъ, что императоръ Петръ III подарилъ будто-бы домъ одной петербургской ложѣ «Постоянство» и даже самъ принималъ участіе въ масонскихъ собраніяхъ. Но первая правильная ложа организована была въ Петербургѣ въ 1771 году подъ именемъ «Совершенное единство». Въ ней приняли участіе, по большей части, проживавшіе въ Петербургѣ англійскіе купцы, но затѣмъ она стала наполняться и русскими дворянами, и вельможами; и изъ нихъ сенаторъ Елагинъ, какъ извѣстно, былъ самымъ дѣятельнымъ членомъ, такъ-что великая англійская ложа прислала ему патентъ на званіе провинціального великаго мастера въ россійской имперіи. Елагинъ съ необыкновеннымъ рвеніемъ предался масонской пропагандѣ и, благодаря его усиліямъ, въ 1783 г. въ Петербургѣ существовало уже двѣнадцать ложъ, между которыми была особенно замѣчательна великая національная ложа съ самимъ Елагинымъ во главѣ. О дальнѣйшей судьбѣ масонства въ Россіи Финдель не сообщаетъ опредѣленныхъ извѣстій, но приводитъ на этотъ счетъ любопытныя замѣчанія одного нѣмецкаго путешественника, посѣтившаго Петербургъ и Москву. «Русскіе, говоритъ ав-

торъ путевыхъ замѣтокъ,—такъ горячо набросился на этотъ союзъ, что ихъ горячность дѣйствительно слѣдовало ограничить, тѣмъ болѣе, что истинныя цѣли его большею частью упускались изъ виду, а въ союзѣ видѣли рядъ ширшествъ, дорогія игрушки и даже возможность дѣлать финансовыя операціи. Здѣсь можно было убивать скучное время подъ заманчивымъ покровомъ тайны, удовлетворять любовь къ пышности уборами высокихъ и высшихъ степеней, а нѣкоторымъ — пополнить недочеты своей кассы. При приѣмахъ думали и хлопотали только о томъ, чтобъ было побольше приѣмныхъ взносовъ, которые шли затѣмъ неизвѣстно куда. Однако распространение масонства, даже въ его крайне-испорченной формѣ, неоспоримо имѣло то выгодное вліяніе на русское общество, что сближало сословія, полагало основы большей общительности, — отчего во многомъ выигрывала русская знать, — оно распространяло принципы, которые, конечно, не оставались безъ благотѣльнаго дѣйствія на нравственность и характеръ членовъ. Впрочемъ, между нерусскими ложами, говорятъ, были такія, которыя были способны поселить величайшее уваженіе къ масонству и которыя весьма благотѣльно дѣйствовали на образованіе своихъ членовъ. Общество достигло такого блеска, какого оно достигало только въ Англіи и Швеціи. Выстроенъ былъ собственный домъ, совершенно по масонскому плану; всѣ знали о существованіи ложъ; отъ имени ихъ учреждались разныя заведенія; былъ даже случай, что одного брата (масона) понесли изъ церкви съ масонскими торжественными обрядами. Въ бытность короля шведскаго Густава III въ Петербургѣ ложи почти открыто устраивали празднества, на которыхъ присутствовалъ король со многими лицами изъ своей свиты. Какъ, значить, довѣряла Екатерина этому обществу, когда все это происходило прямо передъ ея глазами и она, повидимому, нисколько не беспокоилась!»

Второй томъ сочиненія Финделя долженъ быть любопытнѣе, такъ-какъ авторъ излагаетъ тамъ новѣйшую исторію масонства и его современное состояніе въ различныхъ странахъ. Кромѣ того издатель обѣщаетъ приложить къ нему подробный очеркъ исторіи масонства въ Россіи, составленный на основаніи напечатанныхъ уже сочиненій. Въ этомъ-то очеркѣ и заключается собственно весь интересъ для русскихъ читателей и издатель поступилъ-бы гораздо благоразумнѣе, если-бы онъ, вмѣсто того, чтобъ дѣлать этотъ очеркъ приложеніемъ къ пространному сочиненію Финделя, подробнѣе развилъ-бы исторію русскаго масонства и приложилъ къ ней въ видѣ крат-

каго очерка или вступительнаго предисловія исторію массонства западно-европейскаго на основаніи данныхъ того-же Финделя. Вѣроятно, это значительно уменьшило-бы объемъ книги и дало-бы возможность понизить цѣну, которая теперь (5 р.) не совсѣмъ вѣрно разсчитана на средства читающей публики.

Очерки Верхней Татаріи Ярканда и Кашгара. Соч. Роберта Ша, великобританскаго комиссара въ Ладакѣ. Спб. 1872 г.

Если любознательный читатель желаетъ ознакомиться съ этими далекими и неизвѣданными странами, ему, вѣроятно, легче будетъ дойти туда пѣшкомъ, чѣмъ пропутешествовать по всѣмъ страницамъ этой утомительно-скучной и безцѣльной книги. Обыкновенно мотивами путешествій служатъ научныя цѣли, географическія изысканія, желанія изслѣдовать природу новой страны, изучить нравы ея обитателей, наконецъ, чисто индивидуальныя побужденія, бездѣлье, жажда контрастовъ и сильныхъ ощущеній, потребность разсѣяться и т. д. Но что заставило почтеннаго Роберта Ша покинуть родной очагъ, ради какой-нибудь Верхней Татаріи? рѣшить мудрено. Онъ собирается въ путь, очевидно, съ нахмуреннымъ челомъ и озабоченнымъ видомъ, запасшись, разумѣется, прежде всего несмѣтнымъ количествомъ писчей бумаги, изъ которой онъ такъ удачно выковалъ свое смертоносное оружіе на страхъ злополучному рецензенту. Ничего не можетъ быть мучительнѣе пытки, когда человѣка одолеваетъ сонъ и ему мѣшаютъ сомкнуть глаза. Такое-же состояніе испытывали и мы во время чтенія этихъ записокъ, которое мы начали и окончили съ зѣвотой. Предпринимая свое путешествіе, авторъ точно нарочно завязалъ себѣ глаза и заткнулъ уши, чтобы ничего не видѣть и не слышать и какъ можно дольше просидѣть въ своемъ кабинетѣ и испачкать свою записную книжку. Онъ проходитъ мимо природы и людей совершенно новой страны, куда, со времени блаженной памяти Марко Поло, судьба не завозила ни одного почти европейца, за исключеніемъ нѣмецкаго путешественника Шлагинтвейта, поплатившагося за свою отвагу смертью, да нѣкоторыхъ русскихъ, которые попадали туда нечаянно и старались, какъ можно

скорѣе, убраться отъ свирѣпой подозрительности дикихъ обитателей Восточнаго Туркестана. Извѣстія о Яркандѣ и Кашгарѣ въ высшей степени скудны и даже географическое положеніе этихъ странъ до сихъ поръ не опредѣлено въ точности, вслѣдствіе необыкновенныхъ трудностей, съ которыми сопряжено ихъ изслѣдованіе. Съ одной стороны неизвѣстность мало изслѣдованнаго пути, съ другой крайнее недовѣріе туземцевъ къ иностранцамъ и боязнь какихъ-либо враждебныхъ съ ихъ стороны намѣреній. Малѣйшаго повода достаточно, чтобы заронить подозрѣніе въ душу туземныхъ правителей, и тогда любознательному путешественнику грозитъ или вѣчное заточеніе или смертная казнь. Шлагинтвейта постигла послѣдняя участь за одно неосторожное слово, сказанное имъ въ дружеской бесѣдѣ съ тогдашнимъ яркандскимъ и кашгарскимъ правителемъ, Вилле-Ханомъ. Нѣмецкій путешественникъ проникъ въ эти страны въ то время, когда туземцы отвоевывали ихъ у китайцевъ, распространившихъ свое господство вплоть до западнаго Туркестана и границы русскихъ владѣній. Шлагинтвейтъ посѣтилъ главнаго полководца Вилле-Хана, ставшаго потомъ правителемъ, въ то время, когда ему удалось отнять у китайцевъ маленькую цитадель Кашгаръ. На вопросъ Шлагинтвейта, сколько длилась эта осада, Вилле-Ханъ отвѣчалъ: «три мѣсяца.» «О! сказалъ Шлагинтвейтъ, мои земляки взяли-бы эту крѣпость въ три дня.» «Правда» проговорилъ Вилле-Ханъ и велѣлъ увести собесѣдника и отрубить ему голову. Шлагинтвейта привели къ берегамъ рѣки Кашгара и тамъ казнили, послѣ чего обшарили его карманы и нашли въ нихъ, къ великому изумленію, часы и компасъ. Вилле-Ханъ былъ вскорѣ низложенъ Аталыкомъ, теперешнемъ правителемъ, который, по отзывамъ его подданныхъ, несравненно мягче нравомъ и любезнѣе своего предшественника. Однако и онъ не совсѣмъ охотно допускаетъ въ свои земли иностранцевъ и старается всѣми способами затруднять ихъ путешествіе. Но, благодаря какому-то счастливому стеченію обстоятельствъ, Робертъ Ша получилъ безпрепятственный пропускъ во владѣнія Аталыка, посѣтилъ Верхнюю Татарію, Яркандъ и Кашгаръ, гдѣ удостоивался особыхъ милостей и вниманія со стороны правителя, что изумило и самого путешественника, такъ какъ онъ объявилъ, что пріѣхалъ къ великому Хану просто въ качествѣ частнаго человѣка, много слышавшій о его военныхъ подвигахъ и необъятной государственной мудрости. Роберту Ша стояло, однако, большого труда и хлопотъ добраться до Кашгара и получить доступъ къ Аталыку и во все время

своего путешествія онъ, повидимому, ни о чемъ не думалъ и ни къ чему не стремился, лишь-бы поскорѣе лицезрѣть ханскую особу Аталыка и затѣмъ, какъ можно скорѣе, вернуться вспять, чтобы имѣть право сказать: «и я тамъ былъ.» Въ своихъ запискахъ онъ больше всего говоритъ о своей особѣ, о мучительныхъ минутахъ невѣстности, въ которой онъ находился до свиданія съ Аталыкомъ, о своихъ опасеніяхъ и надеждахъ, такъ что послѣ его путешествія, мы познакомились, вмѣсто Кашгара и Ярканда, съ личностью Роберта Ша, до которой въ сущности никому, кромѣ г. Хана, издавашаго эти глупыя записки, не можетъ быть никакого дѣла. Прицая сферу личныхъ ощущеній, Робертъ Ша дѣлается еще болѣе невыносимымъ, ибо когда принимается разсказывать съ ужасающей пунктуальностью, какъ видно по какому-то учебнику географіи, о племенахъ, населяющихъ Туркестанъ, съ мельчайшими ихъ подраздѣленіями и излагаетъ съ мертвящимъ школьнымъ педантизмомъ ихъ исторію, сконцентрировавъ въ ней весь ядъ убійственной скуки.

Исторія Турціи отъ побѣды реформы въ 1826 году до парижскаго трактата въ 1856 году. Д. Г. Розена. Въ двухъ частяхъ. Пер. съ нѣм. Спб. 1872 г. Ц. 3 р. 25 к.

Вполнѣ оригинальный трудъ Розена составленъ на основаніи официальныхъ документовъ, хранящихся въ тайномъ государственномъ архивѣ Порты, и частныхъ, и рукописныхъ источниковъ. Матеріалъ этотъ обработанъ Розеномъ безукоризненно, безъ рабскаго довѣрія буквѣ дипломатическихъ нотъ и отчетовъ, и дополненъ личными наблюденіями, которыя внесли въ его книгу свѣжую струю живого интереса и, безъ сомнѣнія, содѣйствовали разъясненію правды въ духѣ полного безкорыстія свободы изслѣдованія. Сочиненіе Розена обнимаетъ самый любопытный періодъ исторіи Турціи, когда реформы султана Махмуда, ея величайшаго преобразователя, вывели ее на путь сближенія съ европейскими государствами, но своимъ неправильнымъ ходомъ доставили ей, однако, весьма незавидное мѣсто вѣчно умирающаго «больного челоуѣка», котораго подвергаютъ вотъ уже 50 лѣтъ дипломатическимъ операціямъ и никакъ не могутъ исцѣлить. Любопытно прослѣдить исторически развитіе хроническаго недуга, который превратилъ организмъ Турціи въ заживо разлагаю-

щійся трупъ и съ минуты на минуту готовъ принять острое теченіе, чтобы положить, наконецъ, предѣлъ ея жалкому политическому прозябанію. Не историческій фатумъ, не стеченіе роковыхъ обстоятельствъ довели Турцію до ея настоящаго состоянія, какъ нерѣдко размышляютъ историкъ и мудрые политики, когда зайдетъ рѣчь о ея судьбѣ и ожидающей ее въ будущемъ участи. Главныя причины политическаго разложенія Турціи вполнѣ опредѣлены и исключаютъ необходимость ссылки на слѣпую силу историческаго рока. Хотя Розень не высказывается на этотъ счетъ опредѣленнымъ образомъ, но, прочтя его сочиненіе, можно придти къ выводу, что эти причины укладываются въ двѣ рѣзкія категоріи. Съ одной стороны, слѣпая непослѣдовательность и двусмысленное, боязливое продолженіе реформы, начатой Махмудомъ II; трусость и колебаніе его продолжателей, прикрывавшихъ либеральными полумѣрами внутренній азіатскій застои и полнѣйшая неспособность турецкой администраціи, которая, съ теченіемъ времени, рѣшительно утратила всякую силу дѣйствовать по собственной инициативѣ и ничего не предпринимала иначе, какъ по заказу своекорыстной европейской дипломатіи. Всѣ реформы, предпринятыя турецкимъ правительствомъ послѣ смерти Махмуда, внушены были не сознаниемъ дѣйствительныхъ нуждъ страны, но желаніемъ угодить западно-европейскимъ державамъ, изъ боязни лишиться ихъ расположенія и покровительственной защиты. Но каждая изъ державъ - покровительницъ, въ награду за свои мнимыя услуги, предписывала турецкому правительству слѣдовать политикѣ, которая была выгодна только ей самой и часто вредила истиннымъ интересамъ Порты. Меттернихъ думалъ соорудить изъ нея могущественный оплотъ противъ замысловъ Россіи, и предлагалъ турецкимъ властямъ въ руководство свою систему утонченнаго абсолютизма. Кабинетъ Люи-Филиппа тянулъ на свою сторону. Англія, въ лицѣ Пальмерстона и особенно Каннинга, выкраивала Турцію по своему шаблону. Если присоединить еще вѣчный страхъ Турціи предъ могуществомъ русской державы, заставлявшій ее дрожать за каждый свой шагъ и раздумывать по поводу каждаго предложенія и плана, которыми осыпалъ ее услужливый Западъ, то мы составимъ себѣ полное понятіе о незавидномъ политическомъ положеніи Турціи въ то время, когда Махмудъ, путемъ кроваваго наслія, двинулъ ее на путь реформъ въ общеевропейскомъ духѣ и завѣщалъ начатое имъ дѣло своимъ преемникомъ. Но это положеніе создано, однако, самою

Турціей, между тѣмъ, какъ западно-европейскія державы лишь воспользовались имъ для своихъ цѣлей. Послѣ того, Махмудъ II открылъ своими реформами новую, прогрессивную эру въ исторіи Турціи, и возвратъ къ прошедшему для нея сталъ невозможенъ. Онъ лишилъ партію стараго порядка всякой силы и значенія жестокой расправой съ янычарами, игравшими роль преторіанской когорты древнихъ римлянъ, потому что, за исключеніемъ ея, масса населенія не могла оказать активнаго сопротивленія прогрессивнымъ замысламъ правительства. Такимъ образомъ, послѣ Махмуда дѣло реформы было значительно облегчено для его продолжателей; отъ нихъ требовалось лишь пониманіе истинныхъ потребностей населенія. Но этого-то у нихъ и не было, хотя они чувствовали какой-то зудъ, какую-то странную охоту толкать Турцію на встрѣчу новому времени, а знаменитый въ то время турецкѣи премьеръ Рашидъ-паша додумался даже до необходимости дать своимъ соотечественникамъ англійскую конституцію (!), послѣ того, какъ онъ случайно посѣтилъ Лондонъ и нѣсколько разъ побывалъ въ парламентѣ. Эта курьезная конституція, неимѣвшая никакого отношенія къ жизни турецкаго населенія, больше озадачила его, какъ странная диковинка, чѣмъ обрадовала или опечалила. Самый текстъ ея исполненъ смѣшныхъ нелѣпостей и дѣтски-добродушной наивности ея составителя, серьезно придававшего клочку написанной имъ бумаги необыкновенную важность. Товарищи Решида-паши пока сами не знали, какимъ образомъ ввести *de facto* политическія льготы, дарованныя народу, но, послѣ продолжительныхъ преній, пришли къ тому убѣжденію, что такъ-какъ народъ ничего не смыслитъ въ представительной формѣ правленія, то оно само произведетъ выборъ депутатовъ и назначить, кому засѣдать въ палатѣ. Это совершилось безъ всякихъ заднихъ цѣлей и ничего не имѣло общаго съ извѣстной системой официальныхъ кандидатуръ Наполеона III. Когда составилаь эта знаменитая палата, ни одинъ изъ ея членовъ не проронилъ ни одного слова втеченіи всего періода засѣданій вслѣдствіе совершеннаго невѣденія, какъ и ради чего очутились они на депутатской скамьѣ. «Да и сами министры, прибавляетъ Розенъ, — вовсе не были расположены слушать мнѣніе этого кратчайшаго изъ всѣхъ депутатскихъ собраній о положеніи провинцій; диванъ и безъ него зналъ, что вездѣ въ государствѣ царствуютъ нужда и бѣдствіе, и что для серьезныхъ улучшеній, вмѣстѣ съ необходимыми для этого средствами, недоставало доброй воли». Англійская пресса восхваляла, однако, турецкій либерализмъ и объ-

явила этотъ актъ началомъ новой, спасительной эры въ политической жизни Турціи, но люди, понимавшіе дѣло, называли конституцію Рашида комедіей или говорили о немъ, что онъ начинаетъ съ хвоста. Турецкая конституція была тѣмъ комичнѣе, что рядомъ съ нею продолжалъ существовать безграничный произволъ и известный обычай *шелкового шурка и отравленнаго кофе*, хотя на словахъ конституція и осудила этотъ обычай. Розенъ очень хорошо оцѣнилъ эту конституцію, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ думаетъ, что турецкій народъ самъ по себѣ неспособенъ къ европейской цивилизаціи; онъ полагаетъ, что реформа Махмуда, имѣвшая цѣлью ввести Турцію въ семью европейскихъ государствъ, потерпѣла неудачу не столько по неспособности администраціи, сколько по несчастной національной природѣ турокъ. Онъ говоритъ: «Суровыя начала реформы Махмуда, въ чемъ я охотно признаю, спасли государство, которое, казалось, безъ нихъ было обречено погибѣли; но дальнѣйшее развитіе, подробная ихъ разработка, только въ теоріи соответствуетъ тѣмъ искреннимъ надеждамъ, связаннымъ съ первыми успѣхами. Способнымъ къ жизни, въ высшемъ значеніи слова, хвръющее государство оттого не сдѣлалось. Какъ человекъ спасается вѣрою, а не добрыми дѣлами, такъ и государство преуспѣваетъ расположеніемъ гражданъ къ общему благу, а не законами. Ни у правителей, ни у управляемыхъ, за исключеніемъ двухъ, трехъ лицъ, я до сихъ поръ не встрѣчалъ такого расположенія». Эта мистическая теорія, обрекающая цѣлый народъ на неминуемую смерть ради какого-то политическаго фатализма, не имѣетъ рѣшительно никакого основанія. Народъ, живущій подъ гнетомъ рабства, въ невѣжествѣ, безъ всякихъ общественныхъ узъ и даже безъ всякой мысли о нихъ, не можетъ сохранить расположеніе къ общему благу. Но по отношенію къ Турціи, эта теорія совершенно излишня, потому что неудачное продолженіе Махмудовской реформы совершенно удовлетворительно объясняется неумѣlostью правительства, заявившему себя цѣлымъ рядомъ самыхъ негѣпыхъ политическихъ мѣръ и непровѣтныхъ ошибокъ. Но главная причина неуспѣшности попытокъ прививать къ Турціи начала европеизма заключается въ томъ, что турецкое правительство, осуществляя свои политическія воззрѣнія, взятая, впрочемъ, на прокатъ у чужихъ націй, упустило изъ вида самое главное, оставивъ за исламомъ его исконное гражданское значеніе. Турки въ этомъ отношеніи напоминаютъ евреевъ; если въ послѣднемъ случаѣ общее европейское развитіе встрѣчаетъ себѣ помѣху со стороны юдаизма,

то у турокъ онъ затрудняется исламомъ. До тѣхъ поръ, пока изъ Талмуда не выдѣлится политическій элементъ, пока евреи не начнутъ признавать за нимъ только религіозное значеніе, они не сдѣлаютъ ни одного прочнаго шага по пути общечеловѣческаго прогресса, и точно также для турокъ восточная цивилизація не утратитъ своего обаянія до тѣхъ поръ, пока они не перестанутъ считать коранъ политическимъ кодексомъ. Отдѣленіе церкви отъ государства въ широкомъ смыслѣ слова — вотъ за какую реформу прежде всего должны-бы были взяться рьяные преобразователи Турціи. Махмудъ, котораго справедливо сравниваютъ съ Петромъ Великимъ, очень хорошо понималъ свою задачу. Не вступая въ открытый разрывъ съ исламомъ, онъ ясно обнаружилъ, однако, стремленіе ограничить его вмѣшательство въ политическую жизнь народа. Онъ истреблялъ янычаровъ, какъ охранителей священной старины и традиціоннаго культа ислама, какъ людей, которые всего больше могли мѣшать его преобразовательнымъ планамъ и постоянно тормозили-бы дѣло нарождавшагося прогресса. Въ одномъ мѣстѣ своего фирмана, изданнаго послѣ истребленія янычаровъ, Махмудъ открыто обвиняетъ магометанское духовенство въ зломъ умыслѣ противъ своихъ начинаній. «Они (т. е. янычары) истреблены, говорится въ фирманѣ, и спокойствіе и порядокъ господствуютъ опять; каждый честный человекъ долженъ за то благодарить Бога. При всемъ томъ есть, однако, безпокойныя головы, которыя, подъ видомъ религіозной ревности, тайно способствуютъ дѣлу возмутителей. Къ нимъ присоединяются жены казненныхъ, ведущія повсюду непозволительные и дерзкіе разговоры. Особенно успѣшно распространяютъ такіе возмутители пожары, которые каждый истинный мусульманинъ долженъ-бы принимать, какъ божіе наказаніе и знакъ къ раскаянію». Затѣмъ слѣдуетъ приписка, очень хорошо характеризующая безхитрость и наивную свирѣпость восточнаго абсолютизма. «Съ сегодняшняго дня, продолжаетъ Махмудъ, — шпионы правительства будутъ въ совершенно незамѣтной одеждѣ посѣщать разныя части города, равно и женщины, также переодѣтыя, будутъ проникать въ частныя дома и общественныя бани и т. д., и подслушивать разговоры. Если кто, мужчина или женщина, большой или малый, осмѣлится распространять ложные слухи или вести возмутительныя рѣчи, то долженъ немедленно быть схваченъ, ему не будетъ оказано ни милости, ни отсрочки, не возметса во вниманіе никакая протекція, не будутъ услышаны никакія просьбы, никакое заступничество... Мужчины и женщины, какого-бы состоянія ни были,

будутъ арестованы, и чтобы внушить страхъ другимъ, *мужчины* немедленно будутъ казнены, а *женщины* удушены и трупы ихъ брошены въ море». Махмудъ, не задумываясь, уничтожилъ цѣлую секту дервишей (бекташи) за ихъ чрезмѣрную религіозную ревность, но такъ какъ народъ за это—то качество особенно уважалъ ихъ, то Махмудъ обвинилъ ихъ въ сочувствіи янычарамъ и отдалъ официальное приказаніе изгнать ихъ въ Малую Азію, но лишь только они покинули городъ и скрылись изъ виду черни, ихъ передушили до одного, прежде чѣмъ они достигли мѣста своего изгнанія. Махмуда, какъ и Петра Великаго, упрекаютъ въ кровожадности и дикомъ безправіи, въ которомъ онъ дѣйствительно превзошелъ всѣхъ своихъ предшественниковъ изъ османской династіи, но нельзя не примириться, однако, съ этимъ обстоятельствомъ въ виду великихъ задачъ, осуществленію которыхъ онъ посвятилъ всю свою жизнь, и постоянного предпочтенія общаго блага своимъ частнымъ выгодамъ, какъ это между прочимъ онъ доказалъ замѣчательнымъ для своего времени и его народа фирманомъ объ уничтоженіи права короны на наследство, оставшееся послѣ смерти сановниковъ. Послѣдователи Махмуда отличались, напротивъ, изысканной гуманностью и внѣшнимъ лоскомъ европейской цивилизаціи, но бездарность была ихъ выдающимся качествомъ и они не только не двинули дальше реформу Махмуда, но, что хуже всего, ступевали ее своими полумѣрами, закрывъ народу возвратъ къ своему прежнему состоянію и мѣшая ему въ то-же время идти впередъ. Это, конечно, самое ужасное и безнадежное изъ всѣхъ положеній, въ которомъ только можетъ находиться народъ. Существуетъ довольно распространенное мнѣніе, что для Турціи теперь остается лишь одинъ исходъ: сбросить съ себя скорлупу внѣшней европейской цивилизаціи и удалиться въ азіатскія степи, чтобы оживить свой духъ, искалеченный политическими экспериментами и неуѣлыми попытками привить къ нему жизненные начала общечеловѣческаго прогресса. Въ этой мысли много правды; по крайней мѣрѣ, Турція ничего не потеряла-бы, если-бы она предпочла призрачную тѣнь западно-европейской цивилизаціи первобытному варварству древняго востока. Но и этого счастья ее лишили, однако, узколюбые ревнители ея прогресса. Турецкая администрація находится теперь въ такомъ положеніи, что она не въ состояніи двинуться ни впередъ, ни назадъ, и переживаемый ею періодъ этого зловѣщаго затихія служитъ самымъ вѣрнымъ признакомъ неизбежнаго разложенія Турціи. Въ заключеніе своего предисловія Розенъ совершенно справедливо

говоритъ, что, « какъ азіатское государство, Порта можетъ продолжать свое существованіе, но какъ европейское — оно падеть. Западно-европейскія державы доказали своей дипломатіей, что и они инстинктивно сознаютъ это; ихъ видимое участіе и покровительство, оказываемыя Турціи, напоминаютъ нетерпѣливое, но скрытное ожиданіе племянника кончины богатаго дядюшки, оставляющаго послѣ себя богатое наслѣдство. Ухаживанье западно-европейской дипломатіи и составляетъ вторую причину того порядка дѣлъ, который неизбежно долженъ привести Турцію къ гибели. Сочиненіе Розена и посвящено собственно этой печальной сторонѣ турецкой исторіи; оно подробно излагаетъ первоначальную завязку и дальнѣйшій ходъ покровительственнаго вмѣшательства Европы въ дѣла Турціи, равно какъ и всѣ махинаціи и приемы дипломатіи, рассчитанные такъ искусно на постепенное, но тѣмъ вѣрнѣйшее уничтоженіе Турціи.

НЕИЗВѢСТНАЯ СТРАНА.

Народы Россіи, этнографическіе рассказы для дѣтей В. А. Александрова. С.-Петербургъ, 1872 г.).

Говорятъ, что нѣмцы усидчивы, что у нихъ есть Sitzfleisch. Но никто не отличается такою усидчивостью какъ мы, русскіе. Только наша усидчивость очень сильно отличается отъ нѣмецкой. У нѣмцевъ усидчивость—добродѣтель; у насъ одинъ изъ самыхъ коренныхъ пороковъ. Нѣмецъ усидчивъ въ трудѣ; мы просто усидчивы на мѣстѣ. Мы, какъ одинъ изъ нашихъ богатырей, готовы просидѣть тридцать лѣтъ въ какомъ угодно захоластѣ и не знать даже того, что дѣлается за чертою этого вороныаго гнѣзда. Загляните въ какое угодно государство и вы на каждомъ шагу встрѣтите людей и изъ необразованныхъ и изъ образованныхъ, которые знаютъ не только каждую достопримѣчательность своего родного города, каждый его дѣтскій пріютъ, каждую его образцовую школу, каждый музей, каждую фабрику; которые не только знакомы со всѣми его окрестностями, но даже могутъ рассказать, какъ выглядятъ, чѣмъ отличаются, чѣмъ замѣчательны главные города и села ихъ отечества. Рѣдкій нѣмецъ, французъ, англичанинъ или американецъ не посвятилъ двухъ-трехъ лучшихъ лѣтъ своей жизни, времени своего полного развитія, путешествію по родному краю. Въ числѣ подобныхъ путешественниковъ вы встрѣтите богатаго лорда или напыщеннаго нѣмецкаго фонъ такого-то, вы увидите голубоглазаго бурша въ крошечной шапочкѣ, надѣтой на бекрень, съ котомкою за плечами, или блузника въ тяжелыхъ башмакахъ, везущаго на маленькой телѣжкѣ свои инструменты и свой скарбъ. Всѣ эти люди въ экипажахъ, въ вагонахъ желѣзныхъ дорогъ и пѣшкомъ колятся изъ конца въ конецъ по своему отечеству, то соря деньгами, то расчитывая и иногда даже зарабатывая каждый грошъ во время своего путешествія. Этотъ конецъ образованія, этотъ послѣдній предметъ изученія считается почти необходимымъ для cadaго, кто хочетъ приносить пользу своей

родной странѣ, кто хочетъ работать среди своего родного народа. Для рабочихъ же, напримѣръ, въ Германіи, уже съ 16-го столѣтія дѣлается обязательнымъ путешествіе по родной странѣ втеченіи 5 лѣтъ. Иначе рабочій не можетъ сдѣлаться мастеромъ. Это имѣло громадное значеніе для развитія рабочихъ и здѣсь мы находимъ первые зародыши ассоціацій, тѣхъ народныхъ ассоціацій, которыя пережили цѣлые вѣка. Общество „Compagnonnage“ разныя Gesellengenossenschaften и значительная часть Friendly Societies обязаны своимъ существованіемъ этому обычаю путешествовать, который хотя и не былъ обязательнымъ, напримѣръ, въ Англіи, но de facto существовалъ и въ ней съ 16-го столѣтія. Никакія книги, никакія лекціи не замѣняютъ этого личнаго знакомства съ бытомъ страны, съ положеніемъ общества, съ потребностями народа въ данную минуту. Тутъ нужны самостоятельныя наблюденія, тутъ нужно все видѣть своими глазами, все осязать своими пальцами. И какія книги, какія лекціи могутъ такъ освѣжительно повліять на человѣка, какъ общеніе съ живыми людьми, какъ столкновение съ живою дѣйствительностью? Здѣсь и горе и радости, и надежды и опасенія высказываются безъ всякихъ тенденціозныхъ натяжекъ; здѣсь они сами мечутся въ глаза, поражаютъ слухъ, хватаютъ за сердце. Послѣ тысячи разнообразныхъ столкновеній, послѣ сотенъ неожиданныхъ сценъ, послѣ толковъ съ десятками личностей, умъ научается быстрѣе читать въ сердцахъ людей, кругозоръ человѣка становится шире, человѣкъ начинаетъ донскиваться причинъ тѣхъ или другихъ явленій, онъ подводитъ итогъ тѣмъ типамъ, изъ которыхъ сложилось извѣстное общество, онъ соображаетъ, насколько способно это общество стать на ту или на другую переходную ступень прогресса, онъ видитъ, чего недостаетъ большинству въ данную минуту, вообще—самъ человѣкъ во время долгаго путешествія изъ мечтающаго ребенка, изъ пламеннаго, но неопытнаго юноши, превращается въ самостоятельную, трезвую личность. Онъ мужаетъ. И какимъ благомъ является въ этомъ случаѣ то обстоятельство, что человѣкъ впервые становится въ этомъ случаѣ на свои ноги: здѣсь нѣтъ его вѣчно снисходительной, вѣчно потакающей, вѣчно охраняющей семьи; здѣсь нѣтъ его поддерживающаго и ободряющаго товарищества; здѣсь онъ не является царькомъ среди любящихъ личностей, засматривающихъ ему въ глаза, принаравливающихъ къ его вкусамъ, къ его характеру, къ его недостаткамъ, смѣющихся его смѣхомъ, плачущихъ его слезами; здѣсь никто не пропуститъ мимо ушей его грубости, никто не станетъ потакать его избалованнымъ прихотямъ, никто не проститъ его пошлости; однимъ словомъ, здѣсь нѣтъ ни опеки, ни покровительства. Это лучшая школа общезитія, это лучший

примѣръ той жизни, которая называется самостоятельной жизнью, т. е. жизнью свободною, безъ сгибанья спины передъ другими, безъ согнутыхъ спинъ передъ собою.

Въ эти годы иностранцы научаются сознательно любить родину, любить ее до того, что ихъ *дѣйствительно* интересуется каждая вѣсть о какомъ-нибудь событіи въ отдаленномъ углѣ ихъ отечества. Этотъ уголъ не представляется имъ уже какою-нибудь едва замѣтною точкою на маленькой географической картѣ, — нѣтъ, представленіе о немъ связывается въ ихъ умѣ съ представленіемъ объ извѣстной мѣстности, поразившей ихъ своимъ особеннымъ характеромъ, объ извѣстныхъ личностяхъ, вызвавшихъ въ нихъ тѣ или другія отрадныя или горькія впечатлѣнія, объ извѣстныхъ идеяхъ, надеждахъ и опасеніяхъ, высказанныхъ передъ ними когда-то въ этомъ углѣ. Да, это уже не незамѣтная точка на географической картѣ, а большой, оживленный городъ, съ радующимися или страдающими людьми, это то мѣсто, гдѣ, можетъ быть, былъ выпить „брудершафтъ“ съ какимъ-нибудь случайнымъ пріятелемъ-юношей, гдѣ какая-нибудь добродушная Hausfrau поднесла ему, усталому отъ дороги, кружку молока и простодушно и ласково распросила его, откуда онъ, есть-ли у него отецъ и мать, братья и сестры и въ то-же время рассказала, что и ея „буршъ“, ея Фрицхенъ, тоже вотъ уже полгода ходитъ по Германіи, пѣшкомъ, потому что они не богаты, а ему нужно было попутешествовать. Эти встрѣчи мелки, мимолетны, но онѣ навсегда соединяются въ памяти съ представленіемъ объ извѣстномъ уголкѣ и съ мыслью о немъ впоследствии пробуждается и ненависть и любовь, какъ съ мыслью обо всемъ родномъ и близкомъ. Случилось тамъ наводненіе, произошелъ тамъ пожаръ, погибли тамъ виноградники, коснулась этого мѣста война, — это уже не простое газетное извѣстіе, что гдѣ-то, что-то погибло, — нѣтъ, въ памяти человѣка воскресаетъ образъ *извѣстнаго* домика, *извѣстнаго* виноградника, *извѣстной* личности, пострадавшихъ отъ несчастія, и онъ уже не апатично и не безучастно складываетъ газетный листъ, а волнуется и тревожится, потому что это пострадали знакомые и близкіе ему предметы и лица.

Являясь общественнымъ дѣятелемъ, онъ можетъ всегда сказать: гдѣ и какъ примутъ его книгу, его распоряженіе; въ какомъ мѣстѣ онъ найдетъ поддержку, въ какомъ встрѣтитъ отпоръ. И тѣмъ сильнѣе развивается эта страсть къ знакомству съ своимъ отечествомъ, чѣмъ болѣе развивается въ людяхъ стремленіе къ общественной дѣятельности, чѣмъ сильнѣе въ нихъ желаніе быть самостоятельными, чѣмъ тверже укоренилось въ нихъ сознаніе необходимости идти къ извѣстной цѣли, содѣйствовать достиженію

извѣстныхъ идеаловъ, чѣмъ менѣе въ нихъ склонности жить спуста рукава, оставлять все на авось, на произволъ судьбы, на волю божию, считать за правило, что „день, да ночь и сутки прочь“, что „день пережить и слава Богу“, что „нужно терпѣть, покуда терпится“, что „не нами начато, не нами и кончится“, что „плетью обуха не перешибешь“ и „лбомъ стѣны не пробьешь“.

Гдѣ-нибудь въ Нью-Йоркѣ, въ этомъ обширномъ городѣ новаго свѣта, насъ, русскихъ, просто поражаютъ тѣ обширныя свѣденія о своемъ крайне разнообразномъ и оригинальномъ отечествѣ, которыми запаслись американцы. Какъ народъ вполне общежительный, они быстро знакомятся съ прїѣзжающими иностранцами и, познакомившись съ любимъ изъ американцевъ, вы можете быть увѣрены, что онъ вамъ расскажетъ все, что касается до Америки. Онъ укажетъ вамъ всѣ достопримѣчательности, онъ будетъ вашимъ чичероне на любой фабрикѣ, въ любой школѣ, въ любой тюрьмѣ, въ любомъ домѣ сумасшедшимъ. Онъ скажетъ вамъ, какія проповѣди говоритъ тотъ или другой проповѣдникъ. Онъ непременно свезетъ васъ на какой-нибудь миттингъ. Онъ считаетъ необходимою съѣздить куда-нибудь въ Филадельфію на женскій конгрессъ. Онъ считаетъ невозможнымъ не прочитать утромъ нѣсколькихъ газетъ. Его жизнь полна, полна до того, что ему некогда скучать, некогда сплетничать, некогда заниматься мелочными дразгами съ семьей, съ прислугой.

II.

Перенеситесь изъ Нью-Йорка, положимъ, въ Петербургъ, и вы увидите цѣлую массу людей, которые не бывали нигдѣ дальше Крестовскаго острова, которые не читаютъ никакихъ газетъ, которые не знаютъ, какъ выглядятъ и гдѣ находятся петербургскіе фабрики, заводы, тюрьмы, школы, гимназій, сумасшедшіе дома и больницы. Вы встрѣтите массу людей, которыхъ жизнь началась, проходитъ и кончится въ Петербургѣ и которые знаютъ только свою семью, школу, гдѣ они обучались, департаментъ, гдѣ они служатъ, дома двухъ-трехъ знакомыхъ, гдѣ они бывають, Александрино, гдѣ они хохочутъ надъ русскимъ канканомъ г. Озерова и передразниваніемъ мужиковъ г. Горбуновымъ. Посѣтите публичную бібліотеку, эрмитажъ, музеи горнаго института, академіи наукъ, сельскохозяйственный музей, засѣданія окружного суда, камеры мировыхъ судей, засѣданія вольнаго экономического общества

университетскіе диспуты, собранія благотворительныхъ обществъ и васъ поразитъ малочисленность присутствующей здѣсь публики; еще болѣе поразитъ васъ эта малочисленность, когда вы присмотритесь къ лицамъ посѣтителей, потому что вы тогда легко замѣтите, что большинство изъ этихъ лицъ одни и тѣ-же: это люди, незнающіе рѣшительно, какъ убить время, или газетные отмѣтки, являющіеся сюда по обязанности, или, наконецъ, тѣ люди, которые посѣтили разъ или два то или другое публичное мѣсто и сочли просто какимъ-то долгомъ безъ всякой цѣли, безъ всякой задней мысли проводить или, лучше сказать, убивать часть, другой въ этомъ мѣстѣ. Этимъ только и объясняется то обстоятельство, что иногда не могутъ даже состояться собранія акціонеровъ. Такъ 20-го сентября 1870 года въ астраханскомъ потребительномъ обществѣ на собраніе явились только 30 членовъ изъ 210 человѣкъ и собраніе не могло состояться. Тутъ склонность къ сидящей жизни въ своемъ углѣ взяла верхъ даже надъ матеріальными расчетами и 180 человѣкъ изъ 210 оказались такими безсребренниками, что согласились лучше потерпѣть денежные убытки, чѣмъ снять свои халаты и натянуть на себя скуртуви. А вѣдь и эти люди, пожалуй, толкуютъ о томъ, что у насъ будто-бы все идетъ дурно!

Этого мало; даже столичные театры, несмотря на свою малочисленность, поражаютъ своей пустотой. О провинціальныхъ театрахъ мы и не говоримъ: тамъ только и слышишь, что о банкротствахъ антрепренеровъ. Наша газетная пресса, поющая все съ чѣго-нибудь голоса и нисколько не заботящаяся о провѣрѣ своихъ извѣстій, стала, съ легкой руки князя Мещерскаго, въ послѣднее время толковать о развращеніи общества театрами гг. Берга и Егарева. Но если-бы она потрудилась провѣрить фактъ, то она увидала-бы, что ея разглагольствованія объ этихъ театрахъ являются просто рекламами, старающимися обратить вниманіе публики на эти театры, вниманіе, котораго нѣтъ на дѣлѣ. Эти театры наполняются только въ праздники, когда петербуржцы рѣшительно не знаютъ, какъ убить свое время. Они идутъ къ гг. Бергу и Егареву, какъ пошли-бы въ Александрино смотрѣть, какъ купецъ Иголкинъ шведовъ побиваетъ, какъ „Рука Всевышняго отечество спасла“, какъ г. Самойловъ-рѣге изображаетъ Ришельё или Ивана Грознаго, какъ г. Монаховъ изображаетъ нѣмца-булочника или какъ г. Пронскій показываетъ свои новые панталоны, не обладая ничѣмъ другимъ, что было-бы достойно вниманія публики. Это неоспоримый фактъ. Въ праздникъ утромъ вы увидите, что у гг. Берга и Егарева совсѣмъ не разобраны билеты и только послѣ семи часовъ, когда публика потеряла надежду достать

билетъ въ какой-нибудь другой театръ, она бросается къ кассѣ двухъ каскадныхъ балагановъ и успокоивается, заподличивъ возможность не помереть преждевременно со скуки въ праздничный вечеръ. Что дается въ этихъ балаганахъ—это ей все равно: идетъ ли тамъ скучнѣйшая и вполнѣ нравственная пьеса Адама, поютъ ли тамъ серьезныя аріи г-жа Циллеръ или г. Геронъ, поднимаетъ ли тамъ выше головы свои ноги декольтированная снизу Антуанета—публика наполняетъ театръ въ праздникъ. Но въ будни—въ будни въ этихъ театрахъ царствуетъ пустота, г-жа Фигнеръ, хозяйка театра Буффъ, можетъ переходить изъ ложи въ ложу, маленькая Софи Бергъ можетъ бѣгать по театру, играя въ прятки со своею нянею—онѣ дома, постороннихъ нѣтъ, если не считать посторонними двухъ трехъ кокотокъ, ожидающихъ выгоднаго посѣтителя и нѣсколькихъ аборигеновъ театра, появляющихся здѣсь какъ-бы по обязанности, вслѣдствіе грызущей ихъ скуки. Къ концу представленія исчезаютъ и кокотки, дождавшись выгоднаго посѣтителя или просто сообразивъ, что на сей разъ онѣ тщетно просидятъ въ ложѣ; уходятъ, зѣвая, и аборигены театра и иногда пьеса кончается передъ спинами десятка уходящихъ изъ театра скучающихъ смертныхъ и передъ лицомъ нѣсколькихъ полицейскихъ, радующихся концу спектакля. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда въ какой-нибудь бенефисъ хорошенькой актрисы всѣми неправдами заманять въ эти театры публику, вы увидите на лицахъ присутствующихъ такую скуку, такую тоску, что сразу поймете, что эти люди случайно попали, сюда, не зная, какъ и зачѣмъ. „Хоть-бы скандалъ какой-нибудь случился, думаютъ они.—Хоть-бы въ морду кто-нибудь даль сосѣду или свиснулъ-бы хорошенько“. Чтобы наэлектризовать, разшевелить эту публику нужны пьяные, оружіе во все горло при поднятіи ногъ Антуанеты, нужны буфетчики и буфетчицы, подающіе сигналъ къ аплодисментамъ послѣ пѣнія г-жи Циллеръ. Безъ этихъ подручныхъ, безъ этихъ семейныхъ клакѣровъ въ этихъ театрахъ царствовала-бы убійственная тишина. Одинъ французъ, посѣтившій наши общественныя гулянья и каскадные театры, совершенно вѣрно замѣтилъ, что въ Парижѣ люди веселѣе выглядятъ на похоронахъ. Это потому, что и на гулянья и въ каскадные театры мы идемъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда иной англичанинъ застрѣлился-бы отъ скуки. Наши фельетонисты не хотятъ этого знать, хотя это знаютъ всѣ барышники, не спѣшащіе закупать билеты въ театрахъ гг. Берга и Егарева.

Но эта апатія, это стремленіе сидѣть въ своемъ углѣ, не знать и не видѣть ничего, не интересоваться ничѣмъ, довольствоваться поговоркой: «моя изба съ краю — ничего не знаю» и думать обо

всемъ, начиная съ классическихъ и реальныхъ гимназій и кончая направлениемъ театровъ, что это „не наше дѣло“,—эта черта не есть отличительный признакъ петербуржцевъ, это характерный признакъ всѣхъ русскихъ. Мы не „путешествуемъ“ по Россіи: мы „ѣздимъ по дѣламъ“, „домой“ въ Вологду или въ Самару, „на воды“, „по командировкѣ“, „по ревизіи“. Мы садимся въ вагонъ въ Петербургѣ и выходимъ изъ вагона въ Казани, и если насъ спросить, что есть замѣчательнаго на этомъ пути—мы не въ состояніи отвѣтить ничего, кромѣ замѣчанія о гнилой провизіи въ такомъ-то буфетѣ и о грубой прислугѣ на такой-то желѣзной дорогѣ. А между-тѣмъ замѣчательное вездѣ есть: даже гдѣ-нибудь около Ораніенбаума въ какой-нибудь деревнѣ Мартышкиной вы найдете замѣчательную избу, имѣющую одно окно съ выбитыми стеклами, крышу, лишенную даже соломы, стѣны, подпертыя перегнившими подпорками,—избу, въ которой живетъ цѣлое семейство.

Намъ сотни разъ приходилось спрашивать провинціальную молодежь о ея родной губерніи, о ея родномъ городѣ; каково тамъ положеніе купцовъ, чиновниковъ, фабричныхъ, много-ли тамъ заводовъ, фабрикъ и мастерскихъ, каковы распоряженія земства, каковы тюрьмы и больницы, каковы школы, гимназій, семинаріи, какое направленіе преобладаетъ въ извѣстныхъ слояхъ общества, какъ смотрятъ помѣщики и народъ на извѣстныя вещи, какія нужды, какіе предрасудки, какіе нравы царствуютъ въ массѣ, чѣмъ отличается характеръ этой губерніи отъ характера другихъ губерній? Къ сожалѣнію, мы должны сознаться, что наши вопросы заставляли врасплохъ спрашиваемыхъ. Тотчасъ-же можно было замѣтить, что эти господа ничего не наблюдали, нигдѣ не толкались, ни о чемъ не спрашивались, ничего не изслѣдовали, ничего не передумали сами о тѣхъ явленіяхъ, которыя были передъ ихъ глазами. Насъ поражали узкость круга ихъ знакомства, крайне ограниченный районъ знакомыхъ имъ мѣстъ, незнаніе исторіи, географіи и статистики родного гнѣзда и, скажемъ прямо, мѣщански тупое равнодушіе ко всему, что не составляетъ ихъ семьи, ихъ школы, ихъ немногихъ знакомыхъ. Эти люди не умѣли *говорить* съ незнакомымъ человѣкомъ: они умѣли рассказывать о своихъ семейныхъ и домашнихъ дѣлахъ, они умѣли пересказывать книжныя идеи, почерпнутыя изъ русскихъ тощенькихъ сочиненьицъ, но говорить, бесѣдовать, увлекать на оживленный споръ, наталкивать на новыя мысли и соображенія они не умѣли. Ихъ рѣчи сводились на сплетню о домашнихъ дразгахъ или на школьническое упражненіе въ изложеніи либеральныхъ или ретроградныхъ идеекъ. Боль-

шинство нашихъ такъ называемыхъ образованныхъ людей отличается именно этими качествами и, вѣроятно, потому-то въ обществѣ, въ собраніяхъ, въ вагонахъ у насъ больше молчать или шепчутся съ короткими знакомыми, такъ какъ незнакомому человѣку, конечно, не интересны чужія семейныя и домашнія дѣла, а разныя книжныя идеи, разумѣется, онъ могъ вычитать и самъ, а значить, не для чего и слушать ихъ передачу «своими словами».

Это незнаніе своей родины встрѣчается даже въ томъ кругу русскаго общества, члены котораго пользуются всѣми благами высшаго образованія. Эти господа извѣздили изъ конца въ конецъ Францію, Германію, Италію и Швейцарію; они знаютъ, какъ свои пять пальцевъ, каждый „пансіонъ“ въ Швейцаріи, каждый „курзалъ“ въ Германіи, каждый музей въ Римѣ, каждый „кафе-пантанъ“ во Франціи; они могутъ перечислить всѣ отличительные признаки, по которымъ можно отличить чистокровную итальянку отъ француженки, но они едва-ли могутъ даже перечислить всѣ народности, населяющія Россію.

III.

Здѣсь не мѣсто распространяться о причинахъ этой привычки къ сидячей жизни и этого отсутствія страсти къ путешествіямъ по Россіи, скажемъ только, что „дистанція огромнаго размѣра“ и затруднительность путешествій по Россіи играютъ тутъ послѣднюю роль. Америка тоже не мала и путешествія по дѣйственнымъ лѣсамъ или мѣстамъ, населеннымъ дикими, также не особенны удобны, но путешествуютъ-же американцы. Да, такъ то американцы скажутъ намъ на это. А русскіе? Развѣ удерживаютъ ихъ отъ путешествія дальнее разстояніе или трудность пути, когда дѣло идетъ о путешествіяхъ въ Кіевъ, на Афонъ, въ Іерусалимъ? Многіе, конечно, помнятъ курьезное извѣстіе о трехъ, кажется, тамбовскихъ мѣщанкахъ, добравшихся безъ знанія какихъ-бы то ни было иностранныхъ языковъ до Рима въ поискахъ за мощами св. Николая Чудотворца. Значить, отдаленность путешествій и трудность дороги тутъ ни при чемъ. Причины лежатъ поглубже. Это тѣ самыя причины, которыя заставляютъ насъ не только не путешествовать по Россіи, но и не посѣщать ученыхъ и акціонерныхъ собраній, фабрикъ, заводовъ, музеевъ, школъ, благотворительныхъ заведеній и даже почти не читать газетъ, если въ этихъ газетахъ не описываются какіе-нибудь скандалы, въ родѣ дѣла

г-жи Шлегель, убійства въ Гусевомъ переулкѣ или плачевной исторіи о томъ, какъ хотѣли высѣчь г. Суворина.

Но каковы-бы ни были причины этого явленія, а фактъ все-таки остается фактомъ и, нужно сказать, что онъ особенно прискорбенъ именно для насъ, русскихъ. Какой-нибудь фламандецъ, пожалуй, можетъ сидѣть на мѣстѣ и знать только свой родной городишко. Зная его онъ знаетъ приблизительно всю свою родную страну. Она не велика, ея города и ея народонаселенія очень однообразны. Зная одного фламандца, вы уже знаете почти всѣхъ фламандцевъ. Зная одинъ фламандскій городъ, вы уже имѣете нѣкоторое понятіе о всѣхъ фламандскихъ городахъ. Тутъ вы, пожалуй, можете поступить также, какъ при разсматриваніи картинъ Тенвера: взглянуть на двѣ-на три картины и не глядѣть на другія—потеря будетъ не велика, такъ какъ и на другихъ его картинахъ вы встрѣтите тѣхъ-же подпившихъ людей съ трубками въ зубахъ, тѣхъ-же лохани, блестящія металлическою внутренностью, того-же мужика въ курткѣ, ставшаго спиною къ зрителямъ и лицомъ къ углу забора. Но если-бы вы вздумали взглянуть только на одну картину г. Ге, то, конечно, вы даже и приблизительно не знали-бы картинъ г. Ге: „Тайныя вечера“ никакъ не дала-бы вамъ возможности предполагать, что г. Ге можетъ изобразить и „Петра I съ сыномъ.“ Точно также и знаніе Россіи не можетъ быть ограничено знакомствомъ съ одною Одессою или съ однимъ Сапожкомъ. Еще менѣе можно сказать, что вы знаете русскій народъ, если вы видѣли только однихъ петербуржцевъ или однихъ ярославцевъ. Здѣсь разнообразіе безконечно велико. Но можно почти навѣрное сказать, что большинство не только не видало въ натурѣ или на картинкахъ многихъ племенъ, населяющихъ Россію, но даже не знаетъ ихъ именъ. Всѣ эти айно, камчадалы, юкагиры, туркмены, узбеки, таджики, буруты или дикокаменные киргизы являются для насъ, чѣмъ-то болѣе чуждымъ, чѣмъ жители какого-нибудь острова Фиджи, о которомъ мы все-таки успѣли прочесть множество описаній въ иностранныхъ путешествіяхъ. А между тѣмъ эти дикокаменные киргизы наши братья, наши сограждане и ихъ не два, не три человекъ. Игнорировать ихъ—это почти то-же, что игнорировать, на примѣръ, существованіе архангельской, олонецкой, або-бьернеборгской, вазаской, выборгской, куопіоской, нюландской, тавастгузской, сент-михельской, улеборгской и т. п. губерній, гдѣ населеніе почти не превосходитъ 300,000 человекъ и иногда понижается до 160,000 человекъ обоого пола жителей,—дикокаменныхъ-же киргизовъ насчитывается тоже до 250,000 человекъ. И если-бы мы стали

пересчитывать всё населяющіе Россію народы, для которыхъ мы, писатели, ученые, учителя, доктора, акціонеры, администраторы, ровнѣо ничего не дѣлаемъ, о которыхъ мы почти не знаемъ, которые „не принимаются нами въ расчетъ,“ когда мы толкуемъ о прогрессѣ, о народномъ и классическомъ образованіи, объ артеляхъ, о гласныхъ судахъ, объ акціонерныхъ компаніяхъ, о поземельномъ надѣлѣ, о податяхъ, о рекрутскомъ наборѣ,—то цифры вышли-бы очень почтенныя. Однихъ киргизовъ насчитывается до 1,100,000 человекъ, бурятъ—до 250,000 человекъ, якутъ—до 200,000 чел. тунгузовъ—до 80,000 чел. и т. д. Шутка сказать! Да вѣдь населеніе всей Швейцаріи равняется 2,656,493 чел.

Это прискорбное незнаніе своей страны поддерживается я нашимъ воспитаніемъ и нашею литературою. Въ школахъ насъ занимаютъ изслѣдованіемъ насѣкомыхъ, лишаевъ, Гомеровъ, и Цезарей, знакомятъ съ древними народами и почти совершенно не говорятъ намъ о народахъ Россіи. Исторія ограничивается смѣною Карловъ Лысыхъ Карлами Толстыми, сухимъ перечнемъ лѣтъ, когда произошла та или другая битва, когда заключился тотъ или другая миръ за годъ до новой войны, когда воцарился тотъ или другой изъ Карловъ, и только вѣсколько строкъ отводится сухому перечню, но отнюдь не исторіи народовъ, живущихъ въ Россіи. При этомъ ученикъ не получаетъ понятія, ни о характеристическихъ особенностяхъ этихъ народовъ, ни объ образѣ ихъ жизни, ни о степени ихъ вліянія и значенія въ обществѣ и государствѣ. Какъ повліяло на нихъ присоединеніе ихъ къ Россіи, какія выгоды принесло имъ ихъ новое положеніе, какъ они отнеслись къ нему, до какихъ результатовъ дошли они въ тысячу лѣтъ существованія Россіи—все это покрыто мракомъ неизвѣстности, какъ будто учителя считаютъ это дѣло государственною тайною или боятся запутаться въ подробностяхъ, объясняя благодѣянія, принесенныя нашей цивилизаціей всѣмъ этимъ чувашамъ, юкагирамъ, туркменамъ и т. д. Географы говорятъ еще менѣе объ этомъ предметѣ и иногда остаются въ подозрѣніи незнанія даже тѣхъ мѣстъ, гдѣ поселилось то или другое племя. Мы помнимъ школьныя свѣденія объ этихъ предметахъ и намъ всегда представляются эти свѣденія какимъ-то больнымъ мѣстомъ, какимъ-то щекотливымъ вопросомъ, о которомъ говорилось только вскользь, мелькомъ, торопливо, точно передъ Донъ-Рибейро о финансахъ.

Литература тоже была не менѣе скромна въ отношеніи къ этому вопросу. Она описывала бытъ западно-европейскихъ пролетаріевъ, но не касалась быта лопарей. Она скорбѣла и приглашала въ свои объятія братьевъ славянъ, давно уже отмежевавшихся отъ насъ, но

не приглашала въ объятія нашихъ родныхъ братьевъ чукчей и самоѣдовъ, давно живущихъ подъ нашимъ гостепріимнымъ кровомъ. Она радовалась освобожденію негровъ и дарованію имъ политическихъ правъ, но она никогда не спрашивала, какъ пользуются своими уже давно пріобрѣтенными правами чуваша и остяки. Она описывала, какъ мало достается мяса на долю разныхъ бѣдняковъ Европы, какъ дурны подвалы въ Парижѣ, Лондонѣ и Петербургѣ, какъ мало общество заботится о гигиеническихъ условіяхъ нуждающихся классовъ, но она ни слова не говорила о томъ, что у насъ есть цѣлыя племена, которыя еще не умѣютъ построить себѣ для житія даже подваловъ, не могутъ по мѣстнымъ условіямъ добыть для ѣды даже полуфунта свѣжаго мяса, живутъ совершенно безъ всякихъ гигиеническихъ условій и не знаютъ даже самаго слова „гигіена“. Она толковала о народномъ образованіи въ Пруссіи, во Франціи и въ губерніяхъ европейской Россіи, но она даже и не заикнулась о томъ, что цѣлыя массы людей не только не пользуются у насъ какимъ-нибудь первоначальнымъ образованіемъ, но даже не отличаются ничѣмъ отъ дикихъ жителей какихъ-нибудь африканскихъ береговъ. Такое молчаніе было тѣмъ болѣе странно, что подобныя разсужденія ни сколько не вредны, не опасны, не нецензурны, такъ какъ, разсуждая объ этихъ предметахъ, пришлось-бы не обвинять кого-нибудь, а просто изыскивать средства и мѣры, при помощи которыхъ общество могло-бы принести хоть долю пользы этимъ народамъ. Не болѣе сдѣлали для разъясненія этихъ вопросовъ и наши ученые, хотя они тщательно занимались изслѣдованіями о паразитахъ на рыбахъ Ладожскаго или Онежскаго озеръ или о томъ, кто были Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ. Впрочемъ, нѣтъ, наши ученые сдѣлали кое-что для этихъ вопросовъ: они сдѣлали до того сухими, до того неудобочитаемыми свои географическія и этнографическія изслѣдованія, что окончательно отпугнули отъ этихъ изслѣдованій нашу публику, и безъ того боящуюся ученыхъ статей и книгъ.

Но въѣдъ мы, выходя изъ высшихъ учебныхъ заведеній, очень часто попадаемъ на мѣста учителей, докторовъ, администраторовъ, начальниковъ въ тѣ мѣста, гдѣ живутъ эти народы и беремъ на себя обязанность помогать правительству въ заботахъ объ этихъ народахъ. Но мы не знаемъ ни ихъ вѣры, ни ихъ языка, ни ихъ обычаевъ, ни ихъ нуждъ. Какъ-же мы будемъ служить имъ на пользу, особенно, если прибавить къ этому, что мы обыкновенно перестаемъ учиться, перестаемъ читать серьезныя книги, перестаемъ заниматься изслѣдованіями, перестаемъ выходить изъ своего кабинета или изъ за своего игорнаго стола и окончательно

не считаемъ нужнымъ знакомиться съ дѣйствительною жизнью, съ жизнью массы, послѣ наступленія 24 или 25 года и послѣ сдачи послѣдняго экзамена, однимъ словомъ, послѣ полученія мѣстечка? Что-же мудренаго, что въ этихъ случаяхъ могутъ повторяться тѣ исторіи, одна изъ которыхъ передается въ Александринскомъ театрѣ г. Вейнбергомъ. Въ ней разсказывается, какъ одно влиятельное лицо, пріѣхавъ на югъ, выслушало просьбы татарина, армянина, еврея, ничего не поняло, призвало переводчика, который тоже ничего не понялъ и ничего не объяснилъ,—и затѣмъ просьбы такъ и остались тарабарщиною, которую не кому разбирать. Александринская публика смѣется,—но это вовсе не смѣшно. Не смѣшно и то, что официальная статистика постоянно говоритъ: „встрѣчается множество затрудненій при опредѣленіи племенного состава въ Сибири и на Кавказѣ, гдѣ даже численность населенія не можетъ быть приведена въ точную извѣстность...“ Или: „численность раскольниковъ нельзя опредѣлить, такъ какъ они имѣютъ прямой интересъ скрыватья подъ именемъ православныхъ; для полученія точныхъ данныхъ числа православныхъ нужно отнять все число тайныхъ раскольниковъ (то есть неизвѣстное-то число?)...“ Или: „множество язычниковъ переходить въ православіе только для полученія извѣстной награды и затѣмъ остается въ язычествѣ нѣсколько разъ прибѣгая иногда къ одной и той-же уловкѣ, и такимъ образомъ, число обращенныхъ въ православіе язычниковъ является гораздо большимъ, чѣмъ въ дѣйствительности...“ Все это ни для кого не тайна, а между тѣмъ никто изъ насъ ничего не дѣлаетъ, чтобы пополнить эти пробѣлы въ нашемъ знаніи, чтобы познакомиться поближе съ родною странкою, чтобы имѣть возможность, говоря о Россіи, говорить дѣйствительно обо всей странѣ, а не объ извѣстныхъ частяхъ населенія.

Можно положительно сказать, что мы все-таки уйдемъ не особенно далеко, если мы даже отлично изучимъ естественныя науки и классическіе языки, и доподлинно узнаемъ, кто были Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ, и окончательно зазубримъ годы восшествія на престолъ и Василювъ Темныхъ и Карловъ Лысыхъ, но не узнаемъ этнографіи родного края. Эти дикокаменные киргизы и самоѣды будутъ постоянно являться тормазами для нашего полнаго общественнаго развитія и будутъ скорѣе обузами для общества, чѣмъ полезными его членами.

IV.

Всѣ эти мысли невольно каждый разъ приходятъ въ голову при чтеніи такихъ книгъ, какъ книга г. Н. А. Александрова, которую мы привѣтствуемъ, какъ попытку познакомить нашихъ дѣтей съ народами, населяющими Россію.

Авторъ этой книги довольно вѣрно понялъ свою задачу. „Этнографія, повторяетъ онъ слова Эд. Тейлора, заслуживаетъ равностнаго содѣйствія не только какъ предметъ любопытства, но и какъ весьма важное *руководство для пониманія настоящей и заключенія о будущемъ*. Распространителямъ здравыхъ началъ и преобразователямъ заблужденій современной культуры этнографія можетъ оказать двоякую помощь. Заставитъ человѣческій умъ усвоить ученіе о развитіи—значитъ побудитъ его, сохраняя полное уваженіе къ предкамъ, продолжать прогрессивную работу прошлаго, и продолжать ее съ большей силой, такъ какъ свѣтъ увеличивается въ мірѣ, и гдѣ толпы варваровъ брели [ощупью, цивилизованные люди могутъ быстро идти впередъ съ открытыми глазами. Выставлять остатки грубой, старинной культуры, перешедшія уже въ безвредныя суевѣрія, и предназначать ихъ къ разрушенію является суровою, даже иногда грустною обязанностью этнографа. Но это дѣло разрушенія, хотя не особенно отрадное, является не менѣе полезнымъ для блага человѣчества. Такимъ образомъ, въ одно и то-же время, содѣйствуя прогрессу и уничтожая препятствія, наука культуры есть несомнѣнно преобразовательная наука».

„Такъ говоритъ Эд. Тейлоръ о важномъ значеніи этнографіи, замѣчаетъ г. Александровъ далѣе, и, приводя его слова, мы обратимся къ читателю съ слѣдующими вопросами: „существуетъ-ли у насъ въ какомъ-бы то ни было видѣ этнографія, какъ наука, т. е. преподается-ли она гдѣ-нибудь въ заведеніяхъ, знакомо-ли также съ этой наукой общество, и имѣетъ-ли оно для изученія ея какія-либо руководства или книги?..“

„Прямой, конечно, отвѣтъ на эти вопросы должно слѣдовать абсолютное—нѣтъ.

„Въ гимназіяхъ при урокахъ географіи, и то только въ послѣднее время, юношество узнаетъ о народахъ, живущихъ въ Россіи, по однимъ ихъ именамъ, а далѣе... какъ въ университетахъ, такъ и въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, тѣ-же мизерныя свѣденія остаются все въ томъ-же видѣ и не обогащаются дальше именъ или названій ни на іоту. Общество, пользуясь энциклопедическими познаніями по разнымъ отраслямъ наукъ, въ области эт-

нографіи лишено всякаго пониманія. И нѣтъ руководства (compendium), по которому можно было-бы пополнить этотъ пробѣлъ, и нѣтъ даже книги, которая-бы заключала въ себѣ хоть болѣе или менѣе толково собранный этнографическій матеріалъ. Желаящему познакомиться съ этнографіей Россіи, необходимо не читать, а рыться по разнымъ путешествіяхъ, изслѣдованіямъ, замѣткамъ, описаніямъ и т. д...

„Что-же касается дѣтей, продолжаетъ авторъ,—то многія изъ нихъ, читаютъ весьма пространныя описанія о дикихъ Африки, Америки и другихъ частей свѣта, знаютъ, по безчисленной коллекціи картинокъ и рассказовъ, альпійскаго охотника и американскаго эскимоса, но изъ русскихъ народовъ и народцевъ имъ извѣстны, какъ по періодическимъ изданіямъ, такъ и въ отдѣльныхъ книжкахъ, одни самоѣды. Самоѣдами для дѣтскаго міра ограничиваются всѣ познанія о Россіи, и, кромѣ этихъ самоѣдовъ, дѣти никогда нигдѣ не видятъ и ни отъ кого не слышатъ о разнохарактерной жизни тѣхъ людей, среди которыхъ они родились и на пользу которыхъ посвящаютъ со временемъ свою жизнь. Пытаясь пополнить этотъ недостатокъ, я взялъ на себя скромную задачу: познакомить молодыхъ читателей въ общедоступной формѣ легкихъ этнографическихъ рассказовъ съ разнообразными племенами, населяющими Россію; съ ихъ различными типами: съ ихъ бытомъ, характеромъ, занятіями, а также и съ той природой, среди которой они живутъ...

„Я не ставлю рубрикъ: одежда, пища, жилище, религія и т. д., и при этомъ, описывая, напримѣръ, инородцевъ сѣвера,—лапландцевъ, самоѣдовъ, остяковъ и другихъ, сходныхъ между собою по образу жизни, типу и религіи, я беру при каждомъ изъ нихъ только то, что данный народъ болѣе всего характеризуетъ. Такимъ образомъ, избѣгая скучныхъ повтореній или описаній однихъ и тѣхъ-же обычаевъ и вѣрованій, въ каждомъ изъ рассказовъ я стараюсь сохранить одну полноту цѣлаго,—т. е. одно полное и подробное описаніе быта и жизни инородца тундръ.

„Всѣ особенности и всѣ частности я нигдѣ не упускаю изъ виду; но останавливаюсь на нихъ только тамъ, гдѣ имѣется въ этомъ необходимость.

„Беллетристическая форма, какъ общедоступный и легчайшій проводникъ знанія, заставила меня признать этотъ планъ однимъ изъ самыхъ удобныхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, однимъ изъ самыхъ подходящихъ къ общей или главной цѣли всего описанія или всей книги.

„Вопросы о прочитанномъ, которые признаны педагогами однимъ

изъ необходимыѣ атрибутовъ всякой книги, имѣющей научную цѣль, я предлагаю каждому воспитателю и наставнику составить по собственному своему усмотрѣнію, и считаю за лучшее предлагать эти вопросы не по какой-нибудь извѣстной системѣ, а сообразно тому, какъ читавшій будетъ рассказывать“.

Но есть вопросы болѣе важные, чѣмъ вопросы, которые будутъ предлагать педагогъ, это вопросы, которые будутъ предлагаться дѣтьми воспитателямъ и наставникамъ. Книга, касающаяся незнакомыхъ дѣтямъ предметовъ и явленій, конечно, должна вызвать цѣлую массу разныхъ «отчего и почему». Но что отвѣтять на эти вопросы не особенно развитой учитель и еще менѣе развитая мать? Знаютъ-ли сами эти люди то, о чемъ спрашиваютъ ихъ дѣти? Воспитаніе этихъ людей такъ неполно, что они сами еще нуждаются въ наставникѣ. Г. Александровъ не упустилъ изъ виду и этого обстоятельства и понялъ необходимость приложить къ книгѣ «Толкователь», въ которомъ объяснялись-бы главные выдающіеся явленія и факты и все то, что существенно важно съ этнографической, съ естественно-исторической и съ физико-географической сторонѣ.

Какъ видите, планъ книги очень разуменъ и автору можно только пожелать полнѣйшаго успѣха въ дѣлѣ осуществленія этого плана. Конечно, подобная книга потребуетъ многихъ усилій и нѣсколькихъ лѣтъ труда. Покуда въ печати появилась только одна десятая часть этого труда, такъ какъ г. Александровъ думаетъ, что его сочиненіе будетъ состоять изъ десяти или одиннадцати выпусковъ. Судя по первому выпуску, гдѣ г. Александровъ коснулся быта лопарей, самоѣдовъ, остяковъ, самояди, юагировъ, чукчей и коряковъ, можно сказать, что авторъ книги понимаетъ свою задачу, имѣетъ довольно большой запасъ матеріаловъ, умѣетъ распоряжаться этимъ матеріаломъ и не лишень таланта живо и ярко передавать различныя сцены и явленія, хотя, замѣтимъ мимоходомъ, въ нѣкоторыхъ описаніяхъ, какъ, напримѣръ, въ описаніи тундры слишкомъ много торжественности и недостаетъ простоты, которая такъ дорога въ дѣтской книгѣ. Намъ кажется слишкомъ дѣланными, слишкомъ искусственными фразы вродѣ слѣдующихъ: „Вотъ далеко назади остались горы...“ „И вотъ потянулась она на необозримое пространство...“ „Потянулась эта тундра и т. д...“ При всѣхъ этихъ фразахъ такъ и ставишь мысленно восклицательные знаки. Относительно литературной формы можно еще посоветовать автору обращать побольше вниманія на правильность языка. Эта правильность необходима вообще, а въ дѣтской книгѣ въ особенности. Современная русская литература такъ сильно ще-

голяетъ безграмотностью, что становится обидно за русскій языкъ, и нужно заботиться, чтобы, по крайней мѣрѣ, дѣти не приучались къ испорченнымъ и неправильнымъ выраженіямъ. Въ книгѣ-же г. Александрова мы нерѣдко встрѣчаемъ фразы въ родѣ слѣдующихъ: «Матеріалы, которыми я не только пользовался, но и изучалъ (что?)...» «Какъ громоздятъ (громоздятся?) и плаваютъ горы изо льда»... «Трудно было вынести (?) этихъ людей, покрытыхъ страшною грязью»... «Тутъ-же терлись и жамкали (?) собачата (?)...» «Онъ уже полагалъ, что возики попали въ какія-нибудь ямы; но вернушіеся (кто?) опять повторяли ему...» Мы взяли эти фразы совершенно наудачу, а ихъ въ книгѣ г. Александрова не мало, и это тѣмъ болѣе досадно, что всѣ эти неправильныя фразы были очень не трудно исправить.

V.

Еще болѣе серьезное замѣчаніе вызываютъ въ книгѣ г. Александрова приложенныя къ ней картины и толкователь. Картины, какъ значится на оберткѣ, рисованы извѣстными художниками гг. Шарлеманемъ и Микѣшинымъ, но мы увѣрены, что онѣ выглядѣли-бы нисколько не хуже, если-бы ихъ рисовалъ какой-нибудь неизвѣстный никому Матвѣевъ, Сидоровъ или Федоровъ? Тундра, похожая на размазанныя чернила, огороженныя какимъ-то едва замѣтнымъ частоколомъ; охота на оленя, гдѣ олени рога напоминаютъ не то кучи хвороста, не то массу высохшихъ кустарниковъ; чукчи у трупа тѣуна, изумляющіе чистотою и свѣжестью своихъ нарядовъ и сапогъ: точно эти наряды и сапоги только что принесены отъ портного и сапожника, для костюмированнаго бала въ клубѣ художниковъ, — все это ниже всякой критики, какъ въ художественномъ, такъ и въ научномъ отношеніи. Но пригрѣшенія бываютъ вольныя и невольныя: плохое исполненіе рисунковъ въ художественномъ отношеніи — это ужъ, конечно, вольныя прегрѣшенія художниковъ; но плохое исполненіе рисунковъ въ научномъ отношеніи — это, разумѣтся, невольныя пригрѣшенія художниковъ и г. Александровъ долженъ былъ это предвидѣть впередъ. Если „мы всѣ учились по немногу; чему-нибудь и какъ-нибудь“, то наши художники учились еще менѣе и за немногими случайными исключеніями, вовсе ни о чемъ не думали, не разсуждали. Чтобы понять скудость ихъ познаній и полное отсутствіе серьезной мысли, стоитъ только пройти по любой выставкѣ русскихъ художественныхъ произведеній и посмо-

трѣть на этихъ тютрюмовскихъ вакханокъ, беллолевскихъ купальщицъ, неффовскихъ наядъ, маковскихъ сеledочницъ и тому подобный товаръ, говорящій только о томъ, что творцы этого товара знаютъ, что ходко идетъ съ рукъ, но даже и не намекающій на какое-нибудь уваженіе къ искусству или пониманіе обязанностей серьезнаго художника. Конечно, не этимъ людямъ понять, что требуется отъ картинъ, приложенныхъ къ серьезной этнографической книги. Мы даже сомнѣваемся, знаютъ-ли они, что значить слово „этнографія“. Г. Александровъ сдѣлалъ-бы гораздо лучше, если-бы онъ самъ занялся составленіемъ рисунковъ къ своему сочиненію: пусть эти рисунки будутъ нѣсколько страдать въ художественномъ отношеніи, лишь-бы только они не страдали отсутствіемъ всякаго смысла, какъ рисунки, приложенные теперь къ его книги; конечно, ему не легко будетъ составить подобные рисунки, для этого нужно будетъ походить по музеямъ, порыться въ книгахъ, но мы увѣрены, что онъ не остановится передъ этимъ трудомъ, такъ какъ, судя по предисловію, онъ болѣе серьезно смотритъ на дѣло, чѣмъ разные гг. Микѣшины и Шарлемани, вѣроятно, полагающіе, что рисунки въ этнографической книгѣ имѣютъ такое-же значеніе, какое имѣютъ и рисунки, приготовленные, ради костюмированнаго бала въ клубѣ художниковъ или ради національныхъ танцевъ въ балетѣ „Конекъ-Горбунокъ“.

Оносительно „Толкователя“ мы должны замѣтить, что онъ, во-первыхъ, не полонъ и авторъ книги могъ-бы значительно увеличить его. Во-вторыхъ, нѣкоторыя толкованія совсѣмъ не нужны, по крайней мѣрѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ они являются въ книгѣ. Такъ не нужно было приводить въ книгѣ объясненіе на вопросъ: „отчего весной птицы летятъ изъ южныхъ странъ на тундру“, или нужно было сдѣлать это объясненіе болѣе полнымъ и болѣе серьезнымъ. Въ третьемъ объясненіи говорится, какими племенами и народами населена Россія, но этотъ сухой перечень названій можно найти въ любой географіи и здѣсь онъ совершенно лишній: взрослые знаютъ его изъ географическихъ учебниковъ, дѣти-же ничего не вынесутъ изъ этихъ пяти страницъ голыхъ именъ и цифръ. Нѣкоторыя объясненія могли-бы быть соединены вмѣстѣ, какъ, на примѣръ, отвѣты на вопросы: «почему на крайнемъ населенномъ сѣверѣ ночь зимою бываетъ два мѣсяца, а на самомъ полюсѣ полгода», и «отчего сѣверная весна идетъ быстро и лѣто на сѣверѣ короткое». Есть объясненія, которыя могутъ быть истолкованы мало развитымъ наставникомъ и ребенкомъ очень неправильно. Такъ въ объясненіи: „почему всѣ (?) сѣверныя животныя бѣлаго цвѣта“, мы читаемъ слѣдующее: «Такимъ образомъ, для животныхъ, живу-

щихъ въ странахъ, большую часть года, покрытыхъ снѣгомъ, является весьма важнымъ, для лучшей возможности укрываться отъ непріятеля, *походитъ на снѣгъ*. Никто никогда не сомнѣвался, говорить ученый Дарвинъ, *что животныя, обитающія въ покрытой снѣгомъ мѣстности, принимаютъ бѣлый цвѣтъ, для охраненія себя отъ непріятелей* или для лучшей возможности приближаться къ своей добычѣ". Изъ этихъ фразъ и ребенокъ и мало развитый наставникъ могутъ сдѣлать тотъ выводъ, что животныя мѣняютъ свои цвѣта произвольно. Можно еще посовѣтовать г. Александрову при изданіи всего его труда привести въ болѣе строгую систему статьи „толкователя“, т. е. раздѣлить объясненія на извѣстныя группы. Это дастъ возможность и наставникамъ и дѣтямъ составить болѣе ясныя и болѣе полныя понятія о природѣ, о животныхъ, о людяхъ тѣхъ странъ, о которыхъ говоритъ авторъ, и сами объясненія потеряютъ тотъ характеръ случайности, который они имѣютъ теперь: теперь, читая ихъ, вы видѣте, что авторъ могъ-бы прибавить къ нимъ еще десятокъ объясненій или убавить изъ нихъ пять-шесть незамѣтно ни для кого. При болѣе строгой системѣ объясненія потеряютъ этотъ характеръ случайности... Впрочемъ, г. Александровъ, вѣроятно, такъ и сдѣлаетъ, когда выйдутъ слѣдующіе выпуски и когда будетъ легче придерживаться извѣстной систематичности въ размѣщеніи статей „толкователя“.

Намъ остается только пожелать, чтобы окончаніе этой книги не было одною изъ несбывшихся грезъ. Если этотъ трудъ будетъ вполне оконченъ, то его смѣло можно будетъ порекомендовать всѣмъ педагогамъ, всѣмъ учителямъ народныхъ школъ, какъ лучшее чтеніе и какъ разумное подспорье для географіи.

В. Ч.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА.

Интересъ восточнаго вопроса. — Географическое положеніе Румыніи. — Пространство и населенность. — Иностранцы, проживающіе въ Румыніи. — Армяне. — Симпатія румынъ къ болгарамъ. — Рабство цыганъ въ Румыніи. — Конкуренція между греками и евреями. — Ненависть румынскаго крестьянства къ евреямъ. — Измаильскіе беспорядки. — Рѣшеніе ассизнаго суда въ Бузео. — Протестъ генеральныхъ консуловъ. — Причины ненависти румынъ къ евреямъ. — Легчайшее средство измѣнить такое положеніе. — Вопросъ о консульской юрисдикціи въ Румыніи. — Крупные и мелкіе бояре. — Отличительныя черты сельскаго и городского бояра. — Легкость нравовъ въ высшемъ румынскомъ обществѣ. — Красота румынскихъ женщинъ. — Злоупотребленіе разводомъ. — Къ чему привела затруднительность развода во Франціи. — Положеніе крестьянъ въ Румыніи. — Законъ 1856 года. — Рѣшеніе. — Полное освобожденіе крестьянъ. — Надѣлъ землем. — Улучшеніе быта крестьянъ. — Неразвитость сельскаго духовенства въ Румыніи. — Значеніе монастырей. — Хорошія черты въ характерѣ румынскаго народа. — Его грустная, меланхолическая поэзія. — Происхожденіе Румыніи. — Развореніе страны. — Очеркъ событій въ княжествахъ. — Князь Куза. — Румыніи выступаетъ на политическую арену.

Западно-европейская журналистика и публика всегда относились, относятся даже и теперь съ тревожнымъ недоумѣніемъ къ такъ называемому восточному вопросу. Между тѣмъ, можетъ быть, ни одинъ вопросъ, изъ числа поставленныхъ на разрѣшеніе нашему времени, не представляетъ столько интереса и занимательности, какъ вопросъ восточный. Въ ряду другихъ вопросовъ онъ тоже, что игра въ шахматы по сравненію съ играми въ шашки, домино и триктракъ. Онъ крайне разнообразенъ и отчасти запутанъ, но это-то именно и со-

ставляетъ его прелесть. И въ самомъ дѣлѣ, съ какой-бы стороны ни посмотрѣть на него, какую-бы отдѣльную часть ни взять для изслѣдованія, вездѣ представляется богатый матеріалъ, полный глубокаго интереса, въ особенности для изслѣдователя, который вполне убѣжденъ, что спокойствіе и апатія Востока только наружная, тонкая кора, подъ которой кипитъ лава, готовая каждую минуту вырваться и разлиться по поверхности задерживающей ее коры. Наконецъ, восточный вопросъ такъ тѣсно связанъ съ другими политическими вопросами Европы, что на него необходимо должны оказывать сильное вліяніе событія, совершающіяся въ западной Европѣ. Нисколько не преувеличивая значенія событій, въ послѣдніе годы измѣнившихъ положеніе Италіи, Германіи и Франціи, мы должны признать, что они замѣтно отразятся на рѣшеніи восточнаго вопроса, и измѣненія въ политическомъ и социальномъ быту Запада необходимо повліяютъ на измѣненіе быта на Востокѣ.

Чтобы лучше ориентироваться въ этомъ запутанномъ восточномъ вопросѣ, необходимо слѣдовать методу, принятому въ естествознаніи, т. е. сперва точно анализировать отдѣльныя событія, и потомъ уже изъ многихъ изслѣдованныхъ и проверенныхъ фактовъ, сдѣлать вполне солидные органическіе выводы.

«Дѣло» не разъ уже обращалось къ восточному вопросу, занимаясь преимущественно отношеніемъ къ нему Австріи. Мы дали нашимъ читателямъ нѣсколько замѣтокъ о Чехіи, Кroatіи и Сербіи. На этотъ разъ займемся Румыніей.

I.

Румынія въ своемъ очертаніи имѣетъ форму лошадиной подковы, выгибъ которой прилегаетъ къ венгерской Трансильваніи. Остальными своими сторонами она граничитъ съ Россіей, Чернымъ моремъ и Турціей. На ея сѣверной границѣ проходятъ Карпаты; чѣмъ далѣе къ югу, горы постепенно переходятъ въ плоскую возвышенность и, наконецъ, въ длинную и широкую равнину, на южной оконечности которой протекаетъ Дунай. Румынія, въ томъ положеніи, въ какое поставили ее исторія и дипломатическіе договоры, не имѣетъ географическаго центра. До послѣдняго времени она была раздѣлена на двѣ неровныя части: Молдавію, отъ которой отошла къ Россіи часть ея, Бессарабія, и Валахію. Между этими отдѣльными частями

Румыніи протекаетъ рѣка Сереть, которая и служила границею между ними до Парижскаго трактата 1858 года, соединившаго оба княжества въ одно государство. Однакожь, это соединеніе двухъ разрозненныхъ частей, съ двумя столицами, Яссами и Букарестемъ, — частей, неимѣющихъ настоящаго центрального пункта, далеко не удовлетворило патриотическихъ притязаній народонаселенія обѣихъ странъ, которыя требуютъ соединенія съ Трансильваніей, составляющей естественный и историческій центръ ихъ національности, колыбель ихъ расы. Изъ 2,600,000 жителей Трансильваніи, 2 милліона принадлежатъ къ румынской національности. Замѣчательно, что каждая новая перепись даетъ цифры увеличенія румынскаго населенія въ Трансильваніи и соответственнаго уменьшенія цифры прочихъ національностей. Такъ что, по всей вѣроятности, недалеко то время, когда Трансильванія, какъ-бы на зло дипломатамъ, сдѣлается страной исключительно румынской. Трансильванія всегда тяготѣла къ Румыніи и постоянно враждуетъ съ Венгріей, которая горячо и энергически отстаиваетъ свои права на побѣжденную страну. Въ австрійскомъ государствѣ венгерцы и нѣмцы каждый разъ тѣсно соединяются между собой, когда какая-нибудь національность, подчиненная Австро-Венгрии, заявляетъ стремленіе къ самобытному существованію. Каждый разъ, когда чехи, кроаты, сербы или румыны поднимаютъ вопросъ о своей автономіи, ихъ единичная услія разбиваются о сильную коалицію австрійскихъ нѣмцевъ и венгерцевъ.

Въ Трансильваніи каждый городъ имѣетъ три имени: нѣмецкое, мадьярское и румынское. Западной Европѣ извѣстны имена исключительно нѣмецкія, такъ какъ Европа знакомится съ Трансильваніей по нѣмецкимъ атласамъ. И кому, напримѣръ, можетъ придти на мысль, что нѣмецкій Карльсбургъ тотъ самый городъ, который на языкѣ трансильванскаго населенія зовется Альба Джулія.

Молдаво-Валахія занимаетъ площадь въ 2,200 кв. миль. На этомъ пространствѣ живетъ 4,600,000 жителей, такъ что на каждую квадратную милю приходится по 2,092 человекъ. Слѣдовательно населенность этой страны почти равняется населенности Испаніи и почти въ половину меньше, чѣмъ во Франціи.

По словамъ самихъ румыновъ, ихъ въ Европѣ до 10 милліоновъ. Кромѣ Молдаво-Валахіи, они живутъ въ венгерскомъ Банатѣ, въ австрійской Буковинѣ, въ Бессарабіи, Болгаріи, въ турецкой Румелии, въ Македоніи и Албаніи.

Въ Молдаво-Валахіи, кромѣ румыновъ, проживаютъ армяне, евреи, греки, сербы, цыгане, болгары, нѣмцы, французы и русскіе.

Русскіе занимаются разными ремеслами и промыслами, преимущественно извозничествомъ въ столицахъ. Русское населеніе въ большинствѣ состоитъ изъ послѣдователей различныхъ раскольничьихъ сектъ, въ особенности скопчества.

Французы, и въ особенности француженки, проживающіе въ Молдаво-Валахіи, принадлежать къ разряду перелетныхъ птицъ. Мужчины встрѣчаются между профессорами, учителями, инженерами, парикмахерами и поварами; женщины-же охотнѣе всего избираютъ ремесло модетки. Наживъ здѣсь состояніе, французы удаляются на родину, передавая свои заведенія, почти всегда, своимъ соотечественникамъ. Французы, преимущественно предъ прочими иностранцами, пользуются особеннымъ расположеніемъ румыновъ.

Съ нѣмцами, напротивъ, румыны не дружатъ; они не любятъ ихъ и сторонятся отъ нихъ. Но нѣмцы усѣлись здѣсь очень крѣпко, какъ усаждаются вездѣ, на чужбинѣ. Они захватили нѣкоторые промыслы въ свои руки и не допускаютъ къ нимъ никого изъ другихъ національностей. Нѣмцы занимаются портнымъ, сапожнымъ и сѣдельнымъ мастерствами; много ихъ между управляющими имѣній. Также нередко, нѣмцы берутъ на себя управленіе коммерческими предпріятіями; чрезъ нѣсколько лѣтъ вступаютъ въ эти предпріятія компаньоны и кончаютъ неспрѣмѣнно тѣмъ, что отстраняютъ прочихъ компаньоновъ и остаются одни хозяевами предпріятія.

Армяне встрѣчаются вездѣ, во всѣхъ отрасляхъ промышленности и служебной дѣятельности. Они пахутъ землю, занимаются ремеслами, торговлей, много ихъ въ духовенствѣ и въ администраціи. Они очень привязаны къ новому отечеству, и въ своемъ румынскомъ патриотизмѣ, не уступаютъ природнымъ румынамъ, хотя побужденія къ патриотизму у нихъ, нѣсколько иныя, чѣмъ у румыновъ. Армяне появились въ Молдавіи въ XI столѣтіи. Персидское вторженіе надѣлало столько тревоги въ Арменіи, что масса ея населенія эмигрировала въ разные страны. Много армянъ перешло въ Молдавію и здѣсь поселилось. Затѣмъ переселенія армянъ въ Молдавію происходили въ XIV, XV и XVI столѣтіяхъ. Кромѣ политическихъ причинъ на усиленіе армянской эмиграціи вліяли торговыя соображенія. Стѣсненные въ своей торговлѣ, въ Константинополѣ, армяне переселялись въ Молдавію. Интересно, что торговцы изъ армянъ оставили свой родной языкъ, на которомъ до сихъ поръ говорятъ армяне, эмигрировавшіе по политическимъ причинамъ.

Армянъ обыкновенно сравниваютъ съ греками. Между ними дѣйствительно есть нѣкоторое сходство, но греки, во всякомъ случаѣ,

стоятъ несравненно выше армянъ. Если армяне дѣлаются патриотами страны, ихъ пріютившей, то побуждаются къ тому исключительно спекулятивными соображеніями. Они никогда, подобно грекамъ, не поднимали оружія противъ чужеземныхъ завоевателей, тѣснившихъ ихъ національность. Имъ незнакомы тѣ либеральныя побужденія, та любовь къ свободѣ и независимости, которыя одушевляли грековъ; они чистые азіятцы и спокойно сносятъ самый безпощадный азіатскій деспотизмъ, лишь-бы правительство покровительствовало ихъ торговлѣ и не мѣшало ихъ банковымъ операціямъ. Много говорятъ о ихъ способности вести коммерческія предпріятія; но мнѣнія, существующія на этотъ счетъ, по большей части крайне преувеличены. Армянивъ Гиссаріонъ, въ своей книгѣ, увѣряетъ насъ, что армяне въ коммерческомъ отношеніи остались теперь далеко позади грековъ, которые завладѣли всей торговлей въ Турціи и основали банки въ главнѣйшихъ городахъ Европы. Что касается семейныхъ добродѣтелей армянъ, то, по словамъ Байрона, хорошо знакомаго съ бытомъ этого народа, едва-ли найдется народъ, гдѣ-бы члены семьи жили такъ согласно другъ съ другомъ, гдѣ-бы случалось менѣе кровавыхъ столкновеній по поводу семейныхъ несогласій. Риглеръ говоритъ, что армяне самый трудолюбивый изъ всѣхъ восточныхъ народовъ, но въ нихъ довольно сильно развитъ недостатокъ, общій всѣмъ азіатскимъ народамъ: рабское угодничество передъ высшими и болѣе богатыми, и тщеславное высокомеріе въ сношеніяхъ съ низшими и бѣднѣйшими.

Болгаре и сербы, живущіе въ Молдаво-Валахіи, почти ничѣмъ не отличаются отъ румынъ и вступаютъ съ ними въ самыя тѣсныя сношенія; особенно болгаре, заимствующіе у румыновъ то, въ чемъ они сильно нуждаются, т. е. высшую цивилизацію. Флегматическіе, сильные физически болгаре занимаются въ Молдаво-Валахіи земледѣліемъ, которому они предаются со страстью. Огородничество и садоводство также принадлежатъ къ числу ихъ любимыхъ занятій. Огородники въ большихъ городахъ Румыніи по большей части изъ болгаръ.

« Не удивляйтесь, говоритъ Дора д'Истрія, — хорошему приему, какой встрѣчаютъ болгаре, при своемъ переселеніи въ Молдаво-Валахію, которую они считаютъ своимъ вторымъ отечествомъ. Съ самаго перваго поселенія своего въ странѣ, въ древности называвшейся Мизіей, болгаре почувствовали симпатію къ румынамъ. Утвердившись на берегахъ Дуная, болгаре соединились съ валахами, хотя эти послѣдніе слѣдовали нравамъ и обычаямъ своимъ предковъ, римлянъ, — и вмѣстѣ съ ними основали королевство, существовавшее самостоятельно до смерти короля Самуила, побѣжденнаго императоромъ Василіемъ... Часть Ва-

лахин долгое время еще оставалась независимой и въ ея городахъ и крѣпостяхъ укрывались болгаре, скомпрометированные въ глазахъ завоевателей». Въ болѣе близкія къ намъ времена болгаре укрывались въ Дунайскихъ княжествахъ отъ турокъ, а молдаване и валахи бѣжали въ Болгарію, вынуждаемые къ тому внутренними переворотами въ княжествахъ.

Цыганъ въ княжествѣ до 250,000. Они поселились здѣсь въ XIV столѣтіи, т. е. въ то время, когда они, эмигрируя изъ Индіи по неизвѣстнымъ причинамъ, нахлынули въ Европу. Въ княжествахъ цыгане подвергались гоненію несравненно менѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ; здѣсь обошлись съ ними человѣчнѣе и терпимѣе, и только здѣсь довольно значительная часть ихъ зажила осѣдлой жизнью. Впрочемъ, живутъ осѣдло они лѣтомъ, когда обрабатываютъ поля. Но какъ только хлѣбъ снятъ, часть ихъ отправляется по городамъ и деревнямъ, занимаясь своимъ любимымъ ремесломъ, кузнечнымъ, править костюлы, предсказываетъ будущее. Между цыганами много музыкантовъ и танцорокъ и ни одно празднество въ дунайской долинѣ не обходится безъ цыганъ и цыганонокъ. Цыгане, кромѣ того, занимаются выдѣлкой деревянной посуды, водятъ медвѣдей и пр. Каждая цыганская корпорація имѣетъ свои собственные законы и управляется выборнымъ судьей. Этотъ судья носитъ красную мантию и искривленный жезлъ и имѣетъ неограниченную власть надъ членами корпораціи; онъ отправляетъ свою обязанность съ тѣми-же формами, которыя употреблялись тысячелѣтія тому назадъ у народовъ пастушескихъ, примѣняются и теперь въ ордахъ номадовъ.

Цыгане—музыканты по натурѣ; большинство изъ нихъ играетъ на память, не зная ни нотъ, ни учителей. Если цыганъ случайно присутствуетъ при игрѣ еврейскихъ и нѣмецкихъ музыкантовъ, онъ легко повторитъ выслушанную арію, хотя слышалъ ее одинъ, много два раза. Цыгане, однакожъ, не любятъ чужой музыки и пробавляются своей, перешедшей къ нимъ отъ праотцевъ.

Хотя цыгане, при своемъ переселеніи въ Европу, встрѣтили въ княжествахъ лучшей приѣмъ, чѣмъ въ другихъ странахъ, тѣмъ не менѣе они были обращены въ рабство, и долгое время составляли собственность государства, монастырей и бояръ, и ихъ продавали на рынкахъ точно скотину.

Послѣ іюльской революціи 1830 года во Франціи, отразившейся и въ Румыніи, здѣсь былъ поднятъ вопросъ объ освобожденіи цыганъ. Главнымъ противникомъ этого освобожденія явилось высшее духовенство, подобно тому какъ высшее-же духовенство возставало противъ

освобожденія рабовъ въ англійскихъ, французскихъ и испанскихъ колоніяхъ. Нѣкоторые бойяре, какъ, напримѣръ, Кампиніано, братья Голески и др., успѣлиа практически разрѣшить этотъ вопросъ, освободивъ рабовъ, жившихъ въ ихъ имѣніяхъ. Но еще нѣсколько лѣтъ послѣ того рабы появлялись на рынкахъ, и только въ 1837 г.; валахскій господарь Александръ X Гика, по согласію съ нарочно созваннымъ собраніемъ, издалъ декретъ, освобождавшій цыганъ отъ рабства. Тоже самое, 7 лѣтъ спустя, сдѣлалъ молдавскій господарь Михайлъ V Стурдза. Одинъ молдавскій поэтъ привѣтствовалъ это событіе прекрасными стихами, въ которыхъ предсказывалъ, что освобожденіе цыганъ отъ рабства послужитъ предвѣстникомъ полного освобожденія крестьянина, на которомъ лежали еще многія крѣпостныя обязанности.

«О моя родина, говоритъ поэтъ, — разбивая цѣпи цыганъ, ты тѣмъ самымъ приготавлиаешь себѣ въ будущемъ свою собственную свободу!»

Истиниктъ не обманулъ поэта: въ 1862 году совершилось полное освобожденіе крестьянъ въ Румыніи.

II.

Евреи являются въ торговлѣ дѣятельными конкурентами грекамъ, переселившимся въ Румынію въ XV столѣтіи, большинство которыхъ состоитъ изъ потомковъ фанариотовъ, бѣжавшихъ изъ Константинополя; однакожъ въ этой конкуренціи всѣ выгоды выпадаютъ на долю грековъ. Восточная пословица говоритъ, что «одинъ грекъ стоитъ десяти жидовъ», и дѣйствительно, если греку вздумается открыть однородную лавку рядомъ съ лавкой еврея, то черезъ довольно короткое время всѣ покупатели изъ лавки еврея перейдутъ въ лавку грека и, такимъ образомъ, грекъ вырываетъ у своего сосѣда, еврея, хлѣбъ изо-рту. Грекъ ловче и общительнѣе еврея, хотя умѣетъ надувать публику, пожалуй, и почище еврея. Но во всѣхъ мѣстахъ Румыніи, гдѣ грекъ не составляетъ конкуренціи еврею, еврей эксплуатируетъ публику безжалостно, безирекословно. Еврей эксплуатируетъ румынъ не потому, чтобы они были слишкомъ просты; совсѣмъ нѣтъ, румыны внѣ своего отечества очень удачно соперничаютъ съ евреями и, превосходя евреевъ въ развитіи, почти всегда побѣждаютъ ихъ. Но на родинѣ румынъ—богатъ-ли онъ или бѣденъ, это все равно—не любитъ заниматься своими собственными дѣлами, онъ поручаетъ

вести ихъ еврейю, а самъ играетъ роль вельможи, которому непринично учитывать каждую копейку. Еврей едѣлся посрединкомъ между невѣжественнымъ и бѣднымъ крестьяниномъ съ одной стороны, и богатымъ, тщеславнымъ и безпечнымъ бояромъ съ другой; онъ такъ ловко ведетъ дѣла, что безъ него не можетъ обойтись ни тотъ, ни другой. Едва подымется на ноги малютка цыганъ, онъ уже бренчить на скрипкѣ, маленькая цыганка танцуетъ, кокетливо перегибая станъ, а маленькій еврей торгуетъ старыми пуговицами и подержанными фуражками. Евреи продаютъ все, промышляютъ всѣмъ, въ княжествахъ онъ берется за всякое дѣло, вмѣшиваются во всякое предпріятіе, заботятся только о томъ, чтобы не столкнуться съ грекомъ и чтобы имъ не пришлось работать собственными руками. Болѣе всего имъ ненавистна работа земледѣльца; происходя отъ древней расы пастуховъ, они принимаются за обработку земли только въ случаѣ крайней необходимости, т. е. безъисходной нищеты и невозможности пристроиться другимъ способомъ. Въ Молдавіи евреи служатъ ямщиками на почтѣ; при этомъ ихъ нѣсколько стѣсняетъ постановленіе талмуда, запрещающее еврейю ѣздить во время шабата, т. е. съ вечера пятницы до вечера субботы или вообще работать. Но, народъ хитрый, еврей ловко вывертываются изъ затруднительнаго положенія. Въ талмудѣ постановлено: «въ день субботній ты можешь ходить по травѣ», — еврей, везущій пассажира, направляетъ колесо экипажа по травѣ. «Ты можешь переходить воду», говоритъ талмудъ, — ямщикъ-еврей на днѣ своего экипажа намалевываетъ воду. «Ты можешь работать въ день субботній только въ такомъ случаѣ, если тебя заставятъ силой», провозглашаетъ талмудъ, — еврей проситъ пассажира, чтобы тотъ поколотилъ его и, успокоенный, отправляется въ путь.

А въ Румыніи и безъ просьбы любятъ колотить евреевъ. Во время народныхъ волненій, релігіозные румыны изъ фанатизма накидываются на евреевъ и колотятъ ихъ весьма изрядно; самые пылкіе расправляются не одними кулаками, но пускаютъ въ дѣло сабли и ружья: происходятъ возмутительныя сцены, способныя потрясти даже стальные нервы, но толпа радуется, хохочетъ и изобрѣтаетъ новыя истязанія несчастнымъ. Румыны гордятся тѣмъ, что въ былое время они гостепримино приняли къ себѣ евреевъ, бѣжавшихъ изъ Испаніи отъ притѣсненій Изабеллы католической, и изъ Польши отъ преслѣдованій іезуитовъ. Можетъ быть, предки нынѣшнихъ румыновъ дѣйствительно были способны на проявленіе такой гуманности, но ихъ потомки отличаются теперь крайней нетерпимостью.

Гдѣ причина страшной ненависти румынскаго крестьянина къ ев-

рею? Главная причина, конечно, заключается въ томъ, что еврей, давая деньги въ займы крестьянину, беретъ съ него непомерные проценты, такъ что несчастный должникъ никогда не можетъ выгнѣть изъ долга и съ каждымъ днемъ бѣднѣетъ болѣе и болѣе. Другая причина заключается въ предрасудкахъ, отъ которыхъ до сихъ поръ не могутъ освободиться румыны; они еще и нынче искренно вѣрятъ, что еврей въ тѣсто своего пасхальнаго хлѣба подбавляютъ крови христіанскаго ребенка. Проѣзжая по Румыніи можно въ каждой деревнѣ слышать разсказъ, что вотъ въ сосѣдствѣ (не ближе, впрочемъ, 40-50 верстъ) не такъ давно передъ еврейской пасхой былъ украденъ евреями христіанскій ребенокъ; мучители посадили несчастнаго въ бочку, утыканную гвоздями и стали катать ее; потомъ кровь мученика примѣшали въ тѣсто для пасхальныхъ хлѣбовъ... Этотъ и подобные ему разсказы разжигаютъ ненависть, и время отъ времени возбужденное христіанское населеніе возстаетъ и принимается убивать евреевъ.

Къ несчастію, эти вспышки фанатизма повторяются довольно часто и время отъ времени изумляютъ Европу, которая съ удивленіемъ спрашиваетъ себя: какія причины могутъ возбуждать этотъ фанатизмъ времени минувшихъ? Послѣдній взрывъ такого фанатизма повлекъ за собою дипломатическое вмѣшательство иностранныхъ державъ.

Въ декабрѣ прошлаго года въ измаильскомъ соборѣ были украдены священные сосуды. Виновникомъ этой кражи, по общему мнѣнію, былъ Моисей Симонъ. Несомнѣнно, что этотъ еврей совершилъ преступленіе не изъ религіознаго, фанатизма, но раздраженное христіанское населеніе приписало его желанію всѣхъ измаильскихъ евреевъ оскорбить христіанскую религію и рѣшило примѣрно наказать свято-татцевъ.

«Въ Измаилѣ 320 евреевъ было убито или ранено, сообщали въ то время газеты на основаніи самыхъ точныхъ свѣденій;—50 домовъ, въ томъ числѣ синагога, были совершенно разрушены. Въ Кагулѣ убито и изувѣчено 40 человекъ. Вмѣстѣ съ убійствомъ прибѣгли къ насилію: нѣсколько женщинъ и дѣвицъ подверглись изнасилованію въ глазахъ ихъ мужей и отцовъ. Было даже нѣсколько случаевъ грабежа. Чиновники вездѣ оставались пассивными зрителями этихъ ужасныхъ сценъ, что они дѣлаютъ, впрочемъ, всегда, когда производится нападеніе на евреевъ. Оргія продолжалась 8 дней, и прекратилась только послѣ, къ несчастію, слишкомъ поздняго, вмѣшательства военной силы».

Румынское правительство пыталось разными увертками извинить

случившіяся безобразія. Оно старалось увѣрить, что сами евреи вызвали беспорядки непрерывными грабежами церквей. Министръ иностранныхъ дѣлъ Коста Фору, въ присутствіи иностранныхъ консуловъ, заявилъ, что беспорядки въ Измаилѣ продолжались всего три часа и стояли весьма небольшого числа жертвъ. Жалкое оправданіе, на которое представитель Соединенныхъ штатовъ отвѣчалъ прочтеніемъ длиннаго списка евреевъ, убитыхъ или раненыхъ во время свалки.

Печальное измаильское дѣло было подвергнуто обсужденію ассизнаго суда въ Бузео. Прокуратура обвиняла евреевъ въ простомъ воровствѣ, но судъ и присяжные признали ихъ виновными также и въ святотатствѣ. Всѣ-же христіане, преданные суду по обвиненію въ насиліи и беспорядкахъ, были оправданы.

Генеральные консулы Германіи, Австріи, Англіи, Италіи, Франціи, Греціи и Соединенныхъ штатовъ протестовали противъ этой двойной несправедливости. На этотъ протестъ Коста Фору отвѣчалъ циркулярной нотой, адресованной ко всѣмъ представителямъ Румыніи. Онъ, конечно, не рѣшился взять подъ свою защиту приговоръ суда въ Бузео, но продолжалъ настаивать на томъ, что еврейская раса, весьма низкая по развитію, своими поступками, подстрекаетъ народъ противъ себя. Въ заключеніе ноты, министръ сообщалъ прошеніе къ принцу Карлу о полномъ помилованіи двухъ евреевъ и смягченіи наказанія тремъ, обвиненнымъ въ воровствѣ въ измаильскомъ соборѣ. Принцъ, два дня спустя послѣ протеста консуловъ, утвердилъ какъ помилованіе, такъ и смягченіе участи обвиненныхъ.

Когда преступленія, подобныя измаильскимъ, совершаются народными массами и повторяются время отъ времени, моралистъ, знакомый съ физиологіей и статистикой, хорошо понимаетъ, что онѣ не могутъ быть признаны случайными или приписаны проявленію безпричинной злобы. Если коллективныя преступленія имѣютъ право на извиненіе (а онѣ иногда его имѣютъ), то, понятно, что всегда возможно ихъ предотвратить, уничтожая причину или совокупность причинъ, ихъ производящихъ.

Всѣ друзья Румыніи, всѣ друзья человѣчества прежде всего пожелаютъ, чтобы была точно разъяснена жестокая, смертельная ненависть румына къ еврею. Говорятъ, что эту ненависть къ евреямъ питаютъ всѣ классы румынскаго общества; евреевъ одинаково ненавидятъ какъ бойары, такъ и крестьяне; всѣ классы румынскаго общества находятся въ рукахъ евреевъ-ростовщиковъ, всѣ раззоряются для обогащенія этихъ ненасытныхъ эксплуататоровъ. Если это такъ, то

противъ этой бѣды можно найти средство, хотя дѣйствующее медленно, но все-таки довольно благотворно. Необходимо учредить кредитныя общества и начинъ такого дѣла долженъ идти отъ правительства. Введеніе хорошей гипотечной системы будетъ несомнѣнно сопровождаться облегченіемъ кредита для частныхъ лицъ, что избавитъ ихъ отъ необходимости обращаться къ жаднымъ ростовщикамъ евреямъ.

Румынскіе писатели выставляютъ еще другую причину ненависти: возмутительныя продѣлки евреевъ-кабачниковъ, отпускающихъ крестьянамъ до крайности испорченную водку и обманывающихъ крестьянъ всѣми способами. Эта бѣда тоже поправима.

Третьей важной причиной ненависти румынъ къ евреямъ считаютъ поразительныя грабежи и мошенничества, какими отличился еврей при постройкѣ желѣзной дороги. Впрочемъ, въ этомъ дѣлѣ еврей служилъ второстепенными агентами, главное-же распоряженіе предпріятіемъ находилось въ рукахъ нѣмцевъ.

Однакожъ всѣ эти причины еще недостаточны для проявленія смертельной ненависти. Точно также эту ненависть нельзя приписать разности религій, какую исповѣдуютъ враждующія стороны. Причины ненависти лежатъ гораздо глубже и ихъ слѣдуетъ искать въ политической и гражданской жизни страны.

Самъ румынскій законъ ставитъ евреевъ внѣ цивилизаціи. Они исключены изъ жизни общины; это исключеніе для плохой румынской администраціи составляетъ источникъ постоянныхъ доходовъ и даетъ возможность самимъ евреямъ, пользуясь близкими сношеніями съ администраціей, постоянно нарушать законъ. Въ теперешнемъ своемъ положеніи еврей, извлекая личную пользу изъ жизни въ городѣ, не несетъ за то никакихъ повинностей, сопряженныхъ съ пользованіемъ правами городского жителя.

Низшіе классы городского населенія, находящіеся въ худшемъ матеріальномъ положеніи, чѣмъ еврей, естественно негодуютъ, что подвергаются эксплуатаціи людей, считающихся врагами ихъ религій, — людей, исключенныхъ изъ жизни гражданской; они сознаютъ притомъ, что эти паріи имѣютъ надъ ними громадныя преимущества и ихъ негодованіе переходитъ въ глухую ярость и гнѣвъ.

Несомнѣнно, что съ того дня, какъ законъ дастъ евреямъ полныя права румынскихъ гражданъ, существующая теперь ненависть къ нимъ румынъ ослабнетъ и мало-по-малу совершенно исчезнетъ. Равная справедливость для всѣхъ всегда будетъ имѣть результатомъ внутренній миръ и послужитъ самымъ вѣрнымъ средствомъ для раз-

витія симпатіи между различными національностями, входящими въ составъ государства. Къ несчастію, эта всеѣма простая истина и въ настоящее время еще не понятна даже лучшимъ людямъ Румыніи. Они до сихъ поръ готовы вѣрить, что юдаизмъ самъ по себѣ составляетъ высшую степень зла, а евреи представляютъ самую дрянную разновидность человѣческаго рода. Еще недавно румынскіе журналисты собирались на конгрессъ, цѣлю котораго было изыскать средства для противодѣйствія постоянно возрастающему въ странѣ вліянію юдаизма и германизма. Шестъ мѣсяцевъ тому назадъ одинъ сенаторъ представилъ сенату резолюцію, которой это высшее учрежденіе въ странѣ должно было признать, что министерство лишилось довѣрія страны. Въ числѣ поводовъ къ неудовольствію, былъ выставленъ, какъ самый важнѣйшій, слѣдующій: «наконецъ, правительство нарушило конституцію, допустивъ избраніе евреевъ въ число присяжныхъ».

Между тѣмъ, если-бы евреи, рядомъ съ христіанами, находились въ составѣ присяжныхъ въ ассизномъ судѣ въ Бузео, судъ не постановилъ-бы приговора, отъ котораго должна краснѣть румынская нація. Ужасы, произведенные разсвирѣпѣвшимъ народомъ въ Измайлѣ, въ глазахъ истиннаго моралиста, скорѣе извинительны, чѣмъ этотъ приговоръ суда въ Бузео, постановленный хладнокровно, послѣ продолжительныхъ преній и размышленія!

Протестъ генеральныхъ консуловъ послѣ приговора, постановленнаго судомъ въ Бузео, снова поднялъ въ Румыніи вопросъ, который не разъ уже занималъ общественное мнѣніе страны: вопросъ о консульской юрисдикціи. Румынія находится подъ сюзереннымъ, хотя почти совершенно номинальнымъ, владычествомъ Турціи; подданные другихъ державъ, проживающіе въ ней, избавлены отъ подсудности мѣстнымъ судамъ и подчинены юрисдикціи своихъ консуловъ, которые, такимъ образомъ, пользуются отчасти правами дипломатическихъ агентовъ. Простые коммерческіе агенты, лишеныя всякой политической власти въ государствахъ самостоятельныхъ, консулы иностранныхъ державъ въ Румыніи, пользуются привилегіей неподсудности, обыкновенно принадлежащей или посланникамъ, или-же агентамъ, должность которыхъ имѣетъ исключительно дипломатическій характеръ. Консулы иностранныхъ державъ въ Румыніи энергически отстаиваютъ свое право не только гражданскаго, но и уголовнаго суда, когда прикосновенныя лица граждане ихъ государствъ, и даже въ томъ случаѣ, если туземцы имѣютъ дѣло съ ихъ соотечественниками. Этотъ порядокъ вещей, представлявшій въ былыя времена

гарантию противъ грабежей и насилій турецкой администраціи, приводитъ теперь ко многимъ неудобствамъ. Румыны жалуются, что, благодаря вмѣшательству консуловъ, случаются нерѣдко серьезные злоупотребленія и законъ теряетъ должное уваженіе и авторитетъ. Нерѣдко консулы своимъ вмѣшательствомъ препятствуютъ правильному отправленію правосудія и ослабляютъ дѣйствіе необходимыхъ законныхъ мѣръ. Центральное правительство, желая поддерживать дружескія сношенія съ иностранными державами, бываетъ нерѣдко вынуждено объявлять свое порицаніе чиновнику, съ достоинствомъ и мужествомъ защищавшему авторитетъ законовъ страны противъ несправедливаго вмѣшательства консула.

Разсуждая съ абстрактной точки зрѣнія, нельзя не признать, что юрисдикція консуловъ иностранныхъ державъ представляетъ большія неудобства для Румыніи. Нельзя отвергать, что такой порядокъ наноситъ ущербъ авторитету правительства. Невмѣшательство иностранныхъ державъ во внутреннія дѣла государства составляетъ важнѣйшій и справедливѣйшій принципъ права и никакое правительство не захочетъ допустить чуждаго контроля надъ своими дѣйствіями. Но, при всей справедливости этихъ положеній, нельзя не признать, что Румынія дурно выбрала время для поднятія вопроса объ уничтоженіи консульской юрисдикціи въ ея предѣлахъ. Она начала агитацію по этому поводу тотчасъ послѣ протеста консуловъ, къ ея несчастію мотивированнаго весьма правильно и возбудившаго сочувствіе всей Европы.

Кровавая расплата съ евреями, судя по прежнимъ примѣрамъ, можетъ снова повториться въ Румыніи, и снова евреи найдутъ своихъ защитниковъ только въ иностранныхъ консулахъ; въ числѣ пострадавшихъ евреевъ будутъ, какъ и прежде, подданные государствъ, представляемыхъ консулами, и консулы, опираясь на свое право юрисдикціи, снова будутъ имѣть поводъ представить свои протесты, и остановить, какъ и въ послѣднемъ случаѣ, дальнѣйшее распространеніе неистовствъ. Румынія сдѣлаетъ гораздо лучше, если не станетъ настаивать на отмѣнѣ консульской юрисдикціи. Установитъ она у себя справедливость, и тогда можетъ требовать отмѣны неудобнаго для нея порядка. На парижскомъ конгрессѣ 1858 года, признавшемъ политическую независимость Румыніи, былъ поднятъ вопросъ объ отмѣнѣ въ ней консульской юрисдикціи, но дипломаты, послѣ продолжительнаго обсужденія, рѣшили, что лучше оставить по прежнему, такъ-какъ иначе пришлось-бы отмѣнить консульскую юрисдикцію и въ Турціи, гдѣ безъ нея обойтись невозможно. Время пока-

зало, что на этотъ разъ дипломаты не ошиблись, что консульская юрисдикція еще необходима въ Румыніи. Но, нѣтъ сомнѣнія, недалеко то время, когда Румыніа утвердитъ у себя внутренней миръ и узаконитъ справедливость равную для всѣхъ ея жителей. Тогда консульская юрисдикція станетъ очевиднымъ анахронизмомъ и никому не придетъ охоты защищать ее.

III.

Сказавъ объ иностранцахъ, поселившихся въ Румыніи, обратимся теперь къ самому румынскому народу.

Высшій классъ румынскаго населенія составляютъ бояры. Этотъ классъ отчасти измѣнилъ свой старинный типъ, но все-таки въ немъ осталось много старинныхъ оригинальныхъ чертъ, какъ остались они въ русскомъ помѣщикѣ, въ польскомъ шляхтичѣ, въ англійскомъ эсквайрѣ и въ испанскомъ гidalго.

Въ княжествахъ привилегированный классъ, избавленный отъ податей и признанный конституціей 1858 года, заключаетъ бояръ и духовенство съ ихъ прислужниками. Въ Валахіи изъ 3,200 боярскихъ фамилій только 70 причислены къ крупнымъ. Въ Молдавіи отношеніе не такъ рѣзко: изъ 2,800 фамилій, крупныхъ 300. Большую часть фамилій мелкихъ бояръ правильнѣе причислить къ буржуазіи. Буржуазія, въ томъ видѣ, какъ она существуетъ въ западной Европѣ, до сихъ поръ была почти неизвѣстна въ Румыніи, но съ нѣкотораго времени уже оказываются очевидные признаки ея возникновенія. Типомъ дѣйствительной аристократіи обыкновенно считается англійская, богатая землей и капиталами, и пользующаяся привилегированнымъ положеніемъ, которое даетъ ей писанный законъ и обычай. Дворянство можетъ быть бѣднымъ и оставаться дворянствомъ, лишь—бы оно обладало землей, но дворянство безъ поземельной собственности должно считаться буржуазіей. Валахскій кабачникъ, разбогатѣвшій отъ продажи водки окрестнымъ крестьянамъ, и купившій боярское помѣстье, избавленное отъ налога, правильнѣе можетъ называться дворяниномъ, чѣмъ офицеръ, выслужившійся изъ солдатъ, или простой писецъ, достигшій извѣстнаго бюрократическаго положенія. Въ старину въ Румыніи было только поземельное дворянство, но въ 1500 году Раду IV пожаловалъ дворянское достоинство многимъ чиновникамъ своего двора и положилъ начало мелкому боярству, которое по своему положенію ближе подходитъ къ среднему

сословію, чѣмъ къ дворянству. Къ дворянству-же въ настоящемъ значеніи слова принадлежатъ чисто-сельскіе бойяры крупныя и нѣкоторыя изъ мелкихъ и крупныя-же бойяры, проживающіе въ городахъ: они по большей части фанариотскаго происхожденія. Первые представляетъ собой типъ грубый, варварскій, полу-героическій; вторые—элегантный, по виду вполне цивилизованный. На самомъ-же дѣлѣ различіе между обоими типами болѣе кажущееся, чѣмъ дѣйствительное, и представители второго типа весьма легко принимаютъ отличительныя качества первого. Стоитъ только городскому франту, проживающему жизнь въ Бухарестѣ и въ Яссахъ, поразстроить свои дѣла, или когда его лобъ и лицо покроются морщинами, онъ удаляется въ сельское уединеніе, и тамъ, въ глуши, теряетъ свои элегантныя манеры и превращается въ грубаго зюганга; не встрѣчая противодѣйствія отъ своихъ сосѣдей крестьянъ, находящихся отъ него въ зависимости, почему онъ всегда можетъ держать ихъ въ рукахъ, онъ пріучается къ деспотизму и мало-по-малу превращается въ самодура. Конечно, не всѣ бойяры принадлежатъ къ этому непривлекательному типу, но большинство отличается многими недостатками его.

Бойяръ этого типа проводитъ всю свою жизнь въ праздности; онъ заботится прежде всего о наружной, чисто-азиатской пышности, онъ желаетъ поразить всѣхъ своею роскошью, но во всемъ и всегда отдаетъ предпочтеніе количеству передъ качествомъ, онъ любитъ производить шумъ и для этого не жалѣетъ никакихъ издержекъ. Интересно, напримѣръ, выборъ кучера въ домъ крупнаго бойяра. Желающіе занять это мѣсто собираются во дворѣ бойяра и между ними происходитъ состязаніе. Прежде всего отъ кучера требуется, чтобы онъ могъ шибко кричать. У кого сильная глотка да атлетическое сложеніе, тотъ и получаетъ призъ,—т. е. довольно выгодное мѣсто кучера у богатаго бойяра. Когда бойяръ вѣзжаетъ въ городъ, кучеръ обязанъ орать во всю мочь, переругиваться съ встрѣчными ямщиками и проходящимъ людомъ. По этимъ признакамъ горожане узнаютъ, что ихъ городъ удостоился чести посѣщенія знатнымъ лицомъ.

Охота, игра въ карты и женщины легкаго поведенія—вотъ наслажденія, которыя, вмѣстѣ съ обжорствомъ и попойками, наполняютъ жизнь сельскаго бойяра. Бойяръ не можетъ также обходиться безъ музыки цыганъ, играющихъ на лютнѣ; въ каждомъ бойярскомъ домѣ непремѣнно находится такой цыганъ, иногда два и болѣе. Эти музыканты обязаны играть за обѣдомъ. Передъ началомъ игры цыганъ обыкновенно обращается съ комплиментами къ гостямъ, затѣмъ рас-

хваливаетъ хозяина. Окончивъ свою льстивую рѣчь, онъ принимается играть на своемъ инструментѣ.

Иностранные путешественники рѣдко упоминаютъ о сельскихъ боярахъ; съ жизнью городскихъ представителей этого сословія легче знакомиться; ее преимущественно они и описываютъ, и многіе, увлекшись наружнымъ великолѣпіемъ бояръ, расточаютъ имъ преувеличенныя похвалы.

«Трудно представить себѣ болѣе великолѣпный балъ, говоритъ Билькокъ въ своемъ «Album Moldo Valaque», — чѣмъ балъ господаря княжества, данный имъ въ одинъ изъ большихъ праздниковъ. Всѣ иностранцы, присутствовавшіе на этомъ балѣ были поражены и восхищены. Возвращаясь съ бала у князя Александра Гика, я спросилъ у одного изъ нашихъ пословъ, что онъ думаетъ объ этомъ великолѣпномъ собраніи. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что такое великолѣпіе трудно найти даже въ самыхъ изысканныхъ салонахъ Парижа».

Нашъ соотечественникъ, Анатолій Дешидовъ, въ своихъ путевыхъ замѣткахъ, написанныхъ на французскомъ языкѣ, тоже восхищается великолѣпіемъ баловъ, какіе задаютъ бояры, проживающіе въ Букарестѣ и Яссахъ; онъ восхищается также элегантною женщиною и образованіемъ мужчинъ.

Въ одной изъ статей о Румыніи, напечатанныхъ въ «Edimburg Review», утверждаютъ, что румынская аристократія отличается богатствомъ, независимымъ образомъ мыслей, образованностью и нравственностью.

Сколько можно судить по другимъ, болѣе вѣрнымъ источникамъ похвалы, приводимыя въ цитированныхъ нами статьяхъ, крайне преувеличены. Средній уровень образованія румынской аристократіи, правда, не низокъ, но нельзя сказать, чтобы она отличалась высокимъ развитіемъ. Что-же касается нравственности, то всѣ безпристрастные люди въ одинъ голосъ утверждаютъ, что ни въ одномъ изъ большихъ городовъ Европы не встрѣчается такой легкости нравовъ, какъ въ богатыхъ салонахъ Букареста и Яссъ. «Молодые валахскіе бояре обладали въ то время значительными состояніями, пишетъ одинъ изъ извѣстныхъ румынскихъ писателей, описывая свое отечество за нѣсколько лѣтъ назадъ, — и легкомысленно его растрачивали, не справляясь, хватить-ли его на ихъ жизнь, а тѣмъ болѣе, останется-ли что-нибудь ихъ наслѣдникамъ. Они раззорались искренно, на виду всѣхъ, не скрывая, что они жаждутъ только наслажденія, какой-бы цѣной оно ни покупалось. Они считали недостойнымъ играть комедію, лицедрить и мужественно выставляли свои пороки

и недостатки. Мужчины открыто являлись съ куртизанками, участвовали въ самыхъ буйныхъ оргіяхъ; напивались до безобразія и играли въ карты съ бѣшеннымъ азартомъ. Женщины, въ виду безумной жизни своихъ мужей, брали любовниковъ, гдѣ придется, часто мѣняли ихъ, и дѣлали изъ своей жизни родъ любовной Одиссеи, гдѣ разнообразію въ наслажденіяхъ отдавалось предпочтеніе предъ сердечной склонностью. Это испорченное общество отличалось однимъ достоинствомъ: оно было вполне терпимо; каждый членъ его могъ жить, какъ ему угодно; никого не удивляло, если кому-нибудь приходила охота вести жизнь уклоняясь отъ общепринятаго шаблона. Здѣсь давалась полнѣйшая свобода какъ для добра, такъ и для зла».

Конечно, эта картина не совсѣмъ вѣрна для настоящаго времени, но извѣстно, что испорченное общество не можетъ внезапно превратиться въ высоко-нравственное; для такой перемѣны требуются годы, а не мѣсяцы.

Красотой и любезностью румынскихъ, и въ особенности букарестскихъ женщинъ восторгаются всѣ путешественники. «Милыя созданія; на которыхъ клеветуютъ, судя о всѣхъ по нѣкоторымъ исключеніямъ, говорить Вальянъ, — румынскія женщины нѣжны и остроумны. Онѣ менѣе страстны, чѣмъ испанки; менѣе сантиментальны, чѣмъ нѣмки; менѣе непреклонны, чѣмъ англичанки; но у нихъ много такта и вкуса, и для того, чтобы быть вполне очаровательными созданіями, онѣ не нуждаются въ блистательномъ образованіи. Онѣ разсудительны не меньше своихъ мужей и несравненно способнѣе ихъ къ глубокой преданности».

«Я была поражена, говоритъ Дора д'Истрія, — естественной граціей и прекрасными манерами румынскихъ дѣвицъ. Крестьянки своей суровой граціей напоминаютъ прекраснѣйшіе типы Италіи. Однакожь ихъ вышитая рубаха, передникъ и красные сапоги говорятъ о вліяніи Востока. Ихъ граціозные танцы отличаются скромностью, составляющею контрастъ съ бѣшеными и довольно нескромными танцами мужчинъ».

Другіе путешественники восхваляютъ удивительную способность румынскихъ женщинъ (а также и мужчинъ) къ изученію иностранныхъ языковъ. Многія изъ нихъ говорятъ по-французски; почти всѣ говорятъ на нѣмецкомъ языкѣ или понимаютъ его. Большая часть изъ фанариотскихъ фамилій, переселившихся въ Букарестъ 250 лѣтъ тому назадъ, хотя и употребляютъ румынскій языкъ, но превосходно знаютъ греческій не только новѣйшій, но и древній языкъ Гомера

и Демосфена. Иная дама, плохо знающая румынскую орфографію, читаетъ въ подлинникѣ классическихъ греческихъ поэтовъ.

Но какъ ни очаровательны валахскія женщины, ни въ одной странѣ не бываютъ такъ часты случаи разводовъ, какъ въ Валахіи. Въ другихъ странахъ, гдѣ разводъ дается даже легче и стоитъ много дешевле, чѣмъ въ Румыніи, къ нему прибѣгаютъ несравненно рѣже, въ Румыніи (почти одинаково, какъ въ Валахіи, такъ и въ Молдавіи) разводъ обратился въ обычное явленіе въ средѣ боярскихъ фамилій. Прочіе классы прибѣгаютъ къ нему рѣже, а крестьяне и совсѣмъ не прибѣгаютъ, по простой причинѣ, что для развода требуются деньги, а крестьяне ихъ не имѣютъ.

Въ Румыніи не существуетъ гражданскаго брака; священникъ заключаетъ бракъ, священникъ даетъ разводъ. Увѣряютъ, что въ Букарестѣ большая часть прекрасныхъ мужчинъ и прекрасныхъ дамъ, встрѣчающихся въ салонахъ высшаго общества, по нѣскольکو разъ вступали въ законный бракъ и разводились; иная женщина имѣетъ въ числѣ своихъ знакомыхъ, принятыхъ въ ея домѣ, двухъ или трехъ своихъ бывшихъ законныхъ мужей; также и мужчина привѣтливо пожимаетъ руки двумъ или тремъ своимъ бывшимъ женамъ. Въ Молдавіи старикъ бояръ, который ни разу въ своей жизни не прибѣгалъ къ разводу, считается феноменомъ. Понятно, что общество, гдѣ такъ легко прибѣгаютъ къ разводу, не можетъ представлять примѣровъ нѣжной привязанности супруговъ другъ къ другу. И можно повѣрить путешественнику, который говоритъ, что въ Яссахъ ему привелось видѣть, какъ бояръ, проигравшійся до послѣдней копейки, поставилъ на карту свою жену, сначала проигралъ ее, потомъ снова отыгралъ. Путешественникъ увѣряетъ, что это случай не единичный, и что ему рассказывали о нѣсколькихъ другихъ, подобныхъ-же случаяхъ.

Моралисты сильно возстаютъ противъ такого состоянія румынскаго общества, при чемъ преувеличиваютъ его послѣдствія. Правда, что злоупотребленіе разводомъ разрушаетъ крѣпость семейнаго начала и въ обществѣ вслѣдствіе того на замужество начинаютъ смотрѣть, какъ на дѣло плотскаго наслажденія. Правда, что легкомысленный по натурѣ характеръ молдаво-валахскаго общества сталъ еще болѣе легкомысленнымъ вслѣдствіе злоупотребленія разводомъ. Несомнѣнно, что жизнь вмѣстѣ съ нѣсколькими отцами и матерями,—такъ какъ вотчимы и матери заявляютъ свои родительскія права на пасынковъ и падчерицъ — такая жизнь не можетъ развитъ въ дѣтяхъ любви и уваженія къ своимъ родителямъ. Нѣтъ спора, что въ высшемъ румынскомъ обще-

ствѣ всѣ одержимы горячкой любовныхъ приключеній, такъ что одинъ изъ крушныхъ бояйръ, рассказывая въ Парижѣ о супружеской жизни своихъ соотечественниковъ, слѣдующими словами заключилъ свой рассказъ: «Нарушеніе супружеской вѣрности составляетъ во Франціи серьезную социальную болѣзнь; въ нашемъ-же обществѣ, пребывающемъ еще въ состояніи смѣшенія, эта болѣзнь была-бы огромнымъ шагомъ впередъ на пути къ нравственности».

Все это правда, но также нельзя не признать, что какъ ни часты злоупотребленія разводомъ въ Румыніи, все-таки легкость развода спасаетъ румынское общество отъ того печальнаго положенія, въ какомъ находится бракъ во Франціи. Затруднительность развода способствовала развитію тамъ въ сильной степени нарушеній супружеской вѣрности, которыя, въ свою очередь, нерѣдко приводятъ къ кровавымъ катастрофамъ. Въ виду этой затруднительности, почти невозможности развода, — разрѣшаемаго наполеоновымъ кодексомъ только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ, — обманъ вошелъ въ нравы французовъ; для людей съ слабымъ характеромъ онъ сталъ даже необходимостью. Сколько мужей, обманутыхъ женами, рѣшались на убійство; сколько женъ, которыя не могли вынести тяжелой семейной жизни, искали выхода изъ своего положенія въ отравленіи мужей! Даже и теперь буржуазная Франція ушивается чтеніемъ безобразной книжки Александра Дюма-сына, въ которой этотъ циникъ хладнокровно доказываетъ, что мужъ *долженъ* убить жену, если убѣдится въ ея невѣрности.

Да, по сравненію съ такимъ беспощаднымъ цинизмомъ, румынскія злоупотребленія разводомъ покажутся фактами высокой нравственности.

Многіе писатели, порицающіе легкость развода у румыновъ, въ подкрѣпленіе своего мнѣнія обыкновенно выставляютъ затруднительность дѣлить наслѣдство между дѣтьми отъ разныхъ отцевъ и матерей, соединенныхъ въ одномъ семействѣ. Затрудненія, дѣйствительно, встрѣтились-бы во Франціи, Англіи или Германіи, гдѣ законъ регламентировалъ права наслѣдства и гдѣ, можетъ быть, потому такъ часты процессы о правѣ наслѣдованія. Въ Румыніи вопросъ о наслѣдствѣ рѣшается полюбовно между разводящимися супругами, а чаще предоставляется случайности.

«Въ Молдавіи, говоритъ докторъ Лежеръ, — разводящіеся супруги раздѣляютъ дѣтей между собою полюбовно и законъ не вмешивается въ ихъ распоряженія. Затѣмъ наслѣдство дѣлится чисто случайно: одному изъ дѣтей достается больше, другому меньше—регламентація

никакой. Супруги, разводясь, нерѣдко выговариваютъ извѣстное состояніе дѣтямъ, которое и утверждается за ними нотаріальнымъ актомъ».

Нѣкоторые находятъ, что въ Румыніи, благодаря легкости расторженія брака, въ высшихъ классахъ семьи слишкомъ многочисленны, что приводитъ къ большому раздробленію имуществъ. Такой выводъ, конечно, не стоитъ никакого вниманія, онъ можетъ возбудить развѣ одинъ смѣхъ.

Утверждаютъ также, что злоупотребленіе разводомъ въ Румыніи имѣло своимъ послѣдствіемъ развитіе космополитизма и ослабленіе чувства патриотизма. Факты, однакожь, показываютъ совсѣмъ иное; Румыніи всегда была богата горячими патриотами; патриотизмъ ея гражданъ нисколько не ослабъ и теперь; встрѣчаются, конечно, истинные патриоты и между бойярами, хотя эти патриоты и ихъ отцы по нѣсколько разъ прибѣгали къ разводу.

Упрекаютъ румынъ (хотя неизвѣстно съ чего и откуда приплетаютъ злоупотребленія разводомъ) въ маломъ уваженіи ихъ къ законности. «Даже и теперь, говорятъ порицатели, — рекрутъ приходится вести связанными, иначе они разбѣгутся». Но то-же самое можно встрѣтить въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Италіи. Нельзя поэтому приписывать этотъ фактъ одному только неуваженію къ закону; есть много и другихъ, болѣе важныхъ причинъ, почему жители глухихъ деревень такъ боятся военной службы.

Мы, однакожь, сказали это вовсе не затѣмъ, чтобы защищать румынъ отъ обвиненія ихъ въ маломъ уваженіи къ законамъ страны. Дѣйствительно, между румынами мало развито чувство законности, но это слѣдуетъ приписать долговременному турецкому владычеству въ странѣ, когда царилъ полнѣйшій произволъ. Румыны возстали противъ этого произвола, возстаніе сопровождалось успѣхомъ, они освободились отъ власти, которая ихъ тиранила, и естественно, почувствовали неуваженіе не только къ побѣжденной власти, но даже и къ самому принципу власти. Но, рано или поздно, съ улучшеніемъ политическаго и соціальнаго положенія страны, румыны станутъ уважать авторитетъ закона, и въ нихъ разовьется чувство законности въ той степени, какая необходима для правильно устроенныхъ обществъ, гдѣ индивидуальной свободѣ дано надлежащее развитіе.

IV.

Займемся теперь румынскими крестьянами, положеніе которых далеко не блистательно.

Чтобы понять теперешнее положеніе румынскаго крестьянина, необходимо ознакомиться съ положеніемъ его 15 лѣтъ тому назадъ, т. е. въ 1856 году.

Тогда 600 тысячъ семействъ изъ 700 тысячъ несли участь рабовъ. Каждый крестьянинъ обязанъ былъ работать на своего бояра 36 дней пѣшіи, 12 дней съ волами или лошадьми; затѣмъ, нѣсколько дней полагалось на перевозку боярскаго хлѣба, на рубку лѣса и пр.; кромѣ того крестьянинъ долженъ былъ отдавать бояру двадцатую часть сбора съ винограда и десятую часть всѣхъ хлѣбовъ. Бояръ могъ брать четырехъ лакеевъ на пожизненную службу изъ 100 семействъ, или-же брать одного лакея съ каждыхъ 10 семействъ, но только на годъ.

Крестьянинъ долженъ былъ платить подать въ пользу духовенства и нести повинности и платить налоги правительству, которые къ тому-же не были точно опредѣлены и взымались произвольно.

Бояръ кромѣ прямыхъ доходовъ получалъ съ крестьянъ еще и косвенные. Только одни бояры имѣли право въ деревняхъ и селахъ продавать или отдавать въ аренду продажу вина, водки и другихъ напитков; они одни имѣли право учреждать торговые и промышленныя заведенія разнаго рода; они-же одни пользовались правомъ строить мельницы. Имъ-же исключительно принадлежало стѣснительное для крестьянъ право охоты.

Нечего и говорить, что рабъ не имѣлъ никакого права на землю, которую онъ обрабатывалъ, и находился въ постоянномъ опасеніи, что его прогонять съ этой земли, если вздумается владѣльцу, и онъ не получить за то никакого вознагражденія. Повятно, что при этихъ условіяхъ между крестьянами должна была развиться апатія и нелюбовь къ труду. Крестьянинъ работалъ ровно столько, сколько его заставляли работать, и страстно любилъ многочисленные праздники, которые давали ему право ничего не дѣлать. Онъ относился крайне недовѣрчиво ко всякому другому труду, кромѣ земледѣльческаго, и брался за него только въ такомъ случаѣ, если его къ тому вынуждалъ голодъ.

Къ счастью для него, почва его страны, орошаемая многими рѣ-

ками, берущими свое начало въ Карпатскихъ горахъ, отличается изумительнымъ плодородіемъ и, состоя изъ толстаго слоя чернозема, почти нигдѣ не имѣетъ нужды въ удобреніи. Половина земли лежала необработанной, а остальная обрабатывалась дурно первобытнымъ способомъ и первобытными орудіями. Румыніа легко можетъ прокормить двадцатимилліонное населеніе. И теперь-бы иностранцы охотно переселялись въ Румынію, но законодательство страны стѣсняетъ колонизацію.

Въ 1856 году законодательнымъ актомъ была торжественно объявлена личная свобода крестьянамъ, но эта свобода ничѣмъ не гарантировалась, и актъ о свободѣ оставался мертвой буквой. По закону крестьянинъ пользовался свободой, но его свобода была подобна свободѣ слуги, имѣющаго право два раза въ году или отказываться отъ службы своему хозяину или возобновлять условія, на которыхъ онъ служилъ въ предыдущее полугодіе. Крестьянинъ могъ оставить землю, которую ему даетъ бояръ или въ Георгіевъ или въ Дмитріевъ день, но долженъ былъ за полгода предупредить о томъ владѣльца земли. Только на этихъ условіяхъ крестьянинъ могъ оставить владѣльца, который обращался съ нимъ дурно. Правда, крестьянинъ имѣлъ право жаловаться господарю на притѣсненія владѣльца, но что онъ этимъ выигрывалъ? Въ благопріятномъ для него случаѣ, господарь осуждалъ владѣльца на 15 дней заключенія въ монастырѣ. Но такой исходъ жалобы можно было считать чудомъ. Обыкновенно случалось такъ, что если, послѣ преодолѣнія многихъ затрудненій, крестьянинъ достигалъ до господара, его препровождали къ министру внутреннихъ дѣлъ; министръ отправлялъ его къ начальнику полиціи; начальникъ полиціи отсылалъ къ низшему полицейскому агенту, а тотъ посылалъ его къ боярарю, на котораго онъ жаловался. Бояръ, если онъ былъ человекъ стараго покроя, давалъ кляузнику (какъ онъ его называлъ) 50 палокъ, тѣмъ дѣло и кончалось. Но могло оно окончиться еще хуже; бояръ всегда имѣлъ возможность придаться къ чему нибудь, пожаловаться въ судъ и крестьянина запирали въ тюрьму, что для него было равносильно совершенному раззоренію. Крестьяне получили дѣйствительную свободу и небольшой надѣлъ землей въ 1862 году, такъ что обратились отчасти (землей они пользуются, отнять ее у нихъ никто не можетъ, но и сами они не могутъ ее продать безъ спеціальнаго разрѣшенія) въ мелкихъ собственниковъ, подобно резешамъ.

Резеши или мелкіе поземельные собственники, число которыхъ простирается до 100 тысячъ семействъ, сохраняютъ еще нѣкоторую независимость рядомъ съ зависящимъ положеніемъ крестьянъ. По преданіямъ,

всѣ румынскіе крестьяне, были нѣкогда свободными и находились въ положеніи резешей. Но иностранныя вторженія, а также политическая, религіозная и социальная системы, которымъ было подчинено управленіе страной, постепенно привели ихъ въ рабское положеніе.

Нѣкогда и въ Англіи было много мелкихъ поземельныхъ собственниковъ; много земель принадлежало общинамъ. Но мало по малу джен-три, при пособіи королей, духовенства и легистовъ, овладѣло этими землями и побѣжденные йомены обратились въ простыхъ батраковъ. Тоже явленіе имѣло мѣсто и въ Румыніи.

Резеши живутъ большими патриархальными семьями и не дѣлятъ землю: она принадлежитъ всему роду сообща и каждый работникъ пользуется равной частью барыша. Этимъ только путемъ резеши сохранили свои земли. Но каждый разъ, какъ семья раздѣлялась, нѣкоторые изъ ея членовъ, живущихъ отдѣльными хозяйствами, впадали въ крайнюю бѣдность и принуждены были продавать свою землю сосѣднимъ монастырямъ или боярамъ, а сами поступали къ нимъ въ рабство.

Резеши нерѣдко теряли свои земли вслѣдствіе процессовъ, которые вели противъ нихъ сосѣдніе монастыри и бояры; земли въ Румыніи не были кадастрованы, акты на владѣніе землями отличались своей неопредѣленностью; слѣдовательно, богатому сосѣду всегда представлялась возможность попользоваться на счетъ бѣднѣйшаго.

Впрочемъ, дѣло рѣдко доходило до суда. Резеши такъ боялись процессовъ, что спѣшили идти на мировую. «Куда мнѣ тягаться съ бояромъ, говорилъ доктору Лежеру резешъ, кончившій дѣло миромъ, хотя было очевидно, что онъ выиграетъ его:—несомнѣнно, что правда на моей сторонѣ, но у меня нѣтъ денегъ, чтобы вести процессъ; если-же я продамъ часть земли и тѣмъ приобрѣту средства для веденія процесса, я все равно раззорюсь — такъ лучше кончить дѣло миромъ, все будетъ стоить дешевле».

При томъ зависимомъ положеніи, въ какомъ находились крестьяне къ бояру, на землѣ котораго они проживали, деревенскія красавицы не могли относиться жестоко къ ухаживанью своего сеньера. И бояре настолько часто пользовались своимъ положеніемъ, что крестьяне привыкли смотрѣть на ухаживанье за ихъ женами и дочерьми, какъ на необходимое зло, противъ котораго ничего не подѣлаешь. И дѣйствительно, оппозиція встрѣчалась, какъ крайне рѣдкое исключеніе. Многіе крестьяне умѣли очень удачно пользоваться страстью бояръ къ деревенскимъ красавицамъ, и сами добивались чести пристроить своихъ дочерей въ качествѣ господской любовницы, чтобы потомъ ловчѣе обдѣлывать свои дѣлишки.

— Ваши бойяре также пользуются крестьянскими женами и дочерьми, какъ наши? спросилъ одинъ бравый крестьянинъ доктора Лежера.

— Ну нѣтъ, наши мужья и отцы противятся этому.

— Значить, ваши крестьяне очень злы, заключилъ наивный румынъ.

Порча нравовъ вверху всегда отражается на низшихъ слояхъ общества, между которыми въ сильной степени развивается трусость. «Каковъ господинъ, таковъ и слуга!»—говоритъ пословица, и казалось-бы, что, судя по приведеннымъ фактамъ, ее удобно примѣнить въ Молдаво-Валахіи. Но, къ счастью, румынскій народъ рядомъ съ кажущейся порчей нравовъ, отличается блестящими добродѣтелями. Низшіе классы народонаселенія въ Румыніи несравненно нравственнѣе бойяровъ. Да и вообще мнѣнія о безусловной испорченности цѣлаго народа всегда бываютъ ложны и безосновательны. Съ народами происходитъ тоже, что и съ атмосферическимъ воздухомъ: онъ очищается непрерывно самъ собою, приливомъ новой свѣжей струи. Какъ ни испорченъ воздухъ въ большихъ тѣсныхъ городахъ, но стоитъ подняться нѣсколько футовъ надъ крышами городскихъ домовъ, и встрѣтится слой такого-же чистаго и свѣжаго воздуха, какъ воздухъ на берегахъ моря или на извѣстныхъ высотахъ Альповъ и Пиренеевъ.

До реформы 1862 года, всѣ облегченія участи крестьянъ оставались мертвой буквой потому, что крестьянинъ, не имѣя своей земли, оставался въ полной зависимости отъ своего бойяра; бойяръ-же, располагая по своему произволу землю, былъ полнымъ распорядителемъ участи крестьянина, котораго онъ могъ всегда лишить возможности добывать себѣ хлѣбъ. Закономъ 1862 года предписано каждому земледѣльцу, главѣ семьи, отрѣзавъ $2\frac{3}{4}$ десятины земли во владѣніе. Хотя такого количества земли было недостаточно для удовлетворенія всѣхъ нуждъ семьи, но этотъ клочекъ далъ крестьянину возможность подняться на ноги. Важно уже то, что 600 тысячъ семей, 3 милліона людей изъ рабовъ превратились въ гражданъ. Превращеніе это совершилось, конечно, не внезапно, дѣйствіемъ волшебнаго жезла; оно долгое время было незамѣтно; но теперь уже несомнѣнно, что оно совершилось. Швейцарецъ Готей, недавно извѣздившій Румынію вдоль и поперекъ, и спеціально изучавшій въ ней положеніе крестьянъ, увѣряетъ насъ, что Молдаво-Валахія въ послѣдніе годы совершенно измѣнила свой видъ. «Крестьяне, говоритъ онъ, — взаимно поддерживаютъ другъ друга; вмѣстѣ съ дѣйствительной свободой, ими полученной, они приобрѣли чувство собственного достоинства.

V.

Духовенство играло видную роль въ исторіи Молдаво-Валахіи, играетъ ее и теперь.

Хотя румыны происхожденія латинскаго, или, по крайней мѣрѣ, смѣшаннаго латинскаго, но они присоединились къ греческому, а не къ римско-католическому исповѣданію. Румынскій крестьянинъ крайне наивенъ въ своихъ вѣрованіяхъ: онъ, напримѣръ, называетъ жидами какъ евреевъ, такъ и протестантовъ, католиковъ и мусульманъ. А слово «жидъ» на его нарѣчій однозначуще со словомъ «язычникъ». Понятно, что духовенство должно оказывать громадное вліяніе на такой первобытный народъ.

«Между тѣмъ для того, чтобы получить мѣсто сельскаго священника, вовсе не требуются какія-нибудь обширныя знанія, нужно только заплатить за мѣсто около 300 рублей (еще не такъ давно достаточно было 150 рублей). Деревня, въ которой живетъ 1,000 душъ или около того, должна имѣть двухъ священниковъ; при каждомъ изъ священниковъ состоитъ причтъ: 2 дьячка и 2 пономаря или пѣвчихъ; въ деревнѣ въ 500 душъ, или менѣе, полагается одинъ священникъ. Содержаніе церковнаго причта лежитъ на обязанности прихода. Кромѣ платы за требы, крестьяне обязаны бесплатно обрабатывать церковную землю (каждая церковь имѣетъ свое поле). Плата за требы недостаточно обезпечиваетъ священника, и онъ по необходимости долженъ заниматься торговлей или промыслами. Большая часть румынскихъ священниковъ занимается торговлей хлѣбомъ, который скупаетъ у крестьянъ; многіе священники имѣютъ свои мельницы и извлекаютъ значительный доходъ за помолье.

Большая часть румынскихъ священниковъ не получили никакого образованія и рѣдкіе изъ нихъ умѣютъ правильно писать. Тѣмъ не менѣе на нихъ лежитъ обязанность вести метрическія книги, при чемъ требуется большая точность въ ихъ веденіи. Но, конечно, при теперешнемъ развитіи сельскихъ священниковъ добиться правильности и точности невозможно, и едва-ли въ какой-нибудь другой странѣ, гдѣ ведутся метрическія книги, можно встрѣтить столько курьезовъ, какъ въ книгахъ сельскихъ приходовъ Молдаво-Валахіи.

Во многихъ деревняхъ священники исполняютъ обязанности медиковъ. Эти священники нисколько не ученѣе своихъ сотоварищей, — можно судить, какъ успѣшно бываетъ у нихъ леченіе. Въ книгѣ доктора Лежера рассказано много курьезныхъ анекдотовъ по поводу

ихъ леченія. Хорошо еще, что они берутся лечить больныхъ обыкновенными болѣзнями, поэтому леченіе ихъ кончается чаще смѣломъ, чѣмъ пагубными послѣдствіями. Когда-же въ домѣ случится большой серьезною болѣзнію, то крестьянинъ или оставляетъ больного на произволъ судьбы или обращается къ настоящему медику.

Монахи составляютъ аристократію румынскаго духовенства. Монастыри очень богаты и многочисленны, имъ принадлежитъ шестая часть всѣхъ земель страны. Въ одной Валахіи 200 монастырей съ 10,000 монахами; въ Молдавіи монастырей еще больше, но точная цифра ихъ намъ неизвѣстна.

Значительнѣйшіе изъ монастырей находятся въ Карпатахъ и представляютъ настоящія крѣпости. Въ прежніе времена въ нихъ находило убѣжище населеніе, убѣгавшее отъ нашествія германцевъ, мадяровъ, русскихъ, поляковъ, турокъ и татаръ, которые втеченіи тысячи лѣтъ непрерывно наводняли страну, во время непрерывныхъ войнъ, при чемъ румыны страдали отъ обѣихъ враждующихъ сторонъ.

Монастыри въ Румыніи служатъ для многихъ цѣлей; исполняя свое главное назначеніе: убѣжища для людей, пожелавшихъ отречься отъ міра, они въ то-же время учрежденія благотворительныя, аристократическія тюрьмы, школы. Сколько можно судить по многимъ фактамъ, признаннымъ официально, въ румынскихъ монастыряхъ живутъ весело, хорошо ѣдятъ и пьютъ, и монастыри не отказываютъ себѣ ни въ какой роскоши. Подобно тому, какъ это дѣлается въ католическихъ странахъ, Франціи, Италіи, Испаніи и Бельгіи, въ женскихъ монастыряхъ въ Румыніи находятъ себѣ убѣжище дѣвицы аристократическихъ фамилій, которыя или слишкомъ некрасивы, чтобы выйти за-мужъ, или-же имѣютъ недостаточное, конечно, относительно, приданое, а румынскіе бояры любятъ давать за своины дочери хорошее приданое. Эти дѣвицы приносятъ съ собой капиталъ или недвижимое имущество, которое и присоединяется къ монастырскимъ. Въ замѣнъ этого нѣкоторые монастыри ежегодно даютъ приданое извѣстному числу дочерей обѣднѣвшихъ бояровъ. Въ женскихъ-же монастыряхъ воспитывается много дѣвицъ; въ одномъ агадѣйскомъ монастырѣ ихъ тысяча.

Нѣкоторые монастыри имѣютъ у себя гостинницы, въ которыхъ путешественники, и богатые, и бѣдные, находятъ даровой пріютъ. При полнѣйшемъ отсутствіи гостинницъ въ Румыніи, путешественники переѣзжаютъ отъ одного монастыря къ другому. При отъѣздѣ изъ монастыря путешественникъ можетъ пожертвовать что-нибудь въ

пользу монастыря, но может и не жертвовать, никто не вправе потребовать съ него какой-нибудь платы за ночлегъ и пищу.

Монастыри обогащались дарами, которые имъ оставляли въ своемъ завѣщаніи люди набожные. Прежде эти дары получались гораздо чаще, чѣмъ теперь. Жертвователи нерѣдко назначали свои капиталы, отдаваемые въ монастыри, для цѣлей благотворительныхъ. Вотъ почему благотворительность такъ замѣтно развита въ румынскихъ монастыряхъ. Румыны охотно жертвовали на поминъ своей души и еще охотнѣе давали своимъ жертвамъ реальное назначеніе. Благодаря этому на дорогахъ въ Молдаво-Валахіи очень часто встрѣчаются фонтаны и колодцы; жертвователи устройствомъ ихъ думали угодить Богу; и дѣйствительно, въ нестерпимую жару, которая бываетъ очень часто въ княжествахъ, путникъ благословляетъ жертвователя, вырвашаго въ степи колодезь или устроившаго фонтанъ.

Государственные люди Румыніи очень часто поднимаютъ вопросъ о секуляризаціи монастырскихъ имуществъ, но приступаютъ къ этому дѣлу слишкомъ нерѣшительно. Начало секуляризаціи уже положено, но еще слабое. Особенности затрудненія встрѣчаются съ монастырями, находящимися въ зависимости отъ иностранныхъ монастырей, напримеръ, посвященныхъ Гробу Господню, или подчиненныхъ Афонскимъ монастырямъ. Греки безпрестанно ведутъ тяжбу съ румынскимъ правительствомъ по поводу духовныхъ завѣщаній, которыми жертвуются извѣстные вклады въ ихъ монастыри.

VI.

Разсмотрѣвъ отдѣльно различныя національности, населяющія Румынію, а также различныя классы ея общества, мы въ состояніи теперь составить понятіе объ общемъ характерѣ румынскаго народа. Умный и въ то-же время невѣжественный и грубо-суевѣрный румынскій народъ отличается многими хорошими качествами: онъ добръ, деликатенъ, остроуменъ и живого характера; его нѣжная, наивная поэзія дышетъ еще варварствомъ. Надъ полудикой и наивной массой въ Румыніи господствуетъ аристократія, частію грубая въ своемъ сельскомъ представителѣ, частію развитая и образованная въ городахъ;—аристократія то вѣроломная и испорченная въ своихъ нравахъ, то способная къ энтузіазму и высокому самоотверженію.

Деревенскій житель бѣденъ и мало заботится объ улучшеніи своего положенія, но земля плодородна и даетъ богатые урожаи, куку-

руза, не требуя за собой никакого ухода, родить иногда самъ 30 и даже самъ 40; дома крестьянъ грязны и некрасивы, а цыгане живутъ даже въ землянкахъ. Деревни вообще строятся неправильно и представляли-бы не особенно пріятный видъ, если-бъ подлѣ нихъ, нѣсколько въ сторонѣ, не возвышался великолѣпный замокъ или домъ бояра или монастырь, похожій на крѣпость. Въ самыхъ большихъ городахъ, какъ, напримѣръ, въ Яссахъ и Букарестѣ, встрѣчаются лачужки, и даже землянки, рядомъ съ великолѣпными дворцами. Въ этихъ обѣихъ столицахъ на многихъ улицахъ отсутствуютъ мостовыя. Характеръ румынскаго народа, отрицающаго комфортъ, и предпочитающаго роскошь необходимому, во многомъ сходенъ съ характеромъ креоловъ. Точно также и въ нравственныхъ побужденіяхъ: румынъ великодушно поможетъ нуждающемуся, онъ броситъ деньги на право и на лѣво, но не любитъ платить долговъ; онъ способенъ на блистательные героическіе подвиги, но не любитъ никакого дѣла, которое требуетъ продолжительной, усидчивой работы, хотя-бы оно было очень полезно и принесло ему славу. Въ праздники румынскія женщины одѣваются относительно роскошно, а мужчины плохо, въ блузы и панталоны дако-гальскаго покроя, образецъ которыхъ можно видѣть на Траяновой колонѣ въ Римѣ. Впрочемъ, румыны также, какъ и сербы, не слишкомъ придерживаются національнаго костюма, напоминающаго имъ о быломъ рабствѣ. Въ этомъ они составляютъ рѣзкій контрастъ съ кроатами и мадьярами, до страсти приверженными къ національному костюму.

Вообще смирный и кроткій, румынъ, въ пьяномъ видѣ, любитъ ссориться и драться. Пьяный, онъ считаетъ обязанностью побить свою жену, желая тѣмъ доказать ей свое главенство надъ нею.

...«Въ тюрьму за то, что побилъ свою жену, отвѣчалъ румынъ доктору Лежеру, — значить французы вовсе не свободный народъ!»...

При всемъ томъ женщины въ Румыніи, болѣе развитыя и съ характеромъ, чѣмъ мужчины, первенствуютъ въ семьѣ. «Женщина въ Румыніи, говоритъ Деурецъ, полная хозяйка въ домѣ, а мужъ ея послушный слуга».

«Равенство половъ въ Молдавіи и Валахіи, говоритъ Дора д'Истрия, — признано обычаемъ страны. Если въ нѣкоторыхъ семьяхъ оно не признается, въ ущербъ женщины, то это исключеніе, и при томъ очень рѣдкое. Благодаря вліянію женщины, гостепріимство очень развито въ Румыніи; гость встрѣчаетъ самый радушный, самый предупредительный приемъ, какъ въ хижинѣ земледѣльца, такъ и во дворцѣ бояра. Замѣчательно, что какъ во дворцахъ, такъ и въ хижинахъ».

нах женщины одинаково отличаются граціей и изяществомъ въ обращеніи».

Эту вѣжливость и изящество въ обращеніи румынскихъ женщинъ, сами румыны приписываютъ своему латинскому происхожденію. «Если сравнивать народы латинскаго происхожденія съ германцами, сейчасъ можно замѣтить, что первые принадлежатъ къ болѣе ранней цивилизаціи, говоритъ жена одного крупнаго бойяра, долго путешествовавшая по западной Европѣ.—У народовъ латинскаго происхожденія вѣжливость развита среди самыхъ низшихъ классовъ населенія, между тѣмъ у германцевъ жесткая форма въ обращеніи встрѣчается даже и тамъ, гдѣ, казалось-бы, невозможно было ее встрѣтить. Испанскій пастухъ и итальянскій крестьянинъ часто поражаютъ насъ своею истинктивною вѣжливостью. На берегахъ Арно, Гвадалквивира или Сены большинство имѣетъ наружность людей образованныхъ, и мягкость языка вполне соответствуетъ естественнымъ язычнымъ привычкамъ.»

«Намъ говорятъ на всѣ тоны, продолжаетъ она далѣе,—что наша вѣжливость есть просто слѣдствіе рабскаго положенія и рабскихъ наклонностей.—Это вполне несправедливо. Нѣкоторые изъ германскихъ народовъ далеко не воинственны, между тѣмъ они вовсе не отличаются изысканной вѣжливостью. Кто долго жилъ между латинянами и германцами, тотъ могъ замѣтить, что эгоизмъ имѣетъ больше почитателей между потомками побѣдителей Вара, чѣмъ между дѣтьми вѣчнаго города. Сердечная доброта и великодушіе прирожденные качества народовъ латинскаго происхожденія; они склонны къ преданности, къ энтузіазму и къ оказанію услугъ своимъ ближнимъ. Никто не имѣетъ права сказать, что Румынія—отечество тумана и жесткихъ сердець.»

Конечно, долгая подчиненность, которую испытали молдаване и валахи, не могла сдѣлаться причиной ихъ вѣжливости въ обращеніи, но цитированная нами супруга бойяра не въ состояніи ничѣмъ опровергнуть, что эта подчиненность развила въ румынахъ робость и наложила на нихъ печать грусти. Румынскій народъ вынесъ страшныя притѣсненія и онъ не забудетъ о нихъ даже и тогда, какъ Румынія окончательно возродится. Втеченіи нѣсколькихъ столѣтій онъ подвергался иностраннымъ вторженіямъ; войска различныхъ національностей, религіозные сектаторы всякихъ странъ разгуливали по его странѣ, граба, убивая, сжигая города и деревни. Румынскій народъ страдалъ отъ безпрестанныхъ ссоръ своихъ бойяровъ между собою, отъ борьбы ихъ съ правительствомъ и съ монастырями. Его угнетали и пра-

вительство, и духовенство, и бояры. Что-же удивительнаго, если столько горестей запечатлѣли на его лицѣ выраженіе меланхолической безропотности и вмѣстѣ равнодушія, которыя поражаютъ иностранца. Съ давняго времени румыны не боятся смерти и относятся къ ней, какъ истые фаталисты. Матери приводятъ своихъ дѣтей на кладбища, и пока малютки играютъ посреди могильныхъ памятниковъ, онѣ разговариваютъ между собою и прядутъ на веретенѣ. Народныя мелодіи румыновъ имѣютъ темпъ медленный, вялый и жалобный; въ звукахъ этихъ мелодій слышится безропотная грусть, изліянія робкаго сердца, которое не хочетъ или не умѣетъ найти словъ для выраженія своихъ страданій.

VII.

Чтобы легче понять современныя событія въ Румыніи, необходимо предварительво ознакомиться съ нѣкоторыми фактами изъ исторіи этой страны.

Во времена глубокой древности дунайская долина была пунктомъ, чрезъ который проходили всѣ народы, идущіе изъ Азіи въ Европу. Они останавливались здѣсь на временное отдохновеніе; случалось не разъ, что иному племени приходила охота основать здѣсь постоянное мѣстопробываніе, но это ему не удавалось, приходили новыя племена, изгоняли его, и такъ далѣе.

Кому-же удалось, наконецъ, утвердиться въ этой странѣ?—ученые до сихъ поръ не могутъ согласиться на счетъ этого пункта. Одни говорятъ, что древніе даки (исторически извѣстные аборигены страны) были славяне; другіе утверждаютъ, что они были кельтискаго или гальскаго происхожденія, смѣшаннаго съ пелазгами. Очень возможно, что и тѣ и другіе правы, т. е. что славяне, кельты, галлы и пелазги вмѣстѣ населяли Дакію. Но какъ-бы тамъ ни было, только даки, послѣ продолжительной и мужественной борьбы съ римлянами, побѣжденные Траяномъ, подпали подъ власть Рима.

Карпатскія горы и ихъ отроги были въ то время богаты разными металлами. Римляне, покоривъ Дакію, выслали туда колоніи, преимущественно рабочихъ, знакомыхъ съ добываніемъ металловъ. Надо полагать, что эти рабочіе довершили покореніе страны, которое на этотъ разъ уже было не насильственное, а моральное.

Изъ примѣра Дакіи, преобразовавшейся въ Румынію, можно видѣть, что образованіе національности зависитъ менѣе отъ расы и

крови, чѣмъ отъ элементовъ моральныхъ, учреждений и религій. Латинскіе эмигранты—нѣсколько работниковъ въ рудникахъ, и нѣсколько солдатъ—составляли весьма ничтожную часть въ составѣ цѣлой національности даковъ. Значить не кровь, а имя римлянъ преобразовало Дакию въ Румынію. И сдѣлала это высшая цивилизація пришельцевъ, а не ихъ численность. Проходили-же черезъ Румынію и останавливались въ ней орды Алановъ, Готовъ, Гуновъ, Гепидовъ, Ломбардовъ и другихъ, однакожь Румынія осталась Румыніей.

Эти проходящіе народы оставили свой слѣдъ только въ языкѣ румыновъ, но корень его все-таки латинскій. Въ языкѣ румыновъ попадаются слова греческія, славянскія, финскія, турецкія, мадьярскія, татарскія и санскритскія, со времени переселенія цыганъ. Даже занятія княжествъ русскими войсками оставили по себѣ лингвистическіе слѣды. Евреи въ Румыніи говорятъ своимъ отвратительнымъ нѣмецко-еврейскимъ жаргономъ; армяне охотно разговариваютъ на итальянскомъ языкѣ, а высшее общество говоритъ по французски.

Въ нравахъ и обычаяхъ, въ самомъ законодательствѣ замѣтна смѣсь латинизма, славянизма и даже византизма.

Во время переселенія народовъ жители низменныхъ мѣстъ дунайской долины бѣжали въ горы, въ теперешнюю Трансильванію, и основали тамъ валахо-болгарское королевство. Когда начались религиозныя споры между восточной и западной церквями, валахо-болгаре, придерживавшіеся восточной церкви, встрѣтили закоренѣлыхъ враговъ въ мадьярахъ, рьяныхъ западныхъ католикахъ. Кромѣ мадьяръ имъ пришлось бороться съ германскими рыцарями, завоевавшими Пруссію. Они напали на валахо-болгарское королевство, построили въ немъ нѣсколько укрѣпленныхъ замковъ и стали бить схизматиковъ. Имъ очень хотѣлось завладѣть богатой страной. Но послѣ первыхъ успѣховъ они должны были ограничиться обороной и, наконецъ, совершенно разбитые, были окончательно изгнаны изъ Трансильваніи въ 1433 году. Въ то-же время венгерскіе короли обратились къ новымъ союзникамъ, тоже нѣмцамъ, саксонцамъ. Саксонцы приступили къ дѣлу солиднѣе, чѣмъ рыцари. Они стали строить города, занялись промыслами и ремеслами, тогда какъ рыцари строили тюрьмы и знали только одно: грабить и убивать. Саксонцы надѣялись, что въ борьбѣ между румынами, желавшими сохранить свою независимость, и мадьярами, рассчитывавшими отнять ее, всѣ выгоды достанутся имъ, саксонцамъ. Но они ошиблись; они, правда, поселились въ странѣ, но не въ качествѣ завоевателей, а простыхъ переселенцевъ.

Валахи участвовали вмѣстѣ съ южными славянами въ 1389 году въ битвѣ при Коссовѣ, на пять столѣтій рѣшившей участь дунайской долины. Съ конца XV столѣтія Валахія и Трансильванія находились то подъ властью Австріи, то снова переходили подъ власть Турціи.

Опустимъ времена полусторическихія, полуполюгендарныя Іоанна Гуниада (румыны оспариваютъ этого героя у мадьяръ), Раду Negro и Михаила храбраго, и перейдемъ прямо къ фанариотскимъ государямъ, намѣстникамъ султана, которыхъ повелители мусульманъ брали въ греческомъ кварталѣ Фанарѣ. Сначала эта должность давалась тому, кто предлагалъ вносить въ султанскую казну большую дань. Но въ 1733 году эта дань опредѣлена въ 400,000 рублей—сумма огромная по тогдашнему времени. Хотя сумма дани была опредѣлена, но это нисколько не мѣшало султанамъ требовать чрезвычайныхъ поборовъ съ несчастной страны. Господари часто смѣнялись, — можно судить по этому какъ страдала страна: каждый государь желалъ поскорѣе нажитья, зная, что онъ не долго пробудетъ на злачномъ мѣстѣ. Управление фанариотовъ сопровождалось страшными притѣсненіями народа, и до сихъ поръ въ Румыніи съ именемъ фанариота связано понятіе объ утѣсненіи, бѣдствіяхъ и жестокости.

Много страдала Румынія отъ владычества турокъ, которое въ концѣ XVIII столѣтія было ослаблено русскими, но, надо сказать правду, румыны на этотъ разъ не мало пострадали и отъ своихъ защитниковъ. Русскіе вступили въ Молдавію въ 1770 году и держали ее въ своей власти до заключенія Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, въ 1774 году, по которому Молдавія была снова возвращена Турціи, но получила нѣкоторыя льготы, давшія ей возможность дышать нѣсколько свободнѣе. Послѣ того русскіе часто занимали Румынію во время своихъ войнъ съ турками. Послѣ всѣхъ русскихъ съ турками въ 1828—29 году вся Румынія получила новыя льготы, оставаясь однакожъ подъ владычествомъ турокъ.

Въ 1839 году Молдавія и Валахія рѣшились соединиться въ одно государство подъ названіемъ Дакіи, но ихъ предположенія не удались..

Въ 1848 году въ Букарестѣ вспыхнула революція, окончившаяся турецкимъ занятіемъ княжествъ и ссылкой патриотовъ.

13 августа 1858 года, какъ результатъ парижскаго трактата 1856 года, подписана конвенція объ окончательномъ политическомъ устройствѣ придунайскихъ княжествъ. Молдавія и Валахія соединились въ одно государство, за ними признана административная авто-

номія, но султанъ сохранилъ свое сюзеренное право надъ новымъ государствомъ, которое обязалось выплачивать ему въ видѣ дани ежегодно около 100,000 рублей.

Въ 1859 году избранъ государемъ Александръ Куза. Онъ долженъ былъ управлять вмѣстѣ съ центральной комиссіей, половина членовъ которой назначалась имъ самимъ, а половина по выбору; — а также съ согласія сейма, составленнаго изъ депутатовъ, избранныхъ народомъ на семь лѣтъ. Въ то-же время учрежденъ касационный судъ и ему назначено засѣдать въ Фокшанахъ.

Принятый народомъ съ восторженнымъ энтузіазмомъ, князь Куза не оправдалъ надеждъ, на него возлагаемыхъ. Ограниченный, жестокій и жадный, князь Куза въ свое четырехлѣтнее управленіе пять разъ распускалъ палату и шестнадцать разъ перемѣнялъ свое министерство. Онъ сильно возвысилъ расходы, довелъ финансовый бюджетъ до крупнаго дефицита; между тѣмъ армія была неустроенна, а народное образованіе почти совсѣмъ не существовало. Куза управлялъ страной какъ диктаторъ, и до такой степени возбудилъ противъ себя всеобщее неудовольствіе, что въ одинъ вечеръ 12 офицеровъ рѣшились войти въ его кабинетъ, заставили его насильно подписать отреченіе, посадили въ карету, увезли его за границу княжествъ и никто не подумалъ защитить его противъ такого насилія.

Мы отложимъ до другой хроникѣ рассказъ, какимъ образомъ принцъ Карлъ гогенцоллернскій получилъ румынскій престолъ. Здѣсь-же замѣтимъ, что принцъ Карлъ сначала пользовался популярностью и управлялъ страной съ помощью либераловъ, но впоследствии сталъ управлять ею почти какъ диктаторъ. Компания Струсберга, строившая желѣзную дорогу, возбудила въ странѣ ненависть къ нѣмцамъ, что, въ свою очередь, отразилось на популярности князя. Теперь положеніе принца не особенно блистательное — онъ не имѣетъ поддержки ни отъ одной партіи.

Недавно въ Букарестѣ стала издаваться газета «L'Alliance Latino-Russe» (латино-русскій союзъ). Заглавіе этой либеральной газеты ясно показываетъ, какое положеніе намѣрена принять либеральная партія въ Румыніи при разрѣшеніи восточнаго вопроса.

VIII.

Взключеніе скажемъ, что Румынія страна новая, которая, можетъ быть, и существовала очень давно въ глухомъ углу Карпатскихъ горъ, но которую открыли очень недавно и неожиданно помѣстили на карту Европы. Неожиданно, по крайней мѣрѣ, для ученыхъ географовъ и этнографовъ Германіи, которые доказывали, что такой страны вовсе не существуетъ на свѣтѣ.

Сами румыны, казалось, забыли-было, что они народъ самостоятельный; но вотъ, въ тишинѣ домашняго очага, въ длинные зимніе вечера, матери стали рассказывать своимъ дѣтямъ печальную исторію ихъ родины; мало-по-малу онѣ вселили мужество въ своихъ дѣтей, и тѣ согласились съ своими матерями, что румынъ не умиралъ, что онъ можетъ и долженъ жить. Затѣмъ Румынія, о существованіи которой позабыли, внезапно явилась на Божій свѣтъ. Она пожелала играть свою маленькую роль, пожелала быть дѣятелемъ и вписать свое имя въ исторію.

Трудно еще опредѣлить эту роль. Все находится въ развалинахъ въ этой странной Румыніи и все снова возстаетъ къ жизни. Румынскіе крестьяне жили сначала въ землянкахъ, которыя послѣ нихъ заняли цыгане, потомъ поселились въ какихъ-то корзинахъ, крытыхъ соломой, но уже стоящихъ на поверхности земли; теперь они начинаютъ строить домики и крыть ихъ черепицей.

Румынія вышла изъ земли, какъ хижины ея крестьянъ. Турки и татары повалили ее на землю, били, увѣчили, и она, окровавленная, металась въ грязи и пыли. Но теперь она поднялась, стяхнула съ себя пыль и счистила грязь, налившую во время двадцативѣкового притѣсненія и варварства. Она явилась передъ нами съ свѣжимъ и граціознымъ лицомъ. Европа, удивленная, стала любоваться ея прелестной прической, украшенной цехинами и павлиньими перьями, ея чистымъ, бѣлымъ лбомъ, увѣчаннымъ діадемой, блестящей цвѣтными стеклышками и бусами; на ея головѣ надѣтъ пурпуровый платокъ въ видѣ тюрбана, конецъ котораго падаетъ на рубаху, вышитую разноцвѣтными шелками. Она съ улыбкой говоритъ «вотъ и я!» и весело напѣваетъ пѣсенку, смыслъ которой можно передать слѣдующими словами:

«Милая дѣвушка, прелестная, какъ колосья, васильки и макъ, украшающіе твою голову, скажи, что поешь ты? Скажи, кто ты, красавица, прелестная, какъ майская роза?— Я дочь героя! отвѣчаетъ она».

ПРОЕКТЪ ПОЛОЖЕНІЯ ОБЪ АКЦІОНЕРНЫХЪ ОБЩЕСТВАХЪ.

I.

Въ виду возрастающей промышленной предприимчивости и разнообразныхъ финансовыхъ комбинацій, министерство финансовъ признаетъ необходимымъ разработать особое положеніе для акціонерныхъ обществъ. Прежде чѣмъ дать окончательную форму и санкцію этому положенію, оно составило проектъ, который такъ обязательно *былъ* разосланъ имъ, для гласнаго обсужденія его, во всѣ редакціи періодическихъ изданій. Вполнѣ сознавая, что гласное обсужденіе всякой административной и законодательной мѣры есть самое твердое ручательство передъ обществомъ въ несомнѣнной искренности и полезности предпринимаемой реформы, мы въ то-же время сознаемъ обязанность съ своей стороны отнестись къ дѣлу также искренно и безпристрастно. Мы полагаемъ, что именно такимъ откровеннымъ и серьезнымъ рассмотрѣніемъ составленнаго комиссією проекта мы всего болѣе выполнимъ желаніе самого министерства.

Вопросъ касается установленія порядка въ учрежденіи акціонерныхъ обществъ и преподанія правилъ, которыми означенныя общества, какъ при своемъ открытіи, такъ и въ дальнѣйшемъ развитіи своихъ дѣйствій, должны руководствоваться.

Акціонерныя общества, какъ денежные ассоціаціи, начинаютъ играть очень важную роль съ той минуты, когда промышленность выходитъ изъ узкой сферы частныхъ единичныхъ предпріятій, когда ея размѣры и требованія принимаютъ общественный характеръ и значеніе. Съ этой минуты становится необходимымъ и та законодательная норма, которая устанавливала-бы на прочномъ основаніи развитіе этихъ денежныхъ ассоціацій. Посмотримъ, какъ министерство

финансовъ разрѣшаетъ одну изъ своихъ задачъ и прежде всего постараемся уловить ту точку зрѣнія, съ которой смотригъ на свой предметъ составлявшая разсматриваемое положеніе комиссія.

«Акціонерная форма товарищества, говоритъ приложенная къ проекту устава объяснительная записка,—есть, безъ сомнѣнія, одинъ изъ самыхъ плодотворныхъ видовъ ассоціаціи. Далѣе записка указываетъ заслуги акціонерныхъ обществъ, соорудившихъ на громадскихъ протяженіяхъ желѣзныя дороги, устроившихъ срочное пароходство между различными частями свѣта и давшихъ самому кредиту всемірное и международное значеніе.»

Изъ этихъ немногихъ словъ видно, что комиссія признаетъ акціонерное общество за одно изъ видовыхъ проявленій ассоціаціи. Но какъ въ объяснительной запискѣ своей комиссія не очертила этого вида какимъ-либо отличительнымъ признакомъ, и не обозначила различія, которое должно характеризовать собственно акціонерное общество относительно другого рода товариществъ, то въ самомъ опредѣленіи акціонернаго общества должно было послѣдовать смѣшеніе понятій, ведущее неминуемо къ неопредѣленности и запутанности въ изложеніи. Понятно, нельзя излагать опредѣлительно, когда въ излагаемомъ должно подразумѣвать не только то, о чемъ говорится, но и то, о чемъ не говорится.

«Въ противоположность товариществу полному,—продолжаетъ объяснительная записка положенія, —соединяющему подъ одной общей формой, полную отвѣтственность участниковъ, товарищество акціонерное, или, какъ называется оно въ законѣ, товарищество по участкамъ, позволяетъ затрачивать въ дѣло, стало быть и подвергать риску, только опредѣленную долю своего состоянія.»

Этимъ объясненіемъ значенія акціонернаго общества опредѣляется противоположностію полному товариществу, съ взаимной круговой порукой каждаго изъ товарищей,—слѣдовательно, опредѣляется понятіемъ о товариществѣ неполномъ. Но какъ при этомъ записка не объясняетъ о существованіи другихъ видовъ не полнаго товарищества и не указываетъ чѣмъ отличаются эти другіе виды отъ акціонернаго общества, то опять возникаетъ та-же неопредѣленность положенія, о которомъ мы уже сказали.

Наше законодательство признаетъ различные виды товариществъ не полныхъ. Во-первыхъ, оно узаконяетъ—самую запискою впоследствии узаконяетъ—товарищество на вѣрѣ, которое не обязывается даже объявлять имена участниковъ, стало быть, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть признано товариществомъ полнымъ. Во-вторыхъ, оно

признаеть товарищество по договору, по совокупному владѣнію нераздѣльнымъ имѣніемъ, по общинному землевладѣнію и проч. Какое-же отношеніе всѣ эти не полныя товарищества имѣють къ акціонерному обществу?

Излагая мотивы проекта общихъ постановленій, коммиссія опирается на то, что въ существующемъ положеніи не опредѣлено различія между товариществомъ по участкамъ и компаніей на акціяхъ, и что потому выраженія: акція, пай, доля,—она признаеть тождественными. Конечно, замѣчаетъ коммиссія въ своей объяснительной запискѣ, на практикѣ можно придавать этимъ выраженіямъ различныя значенія, но передъ закономъ всѣ они отвѣчаютъ одному общему понятію видовъ одинаковаго размѣра.

Противъ этого объясненія слѣдуетъ замѣтить, что вѣдь потому и было предложено коммисіи составить новое положеніе объ акціонерныхъ обществахъ, что существующее нынѣ положеніе признано несоответствующимъ современнымъ требованіямъ предпринимчивости. Коммиссія сама замѣчаетъ, что причины разнорѣчія существующихъ уставовъ заключаются въ неполнотѣ и неудовлетворительности дѣйствующаго положенія, видимо устарѣваго. Какимъ-же образомъ она хочетъ опираться именно на это положеніе, признаваемое ею самою несоответственнымъ?

Во-вторыхъ, законъ, опредѣляющій въ настоящее время порядокъ утвержденія у насъ акціонерныхъ обществъ и товариществъ по участкамъ, состоялся въ 1836 году, т. е. почти на 20 лѣтъ прежде, чѣмъ послѣдовали по этому предмету категорическія постановленія въ англійскихъ и германскихъ законодательствахъ и въ то время, когда въ Россіи существовало не болѣе трехъ или четырехъ обществъ. Удивительно-ли, что тогда неимѣлось въ виду тѣхъ комбинацій и условій, которыя въ настоящее время положеніе объ акціонерныхъ обществахъ не можетъ не принять во вниманіе. Нельзя при этомъ не прибавить, что приведенный коммиссіей законъ, хотя и устарѣвшій уже, проводилъ идею о дѣйствительно существующемъ различіи между товариществомъ по участкамъ и акціонерною компанією. Идея эта въ немъ была уже въ самой формѣ своей указана. Новѣйшее положеніе, по нашему мнѣнію, должно было-бы разработать этотъ вопросъ, опредѣливъ точно сущность различія видовъ ассоціацій. Вмѣсто того проектъ вовсе отрицаетъ ихъ различіе, признавая всѣ виды торговой ассоціаціи тождественными и соединяя ихъ въ одномъ понятіи объ акціонерныхъ обществахъ.

Совершенно справедливо, что рассматривая акціонерное общество

или товарищество по участкамъ отвлеченно, исключительно съ финансовой точки зрѣнія, пай товарищества или акція компаніи, представляя собою знаки сдѣланныхъ взносовъ въ складочный капиталъ, теоретически означаютъ одно и то-же. Но вѣдь нельзя-же практически возникающее учрежденіе разрѣшать только на основаніи отвлеченныхъ разсужденій съ финансовой точки зрѣнія. Значеніе торговыхъ товариществъ или обществъ, по своей сущности, опредѣляется не однимъ только капиталомъ, но и отношеніями ихъ къ жизни, промышленности, биржѣ, кругу своихъ дѣйствій. А эти отношенія не могутъ не образовать разности въ существѣ самыхъ учреждений и эта разность переходитъ и на самые финансовые знаки складочнаго капитала того или другого учрежденія на практикѣ. Какимъ-же образомъ такую существенную практическую разность отвергать законодательству?

Вотъ въ какой формѣ комиссія опредѣляетъ значеніе акціонернаго общества:

§ 1. Акціонернымъ обществомъ (товариществомъ по участкамъ или компаніей на акціяхъ) признается товарищество, всѣ члены котораго (акціонеры) принимаютъ въ немъ участіе и отвѣчаютъ за его долги только своими вкладами: число акціонеровъ не можетъ быть менѣе семи.

На основаніи такого опредѣленія иной шутникъ замѣтитъ, что стало быть и наше вольное экономическое общество тоже акціонерная компанія и императорское человѣколюбивое — такъ-какъ члены ихъ отвѣчаютъ по долгамъ общества только сдѣланными ими вкладами и число ихъ болѣе семи. Да вѣдь и купеческій клубъ — тоже акціонерное общество? И еще Богъ знаетъ какого рода и вида ассоціацій, братствъ, артелей и т. д. онъ станетъ относить къ акціонернымъ обществамъ, на основаніи сдѣланнаго комиссіей опредѣленія.

Всего изложеннаго нами, кажется, достаточно, чтобы прійти къ заключенію, что разсматриваемый нами проектъ положенія ошибочно смѣшиваетъ въ общемъ изложеніи совершенно различные виды торговыхъ и промышленныхъ ассоціацій. Отъ такого смѣшенія должны произойти естественно несообразность и несоответственность предположеній практическому ходу дѣла. То, что необходимо и полезно для одного вида, совершенно излишне и вредно для другого и на оборотъ. И развѣ возможно подводить подъ одинъ уровень учрежденія, когда въ одномъ, напримѣръ, двое или трое скромныхъ предпринимателей предполагаютъ совокупными силами устроить какое-нибудь техническое или промышленное учрежденіе, а въ другомъ предполагается

составить компанію для осуществленія мысли, могущей измѣнить экономическій строй цѣлаго міра?

Отвлеченное обсужденіе указало, а практика жизни совершенно выработала между прочими торговыми промышленными и финансовыми товариществами различныхъ условій и видовъ, два вида совершенно отличные одинъ отъ другого, хотя оба они имѣютъ одно и тоже финансовое основаніе—складочный капиталъ. Одинъ видъ представляетъ то, что въ дѣйствительности называютъ акціонернымъ обществомъ или компаніей на акціяхъ; такое общество имѣетъ форму общаго повсемѣстнаго предпріятія и требуетъ значительныхъ, а иногда громадныхъ капиталовъ. Другой видъ—товарищество на паяхъ, имѣющее форму только взаимнаго и мѣстнаго соглашенія. Финансовые знаки, опредѣляющіе взносъ складочнаго капитала въ первомъ обществѣ, расходятся по цѣлому міру; знаки второго не распространяются нигдѣ и если переходятъ иногда изъ рукъ въ руки, то только по особымъ обстоятельствамъ. Можно-ли затѣмъ требовать, чтобы оба эти общества подчинялись однимъ и тѣмъ-же условіямъ въ ихъ организаціи.

Чтобы видѣть въ какой степени неудобно подчиненіе одного вида товарищества условіямъ предназначеннымъ для другого, приведемъ слѣдующій примѣръ.

Положимъ, что трое захотѣли устроить какое-нибудь производительное учрежденіе, на примѣръ, булавочный заводъ. Каждый изъ нихъ недостаточно богатъ, чтобы принять все устройство завода на себя, наконецъ, можетъ быть, никто и не желаетъ рисковать всѣми своими средствами въ одномъ предпріятіи. Но втроемъ они признаютъ себя достаточно сильными, чтобы дѣйствіе завода поддержать. Кажется, предположеніе ихъ совершенно законно и нѣтъ повода чѣмъ-нибудь такое ихъ желаніе стѣснять. Производство булавокъ, какъ и всякое другое производство, удовлетворяющее потребленію, заслуживаетъ поощренія, а не стѣсненія. Между тѣмъ, предположенный комиссією явочный отдѣлъ акціонерныхъ обществъ долженъ былъ-бы отказать имъ въ дозволениіи составить изъ среды себя товарищество на паяхъ, на томъ основаніи, что число ихъ ограничивается тремя пайщиками, тогда какъ положеніемъ требуется, чтобы въ акціонерномъ обществѣ участвовало не менѣе семи акціонеровъ.

Небольшія товарищества особенно важны для развитія общаго народнаго благосостоянія. Они приучаютъ народъ къ правильной отчетности въ коммерческихъ предпріятіяхъ, что естественно содѣйствуетъ коммерческой предпримчивости; возбуждаютъ взаимную довѣренность

и вызываютъ правильный взглядъ на производство и обмѣнъ, — взглядъ, который у насъ слѣдуетъ распространять всѣми мѣрами, такъ какъ доселѣ, но несчастію, въ нашемъ торговомъ сословіи не искоренилась привычка той базарной татарщины, которая относится безразлично въ производствѣ и обмѣнѣ къ одному правилу, характерно очерченному выраженіемъ «не обманешь—не продашь». Товарищество не можетъ основывать своихъ расчетовъ на обманѣ. Оно не можетъ заливать въ сало камень или песокъ для увеличенія вѣса, или принимать 700 аршинъ за тысячу для эксплуатаціи кустарной промышленности, чѣмъ отличилась въ весьма недавнее время ловкость московскихъ предпринимателей. При томъ устройство товариществъ предоставляетъ извлекать пользу изъ небольшихъ сбереженій, слѣдовательно, даетъ средства устроиваться не богатому, а трудолюбивому люду, желающему увеличивать свои сбереженія. Иногда форма товарищества допускаетъ, вмѣсто опредѣленнаго взноса непосредственный личный трудъ, чѣмъ естественно содѣйствуетъ возвышенію труда. Наконецъ, товарищество на паяхъ всегда далеко отъ биржевой спекуляціи, предоставляя личному труду и частной предпримчивости опору въ производствѣ. По этому мы полагаемъ, что поощреніе торговыхъ товариществъ по участкамъ или на паяхъ не можетъ не составлять одну изъ важныхъ заботъ коммерческой администраціи. Большія компаніи, опираясь на довѣріе публики, иногда представляетъ прямую игру фиктивными стоимостями, товарищества-же на паяхъ никогда такой игры не представляютъ и не могутъ представлять, по самой локализациі ихъ круга дѣйствій. Какой-же поводъ навязывать товариществамъ тѣ ограниченія, которыя для большихъ акціонерныхъ компаній могутъ быть признаны существенно необходимыми.

Что должны сдѣлать трое товарищей складчиковъ, желающіе основать по нашему предположенію булавочный заводъ, въ виду неминуемаго стѣсненія, которое они встрѣтятъ отъ явочнаго отдѣла? Они должны прибрать себѣ четырехъ фиктивныхъ товарищей и только тогда могутъ получить разрѣшеніе на организацію товарищества. Если бы затѣмъ дѣйствіе товарищества было предоставлено самому себѣ, то присканіе таковыхъ фиктивныхъ членовъ ограничивалось-бы только нѣкоторыми издержками. Но по проекту положенія товарищество должно составить правленіе изъ директоровъ съ кандидатами для нихъ, ревизіонную комиссію и особый совѣтъ или постоянный наблюдательный комитетъ. Кѣмъ-же пополнить всѣ эти правленія, комиссіи и комитеты, если число пайщиковъ, положимъ согласно проекту, будетъ состоять всего изъ семи человекъ?

Если-бы комиссія, исчисляя заслуги акціонерныхъ компаній чело-вѣчеству, обратила вниманіе на исторію этихъ компаній и стала-бы при томъ перечислять разнаго рода и вида товарищества и компаніи, которыя устраиваются или устраивались, то она увидѣла-бы, во пер-выхъ, то, что нѣкоторыя громадныя изъ предпріятій выросли изъ незначительныхъ товариществъ, которыя увеличивались и расширялись по мѣрѣ того, какъ средства ихъ усиливались. Во вторыхъ, что главнѣйшая заслуга ассоціацій въ промышленной дѣятельности заклю-чается сколько въ выполненіи, можно сказать, мировыхъ предпріятій, столько и въ покрытіи цивилизованной страны множествомъ неболь-шихъ устройствъ, содѣйствующихъ облегченію труда, удобству жив-ни, наконецъ, содѣйствію полезной предпримчивости. То и другое равно важно въ развитіи цивилизованнаго міра; то и другое одинако-во служитъ успѣхамъ чело-вѣчества. Потому слѣдуетъ рассмотреть виды общественнаго устройства каждый отдѣльно и постановить для каждаго изъ нихъ соотвѣтственныя узаконенія.

Такимъ образомъ, изложивъ соображенія о различныхъ видахъ торго-выхъ ассоціацій, усвоенныхъ практической жизнью, мы считаемъ себя вправе замѣтить, что намъ казалось-бы болѣе правильнымъ и болѣе согласнымъ съ требованіями практической жизни, если-бы въ *проектѣ* положенія о торговыхъ ассоціаціяхъ вообще, были указаны, каждый отдѣльно изъ трехъ видовъ таковыхъ ассоціацій и для учрежденія каждаго изъ нихъ постановлены отдѣльныя правила, сообразныя имен-но этому виду, на томъ именно основаніи, что многое, что для одного вида представляетъ необходимое условіе правильной дѣятельности, для другого вида можетъ представлять неодолимое затрудненіе.

При этомъ, по нашему мнѣнію, не должно упускать изъ вида, что весьма часто торговыя ассоціаціи при успѣшности своихъ дѣйствій требуютъ усиленія и распространенія, и естественно переходятъ изъ одного вида въ другой. Общество разработки бельгійскихъ каменно-угольныхъ копей начало свои дѣйствія съ весьма незначительнаго капитала; то-же самое можно сказать о компаніи, добывающей камен-ную соль въ Пруссіи. Теперь оба эти общества имѣютъ весьма важ-ное промышленное значеніе. Самая ость-индская компанія началась съ незначительнаго общества купцовъ, торгующихъ съ Бомбеемъ... Потому постановленіе, ограничивающее развитіе общества, какъ полагаетъ проектъ въ § 6 своего устава, едва-ли будетъ цѣлесообразно для успѣховъ акціонернаго дѣла. По нашему мнѣнію, если общество своими дѣйствіями не только не вредитъ успѣхамъ производительности, но имъ содѣйствуетъ, то правительству нѣтъ надобности его дѣйствія

ограничивать. Существуют, правда, и такія общества, положеніе которыхъ съ самой первой минуты становится международнымъ вопросомъ государственной политики. Довольно вспомнить прорытіе Суэзскаго канала или проложеніе кабеля черезъ Атлантическій океанъ, чтобы съ этимъ согласиться. Но вѣдь нельзя-же ради возможности образованія такихъ обществъ, стѣснять и ограничивать то, что если и не представляетъ міроваго вопроса, то, не менѣе того, можетъ въ своемъ ограниченномъ кругѣ дѣйствія приносить существенную пользу.

За этимъ высказаннымъ нами замѣчаніемъ мы станемъ уже разсматривать проектъ положенія въ примѣненіи его исключительно къ образованію акціонерныхъ обществъ, къ которымъ собственно онъ и относится, такъ-какъ учрежденіе товариществъ на паяхъ не можетъ быть обставлено столь сложными условіями, которыми полагаетъ обусловить уставъ учрежденіе акціонерныхъ обществъ, и коснемся только слегка тѣхъ затрудненій, какія встрѣтили-бы товарищества, если-бы въ своемъ учрежденіи были подчинены основаніямъ именно этого устава.

II.

Существуетъ два метода происхожденія законодательства, — лучше сказать, два метода, которыми узаконенія общія или частныя образуются. Одинъ методъ можно назвать философскимъ. Онъ извлекаетъ узаконенія изъ синтеза принциповъ, составляющихъ этимъ узаконеніямъ основаніе. Этимъ методомъ руководствовались большею частію древніе законодатели. Зороастръ, Моисей, Конфуцій, Солонъ, и Ликургъ создавали свои узаконенія, опираясь на принципы, казавшіеся имъ непреложными. Последнее примѣненіе этого метода осуществилось въ основныхъ положеніяхъ первой французской революціи. Другой методъ—чисто практическій. Основаніемъ ему служатъ случаи дѣйствительной жизни, вызывающіе общія мѣропріятія. Этимъ методомъ большею частію выполняется движеніе законодательства современныхъ государствъ. Каждый изъ этихъ методовъ имѣетъ свои достоинства и свои недостатки. Философскій методъ представляетъ законодателю горизонтъ, болѣе широкій, сообщаетъ взгляды, болѣе общіе. Въ его положеніяхъ чувствуется та абсолютность и та всеобъемность, которыя требуются отъ законодательства разнообразіемъ взаимныхъ отношеній человечества. За то, руководствуясь этимъ ме-

тодомъ, законодатель легко увлекается, впадаетъ въ утопію и вдаетъ въ предположенія, иногда несвоевременныя, а иногда и вовсе несоотвѣтственныя. Методъ практическій, на оборотъ, всегда устанавливаетъ правила, соотвѣтственныя практическимъ условіямъ, потому что основывается непосредственно на практическихъ данныхъ, за то не можетъ представить той полноты въ идеѣ, той общности, которыми обусловливается примѣненіе законодательства къ будущимъ явленіямъ жизни.

У насъ въ Россіи иногда употребляется третій методъ составленія разнаго рода частныхъ положеній или узаконеній;—методъ, имѣющій мало отношенія, какъ къ философскому обсужденію принциповъ, такъ и къ анализу случаевъ практической жизни. Методъ этотъ можно назвать бюрократическимъ. Онъ заключается въ простомъ сравненіи существующаго у насъ узаконенія съ положеніями по этому-же предмету въ другихъ государствахъ. Но во первыхъ—истина старая: что хорошо, полезно и справедливо въ одномъ мѣстѣ, гдѣ оно имѣетъ свое историческое происхожденіе, совпадаетъ съ народными обычаями и понятіями, бываетъ иногда вовсе не примѣнимо въ другомъ. Потому-то, грѣха таять нечего, у насъ и случается нерѣдко, что предположенія, составленныя по примѣру иностранныхъ законодательствъ, или вовсе не примѣняются, или не достигаютъ результатовъ, какихъ отъ нихъ ожидали. Это случается, нужно прибавить, тѣмъ чаще, что иностранныя законодательства не принимаются у насъ какъ они есть, а поправляются, передѣлываются, такъ что иногда нельзя бываетъ и узнать, откуда что взято, и является положеніе, въ которомъ нѣтъ ни своего, ни иностраннаго.

Переходя за тѣмъ отъ общихъ разсужденій къ разбираемому нами вопросу, мы спросимъ если въ Англіи законы о товариществахъ и акціонерныхъ обществахъ приняли извѣстную форму, то могутъ-ли они быть перенесены къ намъ? По нашему мнѣнію, едва-ли. Тамъ они исходятъ изъ народныхъ обычаевъ, опираются на понятіяхъ англичанъ о сущности акціонернаго общества и товарищества;—понятіяхъ совершенно опредѣлившихся ихъ коммерческою опытностію и мировою предпріимчивостію. У насъ, — когда коммерческая опытность наша не простирается далѣе умѣнья товаръ лицомъ продать, а предпріимчивость ограничивается пылкимъ желаніемъ каждаго выпросить себѣ у правительства въ томъ или другомъ видѣ монополію,—едва-ли англійскіе законы могутъ быть примѣнимы. Но еще будетъ хуже, если мы, для примѣненія у себя англійскихъ или германскихъ законовъ, станемъ ихъ урѣзывать, принаровлять, сглаживать, и въ такой пе-

редѣтъ, упустивъ самую идею, представимъ нѣчто, полное пропусковъ, противорѣчій и недосказанныхъ мѣстъ. Напримѣръ, въ англійскомъ законодательствѣ устройство всякаго рода промышленныхъ и производительныхъ ассоціацій, начиная отъ громаднѣйшихъ компаній, завоевавшихъ для Англіи цѣлыя имперіи, до рабочихъ артелей, принимающихъ на себя обязанность размотки бумаги на какой-нибудь фабрикѣ англійскаго коттонъ-лорда, совершенно свободно. Оно предоставлено непосредственно произволу частнаго соглашенія и взаимной довѣренности. Всякій можетъ составлять какую ему угодно компанію, назначать какой ему будетъ угодно выпускъ бумагъ, опредѣлять какой хочетъ контроль, — однимъ словомъ, распоряжаться своимъ предположеніемъ, какъ онъ хочетъ, заявивъ только о томъ коммерческому управленію и внесе установленную пошлину. Коммерческое бюро наблюдаетъ, разумѣется, затѣмъ, чтобы не было составляемо компаній, явно противозаконныхъ или вредныхъ; то-есть оно недопуститъ, напримѣръ, чтобы феніанскій вопросъ обратился въ форму акціонерной компаніи, или чтобы составилось общество поддѣлки фальшивыхъ билетовъ, но во всемъ, что не составляетъ такого видимаго противорѣчія законности, оно предоставляетъ полную свободу. Проектеры могутъ составить предположеніе хоть о проведеніи желѣзной дороги на луну или о соединеніи электрическимъ телеграфомъ марса съ юпитеромъ, до этого никому не будетъ дѣла. Найдутся подписчики, имъ-же хуже. Если-же предпріятіе, противъ всякаго чаянія, выгоритъ, тѣмъ лучше, — они наживутъ! Правительство не мѣшается тутъ нисколько. Точно также предприниматели могутъ цѣнить свое предпріятіе во что угодно; могутъ назначить, напримѣръ, цѣну за привилегію на продажу спичекъ въ коробочкахъ, закрывающихся посредствомъ резинового шурка, миліонъ. Кому какое дѣло? Всякій можетъ, если ему дѣло не нравится, или цѣна кажется несоразмѣрною, въ дѣло не входить, и дѣло, разумѣется, окончится само собой.

Предоставленіе такого широкаго простора въ установленіи всевозможнаго вида промышленныхъ ассоціацій въ Англіи имѣетъ разумное основаніе. Оно опирается на принципъ свободы экономическихъ отношеній и совершенно совпадаетъ съ общимъ строемъ жизни, законодательствомъ и понятіями англичанъ, вовсе нежелающихъ, чтобы ихъ водили на помочахъ и говорили: вотъ огонь, смотри не обожгись! Они признаютъ себя на столько взрослыми, что считаютъ вправѣ самимъ заботиться о своемъ благосостояніи, и полагаютъ, что всякаго предостереженія они не увлекутся рекламами о несбыточности или несообразныхъ предположеніяхъ. Но представьте себѣ, если

это положеніе вдругъ вздумала принять, напиримѣръ, Италія. Пылкій характеръ итальянцевъ и ихъ стремленіе къ спекулятивнымъ операціямъ, пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ, образовали-бы биржевую игру на акціяхъ соединенія земли съ луной. Нашлись-бы, пожалуй, и такіе предприниматели, которые спекулировали-бы на покупку и перепродажу пустопорожнихъ мѣстъ на лунѣ. Стоитъ только вспомнить знаменитую компанію миссишцевъ во Франціи, чтобы съ этимъ вполне согласиться. Если-бы еще Италія приняла законодательство Англіи о компаніяхъ дѣликомъ,—въ томъ видѣ, какъ оно есть,—то, по прошествіи нѣкотораго времени, въ продолженія котораго, можетъ быть, и произошло-бы нѣсколько недоумѣній, по стремленію итальянцевъ къ рискованнымъ спекуляціямъ, оно, по всей вѣроятности, было-бы усвоено. Разумность и основательность проводимаго англійскимъ законодательствомъ принципа не могли-бы не повліять и на самую спекулятивность итальянцевъ. Но какое могло-бы выйти слѣдствіе, если-бы Италія приняла его съ различными оговорками, поправками и ограниченіями, которыя уничтоживъ значеніе принципа независимости экономическихъ отношеній, представляли-бы собой, можно сказать, одни недоумѣнія? Не стало-ли-бы такое узаконеніе гнетомъ предпріимчивости;—гнетомъ, которымъ, можетъ быть, и пользовалась-бы злонамѣренность?

Эти мысли невольно приходили намъ въ голову, когда мы просматривали проектъ положенія объ акціонерныхъ обществахъ. Видимо проектъ этотъ не обсуждался въ основаніяхъ общихъ принциповъ устройства акціонерныхъ обществъ, иначе не могло-бы быть опредѣленіе акціонернаго общества, приведенное имъ, столь не полно, не могло-бы заключать такого видимаго противорѣчія. Съ тѣмъ вмѣстѣ составлявшая проектъ коммиссія не указала ни на одинъ частный случай, который поддерживалъ-бы основанія, на которыхъ ея предположенія опираются. Между-тѣмъ сравненіе съ иностранными законодательствами нашего законоположенія о компаніяхъ не можетъ привести ни къ чему болѣе, какъ только къ однимъ затрудненіямъ и недоразумѣніямъ. Въ англійскомъ законодательствѣ, напр., нѣтъ надобности указывать, что вотъ такую-то ассоціацію слѣдуетъ признавать акціонернымъ обществомъ, такую-то товариществомъ на паяхъ или на вѣрѣ, такую-то рабочей ассоціаціей или артелью. Тамъ законодательство относится ко всѣмъ ассоціаціямъ безразлично, потому что не ставитъ организациі ихъ никакихъ ограниченій. Совершенно иной помыслъ полагаетъ коммиссія установить у насъ. Правда, въ своемъ предложеніи, она тоже хочетъ относиться безразлично къ виду учреж-

даемыхъ ассоціацій, но не только не представляетъ имъ англійской свободы, а еще обусловливаетъ учрежденіе ихъ такими правилами, при существованіи которыхъ учрежденіе ни товарищества, ни артели немислимы; акціонернаго-же общества весьма затруднительно, кромѣ, разумѣется, тѣхъ, которымъ удастся такъ или иначе обойти законъ. Сущность дѣла другая, другой принципъ принять въ основаніе; стало быть, другое должно быть и узаконеніе, въ другой формѣ установленъ и порядокъ.

Опредѣленіе акціонернаго общества, понятная вещь, должно исходить изъ понятія объ акціяхъ. Нѣтъ акцій, не можетъ быть и акціонернаго общества. Вопросъ вовсе не въ томъ, что акціонеры отвѣчаютъ за успѣхъ дѣла только своими взносами, но въ томъ, что они пользуются преимуществами, которыя предоставляетъ имъ выпускъ акцій. Что-же такое акція? И чѣмъ отличаются онѣ отъ другого вида бумагъ, представляющихъ также участіе въ складочномъ капиталѣ? Передъ вопросомъ этимъ мы должны нѣсколько остановиться, потому что техника финансовыхъ вопросовъ вообще недостаточно выработана, и, потому, что вопросъ о значеніи акцій имѣетъ въ настоящее время важное практическое примѣненіе; и нужно-же когда-нибудь рѣшить его основательно.

Практическое положеніе акцій на всѣхъ биржахъ Европы достаточно указываетъ, что акція есть такого рода знакъ, которые, опредѣляя отвлеченно участіе въ складочномъ капиталѣ какого-нибудь предпріятія, стало быть предоставляя своему владельцу участіе въ выгодахъ, этимъ предпріятіемъ приносимыхъ, и право контроля надъ его ходомъ, представляютъ собою ходячій знакъ опредѣленной стоимости, удобный для свободнаго перехода изъ рукъ въ руки, то-есть имѣющій условное обращеніе.

Преимущество акцій заключается именно въ возможности и удобствѣ этого обращенія. Представляя собою опредѣленную часть недвижимаго цѣлага, стало быть, какъ-бы соответствуя понятію о неподвижности и нераздѣльности, иногда даже представляя въ этомъ цѣломъ недвижимое и неотчуждаемое имущество,—акціи представляютъ въ то-же время удобную для перехода отъ одного къ другому цѣнность; стало быть сохраняютъ за собой всѣ выгоды движимой собственности.

Потому удобство условнаго обращенія составляетъ главное свойство акцій и ихъ отличительный признакъ. Акціи безъ обращенія, т. е. свободнаго перехода отъ одного къ другому немислимы. Онѣ будутъ уже не акціи, а участковые пай, доли или какъ-бы тамъ ихъ не

назвали. Возможностію и удобствомъ условнаго обращенія, акціи отличаются отъ всѣхъ другихъ, означающихъ также участіе въ складочномъ капиталѣ, бумагъ, которыя не имѣютъ удобства свободнаго перехода изъ рукъ въ руки.

Нѣтъ надобности, полагаемъ, объяснять, хотя коммиссія, кажется, вовсе упустила это изъ вида, что складочный капиталъ можетъ составиться не только посредствомъ продажи акцій, но и другими способами, напримѣръ, посредствомъ произвольныхъ взносовъ по подпискѣ, или помощію раздѣленія его на пай или участки, и оплаты этихъ паевъ товарищами или участниками; наконецъ, выдачею обязательствъ на выполненіе работъ или платежей въ данную минуту. Но ни пай, ни квитанція на взносъ, ни знакъ на долю, ни тѣмъ болѣе различныя обязательства, — за акціи приняты быть не могутъ, потому что онѣ не могутъ имѣть главнаго свойства акцій, составляющаго, какъ мы говорили, ихъ отличительный признакъ — возможности свободнаго перехода изъ рукъ въ руки, или условнаго, по взаимному соглашенію, обращенія. Акція — не пай товарищества, хотя, также какъ и пай, представляетъ знакъ на опредѣленный взносъ въ складочный капиталъ предпріятія, — именно тѣмъ, что послѣдній, хотя и доступенъ для перехода въ другія руки, но въ такомъ переходѣ непременно долженъ ограничиваться опредѣленными отношеніями къ другимъ участникамъ предпріятія или товарищамъ, самымъ наименованіемъ своимъ уже опредѣляющимъ извѣстную степень взаимной зависимости. Еще менѣе акція можетъ быть смѣшана съ квитанціей или обязательствомъ, такъ-какъ такого рода знаки положительно опредѣляются извѣстными отношеніями и даже самое значеніе свое сохраняютъ только въ соединеніи съ личнымъ значеніемъ тѣхъ на чье имя выданы. Никто не можетъ, напр., быть членомъ вольнаго экономическаго общества или хотя-бы купческаго клуба, потому только, что онъ купилъ квитанцію на членскій взносъ, равно и членъ этихъ обществъ, получивъ квитанцію въ сдѣланной уплатѣ, не имѣетъ права переуступить ее другому; между-тѣмъ, на оборотъ, всякій можетъ стать членомъ какого угодно акціонернаго общества, приобретая акцію этого общества, и личное значеніе купившаго эту акцію, — если онъ только не связанъ особымъ условіемъ, состоя, напр., на службѣ общества, или принявъ какое-либо обязательство, — нисколько не ограничиваетъ его права передать ее въ другія руки. Въ этомъ правѣ и возможности заключается сущность и преимущество акцій. Но указаніе главнаго преимущества акцій въ удобствѣ условнаго обращенія требуетъ предоставленія имъ опредѣленныхъ условій, такому обра-

щенію содѣйствующихъ. Условія эти: а) одинаковость размѣра взносовъ, которыми акціи одного какого-либо предпріятія оплачиваются; б) анонимность акцій и общность ихъ формы и с) отвлеченность ихъ, какъ обращающагося знака.

Если-бы отъ акцій не требовалось обращенія и онѣ должны были-бы служить только доказательствомъ участія въ предпріятіи, то-есть быть квитанціей въ сдѣланномъ взносѣ для составленія складочнаго капитала, то понятно не было-бы нужды требовать, чтобы онѣ оплачивались взносами одного размѣра. Но, какъ мы сказали, акціи должны быть не только представителями сдѣланнаго взноса, но и обращающимися знаками, то установленіе одинаковости въ размѣрѣ взносовъ платежа за акціи, представляется существенною необходимостію. Равенство значенія обращающихся знаковъ одного рода есть первое условіе обращенія. А развѣ могло-бы быть равенство значенія, стало быть, и одинаковая цѣна акцій, если-бы разность первоначальной оплаты ихъ предоставляла-бы каждой акціи отдѣльную цѣну. Въ настоящее время, при раздѣленіи предпріятія на равные участки, выраженные акціями, цѣна акцій яа практикѣ легко и точно опредѣляется соображеніемъ коэффициентовъ предпріятія (доходности, стоимости устройства, порядка управленія, надежды на будущее и проч.) и числа акцій. При разнообразіи-же взносовъ таковая оцѣнка ихъ была-бы невысказима, стало быть, было-бы невысказимо и ихъ обращеніе. Поэтому установленіе одинаковаго размѣра акцій становится существенною принадлежностію всякаго предпріятія на акціяхъ основаннаго.

Анонимность акцій тоже предоставляетъ имъ видимое удобство въ обращеніи. Для перехода анонимныхъ акцій отъ одного къ другому не требуется никакой формальности. Оно совершается посредствомъ простой передачи знака. А отсутствіе формальности и прямое, непосредственное полученіе предмета обмѣна изъ рукъ въ руки составляютъ несомнѣнно одно изъ существенныхъ условій удобнаго обращенія.

При этомъ нельзя не замѣтить, что только при анонимности акцій, управленіе акціонернаго общества подвергается общему и всестороннему контролю, такъ-какъ только при анонимности акцій каждый можетъ быть членомъ акціонернаго общества и принимать участіе въ гласномъ наблюденіи за ходомъ его управленія. Конечно, въ видѣ изъятія могутъ быть допущены и именные акціи. Но какъ требованіе именныхъ акцій прямо противоположно существенному ихъ свойству—удобству обращенія, и, разумѣется, въ порядкѣ перехода должно

быть ограничено известными формальностями, которыя необходимы при передачѣ именныхъ бумагъ, то именныя акціи и могутъ быть, какъ мы сказали, допущены только въ видѣ изъятія, въ видѣ уступки общественной привычкѣ, которая, несмотря на всю несоответственность существованія именныхъ акцій, иногда ихъ требуетъ.

Привычка нашего общества къ именнымъ акціямъ произошла отъ того, что прежнимъ положеніемъ допускался выпускъ акцій исключительно именныхъ. Какую цѣль имѣло подобное ограниченіе, поставяющее для выпуска акцій условіе, прямо противоположное ихъ свойству? Это не видно ни изъ самого положенія, ни изъ мотивовъ указываемыхъ цитатами статьи. Надобно полагать, по общему характеру прежняго узаконенія объ образованіи акціонерныхъ обществъ, что наше законодательство, незнакомое въ то время съ сущностію акціонернаго устройства, опасалось, предоставленіемъ свободнаго обращенія анонимнымъ бумагамъ, вызвать распространеніе биржевой игры на акціяхъ. Но принимая такую опеку надъ экономическимъ бытомъ, прежнее положеніе упустило изъ виду, что воспрещая анонимныя акціи, оно уничтожаетъ всякую возможность устройства акціонерныхъ обществъ, и самыя акціи обращаетъ въ товарищескіе паи. И точно, у насъ въ то время не явилось ни одного правильнаго акціонернаго общества. Сѣверо-американская компанія, 1-е и послѣ 2-е страховыя общества и еще компанія залога громоздскихъ движимостей, хотя и называли себя акціонерными компаніями, были въ сущности ни чѣмъ инымъ, какъ болѣе или менѣе сильными товариществами; да они и образовались потому только, что пользовались исключительными привилегіями и преимуществами. Впрочемъ, въ то время требованіе именныхъ бумагъ могло быть объяснено опасеніемъ ихъ утраты, въ случаѣ пожара или случайностей, потери и т. п. Тогда общество не имѣло еще ни одного кредитнаго учрежденія, которое принимало-бы цѣнныя бумаги на храненіе. Въ настоящее-же время требованіе именныхъ акцій есть чистый анахронизмъ и можетъ быть допущенъ, какъ мы сказали, только въ видѣ изъятія, съ предоставленіемъ при томъ права обращать ихъ въ безымянные по желанію, такъ какъ только безымянные или анонимныя акціи сохраняютъ въ себѣ дѣйствительное значеніе акцій—предоставлять участіе въ предпріятіи и права контроля надъ его ходомъ, и въ то-же время быть обращающимся знакомъ, удобнымъ для перехода отъ одного къ другому, и такъ какъ только при безымянныхъ акціяхъ акціонерная компанія подвергается абсолютному и гласному контролю всего общества.

Третье условіе выпуска акцій, мы объяснили, есть отвлеченность знака. Мы этимъ хотимъ сказать, что сущность акціи по своей отвлеченности не должна быть ограничиваема никакими частными поясненіями и дополненіями. Акція есть знакъ участія въ данномъ предпріятіи, какое-жъ можетъ быть тутъ еще поясненіе или дополненіе? Этимъ мы отрицаемъ право обращенія акцій съ преміями, акцій съ означеніемъ непремѣнныхъ распорядителей ¹⁾, наконецъ, акцій-облигацій, какъ бумагъ видимо неправильныхъ. Комиссія также отрицаетъ допущеніе устройства акціонерныхъ обществъ съ выпускомъ такого рода бумагъ, исключая, впрочемъ, акцій съ преміями, которыя она полагаетъ разрѣшить. Мы находимъ, что рекламы о преміяхъ и преимуществахъ, большею частію, заманчивостію своею прикрываютъ злоупотребленіе; потому допускать ихъ не представляется особой надобности, тѣмъ болѣе, что, во всякомъ случаѣ, такого рода бумаги нарушаютъ естественное и правильное обращеніе акцій, по ихъ дѣйствительной стоимости.

Само собой разумѣется, что мы этимъ не отвергаемъ права правительства или земскихъ учрежденій, пожалуй, даже и частныхъ лицъ, гарантировать опредѣленный доходъ акцій на такого рода предпріятія, осуществленіе которыхъ почему-либо имъ желательно, и которыя безъ гарантіи осуществиться не могутъ. Разумѣется, что гарантія эта можетъ быть отиѣчена и на самыхъ акціяхъ. Но смыслъ правительственной или всякой посторонней предпріятію гарантіи нисколько не совпадаетъ съ заманчивыми предложеніями на подписку акцій съ преміями, гарантируемыхъ тѣмъ-же самымъ предпріятіемъ.

Если-бы мы излагали отвлеченную теорію финансовыхъ знаковъ, то предложили-бы не обозначать цѣны на акціяхъ. Мы-бы сказали: номинальная цѣна акцій ничего не значить. За приведеніемъ предпріятія въ исполненіе акціи оцѣниваются уже не тою суммою, которая была употреблена на осуществленіе дѣла, которое онѣ собою представляютъ, но тою, которая опредѣляется степенью пользы, приносимой предпріятіемъ, а также видами будущаго. Каждая акція есть только доля этого предпріятія и не представляетъ ничего болѣе, какъ эту долю, безъ всякаго права требовать возврата уплаченной за нее цѣны; стало быть, и надо означать только размѣръ этой доли, зависящей въ цѣнѣ своей совершенно отъ взаимнаго соглашенія, изъ

¹⁾ Разумѣется, въ этомъ исключенія могутъ быть изыатія, хотя комиссія тоже не допускаетъ командитныхъ обществъ. Спрашиваемъ, что было-бы съ Суэзскимъ каналомъ, если бы акціонеры не приняли Лессенса?

котораго истекаетъ естественно курсъ акцій, или ихъ цѣна, нисколько отъ номинальной цѣны акцій независимая. Поэтому мы-бы сказали, что вмѣсто всякаго указанія цѣны, рациональнѣе было-бы обозначать именно размѣръ этой доли; напр., одна стотысячная часть такой-то желѣзной-дороги или двадцати - пяти - тысячная такого-то канала, телеграфа, завода и проч., или, наконецъ, одна акція такого-то дѣла изъ столькихъ-то, составляющихъ складочный капиталъ... Теоретически такое обозначеніе было-бы совершенно рационально. Но какъ практика жизни усвоила себѣ требованіе означенія въ акціяхъ изъ первоначальной цѣны, какъ-бы гарантирующей передъ обществомъ стоимость первоначальнаго устройства, то мы признаемъ возможнымъ означать въ акціяхъ ихъ нормальную цѣну, но только съ обозначеніемъ ея въ цифрахъ не только отечественной монетной системы, но и монетныхъ системъ другихъ государствъ, съ принятіемъ обязательнаго курса въ сравненіи монетъ, и расчетомъ дивиденда на монету, имѣющую высшій курсъ. Не надо забывать, что всякое акціонерное предпріятіе можетъ имѣть международное значеніе, и обращеніе акцій не должно ограничиваться только данной страной; напротивъ оно должно стремиться къ распространенію по цѣлому міру, вызывая солидарность международныхъ интересовъ. Комиссія упустила вовсе изъ вида возможность такого рода акціонерныхъ обществъ, которыя могутъ хотя устраиваться и въ Россіи, но имѣть предметомъ такого рода предпріятія, которыя имѣютъ значеніе для цѣлага міра. Притомъ акціонерныя общества могутъ устраиваться или на иностранныя капиталы или на русскіе, для помѣщенія ихъ за границею, или, наконецъ, на соединенные русскіе и иностранныя капиталы, для такихъ предпріятій, которыя могутъ имѣть международное значеніе. Равнымъ образомъ, комиссія вовсе не разсматривала вопроса объ обращеніи у насъ иностранныхъ акцій, хотя вопросъ этотъ, право, стоилъ-бы разработки. Вѣдь комиссія находитъ-же, что посредствомъ акціонерныхъ обществъ самый кредитъ получалъ международное значеніе! Да и за что мы, русскіе, должны быть изъяты изъ тѣхъ выгодъ, которыя представляются развитіемъ человѣческой мысли? И какая цѣль можетъ быть въ томъ, чтобы экономическое положеніе наше оставалось изолированнымъ? Какой можетъ быть вредъ отъ того, что, положимъ, у нѣсколькихъ богачей будутъ акціи суэскаго канала или бельгійскихъ каменоломенъ? По нашему мнѣнію, слѣдуетъ по возможности устранить стѣсненія, препятствующія развитію взаимности экономическихъ сношеній. Если мы допускаемъ обращеніе нашихъ фондовъ на иностранныхъ биржахъ, то полагаемъ, что слѣ-

дуетъ допустить и обращеніе чужестранныхъ на нашей. Отвлеченность и общность обозначенія нашихъ бумагъ не только на нашу монету, но и на иностранную, мы полагаемъ, будетъ существенно полезна для успѣховъ нашей производительности.

Такимъ образомъ, въ видѣ вывода изъ всего сказаннаго нами, намъ представляется слѣдующее: для предоставленія возможности выполненія значительныхъ предпріятій, комиссія полагаетъ возможнымъ разрѣшить у насъ устройство акціонерныхъ обществъ, складочный капиталъ которыхъ составляется собственно выпускомъ акцій, т. е. такого рода знаковъ, которые, опредѣляя участіе въ предпріятіи, могутъ имѣть условное обращеніе. Выгоды такого разрѣшенія ослзательны. Оно дастъ возможность каждому, при незначительныхъ сбереженіяхъ, участвовать въ мировыхъ обширныхъ предпріятіяхъ, могущихъ принести пользу всему человѣчеству и давать громадныя дивиденды участникамъ. Оно сохраняетъ дѣлаемымъ затратамъ значеніе движимой собственности и притомъ допускаетъ отвѣтственность за успѣхъ только сдѣланными взносами, не касаясь другого имущества акціонеровъ; стало быть, предоставляетъ возможность раздроблять свое состояніе на нѣсколько предпріятій, чѣмъ естественно обезпечивается удобство сбереженія. Для предоставленія акціямъ возможности обращенія, имъ придаются необходимыя для того свойства; устанавливается одинаковый размѣръ взноса, допускается анонимность и отвлеченность. Для дѣйствительнаго осуществленія такого обращенія, имъ разрѣшается открыть биржевую подписку (§ 25), дано право свободнаго перехода изъ рукъ въ руки (§ 70) по взаимному соглашенію; стало-быть, открыто общее биржевое обращеніе. Учрежденіе акціонерныхъ обществъ, предполагается подчинить порядку и правиламъ, положеніемъ проектированнымъ (§ 11, управленіе и отчетность тоже опредѣлить точными указаніями, при чемъ установить гласность и открытость всѣхъ дѣйствій (§ § 180 и 181) акціонерныхъ обществъ. Стало быть, намъ разрѣшается учрежденіе акціонерныхъ обществъ или компаній въ томъ видѣ, въ какомъ существуютъ онѣ въ Европѣ. Но вдругъ послѣ того обозначается, что число акціонеровъ полагается не менѣе семи человѣкъ! (§ 1).

Въ такомъ предположеніи заключается видимая несообразность. Какая можетъ быть подписка, какое обращеніе акцій, какое управленіе и отчетность, какая гласность, когда число акціонеровъ будетъ состоять всего изъ семи человѣкъ? Наконецъ, какимъ образомъ могутъ быть выполнены тѣ правила контроля и отчетности, которыми комиссія полагаетъ обязать акціонерныя общества, если число членовъ ихъ ограничится семью? Сосчитаемъ число лицъ необходимыхъ по пред-

положенію комиссіи, для управленія дѣлами акціонернаго общества, по составленному его положенію.

На основаніи 158 § положенія, акціонерныя общества должны управляться правленіемъ изъ директоровъ и кандидатовъ къ нимъ. Число директоровъ, хотя и опредѣлено не менѣе 3-хъ, но какъ въ § 168 изъяснено, что правильность рѣшеній правленія признается только тогда, когда въ немъ присутствуетъ не менѣе $\frac{2}{3}$ его членовъ и наименьшее число присутствующихъ опредѣляется суммою 3-хъ, то по необходимости директоровъ должно быть по меньшей мѣрѣ 5-ть. По принимаемъ меньшую цифру—три директора. Для замѣны ихъ нужно имѣть два кандидата. На основаніи 153 § положенія назначается ревизіонная комиссія, по меньшей мѣрѣ, изъ трехъ членовъ. А 182 § положенія предполагаетъ еще наблюдательный комитетъ или совѣтъ,—положимъ, тоже хоть изъ 3-хъ членовъ. И такъ общее число членовъ, завѣдывающихъ дѣлами акціонернаго общества по выбору акціонеровъ должно быть, по меньшей мѣрѣ, 11-ть. А изъ такого указанія, принимая во вниманіе, что въ обществѣ могутъ быть не все-же одни генералы и выборные, должны-же быть и простые смертные, хоть для того, чтобы они могли предположенныхъ генераловъ избирать, и что нужно положить на каждого служащаго и выборнаго хотя по одному избирающему, — мы приходимъ къ невольному заключенію, что число акціонеровъ въ обществѣ, составленномъ на основаніи проектированнаго положенія, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть менѣе 22-хъ, а принявъ въ расчетъ, что могутъ быть больные и отсутствующіе, мы должны признать, что акціонерное общество, на основаніи составленнаго проекта, должно состоять minimum изъ 30 членовъ. И въ самомъ дѣлѣ, какое-же можетъ быть акціонерное общество, когда въ немъ нѣтъ и 30-ти акціонеровъ?

Откуда-же комиссія пришла къ цифрѣ семь, которую приняла за наименьшую норму членовъ акціонернаго общества? Объяснительная записка не разъясняетъ этого, и цитаты статьи, указывая на опредѣленія, даваемые прежнимъ положеніемъ акціонерному обществу, не даютъ никакого, по вопросу объ этой цифрѣ, указанія. Намъ кажется, что опредѣленіе этой цифры произошло на слѣдующемъ основаніи. Нежелая разъединять понятій объ акціонерныхъ обществахъ и товариществахъ на паяхъ, комиссія не могла однакожь упустить изъ виду тѣхъ существующихъ товариществъ, въ которыхъ число товарищей не превышаетъ семи членовъ. Воспретить образованіе подобныхъ товариществъ въ будущемъ, ясно, не могло быть признано возможнымъ, такъ-какъ такое воспрещеніе шло-бы прямо въ разрѣзъ съ требованіями развитія

производительности. Потому, разрѣшая образованіе акціонерныхъ обществъ, комиссія приняла за норму меньшее количество членовъ въ существующихъ товариществахъ. Можетъ быть, при этомъ, комиссія, принимая значеніе акцій тождественнымъ съ значеніемъ товарищескихъ паевъ, подобно тому какъ и прежнее положеніе относилось къ нимъ безразлично, хотѣло также ограничить составленіе коммерческихъ ассоціацій, и съ этою цѣлю опредѣлила повѣрять дѣлаемые предположенія, по крайней мѣрѣ, семью членами. Можетъ быть также, подобно прежнему положенію, комиссія полагала оградить общество отъ биржевой игры, ажіотажа въ бумаги и вообще спекуляціи на составленіе компаній и ограничила потому составленіе товариществъ, подчиняя ихъ правительственной опеку, что до нѣкоторой степени просвѣчивается въ указаніяхъ составленнаго комиссіею положенія § 32 и даннаго ему объясненія, въ которомъ комиссія опасается введенія фиктивного элемента въ основной капиталъ акціонерныхъ обществъ. Но такъ или иначе, такая двойственность направленія въ проектируемомъ положеніи не можетъ не отозваться вредно на успѣхѣ дѣла и не произвести различныхъ практическихъ неудобствъ, которыя при самомъ образованіи товариществъ должны будутъ обозначиться.

Существеннѣйшій недостатокъ прежняго положенія заключался въ его непрактичности, стало быть, и непримѣимости. Правила его составляли призрачную программу для невозможныхъ и невыполнимыхъ комбинацій, неосуществимыхъ на практикѣ. Самое желаніе его допустить биржевой игры на бумагахъ было до нѣкоторой степени только стремленіе регламентировать экономическія отношенія. Но вопросъ иной — стремленіе и приложеніе этого стремленія къ дѣлу. Было-бы странно изъ желанія не допустить биржевой игры въ акціи воспрещать самый выпускъ акцій. Сливая акціонерныя компаніи и товарищества на паяхъ въ одно понятіе, прежнее положеніе обязывало правилами несоответственными то тому, то другому роду ассоціацій. Потому, на основаніи этого положенія и не могло составиться ни одной компаніи и ни одного товарищества. Каждая и каждое ходатайствовало о томъ или другомъ изъятіи, пока, наконецъ, необходимость не принудила разрѣшать компаніи, непридерживаясь вовсе правилъ этого положенія, хотя въ законодательномъ порядкѣ оно и не было отмѣнено. Между тѣмъ, нельзя не сказать, что многія изъ правилъ прежняго положенія имѣли рациональное основаніе. Напр., въ немъ заключалось постановленіе, заимствованное, кажется, изъ обычаевъ гамбургской биржи, по которому учредители имѣли право оставлять за собой не болѣе какъ $\frac{1}{5}$ часть акцій. Это положеніе на мѣстѣ имѣло ра-

зумное и практическое значеніе; оно исходило изъ требованій гласности и публичности хода дѣла акціонерныхъ обществъ, который ясно не могъ идти подъ сурдинкой, когда четыре пятыхъ подписки должно было происходить публично, подъ контролемъ дѣлой биржи. И ясно, что оно относилось специально къ тѣмъ капитальнымъ предпріятіямъ, выпускающимъ анонимныя стоимости на громадныя суммы, подписка на которыя имѣетъ всеобщее значеніе... Но что сказать объ этомъ-же самомъ правилѣ, включенномъ въ положеніе, которое воспрещаетъ самыя акціонерныя компаніи, недопуская анонимныхъ акцій и обращая ихъ, какъ мы сказали, въ товарищескіе паи?

Для товариществъ такое правило вовсе не подходитъ. Какое-же будетъ между ними товарищество, если они будутъ обязаны $\frac{4}{5}$ своихъ паевъ уступить постороннимъ! Не противорѣчитъ-ли подобное положеніе самому понятію о товариществѣ? И не ясно-ли, что оно невыполнимо на практикѣ? Если учредители несостоятельны, то они могутъ затрудниться оплатить и $\frac{1}{5}$ паевъ; если-же они богаты, то, несмотря ни на какое постановленіе, они, безъ всякаго сомнѣнія, могутъ удержать за собой столько паевъ, сколько пожелаютъ.

Зачѣмъ-же проектируемое нынѣ положеніе старается удержать ту-же бюрократическую непрактичность и несоотвѣтственность, которыми страдало прежнее положеніе, сообщая своимъ постановленіямъ подобную-же непримѣнимость и такое-же колебаніе въ принятіи правилъ въ видѣ общихъ мѣстъ, если и подходящихъ къ одному виду ассоціацій, то вовсе несоотвѣтственныхъ другому. Вотъ хоть-бы и эта принятая за норму комиссіей цифра *семь*, видимо, не соотвѣтствуетъ ни условіямъ учрежденія акціонернаго общества, которое, если будетъ состоять изъ семи акціонеровъ, то ни въ какомъ случаѣ не выполнитъ требованій положенія относительно своего управленія и контроля, ни съ возможностью образованія товариществъ, потому-что найти семь товарищей съ достаточными средствами, одинаково смотрящихъ на предметъ и одинаково готовыхъ средства свои употребить для одного предпріятія, можетъ иногда быть неразрѣшимой задачей сфинкса.

Наименьшая цифра числа членовъ товарищества, по самому смыслу понятія о немъ, должна ограничиваться двумя. Обязывать находить третьяго товарища для дѣла, вести которое считаютъ себя въ силахъ двое, едва-ли справедливо. Но если для разрѣшенія взаимныхъ недоумѣній между товарищами можно принять за правило, что товарищество должно состоять не менѣе, какъ изъ трехъ членовъ, то все-же это будетъ задача возможная къ разрѣшенію и имѣющая ра-

ціональное основаніе. Заставить-же искать семь человѣкъ, изъ которыхъ, ясно, всякій можетъ имѣть свой взглядъ и будетъ стараться осуществить свою мысль—значитъ заставить стремиться достигнуть почти невѣроятнаго. Находить семь человѣкъ товарищей можно только для такихъ предпріятій, расчетъ которыхъ основанъ на какой-нибудь монополіи, или на какомъ-нибудь исключительномъ, привилегированномъ положеніи. Для такихъ товариществъ можно найти не только семь, но и семьдесятъ человѣкъ товарищей; но такія-ли товарищества желаетъ поощрить положеніе и такія-ли товарищества могутъ принести пользу нашей бѣдной производительности?

Не надо забывать, что образованіе товариществъ, большею частью, не требуетъ большихъ капиталовъ. Оно тѣмъ и отличается отъ акціонернаго общества, что не только не требуетъ предварительной подписки и биржевого обращенія знаковъ, опредѣляющихъ взносы товарищей въ складочный капиталъ, но даже стремится ограничить возможность вступленія въ его кругъ постороннихъ. Правда, оно желаетъ сохранить возможность перехода своихъ паевъ изъ рукъ въ руки, но стремится ограничить этотъ переходъ извѣстными формальностями, обязывая производить передачу паевъ въ самомъ правленіи, или по особымъ заявленіямъ; а иногда даже не иначе, какъ обратившись предварительно къ товарищамъ о желаніи передать пая, не пожелаетъ-ли кто изъ нихъ принять предлагаемую сдѣлку. Это характеръ всякаго товарищества, истекающій непосредственно изъ солидарности интересовъ товарищей и ихъ личныхъ взаимныхъ отношеній. Уничтожать такой видъ товарищества нѣтъ повода. Но ясно, что товариществамъ нельзя будетъ образовываться, если они будутъ обязаны подчиняться тѣмъ правиламъ, которыя проектированы положеніемъ для акціонерныхъ обществъ.

Указавъ, такимъ образомъ, несоотвѣтственность смѣшенія различныхъ родовъ ассоціацій въ общемъ понятіи объ акціонерномъ обществѣ, переходимъ къ чтенію тѣхъ параграфовъ общихъ постановленій положенія, которыя почему-либо останавливаютъ на себѣ вниманіе.

§ 3. Акціонерное общество учреждается на опредѣленный срокъ или безсрочно, и обязано избрать мѣсто постоянного пребыванія своего правленія.

Мы находимъ этотъ параграфъ излишнимъ, такъ-какъ послѣдующими постановленіями опредѣлено: § 84 назначать срокъ приведенія предположеній общества въ дѣйствіе; §§ 111 и 112 прекращать дѣйствія общества во всякое время по приговору общаго собранія,

если тому не встрѣтится препятствіе въ особыхъ обязательствахъ общества, и § 113, коимъ постановлено въ обязанность непременно прекращать дѣйствіе общества при убыли 50% его складочнаго капитала.

Если общее собраніе можетъ во всякое время закрыть дѣйствіе общества, хотя-бы срокъ и не наступилъ, а при невыгодности даже обязано закрыть его, и въ то-же время можетъ продолжить его, подавъ соответственное заявленіе объ измѣненіи того § устава, которымъ срокъ его былъ назначенъ, то какая можетъ быть цѣль въ опредѣленіи срока существованія общества прежде его открытія?

Еще болѣе несоответственнымъ мы находимъ назначеніе мѣста правленія до образованія самого общества. Выборъ мѣста правленія, по нашему мнѣнію, долженъ быть предоставленъ первому собранію акціонеровъ.

§ 6. Акціонерное общество дѣйствуетъ на точномъ основаніи настоящаго положенія и своего устава и не можетъ простираетъ свои дѣйствія далѣе предназначенныхъ его уставомъ предѣловъ.

За изложеніемъ въ § 4, что акціонерное общество должно имѣть опредѣленный кругъ дѣйствія, повтореніе того-же не составляетъ необходимости. При этомъ замѣтимъ: неужели слѣдовало-бы признать русское общество параходства и торговли, на основаніи приведенной статьи, если-бы положеніе было уже утверждено, — нарушителемъ закона, такъ-какъ оно, вмѣсто назначеннаго уставомъ плаванія для судовъ его въ Черномъ и Средиземномъ моряхъ, — послало свой параходъ въ Шанхай?

§ 9. Акціонерное общество не имѣетъ права ни покупать, ни продавать свои собственныя акціи.

Предположеніе такого узаконенія, признаемся, приводитъ насъ въ совершенное недоумѣніе. Комиссія не привела мотивовъ, по которымъ она предполагаетъ установить такое правило. Насъ невольно смущаетъ мысль: какимъ-же образомъ составитя акціонерное общество, если оно не будетъ продавать своихъ акцій? Въдъ подписка, установленная § 30 положенія, есть тоже продажа. Намъ отвѣтять, что таковую подписку производить учредители, а не общество. А по учрежденіи общества, если оно увеличиваетъ свой капиталъ, или производить выпускъ 2-й серіи акцій по уставу? Наконецъ, почему-же обществу, если у него накопится значительный запасной капиталъ, а акціи почему-либо стоятъ низко, по постановленію общаго собранія акціонеровъ и не употребить часть этого капитала на покупку своихъ акцій, особенно, когда предпріятіе уже осуществлено.

Вѣдь съ уменьшеніемъ количества акцій возвышается цѣна остальныхъ! Другое дѣло—если-бы общество стало перепродавать купленные имъ свои акціи. Такая перепродажа могла-бы вести общество къ биржевой игрѣ на своихъ акціяхъ. Но воспрещеніе покупать и продавать едва-ли разумно; тѣмъ болѣе, что и услѣдить за исполненіемъ этого постановленія почти невозможно, ибо общество станеть-ли оно покупать или продавать свои акціи, разумѣется, будетъ производить такую операцію не непосредственно.

Въ разсужденіи товариществъ это постановленіе противорѣчитъ самому смыслу учрежденія товариществъ, которое, болшею частію, требуетъ, чтобы товарищескіе пай продавались постороннимъ только въ случаяхъ крайнихъ, и если никто изъ товарищей не согласится оставить эти пай за собой за предлагаемую цѣну.

§ 11. Акціонерныя общества учреждаются на основаніи общихъ для нихъ правилъ или особыхъ, для нѣкоторыхъ родовъ такихъ обществъ, въ семъ положеніи постановленныхъ.

Относительно изъятія нѣкоторыхъ указанныхъ комиссіею обществъ, изъ общаго порядка образованія акціонерныхъ обществъ, мы считаемъ нужнымъ сказать слѣдующее:

Комиссія полагаетъ (§ 187), что акціонерныя общества могутъ образовываться не иначе, какъ съ особаго разрѣшенія правительства: 1) для устройства и содержанія предпріятій, соединенныхъ съ какими-либо преимущественными, или исключительными правами, или съ какимъ-либо пособіемъ или содѣйствіемъ отъ правительства или отъ земскихъ, городскихъ, либо общественныхъ учреждений и 2) для предпріятій, имѣющихъ предметомъ: а) кредитныя и банкирскія операціи; б) страхованіе всякаго рода и в) комиссіонныя дѣла.

Но противъ этого предположенія мы возразимъ: 1) что составленіе компаніи или общества, имѣющаго желаніе получить какую-либо привилегію, льготу или пособіе, не даетъ ей ни привилегіи, ни льготы, ни пособія. Ясно, что общество это, независимо отъ своего учрежденія, должно просимую имъ льготу испрашивать обыкновеннымъ порядкомъ отъ того учрежденія или лица, отъ котораго льгота зависитъ. Поэтому дѣлать особое изъятіе изъ порядка образованія акціонерныхъ обществъ тѣмъ обществамъ, которыя имѣютъ въ виду о какой-либо льготѣ ходатайствовать, по нашему мнѣнію, не представляется достаточныхъ оснований. Напротивъ, мы полагаемъ, что правительству удобнѣе разрѣшать просимую льготу состо-

явшемуся уже обществу, чѣмъ частнымъ лицамъ, учредителямъ этого общества, которыя потомъ предоставленную имъ льготу могутъ цѣнить весьма высоко и, на основаніи 17 § положенія, предложить подписчикамъ весьма тяжелыя условія именно по поводу исходатайствованія на свое имя льготы. Общество, если просимой льготы не получитъ, можетъ или объявить себя несостоявшимся, или открывъ свои дѣйствія безъ той льготы, въ которой правительствомъ ему отказано. Поэтому мы полагаемъ-бы, въ замѣнъ установленія изъятія для образованія обществъ, испрашивающихъ льготу, постановить, что учрежденіе компаніи или общества не представляетъ ему особыхъ льготъ и преимуществъ. Для испрошенія-же льготъ и пособій состоявшаяся компанія обязана входить съ особыми прошеніями установленнымъ порядкомъ.

Мы смотримъ на это дѣло такъ: положимъ, напримѣръ, кто-нибудь своимъ лицомъ или составивъ акціонерное общество, которое должно представлять также юридическую единицу, вздумалъ провести желѣзную дорогу хоть изъ Архангельска въ Колу. Если-бы онъ, или составленная имъ компанія, откупивъ у частныхъ владѣльцевъ или казны нужную ей для дороги полосу земли, намѣрена была построить дорогу, безъ всякихъ субсидій и гарантій, и построить ее только для перевозки принадлежащихъ непосредственно ей предметовъ, то правительству, полагаемъ, и дѣла-бы никакого не было. Нельзя-же запретить производить какую кому угодно постройку на собственной своей землѣ и своими собственными средствами. Если-же общество или лицо, устроивъ дорогу, пожелаетъ эксплуатировать ее, перевозя пассажировъ и кладь, то надо представить въ министерство путей сообщенія планы и чертежи проектируемой дороги на разсмотрѣніе ихъ съ технической стороны въ огражденіе безопасности лицъ, доверяющихъ себя или свое имущество управленію дороги. Вѣдь правительству не допускаетъ отдавать въ наймы и домъ, который можетъ угрожать паденіемъ. По выстройкѣ дороги, общество должно будетъ подчиниться всѣмъ правиламъ, установленнымъ для пользованія желѣзными дорогами, принадлежащими частнымъ лицамъ или компаніямъ, и всему тому контролю, который для управленія частныхъ дорогъ установленъ. Но подчиненіе это нисколько не можетъ стѣснять разрѣшенія устроить дорогу, если техническія условія предпринимателями будутъ выполнены и они ничего ни отъ правительства, ни отъ общества не требуютъ. Но положимъ такъ, что состоявшееся для сооруженія дороги общество, не приобрѣтя земель, будетъ ходатайствовать объ отводѣ ихъ, на основаніи закона относительно отчужденія собственно-

сти, необходимой для общественной пользы. Понятно, необходимо, чтобы правительство прежде признало построение такой дороги действительно полезною для общественныхъ надобностей и составившееся общество должно будетъ о томъ просить обыкновеннымъ порядкомъ. Положимъ, что общество, принимающее на себя обязанность сооружения дороги, желаетъ еще, чтобы правительство гарантировало доходность акцій или облигацій. Ясно, что объ этомъ тоже ему нужно ходатайствовать. Но все это собственно до образованія компаніи не относится. Правительство можетъ признать справедливой просьбу компаніи объ отчужденіи земель подъ дорогу, на основаніи общаго закона объ отчужденіи имущества, отходящихъ для общественныхъ требованій; можетъ предоставить гарантію или субсидію, или отказать въ просьбѣ, и затѣмъ общество можетъ покупать землю по вольному соглашенію и строить дорогу безъ гарантіи и субсидіи, или объявить себя несостоявшимся, съ возвратомъ, разумѣется, участникамъ внесенныхъ ими денегъ. Это дѣло частное, и до правительства нисколько не относится. Въ этомъ случаѣ общество, составляющее, по самому смыслу проектируемаго положенія, юридическую единицу, должно быть вполне сравнено со всякимъ частнымъ лицомъ, которое-бы захотѣло что-нибудь предпринять и могло-бы просить для себя ту или другую льготу.

То-же можно сказать и о второй категоріи предметовъ, по которымъ составленіе компаній полагается подчинить особому порядку. Банкирскія и кредитныя предпріятія и страховыя общества будутъ вестись всегда строже, если контроль надъ ними будетъ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ всего общества.

Еще менѣе можетъ составлять изъятія учрежденіе обществъ для содержанія комиссіонныхъ конторъ. Такое учрежденіе обусловливаетъ только содержаніе этихъ конторъ изъ складочнаго капитала, нисколько не освобождая эти конторы отъ подчиненія правиламъ, для открытія ихъ установленнымъ. Если учрежденіе такихъ конторъ требуетъ особаго разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, представленія залога и проч., то развѣ не все равно, если условія эти будутъ выполняться не однимъ лицомъ, а цѣлымъ обществомъ, которое обязывается предположенное дѣло осуществить.

Приведенныя нами замѣчанія уже достаточно доказываютъ несоответственность составленнаго предположенія относительно правилъ и порядка образованія акціонерныхъ обществъ. Видимость противорѣчій, неполнота и непримѣнимость на практикѣ, ведущая къ однимъ только недомѣнностямъ, наконецъ отвѣченность являются непремѣнными слѣдствіями

бюрократическаго способа сочинять узаконенія посредствомъ передѣлки законоположеній иностранныхъ. Вопросъ не въ томъ только, чтобы измѣнять существующій порядокъ, но въ томъ, чтобы постановить правила, соответственныя требованіямъ дѣйтельности. Хроника организаціи и осуществленія компаній богата самыми разнообразными примѣрами. Примѣры эти въ высшей степени характеризуютъ современное человѣчество. Они заслуживаютъ изученія уже и потому, что всего лучше разъясняютъ идею устройства акціонерныхъ обществъ и всего лучше указываютъ на то, чего должно остерегаться въ этомъ темномъ царствѣ. Если предприниматели, въ родѣ Миреса, Фикса, Перейровъ, Боннета и другихъ героевъ современной индустріи, къ числу которыхъ можно причислить нѣсколько и нашихъ проходимцевъ, и даютъ намъ уроки беречь свои трудовыя деньги отъ ихъ рекламъ, то хроника акціонерныхъ обществъ представляетъ и другіе имена: Ватта, Брукеля, Стефенсона, Морзье, Дженсона, Лессенса и проч. и самага, можно сказать, родоначальника обширныхъ промышленныхъ предпріятій на акціяхъ, знаменитаго и несчастнаго Ло, которыхъ труды и жизнь были направлены ужь никакъ не для эксплуатаціи. Нельзя-же, чтобы избѣжать вреднаго вліянія первыхъ, прекратить возможность дѣятельности для другихъ? Переходимъ теперь къ весьма важному отдѣлу проектированнаго положенія: къ разрѣшенію имъ вопроса объ учредителяхъ.

III.

Понятіе объ учредительскихъ правахъ и обязанностяхъ не ново въ нашемъ законодательствѣ. Прежнимъ положеніемъ на учредителей возлагалось ходатайство о разрѣшеніи учредить общество; первый распорядокъ его внутренняго устройства и управление его дѣлами до организаціи правленія. Правда, въ прежнемъ положеніи была статья, обезпечивающая учредителямъ, въ видѣ вознагражденія, опредѣленный процентъ съ чистой пользы, когда эта польза достигнетъ опредѣленной нормы;—но какъ вознагражденіе это было совершенно ничтожно и могло получить матеріальное значеніе только черезъ продолжительный промежутокъ времени отъ времени учрежденія общества, такъ какъ обусловливалось болѣе, чѣмъ его процвѣтаніемъ, то учредители такимъ вознагражденіемъ обыкновенно не интересовались вовсе. А какъ всегда случалось, что когда узаконенное отчисленіе въ пользу учредителей достигало сколько-нибудь состоятельной цифры, то, при

распредѣленіи этого отчисленія, происходили недоумѣнія, возникали споры, разрѣшать которые было тѣмъ затруднительнѣе, что учредительскія права обыкновенно ничѣмъ не обезпечивались; а общество бывало иногда совершенно уже преобразовано, и дѣйствовало на иныхъ основаніяхъ противъ того, какъ учреждалось, то редакція новаго изданія этого положенія признала за лучшее помянутую статью вовсе исключить и оставить учредителей при однѣхъ обязанностяхъ, безъ предоставленія какихъ-бы то ни было правъ. На этомъ основаніи учредители должны были нести труды, производить издержки, иногда довольно значительныя, хлопотать объ осуществленіи дѣла безъ всякаго вознагражденія, только изъ одной любви къ искусству.

Понятно, что если находились такіе любители искусства, то только потому, что можно было обходить законъ и вознаграждать себя боковыми способами. Но такого рода боковые пути для собственнаго вознагражденія большею частію ведутъ къ злоупотребленіямъ.

И дѣйствительно злоупотребленія происходили, въ томъ удостовѣряютъ насъ описанія тѣхъ страстныхъ дебаговъ, которые происходили въ общихъ собраніяхъ акціонерныхъ обществъ: главнаго общества желѣзныхъ дорогъ, взаимнаго кредита, саратовской, рыбинско-бологовской, козлово-тамбовской желѣзныхъ дорогъ, пароходства «Самолетъ» и проч. Дебаты эти выводили иногда на свѣтъ божій такіе факты, что приходилось задумываться. Но еще болѣе фактовъ случалось слышать по тѣмъ компаніямъ, по которымъ общія собранія шли, какъ по маслу, и гдѣ рѣдко-рѣдко возставалъ единичный голосъ. Все впередъ было улажено. Дѣла шли въ такихъ обществахъ отлично, пока въ одинъ благословенный день вдругъ не объявлялось о совершенномъ банкротствѣ компаніи.

Но противъ различныхъ злоупотребленій по учрежденію компаній было нечего предпринять. Они исходили непосредственно изъ неполноты и неточности законодательства, которое, съ одной стороны, не вознаграждало ничѣмъ учредителей, съ другой представляло имъ столь широкій произволъ, что они, особенно въ привилегированныхъ компаніяхъ, могли почти безответно эксплуатировать не только акціонеровъ, но и земство, и рабочихъ, и даже самое правительство. Мы думаемъ, многіе не забыли рядъ статей, доставленныхъ недавно въ одну изъ газетъ представителемъ одного земства, о злоупотребленіяхъ, производимыхъ однимъ изъ строителей желѣзныхъ дорогъ на западѣ Россіи. Статьи эти сопровождались неопровержимыми доводами его злоупотребленій и заключали самыя возмутительныя указанія.

Комиссія отнеслась къ вопросу объ учредителяхъ сочувственно.

Она признала за ними право собственности на ихъ труды, усилія и издержки; признала справедливымъ ихъ вознагражденіе. Она устанавливаетъ обязательное составленіе между учредителями договора (§ 12), обеспечиваетъ ихъ легальное значеніе и ограничиваетъ кругъ дѣйствій (§§ 18, 19 и 23). Къ сожалѣнію, комиссія, съ одной стороны, не приняла на себя труда разсмотрѣть отношенія, въ которыя могутъ стать учредители къ предпринимаемому ими дѣлу, относясь ко всѣмъ имъ одинаково; съ другой—постановленія свои не сообразила вовсе съ требованіями дѣйствительности; такъ-что предположенія комиссіи представляютъ непрерывно бюрократическое противорѣчіе самымъ простымъ условіямъ жизни, въ такой даже степени, что, замѣчая въ объяснительной запискѣ, что никакое акціонерное общество немислимо безъ учредителей, въ текстѣ самаго положенія комиссія наименованіе учредителей замѣняетъ наименованіемъ участниковъ (§§ 12 и 13). А это далеко не одно и то-же и можетъ повести къ важнымъ практическимъ недоумѣніямъ.

Учредители акціонернаго общества могутъ быть а) изобрѣтатели какого нибудь новаго способа, особаго примѣненія, или указатели новаго приѣма, мысль которыхъ, можетъ быть, подвинетъ впередъ цѣлое человѣчество; б) специалисты-труженики, посвятившіе предпринимаемому дѣлу всѣ свои знанія и часть своей жизни; в) капиталисты, давшіе средства разъяснить и привести къ осуществленію предпріятіе, на которое они, можетъ быть, употребили большую часть своего состоянія; наконецъ д) просто аферисты, которые составляютъ компаніи, играютъ въ общественное довѣріе, въ надеждѣ на свою ловкость и оборотливость. Неужели всѣ эти различные разряды учредителей можно подводить подъ одну категорію? Неужели, по мнѣнію комиссіи, Фултонъ, свѣтлая мысль котораго была результатомъ труда цѣлой жизни, заслуживалъ-бы такой-же благодарности общества и вознагражденія отъ акціонеровъ, если-бы его предположеніе приводилось къ осуществленію помощію акціонернаго общества, какой заслуживаетъ хоть-бы строитель московско-смоленской дороги, весь трудъ котораго заключался въ томъ, чтобы выпросить на свое или подставное имя концессію московско-смоленской желѣзной дороги, по которой не только не были дѣланы имъ техническія изысканія, но не было представлено даже экономическихъ соображеній. Мы не полагаемъ этого ни въ какомъ случаѣ, и думаемъ, что права изобрѣтателя, труженика, даже капиталиста-предпринимателя, должны быть иныя, чѣмъ афериста, который, учреждая компанію, расчитываетъ только на то, что вѣдь онъ ничѣмъ не рискуетъ, такъ какъ вѣдь и рисковать ему нечѣмъ!

Весь расчетъ аферистовъ основывается на подобномъ соображеніи, хоть-бы по поводу проведенія желѣзныхъ дорогъ: казна гарантируетъ $\frac{2}{3}$ или $\frac{3}{4}$ постройки, а такая гарантія даетъ сумму отъ 15 — 20 милліоновъ, стало бытъ 15 или 20 милліоновъ должны будутъ проходить черезъ руки антрепренера; не можетъ-же чего нибудь не остаться? А тамъ, на остальную треть или четверть работъ можно будетъ выпросить субсидію, а не то: что съ него взять?

Опять тоже: большая разница бытъ учредителемъ обширной акціонерной компаніи для мірового предпріятія, и бытъ учредителемъ товарищества, въ которомъ число членовъ ограничивается иногда числомъ учредителей. Нельзя, напримѣръ, Лессенса сравнивать ни съ Варшавскимъ, или съ какимъ нибудь трактирщикомъ, вздумавшимъ составить товарищество на паяхъ для содержанія гостинницы. По нашему мнѣнію, указаніе разности въ правахъ на вознагражденіе должно составлять одну изъ основныхъ частей положенія, но для того надо рассмотреть основанія, на которыхъ таковыя права могутъ опираться. Къ сожалѣнію, комиссія вовсе не обратила на этотъ предметъ вниманія.

Противорѣчія практическимъ требованіямъ дѣйствительности въ предположеніяхъ комиссіи бросаются въ глаза при слѣдующихъ постановленіяхъ:

1) Договорный актъ и проектъ устава по § 16 положенія должны бытъ написаны на гербовой бумагѣ надлежащаго достоинства, но какаго рода это надлежащее достоинство гербовой бумаги—неупомянуто. Если для опредѣленія цѣны бумаги будетъ принята въ основаніе такса, установленная для актовыхъ бумагъ,—а само собой разумѣется, что на практикѣ договорный актъ ни одинъ нотариусъ не признаетъ возможности отнести къ бумагамъ не актовымъ, то учредителямъ всякой компаніи, прежде рассмотрѣнія ихъ предположенія, на одну бумагу придется употребить до 13 т. руб. (полагая актъ въ 2 листа, а проектъ устава съ объясненіями и дополненіями 8 листовъ), потому что каждый листъ актовой бумаги для условій на сумму свыше 300 т. р. стоитъ по таксѣ 1,350 р., а компаніи никогда, или почти никогда не составляются изъ суммъ менѣе, какъ въ 300 т. р. Если допустить, что искусные писцы съумѣютъ употребить на написаніе акта и проекта половину необходимой бумаги, все-же составитъ сумма около 7 т. р. Налогъ въ такомъ размѣрѣ съ одного только предположенія объ образованіи общества, прежде даже, чѣмъ будетъ приступлено къ рассмотрѣнію его основаній, едва-ли будетъ въ силахъ выдержать кака-бы то ни было ком-

панія, и едва-ли найдутся такіе учредители, которые-бы рисковали уплатой подобной суммы на одну бумагу, не имѣя удостовѣренія даже въ томъ, что открытіе общества будетъ имъ разрѣшено. При томъ самое положеніе указываетъ на возможность поправокъ, передѣлокъ, измѣненій въ представленномъ проектѣ, тогда, стало быть, придется переписывать уставъ въ исправленномъ видѣ и снова покупать актовую бумагу. Комиссія, полагаемъ, признаетъ, что установленіе такого порядка, по меньшей мѣрѣ, непрактично.

Нельзя еще не замѣтить, что въ положеніи не сказано, будутъ-ли приниматься явочнымъ отдѣломъ договорные акты учредителей, совершенные домашнимъ порядкомъ, или учредители будутъ обязаны представлять свои условія не иначе, какъ въ формѣ нотаріальной. Последнее требованіе увеличило-бы еще предварительный расходъ учредителей, безъ пользы для самого предпріятія, на сумму отъ 2-хъ до 3-хъ т. рублей, независимо отъ размѣра того налога, который устанавливаетъ само положеніе. Не ясно-ли, что всякое предположеніе размѣромъ такого налога будетъ подавлено, тѣмъ болѣе, что платежи этотъ будетъ ложиться одинаково на компанію въ 300 т. капитала и компанію въ 100 милліоновъ, ибо цѣна актовой бумаги для суммъ выше 300 т. не увеличивается? Другое дѣло, если явочный отдѣлъ будетъ принимать домашнія условія, и на бумагѣ, которая установлена для дѣлопроизводства въ нашихъ канцеляріяхъ. Но необходимо это разъяснить, чтобы не вызвать на практикѣ существеннаго недоумѣнія.

2) Принятая комиссіею редакція статьи о вознагражденіи учредителей, по соглашенію ихъ съ общимъ собраніемъ подписчиковъ, видимо, ведетъ къ бурнымъ преніямъ. Подписчики будутъ заявлять, что они не ожидали такихъ неумѣренныхъ условій; не полагали столько издержекъ; и что, подписываясь, на основаніи 26 § и § 28 положенія съ опредѣленными взносами на акціи, они попались въ обманъ, несутъ убытки, такъ какъ не желаютъ участвовать въ предпріятіи, обремененномъ несоразмѣрными накладными расходами и неумѣренными требованіями. Учредители, напротивъ, будутъ выставлять свою умѣренность; будутъ объяснять, что они дѣлаютъ уступку акціонерамъ и т. п. Какимъ-же образомъ согласить такое противорѣчіе? Подчинить большинству голосовъ подписчиковъ? Но развѣ можно большинству подчинять право собственности меньшинства? Предоставить право отказаться отъ подписки съ обратнымъ полученіемъ взноса, какъ это полагаетъ положеніе § 38; но этимъ постановленіемъ не достигается справедливость въ отношеніи учредителей. Пер-

вые совершенно основательно могутъ говорить, что вѣдь не только ихъ взносы, но и время деньги; а тутъ они были вызваны къ подпискѣ, выдали деньги, и что-же: деньги эти, по прошествіи большаго или меньшаго промежутка времени, имъ только возвращаютъ. А учредители могутъ жаловаться, что они прекратили подписку имѣя въ виду, что всѣ акціи разобраны. Онѣ и были разобраны, но половина разобравшихъ акціи, въ противорѣчіе 4 § положенія, требуютъ свои взносы обратно, надѣясь вынудить учредителей отступить отъ своихъ правъ, опасеніемъ объявить общество несостоявшимся, — стало быть, надѣясь вынудить отказаться отъ того, что, по смыслу самого положенія, составляетъ ихъ неотъемлемую собственность. Если-же подписка превысила количество предложенныхъ акцій, и необходима разверстка, то кому должны быть предоставлены акціи, подписчики на которыя потребовали свои взносы назадъ? Если допустить разверстку между присутствующими, какъ полагаетъ 39 § положенія, то какимъ образомъ оградить права отсутствующихъ, которые, можетъ быть, также пожелали-бы участвовать въ разверсткѣ, и подписавшись на большее количество акцій, чѣмъ сколько имъ достается, имѣютъ полное право получить пропорціональную часть и тѣхъ акцій, которыя остаются свободными за отказомъ нѣкоторыхъ подписчиковъ. Одинаковымъ образомъ можетъ быть на оборотъ: отсутствующіе, можетъ быть, также пожелаютъ отказаться отъ подписки, по неумѣренности требованій учредителей. Неужели-же потому только, что, по случайнымъ обстоятельствамъ, они не имѣли возможности присутствовать на общемъ собраніи подписчиковъ лично, слѣдуетъ всѣ права ихъ поставить въ сомнительномъ свѣтѣ?

То-же самое слѣдуетъ сказать и о предполагаемомъ положеніемъ увеличеніи капитала (§ 41) посредствомъ дополнительныхъ взносовъ.

Всѣ эти вопросы могутъ на практикѣ представить безконечные споры, и вести къ весьма важнымъ злоупотребленіямъ.

Поэтому нельзя не признать болѣе практичнымъ мнѣніе тѣхъ членовъ, которые полагаютъ, что 26 § положенія, заключающій въ себѣ правила о подпискѣ на акціи, слѣдуетъ дополнить требованіемъ, чтобы учредители въ объявленіи о подпискѣ заявляли впередъ условія своего вознагражденія въ чемъ-бы оно не состояло, то-есть въ одновременной-ли уплатѣ определенной суммы, въ отчисленіи-ли условныхъ процентовъ съ прибыли, или въ выдачѣ бесплатно определенной количества акцій; равнымъ образомъ обозначали-бы сдѣланные ими и подлежащіе имъ въ возврату расходы. По крайней мѣрѣ,

при редакціи положенія, предлагаемой этими членами, не можетъ быть возбуждено препирательствъ о требованіяхъ учредителей. Подписываясь, всякій могъ видѣть, на что подписывается, и въ какой степени права его, какъ участника въ складочномъ капиталѣ, могутъ учредительскими правами нарушаться.

3) Вообще постановленія объ общемъ собраніи подписчиковъ даютъ поводъ къ различнаго рода недоумѣніямъ. Напримѣръ, какимъ образомъ обсужденіе вопросовъ о дальнѣйшемъ устройствѣ общества представляется голосамъ тѣхъ подписчиковъ, которые фактивно подписались на тысячи акцій, благо денегъ не занимать стать, все равно въ банкахъ-же лежатъ, — хотя, по разверсткѣ, имъ, можетъ быть, не достанется и десятой доли этихъ акцій? Потомъ положеніе говоритъ: при несогласіи подписчиковъ съ учредителями, общество можетъ быть объявлено несостоявшимся (§ 39). Но кто-же выразитъ это несогласіе и утвердитъ, что общество дѣйствительно не состоялось. Можетъ быть, какой-нибудь одинъ изъ отсутствующихъ подписчиковъ пожелаетъ оставить за собой всѣ неразобранныя акціи. Притомъ, если подписчики откажутся отъ своей подписки, находя требованія учредителей, принесшихъ для устройства общества большія или меньшія пожертвованія, права осуществить это общество — пріисканіемъ другихъ членовъ? А положеніе не разъясняетъ ни одного изъ приведенныхъ вопросовъ; не указываетъ даже того, въ случаѣ несостоявшейся подписки, имѣютъ-ли учредители право открыть ее вновь, и на какихъ основаніяхъ.

Нельзя при этомъ не указать, что положеніе: а) лишаетъ права голоса имущественныхъ вкладчиковъ (§ 36); б) не говоритъ ничего о томъ, имѣютъ-ли голоса учредители по тѣмъ акціямъ, которыя, на основаніи 3 п. 13 §, они оставили за собой, и за которыя, по § 18, уплатили слѣдующіе взносы наравнѣ съ другими подписчиками; наконецъ, с) не узаконяетъ общихъ правилъ разверстки, опредѣляя только то, что о порядкѣ разверстки и о числѣ акцій, дающихъ право голоса подписчику, должно быть объяснено въ объявленіи объ открытіи подписки, и то, что предоставленіе права голоса подписчикомъ должно быть согласовано съ 131 § положенія, коимъ устанавливаются правила предоставленія права голоса акціонерамъ. Но коммиссія, мы полагаемъ, сама согласится: а) что имущественныя вклады представляютъ-же какую-нибудь стоимость; б) что учредители, купивъ акціи своего предпріятія, должны, по крайней мѣрѣ, пользоваться правами акціонеровъ. Относительно-же общаго собранія подписчиковъ

и представленія имъ права голоса до разверстки, то комиссія сама-же предположила отдѣлить такое собраніе отъ будущихъ собраній акціонеровъ, относя его къ предварительнымъ дѣйствіямъ по образованію акціонернаго общества. И точно, какимъ образомъ приравлять правила устава будущаго общества къ собранію предварительныхъ подписчиковъ. Подписка можетъ состояться въ неограниченной суммѣ капитала, число-же акціонеровъ всегда ограничено. При успѣхѣ подписки число подписчиковъ бываетъ втрое, вчетверо и болѣе предполагаемаго числа акціонеровъ; какимъ-же образомъ распределять между ними право голоса сообразно съ предположеніями устава? Намъ было извѣстно одно общество, на которое пять банкировъ изъявили желаніе подписаться на всѣ акціи. Сколько-же каждому слѣдовало предоставить голосовъ?

Между тѣмъ, по предположенію комиссіи число голосовъ подписчиковъ должно опредѣлять учрежденіе общества, утвердить будущія его основанія въ уставѣ и, наконецъ, произвести выборы перваго правленія. Не признаетъ-ли комиссія такія предположенія видимо несоответствующими требованіямъ дѣйствительности? Нельзя опредѣлять, чтобы дѣломъ распоряжались его фиктивные, а не истинные хозяева.

4) § 25 положенія устанавливаетъ, чтобы учредители, объ открытіи подписки на акціи, публиковали въ одной изъ газетъ, указанной явочнымъ отдѣломъ. Къ чему можетъ служить такое предоставленіе явочному отдѣлу выбора газеты, гдѣ-бы публиковалось объ открытіи подписки на выпускаемыя акціи? Развѣ къ тому, чтобы явочный отдѣлъ могъ время отъ времени награждать газетчиковъ, назначая издаваемыя ими газеты какъ-бы органами открывающихся компаній. Почему не предоставить учредителямъ публиковать объ открытіи подписки, гдѣ они хотятъ, съ представленіемъ только тѣхъ номеровъ газетъ, гдѣ публикація производилась, въ явочный отдѣлъ. § 15 опредѣляется, что лица, подписавшія договорный актъ и проектъ устава, отвѣчаютъ за ихъ вѣрность. Чему вѣрность? Самимъ себѣ! Въдѣ положеніе опредѣляетъ представленіе подлинныхъ договорнаго акта и проекта устава, подписи на которыхъ должны еще быть засвидѣтельствованы нотаріусомъ. Относительно сущности самой подписки § 32 постановлено, чтобы подписка на акціи была объявлена непременно по ихъ нарицательной цѣнѣ, постановленіе невыполнимое. Оно исходитъ изъ тѣхъ, давно отвергнутыхъ, финансовыхъ понятій, которыя приводили къ установленію законныхъ процентовъ, обязатель-

наго обращенія ассигнацій и другихъ финансовыхъ несообразностей, могущихъ существовать только на бумагѣ. Мы-бы попросили комиссію обратиться въ кредитную канцелярію министерства финансовъ и спросить: случалось-ли ей открывать подписку по нарицательной цѣнѣ на государственные фонды? Сколько мы знаемъ, былъ единственный историческій примѣръ такого рода осуществившеся подписки на бумаги по номинальной цѣнѣ, въ то время, когда, по расчету, эти бумаги стоили дешевле, именно: это подписка на 5% билеты государственнаго банка. На нихъ состоялась дѣйствительно подписка *à pari* въ то время, когда 5% фонды стояли не выше 88% и 89%, но такая историческая исключительность доказываетъ только, какъ мало были развиты въ Россіи въ то время финансовыя понятія. Обязательное постановленіе открывать подписку на акціи непременно по нарицательной цѣнѣ, поведетъ, разумѣется, только къ изысканію средствъ обойти невыполнимый законъ. Если нѣтъ повода воспрещать учредителямъ объявлять подписку по возвышенной цѣнѣ, то полагаемъ, нѣтъ повода воспрещать объявлять ее и по цѣнѣ ниже нарицательной. Вопросъ весь въ томъ, чтобы наличное поступленіе взносовъ соответствовало нормѣ объявленной подписки. Къ чему-же столь простое и очевидное положеніе дѣла затемнять невыполнимыми условіями?

Въ § 45 указанъ порядокъ заявленія о зачисленіи состоявшагося общества въ акціонерную книгу. На основаніи этого указанія слѣдуетъ представить въ явочный отдѣлъ: а) журналъ общаго собранія подписчиковъ, удостоверяющій, что акціи разобраны, что 10% обязательный ихъ оплаты внесены, что подписчиками уставъ одобренъ, правленіе избрано; причемъ надо сообщить и о личномъ составѣ избраннаго правленія; б) договорный актъ учредителей; в) одобренный собраніемъ подписчиковъ и скрѣпленный по листамъ учредителями и членами правленія уставъ; д) свидѣтельство кредитнаго учрежденія въ полученіи причитающихся по первому взносу за акціи денегъ; е) копіи со всѣхъ документовъ на гербовой бумагѣ и, наконецъ, ф) установленная при образованіи акціонерныхъ обществъ пошлина.

По разсмотрѣніи всѣхъ этихъ приложений акціонерное общество вносится въ акціонерную книгу (§ 46), если явочный отдѣлъ не встрѣтитъ къ тому законнаго препятствія. Но позвольте, при такомъ постановленіи возникаетъ невольный вопросъ: договорный актъ учредителей и проектъ составленнаго ими устава, установленнаго 15 и 16 §§ положенія, вносятся въ явочный отдѣлъ прежде общаго со-

бранія подписчиковъ, или не вносятся? Если не вносятся, то къ чему же и гербовая бумага для проекта устава и подпись нотаріуса и назначеніе газеты, въ которой должны быть помѣщены объявленія объ открытіи подписки и проч.? И. неужели всё эти предварительныя дѣйствія общества: объявленіе подписки на акціи, самая подписка, общее собраніе подписчиковъ, соглашеніе съ учредителями, разверстка акцій, однимъ словомъ, вся эта процедура предварительныхъ дѣйствій, должны производиться на угадъ—разрѣшать или не разрѣшать общество? Если же вносятся,—къ чему же повтореніе опять того же; вновь представленіе договора, журнала, проекта, устава и т. д.? Этого мало, послѣ такого двойного представленія и обсужденія проекта устава, онъ долженъ быть представленъ еще третій разъ (§ 49) по исправленіи согласно указаніямъ явочнаго отдѣла?... Спрашиваемъ, неужели такой порядокъ учрежденія акціонернаго общества комиссія нашла практичнымъ и удобнымъ?

Комиссія сама признала невыгодность и затрудненія, происходящія отъ медленности въ разсмотрѣніи проектовъ объ учрежденіи товариществъ въ настоящее время. Она сама говоритъ: «небольшого замедленія въ разрѣшеніи приступить къ дѣлу довольно, чтобы поставить это дѣло въ неблагопріятныя условія и повести даже къ совершенной неудачѣ». — «Чтобы судить о томъ, до какой степени учредители тяготятся этой медленностію, продолжаетъ комиссія, — довольно указать на ихъ хожденія по разнымъ департаментамъ и на ихъ вымогательства передъ должностными лицами, хотя и дѣлаемые единственно для ускоренія дѣла, но часто получающія характеръ не благовидный»...

Послѣ такихъ словъ, кажется, комиссіи слѣдовало-бы принять въ основаніе необходимость быстрого и опредѣленнаго порядка веденія дѣла. А для того необходимы точныя указанія закона, которыя-бы не вызывали сомнѣнія ни въ тѣхъ, которые примѣняютъ этотъ законъ къ дѣлу, ни въ тѣхъ, которые желаютъ пользоваться покровительствомъ этого закона. А можно-ли признать быстрымъ, точнымъ и опредѣлительнымъ такое дѣйствіе, которое требуетъ одного повторительнаго представленія болѣе трехъ разъ.

Между тѣмъ дѣло, кажется, просто, если принять даже порядокъ, предложенный комиссіею. Учредители компаніи или товарищества вносятъ проектъ составленнаго ими устава и проектъ объявленія объ открытіи предложенной для осуществленія предпріятія подписки. Пожалуй, представляютъ на просмотръ и свой учредительный договоръ. Въ томъ и другомъ они должны изложить условія о своемъ возна-

гражденіи и назначить срокъ, когда полагаютъ привести свои предположенія къ осуществленію. Если явочный отдѣлъ не встрѣтитъ ничего противозаконнаго, онъ утверждаетъ уставъ и разрѣшаетъ открытіе подписки, по разсмотрѣнному уже уставу, который долженъ быть напечатанъ и предложенъ подписчикамъ при самой подпискѣ, не для обсуждения, а для принятія или непринятія. Разумѣется, подписываются только тѣ, которые его принимаютъ. По заключеніи подписки, учредители производятъ разверстку акцій и сзываютъ первое общее собраніе уже не подписчиковъ, а акціонеровъ, для выбора правленія. Правленіе представляетъ въ явочный отдѣлъ журналъ этого собранія, документы, доказывающіе дѣйствительность первоначальнаго взноса и пошлину. Затѣмъ общество признается состоявшимся и вносится въ книгу акціонерныхъ обществъ. Для товариществъ порядокъ этотъ долженъ быть еще болѣе упрощенъ. Отсутствие необходимости въ публичной подпискѣ и предварительное распределеніе паевъ между заранѣе согласившимися участниками, освобождаетъ ихъ отъ тѣхъ формальностей, которыя могутъ быть необходимыми при устройствѣ анонимнаго общества. Товарищества представляютъ только обезпеченія въ совершеніи взносовъ, заявляютъ объ устройствѣ и личномъ составѣ правленія, уплачиваютъ пошлину и затѣмъ получаютъ свидѣтельства о своемъ утвержденіи и занесеніи въ книгу товариществъ по одобренному проекту. Затѣмъ измѣненіе устава, если-бы акціонеры или товарищи признали это необходимымъ, можетъ быть произведено въ порядкѣ объ измѣненіи устава существующихъ уже обществъ. Во всякомъ случаѣ, сужденіе о такомъ измѣненіи должно быть предоставлено акціонерамъ, или участникамъ, а никакъ не подписчикамъ, изъ коихъ, можетъ быть, и десятой части не будетъ дѣйствительными товарищами или акціонерами. Если допустить собраніе подписчиковъ на акціонерное общество, то развѣ только въ видахъ наблюденія за правильностію разверстки.

По нашему мнѣнію, слѣдуетъ устранять злоупотребленія, недопускать двойственности, обмана, требовать точнаго исполненія условій съ обѣихъ сторонъ,—а никакъ не стѣснять общество такими постановленіями, которыя ведутъ только къ продолжительной бюрократической процедурѣ, вредной положительно для всякаго начинанія. Пускай подписчикамъ будетъ предложенъ подлинный уставъ, заявлены впередъ требуемыя отъ нихъ условія, а тамъ—они вѣдь не дѣти, надъ которыми-бы нужно стоять съ указкой,—могутъ подписываться или вѣтъ, по своему усмотрѣнію. Если-же подписались, то уже нечего

тутъ обсуждать о перемѣнахъ, которыя опять могутъ быть сдѣланы, но уже тогда, когда они возьмутъ предпріятіе въ руки.

Но мы-бы не кончили, если-бы стали указывать всѣ недоумѣнія, которыя неминуемо возникнутъ въ практической жизни; вслѣдствіе неточности и неправильности бюрократическаго составленія проекта положенія объ акціонерныхъ обществахъ, если проектъ этотъ будетъ принятъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ представленъ. Почти каждая статья этого проекта вызываетъ на замѣчаніе. Напримѣръ, п. д. § 14 Положенія требуетъ, чтобы въ проектѣ устава былъ означенъ способъ передачи именныхъ акцій. Мы полагаемъ, что передача именныхъ бумагъ должна быть опредѣлена закономъ и что нельзя предоставлять каждому товариществу придумывать свои установленія въ этомъ отношеніи. Понятно, что каждое товарищество, желая оградить себя отъ вторженія постороннихъ элементовъ, можетъ постановлять особыя условія, касающіяся исключительно передачи изъ рукъ въ руки его паевъ (§ 75) и эти условія должны быть включены въ проектъ устава и, пожалуй, означены на самыхъ паяхъ; но общій характеръ закона о передачѣ именныхъ бумагъ, по нашему мнѣнію, долженъ быть принятъ всѣми. Для избѣжанія возможности всякаго недоумѣнія при передачѣ именныхъ бумагъ, мы полагаемъ, слѣдовало-бы принять порядокъ, установленный въ настоящее время для выкупныхъ свидѣтельствъ, т. е. совершать передачу ихъ явочнымъ порядкомъ съ засвидѣтельствованіемъ нотариуса. При этомъ, разумѣется, нотариусамъ слѣдуетъ поставить въ обязанность наблюдать за выполненіемъ и тѣхъ условій, которыя будутъ товариществами особо приняты по ихъ уставамъ, въ родѣ, напримѣръ, обязанности сообщать о передачѣ правленію для отмѣтки въ книгахъ, или обязанности заявить правленію о желаніи передать свои пай заблаговременно:—не пожелаетъ-ли кто пріобрѣсти ихъ изъ числа существующихъ товарищей и проч., которые, какъ мы сказали, могутъ быть обозначены на самыхъ паяхъ. Допускаемая-же, согласно положенію (§ § 69 и 71) передачу именныхъ бумагъ только по передаточной надписи, если обществомъ не будетъ допущено другихъ способовъ, коммисія впадаетъ въ прямое противорѣчіе той цѣли, которою обуславливается установленіе именныхъ бумагъ: быть не дѣйствительными въ рукахъ всякаго, кромѣ того, на чье имя онѣ написаны. Точно также слѣдуетъ замѣтить относительно § 73 положенія, которымъ опредѣляется производить правленію передаточную надпись на имя наследниковъ по представленіи ими доказательствъ о правахъ наследства. Этимъ постановленіемъ на прав-

леніе возлагается обязанность судебныхъ мѣстъ, потому что только судебныя мѣста могутъ входить въ обсужденіе законности доказательствъ на права наслѣдства и утверждать въ этихъ правахъ. Мы полагаемъ-бы болѣе рациональнымъ постановить, чтобы таковыя надписи на именныхъ бумагахъ производились тѣми самыми присутственными мѣстами, которыя утверждаютъ въ правахъ наслѣдства, съ сообщеніемъ о всякой сдѣланной ими надписи подлежащему правленію. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что этотъ-же порядокъ долженъ быть принятъ въ разсужденіи тѣхъ бумагъ, о принадлежности которыхъ возникаетъ споръ, по разрѣшеніи этого спора окончательнымъ судебнымъ опредѣленіемъ.

Но вотъ важный вопросъ, о которомъ мы хотимъ говорить особо, — именно о выпускѣ облигацій.

Комиссія предложила (§ 92) разрѣшать выпускъ облигацій въ размѣрѣ не выше суммы половины основного капитала товарищества по акціямъ.

Замѣтимъ неопредѣленность редакціи: какого основного капитала? Наричательнаго или наличнаго? И какъ считать основной капиталъ при предположеніи выпуска акцій серіями, когда не всѣ серіи реализованы? Но дѣло не въ томъ. Намъ представляется, что сдѣланное комиссіею ограниченіе, не только не достигаетъ цѣли поставить устройство акціонерныхъ обществъ на твердую почву, не только противорѣчитъ рациональному развитію правильныхъ ассоціацій предпріимчивости, но положительно вредитъ даже возможности успѣха въ дѣлѣ соединенія капиталовъ для производительныхъ цѣлей. Такое ограниченіе, по нашему мнѣнію, прямо противоположно практическому положенію всѣхъ существующихъ акціонерныхъ обществъ и всѣмъ теоретическимъ соображеніямъ о правильномъ развитіи акціонернаго дѣла; стало быть, противорѣчитъ какъ теоріи, такъ и практикѣ.

Что такое облигація? Знакъ, опредѣляющій долгъ фонда, ведущаго какое-либо предпріятіе! Этотъ знакъ имѣетъ, также какъ и акція, свойство свободнаго обращенія, стало быть, обусловливается опредѣленными данными. Но сущность нашего разсужденія не касается этихъ условій. Для насъ довольно знать, что облигація есть знакъ, опредѣляющій долгъ производительнаго фонда. Стало быть, воспрещеніе выпуска облигацій акціонернымъ обществамъ, въ сущности есть воспрещеніе дѣлать долги, или постановленіе въ обязанность вести все дѣло на наличныя деньги. Но мы спрашиваемъ: возможно-ли и выгодно-ли это? Коммерческое, или производительное предпріятіе, — ведется-ли

оно частнымъ лицомъ или компаніей—обуславливаетъ оборотъ суммъ, а оборотъ суммъ нельзя производить безъ кредита или обмѣна настоящей стоимости на обязательство, опредѣляющее стоимость въ будущемъ, одно тѣсно совпадаетъ съ другимъ. Если необходимъ оборотъ—необходимъ и кредитъ. Воспрещая выпускъ облигацій или ограничивая размѣръ выпуска до такой невѣроятной цифры, какая указана въ приведенномъ 92 § проекта, коммиссія прямо налагаетъ руку на возможность такого оборота. Выдача векселей, разрѣшаемая коммиссіею (§ 171), составляя для частныхъ лицъ могучій рычагъ обмѣна, не можетъ имѣть того-же значенія въ примѣненіи къ дѣятельности акціонерныхъ обществъ. Относясь непосредственно къ произвольнымъ дѣйствіямъ правленія, члены котораго не отвѣчаютъ своимъ имуществомъ за свою подпись на векселѣ, и въ то-же время подвергая членовъ этихъ непосредственно отвѣтственности, какъ довѣренныхъ, выдача векселей акціонерныхъ обществъ можетъ имѣть только весьма ограниченный кругъ дѣйствія, собственно по довѣренности къ личному составу правленія и порядку веденія дѣлъ въ обществѣ. Вѣдь нельзя всякій разъ выдачу векселей подвергать обсужденію общаго собранія акціонеровъ—истинныхъ хозяевъ дѣла; стало быть, нельзя и придавать такимъ векселямъ истиннаго вексельнаго значенія. Въ нихъ всегда будетъ заключаться нѣкоторая доза двойственности, долженствующая препятствовать ихъ обращенію и могущая вести къ злоупотребленіямъ. Непосредственную замѣну силы векселей для акціонерныхъ обществъ составляютъ облигаціи. Потому, налагая руку на облигаціи, коммиссія убиваетъ, какъ мы выразились, даже возможность успѣшнаго веденія дѣла въ акціонерныхъ обществахъ,—кромѣ, разумѣется, монопольныхъ и тѣхъ, которые найдутъ случай обойти законъ.

Это понятно! Ни одно акціонерное общество не будетъ въ силахъ выдержать самаго простого хода операціи по сравненію съ частнымъ предпринимателемъ, который и безъ того всегда имѣетъ преимущество передъ обществомъ уже тѣмъ, что предположенія его приводятся къ исполненію его единичной волей и могутъ укрѣпляться самымъ сохраненіемъ коммерческой тайны. Пусть подумаетъ коммиссія о годахъ, которыя имѣетъ частный предприниматель противъ всякаго общественнаго устройства. Онъ можетъ измѣнять кругъ своихъ дѣйствій согласно коммерческимъ требованіямъ, можетъ поддерживать одно предпріятіе другимъ, можетъ скрывать положеніе своихъ дѣлъ и поправлять ихъ согласно требованіямъ данной минуты; наконецъ, мо-

жетъ пользоваться всѣмъ могуществомъ кредита. Опираясь на свое положеніе, онъ можетъ приложить къ дѣлу всю силу, которую даетъ твердый и благоразумно выдержанный оборотъ и давать достовѣрность самымъ, даже рискованнымъ, предпріятіямъ. Самое веденіе дѣла ему можетъ стоить, по меньшей мѣрѣ, втрое дешевле, чѣмъ обойдется веденіе того-же дѣла обществу. И съ такимъ-то твердымъ, и стоящимъ на знакомой ему почвѣ предпринимателемъ встанетъ въ соперничество общество, съ гласнымъ обсужденіемъ своихъ начинаній, формалистскою управленія и контроля, отсутствіемъ всякой коммерческой гибкости и дороговизной веденія дѣла. И это общество, при всѣхъ невыгодахъ своихъ, захочетъ еще вести все дѣло на наличныя деньги. Не ясно-ли, что оно не можетъ выдержать; не можетъ не упасть на томъ самомъ, на чемъ частный предприниматель получить выгоды. А если акціонерныя общества будутъ падать, то кто-же захочетъ ихъ составлять?

Русскіе старинныя купцы,—мы здѣсь говоримъ о купцахъ временъ очаковскихъ и покоренія Крыма и ихъ непосредственныхъ преемникахъ,—завѣтомъ которыхъ была извѣстная поговорка, не обманешь, не продашь, которые потому обмѣръ и обвѣсъ считали чуть-ли не коммерческими добродѣтелями;—эти купцы, дѣйствительно, не прибѣгали, или почти не прибѣгали къ кредиту. Но вѣдь торговля ихъ была не торговля, а кулачество. Вся ихъ коммерція заключалась въ одномъ: береги деньгу, зарывай ее въ землю по глубже, прячь даже отъ самого себя. Покупая, выжимай всѣми способами, нельзя-ли за полцѣны купить; а продавать старайся въ три-дорога, при томъ, всматривайся въ покупателя, нельзя-ли какъ его и еще понагрѣть. Желаетъ-ли комиссія, чтобы въ нашей торговлѣ вѣчно сохранялись подобныя принципы? Но для того, чтобы мы избавились отъ такихъ коммерсантовъ, нужно чтобы торговля шла правильно. Для правильности-же торговли и вообще всякой предпримчивости необходимо, чтобы она пользовалась современнымъ развитіемъ взаимности въ коммерческихъ отношеніяхъ, пользовалась всею силою современной цивилизаціи. Эта сила выражается въ настоящее время увеличеніемъ силы оборотнаго капитала помощію приложенія къ нему кредита. Какимъ-же образомъ комиссія хочетъ, чтобы акціонерныя общества по прежнему ворочали камень руками, не прибѣгая къ посредству рычага, увеличивающаго ему непосредственнаго приложенія иногда вдесятеро?

Мы находимъ положительно, что нельзя ограничивать правъ устроеннаго общества кредитоваться на столько, сколько потребуетъ этого

ходъ дѣла, и на сколько откроютъ имъ кредита биржа, капиталисты и общество.

Да и какое производительное или коммерческое предпріятіе можетъ быть выгодно, если оно ведется исключительно на наличныя деньги? Разумѣется, мы не говоримъ о монополіи, объ откупахъ и привилегированныхъ устройствахъ, не говоримъ о какихъ-нибудь случайныхъ изобрѣтеніяхъ, предоставляющихъ обществамъ, ими пользующимся, тоже подобіе монополіи. Но производительное или коммерческое предпріятіе, идущее на общихъ основаніяхъ, если оно будетъ вестись на наличныя деньги, непремѣнно должно быть убыточно.

И точно, стоитъ только взглянуть на нѣсколько существующихъ въ настоящее время обществъ, чтобы вполне убѣдиться въ этомъ. Вотъ образовался частный ломбардъ, который по уставу беретъ на дѣлаемыя имъ ссуды по 18 и 20%, чего-бы, кажется, выгоднѣе? А дивидентъ акціонеровъ все-же равенъ 0; будто, въ самомъ дѣлѣ, общество составлялось только для того, чтобы содержать пять директоровъ и столько-же ревизоровъ. Вотъ основались общества бережливости, чего-бы, кажется, выгоднѣе? Вѣдь эти общества могли держать рядъ мелочныхъ лавочекъ, дающихъ, какъ извѣстно, своимъ владѣльцамъ самое меньшее 20%. Кромѣ того, эти общества могли имѣть обезпеченныхъ покупателей и не платили обременительныхъ повинностей. Несмотря на такое преимущество, эти общества почти всѣ невыстояли. Большею частію они уже закрылись и закрываются, растративъ собранные капиталы. Жалуются на директоровъ, на управление, Боже мой! Да вѣдь не всѣ-же были воры и дураки. Можемъ завѣрить, что были люди честные и трудолюбивые, были даже такіе, которые своимъ жертвовали для поддержанія общества, а все-же общества не устояли. Отчего? Оттого, что имъ хотѣлось укусыть свой собственный носъ, и вести дѣла на наличный капиталъ, тогда какъ торговля въ настоящее время идетъ на кредитъ почти исключительно, и извлекаетъ свои проценты изъ оборота. Пусть комиссія взглянетъ на утвержденные уставы тѣхъ обществъ, которые были представлены людьми знакомыми съ финансовыми операціями. Никогда такія общества даже не ходатайствуютъ объ утвержденіи предположенія вести дѣло на наличный капиталъ. Не потому иногда, чтобы для веденія такого дѣла капитала у нихъ не хватило, но потому, что веденіе дѣла на наличный капиталъ всегда невыгодно; что пользованіе кредитомъ составляетъ непремѣнное условіе современной коммерческой дѣятельности. Вотъ, напримѣръ, общество

новоторжской желѣзной дороги. Соорудивъ часть дороги, оно желаетъ продолженія ея исключительно на счетъ однихъ только облигацій. Ясно не потому, чтобы оно не полагало возможнымъ составить акціонерный капиталъ на продолженіе линіи, но потому, что выпускъ новыхъ акцій лишилъ-бы всякой надежды акціонеровъ имѣть на своихъ акціяхъ хоть какой-нибудь дивидентъ.

При взглядѣ на стремленія обществъ въ обеспеченіи себя определенными доходами отъ имѣющихся сбереженій, можно замѣтить два направленія: первое заключаетъ въ себѣ преимущественно требованіе твердости, обеспеченности, несомнѣнности дѣлаемыхъ взносовъ, какъ въ капиталѣ, такъ и въ процентахъ; второе заключаетъ требованіе предприимчивости, риска — для увеличенія доходности. Бумаги соотвѣтственныя первому изъ означенныхъ направленій на парижской биржѣ до войны назывались бумагами отцевъ семейства. Основаніе этихъ бумагъ главнѣйше заключается въ ихъ обеспеченности. Бумаги соотвѣтственныя второму направленію назывались бумагами предприимчивости, главное основаніе ихъ заключалось въ доходѣ. Бумаги предприимчивости — есть акціи всевозможнаго рода и вида. Расчетъ акціонеровъ получать дивидентъ возможно высшій, и ужь, разумѣется, никакъ не ниже того, сколько даетъ самый высокій оборотъ денегъ, т. е. не ниже того нормальнаго дисконта, который опредѣляетъ дѣйствительную стоимость наличнаго капитала. Для полученія этого возвышеннаго дивиденда акціонеры рискуютъ своимъ капиталомъ и приводятъ въ исполненіе новое предположеніе, которое, какъ-бы хорошо ни было рассчитано, при практическомъ осуществленіи, непремѣнно представляетъ большій или меньшій рискъ. Другое дѣло бумаги перваго направленія: ихъ процентъ и возвратъ капитала обезпеченъ фондомъ предпринимателей. Владѣльцы ихъ, не надѣясь, даже не желая многого, хотятъ только видѣть твердо обезпеченнымъ то, на что они рассчитываютъ. Это облигаціи, обезпечиваемыя не только тѣми взносами, которыя за нихъ поступили, но и всѣмъ фондомъ акціонеровъ. Твердость такого обезпеченія, при добросовѣстномъ веденіи дѣла, вообще признается достаточною, если обязательство обезпечено взносомъ отъ 10 до 15% своей суммы. Выше 20% не требуетъ обезпеченія ни одно правительство при заключеніи какихъ-бы то ни было обязательствъ. Наконецъ, если допустить обезпеченіе въ 25%, то такое обязательство, при добросовѣстномъ веденіи дѣла, должно быть признано рѣшительно несомнѣннымъ. На какомъ-же основаніи комиссія хочетъ требовать обезпеченія отъ ак-

ціонерныхъ обществъ въ принимаемыхъ ими на себя обязательствахъ, по крайней мѣрѣ, въ 200%? Не есть-ли такое требованіе прямое и видимое стѣсненіе всякой предпримчивости? Пусть взглянетъ комиссія на уставы всѣхъ нашихъ желѣзнодорожныхъ предпріятій. Она убѣдится, что, несмотря на нынѣшній, самою комиссіею признаваемый несоответственнымъ, порядокъ дѣлъ, всѣ уставы разрѣшаютъ обществамъ, сооружающимъ желѣзныя дороги, имѣть облигаціи, по меньшей мѣрѣ, вдвое противу ихъ строительнаго капитала, слѣдовательно, требуютъ обезпеченія въ исполненіи обязательствъ не выше $33\frac{1}{3}\%$ съ суммы, даже тогда, когда за точное выполненіе обязательствъ по облигаціямъ отвѣчаетъ правительство, предоставивъ обществу, сооружающему дорогу на его облигаціи свою гарантію. Комиссія, полагая допустить облигаціи только въ половину капитала, такимъ постановленіемъ отрицаетъ правильность всѣхъ утвержденныхъ уставовъ. Въ дѣйствительности желѣзныя дороги иначе никогда не сооружались; даже, можно сказать, онѣ не мыслимы въ сооруженію, если не будетъ обществомъ разрѣшено выпустить облигацій, по крайней мѣрѣ, двое противъ ихъ акціонернаго капитала; стало быть, въ шесть разъ болѣе нормы, предполагаемой комиссіею. Къ чему-же постановлять то, что ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть исполнено. И это странно тѣмъ болѣе, что на выпускаемыя акціонерными обществами облигаціи правительство не даетъ ни гарантіи, ни субсидіи, и оставляетъ произволу каждаго принимать ихъ или не принимать.

Постановленіе это уничтожаетъ и тотъ и другой видъ бумагъ, лишая акціи ихъ доходности, а облигаціи твердости; потому что, если дѣла общества пойдутъ худо, акціи будутъ падать, то облигаціи, само собою, не могутъ быть твердыми, хотя-бы ихъ и было относительно весьма малое количество.

Но, скажутъ намъ,—замѣчаніе о твердости обезпеченія въ 20% обуславливается добросовѣстнымъ веденіемъ дѣла, и можно-ли рассчитывать на такую добросовѣстность въ нашихъ акціонерныхъ компаніяхъ? На это мы отвѣтимъ: обезпечьте эту добросовѣстность обязанностію гласно вести дѣло; наблюденіемъ за строгимъ выполненіемъ уставовъ, и предоставленіемъ облигаціонерамъ права непосредственнаго наблюденія черезъ своихъ агентовъ, присутствующихъ въ управленіи, и вы достигнете несравненно лучшихъ результатовъ, чѣмъ налагая стѣсненія и запрещенія на то, что составляетъ сущность коммерческой предпримчивости.

Мы прочли составленное комиссіею положеніе съ полнымъ внима-

ніемъ. Въ доказательство нашего вниманія укажемъ даже на опечатку, вкравшуюся въ объяснительную записку по предмету установленія платежа возникающими акціонерными обществами пошлины; опечатку, поставившую насъ въ сильное недоумѣніе. На 49 страницѣ, 17-ой строкѣ, при опредѣленія налога въ $\frac{1}{20}$ ‰ съ нарицательнаго капитала напечатано: т. е. по 50 руб. съ одной тысячи рублей, вмѣсто 50 коп., которыя составляютъ дѣйствительно $\frac{1}{20}$ ‰ и какъ обозначено въ текстѣ самого положенія. Мы не можемъ не согласиться, что налогъ $\frac{1}{20}$ ‰ съ нарицательнаго капитала, составляя съ капитала въ 2 мил. 1000 руб., не можетъ быть признанъ обременительнымъ если только явочный отдѣлъ не будетъ требовать отъ учредителей особыхъ нотаріальныхъ условій и засвидѣтельствowanій, замѣняя собою для акціонерныхъ обществъ нотаріусовъ, и достоинство бумаги, употребляемой на написание договорнаго акта и устава, опредѣлится достоинствомъ обыкновенной гербовой бумаги, употребляемой для веденія дѣлъ въ министерствахъ.

Но чѣмъ глубже мы рассматривали составленный комиссіей проектъ, тѣмъ болѣе находимъ, что проектъ этотъ нисколько не отстраняетъ недостатковъ существующаго положенія: напротивъ представляетъ еще большія затрудненія для устройства производительныхъ ассоціацій и ведетъ къ большимъ недоумѣніямъ. При новомъ порядкѣ едва-ли даже послѣдуетъ уменьшеніе переписки по предмету образованія компаній въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ, обременяемыхъ рассмотрѣніемъ проектируемыхъ уставовъ, потому что изъятія, опредѣленные составленнымъ положеніемъ, при развивающихся требованіяхъ веденія дѣлъ на собирательный капиталъ, столь обширны, что, нѣтъ сомнѣнія, по прошествіи небольшого періода времени, составленіе компаній собственно по предметамъ, составляющимъ изъятія, будетъ никакъ не менѣе, чѣмъ сколько въ настоящее время составляется всѣхъ.

Потому мы полагаемъ-бы, что комиссія слѣдуетъ пересмотрѣть вновь составленное ею положеніе; и раздѣливъ его на три отдѣла: объ акціонерныхъ обществахъ, о товариществахъ на паяхъ и о рабочихъ ассоціаціяхъ, положить твердое начало у насъ законодательству по предмету правильныхъ производительныхъ ассоціацій. При этомъ мы не полагаемъ, чтобы могли быть полезными какія-бы то ни было изъятія изъ общаго порядка образованія компаній; слѣдуетъ только обязать ихъ ходатайствовать особо о тѣхъ льготахъ, которыя онѣ признаютъ необходимыми для своего осуществленія. Всѣ помя-

нудные три вида ассоціаціи слѣдуетъ освободить отъ напрасныхъ стѣсненій, которыя нигдѣ и никогда пользы не приносили; въ дѣлѣ же общественныхъ экономическихъ интересовъ, кромѣ вреда ничего принести не могутъ. Мы совершенно согласны съ комиссіей, что наше общество требуетъ для себя регламентаціи правилъ, по которымъ могутъ учреждаться производительныя и коммерческія общества; съ тѣмъ, однакожь, чтобы такая регламентація не препятствовала развитію предпріимчивости, не налагала оковъ на трудъ, который всегда и вездѣ былъ первымъ залогомъ матеріальнаго успѣха, стало быть успѣха народнаго развитія и политическаго могущества. Свободный трудъ и свобода экономическихъ отношеній всегда служили и будутъ служить наибольшимъ ручательствомъ народнаго благосостоянія. Мы полагаемъ, комиссія сознаетъ это, потому и захочетъ придать труду своему такой видъ, чтобы онъ покровительствовалъ, а не стѣснялъ стремленіе общества усилить свою производительность помощію взаимнаго сближенія своихъ запасовъ и своей дѣятельности.

А. Шардинъ.

МОСКОВСКАЯ УЧИТЕЛЬСКАЯ ШКОЛА.

Въ селѣ Поливановѣ Подольскаго уѣзда.

I.

Вотъ уже около полутора года прошло съ тѣхъ поръ, какъ московское губернское земство, ревнуя объ усиленіи народной грамотности въ московской губерніи, открыло учительскую земскую школу въ с. Поливановѣ, которая, несмотря на громадныя средства, посвященныя земствомъ ея учрежденію и дальнѣйшему поддержанію, до послѣдняго времени не нашла себѣ мѣста на страницахъ нашей періодической печати. Такое продолжительное молчаніе объ этомъ, полезномъ, по своей идеѣ, учрежденіи московскаго земства объясняется не столько таинственностью созданнаго имъ заведенія, сколько неудобопроходимостью ведущихъ къ нему дорогъ, по которымъ весной и осенью приходится плавать по невылазной глинистой грязи, а лѣтомъ — пробираться по такой заскорузлой колоти, которая, вѣроятно, создала-бы вновь поговорку: „*ни проехать—ни пройти!*“ если-бы ее не создали предусмотрительные наши предки. Постановленіемъ губернскаго (московскаго) собранія, отъ 9 сентября 1870 года, поручено было комиссіи, избранной для веденія дѣла по устройству учительской школы, не выжидая заключительнаго утвержденія устава (проектъ котораго отпечатанъ московскимъ губернскимъ собраніемъ еще въ 1869 г.), принять мѣры къ безотлагательному открытію учительской школы, на правахъ частнаго учебнаго заведенія. По 1 параграфу проекта устава вышепомянутая школа должна быть учреждена въ «московской губерніи *внѣ Москвы*»; почему поручено было комиссіи приобрѣсти для школы подходящую усадьбу. Но поиски комиссіи, по ея увѣренію, относительно приобрѣтенія усадьбы покупкою не увѣнчались успѣхомъ; а потому она арендовала усадьбу г-жи Да-

выдовой въ селѣ Поливановѣ, въ 8 верстахъ отъ подольской станціи курской желѣзной дороги. Не знаю, какую долю усердія выказала комиссія въ дѣлѣ присканія усадьбы для приобрѣтенія ея покупкою; но не могу не остановить вниманія читателя на томъ фактѣ, что при существующемъ стремленіи подмосковныхъ землевладѣльцевъ къ выселенію изъ своихъ помѣстій задача, предложенная комиссіи, разрѣшалась очень легко; стоило только изъ того-же Поливанова предпринять 2-3-верстный переѣздъ въ сосѣднія помѣстья и московское губернское земство приобрѣло-бы для своей учительской школы такую роскошную усадьбу, которая вполне удовлетворила-бы всѣмъ требованіямъ нашей скромной педагогич. Для примѣра я укажу на помѣстье, лѣса котораго соприкасаются съ поливановскимъ лѣсомъ. При усадьбѣ, расположенной въ с. Александровѣ (въ 3 верстахъ отъ Поливанова), кромѣ вполне достаточнаго для школы помѣщенія, имѣются превосходный паркъ, садъ съ церковью, искусственные пруды, теплицы абрикосовъ, персиковъ и т. п., скотный дворъ, 120 десятинъ лѣса и 260 десятинъ пахатной земли. Это помѣстье, во время посковъ комиссіи, продавалось за 25,000 руб. сер. и только въ послѣднее время владѣлецъ его, разсчитавъ, что цѣнность одного лѣса на срубъ превосходитъ назначенную имъ прежде сумму, возвысилъ запродажную цифру. Но сдѣлка окончена къ удовольствію г-жи Давыдовой, которая очень удачно сдала на 6 лѣтъ, по 1,500 руб. сер. въ годъ, свою полуразрушенную усадьбу съ 15 десятнами пахатной земли. Насколько арендованная комиссіей усадьба удовлетворяла требованіямъ — это мы увидимъ ниже по тѣмъ, чисто непроизводительнымъ въ будущемъ, затратамъ (напримѣръ, рытье пруда въ чужомъ помѣстьи, устройство домовой церкви въ чужомъ домѣ), на которыя московскому губернскому земству пришлось на первыхъ-же порахъ израсходовать десятки тысячъ рублей, собираемыхъ съ небогатаго населенія московской губерніи. Изъ отчета попечительнаго совѣта по московской учительской школѣ за 1871 годъ мы видимъ, что 30,000 руб. сер., ассигнованныхъ московскимъ губернскимъ собраніемъ для учительской школы на 1871 годъ, оказались недостаточнымъ, и администрація школы передержала 3,998 руб. 77 коп. Вотъ что мы находимъ въ „отчетѣ“ по поводу израсходованія ассигнованнаго капитала и передержки ¹⁾: „происхожденіе этой передержки объясняется, во-пер-

¹⁾ Просимъ у читателя извиненія за буквальную выписку несомнѣнно складнаго объясненія попечительнаго совѣта по московской учительской школѣ. (См. отчетъ за 1871 г., стр. 12—13).

выхъ, совершенной невозможностью точнаго заблаговременнаго исчисления стоимости всѣхъ работъ при сложной дробной передѣлкѣ и ремонтѣ обширнаго *стараяго* зданія, когда потребность въ той или другой работѣ возникаетъ только при самомъ производствѣ ремонта; во-вторыхъ, непредвидимостью расходовъ, возникшихъ вслѣдствіе чисто-мѣстныхъ условий, обнаружившихся только послѣ близкаго знакомства съ мѣстностью“ и т. д. Въ заключеніе попечительный совѣтъ говоритъ: „*значеніе (?) передержки объясняется тѣмъ, что сумма въ 30,000 руб. ассигнована на устройство и содержаніе учительской школы въ 1871 году не на основаніи подробнаго, хотя-бы приблизительнаго разчета, предстоявшихъ по этому предмету, расходовъ. Такимъ образомъ, попечительному совѣту школы предстояла едва-ли выполнимая задача: произвести всѣ расходы въ точно-обозначенныхъ предѣлахъ, руководствуясь однако въ своихъ распоряженіяхъ не этими предѣлами, не суммой ассигнованныхъ денегъ, а потребностями того учрежденія, въ которомъ должна была осуществиться идея земства о необходимости приготовленія благонадежныхъ руководителей для народныхъ школъ. Жертвовать педагогическими интересами изъ опасенія выйти изъ размѣровъ ассигнованной суммы, — переложить высокую нравственную потребность на рубли и копейки совѣтъ не могъ, конечно, себѣ позволить по гораздо болѣе сильному опасенію навлечь на себя упрекъ въ мелочности и несовмѣстности такого разчета съ глубокимъ интересомъ земства къ дѣлу народнаго образованія“.* Такая преданность дѣлу московскаго земства, жертвующаго сознательно 7,000 руб. *безвозвратно* при ремонтѣ усадьбы (весь ремонтъ ея обошелся въ 8,815 руб. 22 коп.), покупающаго для школы четверку лошадей, экипажи, кучерское платье и разную сбрую, въ томъ числѣ даже „полную нѣмецкую“ и „сѣдло съ приборомъ“, выдающаго по 800 руб. на разъѣзды служащимъ и прислугѣ въ Москву и Подольскъ, и т. п., заставляетъ каждого подумать, что совѣтъ позаботился не только о безвозвратныхъ расходахъ для администраціи школы, но не упустилъ изъ виду и того, чтобы приглашенная имъ администрація была въ силахъ съ честью выполнить тѣ обязанности, за которыя такъ щедро платитъ московское губернское земство... Дѣйствительно, въ статьѣ расходовъ по московской учительской школѣ, произведенныхъ въ 1871 году по 1 ноября мы находимъ:

Директору за двѣ поѣздки его изъ Петербурга въ Москву и село Поляваново	200 р.
На подъемъ и переѣздъ директору изъ Петербурга	1,000 „

Двумъ наставникамъ, оттуда-же	600 „
Законоучителю изъ калужской губерніи	150 „
Итого	1,950 р.

Ключнику	35 р.
Повару	30 „
Портному	30 „
Фельдшеру	25 „
Кастеляншѣ	20 „
Служителю	20 „
Прачкѣ	10 „
Итого	170 р.

Прислуга, эта, какъ видно изъ объясненія, приглашена изъ Петербурга по необходимости имѣть на новомъ мѣстѣ людей, достаточно извѣстныхъ директору по ихъ благонадежности.

Разсматривая эти суммы, выданныя на переѣздъ иногороднимъ, невольно приходитъ на мысль; неужели *бъ гокаменная*, служившая нѣкогда расадникомъ просвѣщенія для всей сѣверной и сѣверо-восточной Руси, обѣднѣла въ своихъ просвѣтительныхъ силахъ до того, что въ ней не нашлось 2, 3 преподавателей?... Мало этого, ревнуя о благосостояніи населенія московской губерніи, населенія, нуждающагося и въ хлѣбѣ и въ трудѣ, попечительный совѣтъ привозитъ на деньги этого населенія для земской школы такихъ незатѣйливыхъ художниковъ, какихъ можно встрѣтить въ Москвѣ на каждомъ шагу. Не понимаю также, почему прислуга, нанимаемая для земской школы, должна быть *достаточно извѣстна по своей благонадежности директору школы*, а не членамъ попечительнаго совѣта? Директоръ, ѣдущій изъ Петербурга, лицо новое, неизвѣстное московскому земству; изъ всѣхъ рекламъ, которыми обставилъ его нынѣшній попечительный совѣтъ, не видно, чтобы онъ былъ близко знакомъ съ веденіемъ дѣла въ учительской школѣ, въ чемъ мы имѣли случай убѣдиться лично. Понятно, послѣ этого, что съ избраніемъ болѣе заботливаго попечительнаго совѣта для переустройства школы легко могъ-бы быть приглашенъ другой болѣе опытный директоръ, и тогда прислуга, достаточно извѣстная по своей благонадежности нынѣшнему, можетъ показаться не вполне удовлетворяющей требованіямъ будущаго!... Мало этого, попечительный совѣтъ, отстраняя своихъ земцевъ отъ участія въ трудахъ и выгодахъ школы, устраиваемой имъ на деньги московскаго земства, тѣмъ самымъ возстановилъ противъ этого, полезнаго по своей идеѣ, учрежденія какъ мыслящихъ, такъ и немслящихъ членовъ того земства, для котораго и на средства котораго попечительный совѣтъ устраиваетъ школу. Всего нагляднѣе рисуется непрактичность такого распоряженія изъ того, что,

отдавая отчетъ въ израсходованіи 34,000 руб. въ минувшемъ году на устройство школы, „*пруда для помивки огорода*“, на приобрѣтеніе „*полной нѣмецкой сбруи*“, „*стѣла съ приборомъ*“ и т. п. онъ счелъ своимъ долгомъ объяснить, что на 34,000 руб. школѣ не удалось приобрѣсти всей необходимой классной мебели, что для бібліотеки и кабинетовъ нужно дать еще, по крайней мѣрѣ, 3,000 руб., что на открытіе народной школы нужно израсходовать до 300 руб. и что устройство лазарета будетъ стоить не менѣе 150 руб. Этими данными попечительный совѣтъ наглядно доказалъ, что московское губернское собраніе обязано ассигновать на 1872 годъ не 17,661 руб. 40 коп., исчисленныхъ по смѣтѣ на постоянные текущіе расходы, а 23,860 руб. 17 коп.!. Конечно, если-бы попечительный совѣтъ такъ размашисто расходовалъ свое личное имущество, мы не сказали-бы больше, чѣмъ сказано въ стереотипной русской поговоркѣ: „*всякъ молодецъ на свой образъ*“; но когда мы видимъ, что здѣсь расходуются кровные гроши подмосковнаго земскаго люда, тогда всѣ безсодержательныя фразы „отчета“ въ родѣ: „*переложенія высокой нравственной потребности на рубли и копейки*“ получаютъ характеръ нѣсколько горькой ироніи.

II.

Теперь мнѣ слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ и о педагогическомъ совѣтѣ. Считаю при этомъ не лишнимъ замѣтить, что по 9-му и 10-му пар., проекта устава учительская школа находится въ непосредственномъ завѣдываніи попечительнаго совѣта, избираемаго московскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ, и что въ засѣданіяхъ совѣта директоръ школы участвуетъ съ правомъ голоса. Какъ учительская школа, такъ и народное при ней училище, по 14 пар., того-же проекта, состоятъ подъ непосредственнымъ управленіемъ директора... Во II-мъ отдѣленіи проекта устава мы находимъ разъясненія обязанностей Совѣта учительской школы, которыя оказываются очень несложными: всѣ наставники и учителя школы, учитель народнаго училища и штатный врачъ должны собираться еженедѣльно, а по желанію директора и чаще, за тѣмъ, чтобы выслушать распоряженія директора и принять ихъ къ свѣденію и руководству; самъ-же директоръ является полномочнымъ какъ въ учебно-воспитательномъ, такъ и въ административномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ. — Попечительный совѣтъ, по поводу задачи, возложенной на него губернскимъ зем-

скимъ собраніемъ, выразилъ ту давно извѣстную истину, что уровень нравственныхъ качествъ и матеріальнаго благосостоянія сельскаго населенія можно поднять только посредствомъ благоустроенной школы. А такъ-какъ хорошее вліяніе школы на массу зависитъ отъ личности учителя, то и «великое дѣло образованія народа должно начаться съ образованія — воспитанія, а не дрессировки только, сельскихъ учителей». Вымуштровать мало-мальски грамотнаго человѣка въ приемахъ обученія грамотѣ по звуковому методу и арифметикѣ по способу Грубе еще не значитъ подготовить двигателя для нравственнаго развитія людей. «Сельскій учитель, какъ понимаетъ его педагогическій совѣтъ, есть лучшій, образцовый человѣкъ въ общинѣ, развитію которой онъ долженъ содѣйствовать въ ея нравственномъ и матеріальномъ бытѣ, и подготовить молодыхъ людей къ дѣятельности сельскаго учителя возможно только воспитаніемъ, научить-же человѣка оказывать благотворное вліяніе на массу — невозможно». Всѣ эти хорошія фразы, совѣтъ, очевидно, позаимствовали извнѣ; въ этомъ увѣряетъ насъ слѣдующая за ними мысль, лишенная всякой мысли. Въ ней говорится, напримѣръ, что «нравственное вліяніе приобрѣтается нравственнымъ вліяніемъ»¹⁾. Признаемся, мы тутъ ничего не понимаемъ, да едва-ли понималъ и тотъ, кто писалъ эти строки. А между тѣмъ каждый согласится, что первоначальная организація школы требуетъ отъ своего устава вполне ясной и рациональной программы.

Сдѣлавшись полноправнымъ распорядителемъ и администраторомъ московской учительской школы, директоръ помимо того, что перевезъ съ собою въ Поливаново на земскій счетъ цѣлую колонію благонадежной прислуги,—помимо того, что пристроилъ ихъ на хорошемъ жалованьи земства (6 человѣкъ получаютъ болѣе 1,000 р. сер въ годъ), помимо того, что на счетъ земства кормить и поить не только привезенную прислугу, но и ея семейства, выписанный нѣмецъ не брезгаетъ каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы вознаградить себя за тяжелые труды, понесенные имъ на пользу московскаго земства. Взглянемъ на смѣту расходовъ въ 1872-мъ г. по московской учительской школѣ, утвержденной попечительнымъ совѣтомъ. Здѣсь подъ рубрикой—*„Пища“* читаемъ: *„для 22-хъ человекъ, или (съ семействами) 30-ть человекъ прислуги“* на каждого въ сутки исчислено порціонныхъ по 12 к. сер. Прежде всего останавливаетъ на себѣ наше вниманіе тотъ фактъ, что на московское земство возложена обязанность кормленія не только школьной прислуги, получающей отъ земства такое

¹⁾ Ст. Отчетъ 1871, стр. 5.

вознагражденіе, какого не будутъ получать будущіе „образовые люди общины“; но и 8 человѣкъ какихъ-то постороннихъ школъ, вѣроятно, входящихъ въ семья тѣхъ петербургскихъ колонистовъ, которые на деньги московскаго земства перевезены директоромъ для *явннсто преустьяннн* учительской школы. Мы все-таки не съ умѣемъ понять: какимъ образомъ подъ рубрикой „*нища*“ оказалась дѣйствительной цифра прислуги 22 человѣка (не включая сюда 8, откармливаемыхъ земствомъ); тогда какъ выше на той-же страницѣ при расчисленіи жалованья служащимъ, по роду обязанностей, въ число прислуги можно отчислить не болѣе 18 человѣкъ, считая въ томъ числѣ даже благонадежнаго фельдшера, вывезеннаго директоромъ на деньги московскаго земства изъ Петербурга и получающаго 240 р., сер., въ годъ. Кѣмъ-же пополнить недостающее количество прислуги? Неужели-же въ число прислуги вошли *учитель-переплетчикъ* и *учитель-столяръ*? Если это такъ, — то такой патриархальный взглядъ на вещи не лишенъ своего значенія. Дѣло въ томъ, что за обученіе переплетному искуству земство платитъ 120 р. сер. въ годъ; а учить этому искуству самъ директоръ школы, г. Цейдлеръ, получающій отъ того-же земства 2,500 р. сер., за директорство, 500 р., за лекціи русскаго языка и 120 р. за обученіе переплетному искуству. — Въ свою очередь Генрихъ Ивановичъ Шнель, преподаватель географіи и русской исторіи, получающій отъ земства 1,500 р. сер. за преподаваніе означеннымъ предметамъ, въ то-же время учить столярному искуству, за что получаетъ также 240 р. сер!.. Крупная цифра общаго содержанія, выдаваемого земствомъ, какъ столяру, такъ и переплетчику, заставляють насъ думать, что оба помянутые художника имѣли полное право выдѣлать себя изъ общаго числа прислуги, получающей при учительской школѣ 12 к., порціонныхъ ежедневно. — Но если даже въ число прислуги включимъ почтеннаго переплетчика и Генриха Ивановича Шнеля, то и тогда окажется, что штатъ прислуги при московской учительской школѣ не превзойдетъ 20 человѣкъ. Да, иначе и быть не могло! Вѣдь воспитанниковъ всего 27 человѣкъ! Слѣдовательно, земство отпускаетъ на каждый день лишнихъ порціоновъ на 2-хъ человѣкъ?!—То-же мы выдимъ и въ расчетахъ администраціи школы на *отопленіе*. Подольское земство,—содержащее въ г. Подольскѣ: а) канцелярію, б) отдѣльное больничное зданіе, въ которомъ число больныхъ несравненно больше числа воспитанниковъ школы, и арестанскій домъ, — не зная новаго счета, расходуетъ въ годъ на отопленіе этихъ трехъ отдѣльныхъ, довольно обширныхъ, помѣщеній менѣе 600 руб. сер. между-тѣмъ учительская школа, руководясь новой системой счи-

сленія наша возможнымъ внести въ смѣту на отопленіе заведенія въ 1872-мъ году 1,500 р. сер., т. е. по 30 р. сер., на отопленіе одного воспитанника при полномъ числѣ учениковъ школы и по 54 р., на каждого воспитанника при нынѣшнемъ числѣ учениковъ!.. Какъ ни приятно, конечно, московскому губернскому земству видѣть въ числѣ дѣателей учрежденнаго имъ заведенія такихъ ученыхъ специалистовъ въ дѣлѣ усовершенствованія счета, какіихъ въ настоящее время, правду сказать, трудно найти между просвѣщенными русскими людьми; тѣмъ не менѣе въ матеріальныхъ интересахъ земства и въ нравственныхъ интересахъ того заведенія, которое должно воспитать „образцовыхъ людей общины“, можно было-бы желать, чтобы не только московское, но и другія наши земства ввели у себя хоть какой-нибудь контроль надъ расходо-ваніемъ общественныхъ суммъ... Отсутствіе контроля—это главный врагъ правильнаго веденія счетоводства. Считая по $4\frac{1}{2}$ р. сажень дровъ, мы получимъ на 1500 р., болѣе 332 сажень. Въ одной галандской печи нѣтъ возможности сжечь втеченіи отапливаемыхъ мѣсяцовъ болѣе 5 сажень, — слѣдовательно, мы должны допустить, что въ помѣщеніи московской учительской школы топится зимою 66 печекъ, что составитъ по $2\frac{1}{2}$ печки на воспитанника! Такимъ пріемомъ, дѣйствительно, можно порядкомъ подсушить свѣжіе русскіе мозги. Впрочемъ, я долженъ предупредить читателя, что помѣщеніе, занимаемое школой, несмотря на громадные деньги, брошенные на его ремонтровку, такъ ограничено, что директоръ, не могъ помѣститься въ половинѣ верхняго этажа и присоединилъ къ своей квартирѣ часть нижняго; а квартира, въ которой помѣщается преподаватель математики и естествознанія, немногимъ развѣ больше тѣхъ миниатюрныхъ комнатокъ, которыя назначаются для спаленъ въ маленькихъ петербургскихъ квартирахъ. Эти замѣтки о величинѣ помѣщенія, занимаемаго школой и ея администраціей, наведутъ читателя на мысль, что если-бы въ этомъ зданіи кто-нибудь вздумалъ уставить такую массу печекъ, какую мы предположили выше, то едва-ли въ немъ нашлось-бы мѣсто для директора, а для воспитанниковъ и ихъ класныхъ комнатъ навѣрное пришлось-бы прискивать отдѣльное помѣщеніе. — Изъ этихъ бѣглыхъ замѣтокъ читатель, конечно, оцѣнитъ всю важность новой системы счисленія, изобрѣтенной московской учительской школой. Намъ приходится только высказать свое сожалѣніе о томъ, что ни попечительный совѣтъ, ни ревизіонная комиссія не обратили до сихъ поръ своего просвѣщеннаго вниманія на это обстоятельство,—надѣмся, не совсѣмъ маловажное для московскаго губернскаго земства.

III.

Въ предшествовавшихъ замѣткахъ я изложилъ общую характеристику почительнаго и педагогическаго совѣтовъ московской учительской школы, а въ настоящей—постараюсь очертить ту обстановку, среди которой должны доканчивать свое развитіе будущіе просвѣтители подмосковнаго люда. Прежде чѣмъ устройство московской учительской школы передано было на обсужденіе специальной комисіи, губернская управа въ своемъ докладѣ „о содѣйствіи земства народному образованію“ выражала ту мысль, что „учительство должно быть специальностью,—должно быть призваніемъ, а потому—пока учительствомъ будутъ заниматься у насъ люди, для которыхъ оно служить только второстепеннымъ занятіемъ, люди нисколько неподготовленные къ этому дѣлу,—то до тѣхъ поръ у насъ не можетъ быть и рѣчи о прочномъ развитіи народнаго образованія“. Задавшись образцомъ учителя прусской элементарной школы, который не только посвящаетъ всю свою жизнь народному образованію, но часто является свѣточемъ для той общины, въ средѣ которой находится школа,—губернская управа выражала мнѣніе, что „подобныя отношенія учителя къ окружающей его общинѣ возможны только тогда, когда самъ учитель не чуждъ окружающей его среды. Учитель, вышедшій изъ болѣе богатой среды, будетъ тяготится своей полунищенской обстановкой среди непривлекательнаго житья-бытья подмосковнаго сельскаго люда. Въ виду такого положенія сельской школы, существующей къ тому еще на частныя, не всегда вѣрныя средства,—управа предполагала открыть доступъ въ учительскую школу, по преимуществу, крестьянскимъ дѣтямъ на томъ основаніи, что учителямъ, вышедшимъ изъ крестьянской среды, легче будетъ примириться съ занятіями сельской школы. Будучи дѣтищемъ деревни, учитель изъ крестьянъ охотно пойдетъ въ нее не только въ интересахъ учительскаго жалованья, но и потому еще, что бытовые привычки, имущественныя условія, семейныя связи и, наконецъ, привычка къ родной деревнѣ на-столько будутъ привлекать его въ родную деревню, что онъ за свои труды охотно согласится принять меньшее вознагражденіе, чѣмъ тотъ, который родился при иныхъ условіяхъ и иной обстановкѣ“. Воспитавшись, вышедшій изъ другой среды потребуетъ плату не только за свое учительство, но и за всѣ тѣ лишенія, съ которыми сопряжена непривлекательная, полная невзгодъ и лишениій, жизнь учителя сельской школы.

Руководясь такими возрѣніями, управа наставляла на томъ,

чтобы сельская школа не отрывала крестьянина-воспитанника от его родной среды,—чтобы онъ, выходя изъ школы, оставался тѣмъ-же членомъ сельскаго общества, какимъ онъ былъ до поступленія. Но эта разумная и практически-полезная мысль управы совершенно измѣнена дальнѣйшими организаторами учительской школы. Въ проектѣ устава и въ дальнѣйшемъ его примѣненіи учительская школа является заведеніемъ закрытымъ. Въ разъясненіе моего вопроса:—въ чему было въ деревнѣ, въ которой почти нѣтъ людей, а слѣдовательно, и дурныхъ примѣровъ устраивать закрытое заведеніе? — педагогъ замѣтилъ, что для школы взяты изъ закрытаго заведенія *только лучшія стороны*. Дѣйствительно, учениковъ школы въ учебное время легко можно встрѣтить въ сосѣднихъ деревняхъ, куда они заходятъ на прогулку безъ всякаго надзора. Да и возможно-ли держать въ заперти, или вѣчно водить на помочахъ воспитанниковъ, достигшихъ 18-ти лѣтняго возраста?.. Изучая „лучшія стороны“ учительской школы, мы пришли къ тому убѣжденію, что главная выгода отъ закрытаго характера этого заведенія прежде всего приноситъ пользу тѣмъ, которые завѣдываютъ хозяйственною частью заведенія. Это тѣ-же пансіоны и общія квартиры при гимназіяхъ, служившіе нѣкогда важной статьей дохода для инспекторовъ и экономовъ. Отчетъ говоритъ, „что при устройствѣ быта воспитанниковъ учительской школы *устранена была мысль о подражаніи обычному крестьянскому быту*, ибо призваніе учителя—по словамъ того-же отчета—состоитъ вовсе не въ поддержаніи крѣпко стоящей деревенской рутинѣ“. Отрывая отъ обычной крестьянской жизни будущихъ носителей „сельской цивилизаціи“, и въ то-же время отдавая ихъ подъ безконтрольное вѣденіе гг. педагоговъ, московское земство при всѣхъ своихъ затратахъ едва-ли выработаетъ изъ питомцевъ своей школы тѣхъ усердныхъ и честныхъ дѣятелей на пользу просвѣщенія русскаго народа, какихъ вправѣ ожидать общество. Проведя 3 года въ искусственной обстановкѣ закрытой школы, ученики не только не подготовляются къ самостоятельному самоуправленію, но, отвыкнувъ отъ обыденной крестьянской жизни, они едва-ли найдутъ на первыхъ порахъ выхода своего изъ школы столько силъ, чтобы бороться со всѣми забытыми въ школѣ невзгодами и лишеніями непривычной сельской обстановки. Неподготовленные къ борьбѣ съ обыденными житейскими потребностями, воспитанники школы на первыхъ порахъ своего учительства такъ легко могутъ запутать свои ограниченные финансы, что, для поправленія ихъ, имъ не останется иного исхода, какъ пустить въ ходъ новую систему счисленія, выработанную московскою учительскою школою.

Въ заключеніе считаю не лишнимъ передать читателю тѣ впечатлѣнія, которыя вынесъ я изъ личнаго осмотра школы. Прибывши въ г. Подольскъ, я узналъ, что въ школѣ начинается время экзаменовъ,—что 19-го мая назначенъ Законъ Божій, 23—древняя исторія ¹⁾, 27-го арифметика, 30-го геометрія, 31-го чистописаніе и рпсованіе, 3-го іюня—русскій языкъ. Желая поближе ознакомиться со школою, я рѣшился побывать на экзаменахъ. Не желая явиться, какъ снѣгъ на голову, я просилъ одного изъ своихъ знакомыхъ передать при свиданіи съ директоромъ о моемъ желаніи пріѣхать въ школу на одинъ изъ экзаменовъ. При свиданіи моего знакомаго съ директоромъ послѣдній замѣтилъ ему, что экзамены продолжаются у нихъ до 4-хъ часовъ. Въ половинѣ 1-го часа по-полудни, 23-го мая, мы подѣхали къ подѣзду школы, и на порогѣ ея узнали отъ одного изъ воспитанниковъ, что увы! несмотря на раннюю пору и на довольно большое число экзаменующихся (27), экзаменъ по исторіи былъ оконченъ. Соображая, что если-бы экзаменъ начался ровно въ 8 часовъ утра; то и тогда для отвѣта каждаго воспитанника безъ вопросовъ экзаменаторовъ приходилось-бы не болѣе 8 минутъ, я не скрылъ своего удивленія предъ директоромъ, который, желая подсластить, быть можетъ, мою кислую, разочарованную мину, велѣлъ подать намъ кофе. За кофе директоръ высказалъ свое глубокое уваженіе къ Корфу, и разъяснялъ намъ достоинства закрытаго характера заведенія, рисуя при этомъ всю корпорацію съ начальствомъ и подначальными, чѣмъ-то въ родѣ счастливой семьи.—Не имѣя обычая принимать фразы за факты, я въ простотѣ сердца переводилъ слова директора на обыденную рѣчь, такимъ образомъ: пока директоръ школы будетъ чувствовать себя безконтрольнымъ главою патріархальной поливаново-учительской семьи, то подъ вліяніемъ личнаго самодовольства онъ и всѣхъ подвѣдомственныхъ ему будетъ считать счастливѣйшими людьми въ свѣтѣ. Въ виду этого я указалъ директору на преимущество холмскихъ артелей воспитанниковъ педагогическихъ курсовъ, о существованіи которыхъ, равно какъ и самихъ курсовъ въ западныхъ губерніяхъ, директоръ и не подозрѣвалъ даже. Тамъ воспитанники курсовъ, получая ежемѣсячно стипендіи, которыя выдавались каждому соразмѣрно его занятіямъ,—прежде всего видѣли въ стипендіи прямое вознагражденіе за свои занятія и прилежаніе; во вторыхъ, имѣя въ своихъ

¹⁾ Прошу читателя обратить вниманіе на то обстоятельство, что по проекту устава не только древняя, но и вся всеобщая исторія составляетъ только поясненіе—часть русской. Здѣсь-же мы видимъ древнюю исторію и не находимъ русской?

руках хозяйственную часть, они еще въ курсахъ привыкали къ той самодѣтельности въ веденіи хозяйства, безъ которой имъ не легко было-бы устроить свою непрхотливую жизнь, среди деревенской глуши и постоянныхъ занятій. — Одной изъ главнѣйшихъ задачъ воспитанія учителей должно быть разъясненіе и указаніе питомцамъ на тѣ средства, при помощи которыхъ каждый изъ нихъ могъ-бы бороться съ житейскими невзгодами, неизбѣжными въ жизни каждаго бѣдняка; а потому, чѣмъ раньше они вступаютъ въ борьбу съ подобными случайностями, тѣмъ больше вырабатываютъ въ себѣ навыка къ предупрежденію ихъ появленія. А умѣя предупреждать невзгоды, каждый изъ нихъ лишній разъ будетъ пользоваться тѣмъ душевнымъ спокойствіемъ, безъ котораго невозможны толковыя и энергическія занятія съ дѣтьми учениками. — Школьная закрытая жизнь, обезпечивая каждому воспитаннику необходимый кусокъ хлѣба, — тѣмъ самымъ приучаетъ его къ жизненной бездѣтельности, которая почти всегда влечетъ за собой цѣлый рядъ ошибокъ, промаховъ и неудачъ, постигающихъ юношу въ первые моменты его самостоятельности. Хорошо, если какая-нибудь случайность поможетъ ему выйти изъ непригляднаго его положенія; въ противномъ случаѣ, онъ впадетъ въ апатію или въ пьянство и, относясь безучастно къ дѣлу, для котораго готовило его земство, будетъ чѣмъ-то въ родѣ тормоза дѣлу развитія и не только не сдѣлается «образцовымъ членомъ подмосковной общины», не только не будетъ „носителемъ цивилизаціи“, но легко можетъ перейти въ тотъ разрядъ людей, нравственное безсиліе которыхъ губительно дѣйствуетъ на окружающія ихъ массы. Въ отвѣтъ на мое замѣчаніе, директоръ сказалъ намъ, что „воспитанники его школы имѣютъ, будто-бы, право сами распорядиться кухней“, что показалось намъ нѣсколько страннымъ, когда мы прочли въ „Отчетѣ“, что „послѣ утренней молитвы воспитанники пьютъ чай въ прикуску съ чернымъ хлѣбомъ, въ 12 часовъ обѣдаютъ по большей части щи и кашу, въ 5-мъ часу снова чай, а въ 9 часовъ, за ужиномъ, подаются тѣ-же щи и каша“. Такое однообразіе пищи едва-ли было-бы возможно, если-бы воспитанники имѣли хоть какое-нибудь участіе въ распоряженіи кухней. Но здѣсь дѣло не въ томъ! Воспитанники должны подъ руководствомъ своихъ руководителей пріобрѣтать навыкъ распорядиться съ толкомъ деньгами, а не кухней. Но перейдемъ дальше. Въ 2 часа директоръ пригласилъ насъ ознакомиться съ обстановкой заведенія. По пути взглянули мы на алтарь школьной церкви, отдѣленный 4-хъ створчатыми дверями отъ рекреаціоннаго зала; похвалили незатѣйливый иконостасъ, сдѣланный столяромъ-историкомъ Шнелемъ; взглянули

на спальню, въ которой размѣщены кровати воспитанниковъ въ лазаретномъ порядкѣ, и потомъ отправились въ народное пришкольнѣ училище, въ которомъ, по словамъ директора, должны были идти классныя занятія.

Въ училищѣ мы нашли только пустыя скамейки и доску: старая баба, вошедшая вмѣстѣ съ нами въ классную комнату, объявила, сопутствовавшему намъ, директору, что священникъ прислалъ сказать дѣтямъ, чтобы они разошлись! Мы встрѣтились со священникомъ при входѣ въ кабинетъ директора и не знали, какъ разъяснить совершившійся фактъ. Директоръ повелъ насъ куда-то и зачѣмъ-то по оврагу; но, узнавъ потомъ, что мы не имѣемъ никакой охоты странствовать по пустырямъ, пошелъ съ нами обратно. Едва мы вошли снова въ его кабинетъ, какъ вошедшій слуга сообщилъ, что воспитанники собрались на экзаменъ. „Пусть подождутъ“, замѣтилъ директоръ. Я спросилъ директора: какой-же теперь будетъ у нихъ экзаменъ? „Это вздоръ—чистописание“, сказалъ онъ. Странно, подумалъ я, — вѣдь чистописание назначено было на 31 мая! Но въ виду кой-какихъ личныхъ соображеній не сталъ спрашивать дальше и предложилъ своему спутнику отправиться во-свояси. „Да, думалъ я, сѣвши на дрожки и любезно раскланявшись съ директоромъ, обязательно проводившимъ насъ далеко за порогъ своей квартиры,—хорошо, что это заведеніе называется *закрытымъ*; иначе легко придти къ тому убѣжденію, что въ немъ не на кого глядѣть, если выключить воспитанниковъ, которые попадались намъ въ корридорахъ, видѣлись въ паркѣ и толкались въ рѣкѣ.

Разставаясь съ московской учительской школой, нельзя не выразить своего сочувствія губернскому московскому земству, съ такой симпатіей отнесшемуся къ дѣлу образованія подмосковнаго люда; хотя нельзя не пожалѣть, что осуществленіе этого полезнаго учрежденія попало въ руки людей, совершенно незнакомыхъ съ тѣмъ дѣломъ, на которое они такъ охотно бросаютъ тысячи, не замѣчая того, что «полная нѣмецкая сбура» покупается прежде книгъ, полное хозяйство заводится прежде устава и программъ, смѣты составляются въ самыхъ широкихъ размѣрахъ не по существу, а по количеству требуемыхъ денегъ. Все преподаваніе носить на себѣ характеръ какой-то своеобразной, чтобы не сказать болѣе, пробы. Все это до того рѣзко бросается въ глаза, что невольно хочется спросить: чѣмъ руководится попечительный совѣтъ, создавая и поддерживая эту школу, результаты которой такъ далеко не соотвѣтствуютъ ея щедрому бюджету?

А. Б. Завадскій-Браснопольскій.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Шайка грабителей.—Русскій Тропманъ.—Статистика уменьшающихся и увеличивающихся видовъ преступленій.—Попытки къ улучшенію народной правственности посредствомъ акробатовъ —Московская читальня.—Неумѣнье пользоваться своими правами. — Общественное самосознаніе, какъ признакъ умственной зрѣлости народа. — Критическое отношеніе общества къ своимъ недостаткамъ.—Источники нашего самосознанія: сатира беллетристики и судебная хроника.—Процессъ по поводу смерти Жюхова, и поучительная сторона его. — Либерально-фарисействующая братія, играющая роль въ этомъ процессѣ.

Преступленія—эти вѣчныя спутники человѣческихъ обществъ,—бросаются невольно въ глаза въ каждомъ номерѣ всевозможныхъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ газетъ. У насъ часто, какъ видно изъ официальной уголовной статистики и судебных хроникъ, преступленія поражаютъ своими широкими размѣрами, своею дикостью и жестокостью. Иногда, кажется, просто невѣроятною дерзостью преступниковъ, не боящихся, повидимому, никакихъ преслѣдованій; порою эти личности наводятъ просто ужасъ своею жестокостью, даже не намекаящею на присутствіе въ нихъ какого-нибудь человѣческаго чувства; вообще-же, читая уголовныя хроникъ, съ невольною горечью думаешь, что всѣ эти далеко не дюжинныя силы могли-бы пойти на болѣе лучшее дѣло. Изъ массы подобныхъ явленій, описанныхъ въ газетахъ за послѣднее время, особенно выдаются два извѣстія, говорящія объ умѣнны нашихъ преступниковъ организоваться въ цѣлыя шайки и ускользнуть отъ преслѣдованій. По словамъ „Русскихъ Вѣдомостей“ въ подольскомъ уѣздѣ уже втеченіи многихъ лѣтъ совершенно безнаказанно производятъ грабежи цѣлыя шайки грабителей. Главное ихъ мѣсто дѣйствія—московское шоссе, начиная отъ границы уѣзда до деревни Сыровой. Вообще вся эта мѣстность пользуется дурною славою, но до сихъ поръ не удалось отыскать преступниковъ, хотя

многіе изъ мѣстныхъ жителей ихъ видѣли. Народная молва указываетъ на существованіе притоновъ, которые открыть очень трудно и благодаря которымъ мѣстные жители въ 20 верстахъ отъ столицы рискуютъ попасть въ руки грабителей и полатиться жизнью или, по крайней мѣрѣ, кошелекомъ. Мѣстнымъ властямъ съ подобными шайками приходится вести иногда довольно нелегкую борьбу, какъ это видно изъ свѣденій, сообщенныхъ въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“. Нынѣшнимъ лѣтомъ, говоритъ эта газета, въ пензенской губерніи, на границахъ саранскаго и инсарскаго уѣздовъ, въ лѣсу появилась шайка бродягъ, состоящая, какъ полагали, человекъ изъ двѣнадцати, въ числѣ которыхъ главную роль играли арестанты, бѣжавшіе ночью, 25-го іюня, изъ инсарскаго тюремнаго замка. Сначала эта шайка не заявляла себя какими-либо особенными преступленіями и существованіе ея было извѣстно болѣе по слухамъ, что въ той или другой мѣстности лѣса, который простирается сплошною массой на нѣсколько верстъ вдоль границы названныхъ уѣздовъ, видѣли какихъ-то подозрительныхъ людей; но распространившаяся объ этомъ молва встревожила мѣстное населеніе, и къ поимкѣ бродягъ были приняты мѣстной и губернской администраціей особыя мѣры. Первоначальная попытка взять бродягъ въ лѣсу, посредствомъ облавы, однако, не удалась, хотя при поискахъ были открыты несомнѣнные признаки нахождения шайки. Такая неудача возбудила еще болѣе толковъ, а между тѣмъ, въ окрестности чаще, нежели прежде, стали замѣчаться случаи воровства; было два-три поджога стоговъ сѣна въ полѣ и хлѣба на гумнѣ одного помѣщика. Все это приписывалось этой шайкѣ. Наконецъ, ея-же дѣломъ считали и кражу въ церкви одного изъ селеній. Въ видахъ огражденія профъзающихъ отъ нападенія этой шайки, въ саранскомъ уѣздѣ были учреждены такъ называемые пикеты, и съ цѣлью поимки воровъ дѣлались облавы на лѣса и неоднократно производились внезапные обыски въ подозрительныхъ домахъ татарскихъ селеній. Первоначально результатомъ этихъ мѣръ была поимка въ деревнѣ Татарскомъ-Умысѣ одного изъ принадлежащихъ къ шайкѣ лицъ. Поиманный бродяга былъ найденъ саранскимъ исправникомъ и становымъ приставомъ въ подпольѣ жилой избы одного крестьянина названной деревни. Дальнѣйшіе розыски хотя продолжались, но полиція не была увѣрена въ успѣхъ, такъ какъ крестьянское населеніе, опасаясь, что товарищи бродягъ, или они сами, когда освободятся отъ суда, или бѣгутъ изъ подъ стражи, отомстятъ помѣщикамъ тѣмъ, что сожгутъ все селеніе, не рѣшалось схватить бродягъ и выдать въ руки правосудія, а нѣкоторыя татарскія деревни даже служили для нихъ

притонами. Въ одной изъ такихъ деревень—Яндовищахъ, инсарскаго уѣзда—инсарскій исправникъ, въ 2 часа ночи, 10-го сентября, лично сдѣлалъ обыскъ и ему удалось поймать троихъ бродягъ, хотя съ опасностью для жизни, такъ какъ бродяги взяты съ заряженными пистолетами въ рукахъ. Двое изъ пойманныхъ оказались бѣжавшими изъ инсарскаго тюремнаго замка, а третій — крестьяниномъ, подлежащимъ къ ссылке въ Сибирь по приговору общества. При нихъ были взяты три осѣдланная верховныя лошади. Пойманные бродяги единогласно показали исправнику, что другіе два арестанта, бѣжавшіе съ ними изъ тюрьмы, скрываются въ одной деревнѣ, а часовой, способствовавшій ихъ побѣгу изъ тюрьмы, ими убитъ. Дѣйствительно, въ саранскомъ уѣздѣ, найденъ обезображенный трупъ, и хотя по лицу уже нельзя было узнать, кто это такой, но по нѣкоторымъ признакамъ можно полагать, что это именно тотъ часовой.

Рядомъ съ подобными фактами, говорящими объ организованныхъ мошенническихъ шайкахъ и напоминающими времена, которыя казались намъ невозвратно минувшими, являются примѣры отдѣльныхъ преступниковъ, которые ни въ чемъ не уступаютъ въ своихъ подвигахъ какому-нибудь Тронману.. Нашъ новѣйшій Тронманъ дѣйствовалъ въ Саратовѣ. Въ домѣ богатаго купца Четверикова, 4-го октября, часу въ шестомъ вечера, пили чай. Кухарка понесла чай и сахаръ кучеру купца Четверикова, молодому малому, лѣтъ 19, крестьянину тверской губерніи, который, какъ только кухарка поставила чай съ сахаромъ на столъ, хватилъ ее полѣномъ по головѣ; она отъ удара упала, онъ ударилъ ее еще два раза и съ этимъ-же полѣномъ отправился въ покои хозяевъ; вошедши въ комнату четырнадцатилѣтней дочери хозяина, пившей чай, онъ разбилъ ей голову и, перейдя въ слѣдующую комнату, убилъ тѣмъ-же полѣномъ г-жу Четверикову. Потомъ преступникъ вышелъ въ садъ, гдѣ гуляла одиннадцатилѣтняя дочь хозяйки съ дочерью сосѣда какого-то полковника, и сказалъ первой изъ нихъ, что ее зоветъ мамаша; когда дочь полковника пошла было въ домъ вмѣстѣ съ своей подругой, то убійца предупредилъ ее, чтобы не ходила, потому что г-жа Четверикова желаетъ видѣть только одну дочку. Такимъ-то образомъ малютка спаслась; одиннадцатилѣтняя-же дочь г. Четверикова погибла тою-же смертью, какъ и всѣ остальные. Затѣмъ убійца предался грабежу и въ тотъ-же день выѣхалъ по желѣзной дорогѣ въ Москву. Благодаря телеграфу, во всѣ стороны было сообщено объ этомъ происшествіи, описаны примѣты убійцы, но все-таки ему удалось доѣхать на утреннемъ рязанскомъ поѣздѣ до подмосковной станціи Фаустово.

На этой-же станціи, по словамъ „Русскихъ Вѣдомостей“, Андрей Федоровъ Поляковъ, какъ звали убійцу, вышелъ изъ вагона въ буфетъ и сталъ пить водку. Жандармъ обратилъ на него вниманіе и сталъ пристально въ него вглядываться; когда, послѣ второго звонка, Поляковъ вышелъ изъ буфета и сталъ направляться къ вагону, то жандармъ, остановивъ его, спросилъ: „Позвольте узнать, откуда вы ѣдете?“ — „Изъ Саратова“, отвѣчалъ ему убійца, — „А по какимъ дѣламъ вы ѣдете?“ приставалъ къ нему жандармъ. — „Къ хозяину ѣду“. — „Чѣмъ вы у него служите?“ спросилъ снова неотвязчивый блюститель благочинія. — „Кучеромъ“, отвѣчалъ тотъ. — „Какъ фамилія вашего хозяина?“ — „Четвериковъ“, отвѣчалъ убійца. — „Позвольте посмотрѣть вашъ паспортъ“, полюбопытствовалъ жандармъ. Убійца полѣзъ въ карманъ, и при этомъ у него затряслись руки. „А, такъ вы-то намъ и нужны!“ произнесъ жандармъ и, арестовавъ его, вмѣстѣ съ нимъ отправился съ тѣмъ-же поѣздомъ въ Москву. Дорогой убійца, въ разговорѣ съ жандармомъ, повинился въ своемъ преступленіи. По прибытіи въ Москву, у него былъ сдѣланъ обыскъ, по которому найдено болѣе тысячи рублей денегъ, а на рукѣ—принадлежавшій его хозяину перстень. Немедленно былъ сдѣланъ офиціальныи допросъ, на которомъ онъ подтвердилъ сознаніе въ своемъ преступленіи, и затѣмъ, подъ конвоемъ былъ отправленъ въ басманныи частныи домъ, гдѣ и заключенъ въ арестантскую камеру, а для того, чтобы арестованныи не могъ лишить себя жизни, онъ былъ посаженъ вмѣстѣ съ другимъ арестантомъ и вечеромъ того-же дня, съ поѣздомъ той-же желѣзной дороги, подъ строгимъ карауломъ отправленъ обратно въ Саратовъ. Онъ выше средняго роста, плотнаго сложенія, съ довольно красивымъ лицомъ, брюнетъ, одѣтъ въ коричневою кучерскую, щеголеватую поддевку и плисовыя шаровары. Незадолго передъ этимъ онъ служилъ въ Москвѣ у купца Ф. П. Легкова дворникомъ.

Но, несмотря на подобные ужасающіе отдѣльныи факты, по словамъ офиціальной статистики, общая цифра большей части преступленій значительно уменьшилась у насъ съ 1860 до 1867 г. „Разсматривая движеніе отдѣльныхъ видовъ преступленій по годамъ, говоритъ Н. Н. Мосоловъ, (Военно-статистическій сборникъ, вып. IV, стр. 905), мы видимъ, что большая ихъ часть не подвергается значительнымъ уклоненіямъ отъ средняго вывода за восьмилѣтіе, но за то нѣкоторыи изъ нихъ совершенно явственно слѣдуютъ въ одну или другую сторону, то-есть число ихъ, за небольшими изъятіями, прогрессивно или уменьшается, или увеличивается“. Движеніе это особенно выдается по слѣдующимъ двѣнадцати видамъ преступленій, изъ которыхъ по семи видамъ цифры посто-

явно значительно убавлялись, въ два, въ три раза и болѣе, а по пяти, напротивъ того, возрасли и довольно замѣтно. Такъ бродяжество съ 8,152 случаевъ, бывшихъ въ 1860 году, понизилось до 4,200 случаевъ въ 1867 году. Драки съ нанесеніемъ ранъ въ 1860 году—2,186 случ., а въ 1867 году—1,651 случ. Преступленія противъ нравственности въ 1860 г.—1,392 случ., а въ 1867 г.—466 случ. Поджоги въ 1860 г.—660 случ., а въ 1867 г.—310 случ. Нарушеніе законовъ о состояніи въ 1860 г.—450 случ., а въ 1867 году—146 случ. (Сюда большею частью относились злоупотребленія помѣщичьей власти и преступленія крестьянъ противъ господъ и потому здѣсь уменьшеніе числа преступленій является съ очень рѣзкими переходами въ 1862 году насчитывается 506 случаевъ, а въ 1864 году всего 177). Ложные доносы и подстрекательства въ 1860 г.—378 случ., а въ 1867 г.—142 случ. Даже самоубійства очень сильно уменьшаются съ 1860 по 1867 г., такъ въ 1860 г. насчитывается 154 случ., а въ 1867 г. 81 случ. Интересно-бы знать, понизилась-ли еще послѣдняя цифра или возросла за протекшіе годы. Къ числу преступленій возрастающихъ официальная статистика относитъ сопротивленіе властямъ, равнявшееся въ 1860 г. 2,659 случ., а въ 1867 г.—4,590 случ.; нарушеніе обязанностей службы въ 1860 г.—1,252 случ., а въ 1867 г.—1,884 случ., нарушеніе питейнаго устава въ 1860 г.—1,024 случ., а въ 1867 г.—1,629 случ., при этомъ нужно замѣтить, что возрастаніе началось съ 1863 г., т. е. со введенія новаго акцизнаго устава; грабежъ и разбой въ 1860 г.—576 случ., а въ 1867 г.—1,183 случ., поддѣлка монеты и ассигнацій въ 1860 г.—138 случ., а въ 1867 г.—468 случаевъ.

Конечно, всѣ эти цифры вышли-бы еще болѣе утѣшительными, если-бы наши земства и, вообще, наше общество заботились побольше, какъ объ образованіи, такъ и о благосостояніи тѣхъ классовъ, которые даютъ самый большой процентъ преступниковъ. Правда, иногда заботы объ улучшеніи народной нравственности выражаются очень ярко: такъ недавно газеты сообщили объ одномъ помѣщикѣ, пригласившемъ къ себѣ въ деревню труппу акробатовъ, которые за 200 руб. жалованья съ полнымъ содержаніемъ обязывались давать свои представленія для увеселенія крестьянъ и отвлеченія ихъ отъ кабаковъ. Конечно, подобныя попытки улучшить нравственность народа очень курьезны, но ужь никакъ не могутъ считаться разумными. Читая извѣстіе объ этомъ помѣщикѣ, жалѣешь только, что онъ даромъ потратитъ и харчи, и 200 руб. на жалованье канатнымъ плясунамъ, тогда какъ эти деньги принесли-бы гораздо большую пользу, если-бы были отданы какому-нибудь сельскому учителю. Впрочемъ, и то сказать, можетъ быть,

добродѣтельный помѣщикъ дождется того, что изъ его деревни выйдетъ какой-нибудь новый Блонденъ. Другихъ-же результатовъ трудно ждать отъ развитія народа при помощи акробатовъ. Но не однѣ отдѣльныя личности смотреть такъ курьезно на дѣло улучшенія народной нравственности, не лучше относятся къ этому дѣлу частныя комитеты и комиссіи. Сколько, напримѣръ, нужно было хлопотъ, толковъ и преній, чтобы только отстоять основанную въ Москвѣ во время выставки читальню. Дѣйствовавшая цѣлое лѣто въ Москвѣ комиссія попеченія о рабочихъ и ремесленникахъ задалась почтенною задачею устроить учрежденія, которыя помогали-бы рабочему и ремесленнику пользоваться, хотя въ извѣстной степени, тѣмъ, что не доступно имъ теперь. Съ этою цѣлью устроила она народный театръ, чайную, столовую, гимнастику и читальню. Несочувствіе комиссіи къ читальнѣ было такъ очевидно, что едва удалось устроить эту читальню. Когда подходилъ срокъ окончанія выставки, говоритъ корреспондентъ „Голоса“, комиссія начала думать о томъ, что ей дѣлать съ своими учрежденіями, которыя должны были, согласно программѣ, внести „нравственное, умственное и проч. улучшеніе въ бытъ рабочихъ. При самомъ поверхностномъ взглядѣ на дѣло, оказывалось, что устраивать все это на три мѣсяца, съ тѣмъ, чтобы по истеченіи ихъ все изломать въ щепы—не стоило. О театрѣ говорить было нечего—потому-ли, что онъ могъ всегда обратиться въ доходную статью, которою заняться всегда найдутся охотники, или потому, что онъ являлся въ воображеніи, учредителей панацеей отъ всякихъ нравственныхъ и умственныхъ несовершенствъ рабочаго люда; словомъ, какъ-бы тамъ ни было, но, еще закладывая для него зданіе, рассчитывали уже на то, чтобы оставить его навсегда. О народной кухнѣ заботиться было тоже нечего, потому что это дѣло „общества поощренія трудолюбія“; о „чайной“—тоже, потому что этимъ можетъ заняться любой трактирщикъ. Оставались школа и читальня. По первой составилъ докладъ г. Кашинъ, по второй—г. Нефедовъ, первый, въ качествѣ директора школы, второй—въ качествѣ директора читальни. Тотъ и другой старались, въ своихъ докладахъ, изложить необходимость ходатайства объ оставленіи этихъ учреждений, какъ постоянныхъ. Г. Кашину удалось добиться того, что содержаніе школы было принято московскою думою.

Съ читальней случилось нѣчто иное. Предположено было, 28-го августа, выслушать докладъ г. Нефедова и порѣшить, что дѣлать съ этою несносною читальней, на которую съ самаго начала комиссія смотрѣла, какъ на печальную необходимость, неизбежную въ ряду такихъ учреждений, какъ театръ, столовая, чайная, гим-

настика съ кегель-баномъ—только для полноты серіи учрежденій, предназначенныхъ для поднятія нравственнаго и умственнаго уровня рабочаго класса. Въ докладѣ говорилось объ успѣхахъ читальни и о томъ, что высшая администрація, въ лицѣ г. министра народнаго просвѣщенія, придала этому скромному учрежденію важное значеніе въ дѣлѣ народнаго развитія. Министръ, въ отношеніи къ московскому генераль-губернатору, писалъ между прочимъ: „Вообще необходимо, чтобъ въ основаніе народной читальни была положена идея серьезная, зрѣло обдуманная какъ въ общемъ, такъ и въ частности, съ тѣмъ, чтобъ эта читальня была явленіемъ не случайнымъ, не временнымъ, но учрежденіемъ прочнымъ, долговѣчнымъ, которое, въ память двухъ великихъ преобразователей Россіи—Петра I и Александра II, дѣйствительно заключала-бы въ себѣ несомнѣнныя и непреложныя данныя къ поднятію какъ умственнаго, такъ и нравственнаго уровня рабочихъ“. Говорилось въ докладѣ и о томъ, что Москвѣ, какъ городу торговому и главному центру фабричной дѣятельности всего естественнѣе стать во главѣ великаго дѣла популяризаціи знанія открытіемъ доступа къ источнику, изъ котораго оно почерпается. Думалъ докладчикъ плѣнить сердца слушателей выраженіемъ надежды на то, что „городское общество столицы, центрального города, на который смотрятъ многочисленныя города нашего обширнаго отечества, общество Москвы не откажется сдѣлать починъ въ этомъ великомъ дѣлѣ.“ Но ничто не пособило: въ залѣ засѣданія воцарилось молчаніе: можно было ругаться, что большинство членовъ въ душѣ бранили и читальню, и докладъ и докладчика, пожалуй. Но тѣмъ не менѣ кому-нибудь начинать когда-нибудь нужно-же было, и членъ комиссіи И. Ю. Давидовъ началъ. По его мнѣнію, а также и по мнѣнію другого члена, И. О. Разумнаго, оказывалось, что не кому хлопотать о читальнѣ, такъ какъ, съ окончаніемъ выставки, оканчивалось и существованіе комитета и комиссіи. Г. Нефедовъ не согласился съ мнѣніемъ гг. Давидова и Разумнаго и отстаивалъ за комиссію право и прямую обязанность, именно воспользоваться временемъ и поднять вопросъ о постоянной читальнѣ, точно такъ, какъ сдѣлано это ею-же, комиссіей, по отношенію къ школѣ. Но гг. Давидовъ и Разумный не соглашались съ г. Нефедовымъ и указали, что всѣ учрежденія отдѣла попеченія были проектированы „обществомъ попеченія о рабочихъ и ремесленникахъ“; оно и пусть хлопочетъ о постоянной читальнѣ, а комиссію тутъ ни при чемъ. Комическая сторона этого разсужденія, замѣчаетъ корреспондентъ „Голоса“, заключалась именно въ томъ, что читатель.

едва-ли угадаетъ: общество, о которомъ такъ усердно хлопотали гг. Давидовъ, Разумный и «иже съ ними сущіе», въ дѣйствительности не существуетъ. Дѣло въ томъ, что, два года назадъ, дѣйствительно нѣсколько человекъ, „смѣсь племень, нарѣчій, состояній“, задумали составить „общество попеченія о рабочихъ и ремесленникахъ“; написали проектъ, да втеченіи двухъ лѣтъ и не выбрали времени похлопотать объ его утвержденіи. Такъ до сихъ поръ оно и существуетъ, какъ фикція, которая можетъ быть сочтена за дѣйствительность только при помощи пылкаго воображенія.

Докладчикъ указалъ на это и прибавилъ, что общество, какъ несуществующее въ мірѣ дѣйствительномъ, не имѣетъ никакого значенія и что на комиссіи, какъ лицъ юридическомъ и понимающемъ свою задачу, единственно и лежитъ обязанность дѣйствовать по отношенію къ читальнѣ въ направленіи, намѣченномъ докладомъ.

Потомъ начались толки о 200 рубляхъ, которые нужны были для поддержанія читальни до окончательнаго рѣшенія вопроса о ея существованіи. (Вотъ-бы благодѣтельному помѣщику, занимающему акробатовъ для крестьянъ, явиться на помощь!) Наконецъ, эти толки прекратилъ г. Нефедовъ, громко заявившій собранію:

— Я берусь найти средства, если комиссія отказывается дать ихъ.—На этомъ покуда и порѣшили. Что будетъ дальше—неизвестно.

А между тѣмъ заботиться о развитіи такихъ учреждений, какъ московская читальня и тому подобныя образовательныя заведенія, нужно уже не ради одного отвлеченія народа отъ пьянства, отъ разврата, отъ преступленій, а и ради того, чтобы народъ умѣлъ пользоваться тѣми правами, которыя выпали на его долю послѣ отмены крѣпостного состоянія и введенія земскихъ учреждений. Покуда народъ останется необразованнымъ, невѣжественнымъ, до тѣхъ поръ онъ будетъ продолжать неправильно смотрѣть на свое положеніе и просто будетъ вредить самому себѣ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда ему представится возможность сдѣлать кое-какія улучшенія въ своемъ положеніи. Стоитъ только прочесть корреспонденціи о посѣщеніи сенаторомъ Любоцинскимъ нѣсколькихъ волостей московскаго уѣзда, чтобы понять вполне всю сбивчивость понятій о своемъ положеніи, сложившихся въ головахъ большинства крестьянъ. Напримѣръ, изъ ревизіи сенатора открылось, что волостные судьи не только разбирали дѣла имъ неподсудныя, но послѣ разбирательства, даже безъ приговора, сѣкли крестьянъ другихъ губерній.

— Какъ-же вы на это рѣшились? спросилъ сенаторъ у судей.

— Да это вотъ какъ было, ваше высокопревосходительство, отвѣчали судьи.—Мы присудили троихъ подъ арестъ; остальные загалдѣли: коли сажать—сажай всѣхъ! У насъ-же арестантская маленькая; мы и отвѣчали: смотри, ребята, съчъ станемъ. Сѣки всѣхъ! закричали. Мы и велѣли лозановъ принести; говоримъ: кому угодно? Одинъ вышелъ, легъ — высыпали; затѣмъ спрашиваемъ: кому еще? другой вышелъ—тоже высыпали; третій говорить: и мнѣ! Ну, и ему высыпали, а другихъ охоты не случилось—ушли; стало-быть, ихъ была на это добрая воля.

Въ большинствѣ-же случаевъ сенаторъ не могъ добиться и подобныхъ отвѣтовъ. Они просто не понимали, что ревизія должна послужить къ ихъ-же пользѣ, и боялись отвѣчать.

„Отчего вы не говорите ему правды?“ спросилъ крестьянъ, по отъѣздѣ въ Богородскъ сенатора, исправникъ: „какъ вамъ, ребята, не стыдно!“ — „Не сообразилсь, да и страшно“. — „Почему-же вы не рассказали ему объ обычаяхъ?“ — „А какіе у насъ обычаи! У крѣпостныхъ каждый управляющій, помѣщикъ или бурмистръ по своему, значить, нраву дѣйствовалъ: стало-быть, нравъ былъ замѣсто обычая“. — „А у государственныхъ, удѣльныхъ?“ — „Тамъ тоже было свое начальство; занкнись-ка ему объ обычаѣ, такъ и съѣшь возъ лозановъ. Обычаевъ, значить, и прежде не было, а нынче вотъ какой сталъ обычай: дѣти норовятъ въ ухо заѣхать старику; не слушаются—кабаки больно полюбили; вишь ихъ что развелось, а всякъ себя долженъ оправдывать: кабатчикамъ однимъ и сносно...“

Но, впрочемъ, трудно и требовать отъ крестьянъ полного пониманія ихъ правъ и обязанностей, когда подобное непониманіе встрѣчается сплошь и рядомъ и въ другихъ слояхъ общества.

Въ концѣ нашей хроники мы указываемъ, какъ благотѣльно вліяютъ новые суды на открытіе различныхъ сторонъ нашей общественной и частной жизни—сторонъ, которыя до введенія гласнаго судопроизводства скрывались за кулисами, прикрывались непроницаемою завѣсою и, такимъ образомъ, не давали никакой возможности изыскивать тѣ или другія мѣры и средства для искорененія этихъ недостатковъ и злоупотребленій. Въ настоящую минуту передъ нами лежитъ описаніе одного изъ подобныхъ фактовъ: дѣло нѣкоего г. М., оконченное недавно въ Москвѣ и описанное въ «Голосѣ» московскимъ адвокатомъ А. П. Власовымъ.

Въ мартѣ 1871 года, пишетъ г. Власовъ, супруга г. М. уѣхала, по болѣзни, за-границу, оставивъ въ Москвѣ мужа и четверыхъ дѣтей въ принадлежащемъ ей домѣ. Не получая, втеченіи

своего годового отсутствія, доходовъ съ дома и имѣя вѣрныя свѣденія о томъ, что оставленное ею цѣнное имущество подвергается растратѣ, г-жа М., въ январѣ нынѣшняго года, уполномочила меня принять домъ ея въ свое завѣдываніе. Послѣ многихъ безуспѣшныхъ попытокъ окончить дѣло безъ суда, я, наконецъ, вынужденъ былъ обратиться къ мировому судѣ арбатскаго участка, съ просьбой объ обязаніи-супруга г-жи М. къ очищенію и сдачѣ мнѣ дома. Г. М. обратился къ г. московскому генераль-губернатору и къ предводителю московскаго дворянства съ прошеніями, въ которыхъ, объясняя, что жена его увезла за-границу все свое достояніе до 80,000 р. сер., прожила его тамъ и, находясь въ близкихъ отношеніяхъ съ живущимъ съ нею г. Т., и ведя беспорядочную жизнь, желаетъ (?) нынѣ прожить свое послѣднее достояніе, оставшееся въ Москвѣ, почему онъ и проситъ учредить опеку надъ ея имуществомъ.

«Генераль-губернаторъ поручилъ московскому оберъ-полиціймейстеру произвести дознаніе по обстоятельствамъ, изложеннымъ въ прошеніи г. М. Дознаніе обнаружило 1) что г. М. самъ ходатайствовалъ о выдачѣ его женѣ заграничнаго паспорта, уполномочивъ на его полученіе г. Т., который и получилъ его вмѣстѣ съ изготовленнымъ и для него паспортомъ; 2) свидѣтели показали, что г-жа М., уѣзжая за границу, увезла съ собою весь свой капиталъ и имущество, на сумму до 80 тысячъ рублей; что г. Т. пользовался общимъ довѣріемъ мужа и жены, завѣдывалъ ея дѣлами и находился съ нею въ интимныхъ отношеніяхъ (показаніе двухъ свидѣтелей). Это дознаніе, препровожденное къ г. генераль-губернатору, было имъ отослано въ московское дворянское депутатское собраніе 2-го апрѣля 1872 года, а 12-го апрѣля московскій губернскій предводитель дворянства, князь Мещерскій, увѣдомилъ г. генераль-губернатора, что собраніе предводителей и депутатовъ дворянства, 12-го апрѣля, по разсмотрѣніи обстоятельствъ препровожденнаго дѣла, о наложеніи опеки на имущество г-жи М., имѣя въ виду, что г-жа М. уѣхавъ за-границу съ уволеннымъ изъ духовнаго вѣдомства священникомъ Т., имѣющимъ съ нею, повидимому (?), крайне близкія отношенія, забрала съ собою имущество, заключающееся въ деньгахъ, золотѣ, и серебрѣ и драгоценныхъ камняхъ, на сумму 80,000 руб., и, забывъ обязанности матери, оставила четверыхъ малолѣтнихъ дѣтей на попеченіе престарѣлаго и больного мужа, и, судя по ея дѣйствіямъ, она можетъ (?) растратить все свое достояніе, а потому собраніе, руководствуясь 237-ю ст. XIV т. св. зак., постановило: въ виду интересовъ малолѣтнихъ дѣтей жены генераль-лейтенанта М., учредить надъ имуществомъ ея опеку за расточительность и безпутство».

«Въ такомъ видѣ «дѣло» поступило къ генераль-губернатору. На основаніи существующихъ узаконеній, генераль-губернаторъ имѣлъ полное право, основываясь на заключеніи дворянскаго депутатскаго собранія, безъ всякихъ дальнѣйшихъ справокъ и разсужденій, учредить опеку собственною властью.

«Г. московскій генераль-губернаторъ не рѣшился распорядиться немедленно учрежденіемъ опеки и тѣмъ, безъ тщательной и осмотрительной провѣрки, наложить на имя женщины позорное пятно расточительной матери и безпутной жены.

«Кн. Долгоруковъ, 14-го апрѣля, предложилъ губернскому правленію войти въ разсмотрѣніе обстоятельствъ этого дѣла, и, не приводя своего рѣшенія въ исполненіе, представить къ нему на утвержденіе.

«Воспользовавшись первымъ представившимся мнѣ случаемъ выяснитъ обстоятельства этого дѣла въ настоящемъ ихъ видѣ, я обратился въ губернское правленіе съ прошеніемъ, въ которомъ объяснилъ ихъ подробно, и просилъ опеки надъ моею довѣрительницей не учреждать, а для повѣрки обвиненій, взводимыхъ на нее, поручить русской миссіи въ Швейцаріи произвести дознаніе объ образѣ жизни г-жи М. за-границей. Губернское правленіе, разсмотрѣвъ обстоятельства этого дѣла, нашло, «что изъ приведенныхъ выше обстоятельствъ настоящаго дѣла оказывается, что относительно г-жи М., произведеннымъ дознаніемъ, которое одно только и можетъ служить основаніемъ къ сужденію о свойствѣ ея проступковъ, обнаружены слѣдующіе факты: 1) г-жа М. выѣхала за-границу съ согласія своего мужа, по безсрочному паспорту, выданному ей по просьбѣ самого-же г. М.; 2) уѣзжая, она взяла съ собою *принадлежащее ей* имущество; 3) уполномочило довѣренностью очистить *принадлежащій ей* домъ отъ занятія его главнаго зданія г-мъ М. Эти дѣйствія, безспорно, указываютъ на отсутствіе добрыхъ отношеній между супругами, но никакъ еще не могутъ служить фактами, доказывающими распутство г-жи М., и намѣреніе ея растратить принадлежащее ей состояніе въ ущербъ интересамъ ея дѣтей. Въ препровожденномъ на разсмотрѣніе губернскаго правленія производствѣ не имѣется вовсе доказательствъ того, что г-жа М. ведетъ за-границей жизнь безпутную, находится въ сожительствѣ съ г. Т., и, подъ его вліяніемъ, растрчиваетъ свое состояніе, а эти только обстоятельства и выставляются г. М., какъ основаніе для учрежденія надъ имуществомъ г-жи М., опекунскаго управленія. При отсутствіи-же въ дѣлѣ положительныхъ доказательствъ о существованіи указанныхъ въ законѣ (ст. 237-я т. XIV уст. пред. и прес. преступ.) поводовъ къ учрежденію опекунскихъ управленій,

губернское правленіе, обязанное въ своихъ дѣйствіяхъ руководствоваться лишь прямымъ и буквальныймъ смысломъ законовъ, не можетъ, съ своей стороны, и въ настоящемъ случаѣ признать достаточныхъ законныхъ основанийъ для примѣненія къ настоящему дѣлу ст. 237-й и послѣдующихъ т. XVI уст. пред. и прес. преступленій.

«Вслѣдъ за симъ, дознаніе, произведенное въ Швейцаріи, вслѣдствіе моего ходатайства и отношенія генераль-губернатора къ г. министру иностранныхъ дѣлъ, не подтвердило обвиненій г. М., а дало противоположные результаты; наконецъ, и самъ г. М., обратился съ прошеніемъ къ московскому генераль-губернатору, причежъ объяснилъ, что, «убѣдясь нынѣ въ неосновательности дошедшихъ до него слуховъ о разсточительной и безпутной жизни жены его заграницей, онъ проситъ начатое имъ дѣло объ учрежденіи опеки надъ его женой навсегда прѣкратить».

«Такимъ образомъ, и окончилось это дѣло, но не кончились толки о немъ.

Общественное самосознаніе, какъ признакъ наступающей умственной зрѣлости, есть одно изъ великихъ достоинствъ народной жизни. Народъ, который умѣетъ отнестись къ себѣ критически, и, не отрицая своихъ хорошихъ сторонъ, не скрываетъ и своихъ недостатковъ, всегда можетъ разсчитывать на лучшее будущее. Какъ-бы ни были велики эти недостатки, но если они не маскируются фиговымъ листкомъ оптимизма и подвергаются строгой оцѣнкѣ, можно быть увѣреннымъ, что рано или поздно общество избавится отъ нихъ или, по крайней мѣрѣ, не допуститъ ихъ развиться до закоренѣлыхъ пороковъ. А какъ только прогрессивное движеніе въ томъ отношеніи становится возможнымъ, тогда общественная нравственность обеспечивается не отрицательными правилами и догмами, не мертвой буквой юридическихъ кодексовъ, а живымъ и положительнымъ саморазвитіемъ ея. Такіе періоды въ исторіи народной жизни, обыкновенно, наступаютъ поздно, такъ поздно, что многимъ человѣческимъ обществамъ пришлось прожить десятки столѣтій и исчезнуть съ лица земли прежде, чѣмъ они дожили до этого періода. Это мы видимъ на многихъ азіатскихъ народахъ, какъ исчезнувшихъ, такъ и прозябающихъ до сихъ поръ. Дж. Ст. Милль гдѣ-то замѣчаетъ, что высокая нравственность общества, обусловливаемая твердыми нравственными принципами и широкимъ умственнымъ развитіемъ, можетъ быть только результатомъ хорошо установившихся социальныхъ отношеній. Это совершенно вѣрно не

только по отношенію къ каждому отдѣльному лицу, дѣйствующему подъ контролемъ сознательно-руководящаго общественнаго мнѣнія но и къ цѣлой группѣ людей, которыхъ взаимныя отношенія вытекаютъ изъ одного общаго стремленія къ счастью всѣхъ и cadaго, и когда эти *всѣ* не мѣшаютъ благополучію *каждаго*, и обратно. Поэтому для оцѣнки нравственныхъ достоинствъ общества лучшимъ критеріемъ можетъ служить та степень развитія общественныхъ чувствъ, которая, въ свою очередь, опредѣляется преобладаніемъ соціальныхъ стремленій и интересовъ надъ личными и эгоистическими пожеланіями. Если я, какъ единица пзвѣстнаго общества, думаю только о себѣ самомъ, о своихъ личныхъ выгодахъ и готовъ каждую минуту пожертвовать въ пользу ихъ общимъ довольствомъ и счастьемъ, то мой нравственный уровень ничѣмъ не отличается отъ нравственности какого-нибудь бушмена или готтентота. Напротивъ, чѣмъ выше мои общественныя чувства, чѣмъ больше преобладаетъ во мнѣ стремленіе согласить мои личныя выгоды съ выгодами всѣхъ и, ни въ какомъ случаѣ, не ставить своего я въ противорѣчіе съ общимъ благомъ, тѣмъ нравственнѣе дѣлается моя жизнь, тѣмъ цивилизованнѣе то общество, къ которому я принадлежу. Отъ чувства дикаря, нападающаго на своего ближняго, какъ на добычу, которую можно убить и съѣсть, и до той высокой симпатіи къ ближнему, которая заставляетъ человѣка жертвовать своею жизнію, ради спасенія другого — лежитъ безконечная цѣпь нравственныхъ градаций; на одномъ концѣ этой цѣпи стоитъ я, а на другомъ—*всѣ*, и между этими крайними полюсами укладываются тысячи переходныхъ, почти неуловимыхъ ступеней.

Относительно самосознанія русскаго общества пока еще нельзя ничего сказать. Наша общественная жизнь только возникаетъ, наши общественныя чувства, нравы и привычки только начинаютъ формироваться, а потому судить о нихъ, въ ихъ эмбриональномъ состояніи, очень трудно. Наше историческое существованіе не оставило за нами ни одной такой черты народнаго быта, ни одной соціальной и гражданской формы, которая-бы не измѣнилась подъ вліяніемъ европейской цивилизаціи. Поэтому у насъ нѣтъ ни твердо установившихся общественныхъ взглядовъ, ни ясно-сознанныхъ стремленій, и если эта *carte blanche* даетъ намъ преимущество передъ народами, которыхъ жизнь застыла въ ея вѣкахъ выработанныхъ ложныхъ формахъ, то съ другой стороны она не даетъ намъ той опредѣленной нравственной фізіономіи, по которой можно судить о народномъ характерѣ. Правда, отдѣльныя, разбросанныя тамъ и тамъ черты народнаго быта, его сословный колоритъ можно отчасти изучать по нашей сатирѣ и лучшимъ беллетристи-

ческимъ произведеніямъ, которыя выражаютъ разнообразныя типы и выдающіяся черты общественной жизни, но эта характеристика страдаетъ крайней односторонностію и неполнотою. Сатира наша захватывала слишкомъ узкій кругъ для ея наблюдений, да и то наблюдала больше въ качествѣ скромнаго закулиснаго репортера или развлекающаго отъ скуки гаера, чѣмъ сознательнаго и глубокаго критика общественныхъ недостатковъ. Она больше хохотала или хихикала, чѣмъ размышляла и плакала. До появленія «Мертвыхъ душъ» Гоголи, мы, конечно, не знали ни Плюшкиныхъ, ни Собакевичей, хотя каждый день съ ними видѣлись, говорили, пожимали имъ руки, и не подозрѣвая того, что послѣ Гоголи они получатъ для насъ нѣсколько иное значеніе, окрасятся передъ нами инымъ цвѣтомъ. Это, конечно, великая заслуга сатирическаго таланта; но и Гоголь не представилъ намъ ни одного нравственнаго критерія, по которому-бы мы могли судить о безобразіи этихъ типовъ и отвернуться отъ нихъ изъ уваженія къ себѣ. Ничего этого не бывало; и вновь народившіеся Плюшкины и Собакевичи пользуются тѣмъ-же правомъ гражданства, какимъ пользовались прежде. То-же самое можно сказать и о нашей беллетристикѣ. Надо отдать ей справедливость въ томъ отношеніи, что она сосредоточивала все свое вниманіе на воспроизведеніи дѣйствительной жизни, не вдаваясь ни въ изображеніе общечеловѣческихъ типовъ, ни въ творчество идеаловъ. Первое было не по ея художничьимъ силамъ, второго ей не откуда было взять. Ея роль была самая скромная роль компилятивнаго работника, собирающаго отдѣльныя факты и явленія изъ окружающей ее среды; она ихъ комбинировала, освѣщала новымъ свѣтомъ, проводила въ общественное сознаніе кой-какіе новые взгляды, но не создала ничего общаго и цѣльнаго, не поднялась на ту высоту умственнаго горизонта, съ которой всѣ эти фотографическіе снимки и компиляціи, всѣ эти мелкіе и разрозненные факты, вырванные, какъ отдѣльныя страницы изъ одной большой книги, становятся сами собою понятны, не требуя ни особаго воспроизведенія ихъ, ни частнаго анализа. Передъ читателемъ проходитъ длинная вереница героевъ и героинь самаго разнокалибернаго свойства—и свѣтскихъ болтуновъ, и неизвѣстно о чемъ тоскующихъ Манфредовъ, но больше всего разныхъ пришибленныхъ судьбой, обиженныхъ горемыкъ, неудавшихся дѣятелей и т. п.—все это воспроизведено довольно живо, расположено симметрично, точно въ хорошей кунсткамерѣ, но мы не видимъ, откуда взялся этотъ матеріалъ, откуда явились эти люди и зачѣмъ они влачатъ свое земное существованіе. Беллетристы наши не даютъ намъ на это категорическаго отвѣта, не осмысливаютъ тѣхъ

явленій, которыя такъ тщательно и порою такъ чутко изучаютъ съ ихъ внѣшней стороны. Поэтому беллетристика даетъ хорошій матеріалъ для изученія общественной жизни въ ея чисто-наружныхъ проявленіяхъ, но не указываетъ — да и не думаетъ объ этомъ — на логическую связь бытовой стороны съ ея внутренними движеніями. Поэтому нашу беллетристику всего точнѣе можно сравнить съ провинціальной картинной галлерей, обставленной отдѣльными портретами и эпизодами изъ какой-то темной легенды, но не представляющей ничего цѣлаго и проникнутаго одной руководящей идеей. Такимъ образомъ, ни сатира, ни романъ не могутъ служить полнымъ выраженіемъ нашей общественной характеристики, даже слабымъ намекомъ на то, что мы, обыкновенно, называемъ народной жизнью.

Со времени судебной реформы уголовные процессы сдѣлались новымъ источникомъ для нашего знакомства съ явленіями общественной жизни. Изъ слѣдственныхъ протоколовъ, прокурорскихъ обвинительныхъ актовъ и адвокатскихъ рѣчей, мы въ короткое время узнали о многихъ патологическихъ явленіяхъ общественнаго организма, которыхъ не замѣчали прежде, или знакомились съ ними по произведеніямъ бездарныхъ писакъ, въ искаженномъ видѣ. Сравнитѣ, напримѣръ, «Петербургскія трущобы» Вс. Крестовскаго съ любымъ уголовнымъ процессомъ, выводящимъ на скамью подсудимыхъ тѣхъ-же героевъ подвальныхъ этажей и чердаковъ, какихъ измышляла праздная фантазія этого эротическаго поэта, и вы оцѣните разницу между вымышленнымъ и дѣйствительнымъ фактомъ, между воображаемымъ мошенникомъ и его настоящимъ оригиналомъ. Въ уголовномъ процессѣ нѣтъ мѣста воображенію, и потому тутъ житейская драма является передъ нами безъ всякихъ искусственныхъ декорацій и эффектовъ. Дѣйствующія лица говорятъ не языкомъ автора, а своимъ собственнымъ, и совершившійся фактъ освобождается посредствомъ слѣдственнаго процесса отъ всякой примѣси лжи и искаженія. Вотъ почему, между прочимъ, криминальная хроника имѣетъ такой громадный интересъ у всѣхъ цивилизованныхъ народовъ; въ Англіи она обращаетъ на себя вниманіе всѣхъ и каждого — отъ простаго угольщика и до лорда-канцлера, и пользуется гораздо большей популярностью, чѣмъ романы Диккенса и Теккерея. Можно надѣяться, что и у насъ, съ развитіемъ общественной жизни, уголовные процессы будутъ возбуждать собой гораздо болѣе интереса, чѣмъ теперь, и именно съ той стороны, о которой мы говоримъ здѣсь. До сихъ поръ наша публика ломится въ залы суда, когда тамъ рѣшается болѣе важное уголовное дѣло, изъ простаго любопытства, изъ желанія развлечь себя даровымъ

спектаклемъ какого-нибудь громкаго скандала, но такъ начинала всякая публика на первыхъ порахъ гласнаго суда, пока общественное сознаніе не было пробуждено въ достаточной степени.

Одинъ изъ такихъ уголовныхъ процессовъ, недавно происходившій въ петербургскомъ Окружномъ Судѣ, бросилъ довольно яркій свѣтъ на литературныя нравы извѣстнаго журнальнаго кружка. Не случись этого процесса, мы не знали-бы многого и, вѣроятно, никогда не узнали-бы объ этомъ многомъ въ томъ правдивомъ видѣ, какъ показалъ это уголовный процессъ. Дѣло касалось смерти молодого чиновника-литератора, убитаго своимъ собратомъ на дуели. Убить Жоховъ, а случайнымъ виновникомъ его смерти былъ г. Утинъ. Въ самомъ фактѣ нѣтъ ничего интереснаго и поучительнаго—люди умираютъ каждый день также отъ пули, какъ отъ ушиба камнемъ въ голову или отъ горячки,—но обстановка этого факта, этой преждевременной смерти, наводитъ насъ на многія не совсѣмъ веселыя размышленія. Прежде всего мы видимъ изъ показаній *свидѣтелей*, что въ этомъ филистерскомъ кружкѣ, повидимому, совершенно чуждомъ житейскихъ тревоженій, въ этомъ цѣломудренномъ расадникѣ журнальныхъ пепиньерокъ, такъ много и такъ часто трактующихъ о честности, безпристрастїи и тому подобныхъ добродѣтеляхъ, все держится не на нравственномъ сочувствїи другъ къ другу, не на уваженїи личныхъ достоинствъ каждаго, а на сплетняхъ, подслушванїи и подглядыванїи другъ за другомъ. Они собираются вмѣстѣ, на словахъ умиляются другъ передъ другомъ, а на дѣлѣ злословятъ и клеветуютъ одинъ на другого безъ всякаго повода. Кто выбивается изъ положенія литературнаго поденщика и обезпечиваетъ себя тысячами тремя въ годъ, тотъ становится предметомъ завистливаго наблюденія, и его начинаютъ обличать печатно только за то, что онъ вышелъ изъ разряда нищихъ. Не думаемъ, чтобы это дѣлалось въ наше время даже въ лоскутныхъ рядахъ, а если и дѣлается, то болѣе прилично. Далѣе мы узнаемъ изъ процесса, что Жоховъ, принадлежавшій къ тому-же кружку, подвергается оскорбленію одного изъ членовъ его,—оскорбленію, опять-таки основанному на сплетнѣ. Вмѣсто того, чтобы успокоить чловѣка, понимающаго *честь* немногимъ лучше, чѣмъ понималъ ее Добчинскій, его раздражаютъ, подстрекаютъ и, наконецъ, по всѣмъ правиламъ блаженной памяти донъ-кихотствующихъ рыцарей, ставятъ подъ пулю. А между тѣмъ нельзя не пролить слезъ умиленія, наблюдая издали, какъ въ этомъ братствѣ, повидимому, все согласно, тихо, шито и крыто,—и обѣдаютъ они вкупѣ у Бореля и Дюссо, сотрудничаютъ то въ „Вѣстникѣ Европы“, то въ „Петербур. Вѣмостяхъ“, похваляютъ другъ друга то въ одномъ, то въ другомъ

изъ этихъ органовъ;—„Вѣстникъ Европы“ подкуриваетъ „Петерб. Вѣдомостямъ“, а „Петерб. Вѣдомости“—„Вѣстнику Европы“, и это продолжается нѣсколько лѣтъ, и публика даже не догадывается, что эти взаимныя похвалы расточаются братцами одной и той-же семейки. Ей и въ голову не могло придти, что г. Суворинъ въ своемъ воскресномъ фельетонѣ расхвалитъ подъ псевдонимомъ Незнакомца, того-же г. Суворина, подвизающагося подъ другимъ псевдонимомъ въ „Вѣстникѣ Европы“; г. Буренинъ, какъ сынъ свободнаго художника, непремѣнно обратитъ вниманіе на букву Z въ академической газетѣ, поставивъ букву X подъ своей статьей въ „Вѣстникѣ Европы“. Все это такъ просто и естественно, какъ будто переходить изъ барскаго салона въ крѣпостную лакейскую переднюю. И не случись смерти Жохова, мы еще долго находились-бы въ недоумѣніи на-счетъ истиннаго источника этихъ умиленныхъ взаимныхъ отношеній. Но пуля понала въ лобъ Жохову, и вся закулисная сторона сцены освѣтилась передъ нами своимъ настоящимъ свѣтомъ. Теперь намъ многое стало ясно изъ прошлаго этихъ сводныхъ братцевъ; теперь мы ни на минуту не сомнѣваемся, что г. Буренинъ, получившій назадъ свою рукопись изъ редакціи „Отеч. Записокъ“, долженъ былъ начать съ ними отчаянную полемику и извертываться всячески, чтобы охулить, насплетничать и обругать самыми отборными эпитетами своихъ бывшихъ доброжелателей, которыхъ онъ похвалявалъ, когда они рукописи его принимали и печатали. И чего-бы стоило „Отеч. Запискамъ“ продолжать печатать этого молодца, чтобы онъ расхваливалъ ихъ въ газетѣ Корша до скончанія живота своего! Вотъ мы—„Дѣло“—никогда не можемъ простить себѣ грубой ошибки—не пригласить такую пѣвчую птицу на страницы своего журнала,—за то и достается намъ отъ этой крючковатой буквы Z, особенно передъ подпиской, и ужъ какъ-же достается! А вѣдь все дѣло въ нѣсколькихъ грошахъ гонорара... Да, теперь намъ стало ясно, какъ божій день, на чемъ созидаются наши литературные кружки. Процессъ Жохова показалъ, что наши редакторы оказываются неспособными дать своимъ сотрудникамъ болѣе нравственной связи, чѣмъ обѣды у Бореля, указать имъ на болѣе серьезныя цѣли, чѣмъ галантерейное ухаживаніе другъ за другомъ съ виду и готтентотское подкорульпываніе на самомъ дѣлѣ. Сотрудники также не остаются въ долгу у своихъ редакторовъ: они смотрятъ на нихъ, какъ на ловкихъ подрядчиковъ, и похваиваютъ ихъ въ переключку то въ томъ, то въ другомъ органѣ, и редакторы очень довольны, что наемная похвала даетъ имъ хорошіе барыши. Такъ вотъ она—эта литературная трибуна, съ которой раздаются лавры однимъ, и шел-

чки другимъ. Но заставимъ говорить одного изъ свидѣтелей, брата Жюхова, который показалъ на судѣ слѣдующее:

Свидѣтель Жюховъ, братъ покойнаго А. Ф. Жюхова, объяснилъ, что обстоятельства, подавшія поводъ къ дуэли между братомъ его и Утинымъ, извѣстны ему изъ разсказовъ самого брата и изъ писемъ его къ Утину и Арсеньеву, которыя такъ важны и такъ прямо раскрываютъ дѣло, что не были представлены ни обвиняемымъ, ни г. Арсеньевымъ, а представлены самимъ свидѣтелемъ. Спрошенный объ отношеніяхъ Утина къ Жюхову, свидѣтель показалъ, что особыхъ отношеній никакихъ не было, что знакомство было шапочное, и что до исторіи съ гончаровскимъ дѣломъ Жюховъ относился къ Утину очень добродушно. По поводу одного феллетона Суворина, покойный имѣлъ ссору съ Суворинымъ и послѣ этой ссоры изъ разговора съ Суворинымъ онъ узналъ, что Утинъ распространяетъ клевету относительно его отношенія къ гончаровскому дѣлу. Покойный требовалъ, чтобы Утинъ заявилъ, распространялъ-ли онъ относительно участія Жюхова въ гончаровскомъ дѣлѣ извѣстную клевету, т. е. говорилъ-ли, что Жюховъ старался всѣми мѣрами способствовать обвиненію Гончарова съ цѣлью жениться на женѣ Гончарова. Утинъ отказался отъ этого, и при самомъ объясненіи съ покойнымъ у г. Арсеньева позволилъ себѣ нѣкоторыя выраженія, которыя Жюховъ счелъ за личное для себя оскорбленіе. Такъ на замѣчаніе покойнаго, что Утинъ дѣлалъ сообщенія подобнаго-же характера Чайковскому и Натансону, Утинъ отвѣчалъ, что не помнитъ, тогда, какъ по мнѣнію Жюхова, дѣлая подобныя заявленія, слѣдуетъ о нихъ помнить; кромѣ того, Утинъ выразился, что придаетъ дѣйствіямъ его гораздо большее значеніе, чѣмъ онъ самъ. Покойный очень оскорбился письмомъ къ нему Утина, гдѣ говорилось, что онъ можетъ „объяснить свое поведеніе“; онъ въ особенности оскорблялся клеветой о значеніи участія его въ гончаровскомъ дѣлѣ, такъ какъ губить человѣка изъ своихъ личныхъ цѣлей онъ считалъ самымъ низкимъ дѣломъ. О поводахъ, которыми онъ объяснялъ отказъ Утина исполнить его требованіе, покойный ничего самъ не говорилъ, но наканунѣ дуэли онъ ночевалъ съ свидѣтелемъ у Ватсона, гдѣ зашелъ разговоръ о томъ, почему Утинъ отказывается отъ такого предложенія, которое не компрометируетъ ни ту, ни другую сторону; при этомъ г. Ватсонъ замѣтилъ, что если-бы Утину первому пришло это въ голову, то онъ сталъ-бы настаивать на своемъ предложеніи, а такъ какъ это предложеніе его противника, то онъ отъ него отказывается. Покойный засмѣялся на это замѣчаніе, потому что дѣйствительно видѣлъ въ немъ довольно вѣрное

выраженіе характера Утина. Вызовъ былъ сдѣланъ самимъ Жоховымъ и, по словамъ его, секунданты принимали всѣ мѣры къ окончанію дѣла миромъ, но такъ какъ Утинъ отказывался дать письмо, которое Жоховъ считалъ единственнымъ условіемъ, при которомъ онъ могъ взять вызовъ назадъ, то и всѣ ихъ старанія не привели ни къ чему. Свидѣтелю ничего неизвѣстно, чтобъ покойный протестовалъ противъ условій дуэли“.

Изъ этого правдиваго показанія, казалось-бы, ничего не могло выйти, какъ, по пословицѣ, „милые скорятся — только тѣшатся“, но *братцы* постарались довести дѣло до дуэли. Далѣе, всматриваясь въ эту хитросплетенную кляузу, невольно недоумѣваешь, кто тутъ дѣйствующія лица—либеральные сотрудники двухъ вліятельныхъ органовъ или чугуевскіе гусары тридцатыхъ годовъ. Дѣло идетъ о примиреніи двухъ раздраженныхъ соперниковъ, о жизни и смерти товарищей одного и того-же кружка, а они, эти чугуевцы, покрытые легкимъ пушкомъ европейской цивилизаціи, торгуются изъ-за мѣста свиданія, изъ-за того, кто къ кому прежде долженъ поѣхать и на какой почвѣ встрѣтиться съ своимъ пріятелемъ. Г. Утинъ не довѣряетъ Жохову, г. Суворинъ въ «нехорошихъ отношеніяхъ» съ Утинымъ, тотъ-же Суворинъ сплетничаетъ на Жохова печатно, и въ частномъ разговорѣ отпѣкивается и выдаетъ Утина; дворянинъ де-Роберти „съ отвращеніемъ сторонится отъ тѣхъ кружковъ и той среды, гдѣ сплетни составляютъ, такъ сказать, ходячую монету разговоровъ и отношеній людей между собою“; наконецъ, г. Буренинъ, эта вѣчная кумушва въ мірѣ всевозможныхъ сплетней, незнающая, кому угодить и кому насолить, суется и судачитъ изъ всѣхъ силъ, думая, что она примиряетъ. И вотъ, когда суворинская сплетня попала въ руки этихъ людей, то жизнь Жохова могла зависѣть только отъ чистаго случая, отъ глухой пули. Она не пролетѣла мимо, и Жоховъ умеръ.

Мы не шли за гробомъ покойнаго и потому не видѣли, какія скорбныя фюзіоміи несли съ собою братцы, но, похоронивъ Жохова, они, по долгу христіанской любви, въ тѣхъ-же „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, откуда проводили его на тотъ свѣтъ, начали причитать похвальные панегирики умершему. Этого мало; когда „Отеч. Записки“ (см. № 9, „Наша соврем. литер. и общество“) указали братцамъ на ихъ фарисейскую роль въ дѣлѣ Жохова, одинъ изъ этихъ братцевъ (см. „Петербург. Вѣдомости“, № 268, Журналистика) началъ поучать своихъ бывшихъ пріятелей (когда они его печатали) понятіямъ о чести, обзывать ихъ „выдохшими-ся радикалами“, „Пошлепкиными дѣтьми“, и ужь, конечно, обозвалъ-бы еще хуже, если-бъ академическій словарь заключалъ въ

себѣ всѣ изрѣченія русскаго языка, употребляемыя на конной площади. Вы что, говорить расходившійся братецъ, — вы ничто иное, какъ ташкенцы четырехъ №-ровъ, а мы, Буренинъ и К^о, только и спимъ, и видимъ высокое призваніе публичнаго дѣятеля. «Нашимъ противникамъ, выкликаеть братецъ, — не удавалось до сихъ поръ подорвать, въ глазахъ общества, нашъ моральный кредитъ *въ прямой борьбѣ съ нашими литературными мнѣніями*». Но, позволите, могутъ спросить «Пошлепкины дѣти»,—вы не отвѣтили намъ на первый вопросъ: какія у васъ бываютъ литературныя мнѣнія, когда ваши рукописи принимаются, и какія, когда ихъ возвращаютъ назадъ? Точно также вамъ слѣдовало-бы отвѣтить одному изъ вашихъ противниковъ, нѣкогда избличавшему васъ въ томъ, что вы одни мнѣнія носите въ одну газету, а другія въ другую. Вы, конечно, не забыли, какія мнѣнія у васъ были, когда Писаревъ живъ былъ, и какія, когда онъ умеръ? Люди съ мнѣніями не осуждаютъ, когда ихъ не печатаютъ, и не хвалятъ, когда ихъ печатаютъ; однимъ словомъ, люди съ мнѣніями не торгуютъ своими отзывами, какъ торгуете вы. Поэтому, о какой-же чести вы вздумали трактовать? Развѣ только о той, которая слыветъ за честь у чугуевскихъ унтеръ-офицеровъ. А между тѣмъ, вы не стоили-бы ни одного печатнаго слова, если-бъ въ васъ не выражалась современная черта общественныхъ нравовъ.

Но мы предоставимъ братцевъ ихъ собственному самосѣденію, которое рано или поздно должно совершиться.

ФАРИСЕЙСТВУЮЩАЯ НЕУМЪЛОСТЬ.

(Нѣсколько словъ о «новыхъ» критическихъ приемахъ «Вѣстника Европы»).

Недавно отпечатанный въ русскомъ переводѣ романъ Оскара Пю („Тайны палермскихъ монастырей“, историческій романъ, переводъ съ итальянскаго И. А. Петрова, Спб., 1872 г.) имѣлъ несчастье не понравиться какому-то исправляющему должность помощника рецензента въ „Вѣстникѣ Европы“, печатающему свои безсмертные труды на обложкѣ журнала. Если я, какъ переводчикъ романа Пю, покорнѣйше прошу редакцію „Дѣла“ дать на своихъ страницахъ скромное мѣсто этимъ немногимъ замѣчаніямъ, то не потому, чтобы подобныя рецензіи стоили какого-нибудь вниманія и траты времени, но для того, чтобы показать читающей публикѣ, какъ много самаго забавнаго комизма и криводушія въ журналѣ, имѣющемъ такія ужасныя претензіи на серьезность и добросовѣстность.

Редакція „Вѣстника Европы“ — пусть извинитъ меня весьма непочтенный quasi-рецензентъ, лично къ нему я не буду относиться до тѣхъ поръ, пока онъ не выступитъ противъ меня въ болѣе благопристойномъ мѣстѣ, чѣмъ обложка, — редакція „Вѣстника Европы“ храбро напускается и на автора, и на переводчика романа Оскара Пю: она ставитъ первому, главнымъ образомъ, въ укоръ, что романъ его написанъ съ цѣлью возбудить патріотическія чувства въ его соотечественникахъ. Дѣйствительно, очень жаль, если онъ задался этой цѣлью, вмѣсто того, чтобы ухватиться за болѣе похвальной цѣль—преподать своимъ соотечественникамъ иную мораль, которой держится редакція „Вѣстника Европы“ и которая выражается въ пословицѣ: *и нашимъ, и вашимъ*. Но почему ро-
„Дѣло“, № 9.

манъ Піо представляется ученой редакціи только „патріотической попыткой“, почему было не придти къ болѣе естественному и правильному заключенію, что авторъ хотѣлъ изобразить въ связной, цѣльной, исторически-вѣрной картинѣ великую эпоху возрожденія Италіи съ ея болѣе крупными дѣятелями, съ ея тайными и явными импульсами и побужденіями? Отвѣтъ тотъ, что журналъ, печатающій въ отдѣлѣ беллетристики довольно убогія ученическія упражненія въ родѣ, напр., „Отца Варфоломея“ или хватающійся только за тѣхъ иностранныхъ авторовъ, репутація которыхъ въ русской публикѣ сдѣлана стараніями другихъ издателей, — таковой журналъ можетъ показать только самую забавную безтактность, когда примется судить и рядить о достоинствѣ беллетристическихъ произведеній. Это какъ нельзя лучше подтверждается послѣдующими словами отзыва: „въ наше время этотъ родъ литературы сдѣлалъ такой успѣхъ, что въ романѣ О. Піо неприятно поражаютъ старыя приемы“... Какой родъ? Историческій романъ, что-ли? Въ какое наше время — въ послѣднее десятилѣтіе? Представители историческаго романа въ итальянской литературѣ — Манцони, Гверацци, Канту, Розини, Гросси, д'Азельо, Фанфани. Всѣ они давнымъ-давно прочитаны и забыты; всѣ произведенія ихъ болѣе или менѣе выкроены по образцу романа Ал. Манцони („I Promessi Sposi“), извѣстнаго всему европейскому грамотному міру, хотя, собственно говоря, и Манцони въ дѣлѣ романа не выдумалъ никакихъ новыхъ приемовъ. О послѣдователяхъ его школы и говорить нечего. Но редакція „Вѣстника Европы“ никогда и ничего не читала „въ этомъ родѣ“ и всего менѣе читала книгу, о которой взялась писать отзывъ. Тамъ, въ предисловіи переводчика, была проведена разница между романомъ О. Піо и произведеніями исторической школы: почтенная редакція обошла мимо это предисловіе. Это, впрочемъ, не рѣдкость въ наше время даже у такихъ педантовъ, какъ *мертвые*, погребавшіе *мертвыхъ*, „Вѣстника Европы“.

Накидываясь затѣмъ на переводчика, редакція „Вѣстника Европы“ не придумала ничего лучшаго и болѣе честнаго, кромѣ бессмысленнаго выдергиванья изъ разныхъ мѣстъ книги отдѣльных словъ и умышленнаго перевиранья одной фразы, очевидно, считая этотъ подвигъ изумительно „новымъ“ критическимъ приемомъ. Еслибы, напр., я захотѣлъ употребить то-же оружіе, то, передистывая

на удачу хоть-бы сентябрьскую книжку „Вѣстника Европы“, могъ-бы повытаскать разные курьезы, какъ *антиминація*, *огульно*, залѣзть въ свою *амбарушку*, *заимствовать съ помощью займовъ*, *скупать большого тюрбо*, сладостное *предвѣденіе невѣдомаго*, *разинтванный быкъ* и т. д., и т. д. Такая мозаика скучна уже потому, что могла-бы затянуться на цѣлый день, а не всякій можетъ такъ щедро жертвовать своимъ досугомъ для личнаго и совершенно бесполезнаго времяпровожденія, какъ рецензенты, работающіе для журнальныхъ обложекъ. Далѣе цѣломудренная редакція набрасывается на меня за то, что у автора, а слѣдовательно и у переводчика, палермскіе графы и князья, т. е. люди, проводящіе жизнь въ кутежахъ и дебошахъ, въ разговорахъ между собою выражаются нѣсколько вульгарно. „Вѣстникъ Европы“ полагаетъ почему-то, что господа такого высокаго разбора должны всегда говорить языкомъ конфетныхъ куплетцевъ, ибо — *la noblesse oblige...* Это невольно напоминаетъ не менѣе наивную диссертацию другого, такого-же слабовервнаго журнала о томъ, что король, выведенный въ романѣ Шпильгагена „Одинъ въ полѣ — не воинъ“, не имѣлъ никакого понятія о головныхъ насѣкомыхъ, — на зло прямому и недвусмысленному тексту подлинника. Можно было-бы, конечно, замѣтить здѣсь, что итальянскіе „*illustrissimi*“, не хуже любого лаццарони, въ извѣстныхъ житейскихъ положеніяхъ умѣютъ пощеголять самымъ циническимъ просторѣіемъ; можно было-бы доказать далѣе, что итальянскіе писатели вообще, не исключая и такихъ классическихъ, какъ Дантъ, — подчасъ любятъ принимать такой вульгарный тонъ, что онъ становится рѣшительно непереводимымъ россійской печатной благопристойностью, но... все это давнымъ-давно жевано-пережевано и, можетъ быть, ново только для редакціи „Вѣстника Европы“. Намъ непонятно только, почему эта редакція полагаетъ, что итальянскіе знатные шалопаи и шпіоны бурбонской полиціи должны выражаться конфетнѣе ученыхъ и историковъ въ „В. Е.“, у которыхъ вы можете читать, что поляки были въ смутномъ времени „съ боку припека“, что Заруцкій — „злодѣй“, что московскіе бояре — „мерзавцы“, что Стенька Разинъ — „извергъ рода человѣческаго“ и т. д.

Взаключеніе еще одно послѣднее сказаніе о томъ, какъ забавно приемы и обычаи заграничной прессы перерождаются у насъ на

Руси въ нѣчто отечественно-глупое. Г. Стасюлевичъ слышалъ, что нѣкоторые иностранные журналы печатаютъ на своей обложкѣ коротенькіе библиографическіе бюллетени. Покончивъ съ главнымъ дѣломъ, редакція журнала наскоро рекомендуетъ публикѣ изъ огромной массы напечатаннаго за послѣднее время то или другое, особенно стоющее вниманія, что по какимъ-бы то ни было причинамъ не могло или не успѣло найти мѣста въ болѣе обстоятельномъ отчетѣ на страницахъ журнала. Редакція „Вѣстника Европы“ полагаетъ, что ругаться весьма удобно и на обложкѣ или—становясь на ея точку зрѣнія—что въ этихъ коротенькихъ бюллетеняхъ слѣдуетъ рапортовать публикѣ и о тѣхъ книгахъ, которыхъ читать не стоитъ. Но зная, что такихъ книгъ у насъ кропается немало, редакція спѣшитъ сдѣлать довольно-глуповатую оговорку, что она указываетъ на настоящій переводъ „по рѣдкости явленія“—съ итальянскаго, молъ, переведено. Слѣдовательно, если-бы изъ печати вышла книга съ заглавіемъ: „Полный свотолкователь“, съ португальскаго, или: „Настольное руководство къ обращенію большими перстами въ часы умственнаго и физическаго кейфа“, съ ирокезскаго, — то такія творенія имѣютъ предпочтительное право на вниманіе книжниковъ и фарисеевъ „Вѣстника Европы“.

И. П.

АВТОРУ „МЕХАНИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ТЕПЛОТЫ“.

Въ майской книжкѣ журнала „Дѣло“ была помѣщена библиографическая статья о книгѣ г. Попова: „Механическая теорія теплоты“. Эта статья принадлежала мнѣ. Вслѣдъ за выходомъ книжки журнала я уѣхалъ изъ Петербурга и вернулся только недавно, а потому до послѣдняго времени ничего не зналъ о существованіи „отвѣта“ мнѣ г. Попова, появившагося въ № 5 журнала «Всемирный Трудъ». Случайно узнавъ объ этомъ отвѣтѣ, я, конечно, любопытствовалъ взглянуть на него, тѣмъ болѣе, что, по моему крайнему разумѣнію, автору „Механической теоріи теплоты“ слѣдовало-бы скорѣе благоразумно молчать, чѣмъ пускаться въ опроверженія и объясненія. Дѣло въ томъ, что г. Поповъ объясняетъ свои крупныя ошибки опечатками. На сколько добросовѣстенъ такой пріемъ, предоставляю судить читателямъ. И такъ-какъ я вовсе не намѣренъ отвѣчать на „отвѣтъ“ г. Попова, то прямо приступаю къ выясненію того вопроса, который служитъ цѣлью настоящей замѣтки.

Можно-ли сколько-нибудь серьезно относиться къ г. Попову, т. е. опровергать его взгляды, доказывать ему, входить съ нимъ въ какіе-либо споры?.. Такой вопросъ вытекаетъ прямо изъ того, что авторъ «Механической теоріи» обвиняетъ меня въ томъ, что я „обругалъ его“, „недоказавъ ложности его воззрѣній“... Тутъ-то и кроется недоразумѣніе, изъ этого-то и видно, что г. Поповъ не уразумѣлъ смысла моей рецензіи. Вступать съ кѣмъ-нибудь въ споръ значить, по моему мнѣнію, уважать до нѣкоторой степени своего противника. Доказывать ложность воззрѣній, значить признавать за ними нѣкоторое достоинство, признавать, что *они стоятъ* опроверженія, что съ авторомъ ихъ можно не соглашаться, но слѣдуетъ, во всякомъ случаѣ, относиться къ нему серьезно. Такъ обыкновенно и относятся къ людямъ, которые, уяснивъ себѣ что-нибудь, составивъ себѣ строго-научный взглядъ, рѣшаются изложить затѣмъ публикѣ свои собственныя выводы и размышленія. Къ сожалѣнію, у г. Попова нѣтъ ни собственныхъ идей, ни выводовъ, ни размышленій; что *собственно* принадлежитъ ему неотъемлемо—это такія ошибки и нелѣпости въ его книгѣ, которыя ему угодно называть опечатками. А чтобы убѣдиться въ справедливости нашего мнѣнія, достаточно пробѣжать его статью „Единство“, какимъ-то образомъ попавшую въ уважаемый нами журналъ. Въ этой статьѣ есть, на примѣръ, слѣдующаго рода *опечатка*:

Г. Поповъ на себя и пеняетъ, тѣмъ болѣе, что врядъ-ли у него повернется языкъ отнести нижеслѣдующія вещи къ опечаткамъ, или

назвать неточностью, потому что въ такомъ случаѣ вся его статья „Единство“, помѣщенная въ №№ 15 и 16 жур. „Сіяніе“, есть одна громадная опечатка, такъ-какъ она вся построена на этихъ и подобныхъ имъ фактахъ.

«Одна изъ тканей высшаго растительнаго организма, говоритъ г. Поповъ,—извѣстная подъ именемъ клѣтчатки состоитъ изъ двѣнадцати частей по вѣсу углерода, двѣнадцати частей водорода и двѣнадцати частей кислорода; виноградный сахаръ состоитъ изъ тѣхъ-же самыхъ простыхъ тѣлъ и содержитъ ихъ въ такомъ-же количествѣ» (см. «Сіяніе», № 15).

Все это должно отъ перваго и до послѣдняго слова. А вѣдь на этомъ построена тоже цѣлая теорія гипотезы, выраженная г. Поповымъ слѣдующими словами: «въ природѣ одинъ элементъ и изъ него выстроено и соткано все мірозданіе». Положеніе тоже *превосходно* доказанное и научное!.. Неправда-ли, г. Поповъ?.. Хоть-бы потрудились вы развернуть «краткій учебникъ минеральной и органической химіи», г. Роско; тамъ на стр. 320 вы увидите, что не только клѣтчатка и виноградный сахаръ не одного состава и что ни въ то, ни въ другое соединеніе углеродъ (С), водородъ (Н) и кислородъ (О) не входятъ въ показанной вами пропорціи по вѣсу, такъ какъ химическая формула клѣтчатки $C^6H^{10}O^5$, а виноградный сахаръ $C^6H^{12}O^6$, но что они принадлежатъ къ 2 различнымъ группамъ соединеній. Какъ-же, спрашивается, надо и можно относиться къ человѣку, котораго, по-школьному выраженію, можно срѣзать элементарными учебниками химіи и физики? Неужели серьезно?.. Далѣе въ той-же замѣчательной статьѣ, помѣщеніе которой въ „Сіяніи“ только и можно себѣ объяснить недосмотромъ редакціи, слишкомъ положившейся на г. Попова, — въ доказательство скороспѣлой гипотезы приводится тотъ фактъ, что «частица кислорода въ 16 разъ тяжелѣе частицы водорода». Ну, а что вы скажете, г. Поповъ, если вамъ докажутъ, что эта цифра (хотя она и приведена у Роско) берется только для круглаго счета и легкости запоминанія, а что, на самомъ дѣлѣ, по точному опредѣленію профессора Стаса, вѣсъ этотъ есть 15 съ очень большой десятичной дробью (точно ее теперь не помню). Годится-ли послѣ этого сколько-нибудь вашъ примѣръ?.. И послѣ этого, г. Поповъ хочеть, чтобы я серьезно относился къ его произведеніямъ, спорилъ съ нимъ «доказывая ложность его воззрѣній»... Но, вѣроятно, г. Поповъ согласится, по крайней мѣрѣ, съ тѣмъ, что *воззрѣнія* бываютъ результатомъ самостоятельной мысли и никогда не зарождались въ скорбныхъ головахъ такихъ *ученыхъ* мужей, какъ г. Поповъ.

В. Г. Дехтеревъ.

ПРИ ГЛАВНОЙ КОНТОРЪ ЖУРНАЛА

„ДЪЛО“

Адресоваться въ Главную контору журнала „ДЪЛО“, въ С.-Петербургъ, уголъ Надеждинской ул. и Манежнаго пер., д. № 39/5.

Вышелъ и продается третій и послѣдній выпускъ сочиненія

Ч. ДАРВИНА

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЧЕЛОВѢКА И ПОЛОВОЙ ПОДБОРЪ.

Съ рисунками. Перев. съ англійскаго подъ редакціей Г. Е. Благосвѣтлова. Изд. Редакціи журнала „ДЪЛО“.

Цѣна всѣмъ тремъ выпускамъ, составляющимъ около 80-ти печатныхъ листовъ, съ рисунками, 5 р. безъ перес.; съ перес. 5 р. 50 к. Цѣна третьему выпуску отдѣльно 2 р. безъ перес.; съ перес. 2 р. 30 к.

НВ. Въмѣсто ст. Т. Гексли: «Бритики Дарвина», общавайной, какъ приложеніе къ 3-му выпуску, редакция наша возможнымъ издать отдѣльную книжку съ портретомъ Ч. Дарвина и съ общимъ обзоромъ его дѣятельности. Книжка эта будетъ выпущена въ непродолжительномъ времени.

Городскимъ покупателямъ будетъ выдаваться эта книжка бесплатно, а иногороднихъ, желающихъ получить ее, просить выслать 50 к. на пересылку, изъ какой-бы то ни было мѣстности—деньгами или почтовыми марками.

Тамъ-же продаются слѣдующія изданія Редакц. журнала „Дѣло“.

О подчиненіи женщины. Соч. Дж. Ст. Милля. Перев. съ англійскаго подъ редакціей Г. Е. Благосвѣтлова. Изд. 2-е. Ц. 1 р. безъ перес. На пересылку—за 1 фунтъ.

Уроки элементарной физиологии, Томаса Гексли. Изданіе второе. Перев. съ англійскаго; съ предисловіемъ Д. И. Писарева. Около 100 рисунковъ. Ц. безъ пересылки 1 р. На пересылку—за 1 фунтъ.

Исторія Крестьянской войны въ Германіи. Д-ра В. Циммермана, составл. по лѣтописямъ и разговорамъ очевидцевъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Три тома, составл. болѣе 70-ти печ. ли-

ствоѣ. Изданіе второе. Ц. тремъ томамъ безъ перес. 2 р. На пересылку—за 3 фунта.

Одинъ въ полѣ—не воинъ. Романъ Фр. Шпильгагена, съ портретомъ автора и съ предисловіемъ: *Люди будущаго*—Г. Е. Благосвѣтлова. Два тома. Ц. 2 р. безъ перес. На пересылку — за 3 фунта.

Популярная гигиѣна. Настольная книга для сохраненія здоровья и рабочей силы въ средѣ народа. Соч. *Карла Реклама*. Изданіе третье. Съ приложеніемъ *Дѣтской гиѣны*, д-ра М. С. Зеленскаго и вступительной ст. В. О. Португалова „Безпредѣльность гиѣны“. Съ рисунками. Ц. 2 руб. На пересылку прилагается за 2 фунта

Комедія всемірной исторіи, Иог. Шерра. Историческій обзоръ событій съ 1848 по 1851 годъ. Перев. съ нѣм. Въ 2-хъ томахъ. 1-й томъ вышелъ вторымъ изданіемъ. Цѣна обоимъ томамъ 3 р. безъ перес. На пересылку — за 2 фунта. Отдѣльно первый выпускъ продается за 2 р. безъ перес.

Отъ Земли до Луны—97-мъ часовъ прямого пути. Жюль Верна. Перев. съ франц. Ц. безъ переплета 50 к.; а въ переплетѣ 1 р. На пересылку—за 1 фун.

Сочиненія Э. М. Толстаго. Съ предисловіемъ. Д. И. Писарева. Ц. двумъ томамъ 1 р. 50 к. безъ перес. На пересылку—за 2 фунта.

Усовершенствованіе и вырожденіе человѣч. рода. В. М. Флоринскаго. Ц. 50 коп. безъ перес.; съ перес. 80 к.

Печатаются и въ скоромъ времени выйдутъ слѣдующія книги:

Политическіе этюды Жака Лефрени. (Исторія Франціи. Политическіе портреты. Очерки политическихъ событій въ различныхъ странахъ). Въ 2-хъ томахъ, около 40 печат. листовъ. Цѣна 3 р. безъ перес.

Подписчикамъ на журналъ „Дѣло“, какъ и книгопродавцамъ, дѣлается уступка 20% съ вышеозначенныхъ цѣнъ. Пересылка считается особо.

У КНИГОПРОДАВЦА

Н. А. ШИГИНА.

Въ С.-Петербургѣ, по большой Садовой улицѣ, въ домѣ Пажескаго Корпуса, № 5.

Продаются слѣдующія книги:

Лѣсъ рубятъ—щепки летятъ. Романъ *А. Михайлова* въ двухъ частяхъ. Спб. 1871 года. Цѣна 2 руб. 50 к., съ пересылкою 2 р. 80 к.

Красота и здоровье женщины. *К. Реклама.* Перев. съ нѣмецкаго и **Основы жизни и физическое воспитаніе дѣвицъ.** *Е. Блекуэлла.* Перев. съ англійскаго. Спб. 1872 г. Цѣна 2 р., съ пересылкою 2 р. 25 к.

Исторія плебесцита. Разсказъ одного изъ 7,500,000 избирателей сказавшихъ: „Да“. Переводъ съ французскаго и **Джинесовъ младенецъ.** Политико-сатирическій разсказъ. Перев. съ англійскаго. Спб. 1872 года. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Историческіе этюды. *С. С. Шашкова.* 2 тома. Спб. 1872 г. Цѣна 2 р. 50 к., съ перес. 3 р. въ отличномъ переплетѣ 3 р. 25 к. съ перес. 3 р. 50 к.

Очеркъ исторіи русской женщины. *С. С. Шашкова.* Изд. исправленное и дополненное. Съ прибавленіемъ статьи **Русская проституція.** Спб. 1871 года. Цѣна 1 р. 75 к., съ перес. 2 руб.

Живая сила. Романъ *Фр. Герштеггера.* Переводъ съ нѣмецкаго. Спб. 1872 г. Цѣна 2 руб. съ пересылкою 2 р. 25 к.

Впередъ. Романъ *Фр. Шпилляена*. Въ двухъ частяхъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Спб. 1872 г. Цѣна 2 руб., съ перес. 2 р. 25 к.

Василия. 1374—1789. Историческій очеркъ. Тайны Бастилии.—Ея аресты.—Пытки.—Процессы.—Побѣги. Сочиненіе *А. Артульда, Альбоиза де-Пюжоль и Оюста Макэ*. Спб. 1872 года. Цѣна 3 р. 50 к., съ перес. 4 руб.

Швейцарія и швейцарцы. Соч. *Вильяма Генворта Диксона*. Съ присоединеніемъ его-же статьи: Учебныя заведенія въ Цюрихѣ. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей *А. Михайлова и Н. И. Шульгина*. Спб. 1871 года. Цѣна 1 руб. 25 к.

Очеркъ торговли московскаго государства въ XVI и XVII столѣтіяхъ. *Н. И. Костомарова*. Спб. 1862 г. Цѣна 1 р. 50 к.

ВЫШЛА И ПРОДАЕТСЯ ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МА-
ГАЗИНАХЪ КНИГА:

СТРОЕНІЕ И ЖИЗНЬ

ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО ТѢЛА

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

Соч. **КАРЛА РЕКЛАМА.**

Популярныя лекціи по фізіологіи. Цѣна 1 р.

БИБЛИОТЕКА И КАБИНЕТЪ ДЛѢ ЧТЕНІЯ

А. ТЮМЕНЕВОЙ-СИЛЬВЕРСВАНЪ

ВЪ МОСКВѢ, НА ВОЛХОНКѢ.

имѣютъ въ настоящее время около 5,500 названій книгъ, болшею частію принадлежащихъ къ новѣйшей русской и иностранной литературѣ, выписываетъ до 60 журналовъ и газетъ, снабжены Сводомъ законовъ Россійской Имперіи, необходимыми справочными книгами и кромѣ того постоянно пополняются вновь выходящими сочиненіями по всѣмъ отраслямъ литературы.

Подписная цѣна: отъ 25 коп. до 2 руб. сер. въ мѣсяцъ и отъ 2 до 16 руб. сер. въ годъ.

За чтеніе въ кабинетѣ—въ день 10 коп. сер., въ мѣсяцъ—75 коп. сер. и въ годъ 6 руб. сер. Подписчики 1, 2 и 3 абонемена пользуются чтеніемъ въ кабинетѣ бесплатно.

Также принимается подписка съ доставкою на домъ въ Москвѣ и съ пересылкою иногороднымъ.

Съ доставкою въ Москвѣ разъ въ недѣлю отъ 12 до 25 руб. сер. въ годъ и отъ 1 руб. 50 коп. до 3 руб. сер. въ мѣсяцъ; книгъ отпускается 8.

Съ пересылкою иногороднымъ разъ въ мѣсяцъ — 25 руб. сер. въ годъ и 3 руб. сер. въ мѣсяцъ; книгъ отпускается 10. Пересылка на счетъ библіотеки.

Воспитанникамъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній дѣлается разсрочка въ платежѣ.

Библіотека и кабинетъ для чтенія открыты ежедневно отъ 9 часовъ утра до 8 ч. вечера; по праздничнымъ-же днямъ — отъ 11 ч. утра до 4 ч. вечера.

Цѣна новому каталогу библіотеки, только-что вышедшему изъ печати, 40 коп. сер.

О всѣхъ вновь поступающихъ книгахъ въ библіотеку будетъ публиковаться ежемѣсячно.

А. Тюменова-Сильверсванъ.

БИБЛИОТЕКА И КАБИНЕТЪ ДЛЯ ЧТЕНІЯ Л. ЗУБЧАНИНОВОЙ,

БЫВШЕ А. ЧЕРЕНИНА.

Въ Москвѣ, на Рождественскѣ, въ домѣ Торлецкаго.

Отпускаются для чтенія на дождь русскіе книги и журналы. Цѣна за чтеніе: въ мѣсяць отъ 75 к. до 2 р., въ годъ отъ 6 до 16 р. Каталогъ библіотеки и условія подписки можно получить въ самой библіотекѣ. Цѣна каталога 65 к. Тамъ-же продаются съ значительной уступкой книги, вышедшія въ шестидесятихъ годахъ, въ новыхъ экземплярахъ.

	Первонач. цѣна. Р. К.	За уступ- кою. Р. К.	Съ пе- ресылк. Р. К.
Забѣлинъ. Очерки заграничной жизни	1 —	— 30	— 50
Гюйо, А. Земля и человѣкъ или физическая географія въ отношеніи исторіи человѣческаго рода	1 50	— 60	— 80
Книжничъ, библиографическій журналъ за 1865 г.	1 —	— 25	— 45
Ионсонъ, Я. Руководство къ виноку- ренію	5 —	2 50	3 —
Левитовъ. Степные очерки, т. 3	— 75	— 40	— 60
Шекспиръ, рассказанный дѣтямъ	— 75	— 25	— 40
Молешоттъ. Физиологическіе эскизы. Изд. 2-е	1 25	— 50	— 70
Мори. Сонъ и сновидѣнія. Психологи- ческія изслѣдованія и наблюденія	2 —	— 75	1 —
Прудонъ. Война и миръ. Изслѣдованіе о принципѣ и содержаніи международ- наго права. 2 тома	2 50	1 —	1 40
Сборникъ свѣдѣній по книжно-литера- турному дѣлу	1 50	— 50	— 75
Свявронскій. Очерки Москвы	— 50	— 10	— 30
Ушаковъ. Изъ купеческаго быта	— 50	— 10	— 30
Народныя связки, собранныя сель- скими учителями	— 55	— 20	— 40

Журналы за 1871 годъ: „Вѣстникъ Европы“, „Дѣло“, „За-
ра“, „Отечественныя Записки“ и „Русскій Вѣстникъ“, читанные
экземпляры, продаются за годъ по 7 р. 50 к., съ перес.

нравственности посредством акробатовъ. — Московская читальня. — Неумѣнне пользоваться своими правами. — Общественное самосознаніе, какъ признакъ умственной зрѣлости народа. — Критическое отношеніе общества къ своимъ недостаткамъ. — Источники нашего самосознанія: сатира, беллетристика и судебная хроника. — Процессъ по поводу смерти Жохова и поучительная сторона его. — Либерально-фарисействующая братія, играющая роль въ этомъ процессѣ.

XVIII. ФАРИСЕЙСТВУЮЩАЯ НЕУМѢЛОСТЬ. (Нѣсколько словъ о «новыхъ» критическихъ приемахъ «Вѣстника Европы») И. П.

XIX. АВТОРУ «МЕХАНИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ТЕПЛОТЫ». В. Г. ДЕХТЕРЕВА.

ПРИ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА

„ДѢЛО“

(въ С.-Петербургѣ, на углу Надеждинской улицы и Малезнаго пер., д. № 39—5)

ВЫШЛА И ПРОДАЕТСЯ НОВАЯ КНИГА:

О ПИТАНІИ

**ВЪ ФИЗИОЛОГИЧЕСКОМЪ, ПАТОЛОГИЧЕСКОМЪ и ТЕРАПЕВТИЧЕСКОМЪ
ОТНОШЕНІЯХЪ.**

СОЧИНЕНІЕ Д-РА ЖЮЛЯ СИРА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ А. Н. МОРИГЕРОВСКАГО.

Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

При этой книгѣ помѣщены слѣдующія объявленія: 1) объ изданіи журнала **Дѣло** въ 1873 году; 2) объ изданіяхъ редакціи журнала **Дѣло**; 3) отъ книгопродавца Н. А. Шигина; 4) о выходѣ новой книги: «Строеніе и жизнь человѣческаго тѣла»; 5) о библіотекѣ и кабинетѣ для чтенія А. Тюменева-Сильверсванъ и 6) о библіотекѣ и кабинетѣ для чтенія Л. Зубчаниновой.

ПОДПИСКА НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„Д Ъ Л О“

въ 1873 году

принимается въ С.-Петербургѣ, въ Главной конторѣ редакціи (по Надеждинской улицѣ, д. № 39), и у книгопродавцевъ:

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

Въ книжномъ магазинѣ М. О. Вольфа, на Невскомъ проспектѣ, по Гостинному двору, №№ 18, 19 и 20.

ВЪ МОСКВѢ:

Въ книжномъ магазинѣ П. Г. Соловьева, бывшій Базунова, на Страстномъ бульварѣ, въ д. Алексѣева.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

годовому изданію журнала „ДЪЛО“:

Безъ пересылки и доставки	14 р.
Съ пересылкою иногородн	15 » 50 к.
Съ доставкой въ С.-Петербургѣ	15 »

Подписная цѣна для заграничныхъ абонентовъ:

Пруссія и Германія—18 р.; Бельгія, Нидерланды и Придунайскія княжества—19 р.; Франція и Данія—20 р.; Англія, Швеція, Испанія, Португалія, Турція и Греція—21 р.; Швейцарія—22 р.; Италія—23 рубля.

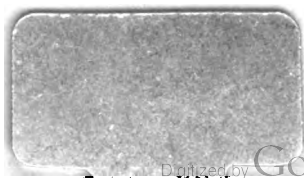
Для служащихъ дѣлается разсрочка, но не иначе какъ за поручительствомъ гг. казначеевъ.

Редакторъ-издатель Н. ШУЛЬГИНЪ.

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.

Please return promptly.

Widener Library

3 2044 079 302 022